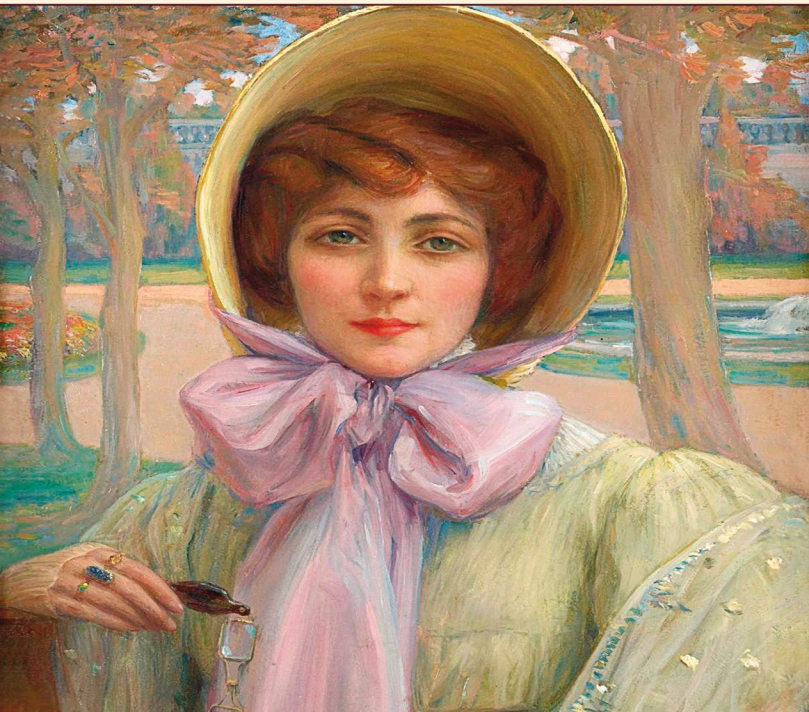
Библиотека Всемирной Литературы

Джейн Остен

Эмма. Любовь и дружба. Замок Лесли



Эмма. Любовь и дружба. Замок Лесли

Джейн Остин

Аннотация
Джейн Остен. Эмма. Любовь и дружба. Замок Лесли
Эмма
  Книга I
    Глава I
    Глава II
    Глава III
    Глава IV
    Глава V
    Глава VI
    Глава VII
    Глава VIII
    Глава IX
    Глава X
    Глава XI
    Глава XII
    Глава XIII
    Глава XIV
    Глава XV
    Глава XVI

- Глава XVII
- Глава XVIII

Книга II

- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV
- Глава V
- Глава VI
- Глава VII
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
- Глава XI
- Глава XII
- Глава XIII
- Глава XIV
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
- Глава XVIII

Книга III

- Глава I
- Глава II
- Глава III
- Глава IV

Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Любовь и дружба
Письмо первое
Письмо второе
Письмо третье
Письмо четвертое
Письмо пятое
Письмо шестое
Письмо седьмое
Письмо восьмое
Письмо девятое
Письмо десятое

Письмо одиннадцатое
Письмо двенадцатое
Письмо тринадцатое
Письмо четырнадцатое
Письмо пятнадцатое
Замок Лесли
Письмо первое
Письмо второе
Письмо третье
Письмо четвертое
Письмо пятое
Письмо шестое
Письмо седьмое
Письмо восьмое
Письмо девятое
Письмо десятое

Аннотация

Джейн Остен по праву считают первой леди английской литературы. Ее произведения обязательны для изучения во всех колледжах и университетах Великобритании. Ее книги являются признанными шедеврами и покоряют искренностью и простотой сюжета.

«Эмма» – самое едкое, самое точное и саркастичное из произведений писательницы, оно же – последнее, увидевшее свет при ее жизни. Эта история достаточно нетипичная: героиня не бедна, у нее все есть – хороший дом, любящий отец, состояние, нет только мужа. Но она и не торопится замуж, предпочитая устраивать судьбы своих подруг и знакомых и тем самым порой попадая впросак. При этом, занимаясь чужой личной жизнью, Эмма чуть не проглядела собственное счастье.

В издание также включены изящные и ироничные романы «Любовь и дружба» и «Замок Лесли».

Джейн Остен
Эмма. Любовь и дружба. Замок Лесли

© Столповская Е., перевод на русский язык, 2022
© Ливергант А., перевод на русский язык, 2022
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Эмма

Книга I
Глава I

Эмма Вудхаус, девушка привлекательная, смышленая и обеспеченная, наследница прекрасного поместья и обладательница веселого нрава, казалось, располагала всеми наилучшими дарами судьбы. Прожив уже почти двадцать один год, она не ведала ни горестей, ни печалей.

Младшая из двух дочерей самого любящего и во всем потакающего им отца, вследствие замужества старшей сестры она с юных лет стала хозяйкой дома. Матушка их умерла так давно, что Эмма едва ли помнила ее ласки. Девочкам нашли гувернантку — чудесную женщину, подарившую им поистине материнскую нежность.

Шестнадцать лет прожила мисс Тейлор в доме мистера Вудхауса, став не просто гувернанткой, но другом семейства и горячо полюбив его дочерей, а в особенности Эмму. С нею они стали близки как сестры. Даже еще исполняя обязанности воспитательницы, мисс Тейлор, будучи человеком от природы мягким, едва ли могла что-либо запрещать девочке. А теперь, когда

от призрачной власти ее над Эммой и вовсе не осталось следа, они сделались ближайшими подругами. Эмма высоко ценила мнение мисс Тейлор, однако же руководствовалась главным образом своим собственным, а потому поступала как ей вздумается.

Впрочем, в этом состояла и ее беда: склонность поступать чересчур своевольно и весьма высокое мнение о собственной персоне могли навлечь на нее множество бед. Но опасность эта между тем была так неприметна, что Эмма нисколько не считала такие качества за пороки.

Однако пришла в дом и печаль — но то была печаль светлая, а отнюдь не муки мрачного отчаяния. Мисс Тейлор вышла замуж. Расставание с ней и стало причиной скорби, дотоле Эмме неизвестной. В день свадьбы она впервые погрузилась в горестные раздумья. И вот торжество окончилось, гости разошлись, а отец и дочь остались обедать в одиночестве безо всякой надежды на то, что кто-то скрасит их долгий вечер. Мистер Вудхаус нашел успокоение в привычном послеобеденном сне, а Эмме оставалось лишь сидеть и размышлять о своей утрате.

Для ее дорогой подруги событие это обещало стать началом счастливой семейной жизни. Ми-

стер Уэстон был человек подходящего возраста, с блестящей репутацией, приличным достатком и прекрасными манерами. Конечно, Эмме льстила мысль о том, с какой самоотверженностью и с каким благородством она всегда поощряла эту партию, желая мисс Тейлор лучшего и отрекшись от собственных интересов. Осознавая, как же тяжко ей будет без сердечной подруги каждый час каждого дня, Эмма вспоминала всю ту доброту и любовь, что мисс Тейлор подарила ей за шестнадцать лет. В памяти ее проносились детские воспоминания о том, как гувернантка неустанно заботилась о ней: не жалея сил, учила и развлекала ее в здравии, терпеливо нянчилась с ней во время всяческих детских болезней. За это одно Эмма была безмерно ей благодарна, но еще ближе и дороже ей стали воспоминания последних семи лет. После переезда ее старшей сестры Изабеллы они остались вдвоем и зажили на равной ноге как близкие и искренние подруги. Лишь немногие могли похвастать такой компаньонкой, как мисс Тейлор: образованная, начитанная, отзывчивая, кроткая, она знала все тонкости семейного быта Вудхаусов и принимала все их заботы как свои, а в особенности все, что касалось Эммы, все ее отрады и затеи. С такой дорогой подругой можно

было поделиться любой своей мыслью, не боясь осуждения или порицания.

И как же ей теперь справиться с такой переменой? Конечно, дом Уэстонов находился всего в полумиле от поместья Вудхаусов, однако Эмма понимала, что велика будет разница между миссис Уэстон за полмили и мисс Тейлор непосредственно в их доме. Теперь, несмотря на многочисленные дары, которыми наделили Эмму природа и семья, ум ее был обречен на муки одиночества. Сколь нежно бы она ни любила отца, в достойные собеседники он ей не годился ни в разговорах серьезных, ни в шутливых.

Различие возрастов (а женился мистер Вудхаус довольно поздно) немало усугублялось несхожестью их нравов и привычек. В силу ипохондрической натуры и малодеятельного образа жизни он казался гораздо старше своих лет, и хотя за доброе сердце и приветливый характер все его любили, никакими особыми талантами он похвастать не мог.

Что до сестры Эммы, то, выйдя замуж, она переехала в Лондон. Разделяли их всего каких-то шестнадцать миль, однако то было расстояние чрезмерно великое для ежедневных встреч. Много еще долгих осенних вечеров предстояло

пережить Эмме до Рождества, когда их общество скрасит приезд Изабеллы с семейством и дом вновь оживет.

Несмотря на собственную лужайку, собственные кустарниковые аллеи и даже собственное имя, Хартфилд, родовое поместье Вудхаусов, считался частью Хайбери — большой деревни, по количеству жителей ничем не уступавшей некрупному городку. Однако и среди них не находилось для Эммы достойного компаньона. Вудхаусы здесь были самым знатным семейством, и все перед ними благоговели. Конечно, у нее водилось немало хороших знакомых, поскольку мистер Вудхаус был ко всем неизменно дружелюбен, но все же никто не мог заменить мисс Тейлор даже на полденечка. Потому подобные перемены в их доме и печалили Эмму: теперь ей оставалось лишь вздыхать и мечтать о несбыточном, пока отец дремлет. При нем она надевала маску бодрости, поскольку тот, будучи человеком нервическим и по природе своей склонным к унынию, сильно нуждался в душевной поддержке. Мистер Вудхаус легко привязывался ко всем, с кем часто проводил время, и тяжело переживал расставание с ними; к тому же он терпеть не мог перемен. Брак как причину таких перемен

он считал явлением особенно неприятным. О замужестве своей дочери он всегда говорил с сочувствием, невзирая на то что это был брак по любви. И теперь, не оправившись еще от разлуки с Изабеллой, он расставался и с мисс Тейлор. Исходя из своей легкой эгоистичности, мистер Вудхаус и представить не мог, что чувства других людей могут отличаться от его собственных, а потому был уверен, что мисс Тейлор опечалена событием не меньше него и была бы гораздо счастливее, оставшись в Хартфилде и спокойно прожив там все оставшиеся дни. Стараясь отвлечь его от подобных мыслей, Эмма улыбалась и непринужденно болтала о том и о сем, однако за чаем мистер Вудхаус все же повторил точь-в-точь то же, что сказал и за обедом:

— Бедняжка мисс Тейлор! Ах, если бы она была сейчас с нами. Как жаль, что она так приглянулась мистеру Уэстону!

— Никак не могу с вами согласиться, папá, и вы это прекрасно знаете. Мистер Уэстон — человек столь добродушный, обходительный и благородный, что точно заслуживает такую прекрасную жену, как мисс Тейлор. И вы, разумеется, не пожелали бы ей навеки остаться тут с нами и терпеть все мои причуды, когда она могла бы иметь соб-

ственный дом?

— Собственный дом! Да какой толк в собственном доме? Наш-то раза в три побольше будет. А причуд у тебя, голубушка моя, нет никаких.

— Мы станем часто навещать их, а они — нас! Будем видеться каждый день! И начать эту традицию следует нам: нанесем новобрачным визит в ближайшее же время.

— Душа моя, как же я выдержу такой путь? Рэндаллс столь далеко, я и половины пути не пройду.

— Папа, ну что вы, никто и не заставляет вас идти пешком. Поедем в экипаже, разумеется.

— В экипаже! Да разве же Джеймс согласится запрягать лошадей ради такого малого расстояния? И где им стоять, пока мы сидим в гостях?

— В конюшнях мистера Уэстона, папа. Мы ведь вчера с ним уже обо всем договорились. А что до Джеймса, так будьте уверены: в Рэндаллс он всегда с радостью, там ведь в горничных служит его дочь. Я скорее боюсь, что он теперь никуда больше нас возить и не захочет. И все благодаря вам, папа. Никто и не подумал нанять Ханну, пока вы ее не порекомендовали. Джеймс теперь так вам обязан!

— Да, я и сам рад, что вспомнил о ней. Удачно

все сложилось. Не хотелось бы, чтобы Джеймс думал, будто мы им пренебрегаем. А из Ханны, я уверен, получится отличная служанка. Она девушка вежливая, учтивая, я о ней самого лучшего мнения. Всякий раз при встрече со мной она делает реверанс и очень любезно справляется о моем здоровье. Когда ты приглашала ее шить, я заметил, что она никогда дверью не хлопает, а закрывает ее аккуратно, поворачивая ручку как следует. Да, я уверен, служанка из нее выйдет прекрасная, а уж как рада будет бедная мисс Тейлор увидеть хоть какую-то знакомую душу. А Джеймс, навещая дочку, будет рассказывать в Рэндаллсе, как мы тут поживаем.

Не жалея сил, Эмма старалась поддерживать столь счастливый поток мыслей и надеялась, что за игрой в триктрак они благополучно протянут остаток вечера, а сожаления останутся лишь у нее одной. Уже и игральный столик был разложен, как вдруг пришел гость, и всякая надобность в играх пропала.

Мистер Найтли, рассудительный мужчина лет тридцати семи или восьми, был не только давним и близким другом семейства, но даже и состоял с ними в родстве как старший брат мужа Изабеллы. Жил он примерно в миле от Хайбери

и был у них гостем частым и желанным. А тем более желанным в этот вечер: пробыв несколько дней в Лондоне у их общих родных, он приехал домой к позднему обеду и теперь пришел в Хартфилд сообщить, что на Брансуик-сквер все в добром здравии. Появление гостя на некоторое время оживило мистера Вудхауса. Веселый нрав, свойственный мистеру Найтли, всегда мог его приободрить. Получив подробные ответы на все свои вопросы о «бедняжке Изабелле» и ее детках, мистер Вудхаус с благодарностью отметил:

— Как любезно с вашей стороны, мистер Найтли, что вы смогли навестить нас в столь поздний час. Боюсь, прогулка была не из приятных.

— Отнюдь, сэр. Вечер выдался замечательный: лунный и очень теплый. Я даже, пожалуй, отодвинусь подальше от камина.

— Но там, должно быть, очень сыро и грязно. Как бы вам не простудиться.

— Грязно, сэр? Посмотрите на мои туфли. Ни пятнышка!

— Надо же! Это, признаться, очень удивительно после такого-то ливня, как у нас тут был. С утра целых полчаса лило как из ведра. Я даже подумал, не стоит ли отложить свадьбу.

— К слову сказать, я ведь вас еще не поздравил.

Представляю себе, какого рода радость вы оба, должно быть, испытываете, так что не буду спешить со всякими пожеланиями. Как все прошло? Терпимо? Как вы держались? Кто больше всех плакал?

— Ах, бедная мисс Тейлор! Как это все печально.

— С вашего позволения, уместнее было бы сказать «бедные мистер и мисс Вудхаус», но уж точно не «бедная мисс Тейлор». При всем моем уважении к вам и Эмме, однако речь идет о положении зависимом или независимом!.. В любом случае, я полагаю, угождать одному лучше, чем двоим.

— Особенно когда кое-кто из этих двоих — такое капризное надоедливое создание! — игриво заметила Эмма. — Это ведь вы хотели сказать? И сказали бы, не будь тут моего папеньки.

— Да, голубушка моя, ты права, — вздохнул мистер Вудхаус. — Боюсь, я и впрямь бываю капризным и надоедливым.

— Мой дорогой папа! Неужто вы думаете, что я или мистер Найтли и впрямь могли так говорить о вас? Какой кошмар! О нет, нет! Речь идет обо мне. Мистер Найтли любит подмечать мои недостатки — в шутку, конечно же, все это в шутку. Мы всегда говорим друг другу что вздумается.

В сущности, лишь немногие находили недостатки в Эмме Вудхаус, и только мистер Найтли ей на них указывал. Конечно, Эмма и сама от этого особого удовольствия не получала, однако отец ее мог расстроиться еще больше, а потому она не спешила разуверять его в том, что для всех окружающих его дитя — само совершенство.

— Да, я никогда не льщу Эмме, — согласился мистер Найтли. — Однако же сейчас я хотел сказать лишь то, что теперь мисс Тейлор придется угождать одному человеку, а не двум. Думается мне, что она от нового положения только выиграет.

— Итак, вы желали услышать про свадьбу, и я вам с радостью поведаю, — поспешила вернуться к вопросу мистера Найтли Эмма, дабы уйти от этого разговора. — Все вели себя как нельзя лучше: приехали вовремя и в лучших нарядах. Никто не проронил ни слезинки, и едва ли кто-то унывал. Отнюдь, ведь все помнили: разделять нас будет всего полмили, а значит, сможем видеться каждый день.

— Моя милая Эмма всегда все выносит с такой стойкостью, — сказал мистер Вудхаус. — Но на самом деле, мистер Найтли, ей ведь очень грустно расставаться с мисс Тейлор, и я уверен, что она будет скучать по ней сильнее, чем предполагает.

Эмма отвернулась, с трудом улыбаясь и едва сдерживая слезы.

— Разумеется, Эмма будет скучать по такому другу, — ответил мистер Найтли. — Было бы несправедливо по отношению к ней предположить обратное. Но она осознает, как много преимуществ может принести мисс Тейлор этот брак и как важно для женщины ее возраста обзавестись собственным домом и приличным достатком. А посему лучше праздновать, а не печалиться. Все друзья мисс Тейлор могут лишь порадоваться, как удачно она вышла замуж.

— Вы позабыли, что у меня есть и другие причины для радости, и весьма существенные! — добавила Эмма. — Ведь это я свела их вместе и четыре года прочила этот брак. Все вокруг твердили, что, мол, мистер Уэстон никогда больше не женится. Но наконец все свершилось — вот и мое утешение.

Мистер Найтли неодобрительно покачал головой, а мистер Вудхаус нежно ответил:

— Ах, голубушка моя. Не своди, пожалуйста, больше никого и ничего не предсказывай, а то у тебя всегда все сбывается. Прошу, не устраивай больше браков!

— Для себя не буду, папа, обещаю. Но я обязана

трудиться во благо других. Это увлекательнейшее занятие! Да еще и после такого успеха! Да, все твердили, что мистер Уэстон никогда больше не женится. Ни за что! Ведь мистер Уэстон уж столько лет живет вдовцом и отлично справляется без жены, вечно занят делами в городе или проводит время здесь, с друзьями, всегда в веселом расположении духа, всегда желанный гость в любом доме — ему и не приходится просиживать вечера в одиночестве, разве что он сам того пожелает. Нет-нет! Мистер Уэстон ни за что не женится вновь. Поговаривали о каком-то там зароке, который он дал уходящей в последний путь жене, а кто-то выдумывал всякие сплетни про то, что ему не позволят ни дядя, ни сын. И всякая подобная чушь, но я ни словечку не поверила. Как сейчас помню тот день, когда мы с мисс Тейлор повстречали его на Бродвей-Лейн. Внезапно начался дождь, и мистер Уэстон очень любезно раздобыл для нас зонтики у фермера Митчелла. Тогда-то, четыре года назад, я все и решила. С того самого момента я задумала сватовство. А теперь, папа, когда я справилась с таким успехом, неужели я могу не помочь и другим?

— Не понимаю, о каком это «успехе» вы говорите, — заметил мистер Найтли. — Успех

предполагает усилия. Достойно же вы провели последние четыре года, если все это время хлопотали об их браке. Подходящее занятие для юной девицы! Однако подозреваю, что, как вы говорите, «сватовство» происходило таким образом: вы подумывали об этом в праздную минутку да приговаривали: «Ах, как здорово было бы, чтобы наша мисс Тейлор и мистер Уэстон поженились!» В чем же тут успех? В чем ваша заслуга? Чем вы гордитесь? Догадка ваша оказалась удачной — только и всего.

— А вам что же, неизвестны блаженство и триумф удачной догадки? В таком случае мне вас жаль: я полагала, вы человек более тонкого ума. Ведь для удачной догадки одного везения мало, здесь нужен особый талант. А что до несчастного моего слова «успех», на которое вы вдруг так взъелись, то не вижу причин его не использовать. Вы обрисовали две крайности, однако же я считаю, что есть место и для третьей картинки — золотой середины между полным бездействием и бурной деятельностью. Не поощряй я визиты мистера Уэстона в Хартфилд, не подавай я ему мелкие намеки и не улаживай я небольших помех, то, может, ни до какой свадьбы дело бы и не дошло вовсе. Полагаю, вы достаточно знакомы с

устройством Хартфилда, чтобы это понимать.

— Такой прямой и открытый мужчина, как Уэстон, и такая рациональная и искренняя женщина, как мисс Тейлор, наверняка справились бы сами. А вмешательство ваше скорее навредило вам самим, чем принесло хоть какую-то пользу им.

— Эмма никогда не думает о себе, если может помочь другим, — вновь вступил в беседу мистер Вудхаус, хоть и понимал ее лишь отчасти. — Но, милая, прошу тебя, не сводничай больше. Брак — вещь совершенно глупая, он разрывает домашний круг и приносит одни горести.

— Я непременно должна помочь хотя бы одному нашему другу, папа, мистеру Элтону. Бедняжка мистер Элтон! Папа, тебе ведь нравится мистер Элтон. Я обязательно должна подыскать ему достойную жену, но в Хайбери подходящих девушек нет. А ведь он здесь уже целый год и так прекрасно обставил свой дом, что грех было бы и дальше оставлять его в холостяках. Сегодня, соединяя руки жениха и невесты, он так на них смотрел, будто и сам не прочь уже оказаться на том же месте со своей избранницей! Я о нем самого высокого мнения и только так могу хоть чем-то ему помочь.

— Мистер Элтон, вне всяких сомнений, приятнейший молодой человек, и я к нему очень хорошо отношусь. Но если ты и хочешь оказать ему какую-то услугу, душа моя, то лучше просто пригласи к нам на обед. Так-то будет куда лучше. Думаю, мистер Найтли любезно согласится к нам присоединиться.

— С удовольствием, сэр, — ответил мистер Найтли, посмеиваясь, — и я полностью с вами соглашусь: так будет куда лучше. Эмма, пригласите его в Хартфилд отобедать. Угостите вашими лучшими рыбными и куриными блюдами, но выбор собственной жены оставьте на его вкус. Уж поверьте, мужчина двадцати шести — двадцати семи лет способен решать такие вопросы самостоятельно.

Глава II

Мистер Уэстон родился в Хайбери и происходил из уважаемой семьи, последние два-три поколения которой постепенно обзавелись имуществом и вошли в аристократический круг. Он получил хорошее образование, но, рано унаследовав скромное состояние, обыденными делами, в отличие от своих братьев, заниматься не поже-

лал. Обладая живым, бодрым умом и по-светски активным нравом, он поступил на службу в сформированную в ту пору милицию графства.

Капитан Уэстон был всеобщим любимцем, а потому, когда обстоятельства военной жизни свели его с мисс Черчилль из знатного йоркширского семейства и мисс Черчилль влюбилась в него, никто и не удивился, за исключением ее брата с женою. Они капитана Уэстона никогда не видели, но чрезвычайно гордились своим важным положением, которое подобный брак мог лишь оскорбить.

Однако мисс Черчилль, будучи совершеннолетней и полноправной распорядительницей личного состояния, хоть и довольно скромного по сравнению с родовыми богатствами семьи, настояла на своем, и брак состоялся, к чрезмерному унижению мистера и миссис Черчилль. Они разорвали с ней все связи, соблюдая лишь внешние приличия. Союз этот был не самым удачным и не принес особенного счастья. Повезло больше миссис Уэстон, ведь супруг ее, вследствие своего мягкого характера и доброго сердца, был вечно благодарен за ее любовь; у миссис Уэстон же характер был не из лучших. Ей хватило духу пойти против воли брата, однако от сожалений по по-

воду его беспричинного гнева она удержаться не могла. К тому же хоть и жили Уэстоны на широкую ногу, но все же с роскошью дома Черчиллей сравниться это не могло. Мужа она любила, однако мечтала быть и женой капитана Уэстона, и мисс Черчилль из имения Анском.

Все, а особенно Черчилли, полагали, что капитану Уэстону невероятно повезло составить такую партию, однако же на деле все сложилось иначе: за время семейной жизни состояние его заметно уменьшилось, через три года миссис Уэстон умерла, а капитан остался с ребенком на руках. Впрочем, от расходов по содержанию сына он вскоре был избавлен. И появление мальчика, и продолжительная болезнь его матери способствовали примирению с мистером и миссис Черчилль; а поскольку ни своих детей, ни других юных родственников, нуждающихся в заботе, у тех не было, то вскоре после смерти миссис Уэстон чета предложила принять на себя все заботы о племяннике Фрэнке. Справедливо предположить, что овдовевший отец некоторое время колебался и испытывал угрызения совести, однако, поразмыслив, все же отдал сына на попечение в заботливую и богатую семью Черчиллей — теперь ему оставалось тревожиться лишь о

собственном благополучии и процветании.

Капитан Уэстон решил полностью переменить свою жизнь. Он ушел в отставку и занялся торговлей. Его братья уже преуспели на этом поприще в Лондоне, что немало помогло ему в начинаниях. Забот было как раз в меру. Большую часть досуга мистер Уэстон проводил в своем небольшом домике в Хайбери, и так и прожил он безбедно следующие восемнадцать-двадцать лет, за полезным занятием и в приятном обществе. За это время он поправил состояние настолько, что смог приобрести небольшое имение рядом с Хайбери, жениться на бесприданнице вроде мисс Тейлор и жить согласно велениям своей дружелюбной и общительной натуры.

О женитьбе он подумывал уже некоторое время, но пылкость молодости успела в нем остыть, и потому привязанность к мисс Тейлор не поколебала планов купить прежде Рэндаллс — об этом думал он уже не первый год. Мистер Уэстон упрямо шел к своим целям, пока не достиг каждой из них. Он поправил состояние, купил дом и женился; теперь его ждал новый период жизни, обещавший невиданное дотоле счастье. Не сказать, чтобы капитан был несчастлив до этого — даже в первом браке особый склад харак-

тера уберег его от сожалений; однако же второму браку суждено было показать, как прекрасно жить с женщиной рассудительной и поистине добродушной, как приятно выбирать, а не быть выбранным, получать благодарность, а не чувствовать ее.

Поступать он мог как ему пожелается, ведь от него никто не зависел: из Фрэнка растили не просто негласного преемника — он, можно сказать, был Черчиллями усыновлен, и по совершеннолетии ему предстояло взять их фамилию. Посему представлялось крайне маловероятным, что Фрэнку когда-либо понадобится денежная помощь отца. Насчет сына и его безбедного будущего у мистера Уэстона не было никаких опасений. Миссис Черчилль была женщиной своенравной, а мистер Черчилль полностью подчинялся воле супруги; однако мистеру Уэстону трудно было вообразить, чтобы из какой-либо прихоти она причинила вред человеку столь для нее дорогому, и, как полагал мистер Уэстон, дорогому заслуженно. Он каждый год виделся с сыном в Лондоне и гордился, что тот вырос столь прекрасным молодым человеком, а его нежные рассказы о Фрэнке заставляли гордиться и весь Хайбери. Поскольку принимался он там за своего, то и все

его заслуги и будущая судьба также становились заботой всеобщей.

Мистер Фрэнк Черчилль стал для Хайбери сродни предмету гордости, и все сгорали от желания увидеть его, однако ж любопытство это было, как видно, невзаимным, ведь сам он в Хайбери ни разу не появлялся. Не раз поговаривали о его приезде, но в гости к отцу он так и не собрался.

Теперь же, когда мистер Уэстон женился, все сходились на том, что его сын просто обязан оказать должное внимание и нанести визит. Жители Хайбери твердили об этом в один голос, будь то миссис и мисс Бейтс в гостях у миссис Перри или миссис Перри за чаем у миссис и мисс Бейтс. Настало время Фрэнку Черчиллю приехать в Хайбери, и надежда на то окрепла, когда выяснилось, что он отправил свои поздравления новоиспеченной миссис Уэстон. Несколько дней кряду любезное письмо это обсуждалось во время всех утренних визитов.

— Вы, я полагаю, слышали, какое любезное письмо написал мистер Фрэнк Черчилль миссис Уэстон? Мистер Вудхаус его читал и кое-что мне пересказал. И впрямь письмо чудесное! Он говорит, что в жизни такого любезного письма не видывал!

Письмо и вправду имело для миссис Уэстон большое значение. Она и без того составила о молодом человеке весьма благосклонное мнение, а такое проявление внимания лишний раз подтверждало его добрые намерения и в самом приятном смысле дополняло многочисленные пожелания и поздравления со свадьбой. Миссис Уэстон чувствовала себя счастливейшей женщиной на свете, и опыт лет подсказывал ей, что так же думали и все вокруг. Счастье ее омрачало лишь расставание с дорогими друзьями, которые ее так сильно любили и которым разлука сия давалась столь трудно.

Она знала, что по ней будут скучать, и не могла без боли в сердце подумать о том, чтобы Эмма лишилась какого-либо удовольствия или хоть на часик заскучала без ее компании. Однако же благодаря своему сильному характеру ее милая Эмма легче справлялась с трудностями, чем справлялось бы большинство девиц на ее месте, здравый смысл и сила духа помогали ей пережить мелкие жизненные трудности и лишения. К тому же все обстоятельства располагали к частым встречам: и добрый нрав мистера Уэстона, и такой близкий путь от Хартфилда до Рэндаллса, как раз подходящий для небольшой прогулки даже в одиночку.

Так что и с наступлением холодов они смогут проводить многие вечера вместе.

Миссис Уэстон была бесконечно благодарна судьбе и лишь изредка предавалась сожалениям. Она была не просто довольна, но счастлива, и счастье это казалось таким очевидным, что Эмма, хоть и была хорошо знакома с причудами отца, поражалась, как он по-прежнему всякий раз причитает о «бедняжке мисс Тейлор», уходя из гостей и оставляя ее в тепле и уюте домашнего очага в Рэндаллсе или провожая любящую чету к их собственной карете в Хартфилде. Всякий раз мистер Вудхаус тихо вздыхал и говорил:

— Бедняжка мисс Тейлор! Наверняка ей так хочется остаться.

Но мисс Тейлор было уже не вернуть, а значит, сохранялась и причина ее жалеть; и все же спустя несколько недель мистер Вудхаус смог испытать некоторое облегчение. Соседи наконец перестали докучать ему поздравлениями со столь горестным событием, а свадебный торт, немало его удручавший, был полностью съеден. Сам мистер Вудхаус жирную пищу есть не мог и, по обыкновению, полагал, что беда это общая. Раз что-то вредно для него, следовательно, и для других тоже, а потому он из самых благих побуждений

старался жениха и невесту от торта отговорить вовсе. Однако это ни к чему не привело, торт испекли, и тогда уже мистер Вудхаус из тех же побуждений пытался убедить всех гостей не есть его. Он даже взял на себя труд посоветоваться с лекарем — мистером Перри. Мистер Перри был человеком понимающим и благовоспитанным, а его частые визиты немало радовали мистера Вудхауса. Будучи призван к ответу, он не мог не признать, хоть и довольно неохотно, что свадебные торты некоторым — даже, пожалуй, многим — могут навредить, ежели с их поеданием переусердствовать. Заручившись такой поддержкой, мистер Вудхаус надеялся убедить каждого гостя не есть торт, однако все продолжали им лакомиться, и не было душе мистера Вудхауса покоя, пока торт не исчез полностью.

По Хайбери прошел слух, будто бы все детки мистера Перри съели по куску свадебного торта миссис Уэстон, однако мистер Вудхаус столь злостным сплетням не верил.

Глава III

Мистер Вудхаус любил общество на свой особый лад. Ему очень нравилось принимать друзей

в Хартфилде, и за все эти годы благодаря его доброму нраву, его состоянию, дому и дочери он приобрел право распоряжаться визитами своего тесного кружка как пожелает. С прочими семействами он особых связей не поддерживал и к тому же терпеть не мог многолюдные приемы и поздние возвращения, а потому водил знакомства лишь с теми, кто навещал его в Хартфилде и на его условиях. К его счастью, в Хайбери, включая Рэндаллс в их же приходе, и в имении мистера Найтли — аббатстве Донуэлл в соседнем приходе — таких людей было достаточно. Довольно часто, уступая уговорам Эммы, он приглашал избранных и достойнейших из друзей на обед, однако сам предпочитал вечерние приемы, и лишь за редким исключением, когда мистер Вудхаус сам был не в настроении принимать гостей, ему не хватало игроков за карточным столом.

Из давней и истинной привязанности его всегда навещали чета Уэстонов и мистер Найтли, не менее частым гостем был мистер Элтон — неженатый молодой человек, который своей одинокой жизнью, можно сказать, не наслаждался. Он с радостью был готов променять каждый скучный уединенный вечер на приятное общество в изысканной гостиной мистера Вудхауса и улыбки его

очаровательной дочери.

Помимо столь тесного круга друзей, Хартфилд всегда были готовы навестить миссис и мисс Бейтс и миссис Годдард. Зачастую они приезжали и уезжали в экипаже мистера Вудхауса, однако, как он полагал, это не доставляло хлопот ни Джеймсу, ни лошадям. Пожалуй, можно даже сказать, что откажись дамы от сей любезности, сетованиям мистера Вудхауса не было бы конца.

Миссис Бейтс, вдова бывшего приходского викария Хайбери, была дамой в преклонных летах, и жизнь ее сводилась нынче лишь к чаепитиям и кадрили. Она и ее единственная дочь жили очень скромно, и все относились к такой безобидной старушке с должным почтением и уважением. Дочь ее, мисс Бейтс, тоже была немолода, не замужем, особой красотой или богатствами не располагала, однако же невозможно было ее не любить. Казалось бы, судьба обделила ее всем, что могло бы привлекать общество; не блистала мисс Бейтс и умом, который искупал бы все иные недостатки или невольно заставлял уважать ее даже ненавистников. Словом, ни красотой, ни способностями она похвастать не могла. Юные годы ее пролетели незаметно, а зрелые всецело посвящены были заботам о слабеющей матери

и стараниям свести концы с концами. И все же она была счастлива, а окружающие не могли сказать о ней ни одного дурного слова. Такие чудеса творили ее безграничная доброжелательность и теплое сердце. Она любила всех, болела и радовалась за счастье каждого, а себя полагала невероятной счастливицей, которой повезло и с прекрасной матерью, и с чудесными соседями и друзьями, и с домом, в котором она ни в чем не нуждалась. Ее простота и жизнерадостность, добрый и кроткий нрав располагали к ней всякого и дарили счастье и ей самой. Она могла без умолку болтать о всяких пустяках, от незначительных рассуждений до безобидных сплетен, и эта ее черта немало ценилась мистером Вудхаусом.

Миссис Годдард заведовала школой — но не гимназией, или академией, или другим учебным заведением, где, прикрываясь всякой утонченной бессмыслицей, воспитанниц обучают вольнодумству в сочетании с нравственностью по заветам новомодных просветителей и где юные девицы за огромную плату лишаются здоровья и приобретают высокомерие. Нет, ее школа была настоящим, правильным, старомодным пансионом, где за умеренную плату воспитанниц обучали умеренному числу знаний и куда

родители могли отправить дочерей получить какое-никакое образование без опасений, что они вернутся чересчур учеными. Заведение миссис Годдард пользовалось отличной репутацией, и вполне заслуженно; место было замечательное: пансион мог похвастать просторным домом и садом, кормили детей здоровой пищей, летом позволяли бегать и резвиться, а зимой его хозяйка собственноручно лечила их обморожения. Она была женщиной простой, по-матерински заботливой. Усердно потрудившись в юности, она знала, что теперь-то уже может время от времени позволить себе выходной в гостях за чаем. Миссис Годдард немало была обязана доброте мистера Вудхауса в прошлом и всегда с готовностью покидала свою опрятную, увешанную многочисленными вышивками гостиную, чтобы провести вечер у камина в Хартфилде, то выигрывая, то проигрывая пару шестипенсовиков.

Вот кого, к радости Эммы, удавалось ей собрать в гостиной Вудхаусов для своего отца, которому такая компания приходилась по душе. Ей же самой никто не мог заменить общества миссис Уэстон. Разумеется, Эмме было приятно, как удачно она все устраивала, но все же скучные беседы трех почтенных дам наводили ее на печальные

мысли о том, что именно столь долгих однообразных вечеров без мисс Тейлор она и опасалась.

И вот однажды утром, когда Эмма с тоскою предвкушала именно такое очередное собрание, миссис Годдард прислала записку с покорнейшей просьбой принять ее вместе с мисс Смит. Пришлась эта просьба как раз кстати. Мисс Смит была красивой девицей семнадцати лет, и Эмма, давно ее заприметив, хотела познакомиться лично. Отправив в ответ любезное приглашение, она с нетерпением стала ожидать вечера.

Харриет Смит была чьей-то внебрачной дочерью. Несколько лет назад ее поместили в пансион миссис Годдард, а затем включили в число воспитанниц, живущих непосредственно в семье хозяйки пансиона. Больше ничего о ней известно не было. Друзья у нее имелись лишь в Хайбери, и на днях она как раз возвратилась из деревни, где гостила у подруг по пансиону.

Харриет оказалась девушкой очень миловидной, причем красота ее была того типа, которым Эмма восхищалась в особенности: невысокая, не чересчур худощавая блондинка с правильными чертами лица, голубыми глазами, светлой кожей и легким румянцем. К концу вечера Эмма была так очарована и ее внешностью, и ее умением

держать себя, что решительно настроилась продолжить столь приятное знакомство.

Мисс Смит не отличалась особенным умом, однако Эмма сочла ее весьма обаятельной особой — не чересчур скромной или молчаливой, но и не слишком навязчивой. Она держалась самым подходящим образом и выказывала такое почтение, такую благодарность за приглашение в Хартфилд, так бесхитростно восхищалась великолепием обстановки, во многом превосходящей ей привычную, что Эмма твердо решила: подобное здравомыслие, несомненно, достойно поощрения. Мисс Смит заслуживает лучшей участи. Мягкий взгляд голубых глаз и все ее природные достоинства не должны пропасть напрасно среди низших слоев общества Хайбери и его окрестностей. Знакомства, которые она уже приобрела, не делают ей чести. Приехала она из гостей от Мартинов — людей, разумеется, порядочных, однако дружба с ними мисс Смит бесспорно вредит. О семействе этом Эмма уже имела представление, поскольку они брали внаем большую ферму у мистера Найтли. Жили Мартины в приходе Донуэлл, и мистер Найтли был о них самого высокого мнения. И все же наверняка это были люди невежественные и неотесанные, и близкое

знакомство с ними недостойно девушки, которой до совершенства недостает лишь немного учености и утонченности. Уж Эмма-то заметит все ее достоинства и приумножит их, она спасет ее из столь нелестного окружения и представит высшему обществу, она научит ее необходимым суждениям и привьет лучшие манеры. Дело это было бы, несомненно, добрым, и к тому же обещало стать увлекательным и завладеть всем вниманием Эммы, ее мыслями и досугом.

Она была так увлечена мягкими голубыми глазами новой гостьи, беседами с ней и своими новыми планами, что вечер пролетел незаметно. Обычно Эмма с нетерпением ждала ужина, которым всегда заканчивались подобные приемы, однако в этот раз даже не успела заметить, когда стол был накрыт и придвинут к камину. Со рвением, превосходящим обыкновенное ее гостеприимство, и в то же время с похвальным вниманием к гостьям, преисполненная восторгом от собственных прекрасных идей, Эмма принялась распоряжаться за столом. Памятуя о привычке гостей не засиживаться допоздна и рано ложиться спать, а также об их примерной скромности, она старательно потчевала их всяческими блюдами из цыплят и устриц.

Бедный мистер Вудхаус, как и всегда в подобных случаях, с трудом мог совладать со своими чувствами. Он любил, по традиции своей молодости, представлять гостям богатые яства, однако был твердо убежден, что ужин несет здоровью один лишь вред, а потому с трудом мог смотреть, как одно за другим появляются новые блюда. Будучи радушным хозяином, он счастлив был угощать своих друзей, однако, беспокоясь об их здоровье, с печалью наблюдал за тем, как они едят.

Сам он ел жидкую овсяную кашицу и лишь ее мог бы со спокойной совестью посоветовать другим, однако, глядя на дам и их кушанья, время от времени понуждал себя промолвить:

— Миссис Бейтс, позвольте предложить вам яичко. От яйца всмятку большого вреда не будет. Наш Сэрль готовит их лучше всех, я бы и не посмел предложить вам яйцо от другого повара. А тут и бояться нечего — вот оно какое маленькое, от такого яичка точно никакого вреда. Мисс Бейтс, попросите Эмму положить вам маленький кусочек пирога, совсем крошечный. У нас пироги всегда из свежих яблок, так они полезнее. А вот заварной крем не советую. Миссис Годдард, может быть, полбокала вина? Совсем чуть-чуть?

Даже меньше чем полбокала, и водой разбавим. От такой малости вреда и вовсе не будет.

Эмма отцу не перечила, но угощала всех куда более щедро. К тому же в такой вечер ей более обычного хотелось доставить удовольствие гостям, а в особенности мисс Смит, что было нетрудно. Мисс Вудхаус знали во всем Хайбери, и возможность быть ей представленной скромную мисс Смит в равной степени радовала и ужасала, однако из гостей девушка ушла преисполненная восторга от знакомства с мисс Вудхаус, которая весь вечер была столь с ней любезна, а на прощание даже пожала руку!

Глава IV

Вскоре Харриет Смит стала своим человеком в Хайбери. Эмма, привыкшая действовать решительно, времени даром терять не стала: она постоянно приглашала новую знакомую и поощряла ее заходить почаще. Чем больше времени они проводили вместе, тем крепче становилась их дружба. Эмма сразу поняла, что Харриет может стать отличной спутницей для пеших прогулок. В этом отношении ей сильно не хватало миссис Уэстон. Отец ее никогда не заходил дальше сада,

которого ему вполне хватало и для коротких прогулок, и для долгих — в зависимости от времени года, поэтому с тех пор, как миссис Уэстон вышла замуж, гулять Эмма стала заметно меньше. Один раз она дошагала до Рэндаллса в одиночестве, однако же путешествие оказалось не из приятных, а потому такая подруга, как Харриет Смит, которую в любой момент возможно пригласить на прогулку, подошла ей как раз кстати. Впрочем, и во всех прочих отношениях чем лучше Эмма узнавала мисс Смит, тем больше радовалась своему выбору и тем сильнее утверждалась в своих благих намерениях.

Конечно, умом Харриет не блистала, однако обладала мягким и кротким нравом, была совершенно лишена гордыни и с готовностью слушалась того, кем восхищалась. Ее скорая привязанность к Эмме приводила в умиление, а стремление к хорошему обществу и способность по достоинству оценить утонченность говорили о хорошем вкусе, пусть и бессознательном. Другими словами, в Харриет Эмма нашла именно такую приятельницу, какую желала и какой ей прежде не хватало. Разумеется, ее нельзя было назвать заменой миссис Уэстон — второй такой подруги не найти. Но второй такой Эмма и не

желала. С Харриет дружба была иная, даровавшая ей чувство независимости. И любовь Эммы к двум подругам отличалась: миссис Уэстон была предметом обожания, почитания и благодарности, Харриет же — покровительства. Миссис Уэстон в помощи Эммы не нуждалась, Харриет — напротив.

Первым делом Эмма попыталась выяснить, кто ее родители, однако расспросы оказались тщетны. Харриет готова была рассказать о себе все, но про свое происхождение ничего не ведала. Эмме приходилось довольствоваться лишь своим воображением, при этом мысленно сетуя, что уж она бы на месте подруги разузнала всю правду. Харриет в этом отношении любознательностью не отличалась. Она знала лишь то, что считала нужным рассказать ей миссис Годдард, и вопросов не задавала.

Значительную часть ее рассказов занимали, разумеется, миссис Годдард, учителя, девочки из пансиона и вообще школа, и ими бы разговоры и ограничивались, если бы не знакомство с семейством Мартинов с фермы Эбби-Милл. Проведя там два беззаботных месяца, Харриет с удовольствием пересказывала их Эмме и описывала все чудеса и удобства жизни семейства. Эмма с

интересом ее слушала и задавала вопросы, увлеченная рассказами о непривычном для нее быте. Ее занимали детский восторг и простодушие, с которыми Харриет описывала жизнь Мартинов.

— У миссис Мартин целых две гостиных, отличных гостиных, а одна почти такая же большая, как у миссис Годдард. А старшая горничная живет с ними уже двадцать пять лет. Еще у них восемь коров, из них две олдернейские, а одна коровка валлийская, такая хорошенькая! Миссис Мартин даже сказала: раз она мне так нравится, то пускай зовется моею. Еще у них в саду красивая беседка, и следующим летом у нас там будет чаепитие. Очень красивая беседка! И просторная, там с десяток человек поместится.

Некоторое время ее рассказы Эмму забавляли, и она не задумывалась о том, что за ними стоит, однако постепенно на смену простому любопытству пришло беспокойство. Прежде она ошибочно полагала, что семейство состоит из матери, дочери, сына и его жены, однако позже выяснилось, что мистер Мартин, о котором неустанно говорила Харриет и которого часто хвалила за его добросердечие, — холостяк, и никакой молодой миссис Мартин вовсе нет. Тогда-то Эмма и заподозрила, что все это гостеприимство и радушие неспроста

— ее подруге грозит опасность. Если не спасти ее сейчас, то бедняжка Харриет пропадет навсегда.

Именно с таким благородным порывом Эмма стала засыпать Харриет более подробными вопросами, стараясь почаще сводить ее рассказы к мистеру Мартину, а Харриет охотно ей отвечала. Она с готовностью говорила о прогулках при луне и о вечернем досуге за какой-нибудь игрой, не уставала отмечать его добродушие и услужливость. Однажды он проскакал целых три мили туда и обратно, чтобы достать для Харриет грецких орехов, потому что она упомянула, что очень их любит, и так же неизменно предупредителен был всегда и во всем. А как-то вечером он даже пригласил к ним в гостиную сына пастуха, чтобы тот ей спел. А ведь ей так нравится слушать пение! Он и сам неплохо поет. И он такой умный и во всем знает толк. И овцы у него замечательные — именно их шерсть в округе ценится больше всего. О мистере Мартине никто и плохого слова не скажет. Его мать и сестры очень его любят. Миссис Мартин даже однажды сказала ей (на этих словах Харриет зарделась), что лучшего сына и пожелать нельзя и что, женившись, он наверняка станет прекрасным мужем. Не то чтобы она ждет, чтобы он скорее женился, совсем нет.

Торопиться, конечно же, ни к чему.

«Ловко, миссис Мартин! — подумала Эмма. — Вы знаете, чего хотите».

— А когда пришла пора мне уезжать, — продолжала Харриет, — миссис Мартин любезно послала в подарок миссис Годдард преславного гуся! Миссис Годдард в жизни такого гуся не видывала. Она его в воскресенье запекла и пригласила отужинать всех трех учительниц: мисс Нэш, мисс Принс и мисс Ричардсон.

— А мистер Мартин, я полагаю, ничем, помимо фермы, не интересуется? Не читает?

— Нет!.. То есть да… Не знаю… По-моему, он читает много, но только не то, что мы с вами… Он читает «Земледельческие заметки», и я видела еще другие книжки… Но их он читает про себя. А «Отрывки из изящной словесности» он иногда читывал всем нам вслух перед игрой в карты. Так увлекательно! Еще, знаю, он читал «Векфильдского священника», а вот «Лесной роман»

и «Детей аббатства»[1] — нет. Он про эти книги даже не слышал прежде, но теперь непременно хочет их найти и поскорее прочесть.

Эмма продолжала:

— А каков он собою?

— Ах! Не красавец, отнюдь. Вначале он мне даже показался неказистым, но теперь я так не считаю. Иногда нужно просто узнать человека поближе. Но разве же вы ни разу его не видели? Он иногда бывает в Хайбери и каждую неделю проезжает мимо по пути в Кингстон. И вас не раз видел.

— Да, возможно. Может, и я его сто раз видела, но не обращала внимания и имени не знала. Молодой фермер, хоть на лошади, хоть пеший, мне совершенно не интересен. У меня с таким человеком вряд ли может быть что-то общее. Опрятный крестьянин ступенью-другой ниже еще может привлечь мое внимание — его семье я могу чем-то помочь. Но фермеру моя помощь

---

[1] Примечания: 1

«Отрывки из изящной словесности» — популярный при жизни писательницы сборник поэтических и прозаических отрывков, составленный Вайсисемусом Ноксом.

«Векфильдский священник» — сентиментальный роман Оливера Голдсмита.

«Лесной роман» — произведение Энн Рэдклифф в жанре готического романа.

«Дети аббатства» — любовный роман Реджины Марии Рош.

не нужна, а потому он для меня, с одной стороны, стоит слишком высоко, а с другой — слишком низко.

— Разумеется. Да, вряд ли вы его могли заметить, а вот он вас знает прекрасно — внешне, я имею в виду.

— Не сомневаюсь, что он весьма порядочный молодой человек. Я в этом даже уверена и потому желаю ему всяческих благ. Как вы думаете, сколько ему лет?

— Восьмого июня исполнилось двадцать четыре, а мой день рождения двадцать третьего, всего две недели и один день спустя! Вот так совпадение!

— Всего двадцать четыре… В такие годы рано обзаводиться семьей. Правильно говорит его мать: торопиться ни к чему. Кажется, им и так неплохо живется, и пожени она его сейчас, то позже, верно, пожалела бы об этом. Ему лучше сочетаться браком лет через шесть, если он встретит хорошую девушку одного с ним сословия да с небольшим приданым.

— Шесть лет! Право, мисс Вудхаус, ему ведь будет тридцать!

— Что ж, большинство мужчин из небогатых семейств не могут позволить себе жениться рань-

ше. Мистеру Мартину, как я полагаю, еще только предстоит нажить свое состояние — он, верно, совсем не богат. И смею предположить, что деньги, которые он, может, получил после смерти отца, и долю в семейном имуществе он пустил в дело, вложил в скот и так далее. Вероятно, при должном усердии и везении мистер Мартин со временем разбогатеет, однако будет это не скоро.

— Да, разумеется. Но живут они очень хорошо. Вот только мужской прислуги нет, а в остальном ни в чем не нуждаются, и миссис Мартин подумывает взять в следующем году мальчика.

— Харриет, я очень надеюсь, что вы не поставите себя в неудобное положение, когда он женится — я имею в виду знакомство с его женой. Сестры его хотя бы получили прекрасное образование, однако отсюда не следует, что женится он на особе, достойной вашего внимания. Из-за несчастливых обстоятельств вашего рождения вам следует особенно тщательно выбирать круг знакомых. Вы дочь джентльмена, в этом не может быть и сомнений, и вам стоит всеми силами подтверждать свою принадлежность к высшему кругу, а иначе всегда найдутся те, кто с удовольствием вас принизит.

— Да, разумеется, всегда найдутся. Но покуда

вы так добры ко мне, мисс Вудхаус, и даже приглашаете меня в Хартфилд, я никого не боюсь.

— Харриет, вы очень хорошо понимаете, какую силу может иметь влияние, но мне бы хотелось так прочно укрепить вас в высших кругах, чтобы вы не зависели ни от Хартфилда, ни от мисс Вудхаус. Я хочу, чтобы вы навсегда вошли в лучшее общество, а для этого следовало бы ограничить число нежелательных знакомств. Потому, если вы все еще будете в наших краях, когда мистер Мартин женится, я советую вам, несмотря на дружбу с его сестрами, воздержаться от знакомства с его будущей женой, которой станет, вероятно, необразованная дочка какого-нибудь фермера.

— Разумеется. Да. Я все же думаю, что мистер Мартин женился бы на девушке образованной и хорошо воспитанной… Но я ни в коем случае с вами не спорю, нет-нет! И наверняка не пожелаю знакомства с его женой. К сестрам Мартин я навсегда сохраню теплые чувства, особенно к Элизабет, и мне было бы очень грустно с ними расставаться, к тому же образованны они ничуть не хуже, чем я. Но ежели он женится на женщине невежественной и невоспитанной, то я знакомства с ней искать не стану.

Эмма слушала все эти рассуждения Харриет и успокаивалась: настораживающих симптомов влюбленности нет. Молодой человек был ее первым воздыхателем — да и только, и Эмма, будучи хорошей подругой, без труда устроит ей более достойную партию.

На следующий же день на прогулке по Донуэлльской дороге они встретили мистера Роберта Мартина. Он шел пешком и, почтительно поприветствовав мисс Вудхаус, с неподдельной радостью перевел взгляд на ее спутницу. Эмма была только рада такой возможности изучить его и, пока они разговаривали, прошла несколько вперед и окинула его беглым и зорким взором. Одет он был опрятно и с виду походил на человека неглупого, однако иными достоинствами не обладал и, решила Эмма, в сравнении с джентльменом утратит всяческое расположение Харриет. Она была чутка к хорошим манерам и не раз с восторгом и даже изумлением отмечала обходительность мистера Вудхауса. Мистер Мартин же, вероятно, и вовсе не представлял, что такое манеры.

Чтобы не заставлять мисс Вудхаус долго ждать, они поговорили всего пару минут, и вскоре Харриет подбежала к ней. Она была взволнована

и сияла радостью, но Эмма надеялась вскоре ее унять.

— Подумать только — вот так встреча! Какое совпадение! Он сказал, что лишь по чистой случайности не пошел через Рэндаллс. Он и не думал, что мы гуляем этой дорогой. Он думал, что мы обычно ходим к Рэндаллсу. Он еще не купил «Лесной роман». В прошлый раз в Кингстоне был так занят, что забыл, но завтра поедет снова. Какое все-таки совпадение, что мы встретились! Скажите, мисс Вудхаус, так ли вы его представляли? Что вы о нем думаете? Неказист, как вам показалось?

— Да, в высшей степени. Но это не такая беда в сравнении с полным отсутствием хороших манер. Мне, конечно, не стоило многого ожидать — я многого и не ожидала, — однако я и представить себе не могла, что он окажется таким неотесанным и лишенным всяческой утонченности. Мне, признаться, все же думалось, что он не настолько далек от джентльмена.

— Разумеется, — подавленно отозвалась Харриет. — По сравнению с настоящим джентльменом утонченности в нем меньше.

— Харриет, с тех пор как мы познакомились, вы часто бывали в обществе джентльменов, и я

уверена, и сами заметили существенную разницу между ними и мистером Мартином. В Хартфилде вы встречали хорошо образованных и прекрасно воспитанных мужчин. Я бы удивилась, если после таких знакомств вы не увидели, насколько мистер Мартин стоит их ниже, и не изумились: как же вы могли считать его сносным! Разве не возникло у вас подобного чувства? Разве не были вы поражены? Я уверена, и неуклюжий вид его, и резкие манеры, и грубый голос — все это не могло не поразить вас. Даже я, стоя поодаль, слышала его голос — совершенно немелодичный.

— Конечно, он совсем не похож на мистера Найтли. Ни манерами, ни походкой. Я хорошо вижу разницу. Но ведь с мистером Найтли сравниться невозможно!

— Не стоит даже сравнивать фермера и мистера Найтли. Такие мужчины, как мистер Найтли, и в высшем обществе — редкость. Но ведь вы в последнее время видели и других джентльменов. К примеру, мистер Уэстон или мистер Элтон. Сравните мистера Мартина с ними. Сравните то, как они себя держат, как ходят, говорят, молчат. Разницу увидеть нетрудно.

— Да! Разница велика. Но ведь мистер Уэстон — почти старик. Ему, должно быть, за сорок.

— И тем ценнее его хорошие манеры. С возрастом подобные вещи имеют даже большее значение. Чем старше человек, тем заметнее и возмутительнее крикливость, угловатость и нелепость. Что простительно юноше, в старике вызывает отвращение. Если уж сейчас мистер Мартин неуклюж и неотесан, так что же будет в старости?

— Кто знает, — понуро ответила Харриет.

— Догадаться нетрудно. Он будет ужасно грубым, невоспитанным, неопрятным фермером, все мысли которого займут лишь прибыли и убытки.

— Вы думаете? Как же это печально!

— Он и теперь уже думает лишь о своей ферме — ведь забыл же он о книге, про которую вы говорили! Его мысли были полностью заняты делами торговыми, как и у любого человека, стремящегося в своем деле преуспеть. На что ему книги? И я даже не сомневаюсь, что он и правда преуспеет и со временем разбогатеет, ну а нам до его невежественности и неотесанности дела быть не должно.

— Странно, что он забыл о книге… — только и сказала Харриет с неким печальным неудовольствием, и Эмма решила дать ей некоторое время

поразмыслить.

Затем она продолжила:

— Пожалуй, в некотором смысле мистер Элтон даже превосходит мистера Найтли и мистера Уэстона в манерах. Он любезен, как настоящий джентльмен. С такого человека и нужно брать пример. Мистеру Уэстону присущи откровенность и живость, которые порой граничат с бестактностью, однако при всем этом он так добродушен, что его невозможно не любить. И все же подражать ему не стоит. Как и мистеру Найтли: ему самому очень подходят его прямолинейность, решительность и властность. Благодаря своей внешности и положению в обществе он может вести себя так, как захочет. Однако пожелай какой-нибудь молодой человек перенять манеры мистера Найтли, то стерпеть его было бы невозможно. А вот мистер Элтон — прекрасный образец того, как должен вести себя настоящий джентльмен. Он добродушен, весел, учтив и любезен. А в последнее время он, мне кажется, даже более любезен, чем обычно. Не знаю, Харриет, пытается ли он таким образом снискать расположение одной из нас, но вести себя он стал обходительнее прежнего. Должно быть, хочет угодить вам. Я не рассказывала, что

он на днях мне о вас говорил?

И она в красках передала ей похвалы, которых смогла добиться от мистера Элтона. Харриет зарделась и со смущенной улыбкой ответила, что она всегда находила мистера Элтона весьма приятным молодым человеком.

Именно мистеру Элтону и предстояло, по замыслу Эммы, вытеснить молодого фермера из мыслей Харриет. Он стал бы самой подходящей для нее партией. Очевидно, что их союз желателен, естественен и возможен, а она, Эмма, сможет гордиться своей сметливостью. Конечно, может статься, что партия эта очевидна уже для всех вокруг, однако вряд ли хоть кто-то подумал об этом раньше нее. Эмма задумала свести их еще в первый визит Харриет в Хартфилд. Чем дольше она размышляла над своим намерением, тем больше в нем утверждалась. Положение мистера Элтона можно было назвать самым подходящим: джентльмен и без родственников низкого происхождения, он в то же время не был выходцем из какой-нибудь знатной семьи, которая могла бы поставить под сомнение обстоятельства рождения Харриет. Мистер Элтон мог предоставить уютный дом и хороший, как полагала Эмма, достаток. Несмотря на то что доход викария в

Хайбери считался небольшим, мистер Элтон, как было известно, располагал собственным имуществом. Она о нем составила высокое мнение как о человеке добродушном, благожелательном, порядочном и не лишенном ума.

Эмма уже уверилась, что мистер Элтон по достоинству оценил красоту Харриет, а потому надеялась, что их частые встречи в Хартфилде принесут свои плоды. Что же до Харриет, то сомнений нет — мысль о том, что ее предпочли другим, немало ее впечатлит. К тому же мистер Элтон был и в самом деле очень приятным молодым человеком, который мог без труда понравиться любой не слишком привередливой женщине. Он считался очень красивым, и его внешностью восхищались многие — но не Эмма. На ее взгляд, ему недоставало необходимого для джентльмена изящества, однако девицу, которая была так благодарна какому-то Роберту Мартину за то, что он изъездил всю округу в поисках орехов, вполне могло покорить восхищение мистера Элтона.

Глава V

— Не знаю, миссис Уэстон, — сказал мистер Найтли, — какого мнения о дружбе Эммы с Харриет Смит вы, но я считаю, что к добру это не приведет.

— Что вы! Вы правда так думаете? Почему же?

— По-моему, ни одной, ни другой это на пользу не пойдет.

— Вы меня удивляете! Не может быть и сомнений, что общение с Эммой идет Харриет на пользу, да и сама Харриет не дает Эмме заскучать и тем самым, можно сказать, приносит пользу ей. Меня их дружба чрезвычайно радует. Мы с вами совершенно по-разному смотрим на вещи! К добру не приведет — отчего это вы вдруг так решили! Так мы с вами, пожалуй, в очередной раз поссоримся из-за Эммы.

— Вы, верно, полагаете, что я намеренно пришел к вам поссориться, зная, что мистер Уэстон не дома и что вам придется парировать в одиночку.

— Мистер Уэстон несомненно бы меня поддержал, он того же мнения. Мы только вчера об этом говорили и согласились, что Эмме очень повезло, коль скоро в Хайбери нашлась девушка, с которой

она может дружить. Вы, мистер Найтли, боюсь, не можете судить здраво. Вы так привыкли жить один, что не осознаете всю ценность подобной компании. Да и, пожалуй, не может мужчина в полной мере оценить, насколько важна для женщины, привыкшей к обществу другой женщины, такая подруга. Я понимаю, чем вам не нравится их дружба. Харриет Смит — девушка слишком для Эммы простая. Но, с другой стороны, раз Эмме хочется, чтобы Харриет стала начитаннее, она и сама станет читать больше. И они будут читать вместе. Эмма этого и хочет, я уверена.

— Эмма с двенадцати лет хочет читать больше. Немало я видел всяких списков того, что она хочет время от времени прочитывать, да каких списков! Один лучше другого. И выбор превосходный, и составлены как нельзя лучше: то в алфавитном порядке, то еще в каком-нибудь. Помню список, который она составила в четырнадцать лет, — сколько он делал чести ее вкусу! Я даже хранил его некоторое время. Не сомневаюсь, что и сейчас она составила список не хуже. Однако я уже утратил всякие надежды на то, что Эмма и впрямь возьмется за чтение. Ей для такого дела не хватит ни прилежания, ни терпения. Сама идея читать нравится ей куда больше. Раз уж

даже мисс Тейлор потерпела неудачу, то Харриет Смит ничем не поможет — в этом я уверен. Эмма и половины того, что вы просили, не читала. Вы знаете, что я прав.

— И я так думала когда-то, — с улыбкой отозвалась миссис Уэстон. — Однако с тех пор, как я переехала, не могу припомнить ни одного случая, чтобы она не исполнила мою просьбу.

— Конечно, такие воспоминания освежать вряд ли захочется, — с чувством произнес мистер Найтли и замолчал. Но вскоре добавил: — Я все же не ослеплен ее очарованием и отлично могу все видеть, слышать и помнить. Эмма всегда была в семье самой умной, и это ее избаловало. Уже в десять лет она могла отвечать на вопросы, которых не понимала ее семнадцатилетняя сестра. Эмма всегда выступала сообразительной и самоуверенной, Изабелла же — медлительной и застенчивой. А с двенадцати лет Эмма и вовсе стала хозяйкой всего Хартфилда. Со смертью матери она потеряла единственного человека, который мог ее обуздать. Свои способности Эмма унаследовала от нее и наверняка ее во всем слушалась.

— Хорошо, что мне не пришлось покидать дом мистера Вудхауса и искать себе другое место с

вашей рекомендацией, мистер Найтли. Вы бы, наверное, и доброго словечка обо мне не замолвили. Уверена, вы всегда считали, что я совершенно не подхожу для отведенной мне роли.

— Да, — с улыбкой подтвердил мистер Найтли. — Вам куда лучше здесь, в роли жены, а не гувернантки. И Хартфилд вас прекрасно к этому подготовил. Может, вы и не дали Эмме того полного образования, которое хотели бы, но зато благодаря ей научились подавлять собственную волю и делать так, как будет велено, — необходимое умение в браке. И если бы Уэстон попросил меня посоветовать кого-то в жены, я бы незамедлительно назвал мисс Тейлор.

— Благодарю. Невелика заслуга быть хорошей женой такому мужу, как мистер Уэстон.

— Да, сказать по правде, даже жаль, что ваши способности тратятся впустую. Притом что вы готовы сносить любые невзгоды, сносить вам и нечего. Но отчаиваться не будем. Может статься, во всех этих удобствах Уэстон еще станет старым ворчуном, а может, его сын доставит ему хлопот.

— Только не это… Да и вряд ли. Нет уж, мистер Найтли, давайте не будем пророчить беды откуда не ждали.

— Что вы, я и не думал. Лишь перечисляю воз-

можные неприятности. Я, в отличие от Эммы, отнюдь не считаю себя предсказателем и от всей души надеюсь, что сын обладает и достоинствами Уэстонов, и состоянием Черчиллей. Однако вернемся к Харриет Смит, я еще не все сказал. Хуже подруги для Эммы не сыскать. Сама она не знает ничего и наивно полагает, что Эмма знает все. Своим невежеством она во всем ей льстит, и оттого эта лесть хуже, что она неумышленна. С чего бы Эмме вдруг решить, что ей стоит чему-то поучиться, когда рядом с ней такая почитательница? Что до самой Харриет, так и ей эта дружба лишь вредит. В Хартфилде она наберется утонченности настолько, что разочаруется в людях и обстоятельствах, к которым принадлежит с рождения. Очень сомневаюсь, что наставления Эммы добавят ей силы духа или подготовят к переменчивым превратностям ее судьбы. Они лишь придадут ей некоторый лоск.

— Я все же более вас полагаюсь на здравый смысл Эммы или же больше вашего беспокоюсь о ее нынешнем благополучии, поскольку об их дружбе ничуть не сожалею. Как чудно она выглядела вчера вечером!

— А, так вы предпочитаете переживать о ее внешнем виде, нежели о разуме? Что ж, отрицать

не буду, Эмма и впрямь мила.

— Мила! Да она просто красавица! И черты лица ее, и фигура… Можно ли представить красоту более совершенную?

— Уж не знаю, что можно представить, но готов признать, что редко мне доводилось встречать кого-то лицом и фигурой приятнее Эммы. Однако я, как старый друг, не могу судить беспристрастно.

— А глаза! Такой красивый карий цвет! И такой открытый взгляд! Правильные черты лица и приятный цвет кожи! А фигура: совершенные рост и сложение, и какая стать, какая осанка! Она так и пышет здоровьем, и выдает это не только мягкий румянец, но и весь вид ее, посадка головы, взгляд. Бывает, про детей говорят, что они — само здоровье. А я вот думаю, про Эмму можно сказать так же, она — пример совершенного здоровья взрослого человека. И просто прелесть. Мистер Найтли, разве вы со мной не согласны?

— Внешне Эмма безупречна, — ответил он. — И я полностью согласен со всеми вашими словами. На нее приятно смотреть и отрадно заметить, что красота ее не становится причиной для тщеславия. Собственная внешность ее мало заботит, и тщеславие ее иного порядка. Миссис Уэстон, вы меня не переубедите: ничего хорошего я в

их дружбе с Харриет Смит не вижу и боюсь, что обеим она принесет лишь вред.

— А я, мистер Найтли, так же твердо убеждена, что никакого вреда не будет. При всех своих маленьких недостатках наша милая Эмма — прекрасное создание. Можно ли мечтать о лучшей дочери, добрейшей сестре и более преданном друге? Нет-нет! Она обладает качествами, на которые можно положиться, и никогда не причинит никому зла, не совершит непоправимой ошибки. Даже если Эмма ошибется однажды, другие сто раз она будет права.

— Ну хорошо, не буду вам больше докучать. Пускай Эмма остается сущим ангелом, а я подожду со своим ворчанием до Рождества — тогда приедут Джон и Изабелла. Любовь Джона к Эмме разумна, а потому не слепа, Изабелла же всегда и во всем с ним согласна, кроме того, что он недостаточно беспокоится о здоровье детей. Уверен, они разделят мое мнение.

— Я знаю, что вы все так любите Эмму, что не сможете судить о ней жестоко или несправедливо, однако все же, мистер Найтли, простите, но позволю себе заметить — а я думаю, что в некотором смысле имею право говорить от лица, так скажем, матери Эммы, — так вот, позволю себе

заметить, что не стоит столь горячо обсуждать их дружбу с Харриет Смит. Прошу меня извинить, но даже если она и принесет какие-то неприятности, то все равно нельзя надеяться, чтобы Эмма, которая может послушать лишь своего отца — а ему, кстати, Харриет нравится, — положила конец этой дружбе, раз она доставляет ей такое удовольствие. Столько лет я должна была давать советы, мистер Найтли, что не удивляйтесь — привычка эта сохранилась и сейчас.

— Что вы! — воскликнул он. — Премного вам благодарен. Совет этот хороший, и его постигнет куда более приятная участь, чем остальные ваши советы, — я его послушаюсь.

— Изабеллу легко встревожить, подобные разговоры о сестре могут ее расстроить.

— Не волнуйтесь, — сказал он. — Я не стану поднимать бурю и выражать свое неудовольствие. Мне глубоко небезразлична судьба Эммы. Даже Изабелла, будучи женой моего брата, не вызывает во мне столько участия. Будущее Эммы пробуждает любопытство. Интересно, что с нею станется!

— Да, — тихо промолвила миссис Уэстон. — Очень интересно.

— Она вечно утверждает, будто бы не выйдет

замуж, что, конечно же, лишь пустые разговоры. Но и мужчины, который сделался бы ей небезразличен, она пока что не встречала. А ей пошло бы на пользу влюбиться в кого-нибудь подходящего и помучиться, гадая, взаимны ли ее чувства. Но в наших краях нет никого, кто мог бы привлечь ее внимание, а из дома она выезжает очень редко.

— Да, сейчас ее решимость и правда поколебать некому, — откликнулась миссис Уэстон, — но, может, оно и к лучшему. В Хартфилде она вполне счастлива, а такая привязанность принесет лишь сложности из-за мистера Вудхауса. Я бы не советовала ей сейчас вступать в брак, хотя, уверяю вас, ничего против семейной жизни не имею.

Этими словами она отчасти стремилась утаить некоторые из их с мистером Уэстоном соображений насчет будущего Эммы. Чета питала определенные надежды, однако раскрывать свои планы раньше времени не хотела. Мистер Найтли же спокойно перешел к другой теме: «Кстати, что думает Уэстон о погоде, будет ли дождь?» И миссис Уэстон успокоилась: про Хартфилд ему сказать больше нечего, да и никаких подозрений у него не возникло.

Глава VI

Не чувствуя и тени сомнений, Эмма направляла мысли Харриет в нужное русло и с благими целями нахваливала ее, способствуя здоровому самолюбию. К тому же, как она убеждалась, Харриет стала чаще замечать красоту мистера Элтона и его любезные манеры. Эмма всячески указывала ей на его расположение и вскоре убедилась, что смогла внушить подруге должные чувства. Что до мистера Элтона, то по его поводу сомнений тоже не возникало. Он явно был готов влюбиться в Харриет, а может, и уже влюбился. Он так горячо ее расхваливал, что остальное, как полагала Эмма, — лишь дело времени. От мистера Элтона не укрылась значительная перемена в Харриет с тех пор, как ее стали принимать в Хартфилде, а это было одним из верных признаков его растущей привязанности.

— Вы дали мисс Смит все, чего ей недоставало, — говорил он. — Вы сделали ее грациозной и непринужденной. Она, конечно, и без того очень красива, однако, как мне кажется, качества, которыми смогли наделить ее вы, гораздо важнее данных ей от природы.

— Я рада, что вы считаете, будто я могла быть настолько полезна. Однако Харриет уже обладала всеми нужными качествами, требовалось всего лишь их заметить и дать несколько небольших подсказок. От природы она мила и безыскусственна. Моя заслуга невелика.

— Как жаль, что спорить с дамой непозволительно… — изящно отметил мистер Элтон.

— Я лишь, возможно, придала ей немного твердости характера да приучила задумываться над тонкостями, на которые она прежде не обращала внимания.

— Именно так, это меня и поражает. Как вы смогли прибавить ей столько твердости! Видна рука мастера!

— Для меня это было одно удовольствие. Никогда я не встречала еще нрава столь добродушного.

— В этом нет сомнений, — промолвил мистер Элтон с легким вздохом, присущим исключительно человеку влюбленному.

Порадовалась Эмма и на другой день, когда он горячо поддержал ее в желании написать портрет Харриет.

— Харриет, вас когда-нибудь рисовали? — спросила она. — Вы позировали для портрета?

Харриет как раз выходила из комнаты и, остановившись в дверях, ответила с очаровательной наивностью:

— Ах, что вы! Нет-нет.

Как только она вышла, Эмма воскликнула:

— Ах, вот бы заполучить ее портрет! Все бы отдала ради такого сокровища. Я, пожалуй, и сама не прочь попытаться запечатлеть ее красоту. Вы, верно, того не знаете, но года два или три назад я увлекалась портретами и даже написала некоторых друзей. Все говорили, что в целом мне удавалось достичь некоторого сходства. Однако со временем я охладела к этому занятию. Но если Харриет согласится мне позировать, то я даже отважилась бы попытать свои силы. Как чудесно было бы иметь ее портрет!

— Мисс Вудхаус, я полностью с вами согласен! — воскликнул мистер Элтон. — Умоляю вас, напишите же ее портрет! Воспользуйтесь своим чудесным даром во благо подруги. Разумеется, я видел ваши рисунки, как вы могли подумать иначе? Разве не украшают стены этой комнаты ваши пейзажи и натюрморты? Разве не висят в гостиной миссис Уэстон в Рэндаллсе ваши несравненные наброски фигур?

«Так и есть, — подумала Эмма, — но речь-то

ведь о портретах. Ничего вы в рисовании не смыслите. Нечего притворяться, будто вам так нравятся мои рисунки. Лучше приберегите восторги для прекрасного личика Харриет».

— Что ж, мистер Элтон, раз вы меня так поддерживаете, то я, пожалуй, и впрямь осмелюсь попробовать. У Харриет очень тонкие черты, потому передать сходство будет сложнее, однако глаза ее и форма губ столь необычны, что их просто необходимо уловить.

— Именно так — глаза и форма губ. Я не сомневаюсь в вашем успехе. Умоляю вас, дерзните. В вашем исполнении ее портрет и впрямь станет, как вы выразились, сокровищем.

— Боюсь только, что Харриет не захочет мне позировать. Она не понимает, как красива. Заметили вы, как она мне ответила? Будто хотела сказать: «С чего бы вдруг кому-то писать мой портрет?»

— О да, конечно же, я заметил. Разве могло такое от меня ускользнуть? И все же я думаю, ее удастся убедить.

Вскоре Харриет вернулась, и ей тут же было предложено позировать. Устоять под напором и Эммы, и мистера Элтона она не могла, а потому быстро согласилась. Эмма пожелала приступить

к работе немедленно и, чтобы они вместе могли решить, как лучше всего запечатлеть Харриет, сразу же достала папку со всякими своими портретными набросками, ни один из которых так и не был закончен. В ней было множество зарисовок: миниатюры, поясные портреты, портреты в полный рост, выполненные карандашом, пастелью и акварелью. Эмма всегда стремилась попробовать все и при этом добивалась значительно бóльших успехов и в рисовании, и в музыке, чем могли бы добиться другие, приложив столь же мало усилий. Она играла и пела, рисовала практически в любой технике, но ей никогда не хватало упорства добиться той степени совершенства, которая устроила бы ее саму и которой она действительно могла бы достичь. Сама она не обманывалась и понимала, что и в рисовании, и в музыке она многого не достигла, однако не возражала, когда обманывались другие, и не испытывала угрызений совести за то, что ей приписывались некоторые достоинства, которыми она не обладала.

Наброски Эммы отличались живым стилем. Каждый из них был прекрасен, а в особенности — наименее проработанные. И все же будь ее рисунки куда хуже или же хоть в десять раз лучше,

два ее собеседника восторгались и восхищались бы ими точно так же. Они были просто без ума. Сходство в портрете всегда поражает, а мисс Вудхаус превосходно могла его достигнуть.

— Мои работы не слишком разнообразны, — сказала Эмма. — Я училась лишь на своих близких. Вот мой папенька, и здесь тоже он… Правда, он так разволновался от необходимости позировать, что пришлось рисовать его украдкой, оттого вышло не слишком похоже. Вот миссис Уэстон, и здесь тоже, и здесь, и опять она. Милая моя миссис Уэстон! Всегда готова прийти на помощь. Она позировала мне всякий раз, когда бы я ни попросила. А вот моя сестра, вполне похожа ее изящная фигурка. Да и лицо неплохо получилось. Может, даже и лучше бы вышло, если б Изабелла позировала мне подольше. Но она так хотела, чтобы я нарисовала четырех ее деток, что едва могла усидеть на месте. А вот и они: трое старших — Генри, Джон и Белла, слева направо. Но один мог вполне бы сойти за другого. Изабелла так просила, чтобы я их нарисовала, что отказать я не смогла, однако заставить детей трех-четырех лет спокойно позировать невозможно. Так что и сходства особого добиться не получилось, разве что в общем. Легче было бы уловить более рез-

кие черты лица, однако таких у маменькиных любимцев не встретишь. А вот и четвертый мой племянник, он тут совсем малыш. Это он заснул на диване. Видите, так удобно положил голову, что хохолочек на макушке у меня вышел совсем как настоящий! Да, малыш Джордж получился прекрасно. И угол дивана особенно хорош. А это вот последняя, — продолжала Эмма, показывая чудный маленький набросок джентльмена в полный рост. — Последняя и лучшая моя работа — муж Изабеллы, мистер Джон Найтли. Совсем немного оставалось закончить, но я тогда так расстроилась, что все убрала и поклялась никогда больше не писать портретов. Да и как я могла не расстроиться? После всех моих мучений я смогла добиться такого сходства, и миссис Уэстон тоже согласилась, что вышло очень похоже. Разве что красивее, чем в жизни, но это даже и не изъян. Так вот после всех моих трудов Изабелла всего лишь холодно заметила: «Да, немного похоже, но в жизни лучше». А сколько пришлось его уговаривать! Он согласился позировать в качестве большого одолжения. В общем, всего этого разом я вынести не могла, а потому портрет и не закончила. Представьте только, каждому гостю на Брансуик-сквер указывали бы на то, как картина

плоха. И вот тогда, как я уже говорила, я и зареклась писать портреты. Но ради Харриет, а вернее, даже ради себя самой я нарушу свою клятву. Тем более ни жен, ни мужей среди нас пока что нет.

Мистер Элтон, казалось, пришел в особенный восторг от этой последней мысли и подхватил:

— Да, ни мужей, ни жен пока что, как верно вы подметили! Именно так. Именно так! Ни мужей, ни жен пока что.

Повторял он это с такой многозначительностью, что Эмма даже задумалась: а не стоит ли ей тут же оставить их наедине? Однако она настроена была рисовать, а потому решила, что его объяснения в любви подождут.

Вскоре она выбрала вид портрета и материал для работы: это будет, как и портрет мистера Джона Найтли, работа в полный рост и выполненная акварелью. И ежели Эмме получившийся портрет понравится, то он займет почетное место на стене над камином.

Начался сеанс позирования. Харриет, улыбаясь и заливаясь краской, боялась пошевельнуться или переменить выражение лица и являла собой прелестную картину юного смешения чувств. Однако пока мистер Элтон суетился у Эммы за спиной и следил за каждым ее штрихом, спо-

койно работать было невозможно. Разумеется, нужно было отдать ему и должное: расположился он так, чтобы хорошо видеть Харриет, однако Эмме такое внимание лишь мешало. И тут у нее возникла чудесная мысль.

Не будет ли мистер Элтон так любезен почитать им вслух? Под чтение и ей станет лучше работаться, и мисс Смит будет не так утомительно позировать.

Тот с радостью согласился. Харриет слушала, а Эмма спокойно писала. Она решила, что, конечно же, стоит все-таки разрешить бедному влюбленному подходить и смотреть на работу, и мистер Элтон был готов при малейшей возможности подскочить, оценить, как продвигается дело, и восхититься. Эмма ничего не имела против такого поклонника, который без конца восторгался и видел сходство даже там, где его еще и быть не могло. Конечно, критик из него был никудышный, зато влюбленный и почитатель — в самый раз.

Сеанс прошел хорошо. Эмма осталась довольна своим первым наброском и пожелала на следующий день продолжать. Сходство уловить удалось, и поза получилась удачная. Эмма собиралась еще немного подправить фигуру, добавив ей роста

и изящества, так что она была уверена: в итоге получится прекрасная работа, которая займет предназначенное ей место и станет чудесным напоминанием о красоте одной и таланте другой, их дружбе, а также, может, и о других приятных вещах, которые несет с собой растущая привязанность мистера Элтона.

На следующий день Харриет предстояло позировать вновь, и мистер Элтон, как и ожидалось, умолял о разрешении снова присутствовать на сеансе и читать им вслух.

— Разумеется. Мы будем лишь рады вашему обществу.

На другой день и на всех дальнейших сеансах последовал такой же поток любезностей и учтивостей, а работа, к счастью Эммы, шла быстро и успешно. Портрет хвалили все, кто его видел, а мистер Элтон находился в постоянном упоении восторга и горячо защищал рисунок от любой критики.

— Мисс Вудхаус одарила подругу тем, чего не хватало ее красоте, — отметила миссис Уэстон, даже не подозревая, что разговаривает с влюбленным. — Выражение глаз передано верно, а вот брови и ресницы у мисс Смит другие. Как раз таких ей в жизни и недостает.

— Вы находите? — вопрошал мистер Элтон. — Не могу с вами согласиться. На мой взгляд, сходство разительное абсолютно в каждом штрихе. В жизни не видел такого точного портрета. Нельзя ведь забывать и об игре света и тени.

— Эмма, вы сделали ее слишком высокой, — заметил мистер Найтли.

Эмма и сама это прекрасно знала, однако признать не желала. Мистер Элтон же горячо вступился:

— Что вы! Отнюдь! Никак нет! Она ведь, понимаете, сидит, а потому, естественно, предстает… то есть это и передает суть того… понимаете, нужно ведь помнить о пропорциях! О пропорциях и о перспективе… Нет-нет! Рост точь-в-точь как у мисс Смит. Именно такой!

— Очаровательный портрет! — сказал мистер Вудхаус. — Замечательно выполнен. Впрочем, как и все твои рисунки, голубушка. Не знаю никого, кто рисовал бы так же хорошо. Вот только что мне не нравится — она у тебя сидит на улице, а на плечиках всего лишь тоненькая шаль. Так ведь и простудиться недолго!

— Но, папа, ведь предполагается, что это теплый летний день. Взгляните на дерево.

— Сидеть на улице в любое время года опасно,

голубушка моя.

— Сэр, можете говорить что угодно, — воскликнул мистер Элтон, — однако мне, должен признаться, поместить мисс Смит на улицу кажется прекрасной идеей! А в какой неподражаемой манере выполнено дерево! Никакой другой фон мисс Смит так бы не подошел. Естественность, присущая ей, и в целом… Ах, какой чудесный портрет! Наглядеться не могу! Никогда не видывал подобного сходства.

Далее следовало поместить портрет в раму, однако с этим возникло несколько трудностей. Промедлений дело не терпело. Заказ необходимо было выполнить в Лондоне, причем через смышленого человека с хорошим вкусом, но без помощи Изабеллы — обычной исполнительницы всех поручений в Лондоне, ведь на дворе стоял декабрь и мистер Вудхаус приходил в ужас даже от одной мысли о том, чтобы она вышла из дома в пору холодных декабрьских туманов. Однако стоило об этой беде сообщить мистеру Элтону, как все трудности разрешились. Он тотчас же любезно поспешил на помощь. Доверь они ему это дело, с каким бы бесконечным удовольствием он его выполнил! Он готов поехать в Лондон в любую минуту. Невозможно передать, как рад он

был бы исполнить такое поручение!

— Вы слишком добры! Нет-нет! Мы не можем вас так обременять! — в свою очередь говорила ему Эмма.

На что молодой человек продолжал молить и убеждать, и в конце концов дело было улажено.

Мистеру Элтону предстояло отвезти портрет в Лондон, выбрать раму и отдать надлежащие указания. Эмма взялась упаковать рисунок так, чтобы он в сохранности доехал до Лондона и не слишком обременял мистера Элтона, а тот, казалось, наоборот, боялся, что обременят его недостаточно.

— Настоящее сокровище! — сказал он с нежным вздохом, принимая от нее рисунок.

«Пожалуй, для влюбленного он даже чересчур любезен, — подумала Эмма. — Но, наверное, могут быть сотни разных проявлений влюбленности. Он прекрасный молодой человек, такой и нужен Харриет. «Именно такой», как он сам бы выразился. Конечно, на мой вкус, он слишком много вздыхает, принимает чересчур томный вид, да и комплиментов расточает многовато. Даже мне, как подруге Харриет, достается немало. Но так он выражает свою признательность за знакомство с ней».

Глава VII

В день отъезда мистера Элтона в Лондон Эмме представился еще один случай оказать помощь подруге. После завтрака Харриет, как всегда, заглянула в Хартфилд и спустя некоторое время ушла домой, чтобы вернуться к обеду. Однако вернулась она раньше условленного, с крайне взволнованным и оживленным видом — в общем, по всей видимости, произошло нечто невероятное, и ей явно не терпелось этим поделиться. За полминуты Харриет все рассказала. Как только она вернулась в пансион, ей сообщили, что часом ранее заходил мистер Мартин. Не застав ее и не зная, скоро ли ее ожидать, он оставил небольшую посылку от одной из сестер и ушел. Открыв посылку, Харриет обнаружила не только ноты двух песен, которые она давала Элизабет переписать, но и письмо от мистера Мартина с предложением руки и сердца.

Кто бы мог подумать! Она так удивлена, что совсем не знает, как быть. Да-да, предложение руки и сердца! И так хорошо написано — по крайней мере, ей так кажется. И слова подобраны, словно он и в самом деле ее очень любит… но она не

знает… а потому поспешила к мисс Вудхаус за советом…

Эмме даже стало немного стыдно за подругу, за ее радость по такому случаю и за нерешительность по поводу принятия верного решения.

— Ну и ну! — воскликнула она. — Этот мистер Мартин своего не упустит. При случае он подыщет себе хорошую партию.

— Вы прочтете письмо? — взмолилась Харриет. — Пожалуйста! Прошу!

Уговаривать Эмму не пришлось. Она прочла и удивилась. Стиль превзошел все ее ожидания. В письме не только не было грамматических ошибок, но и составлено оно оказалось не менее складно, чем каким-нибудь джентльменом. Язык был хоть и простой, но живой и искренний, а мысли, выражаемые автором, делали ему честь. Письмо было коротким, но исполненным здравого смысла, теплых чувств, великодушия, благопристойности и даже утонченности. Эмма замешкалась, а Харриет, в нетерпеливом ожидании повторявшая: «Ну? Ну?», — наконец не выдержала:

— Ну как, мисс Вудхаус? Хорошее письмо? Или чересчур короткое?

— Да, письмо и правда хорошее, — спокойно

отвечала Эмма. — Настолько складно написано, что справедливо полагать, что он не обошелся без помощи одной из сестер. Представить не могу, чтобы тот молодой человек, который говорил с вами на днях, мог так хорошо изъясняться. И все же стиль письма не женский. Нет, для женщины оно написано слишком сильным и сжатым слогом и недостаточно многословно. Нет сомнений, что он человек разумный и, видимо, от природы наделен талантом… Мыслит живо и ясно и, взяв перо в руки, быстро находит нужные слова. Бывают такие мужчины. Да, мне понятен такой склад ума. Бодрый, решительный, вполне чувствительный, не слишком грубый. Да, письмо, — заключила она, протягивая его назад Харриет, — гораздо лучше, чем я ожидала.

— Да… — промолвила Харриет, все еще ожидая совета. — И что же… что мне делать?

— В каком смысле — что делать? Вы о письме?

— Да.

— Чего же вы медлите? Нужно, конечно же, поскорее на него ответить.

— Да, но что? Милая мисс Вудхаус, прошу, дайте мне совет.

— Ах, ни в коем случае! Лучше напишите ответ сами. Я уверена, что вы сможете прекрасно

выразить свои мысли. Вы умеете изъясняться вразумительно, а это самое главное. Ответ должен быть недвусмысленным, безо всяких сомнений или колебаний. Я уверена, что у вас найдутся нужные слова, чтобы, как того требуют приличия, выразить благодарность и сожаление о причиненной боли. Вы и без моих подсказок сумеете посочувствовать разбитым надеждам.

— Значит, вы считаете, что я должна ему отказать, — сказала Харриет, потупив взор.

— Должна отказать? Харриет, о чем вы? Неужели вы сомневаетесь по этому поводу? Я-то думала… Прошу прощения, должно быть, я неверно все поняла, раз вы не уверены в самом ответе. Но я полагала, что вы колеблетесь и советуетесь со мной, лишь поскольку не знаете, какие именно подобрать слова.

Харриет промолчала. С некоторой сдержанностью Эмма продолжила:

— Я так понимаю, вы намерены дать положительный ответ.

— Нет-нет, не намерена… то есть… Мисс Вудхаус, что же мне делать? Что бы вы посоветовали? Прошу, скажите, как мне поступить?

— Харриет, в таком деле я не вправе давать вам советы. Не желаю в это вмешиваться. Здесь вам

подскажет лишь ваше сердце.

— Я и не знала, что так сильно нравлюсь ему, — промолвила Харриет, задумчиво разглядывая письмо.

Эмма некоторое время молчала, однако, заподозрив, насколько обаятельны могут оказаться чары послания, решила нарушить тишину:

— Харриет, я взяла за правило следующее: если женщина сомневается, принять ей предложение или же отказать, то непременно следует отказать. Если она не решается сказать «да», то уж лучше напрямую ответить «нет». Не стоит выходить замуж, не будучи полностью уверенной в своих чувствах. Как ваш старший друг, я считаю своим долгом сообщить вам мое мнение. Однако не подумайте, будто я пытаюсь вам его навязать.

— О нет! Я знаю, вы слишком добры ко мне… Но если бы вы могли дать мне совет, как будет лучше… Нет-нет, то есть я имею в виду… Вы правы, в таком деле не может быть колебаний… Это ведь такой серьезный шаг… Наверное, лучше отказать. Как вы думаете? Лучше отказать?

— Ни за что на свете не стала бы я давать вам советы в таком деле, — сказала Эмма со снисходительной улыбкой. — Вы сами лучше знаете, что сделает вас счастливой. Если вы предпочитаете

мистера Мартина любому другому мужчине, если достойнее вы никого не встречали, то к чему колебаться? Харриет, вы покраснели. Неужели при этих словах вы думаете о ком-то еще? Харриет, Харриет, не обманывайте себя. Не позволяйте благодарности и состраданию затмить истинные чувства. Кто же еще пришел вам на ум?

Внешний вид Харриет обнадеживал: отвернувшись, она в задумчивости смотрела на огонь и лишь машинально вертела письмо в руках. Эмма нетерпеливо ждала решения подруги, при этом надежды ее крепли. Наконец в некоторой нерешительности Харриет промолвила:

— Мисс Вудхаус, поскольку вы не желаете дать мне совета, я должна принять решение сама. И я твердо уверена, то есть я почти окончательно решила, что откажу мистеру Мартину. Как вы думаете, правильно я поступаю?

— Правильно, милая моя Харриет, совершенно правильно! Именно так вам и следует поступить. Покамест вы сомневались, я не выражала своего мнения, однако теперь, когда вы твердо уверены в ответе, я безо всяких колебаний вас поддерживаю. Милая Харриет, как же рада я вашему решению! Мне тяжело было бы лишиться подруги, однако именно таковым было бы следствие

вашего с мистером Мартином брака. Я не стала говорить об этом, покуда вы колебались, чтобы не влиять на ваше решение, но скажи вы «да», нашей дружбе пришел бы конец. Я бы не смогла навещать жену Роберта Мартина с фермы Эбби-Милл. А теперь я за нашу дружбу спокойна.

Харриет о подобных последствиях даже не задумывалась, а потому мысль о такой возможной опасности чрезвычайно ее поразила.

— Вы бы не смогли меня навещать! — потрясенно воскликнула она. — Да-да, конечно, не смогли бы, но я даже и не подумала об этом. Это было бы просто ужасно! Но я решила отказать — какое облегчение! Милая мисс Вудхаус, я бы ни на что на свете не променяла честь и удовольствие дружить с вами.

— Харриет, поверьте, мне было бы больно лишиться вашей дружбы, однако иначе бы быть не могло. Вы бы отвергли приличное общество, и мне пришлось бы вас забыть.

— О боже!.. Я бы этого не вынесла! Я бы умерла, если бы двери Хартфилда закрылись для меня!

— Милое, нежное создание! Представить только: заточить вас на ферме! Обречь на жизнь среди грубого и необразованного люда! И как только этому мистеру Мартину хватило наглости про-

сить вашей руки. Должно быть, он о себе очень высокого мнения.

— По-моему, он вовсе не самодоволен, — возразила Харриет, совесть которой не позволила согласиться с таким несправедливым обвинением, — и к тому же очень добродушен, я буду вечно испытывать к нему благодарность и уважение, но это совсем иное, чем… И, хотя я ему так нравлюсь, это совсем не значит, что я должна… И, признаться честно, с тех пор, как я стала бывать в вашем доме, я повстречала таких людей… Конечно, и внешность их, и манеры выше всякого сравнения — а в особенности одного джентльмена, он так красив и обходителен! Однако я все же считаю мистера Мартина очень любезным молодым человеком и всегда буду о нем хорошего мнения, он так меня ценит и написал такое письмо… но расстаться с вами — нет, на это я бы не пошла ни за что!

— Спасибо, спасибо, Харриет, милая моя подруга. Мы с вами не расстанемся. Женщина не обязана отдавать мужчине руку лишь потому, что он ее попросил, или потому, что он ее ценит и может написать сносное письмо.

— Нет-нет, не обязана, да и письмо коротковато.

Про себя Эмма отметила дурной вкус подруги, однако вслух сказала, что слова Харриет справедливы и что невелико было бы утешение знать, будто твой муж, чьи неотесанные манеры оскорбляют тебя ежечасно, способен написать неплохое письмо.

— О да! Что толку в письмах? Главное — быть счастливой в приятном обществе. Я твердо намерена ему отказать. Но как это сделать? Что мне сказать?

Эмма заверила Харриет, что трудностей с ответным посланием не возникнет, и посоветовала написать все прямо, с чем ее подруга согласилась в надежде на помощь; и, хотя Эмма продолжала твердить, что Харриет справится сама, на деле каждое предложение было записано под ее строгим надзором. Перечитывая письмо мистера Мартина и сочиняя ответ, Харриет лишилась своей уверенности и смягчилась, так что Эмме пришлось продиктовать ей несколько решительных выражений. Подруга ее боялась причинить молодому человеку боль и переживала, что же скажут и подумают о ней его мать и сестры, не сочтут ли они ее неблагодарной, так что Эмма даже подумала: «Окажись Харриет сейчас в одной комнате с мистером Мартином, предложение его

все-таки было бы принято».

Наконец ответ был написан, запечатан и отправлен. Дело было сделано, а Харриет спасена. Весь вечер она пребывала в унынии, и Эмма, понимая, какими та мучается угрызениями, старалась отвлечь ее, напоминая то об их крепкой дружбе, то о мистере Элтоне.

— Меня больше никогда не пригласят в Эбби-Мил, — опечаленно говорила Харриет.

— А если бы и пригласили, милая моя Харриет, то я бы вас никуда не пустила. Вы ведь нужны здесь, в Хартфилде, а не в Эбби-Мил.

— Мне и самой туда не захочется, ведь счастлива я лишь в Хартфилде.

Спустя некоторое время она воскликнула:

— Вот бы миссис Годдард удивилась, узнай она, что произошло. Да и мисс Нэш тоже: она считает, что ее сестра очень удачно вышла замуж, а ведь ее муж всего лишь торгует тканями.

— Харриет, разве стоит равняться на школьную учительницу, которой нет дела ни до достоинства, ни до утонченности? Смею предположить, что мисс Нэш позавидовала бы сейчас и вам. Даже такая партия показалась бы ей ценной. Однако она и не догадывается о том, что вас ожидает более завидный жених. Внимание одного

известного нам с вами джентльмена едва ли успело сделаться в Хайбери предметом сплетен и пересудов. Я полагаю, что покамест только вы да я понимаем истинное значение его взглядов и поведения.

Харриет зарделась, улыбнулась и отметила, что даже странно, коль скоро она так нравится некоторым людям. Мысль о мистере Элтоне заметно ее приободрила, и все же спустя некоторое время ее мягкое сердце вновь преисполнилось муками из-за отвергнутого мистера Мартина.

— Он уже получил мое письмо, — тихо сказала она. — Интересно, что они сейчас делают… Знают ли его сестры? Если он расстроился, то и они тоже. Надеюсь, его это не слишком задело.

— Давайте лучше вспомним о тех наших друзьях, которые заняты более приятными делами! — воскликнула Эмма. — Мистер Элтон сейчас, наверное, показывает ваш портрет своей матери и сестрам, рассказывает, насколько оригинал красивее, и после настойчивых расспросов соглашается назвать им имя этой прекрасной дамы — ваше драгоценное имя.

— Мой портрет!.. Но ведь он оставил его на

Бонд-стрит[2].

— Ах, ежели так, то я совсем ничего о нем не знаю! Но нет, милая моя, скромная Харриет, картина окажется на Бонд-стрит лишь завтра утром, как раз перед тем, как мистеру Элтону нужно будет выезжать назад. Сегодня же портрет весь вечер в его распоряжении, он его утешение и отрада. При помощи этого рисунка мистер Элтон открывает семье свои намерения, вводит вас в их круг, возбуждая приятнейшие чувства, свойственные человеку, — живое любопытство и теплое предрасположение. Представить только, сколько новых мыслей и сколько пищи для их радостного воображения принес с собой портрет!

Харриет улыбнулась вновь и заметно повеселела.

Глава VIII

На ночь Харриет осталась в Хартфилде. В последние недели она проводила здесь большую часть своего времени, и в конце концов ей отвели собственную спальню. Эмма рассудила, что

---

[2] Примечания: 2

Бонд-стрит — торговая улица в Лондоне, известная своими престижными магазинами.

покамест и спокойнее, и радостнее по возможности держать ее при себе. На следующее утро Харриет нужно было съездить на час-другой к миссис Годдард, однако было условлено, что она тут же вернется в Хартфилд и, по обыкновению, проведет здесь еще несколько дней.

В ее отсутствие зашел мистер Найтли и некоторое время побеседовал с мистером Вудхаусом и Эммой. До прихода гостя мистер Вудхаус собирался на прогулку и теперь сомневался, не отложить ли ее, однако вскоре Эмма и мистер Найтли вместе смогли побороть его высокие представления о радушии и убедили не откладывать необходимый ему моцион и оставить гостя с дочерью. Мистер Найтли, привыкший к краткости, своими лаконичными ответами являл забавную противоположность пространным извинениям и нерешительной учтивости мистера Вудхауса.

— Что ж, мистер Найтли, ежели вы меня извините, ежели не сочтете за грубость, то я послушаюсь совета Эммы и выйду на четверть часа прогуляться. Мне, пожалуй, стоит воспользоваться возможностью, пока светит солнце, и совершить свои три круга туда и обратно. Я с вами без церемоний, мистер Найтли. Мы, люди болящие, всегда считаем, что можем пользовать-

ся некоторыми привилегиями.

— Что вы, мистер Вудхаус, ведь я вам не чужой.

— Оставляю вас на попечение моей замечательной дочери. Эмма с удовольствием займет вас. Ну а я, с вашего разрешения, отправлюсь на свою зимнюю прогулку — три круга туда и обратно.

— Прекрасное решение, сэр.

— Мистер Найтли, я бы мог, конечно, попросить вас составить мне компанию, однако я так медленно хожу, что вам бы такая прогулка быстро наскучила, и к тому же вам ведь еще предстоит долгая дорога назад в Донуэлл.

— Спасибо, сэр. Я и сам уже собирался уходить и полагаю, что чем раньше вы отправитесь на прогулку, тем лучше. Позвольте, я подам вам пальто и провожу до двери в сад.

Мистер Вудхаус наконец ушел, однако мистер Найтли его примеру не последовал, а снова сел, по всей видимости намереваясь продолжить беседу. Он заговорил о Харриет, да притом с похвалами, которых дотоле Эмма от него по отношению к своей подруге не слышала.

— Я не могу так же высоко, как вы, оценить, ее красоту, — сказал он, — но она прелестное создание и нрава, склонен полагать, прекрасного.

Ее характер полностью зависит от общества, в котором она проводит время, и в хороших руках из нее может получиться достойная женщина.

— Я рада, что вы такого мнения, а хорошие руки, надеюсь, уже нашлись.

— Вам, как я погляжу, не терпится получить комплимент, — ответил он. — Что ж, признаю: с вами она изменилась в лучшую сторону. Вы излечили ее от пансионского хихиканья, и перемены в ней действительно делают вам честь.

— Благодарю. Я бы сильно огорчилась, если бы мои старания прошли впустую, и все же не всякий готов одарить другого заслуженной похвалой. От вас, к примеру, я комплименты редко слышу.

— Если я правильно понимаю, она скоро должна прийти?

— С минуты на минуту. Ее нет уже дольше условленного.

— Что-то ее задержало — возможно, гости.

— Наверняка какие-нибудь скучные хайберийские сплетницы!

— Полагаю, для Харриет некоторые особы менее скучны, чем для вас.

Эмма, признавая его правоту, не стала возражать. А мистер Найтли, улыбаясь, добавил:

— Не могу сказать ничего точного о времени и месте, но позвольте сообщить: есть все основания полагать, что вскоре вашу подругу ожидают приятные новости.

— Неужели? Какие же? Какого рода?

— Весьма серьезные, уверяю вас, — ответил он, продолжая улыбаться.

— Весьма серьезные! Тогда речь может быть лишь об одном… Кто в нее влюблен? Кто поверяет вам свои тайны?

Эмма была полна надежд услышать имя мистера Элтона. Мистер Найтли почитался всеобщим другом и советчиком, и она знала, что мистер Элтон его мнение уважает.

— Есть основания полагать, — ответил он, — что скоро Харриет Смит получит предложение руки и сердца, притом от достойнейшего человека — Роберта Мартина. Похоже, ее летний визит в Эбби-Мил сыграл важную роль. Мистер Мартин без памяти влюблен и намеревается на ней жениться.

— Как любезно с его стороны, — сказала Эмма, — но уверен ли он, что и Харриет намеревается выйти за него замуж?

— Ну хорошо-хорошо, он намеревается сделать ей предложение. Так лучше звучит? Позавчера

он заходил ко мне посоветоваться. Он знает, что я высокого мнения о нем и его семье, и считает меня, как я полагаю, одним из лучших своих друзей. Он меня спросил, считаю ли я благоразумным жениться в его возрасте и не слишком ли юна его избранница — иными словами, одобряю ли я его решение. К тому же, учитывая, что с некоторых пор и не без вашего участия она стала вхожа в общество, превосходящее его по положению. Его рассуждения меня очень порадовали. Редко встретишь такого здравомыслящего молодого человека. Он всегда говорит по существу, открыто, прямо и очень рассудительно. Он все мне поведал: о состоянии его и планах, в том числе как они все устроятся в случае его женитьбы. Он прекрасный сын и замечательный брат. Я, не колеблясь, одобрил его решение. Он убедил меня, что ему хватит средств на свадьбу и семейную жизнь, а в таком случае не вижу иных к тому препятствий. Похвалил я и выбор невесты, так что он ушел воодушевленным. Даже если он не ценил моего мнения прежде, то теперь уж точно проникся уважением и, смею предположить, почитает меня лучшим другом и наставником. Было это позавчера вечером. Полагаю, он не стал бы надолго откладывать разговор с дамой сердца,

а поскольку, как я понимаю, вчера он с ней не виделся, то весьма может статься, что он придет в пансион сегодня, а значит, задерживается мисс Смит из-за гостя, которого отнюдь не находит скучным.

— Позвольте, мистер Найтли, — начала Эмма, которая все это время молчаливо про себя улыбалась, — с чего же вы взяли, что мистер Мартин не объяснился с ней вчера?

— Конечно, я не знаю этого наверняка, но к такому выводу прийти нетрудно. Разве не провела она весь вчерашний день с вами? — удивился он.

— Что ж, мистер Найтли, расскажу и я вам кое-что. Он действительно завел этот разговор вчера — вернее, прислал письмо и получил на него отказ.

Мистер Найтли никак не мог поверить услышанному, а потому Эмме пришлось повторить еще раз. От удивления и неудовольствия лицо его побагровело. В негодовании он встал и заявил:

— В таком случае она куда глупее, чем я мог бы предположить. О чем эта простачка вообще думает?

— Ах, ну конечно, — возмутилась Эмма, — мужчине и в голову прийти не может, что у женщины

есть выбор отказаться от предложения руки и сердца! Вы, верно, думаете, что мы готовы выскочить замуж за любого встречного.

— Вздор! Ничего подобного мужчины не думают. Как же это понимать? Харриет Смит отказала Роберту Мартину? Ежели так, то это полное безумие, и я надеюсь, что вы ошибаетесь.

— Я видела ее ответ! Вряд ли тут возможно ошибиться.

— Видели ее ответ! Эмма, да вы его и написали. Это все ваших рук дело. Вы убедили ее отказать ему.

— Даже будь оно и так, что совершенно далеко от истины, то я бы все равно не чувствовала никаких угрызений совести. Мистер Мартин — порядочный молодой человек, однако Харриет он не ровня. Я немало удивлена, что он вообще посмел сделать ей подобное предложение. Судя по вашему рассказу, у него были некоторые сомнения. Очень жаль, что он их отбросил.

— Не ровня Харриет! — с чувством вскричал мистер Найтли и, немного успокоившись и посуровев, продолжил: — Да, видно, и впрямь не ровня: он ее превосходит и по разуму, и по нынешнему положению. Эмма, ваше увлечение этой девицей вас ослепляет. Ни ее происхождение,

ни характер, ни образование не ставят ее выше Роберта Мартина. Она внебрачная дочь бог знает кого, вероятно, безо всякого приданого, а без добропорядочной родни и подавно. Наверняка известно лишь то, что она постоянно живет при пансионе. Она не отличается ни умом, ни образованностью. Ничему полезному ее не научили, а в силу юного возраста и простоты научиться сама она не сумела. В ее лета у нее за плечами и не может быть никакого жизненного опыта, а с ее скудным умом она вряд ли научится чему-то полезному и в будущем. Она недурна собой и добродушна, только и всего. Одобряя его решение жениться, я сомневался лишь в избраннице, ведь для него эта партия явно не из лучших. Он определенно мог бы найти спутницу жизни и помощницу куда разумнее, да и с состоянием поприличнее. Но такие доводы я, разумеется, влюбленному приводить не стал и счел, что зла от нее тоже быть не может, а с таким нравом и в таких хороших руках, как у мистера Мартина, из нее даже может выйти толк. От этого брака выиграла бы только она, и, давая Роберту Мартину совет жениться, я не сомневался и не сомневаюсь и сейчас — все бы сочли, что ей невероятно повезло. Я полагал, что даже вы останетесь до-

вольны и не станете жалеть, что ваша подруга покинула Хайбери ради такого выгодного союза, и, помнится, еще подумал: «Даже Эмма с ее пристрастным отношением к Харриет порадуется столь прекрасной партии».

— Диву даюсь, как плохо вы меня знаете, раз могли допустить такую мысль. Подумать только! Как это фермер — а при всех его достоинствах мистер Мартин всего лишь фермер — может быть прекрасной партией для моей близкой подруги! Что я не стану жалеть, если бы моя подруга покинула Хайбери ради человека, с которым я в жизни знакомство водить бы не стала! Удивляюсь, как вы могли так подумать! Мы с вами мыслим совершенно по-разному. И я никак не могу согласиться с вашими утверждениями. Вы к Харриет несправедливы. Однако другие, в том числе и я, могут оценить ее по достоинству. Мистер Мартин, может, и состоятельнее, однако он, несомненно, ниже ее по положению в обществе. Она вращается в совсем иных кругах. Выйти замуж за такого человека значило бы уронить себя.

— Уронить себя! Кому — незаконнорожденному невежеству? Выйдя замуж за уважаемого, образованного и благородного фермера!

— Что касается обстоятельств ее рождения, то

хоть согласно закону она никто, люди здравомыслящие с этим не согласятся. Она не обязана расплачиваться за чужие прегрешения и опускаться на уровень ниже тех, с кем воспитывалась. Едва ли возможно сомневаться, что ее отец — джентльмен, и притом весьма состоятельный. Ей выделено щедрое содержание, и на ее образование и удобство денег не жалеют. Для меня очевидно, что она дочь джентльмена, и никто, я полагаю, не станет отрицать, что в круг ее общения входят дочери джентльменов. Она стоит выше Роберта Мартина.

— Кто бы ни были ее родители, — отвечал мистер Найтли, — и кто бы ни был в ответе за ее судьбу, непохоже, чтобы они собирались вводить ее в так называемое хорошее общество. Получив поверхностное образование, она останется у миссис Годдард, предоставленная самой себе, — словом, вращаться в кругу людей того же положения, что и миссис Годдард. Ее друзья, очевидно, сочли, что этого ей довольно, и так оно и было. Она сама ничего лучше не желала. Пока вы не выбрали ее своей подругой, ей и в голову не приходило считать себя выше своего окружения. Летом на ферме у Мартинов она была счастлива. Тогда в ней не жило чувство собственного пре-

восходства. Ежели оно есть теперь, то лишь от вас. Эмма, вы стали ей плохой подругой. Роберт Мартин никогда не зашел бы так далеко, если бы видел, что она к нему не расположена. Я его знаю. Он от природы очень чуток и не стал бы навязываться женщине лишь из чувства эгоистичной страсти. А что касается самонадеянности, то этого качества он лишен напрочь. Будьте уверены, у него были все причины надеяться.

Эмме было удобнее не отвечать на его утверждения, а продолжить свою прежнюю мысль.

— Вы очень добры к мистеру Мартину, однако, как я уже говорила, совершенно несправедливы к Харриет. Вы рисуете ее положение куда хуже, чем есть на самом деле. Да, умом она не отличается, но в ней гораздо больше здравого смысла, чем вы полагаете, и она совершенно не заслуживает, чтобы о ней отзывались столь пренебрежительно. Даже отбросив этот довод и предположив, что она, как вы сказали, всего лишь недурна собой и добродушна, то уж позвольте, это отнюдь не бесполезные качества. Она настолько красива, что, пожалуй, с этим согласятся девяносто девять людей из ста, и покуда мужчинам важна красота и они влюбляются в миловидное личико, а не в острый ум, то такая красавица, как Харриет,

будет вызывать всеобщее восхищение и сможет выбирать среди многих. Не стоит пренебрегать и ее добродушным нравом. Она обладает мягким характером и приятными манерами, скромностью и невзыскательностью к другим. Не думаю, что ошибусь, если скажу, что редкий мужчина не сочтет такую красоту и такой нрав величайшими добродетелями, которыми может обладать женщина.

— Честное слово, Эмма, после ваших речей я почти готов с этим согласиться. Уж лучше быть недалекой, чем применять свой ум так, как вы.

— Вот-вот! — игриво подхватила Эмма. — Я знаю, именно так вы все и считаете. От таких женщин, как Харриет, все мужчины в восторге: ее красота завораживает, а ум не затмевает их собственный. Да! Харриет есть из кого выбирать. Даже для вас, вздумай вы жениться, она могла бы стать отличной партией. Ей семнадцать, она только вступает в жизнь, только заводит знакомства, так чему удивляться, если она не принимает первое же предложение руки и сердца? Нет уж, дайте ей время оглядеться.

— Я всегда считал вашу близкую дружбу ужасной глупостью, — отозвался мистер Найтли после небольшой паузы, — хотя держал свои мысли

при себе. Но теперь я вижу, что Харриет она принесет одни несчастья. Вы до такой степени раздуете ее самомнение о собственной красоте и о том, на что она вправе претендовать, что через некоторое время она не захочет знаться ни с одним подходящим ей женихом. Тщеславие вкупе с малоумием несут лишь зло. Юной девице легко обмануться слишком высокими надеждами. Может статься, мисс Харриет Смит и не услышит обилия предложений, даже при том, что она девушка миловидная. Здравомыслящие мужчины, что бы вы ни говорили, не хотят себе глупых жен. Знатные не станут связывать себя с девушкой неизвестного происхождения, а предусмотрительные испугаются неудобного положения и позора, которые навлекло бы на них раскрытие тайны ее родословной. Дайте ей выйти замуж за Роберта Мартина, и она проживет спокойную счастливую жизнь. Если же вы поселите в ней надежды выйти замуж за состоятельного человека из высшего общества, то она навсегда останется в пансионе у миссис Годдард. Ну или, учитывая, что Харриет из тех девушек, которые так или иначе выходят замуж, отчается и выскочит за сына какого-нибудь престарелого учителя чистописания.

— Мистер Найтли, мы с вами совершенно расходимся во мнениях, и далее разговоры наши ни к чему не приведут. Мы лишь еще больше разозлим друг друга. Что же до того, чтобы дать ей выйти замуж за Роберта Мартина, то это невозможно. Она ему отказала, и отказала так недвусмысленно, что больше он на подобное предложение не решится. Как бы то ни было, ей теперь придется стоять на своем. Я не стану отрицать, что оказала на нее некоторое влияние, однако, уверяю вас, от меня почти ничего не зависело. Против мистера Мартина и его внешность, и его грубые манеры. Даже если она и была к нему благосклонна когда-то, то теперь все изменилось. Допускаю, что он казался ей вполне сносным, пока она не знала никого другого. Он брат ее подруг, и он всячески старался ей угодить. Да, может, она и находила его приятным во время своего визита в Эбби-Мил, однако лишь потому, что мужчин лучше до того не видела, это и сыграло ему на руку. Но теперь все иначе. Теперь она знает, каков настоящий джентльмен, и лишь человек с достойным образованием и хорошими манерами сможет заполучить ее руку.

— Вздор, вы несете сущий вздор! — вскричал мистер Найтли. — Роберт Мартин обладает

прекрасными манерами: в них читаются и его здравый смысл, и искренность, и доброжелательность. В нем столько благородства, сколько Харриет Смит никогда даже оценить не сможет.

Эмма промолчала, напустив на себя бодрый и беззаботный вид, однако на самом деле ей стало не по себе и очень захотелось, чтобы мистер Найтли поскорее ушел. Она не раскаивалась в содеянном и по-прежнему считала себя куда лучшим, чем он, судьей в вопросах права выбора женщины и необходимых ей качеств. И все же она привыкла уважать его мнение, а потому ее сильно задело то, как открыто он выступил против нее. Сидеть напротив разгневанного мистера Найтли было неприятно. Несколько минут они провели в гнетущей тишине. Лишь раз Эмма попыталась заговорить о погоде, однако ее собеседник, погруженный в раздумья, промолчал. Через некоторое время он нарушил тишину:

— Для Роберта Мартина потеря невелика, надеюсь, он и сам вскоре это осознает. Вам лучше знать о ваших видах на Харриет, но поскольку вы не скрываете своей страсти к сватовству, то посмею предположить, что ваши планы и намерения именно такого характера. И, как ваш друг, хочу вас предостеречь: если в них входит мистер

Элтон, то вы потратите силы зря.

Эмма рассмеялась и покачала головой. Он продолжал:

— Поверьте, с Элтоном у вас ничего не выйдет. Он хороший человек и уважаемый в Хайбери викарий, однако Элтон не женится, хорошенько не поразмыслив. Он не хуже других разбирается в деньгах. Элтон может быть чувствительным на словах, но поступать будет согласно доводам разума. Он хорошо знает себе цену, точно как вы знаете цену Харриет. Элтон знает, что он красив собою, что он повсюду желанный гость, и, судя по откровенным разговорам, когда в обществе, бывает, остаются одни мужчины, своего не упустит. Однажды он с большим воодушевлением рассказывал о некой большой семье, с которой водят дружбу его сестры, — в ней за каждой из дочерей приданое по двадцать тысяч фунтов.

— Весьма вам признательна, — вновь рассмеявшись, ответила Эмма. — Если бы я и правда задумала женить Харриет и мистера Элтона, то с вашей стороны было бы очень любезно открыть мне глаза на правду. Однако пока что я лишь хочу, чтобы Харриет оставалась при мне. Со сватовством я покончила. Никогда мне не повторить такого успеха, как с рэндалльской четой. Пожа-

луй, лучше отойти от дел, покуда репутация моя не пострадала.

— Что ж, всего вам хорошего, — внезапно вскочив, произнес мистер Найтли и ушел. Он был ужасно раздосадован. С горечью он думал, как опечален Роберт Мартин, и испытывал унижение от того, что сам воодушевил его. Невероятно раздражала мистера Найтли и роль, которую, как он был уверен, сыграла во всем этом Эмма.

Раздосадована была и Эмма, однако она, в свою очередь, не могла понять точной причины этого чувства. В отличие от мистера Найтли, Эмма не была полностью уверена в своей правоте, в том, что исключительно ее суждения верны, а собеседника — ложны. Мистер Найтли оставил ее полной сомнений. Однако скорое возвращение Харриет быстро укрепило ее дух. Та все же чересчур надолго задержалась у миссис Годдард, и Эмма начала переживать: что, если мистер Мартин пришел в пансион и убедил Харриет дать согласие на его предложение? Страх подобного поражения немало ее беспокоил. Но Харриет, как оказалось, задержали совсем иного рода дела, и когда она явилась в бодром расположении духа, Эмма успокоилась и укрепилась в своей правоте. Что бы ни думал или ни говорил мистер Найтли,

все ее поступки можно оправдать женской дружбой и женскими чувствами.

Его слова о мистере Элтоне немного ее встревожили, однако Эмма рассудила, что мистер Найтли, сколько бы он ни насмехался над ее склонностью к сватовству, не мог оценить избранника так же, как она, — с ее вниманием и знанием дела. Он наговорил все второпях и от досады, а потому скорее выдавал желаемое за действительное, чем знал что-то наверняка. Разумеется, в мужском кругу мистер Элтон говорит более откровенно, и наверняка он разбирается в деньгах и осмотрителен в подобных вопросах, однако мистер Найтли забывает, что сильные чувства корыстным побуждениям неподвластны. Мистер Найтли просто не встречал похожих случаев, а потому не принял их в расчет, а вот она, напротив, немало становилась свидетельницей таких примеров, а потому не сомневалась, что страстное чувство возобладает над разумной предосторожностью. Осторожностью же, превосходящей разумную, мистер Элтон, по ее мнению, не обладал.

При виде веселой Харриет повеселела и Эмма. Вернувшись, ее подруга заговорила не о мистере Мартине, а о мистере Элтоне. С восторгом она по-

ведала новость, которую рассказала ей мисс Нэш. В пансионе заболел ребенок, и к ним приходил мистер Перри. Мисс Нэш с ним разговорилась, и он поведал, что днем ранее, возвращаясь из Клейтон-парка, встретил мистера Элтона и, к величайшему своему удивлению, узнал, что мистер Элтон как раз направляется в Лондон и до следующего дня не вернется. А ведь вечером они собирались играть в вист, а вист мистер Элтон не пропускает никогда! Мистер Перри пытался его пристыдить — как же это так, лучший игрок и не придет! — и уговорить отложить поездку всего на один денечек, однако тот был полон решимости продолжить свой путь и сказал лишь, что едет по делу, не терпящему отлагательств, и что дело это весьма завидное, ведь в его распоряжение доверили нечто чрезвычайно ценное. Мистер Перри не вполне его понял, однако остался убежден, что тут не обошлось без дамы сердца, о чем и сообщил мистеру Элтону. Тот лишь многозначительно улыбнулся и в превосходном настроении поехал дальше. Рассказав ей все это, мисс Нэш еще немного повосхищалась мистером Элтоном, заявила, что, конечно, не будет притворяться, будто понимает, какое у него в Лондоне дело, но, бросив на нее выразительный взгляд, заключила:

избранница его станет самой счастливой женщиной на свете, ведь по красоте и обаянию мистер Элтон ни с кем не сравнится.

Глава IX

С мистером Найтли Эмма повздорила, однако с собой в ссоре не была. Он так рассердился, что дольше обычного не заглядывал в Хартфилд. Когда же они все-таки встретились, своим мрачным видом он дал понять, что еще не простил ее. Эмму это огорчило, но в своих поступках она не раскаивалась. Напротив, события последующих дней еще больше укрепили в ней дорогие сердцу замыслы.

Вскоре по возвращении мистер Элтон вручил ей портрет в изящной рамке, который тут же занял место над камином в гостиной. Едва его повесили, мистер Элтон вскочил полюбоваться: от восторга он мог лишь сыпать бессвязными комплиментами и вздыхать, как и полагается влюбленному. Что же до Харриет, то ее чувства постепенно перерастали в сильную юношескую привязанность. Вскоре Эмма с удовольствием отметила, что если та и вспоминает мистера Мартина, то лишь для сравнений в пользу мистера

Элтона.

Планы Эммы развить ум своей подруги полезным чтением и обсуждением прочитанного пока что не заходили дальше первых глав и обещаний продолжить на следующий день. Куда проще было болтать, а не заниматься, куда приятнее воображать будущее Харриет, а не учить ее понимать текст и запоминать сухие факты. Единственным литературным занятием Харриет, единственной духовной пищей, которую она, можно сказать, употребляла впрок, было собирание всяческих загадок. Она переписывала их в небольшой альбом, сшитый для нее Эммой из гладкой, украшенной вензелями и завитушками бумаги.

В наш просвещенный век такие собрания не редкость. Мисс Нэш, старшая учительница в пансионе, выписала похожих загадок по меньшей мере три сотни, и Харриет надеялась, что с помощью мисс Вудхаус сможет даже превзойти ее в этом занятии. Эмма призывала все свое вдохновение, память и вкус, а Харриет записывала строки красивым почерком, так что собрание обещало стать лучшим в своем роде как по содержанию, так и по внешнему виду.

Мистер Вудхаус увлекся занятием не меньше

обеих девиц и частенько пытался припомнить хоть что-то для их альбома. Ах, вот в его молодости было столько хитроумных загадок, но почему-то сейчас ни одна на ум не приходит! Но ничего, он еще вспомнит… И всякий раз он рассказывал им лишь «Милая Китти была холодна».

Его друг мистер Перри, которому он поведал об этой затее, тоже не мог припомнить ни одной загадки, однако мистер Вудхаус попросил его держать ухо востро, ведь он много где бывает и наверняка что-нибудь подходящее услышит.

Дочь его при этом совершенно не намеревалась опрашивать лучшие умы Хайбери. За помощью она обратилась лишь к мистеру Элтону. Попросив его вспомнить любые хорошие загадки, шарады и головоломки, Эмма с удовольствием наблюдала за его стараниями. Ко всему прочему, он явно остерегался произнести что-либо недостойное слуха прекрасных дам. С его слов они записали две или три изящные загадки, а вспомнив еще одну, он пришел в неописуемый восторг и с чувством продекламировал:

Мой первый слог возлюбленный мечтает услыхать,

Второй – младенцы самым первым про-

износят,

Нетрудно вместе их сложить и отгадать,

Кого о благосклонности нередко кто-то просит.

Мистер Элтон так радовался этой всем известной шараде, что Эмма даже немного расстроилась, признавшись, что они уже записали ее где-то на предыдущих страницах.

— Мистер Элтон, почему бы вам самому нам что-нибудь не сочинить? — предложила она. — В таком случае загадка точно будет новой. Я уверена, что вам это вовсе не составит труда.

— О нет! Я в жизни никогда ничего подобного не писал. Разве могу я? Боюсь, даже мисс Вудхаус, — тут он на мгновение замолчал, — или мисс Смит не смогли бы меня вдохновить.

Однако на следующий день мистер Элтон все же принес им плоды своего вдохновения. Заглянув всего на пару минут, он оставил листок с шарадой, которую, как он сказал, написал один его друг, посвятив некой юной даме — предмету его восхищения. По его поведению Эмма сразу же поняла, что автор — сам мистер Элтон и никто иной.

— Эта загадка не для собрания мисс Смит, — добавил он. — Я не вправе выставлять на всеобщее обозрение шараду, которую написал мой друг, но, возможно, вам будет любопытно на нее взглянуть.

Говорил он это все, глядя на Эмму, а не на Харриет, что, по мнению Эммы, было вполне ожидаемо. От смущения он не мог даже в глаза посмотреть ее подруге и тут же ушел.

— Возьмите, — улыбаясь, сказала Эмма и протянула листочек Харриет. — Это ведь для вас. Берите, берите.

Но Харриет так трепетала, что даже не посмела к нему прикоснуться, и Эмма, будучи по природе более решительной, прочитала загадку первой.

К мисс…

ШАРАДА

Для первой части здесь глагол повелевает
Нам чувство нежное с тобою испытать,
Звучание второй в душе моей рождает
Желание скорее так тебя назвать.

Ты вместе части эти соединить спеши,

Дабы узнать, кому весь мир подвластен.

Она прекрасна, и ученые мужи,

И короли, и воины ей дарят свое счастье.

Твой острый ум то слово быстро отгадает,

И нежный взор ответ скрывать не станет.

Эмма взглянула на шараду, задумалась, отгадала необходимое слово, перечитала стих, чтобы еще раз убедиться в догадке, и затем передала его Харриет. Пока та, преисполненная надежд, ломала голову, Эмма молча улыбалась и думала: «Что ж, мистер Элтон, весьма недурно. Я читывала шарады и похуже. «Любимая» — куда яснее! Отдаю вам должное. Первый осторожный шаг совершен. Стих прямо говорит: «Умоляю, мисс Смит, позвольте за вами ухаживать. Примите мою шараду и мои чувства».

И нежный взор ответ скрывать не станет…

Точь-в-точь Харриет. «Нежный взор» — да-да! А какой замечательный эпитет, как он ей подходит!

Твой острый ум то слово быстро отгадает…

Хм-м, острый ум — и это у Харриет? Оно и к лучшему. Должно быть, бедняга влюблен без памяти, раз готов так ее описывать. Ха, мистер Найтли! Были бы вы здесь, убедились бы, что раз в жизни все-таки оказались неправы. В самом деле, замечательная шарада! И невероятно кстати. Недолго и до признания ждать осталось».

Эмма была вынуждена оторваться от своих увлекательных размышлений, которые могли бы занять ее еще надолго, из-за потока вопросов от Харриет:

— Мисс Вудхаус, что же это может быть? Что же… Я совершенно не понимаю, никаких догадок нет… Что же это за слово? Мисс Вудхаус, помогите, прошу вас! Я такой трудной шарады в жизни не встречала. Может, это «удача»? Интересно, кто же этот друг… и кто эта дама! Как вам шарада? Хороша? Может, это «война»?

И короли, и воины ей дарят свое счастье…

Или «победа»?

Ученые мужи…

Или «наука»? Или «ум»? Ах, нет! «Ум» ведь мужского рода, а здесь сказано «она»… Должно быть, разгадка очень хитроумная, раз он принес нам эту шараду. Ох, мисс Вудхаус, думаете, мы когда-нибудь догадаемся?

— Войны и победы! Что за вздор! Дорогая моя Харриет, о чем вы? С чего бы ему вдруг приносить нам шараду от друга о войнах или победах? Дайте-ка мне листок и слушайте. «К мисс…» Читать следует: «К мисс Смит».

Для первой части здесь глагол повелевает

Нам чувство нежное с тобою испытать,

Это «люби».

Звучание второй в груди моей рождает

Желание скорее так тебя назвать.

А это «моя», а раз «звучание», то может быть и «мая». Проще простого. Ну и самое интересное:

Ты вместе части эти соединить спеши,

Дабы узнать, кому весь мир подвластен.

Она прекрасна, и ученые мужи,

И короли, и воины ей дарят свое счастье.

Как красиво написано! И далее еще следует предложение, уж его, милая моя Харриет, вы точно поймете без труда. Перечитайте его сами.

Никаких сомнений нет: стих написан для вас и про вас.

Харриет легко было убедить в столь лестных выводах. Она перечитала последние строки и счастливо зарделась не в силах вымолвить ни слова. Но говорить ей и не надо было — ей довольно было лишь чувствовать, а сказала все за нее Эмма.

— В этой шараде все написано столь ясно и столь недвусмысленно, — сказала она, — что в намерениях мистера Элтона нельзя ошибиться. Вы — предмет его восхищения, и скоро получите полнейшее тому доказательство. Я так и предполагала, однако теперь исчезли любые сомнения, его чувства ясны как день и столь же определенны, сколь мои пожелания на этот счет с первого же дня нашего с вами знакомства. Да, Харриет, с тех самых пор я мечтала, чтобы все случилось именно так. Не могу даже сказать, какой мне видится ваша с мистером Элтоном взаимность: более желаемой или более естественной. Она и возможна, и уместна в равной степени! Я так счастлива. Поздравляю вас, дорогая моя Харриет, от всего своего сердца. Такой привязанностью вправе гордиться любая женщина. Это достойная партия, которая принесет вам лишь благо. Ваш

союз подарит все, о чем можно мечтать: положение, независимость, достойный дом и круг ваших истинных друзей! Вы станете жить вблизи от Хартфилда и от меня, и мы навсегда скрепим нашу дружбу. Харриет, за такой союз не придется краснеть ни мне, ни вам.

Харриет только и могла что обнимать ее, причитая: «Ах, мисс Вудхаус!» да «Дорогая мисс Вудхаус!». Когда же она вновь обрела дар связной речи, у Эммы не осталось сомнений, что ее подруга все понимает и чувствует так, как ей и полагается, должным образом представляет будущее и предается воспоминаниям о прошлом. Хвала достоинствам мистера Элтона не знала устали.

— Что бы вы ни сказали, всегда все сбывается! — вскричала Харриет. — И потому я полагаю, и верю, и надеюсь, что все так, как вы говорите. Иначе бы я и помыслить о подобном не могла! Разве же я всего этого заслуживаю? Мистер Элтон может выбрать любую другую! О нем все прекрасного мнения. Он обладает столькими достоинствами. Взять хоть вот эти стихи — «К мисс…» Ах, какие чудесные! Неужели они и впрямь про меня?

— Разумеется, я в этом даже не сомневаюсь. Это

вопрос решенный. Положитесь на мое чутье. Стихи — всего лишь пролог к пьесе, эпиграф к главе, и за ними последует вполне определенная проза.

— Кто бы мог представить! Уверена, месяц назад я бы всему этому не поверила! Просто чудо какое-то!

— Когда такие вот мисс Смит и мистер Элтон встречаются — это действительно чудо. Невероятно, когда сбывается что-то настолько очевидное, настолько желаемое даже другими людьми, когда такое знакомство сразу же приобретает необходимую форму. Вам с мистером Элтоном самой судьбой уготовано быть вместе, по всем обстоятельствам вы предназначены друг другу. Ваш союз станет столь же прекрасен, сколь рэндалльский. Кажется, в Хартфилде и впрямь витает некий ветерок, несущий любовь в верную сторону, направляющий ее в нужное русло. Шекспир пишет: «Путь истинной любви не может быть спокоен»[3], — но если бы эту пьесу издавали в Хартфилде, то к этой строчке понадобилось бы огромное примечание.

— Подумать только, чтобы мистер Элтон влюбился не в кого-нибудь еще, а в меня, а ведь до

---

[3] Примечания: 3

«Путь истинной любви не может быть спокоен» — строка из пьесы У. Шекспира «Сон в летнюю ночь» (акт I, сцена 1).

Михайлова дня[4] мы даже представлены не были, словечком не обмолвились! А он так хорош собой — красивее всех на свете! И у всех он в почете, совсем как мистер Найтли! Ему всегда всюду рады, и говорят, что, если бы он захотел, то мог бы вообще никогда не садиться за стол в одиночку: у него больше приглашений, чем дней в неделе. А как он читает проповеди! Мисс Нэш записывает за ним всякий раз с тех пор, как его назначили в наш приход. Боже мой! Помню, как увидела его впервые! Разве могла я тогда вообразить! Когда мы с сестричками Эббот услышали, что он идет мимо, то сразу побежали к окну, но пришла мисс Нэш, наругала нас и прогнала, а сама осталась поглядеть, правда, тут же сжалилась и позвала меня к себе. Как он тогда был красив! Они шли рука об руку с мистером Коулом.

— Это союз, который непременно устроит ваших неизвестных покровителей, ежели они, конечно, в здравом уме, а с глупцами нам и считаться ни к чему. Если они желают, чтобы вы были счастливы в браке, то вот человек, добрый нрав которого тому поспособствует. Если они хотят, чтобы вы оставались в том краю и в том

[4] Примечания: 4

Михайлов день — христианский праздник. Отмечается англиканской церковью 29 сентября.

круге людей, которых они для вас выбрали, то союз этот тоже кстати. Если же они считают, что главное вас, как говорится, удачно выдать замуж, так и с этим повезло: здесь вам и приличное состояние, и уважение, и прочное положение в хорошем обществе.

— Да, так и есть! Как вы хорошо говорите, я так люблю вас слушать. Вы все понимаете. Вы и мистер Элтон оба так умны. Что за шарада! Я бы год гадала и все равно ничего не поняла.

— Даже по вчерашнему его отнекиванию было ясно, что он все же захочет испробовать свои силы.

— Мне кажется, это лучшая на свете шарада!

— Во всяком случае более подходящей к случаю я не видывала.

— И какая длинная! У нас таких — по пальцам перечесть.

— А вот длина — вовсе не исключительное достоинство. Такие сочинения и не могут быть короткими.

Харриет, в упоении перечитывавшая строки, уже ее не слышала. В голову ей приходили благоприятные для мистера Элтона сравнения.

— Одно дело, — заговорила она, зардевшись, — когда человек, как и все вокруг, обладает до-

статочным здравым умом и может написать короткое письмо по бытовым вопросам, и совсем другое — когда человек может придумывать такие шарады и сочинять такие стихи!

Более горячего неприятия мистера Мартина с его коротенькой прозой Эмма и пожелать не могла.

— Какие они чудные! — продолжала Харриет. — Особенно две последние строчки! Но как же мне вернуть ему листочек, как же сказать, что я ее разгадала? Ах, мисс Вудхаус, что же нам делать?

— Положитесь на меня. Вам ничего делать не нужно. Он, полагаю, придет сегодня вечером, и тогда я верну ему листок, мы поговорим о какой-нибудь чепухе, а вы не будете скомпрометированы. Ваши прекрасные глаза сами засияют для него в подходящий момент. Доверьтесь мне.

— Ах, мисс Вудхаус! Как жаль, что я не могу переписать к себе такую красивую шараду! Она куда лучше остальных.

— Выкиньте последние две строки и можете смело переписывать.

— Ах, но ведь эти строки…

— Самые лучшие. Разумеется, однако ими наслаждаться нужно наедине. Они не станут хуже от того, что их отделили от остального послания.

Ни сами строки, ни их смысл не изменятся. Если их убрать, то намек на вдохновительницу шарады исчезнет и останется лишь изящная загадка, способная украсить любое собрание. Будьте уверены, пренебрежение плодом его стараний равносильно пренебрежению его чувствами. Влюбленного поэта нужно поощрять и как влюбленного, и как поэта — либо же не поощрять вовсе. Дайте мне альбом, я сама все перепишу, тогда никакого намека на вас точно не будет.

Харриет уступила, хотя рассудок ее едва мог представить строфы по отдельности, а чувство было такое, словно в альбом записывают признание в любви. Стихи казались ей до того сокровенными, что она не хотела, чтобы их увидел кто-либо еще.

— Теперь я этот альбом никогда из рук не выпущу, — сказала она.

— Замечательно, — откликнулась Эмма, — это вполне естественное чувство. И чем дольше оно будет длиться, тем я буду довольнее. Но вот идет мой батюшка, вы же не станете возражать, если я зачту шараду ему? Он будет в восторге! Он обожает всякие загадки, а особенно те, в которых превозносится женщина. Батюшка мой с такой нежностью ко всем нам относится! Позвольте же

зачитать стихи ему.

Харриет помрачнела.

— Дорогая моя Харриет, не стоит относиться к этой шараде столь серьезно. А иначе вы рискуете ненароком выдать свои чувства, если будете слишком задумчивы или поспешны во взаимности, и выйдет, что вы придаете ей даже большее, чем в нее заложено, значение. Не дайте свести себя с ума такому крошечному проявлению восхищения. Если бы он хотел держать все в тайне, то не стал бы передавать листок в моем присутствии. Он же, напротив, пододвинул его скорее в мою сторону, чем в вашу. Не будем же приписывать этому знаку внимания чрезмерную торжественность. Он получил достаточное поощрение на дальнейшие шаги, и незачем сидеть и вздыхать над этой шарадой.

— Ах да! Надеюсь, я не выставлю себя нелепо… Поступайте как вам угодно.

Вошел мистер Вудхаус и очень скоро сам завел разговор о волнующей их теме, осведомившись, как это было заведено:

— Ну, милые мои, как там ваше собрание? Нашли что-нибудь новенькое?

— Да, папа, как раз хотим вам прочесть. Нашли сегодня утром на столе листочек с одной чудес-

ной шарадой — фея, должно быть, оставила. Мы ее только что к себе переписали.

Эмма прочла стихи вслух так, как любил мистер Вудхаус: медленно и четко, несколько раз подряд и с пояснениями каждой части. Он, как и ожидалось, остался в восторге, особенно от хвалебных заключительных строк.

— Да, точно, очень точно подмечено. Совершенно верно. «Кому весь мир подвластен». Замечательная шарада, голубушка моя, и я без труда догадаюсь, что за фея ее принесла. Только ты, милая Эмма, могла так складно написать.

В ответ Эмма лишь кивнула и улыбнулась. Немного поразмыслив, мистер Вудхаус с нежным вздохом добавил:

— Да, сразу видно, в кого ты пошла. Твоя дорогая матушка мастерица была по этой части! Мне бы ее память! Но я ничего не могу вспомнить… Даже в той загадке, о которой я тебе уже говорил, помню только первую строфу, а ведь их там несколько.

Милая Китти была холодна,

Но страннику мигом огонь разожгла.

К нему слишком близко не стоит садиться,

Костер ворошить можно лишь в рукавицах.

Вот и все, что я помню, а ведь к концу там так хитро сказано. Но помнится, голубушка, ты говорила, что у вас она уже записана.

— Да, папа, на второй странице. Ее составил Гаррик[5], а выписали мы ее из «Отрывков из изящной словесности».

— Да-да, точно. Жаль, не помню дальше… «Милая Китти была холодна»… Это имя мне всегда напоминает о нашей бедной Изабелле, мы ведь чуть не окрестили ее Кэтрин в честь бабушки. Надеюсь, она приедет на следующей неделе. Голубушка, ты уже думала, в какие комнаты их всех разместить?

— Да! Она, конечно же, займет свою комнату, как обычно, а для детей есть детская. Зачем что-то менять?

— Не знаю, милая, так давно они здесь не были! С Пасхи, да и тогда приезжали всего на пару дней. До чего у мистера Джона Найтли неудобное занятие — адвокат. Бедняжка Изабелла! Как жаль, что она от нас так далеко! Как расстроится она, когда,

---

[5] Примечания: 5

Дэвид Гаррик (1717–1779) — английский актер, драматург и директор лондонского театра «Друри-Лейн».

приехав, не застанет здесь мисс Тейлор!

— Папа, для нее во всяком случае это не станет неожиданностью.

— Не знаю, душенька. Уж какой для меня стало неожиданностью, когда я впервые услышал, что мисс Тейлор выходит замуж!

— Когда Изабелла приедет, нужно непременно пригласить мистера и миссис Уэстон отужинать с нами.

— Да, голубушка, если успеем. Но, — добавил он весьма печально, — она приедет всего на неделю. У нас ни на что не хватит времени.

— Конечно, жаль, что они не могут погостить у нас подольше, но ничего не поделать. Мистеру Джону Найтли нужно вернуться в Лондон к двадцать восьмому числу, и нам, папа, даже радоваться надо, что они смогут провести все время у нас и не заезжать в Донуэлл. На Рождество мистер Найтли пообещал нам уступить, хотя, ты знаешь, в прошлый раз они ведь тоже гостили только у нас.

— Да, милая моя, было бы и впрямь ужасно, если бы бедняжке Изабелле пришлось останавливаться где-то еще.

Мистер Вудхаус никогда не признавал права мистера Найтли принимать у себя брата или же

права кого-либо еще принимать у себя Изабеллу. После некоторых раздумий он сказал:

— Не понимаю, почему Изабелла тоже должна уезжать так скоро. Эмма, я думаю, стоит убедить ее остаться у нас подольше. Ни ей, ни детям спешить в Лондон незачем.

— Ну что вы, папа, вам ведь еще никогда не удавалось убедить ее остаться. Изабелла не любит отлучаться от мужа.

Мистер Вудхаус знал: это неоспоримая правда. И хотя она была ему неприятна, оставалось лишь смиренно вздохнуть. Видя, как сильно он опечален мыслью о привязанности его дочери к мужу, Эмма постаралась направить его мысли в более веселое русло.

— А пока они здесь, Харриет следует посещать нас как можно чаще. Я уверена, что ей понравятся дети. Мы ведь ими очень гордимся, да, папа? Интересно, кто ей покажется красивее: Генри или Джон?

— Да, интересно! Ах, бедняжечки, как хорошо, что они приедут. Харриет, вы знаете, им так нравится в Хартфилде.

— Еще бы, сэр. Кому же здесь не понравится?

— Генри — хорошенький мальчик, а Джон — точь-в-точь как его мать. Генри — старший, и

назвали его в честь меня, а не отца! А вот Джона, второго, — в честь отца. Люди, бывает, удивляются, почему это не старшего, но Изабелла пожелала назвать его Генри, и я был очень тронут. Он и впрямь очень умненький мальчик. Они все умненькие и ведут себя иногда так очаровательно. Бывает, встанет кто-нибудь у моего кресла и говорит: «Дедушка, не дадите ли вы мне веревочку?» А Генри однажды попросил у меня ножик, но я сказал ему, что ножики делают только для дедушек. Мне кажется, их отец частенько с ними слишком строг.

— Это вам так кажется, — сказала Эмма, — потому что вы сам всегда чересчур мягки. Если б вы сравнили его с другими отцами, то совсем бы так не думали. Он хочет, чтобы мальчики выросли здоровыми и крепкими, а когда они расшалятся, то может их и осадить. Но он в них души не чает, да-да, мистер Джон Найтли — очень любящий отец. Дети его обожают.

— А их дядя! Подбрасывает их до самого потолка, смотреть страшно!

— И они это, папа, больше всего на свете любят. Если бы их дядя не установил среди них специальный порядок, то они бы ни за что в жизни друг другу не уступали.

— Совершенно этого не понимаю.

— Так всегда и бывает. Одной половине человечества непонятны удовольствия другой.

Немного позже, как раз когда девушки прощались, условившись встретиться вновь в четыре часа за обедом, снова явился автор несравненной шарады. Харриет отвернулась, Эмма же приняла его как ни в чем не бывало, со своим обычным радушием. Зоркий взгляд ее тотчас отметил вид мистера Элтона: он будто знал, что пути назад нет, ставки сделаны! И сейчас он, по всей видимости, пришел проверить, что же из этого вышло. Тут вдруг и случай так удобно подвернулся, мол, узнать, составится ли у мистера Вудхауса вечером без него партия. Если он непременно нужен в Хартфилде, то любые иные дела, безусловно, меркнут, если же нет — его друг Коул так давно его зазывает на ужин и придает этому столь большое значение, что мистер Элтон пообещал ему по возможности прийти.

Эмма поблагодарила его, сказав, что никак не допустит, чтобы из-за них он разочаровал друга, и что партия, конечно, соберется. Он еще раз выказал готовность отклонить приглашение, она снова уверила его, что все в порядке. Тогда он уж было собирался откланяться, как вдруг Эмма взя-

ла со стола листок и протянула ему со словами:

— Ах да! Вот шарада, которую вы так любезно нам оставили. Спасибо, что позволили взглянуть. Мы остались в таком восторге, что я осмелилась переписать ее для собрания мисс Смит. Надеюсь, ваш друг не обидится. Конечно же, мы перенесли лишь первые два четверостишия.

Мистер Элтон совершенно не нашелся что ответить. Вид у него был неуверенный и смущенный, он пробормотал что-то про «честь», взглянул на Эмму, затем на Харриет, затем увидел на столе открытый альбом, взял его и принялся внимательно читать. Чтобы избежать неловкой тишины, Эмма с улыбкой заметила:

— Принесите мои извинения вашему другу, но шарада его так хороша, что ее никак нельзя ограничить двумя-тремя читателями. Он может быть уверен: покуда он так изящно пишет, ни одна женщина перед ним не устоит.

— Скажу без колебаний… — ответил мистер Элтон голосом, который явно выдавал его колебания, — скажу без колебаний… что если мой друг чувствует то же, что и я… Я ничуть не сомневаюсь, что если бы он увидел, какой великой чести удостоились его скромные стишки, — продолжал он, вновь бросая взгляд на альбом и кладя его на

стол, — то счел бы эту минуту счастливейшей в своей жизни.

С этими словами он поспешил уйти. И очень вовремя, как подумала Эмма, потому что при всех похвальных достоинствах речам его была свойственна такая напыщенность, от которой ее просто разбирал смех. Не в силах более сдержаться, она поскорее убежала к себе, оставив Харриет в плену более нежных и возвышенных чувств.

Глава X

Хотя на дворе стояла середина декабря, погода все еще позволяла двум подругам частенько прогуливаться, и однажды утром Эмма собралась нанести благотворительный визит одной бедной семье, живущей неподалеку от Хайбери.

Путь к их уединенному домику лежал вдоль Пастырской дороги, которая под прямым углом отходила от широкой, местами сужающейся главной улицы. На этой дороге, как нетрудно было понять из названия, находилась благословенная обитель мистера Элтона. Сначала нужно было с четверть мили пройти вдоль хиленьких домишек, и там, почти вплотную к дороге, и возвышался дом приходского священника

— старенький и не самый крепкий. Хорошим местоположением он похвастать тоже не мог, однако стоило отдать должное его нынешнему хозяину, благодаря стараниям которого домик сильно похорошел. Как бы то ни было, подруги не могли пройти мимо, не замедлив шаг и не обратив к нему любопытные взоры. Эмма заметила:

— Вот и он. Дом, в котором скоро окажетесь вы и ваш альбом с загадками.

Харриет же воскликнула:

— Ах, какой чудесный дом! Какой красивый! И вот они — эти желтые занавесочки, которыми так восхищается мисс Нэш!

— Сейчас-то я в эту сторону нечасто хожу, — продолжала Эмма, — однако когда вы тут поселитесь, у меня появится необходимый повод постепенно, день за днем знакомиться ближе со всеми этими кустиками и деревьями, калитками и прудиками.

Харриет, как оказалось, ни разу не бывала в самом доме, и любопытство ее было столь велико, что, учитывая все обстоятельства, Эмма сочла это таким же свидетельством любви, как и то, что мистер Элтон разглядел в Харриет острый ум.

— Что б такого выдумать, чтобы нам туда зайти… — вслух размышляла Эмма. — Ничего в

голову не приходит. Ни служанки, о которой я хотела бы навести справки у его экономки, ни послания от отца…

Так ничего она и не придумала. Спустя некоторое время Харриет вновь нарушила тишину:

— Мисс Вудхаус, но я никак не пойму, отчего же вам кажется, что вы не выйдете замуж. Ведь вы с легкостью можете очаровать любого!

Эмма засмеялась и ответила:

— Харриет, того, что я такая очаровательная, в этом деле еще недостаточно. Необходимо, чтобы и другие люди — хотя бы один — тоже смогли меня очаровать. И мне не просто кажется, что я не выйду замуж, я вообще замуж не собираюсь.

— Ах, это вы так говорите, однако же я вам совсем не верю!

— Переменить решение меня заставит лишь человек, достоинствами превосходящий всех моих знакомых. Мистер Элтон, как вы понимаете, — спохватилась она, — не в счет. Да я и не желаю встречать подобного человека и бороться с искушением. Мне нравится моя жизнь такой, какая она есть. И если бы я вышла замуж, то непременно об этом бы пожалела.

— Помилуйте! Как странно слышать от женщины такие слова!

— У меня нет тех причин, по которым женщины обычно вступают в брак. Конечно, если бы я полюбила, то тут уж совсем другой разговор! Однако я никогда не любила и вряд ли когда-нибудь полюблю, это совершенно не в моем характере. А без любви менять что-то в моей жизни было бы просто глупо. Богатства мне не нужны, занятия я не ищу, положения тоже. Полагаю, редкая женщина — такая же полновластная хозяйка в доме мужа, как я в Хартфилде. К тому же ни один мужчина на свете не сможет любить и уважать меня, ставить во всем на первое место и считать всегда правой так, как мой батюшка.

— Но ведь вы станете старой девой, как мисс Бейтс!

— Харриет, я с вами согласна, это ужасающее будущее, и если бы я рисковала стать как мисс Бейтс — такой же глупой, вечно бодрой и улыбающейся без повода, нудной, неразборчивой и невзыскательной, такой же болтливой и норовящей всем вокруг рассказать все и обо всех… Да я бы завтра же выскочила замуж! Но я уверена: между нами нет иных сходств, кроме того, что мы обе не замужем.

— Но ведь вы все равно станете старой девой! Как ужасно!

— Не беспокойтесь, Харриет, мне не грозит стать бедной старой девой — а именно бедность и вызывает у общества презрение к безбрачию. Незамужняя женщина с крошечным состоянием и становится той самой нелепой и всем противной старой девой! Предметом насмешек детворы. А вот незамужняя дама с приличным состоянием, напротив, пользуется всеобщим уважением и, вероятно, так же разумна и приятна в общении, как и все остальные члены общества. Разделение такое на первый взгляд может показаться несправедливым и предвзятым, однако же не стоит забывать, что скудный доход нередко оскверняет ум и портит нрав. Те, кто едва сводит концы с концами и кто вынужден вращаться в очень узком и, как правило, низшем кругу общества, становятся грубыми и озлобленными. Тем не менее к мисс Бейтс это не относится. Она лишь мне кажется чересчур благожелательной и глупой, а остальным вполне нравится, даже будучи незамужней и бедной. Бедность ее ничуть не осквернила, и полагаю, даже свой последний шиллинг она бы раздала другим. Ее никто не боится, и это несомненное достоинство.

— Помилуйте! Но что же вы будете делать? Чем же вы будете занимать себя на старости лет?

— Харриет, я думаю, что обладаю вполне живым и деятельным умом, способным на всякие выдумки, а потому не вижу причин, по которым лет в сорок-пятьдесят мне было бы труднее занять себя, свои руки и голову, чем в двадцать один. Обычные женские занятия останутся для меня все так же доступны, может, лишь интересы немного изменятся. Если перестану рисовать, то буду больше читать, если заброшу музыку, то начну вышивать. Что же до предмета заботы и привязанности — то его незамужней женщине и вправду может не хватать. Однако мне бояться нечего, ведь дети есть у моей любимой сестры. И я уверена, детишек этих будет предостаточно, чтобы их тетушка могла порадоваться на старости лет. С ними мне хватит и надежд, и забот, и хотя, конечно, любовь моя будет отлична от родительской, я полагаю, что она подойдет мне куда больше, чем чересчур горячая и слепая любовь матери. Мои племянники и племянницы!.. Надеюсь, племянницы будут гостить у меня почаще.

— А вы знаете племянницу мисс Бейтс? То есть наверняка вы ее сотни раз видели, но представлены ли вы?

— О да! Представлены, и всякий раз, как она приезжает в Хайбери, нас непременно застав-

ляют знаться. Да уж, этого примера, к слову, предостаточно, чтобы никогда и никому не рассказывать о своих племянницах. Боже упаси! Во всяком случае, я не способна так докучать людям со всеми маленькими Найтли, как она со своей Джейн Фэрфакс. Тошнит уже при одном ее упоминании. Каждое ее письмо непременно перечитывается по сто раз, снова и снова передаются приветы друзьям, а если уж она вдруг пошлет тете фасон корсажа или свяжет для бабушки подвязки, то разговоров об этом хватит на месяц. Я желаю Джейн Фэрфакс только добра, но рассказы о ней надоели мне до смерти.

Подруги уже подходили к нужному домику, и их праздный разговор постепенно затих. Несчастья бедняков всегда внушали Эмме великое сострадание и позволяли облегчить не только ее совесть, давая свободу таким качествам, как заботливость, доброта, милосердие и терпение, но и ее кошелек. Она снисходительно относилась к невежеству и соблазнам, преподносимым им судьбой, и не тешила себя романтическими надеждами повстречать выдающиеся добродетели у тех, кого не коснулось просвещение. Эмма с готовностью сочувствовала их невзгодам и всегда предлагала помощь столь же искусно, сколь

добросердечно. На этот раз она пришла к семье, бедность которой отягощалась еще и недугами, и, пробыв у них столько, сколько требовалось, чтобы утешить и помочь советом, Эмма покинула дом под сильным впечатлением и снаружи сказала Харриет:

— Бывают картины, на которые посмотреть полезно. Как меркнут в сравнении с ними любые мелкие невзгоды!.. Сейчас мне кажется, что я весь день смогу думать лишь об этих несчастных, и все же кто знает, сколь скоро я о них позабуду.

— Как вы правы, — ответила Харриет. — Бедняжки! Невозможно думать о чем-то другом.

— По правде говоря, полагаю, впечатления наши не скоро изгладятся, — продолжала Эмма, выходя за низкую живую изгородь и аккуратно спускаясь на дорогу по шатким ступенькам, которыми заканчивалась узенькая скользкая тропинка через сад. — Да, думаю, не скоро, — повторила она, оглядев еще раз разваливающийся домик и вызвав в памяти картины еще большей нищеты внутри него.

— Разумеется, нет! — отвечала ее спутница.

Они продолжили путь. Дорога сделала некрутой поворот, и за ним подруги наткнулись на мистера Элтона. Причем предстал он так близко,

что Эмма только и успела сказать:

— А вот, Харриет, и неожиданное испытание наших благих помыслов. Что ж, — улыбнулась она, — надеюсь, наше сострадание принесло несчастным облегчение, а это значит, что главное дело сделано. Если нам их жаль, значит, нужно сделать все, что в наших силах, чтобы им помочь, а все остальное — лишь пустое сочувствие, мучительное для нас самих.

Харриет успела пробормотать только: «Да, разумеется», — как молодой человек поравнялся с ними. Разговор их зашел в первую очередь о нуждах и страданиях бедной семьи. Мистер Элтон как раз направлялся к ним, однако теперь решил отложить свой визит. Они обсудили, что можно и нужно сделать для несчастных, и мистер Элтон решил проводить дам.

«Какое совпадение благих побуждений! — размышляла Эмма. — Это, несомненно, укрепит их нежные чувства. Я бы не удивилась, если бы все это послужило толчком к объяснению. Да! Если бы только меня здесь не было».

Желая как-то от них отделиться, она вскоре пошла по узкой тропинке немного поодаль от главной дороги, на которой остались влюбленные. Однако не прошло и двух минут, как она

обнаружила, что Харриет, привыкшая подражать Эмме и зависеть от нее, пошла следом и что, другими словами, скоро парочка окажется совсем рядом с ней. Это никуда не годилось, и Эмма тотчас остановилась якобы перешнуровать ботинок. Она нагнулась, загородив собой тропинку, и попросила спутников ее не дожидаться — через полминуты она сама их нагонит. Те ушли вперед, и Эмма не спеша отсчитала время, которого как раз хватило бы, чтобы разобраться со шнурком. Тут же, к ее внезапной радости, появился новый повод задержаться: вслед за ними по дороге шла девочка из той самой семьи бедняков. По распоряжению мисс Вудхаус она направлялась в Хартфилд за бульоном. Эмма вполне естественно пошла с ней рядом, заведя беседу. Вернее, поведение ее можно было счесть естественным, однако действовала она умышленно. Так друзья ее могли продолжать свой путь, не дожидаясь ее. И все же невольно она их нагнала: девочка шла быстро, а они — довольно медленно. Эмма забеспокоилась, тем более что оба были явно увлечены беседой: мистер Элтон о чем-то оживленно рассказывал, а Харриет довольно слушала. Эмма отправила девочку вперед, а сама уже стала было раздумывать, какой бы еще найти предлог, как вдруг оба

ее спутника обернулись, и ей пришлось вновь к ним присоединиться.

Мистер Элтон продолжал увлеченно о чем-то говорить, и, поравнявшись с ними, Эмма испытала некоторое разочарование, услышав, что он всего лишь пересказывает Харриет свой вчерашний ужин у Коула. Описание как раз дошло до изысканных сыров (стилтонского и уилтширского), масла, сельдерея, свеклы и различных десертов.

«Вскоре они, конечно же, перешли бы и к более серьезным вещам, — утешала себя Эмма. — Для влюбленных важна любая мелочь, и любая мелочь может послужить вступлением к тому, что лежит на сердце. Если б только я смогла задержаться подольше!»

Теперь они молча шли втроем, пока впереди не показался домик пастыря. Тут Эммой овладела внезапная решимость хотя бы завести Харриет в сам дом, а потому она вновь сделала вид, что ей нужно поправить ботинок, и немного отстала. Ловко порвав шнурок и поспешно выбросив его в канаву, Эмма остановила своих спутников и призналась, что не сможет дойти до дома благополучно.

— У меня оторвался шнурок, — сказала она, —

не знаю даже, как с таким дойти до дома. Я понимаю, что доставляю вам обоим множество неудобств, однако хочется надеяться, что со мной такое случается нечасто. Мистер Элтон, я вынуждена просить у вас позволения зайти к вам и попросить у вашей экономки что-нибудь, чтобы на время заменить шнурок — может, кусочек тесемки или веревки.

Мистер Элтон был только рад такому предложению и с бойкостью и предупредительностью, которые ничто, казалось, не могло бы унять, пригласил дам в дом и представил все в лучшем виде. Комната, в которую их провели, выходила окнами на дорогу, и в ней хозяин, по всей видимости, и проводил свой досуг. За ней располагалась другая комната, куда прошли Эмма с экономкой, чтобы без помех починить несчастный шнурок. Эмма не могла закрыть дверь сама, однако не сомневалась, что ее закроет мистер Элтон. Тем не менее дверь так и осталась приоткрытой, и Эмма завела с экономкой безумолчный разговор, надеясь, что молодой человек воспользуется положением и заговорит наконец о важном. Целых десять минут она слышала лишь звук своего голоса. Но дольше так продолжаться не могло. Эмма вынуждена была завершить разговор и

вернуться к друзьям.

Возлюбленные вместе стояли у окна. Картина эта казалась благоприятной, и Эмма на мгновение исполнилась чувством триумфа: ее старания окупились. Однако радость была недолгой. Оказалось, мистер Элтон так и не дошел до самого главного. Он держался как нельзя приветливее, как нельзя обходительнее, рассказал Харриет, что увидел их в окно, а потому умышленно пошел вслед, отпускал любезности и делал намеки, однако ничего серьезного так и не сказал.

«Осторожничает, — подумала Эмма, — он продвигается шаг за шагом и ничего не предпримет, пока полностью не убедится, что его ждет успех».

И хотя ее хитроумный замысел пока ни к чему не привел, она тешила себя мыслью о том, что это маленькое происшествие позволило влюбленным провести больше времени вдвоем и приблизиться к неизбежной развязке.

Глава XI

Мистера Элтона теперь следовало предоставить самому себе. Руководить его счастьем и склонять к новым шагам было больше не в силах

Эммы. Вот-вот ожидался приезд ее сестры, и все мысли, а затем и все ее время были заняты лишь гостями. За те десять дней, что семейство Найтли пробыло в Хартфилде, Эмма не могла — да и не собиралась — оказывать влюбленным особенную помощь, разве что при удобном случае. Впрочем, при желании они могли бы уладить все дело очень быстро, но так или иначе все в конце концов разрешится и само по себе. Эмме даже и не хотелось уделять им сейчас свое внимание. Существуют люди, для которых чем больше делаешь, тем меньше делают они для себя сами.

Мистер и миссис Найтли давно не приезжали домой в Суррей, а потому вызывали повышенный интерес. Все предыдущие годы чета неизменно навещала на долгие праздники Хартфилд или Донуэлл, в этом же году осенью они повезли детей на море, а потому многие месяцы в родном краю не появлялись. Причем с мистером Вудхаусом они все это время не виделись вовсе, ведь он и помыслить не мог поехать в Лондон — в такую даль! — даже ради бедняжки Изабеллы. Теперь же он испытывал смесь счастья и беспокойства, предвкушая их чересчур короткий визит.

Он все время тревожился, как же она перенесет дорогу, и волновался — хоть и не так сильно

— за лошадей и кучера, которым предстояло везти семейство вторую половину пути. Опасения его оказались напрасны, и, преодолев все шестнадцать миль, мистер и миссис Найтли, их пятеро детей и достаточное для них число нянек благополучно добрались до Хартфилда. Их радостный приезд произвел столько шума и суеты — со всеми надо было поговорить, всех поприветствовать, расспросить, обласкать и разместить, — что при любых иных обстоятельствах нервы мистера Вудхауса не выдержали бы, да и теперь выдерживали едва ли. К счастью, миссис Найтли очень уважала обычаи Хартфилда и чувства отца, а потому, несмотря на материнское беспокойство о своих малютках, которых следовало тут же непременно окружить заботой, накормить, напоить, уложить спать, развлечь и так далее, она все же не позволяла им чересчур досаждать дедушке или становиться предметом его чрезмерной заботы.

Миссис Найтли была миловидной, изящной молодой особой с мягким и тихим нравом, приветливым и ласковым характером, всецело поглощенная своей семьей. Оставаясь преданной женой и любящей матерью, она была так нежно привязана к отцу и сестре, что, если бы не высшие

узы брака, то любовь горячее представить было бы сложно. Ни в ком из близких она не видела ни одного изъяна. Ни живостью, ни остротой ума миссис Найтли не отличалась и во многом остальном тоже походила на отца: унаследовав его хрупкое здоровье сама, она дрожала и над детьми, всего боялась, за все беспокоилась и, подобно тому, как мистер Вудхаус держался за мистера Перри, держалась за своего лондонского лекаря мистера Уингфилда. Помимо прочего, отец и дочь схожи были доброжелательностью характера и привычкой поддерживать связь со старыми знакомыми.

Мистер Джон Найтли, благовоспитанный мужчина высокого роста и исключительного ума, в работе добивался блистательных успехов, а в частной жизни был почтенным семьянином. Однако подчас он бывал не в духе, а его сдержанность порой отталкивала людей. Его нельзя было назвать раздражительным или упрекнуть во вспыльчивости, однако нрав его все же был далек от совершенства, а при такой благоговеющей жене от природных недостатков избавиться трудно. Ее кротость на нем сказывалась не лучшим образом. В отличие от Изабеллы мистер Джон Найтли обладал ясным и острым умом и

иногда мог повести себя нелюбезно или сказать резкое слово.

У своей очаровательной свояченицы он успехом не пользовался. Она подмечала все его недостатки и переживала все мелкие насмешки в сторону Изабеллы, которых та вовсе не замечала. Возможно, Эмма закрыла бы глаза на все его изъяны, если бы зять выказывал ей больший восторг, однако он с ней держался спокойно, как добрый друг и брат, не воздавая всяческих почестей и слепых похвал. Но даже если бы он рассыпался перед ней в комплиментах, Эмма никогда не смогла бы простить ему величайший, на ее взгляд, недостаток: порой мистер Джон Найтли не обнаруживал должной терпимости по отношению к ее отцу. Маленькие странности и причитания мистера Вудхауса вызывали в нем резкое неприятие и логичные возражения, преподносимые не самым лучшим образом. Случалось это нечасто, ибо мистер Джон Найтли, разумеется, тестя почитал и обыкновенно держался подобающим для своего положения образом, однако и то было слишком часто, на взгляд привыкшей быть снисходительной к отцу Эммы. Труднее всего ей было вынести постоянное предчувствие беды, хотя самой беды за ним обычно не следовало. Впрочем, в начале

каждого визита радость встречи затмевала все другие чувства, и поскольку в силу необходимости в этот раз гости приехали ненадолго, ничто не обещало омрачить всеобщую сердечность. Не успели все устроиться и рассесться, как мистер Вудхаус, опечаленно вздохнув и покачав головой, привлек внимание старшей дочери к грустной перемене, произошедшей в Хартфилде с ее последнего визита.

— Ах, голубушка, — начал он, — бедная мисс Тейлор!.. Как это все прискорбно.

— О да, сэр, — с готовностью выражать сочувствие воскликнула Изабелла, — как вы, должно быть, по ней скучаете! И наша милая Эмма! Какая горькая для вас утрата! Как я за вас огорчилась… Не могу даже представить, как вы без нее обходитесь… Поистине печальная перемена… Но у нее, надеюсь, все благополучно?

— Благополучно, милая, надеюсь, что благополучно… Не знаю наверняка, но, по-моему, на новом месте она чувствует себя вполне сносно.

Тут мистер Джон Найтли тихо спросил у Эммы, действительно ли в Рэндаллсе все в порядке.

— Ах да, конечно! Никогда не видела миссис Уэстон такой счастливой и цветущей. Папа всего лишь выражает свои собственные сожаления.

— Это делает честь им обоим, — ответил он учтиво.

— Но вы хотя бы часто видитесь? — печально спросила Изабелла, поддерживая горестные чувства отца.

Мистер Вудхаус заколебался:

— Не так часто, как хотелось бы, голубушка.

— Папа, что вы! — возмутилась Эмма. — С тех пор как они поженились, мы не виделись всего один день. Каждый день, утром или вечером, за исключением одного-единственного раза, мы видимся либо с мистером Уэстоном, либо с миссис Уэстон, а чаще всего с ними обоими, либо в Рэндаллсе, либо у нас, но чаще — как ты, Изабелла, догадываешься — у нас. Они очень, очень щедры на визиты. И мистер Уэстон супруге в этом ничуть не уступает. Папа, если вы будете так удрученно обо всем рассказывать, то Изабелла составит о нас всех ложное представление. Разумеется, нам недостает мисс Тейлор, однако нельзя забывать и о том, что благодаря стараниям мистера и миссис Уэстон утрата наша не ощущается так тяжело, как мы опасались.

— Отрадно это слышать, — заметил мистер Джон Найтли, — все в точности так, как я представлял из ваших писем. Разумеется, она желает

оказать вам необходимое внимание, и дело сильно упрощает то, что он человек общительный и свободных взглядов. Дорогая, как я тебе и говорил, перемена в Хартфилде не столь ужасна, сколь ты предполагала. Надеюсь, слова Эммы тебя успокоили.

— Спору нет, — сказал мистер Вудхаус, — не стану отрицать, что миссис Уэстон — ах! бедняжка миссис Уэстон — и в самом деле приходит к нам довольно часто, но ведь всякий раз ей снова приходится уходить.

— Папа, а как же мистер Уэстон? Ему пришлось бы тяжело, если бы она не возвращалась домой. Вы совсем о нем забываете.

— Полагаю, — весело подхватил Джон Найтли, — что мистер Уэстон тоже имеет здесь некоторые права. Мы с вами, Эмма, отважимся встать на сторону бедного мужа. Я, сам будучи мужем, и вы, не будучи женою, одинаково признаем за ним определенные притязания. Что же до Изабеллы, то после стольких лет в браке она склонна полагать, что всяких там мистеров Уэстонов дамам стоит избегать.

— Дорогой, я?! — вскричала его жена, понимая их разговор лишь отчасти. — Ты говоришь обо мне? Уверена, на свете нет большего поборника

брака, чем я. Если бы не такое несчастье, как необходимость покинуть Хартфилд, то я сочла бы ее счастливейшей женщиной на свете. Что же до мистера Уэстона, замечательнейшего мистера Уэстона, то он несомненно достоин всех благ. Я не встречала мужчины, который обладал бы столь прекрасным характером, за исключением тебя, дорогой мой, и твоего брата. Никогда не забуду, как на Пасху мистер Уэстон запустил для Генри змея, тогда был такой ветреный день! А в прошлом году в сентябре отправил мне письмо в полночь, чтобы заверить, что в Кобэме нет скарлатины! С тех пор я убеждена, что нет в мире ни сердца отзывчивее, ни человека добрее. Если кто и заслуживает провести с ним жизнь, так это мисс Тейлор.

— А что его сын? — спросил мистер Джон Найтли. — Приезжал он по такому случаю или же нет?

— Еще не приезжал, — ответила Эмма. — Все надеялись на его визит вскоре после свадьбы, однако до этого так и не дошло. И в последнее время о нем ничего не слышно.

— Расскажи им про письмо, голубушка, — напомнил ее отец. — Он написал бедной миссис Уэстон письмо с поздравлениями, такое замеча-

тельное, такое любезное. Она мне его показывала. Это, конечно, весьма похвально. Трудно сказать, самому ли ему это пришло в голову. Он еще так молод, может, его дядя…

— Дорогой папа, ему двадцать три. Вы забываете, как быстро летит время.

— Двадцать три! Неужели? Никогда бы не подумал… А ведь ему было всего два, когда не стало его бедной матушки! Да, время-то летит! А с памятью у меня плоховато. Однако письмо было отличное, просто превосходное, и доставило мистеру и миссис Уэстон такое удовольствие. Помню, написано оно было двадцать восьмого сентября из Уэймута и начиналось так: «Любезная миссис Уэстон…» — дальше я забыл, и в конце подпись: «Ф. Ч. Уэстон Черчилль». Это я точно помню.

— Как это отрадно! Как благородно с его стороны! — горячо воскликнула миссис Найтли. — Не сомневаюсь, что он прекраснейший молодой человек. Но как печально, что он живет не с отцом! Ужасно, когда ребенка разлучают с родителями, увозят из родного дома! Мне никогда не понять, как мистер Уэстон смог такое выдержать. Отдать собственное дитя! Не знаю, как можно хорошо относиться к людям, способным предложить такое родителю.

— Полагаю, никто к Черчиллям хорошо и не относится, — холодно заметил мистер Джон Найтли. — Однако не воображайте, будто мистер Уэстон испытывал то же, что испытывали бы вы, отдавая кому-то Генри или Джона. Мистер Уэстон — человек легкого и веселого нрава и не принимает все так близко к сердцу. Он полагает жизнь такой, какая она есть, и умеет находить во всем хорошее. Ему, подозреваю, блага так называемого «общества», то есть возможность пять раз на неделе посещать соседей на обед или ужин и партию в вист, приносят большее удовольствие, чем семейный уют и прочие домашние радости.

Такой отзыв на грани с упреком Эмме не понравился, и она уж было собиралась встать на защиту мистера Уэстона, однако совладала с собой и промолчала, предпочтя сохранить мир и покой. К тому же ее зять всегда осуждал стремление людей к обществу лишь потому, что сам ставил семью и дом превыше всего и больше ни в ком не нуждался. Эмма находила эту черту благородной и похвальной. За нее она была готова простить ему подобные упреки.

Глава XII

К обеду пригласили мистера Найтли — против воли мистера Вудхауса, который ни с кем не желал делить первый день Изабеллы в Хартфилде. Однако чувство справедливости не позволило Эмме поступить иначе. К тому же, помимо рассуждений о том, что братья имеют полное право на эту встречу, ею двигало желание увидеть мистера Найтли после их недавней ссоры.

Она надеялась, что они смогут забыть о своих разногласиях. Пора ведь уже и помириться. Разумеется, это не подразумевало уступок. Она, несомненно, была права, а он бы ни за что в жизни не признал свою неправоту. И все же настало время забыть об этой ссоре, и Эмма надеялась, что примирению поспособствует картина, которую он увидит, войдя в комнату, — как она нянчится с племянницей, премиленькой малышкой восьми месяцев от роду, которую привезли в Хартфилд впервые. Уловка и впрямь помогла, и, хотя поначалу взгляды мистера Найтли были мрачны, а вопросы сдержанны, вскоре он заговорил в своей привычной манере, а затем с обычной дружеской простотой и без лишних церемоний забрал

племянницу из ее рук. Эмма почувствовала облегчение и поняла, что они снова друзья. Видя, как он восхищается малышкой, она отважилась сказать:

— Как отрадно, что наши племянники и племянницы вызывают у нас схожие чувства. Наши суждения о мужчинах и женщинах могут отличаться, однако когда дело касается этих детей, мы всегда сходимся.

— Если бы в оценке мужчин и женщин вы, как и с этими детьми, больше руководствовались природою, а в отношениях с ними меньше следовали своим прихотям и фантазиям, то мы всегда бы мыслили одинаково.

— Разумеется, ведь все наши разногласия происходят лишь из того, что я не права.

— Верно, — с улыбкой ответил он, — и по известной причине. Когда вы родились, мне было уже шестнадцать.

— Тогда это была существенная разница, — отвечала Эмма, — сомнений нет: в ранние годы моей жизни вы превосходили меня в рассудительности. Но разве за двадцать один год не стала эта разница меньше?

— Да, меньше стала.

— Но не настолько, чтобы допустить, что я могу

быть права, если вдруг вы мыслите иначе?

— Я ведь все так же старше вас на шестнадцать лет, а потому жизненного опыта у меня больше. К тому же у меня есть и иное преимущество: я не миловидная девица и не избалованный ребенок. Полно, дорогая Эмма, забудем нашу ссору и останемся друзьями. А ты, малютка Эмма, скажи своей тете, чтобы подавала тебе хороший пример и не ворошила старые обиды. Ежели она и не совершила ошибку прежде, то уж точно совершает ее теперь.

— Верно, — воскликнула она, — совершенно верно! Малютка Эмма, стань лучше тетки: в тысячу раз ее умнее и вполовину не такой горделивой. И все же, мистер Найтли, еще пара слов, и на этом покончим. По части благих намерений правы были мы оба, и хочу отметить, что никакие события по-прежнему не доказали моей неправоты. Я лишь хочу надеяться, что мистер Мартин не слишком сильно огорчен.

— Сильнее некуда, — коротко ответил мистер Найтли.

— Ох! Искренне сочувствую… Ну же, пожмем скорее руки.

С большой сердечностью они пожали друг другу руки, и в этот момент в комнату вошел Джон

Найтли. Мужчины поздоровались сдержанно, в истинно английской манере:

— Здравствуй, Джордж.

— Джон. Как поживаешь?

Однако за этим внешне хладнокровным безразличием скрывалась глубокая привязанность братьев, которые друг ради друга пошли бы на что угодно.

Вечер прошел за тихими разговорами. От карт мистер Вудхаус отказался вовсе, дабы полностью посвятить себя беседе с дорогой Изабеллой, и их небольшая компания естественным образом разделилась надвое: с одной стороны — отец и дочь, а с другой — братья Найтли. Темы их разговоров, понятное дело, отличались, совпадая лишь изредка, Эмма же общалась то с теми, то с другими.

Братья вели беседу о делах, преимущественно уделяя внимание заботам старшего, который от природы был более общителен и разговорчив. Будучи мировым судьей[6], он всегда стремился посоветоваться с Джоном о той или иной тонкости закона, а иногда и просто делился ка-

---

[6] Примечания: 6

Мировой судья — неоплачиваемая должность, которую занимали видные представители поместного дворянства. До введения в 1889 году выборных советов графства мировые суды занимались всеми местными делами.

ким-нибудь любопытным случаем из практики. А будучи хозяином их имения Донуэлл и фермы при нем, он рассказывал, какой и на каком поле ожидается в следующем году урожай, и сообщал все местные новости, зная, что его брат, проведя в их доме большую часть своей жизни, сильно к нему привязан и всегда с удовольствием слушает подобные рассказы. План водосточной канавы, новый забор, упавшее дерево, судьба каждого акра пшеницы, репы и яровых хлебов — все в равной степени интересовало Джона, хоть внешне он и оставался невозмутим. Если же брат о чем-то упомянуть забывал, то Джон с готовностью его об этом расспрашивал.

Мистер Вудхаус в это время наслаждался беседой с дочерью, с головой погрузившись в счастливые сожаления и полные любви опасения.

— Милая моя, бедная моя Изабелла, — причитал он, беря ее за руку и ненадолго отрывая от усердного шитья для кого-то из пятерых детей, — как же давно, как ужасающе давно ты к нам не приезжала! Как ты, должно быть, устала с дороги! Тебе стоит лечь спать пораньше, душенька, а перед сном я бы посоветовал тарелочку кашки. Давай вместе немножко съедим. Эмма, милая, полагаю, никто от овсянки не откажется.

Эмма же полагала — и не без основания, — что оба Найтли, как и она, подобную затею вряд ли поддержат, а потому попросила принести только две порции. Произнеся еще несколько хвалебных речей овсянке и подивившись, почему же не все едят ее каждый вечер, мистер Вудхаус перешел к другой теме, с печально-задумчивым видом заметив:

— Как жаль, милая моя, что осень вы провели в Саут-Энде, а не у нас. По-моему, от морского воздуха пользы мало.

— Мистер Уингфилд настоятельно нам его рекомендовал, а иначе мы бы и не поехали. Он сказал, что для всех деток, а особенно для малышки Беллы с ее больным горлышком, очень подойдут и морской воздух, и купания.

— Ах, голубушка, Перри вот сомневается, так ли уж ей полезно море. А сам я давно убежден, хотя, возможно, раньше тебе и не успел сказать, что море редко кому подходит. Меня оно однажды чуть не погубило.

— Полно, полно! — вскричала Эмма, почувствовав, что разговор становится опасным. — Прошу, не говорите о море, а то меня берут зависть и досада, я ведь на море никогда не была! Запрещаю вам говорить о Саут-Энде. Изабелла, дорогая,

спроси-ка лучше, как у мистера Перри дела, он-то про тебя всегда спрашивает.

— Ах да! Сэр, как поживает мистер Перри?

— Все хорошо, да вот только… От разлития желчи страдает. У бедного Перри совсем нет времени подумать о себе. Да, он мне рассказывал, что совершенно подумать о себе не успевает, это так печально, но что поделать, он ведь постоянно кому-то нужен. Думаю, не сыщется врача с более обширной практикой. Да и такого знающего тоже.

— А миссис Перри как поживает? Как детишки? Растут? Мистер Перри — замечательный человек. Надеюсь, он сможет к нам заглянуть. Как он будет рад увидеть моих малюточек!

— Надеюсь, он зайдет завтра, мне нужно кое о чем с ним посоветоваться. Душенька, обязательно попроси его осмотреть Беллу.

— Ах, не стоит волноваться, ее горлышко почти прошло. То ли это купания так помогли, то ли превосходные припарки мистера Уингфилда, мы их с августа ставим.

— Вряд ли это купания, милая, и, если бы я знал, что тебе нужны припарки, я бы поговорил с…

— Изабелла, а о миссис и мисс Бейтс ты не забыла? — прервала его Эмма. — Справилась ли ты

уже об их здоровье?

— Ах, славные Бейтсы! Мне так стыдно… Но все же ты упоминаешь о них почти во всех своих письмах. Надеюсь, у них все хорошо. Милая старушка миссис Бейтс… Завтра же к ним загляну с детишками. Они всегда так рады их видеть. Ах, и наша добрая мисс Бейтс! Достойнейшие люди! Сэр, как же они поживают?

— Все хорошо, голубушка, в общем хорошо. Вот только месяц тому назад бедняжка мисс Бейтс сильно простудилась.

— Какая жалость! Осень в этом году выдалась особенно опасной на простуды. Мистер Уингфилд говорит, что никогда прежде не встречал столько случаев, да еще и таких тяжелых! Разве только когда ходила эпидемия гриппа.

— Да, милая, это верно, но, судя по твоим рассказам, у нас дело обстояло получше. Перри говорит, что случаев в этом ноябре было много, но все же меньше обыкновенного. Перри считает, что эта пора не так уж опасна для здоровья.

— Да, кажется, и мистер Уингфилд так считает, разве что…

— Ах, бедняжечка моя! Все дело в том, что в Лондоне любая пора опасна для здоровья. Там вечно все болеют, иначе и быть не может. Какой ужас,

что ты еще и вынуждена там жить! Да так от нас далеко! И дышать этим скверным воздухом!

— Да нет, сэр, что вы, у нас-то воздух ничуть не скверный. Наша часть города во многом превосходит прочие! Не стоит приравнивать Брансуик-сквер к остальному Лондону, там все совершенно иначе. А у нас столько воздуха! В любом другом месте в Лондоне, готова признаться, я бы жить не хотела, вряд ли бы оно подошло для моих детишек. А у нас прекрасный воздух! В этом отношении мистер Уингфилд считает Брансуик-сквер и окрестности самой благоприятной частью города.

— Ах, голубушка, но ведь это не Хартфилд! Разумеется, вы живете не в самом плохом месте, но погостив в Хартфилде неделю, воистину преображаетесь, даже не узнать! Вот и сейчас, вынужден заметить, вы все выглядите неважно.

— Очень жаль, что вам так кажется, сэр, но спешу вас заверить: я чувствую себя прекрасно, если не считать легких приступов головной боли и учащенных сердцебиений, от которых меня ни одно место не сможет избавить. А ежели детки показались вам сегодня бледными, то это лишь потому, что они устали больше обычного — сказались дорога и радостные волнения перед

встречей. Надеюсь, завтра их вид вам понравится больше. Мистер Уингфилд даже сказал, что никогда еще мы не уезжали из Лондона в таком хорошем состоянии. Полагаю, хотя бы мистер Найтли не кажется вам плох. — На этих словах она с нежным беспокойством обратила взгляд к своему мужу.

— Так себе, голубушка. Не могу сказать ничего радостного. Мистер Джон Найтли совсем не выглядит здоровым.

— Сэр, что такое? Вы ко мне обратились? — услышав свое имя, встрепенулся мистер Джон Найтли.

— К несчастью, дорогой, батюшка находит, что у тебя нездоровый вид, но надеюсь, это всего лишь от усталости. Хотя мне, конечно же, было бы спокойнее, покажись ты перед отъездом мистеру Уингфилду.

— Дорогая моя Изабелла, — воскликнул он в сердцах, — прошу, не беспокойся о моем виде. Лечи и кутай себя и детей, а о себе я и сам прекрасно позабочусь.

— Я не совсем поняла то, что вы рассказывали брату о вашем друге мистере Грэме, — вступила Эмма. — Он собирается нанять в свое новое имение управляющего из Шотландии? Но что же из

этого выйдет? Не слишком ли глубоко сидят в англичанах и шотландцах предубеждения друг против друга?

Таким образом, Эмма продолжала управлять разговором так долго и успешно, что, когда она в очередной раз была вынуждена повернуться к отцу и сестре, те говорили всего лишь о Джейн Фэрфакс и ее делах. И хотя Эмма вообще-то Джейн Фэрфакс не жаловала, сейчас она была рада услышать хвалебные речи сестры.

— Милая, любезная Джейн Фэрфакс! — восклицала миссис Найтли. — Как давно я с ней не виделась, разве что иногда случайно встречала в городе! Как, должно быть, радуются ее славная бабушка и замечательная тетушка, когда она к ним приезжает! Мне всегда было так обидно, что Джейн не может бывать в Хайбери почаще и составлять компанию Эмме, а теперь, когда мисс Кэмпбелл вышла замуж, полковник и миссис Кэмпбелл и вовсе ее никуда не отпустят. А ведь она могла бы стать такой прекрасной подругой для нашей Эммы.

Мистер Вудхаус с дочерью согласился, однако все же добавил:

— Впрочем, наша маленькая подружка Харриет Смит — тоже прекрасная молодая леди. Она

тебе обязательно понравится. Эмме невероятно повезло с такой подругой.

— Отрадно слышать, однако, насколько я знаю, Джейн Фэрфакс еще и получила прекрасное образование, обладает наилучшими качествами и Эмме ровесница.

Они мирно поговорили о Джейн Фэрфакс, затем перешли на другие темы, и в такой гармонии прошел весь вечер. Однако без разногласий все же не обошлось. Подали овсянку, начались всяческие восхваления и отступления, беседа зашла о ее полезных свойствах для всех и каждого, не обошлось без суровых филиппик против домов, в которых не умеют варить ее сносно. К несчастью, самым недавним и оттого ярким в памяти Изабеллы примером оказалась ее собственная кухарка в Саут-Энде, которую они наняли на время пребывания там. Она никак не могла понять, что же миссис Найтли называет тарелочкой вкусной овсянки — «без комочков, не слишком густой, но и не слишком жидкой». Сколько бы раз Изабелла ни просила приготовить кашу, результат так и не достиг желаемого. Здесь-то их беседа и сделала опасный поворот.

— Ох! — промолвил мистер Вудхаус, качая головой и устремляя на дочь взгляд, полный неж-

ного беспокойства. Эмма в голове продолжила это восклицание: «Ох! Конца не видно печальным последствиям вашей поездки в Саут-Энд. Даже слов не нахожу». На некоторое время она понадеялась, что слов он так и не найдет, что все закончится на молчаливых размышлениях и отец ее вскоре продолжит смаковать свою безупречно приготовленную овсянку. И все же через несколько минут он продолжил:

— Никогда не перестану жалеть, что вы поехали осенью на море, а не к нам.

— О чем же здесь жалеть, сэр? Уверяю вас, детям это пошло на пользу.

— И к тому же если вам непременно нужно было поехать на море, то уж лучше бы не в Саут-Энд. Это нездоровое место. Перри удивился, услышав, что вы выбрали именно Саут-Энд.

— Сэр, знаю, многие так думают, но это лишь заблуждение. Мы все прекрасно себя там чувствовали, грязь не доставила ни малейших трудностей, и мистер Уингфилд уверен, что Саут-Энд совершенно не стоит называть нездоровым. А я знаю, что на него можно положиться, ведь он прекрасно разбирается в свойствах целебного воздуха, и к тому же его брат с семьей часто там отдыхают.

— Если уж вам так надо было поехать на море, душенька, то лучше бы вы поехали в Кромер. Перри там как-то раз был и уверен, что лучше места для купаний не найти. Превосходное море, чистейший воздух. И, как я понял из его рассказов, жилье можно найти подальше от воды, где-то за четверть мили, это очень удобно. Тебе стоило посоветоваться с Перри.

— Сэр, но представьте только, как Кромер далеко! Ехать за сто миль вместо сорока.

— Ах, милая, как говорит Перри, когда на кону здоровье, то все прочее значения не имеет. Если уж надобно куда-то ехать, то разница невелика: сорок миль или сто. Лучше тогда совсем никуда не ехать, лучше даже остаться в Лондоне, чем отправляться за сорок миль в место, где воздух еще хуже. Так Перри и сказал. Он считает, зря вы туда поехали.

Эмма пыталась остановить отца, но все тщетно. Когда же после подобного замечания вспыхнул ее зять, она совсем не удивилась.

— Мистера Перри, — вступил он, явно раздраженный подобным разговором, — никто не спрашивал. Какая ему разница? С чего бы ему удивляться тому, куда я везу свою семью и в какой город? Полагаю, я не хуже мистера Перри

могу положиться на свое собственное суждение. Я не нуждаюсь ни в его советах, ни в его лекарствах. — Он замолчал и, несколько остыв, тут же сухо и насмешливо добавил: — Если мистер Перри расскажет мне, как перевезти жену и пятерых детей за сто тридцать миль при тех же расходах, что и за сорок, то и я, несомненно, подобно ему, предпочту Кромер Саут-Энду.

— Что верно, то верно! — с готовностью вмешался мистер Найтли. — Такие вещи, разумеется, стоит иметь в виду. Однако, Джон, давай вернемся к моим планам. Так вот, я хочу немного сдвинуть дорогу до Лэнгэма вправо, чтобы она шла не через наши пастбища, никаких тому затруднений не предвидится. Я бы не посмел ничего предпринять, если бы мои задумки мешали удобству жителей Хайбери, однако если ты вспомнишь, как дорога пролегает сейчас… А впрочем, без карты тут ничего не понять. Надеюсь, ты заглянешь завтра утром в Донуэлл, тогда мы изучим все подробнее, и ты скажешь мне, что думаешь.

Мистер Вудхаус не на шутку разволновался после таких резких слов в сторону его друга Перри, которому он, хоть и неосознанно, но приписал множество своих собственных чувств и сооб-

ражений. И все же нежное внимание дочерей постепенно его успокоило, а поскольку один из братьев теперь был начеку, а второй лучше держал себя в руках, новых вспышек не последовало.

Глава XIII

Вряд ли бы нашелся на свете человек счастливее миссис Найтли во время этого краткого визита в Хартфилд. Каждое утро она со своими пятью детками навещала всех старых знакомых, а каждый вечер в красках пересказывала день отцу и сестре. Ей лишь хотелось, чтобы время текло не столь скоротечно, но и тому вопреки, визит был самый что ни на есть прекрасный, а восторгу ее не имелось предела.

Утро они коротали в обществе друзей и знакомых, а вечер — в узком семейном кругу, однако все же один из вечеров, причем рождественский, им предстояло провести вне дома. Мистер Уэстон не желал слушать никаких отказов — всех ждали в Рэндаллсе. Даже мистера Вудхауса удалось убедить поехать в гости, а не праздновать одному дома.

Его обыкновенные беспокойства по поводу

того, как же им всем туда добраться, в этот раз быстро разрешились: сейчас в Хартфилде стоял экипаж и лошади его зятя, а потому трудностей возникнуть не могло. Более того, Эмма быстро убедила отца, что в одной из повозок даже найдется место для Харриет.

Харриет, мистер Элтон и мистер Найтли также были удостоены чести получить приглашение в Рэндаллс. Иных гостей не предполагалось, и собирались они не слишком поздно — все делалось с учетом привычек и вкусов мистера Вудхауса.

Вечер накануне великого события (а то, что мистер Вудхаус собрался в гости, да еще и в сочельник, было поистине великим событием) Харриет провела в Хартфилде и домой ушла с такой жуткой простудой, что, если бы не ее собственное желание предоставить себя заботам миссис Годдард, то Эмма бы никуда и ни за что ее не отпустила. На следующий день она заглянула навестить подругу и поняла, что в Рэндаллс той в тот вечер попасть не суждено. Ее лихорадило, а горло сильно болело. Заботливая миссис Годдард не отходила от постели больной и подумывала послать за мистером Перри. Пустить ее в таком состоянии на долгожданную встречу она никак не могла, а у самой Харриет не было сил сопро-

тивляться этому решению, и упоминать о своей потере она могла лишь со слезами на глазах.

Эмма, сколько могла, посидела с больной, ухаживая за ней в те моменты, когда миссис Годдард вынуждена была отходить. Она старалась всячески ободрить Харриет, рассуждая о том, как, должно быть, огорчится мистер Элтон, узнав о ее болезни. Благодаря таким разговорам Харриет несколько воспряла духом, и оставила ее Эмма осчастливленной мыслями о том, что мистеру Элтону, да и всем им, будет сильно недоставать ее за праздничным столом. Едва только Эмма отошла от дома миссис Годдард, как столкнулась с самим мистером Элтоном, который, по всей видимости, туда и направлялся. Разговор зашел о Харриет: мистер Элтон, узнав, что она заболела, как раз спешил осведомиться о ее здоровье, чтобы затем принести свежие вести в Хартфилд. Тут их по пути из Донуэлла нагнали мистер Джон Найтли и два его старших сына. Их здоровые сияющие лица доказывали всю пользу прогулок на свежем деревенском воздухе, а вид не оставлял сомнений: с жареным барашком и рисовым пудингом, которые уже поджидали их в Хартфилде, они справятся в два счета. Все вместе они продолжили свой путь. Эмма как раз описывала, что

же стряслось с ее подругой: воспаленное горло, сильный жар, слабый и частый пульс и так далее. К тому же миссис Годдард рассказала, что Харриет вообще сильно подвержена болям в горле и такие простуды приносят ей немало беспокойств. Мистер Элтон встревоженно воскликнул:

— Боли в горле! Надеюсь, это не заразно. Нет ли у нее там гноя? Перри ее уже осмотрел? Вам стоит заботиться и о себе, не только о вашей подруге. Умоляю, не подвергайте себя таким рискам. Почему Перри ее не осмотрел?

Сама Эмма вовсе не была напугана и постаралась немного успокоить его, заверив, что больная находится в опытных и заботливых руках миссис Годдард. Впрочем, мистеру Элтону поволноваться по такому поводу было полезно, а потому вскоре она решила в некоторой степени даже подкрепить его тревогу, добавив, как бы невзначай:

— Как же сегодня холодно! И похоже, даже снег пойдет. Если б ехать нужно было в другой дом и к другому обществу, то я сама бы непременно осталась в Хартфилде и батюшку выходить отговорила. Но он уже твердо решился поехать и, кажется, к холоду не слишком чувствителен, так что ничего предпринимать не стану. Тем более что огорчать мистера и миссис Уэстон не хочется.

Но на вашем месте, мистер Элтон, я бы точно никуда не поехала. Вы, кажется, уже немного охрипли, и учитывая, что завтра вам понадобятся и ваш голос, и ваши силы, было бы благоразумно остаться дома и подлечиться.

Мистер Элтон казалось, не знал, что и ответить. Так оно и было: с одной стороны, ему невероятно польстила добрая забота прекрасной дамы и он ни в коем случае не хотел противиться ее советам, с другой же, от приглашения отказываться вовсе не желал. Однако Эмма, увлеченная собственными мыслями и придумками, не могла смотреть на него или слушать его непредвзято. Когда он пробормотал что-то о том, что «сегодня действительно холодно, очень холодно», она весело продолжила путь, радуясь, как ловко освободила его от надобности ехать в Рэндаллс и подарила возможность ежечасно справляться о здоровье Харриет.

— Вы поступаете правильно, — сказала она, — мы передадим мистеру и миссис Уэстон ваши извинения.

Не успела она закончить свою мысль, как ее зять уже любезно предлагал мистеру Элтону место в их экипаже, коль скоро плохая погода — единственное его препятствие на пути в Рэн-

даллс, а тот счастливо соглашался. Дело было решено — мистер Элтон ехал с ними. Никогда еще его круглое красивое лицо не выражало такого ликования, не сияло такой широкой улыбкой, а глаза не сверкали так радостно, как в следующее мгновение, когда он взглянул на нее.

«Хм, — подумала она, — как странно! Я придумала ему такую хитрую отговорку, а он все равно выбрал поехать и бросить больную Харриет одну! Очень странно! Видимо, большинство мужчин, особенно неженатых, не могут устоять перед приглашением в общество. Званый ужин для них — высшее удовольствие, приятнейшее занятие и едва ли не обязанность, и все остальное рядом с ним меркнет. Значит, и мистер Элтон таков. Без сомнений, он самый достойный, любезный и приятный молодой человек и без памяти влюблен в Харриет, но при этом все же не может отклонить приглашение и непременно должен поехать, раз его зовут. Какая странная вещь — любовь! Разглядел в Харриет острый ум, а отужинать в одиночестве ради нее не может».

Вскоре мистер Элтон их покинул, и стоило отдать ему должное за то, с каким чувством он упоминал Харриет при прощании, уверяя Эмму, что, прежде чем иметь счастье увидеться с ней

вновь, он обязательно заглянет к миссис Годдард и справится о ее прекрасной подруге в надежде принести благие вести. Перед расставанием он вздохнул и улыбнулся так, что смог вернуть некоторое расположение Эммы.

Спустя несколько минут Джон Найтли нарушил молчание:

— В жизни не встречал человека, который бы так стремился понравиться. Перед дамами мистер Элтон рассыпается в любезностях. С мужчинами он держится спокойно и непринужденно, но как только дело касается дам, то лезет из кожи вон.

— Манеры мистера Элтона небезупречны, — откликнулась Эмма, — но за желание угодить многое следует прощать, и многое действительно прощается. Когда человек, обладающий лишь скромными достоинствами, старается изо всех сил, он получает преимущество перед человеком совершенным, но равнодушным. Невозможно не ценить доброжелательность и мягкосердечие мистера Элтона.

— Да, — лукаво подхватил мистер Джон Найтли, — по отношению к вам он и впрямь невероятно мягкосердечен.

— Ко мне! — изумленно воскликнула она. — Неужто вы воображаете, будто бы мистер Элтон

ко мне неравнодушен?

— Признаю, Эмма, закралась мне такая мысль. И ежели вы об этом еще не задумывались, то теперь самое время обратить внимание.

— Мистер Элтон влюблен в меня! Какая нелепая мысль!

— Не осмелюсь ничего утверждать наверняка, но советую вам надо всем этим поразмыслить и вести себя соответствующе вашим намерениям. Я нахожу, что своими действиями вы его поощряете. Я говорю это как ваш друг. Вам следует быть внимательнее, понять, чего вы хотите и как вам держаться.

— Благодарю вас, но, уверяю, вы ошибаетесь. Мы с мистером Элтоном всего лишь очень хорошие друзья и не более, — и она гордо продолжила свой путь, развлекая себя мыслями о том, какие же смешные предположения могут возникнуть у людей, незнакомых со всеми обстоятельствами дела, и какие глупые ошибки могут совершать те, кто возомнил о своей проницательности слишком много. Ее задело, что зять мог предположить, будто бы она слепа и невнимательна, будто бы она нуждается в советах. Остаток пути он молчал.

Мистер Вудхаус так твердо решил нанести Уэ-

стонам визит, что, несмотря на усиливающийся холод, ему даже в голову не пришло отменить поездку. Они с Изабеллой выехали в его экипаже минута в минуту, как и рассчитывали. Причем погода беспокоила его явно меньше, чем других: он был слишком взволнован тем, что выехал в свет, слишком переполнен радостью от того, что скоро увидится с друзьями в Рэндаллсе, да и укутался — теплее некуда. Холод между тем усиливался, и когда из Хартфилда выдвинулась вторая повозка, с неба уже начали падать первые снежинки, а тучи набежали такие, что даже при малейшем потеплении снег быстро усыпал бы всю округу.

Эмма сразу поняла, что ее спутник не в лучшем расположении духа. Необходимость готовиться к гостям, выходить из дома в такую погоду, жертвовать послеобеденным временем с детьми мистер Джон Найтли считал если уж не злом, то пренеприятнейшим обстоятельством. Никакой радости в таком времяпрепровождении он не видел и всю дорогу до дома викария вслух выражал свое недовольство.

— Какого же надо быть о себе мнения, — ворчал он, — чтобы просить людей покинуть домашний очаг и выйти на улицу в такой мороз, чтобы про-

сто навестить тебя. Я бы никогда себе такого не позволил. Должно быть, он считает себя всеобщим любимчиком. Что за нелепица — вот уже и снег пошел! — что за нелепица: не позволять людям спокойно остаться дома. И какая глупость со стороны этих людей не остаться дома! Ежели в такой вечер нам нужно было идти куда-то по долгу службы, то мы сочли бы это тяжелейшим испытанием, но нет! Зачем-то — непонятно зачем — мы едем в гости, причем одетые легче обычного, еще и по своей собственной воле. И все это вопреки естественным инстинктам, которые говорят нам ради нашего же блага сидеть дома самим и не пускать на улицу других. Но нет! Мы едем тратить впустую пять скучнейших часов в чужом доме, не рассчитывая услышать ничего нового, что не было бы уже сказано вчера или не может быть сказано завтра. Выехали-то мы в прескверную погоду, а уж когда станем возвращаться, она наверняка станет только хуже. Четыре лошади и четверо слуг вынуждены покинуть тепло очага, чтобы довезти пять праздных, дрожащих от мороза созданий до комнат холоднее и общества менее приятного, чем могли бы они иметь дома.

Эмма не могла с ним согласиться, а уж тем

более попытаться пролепетать что-то вроде: «Совершенно верно, дорогой», — слова, которые обыкновенно слышал он от жены — своей верной спутницы во всех поездках. Зато ей хватило стойкости промолчать. Его мнения Эмма не разделяла, но ссориться совсем не хотела, а потому приложила героические усилия, чтобы удержаться от ответа. Она лишь продолжала молча его слушать, вертеть в руках лорнет и кутаться поплотнее.

Повозка подъехала к дому викария, опустили подножку, и мистер Элтон, весь в черном, щеголеватый и улыбающийся, вмиг к ним присоединился. Эмма обрадовалась возможности переменить разговор. Мистер Элтон был невероятно любезен и весел, причем выражал он свою учтивость так живо, что Эмма даже задумалась: а не получил ли он более радостные вести о Харриет, чем она. Еще собираясь в Хартфилде, она послала справиться о здоровье подруги и получила ответ: «Все по-прежнему, лучше не становится».

— От миссис Годдард мне ответили, — начала она, — что состояние больной хуже, чем хотелось надеяться. Мне сказали: «Лучше не становится».

Его лицо тут же вытянулось, а голос зазвучал

сочувственно:

— Ах да!.. Как жаль… Я как раз собирался вам рассказать, что по пути домой зашел к миссис Годдард и узнал, что мисс Смит чувствует себя не лучше, ничуть не лучше, даже, пожалуй, хуже. Я чрезвычайно опечален и обеспокоен. Я надеялся, что после утреннего визита такой доброй заботливой подруги она пойдет на поправку.

Эмма улыбнулась и ответила:

— Мой визит ее, надеюсь, успокоил, однако даже я не могу чудесным образом излечить больное горло. Она и впрямь сильно простудилась. Вы наверняка знаете, что к ней уже и мистера Перри приглашали.

— Да… Я так и… То есть я… Я не…

— Он уже не раз лечил ее простуды, и я надеюсь, что к завтрашнему утру вести станут благоприятнее. Но все же невозможно не беспокоиться. Как жаль, что сегодня она не может быть с нами!

— Ужасно жаль! Да, именно так… Ее, несомненно, будет очень не хватать.

И слова его, и вздох, последовавший за ними, не могли не порадовать Эмму, и все же посетовать можно было и подольше. Она была неприятно удивлена, когда всего через полминуты мистер Элтон заговорил о совершенно других вещах, да

причем необычайно живо и весело.

— Как здорово придумано, — говорил он, — что в экипажах используется овчина. Путешествовать так — одно удовольствие, никакой холод не чувствуется. Благодаря современным выдумкам экипаж джентльмена стал совершенен. Мы так защищены от ненастий, что внутрь не проникнет ни малейшее дуновение ветерка. Погода никоим образом не может расстроить наших планов. Как сегодня холодно! Но в экипаже нам до этого и дела нет. Ха! Смотрите-ка, снежок пошел.

— Да, — ответил Джон Найтли, — и думается, это надолго.

— Рождество! — заметил мистер Элтон. — Погода соответствует поре. Как же нам повезло, что снег начался не вчера, а иначе наши планы пришлось бы отменить. Мистер Вудхаус вряд ли бы отважился поехать в гости по заснеженной дороге, теперь же снег нам вечер не испортит. Рождество — самое время для дружеских встреч. Все приглашают друзей в гости, и никто не обращает внимания даже на самую худшую погоду. Как-то раз из-за снегопада мне пришлось остаться у друга на неделю. То было великое удовольствие. Приезжал я всего на один вечер, а уехал лишь ровно через неделю!

По виду мистера Джона Найтли нетрудно было догадаться, что удовольствия в описанном мало, однако вслух он лишь сухо заметил:

— Не хотелось бы из-за снегопада застрять в Рэндаллсе на неделю.

В другой раз Эмму этот разговор позабавил бы, однако теперь она была слишком изумлена поведением мистера Элтона. В своем веселье и предвкушении вечера он, казалось, совсем позабыл про бедняжку Харриет.

— Нас, несомненно, ждет горячий очаг и другие радости гостеприимного дома, — продолжал он. — Чудесные люди — Уэстоны! Миссис Уэстон, разумеется, выше всяких похвал, а мистер Уэстон — примерный хозяин: радушный и общительный. Сегодня нас будет совсем не много, но когда в приглашенное общество входит лишь узкий круг избранных, то подобный вечер становится, пожалуй, приятнее всех прочих. В гостиной мистера Уэстона с удобством могут разместиться человек десять, и я считаю, что куда лучше, когда из этого числа двух недостает, чем когда к этому числу прибавляются еще двое. Думаю, вы, — на этих словах он устремил мягкий взгляд в сторону Эммы, — со мной согласитесь, а вот мистер Найтли, привыкший к пышным лондонским вечерам,

возможно, не разделит наших взглядов.

— Не имею ни малейшего представления о пышных лондонских вечерах, сэр. Я всегда ужинаю дома.

— Вот как! — воскликнул мистер Элтон, и в его голосе зазвучали нотки удивления и жалости. — Я и не думал, что занятие юриспруденцией — такой рабский труд. Но ничего, сэр, вам непременно за все воздастся, и придет время, когда в вашей жизни станет меньше работы и больше удовольствий.

— Главным для меня удовольствием, — ответил Джон Найтли, когда они уже въезжали в ворота, — будет в целости и сохранности вновь очутиться в Хартфилде.

Глава XIV

При входе в гостиную Рэндаллса обоим джентльменам пришлось немного переменить манеры: мистеру Элтону стать сдержаннее и умерить свою радость, а мистеру Джону Найтли, напротив, держаться веселее и улыбаться больше. Только Эмма могла оставаться такой, какой велела ей природа, и не скрывать радость от встречи с друзьями. Она наслаждалась каж-

дой минутой, проведенной с Уэстонами. Мистер Уэстон ей очень нравился, а миссис Уэстон была единственным человеком в мире, с которым она могла говорить совершенно открыто, будучи уверенной, что ее всегда выслушают и поймут, всегда вникнут во все дела, планы, трудности и радости ее батюшки и ее самой. Миссис Уэстон проявляла живейший интерес к жизни в Хартфилде, и для них обеих было великой радостью поболтать вдвоем хотя бы полчасика обо всех этих повседневных мелочах, на которых зиждется счастье частной жизни.

Такое удовольствие они могли себе позволить не всякий раз и уж тем более не сейчас, не в сегодняшние ничтожные полчаса до ужина, однако даже само присутствие миссис Уэстон, ее улыбка, прикосновение и голос немало радовали Эмму, и она решила отбросить мысли о странном поведении мистера Элтона и о других неприятных вещах и в полной мере наслаждаться вечером.

Несчастье бедной простудившейся Харриет обсудили во всех подробностях еще до приезда Эммы. Более того, мистер Вудхаус уже успел поведать и о том, как добрались они с Изабеллой, и что следом едет Эмма, и как же он рад, что благодаря их визиту Джеймс сможет повидаться с дочуркой.

Тут наконец приехал второй экипаж, и миссис Уэстон улучила случай оторваться от мистера Вудхауса и его рассказов, чтобы встретить свою милую Эмму.

Эмма, которая решила на время позабыть о мистере Элтоне, с досадой обнаружила, что в гостиной он сел подле нее. Невозможно было не дивиться его невероятному равнодушию по отношению к ее подруге: мало того что, сидя рядом, мистер Элтон одним своим счастливым видом постоянно напоминал о весьма странном безразличии к несчастью Харриет, так он еще и без конца любезно обращался к Эмме по всяким пустякам, не только не давая позабыть о нем, но и своим поведением внушая ей невольную мысль: «А что, если мой зять прав? Неужели он и впрямь решил отречься от Харриет и избрать предметом обожания меня?.. Вздор и чепуха!» А между тем мистер Элтон так беспокоился, не холодно ли ей, с таким интересом слушал рассказы ее отца, так восторгался миссис Уэстон и, наконец, начал с таким пылом (и совершенно безо всякого знания дела) восхвалять ее рисунки, что, несомненно, походил на настоящего влюбленного. Эмма с трудом держала себя в руках. Ради своего же блага она не могла ответить ему грубостью, а ради бла-

га Харриет даже старалась быть вежливой. В ее душе теплилась надежда, что все еще образуется. И все же давалась ей подобная учтивость нелегко, особенно из-за того, что мистер Элтон своей болтовней отвлекал ее от куда более интересного разговора. Мистер Уэстон рассказывал гостям что-то о своем сыне. Она несколько раз расслышала слова «мой сын», «Фрэнк» и снова «мой сын» и из каких-то долетевших до нее обрывков сделала вывод, что, скорее всего, он сообщает о скором приезде Фрэнка Черчилля. Однако не успела Эмма вежливо избавиться от собеседника и принять участие в общем обсуждении, как тема была исчерпана, и любые последующие вопросы пришлись бы некстати.

Стоит заметить, что, несмотря на решимость Эммы никогда не выходить замуж, было что-то такое в имени, в образе мистера Фрэнка Черчилля, что всегда ее привлекало. Она часто — особенно с тех пор, как его отец женился на мисс Тейлор — думала о том, что если бы она и вышла замуж, то вот он-то бы как раз и подошел ей и по возрасту, и по происхождению, и по положению. Благодаря связи между их семьями и вовсе казалось, будто они созданы друг для друга. Она предполагала, что все их знакомые, скорее всего, задумывались

об их возможном союзе, и была более чем уверена, что такая партия приходила в голову мистеру и миссис Уэстон. И хотя Эмма вовсе не думала о том, чтобы променять свою нынешнюю жизнь со всеми ее преимуществами на замужнюю, познакомиться с Фрэнком Черчиллем ей было невероятно любопытно. Она была уверена, что сочтет его человеком приятным, и сама хотела бы в определенной степени ему понравиться. Мысль же о том, что их друзья в воображении видят их союз, приносила ей несомненное удовольствие.

Таким образом, бесконечные любезности мистера Элтона оказались совершенно некстати, однако Эмма хорошо умела скрывать свое раздражение за напускной вежливостью и надеялась, что простодушный мистер Уэстон не удержится и еще раз повторит, хотя бы в общих чертах, вести о своем сыне. Так и произошло. За ужином Эмма наконец освободилась от мистера Элтона и села рядом с мистером Уэстоном, и тот, исполнив свои обязанности гостеприимного хозяина, то есть нарезав седло барашка, первым же делом обратился к ней:

— Сегодня нам не хватает лишь двоих: вашей прелестной маленькой подруги мисс Смит и моего сына — и тогда, можно сказать, мы все

были бы в сборе. Вы, кажется, не слышали, как я рассказывал остальным, что мы ждем Фрэнка в гости? Утром я получил от него письмо, он приедет через две недели.

Эмма скромно, как и подобает, порадовалась и согласилась, что их компании как раз не хватает только мистера Фрэнка Черчилля и мисс Смит.

— Он хочет навестить нас еще с сентября, — продолжал мистер Уэстон, — и в каждом письме об этом пишет, но он не волен сам распоряжаться своим временем. Ему приходится угождать некоторым личностям, а им — между нами — угодить без жертв невозможно. Однако теперь-то я не сомневаюсь, что где-то на второй неделе января мы все же его увидим.

— Какие чудесные вести! Как вы, должно быть, рады! И миссис Уэстон так не терпится с ним познакомиться — она, верно, рада не меньше вашего.

— Да, вот только она думает, что его приезд снова отложится. Миссис Уэстон не разделяет моей уверенности, но она и не знакома так, как я, с особенностями того дома. Видите ли, дело в том — и это только между нами, остальным я ничего об этом не говорил, ведь у каждой семьи есть свои секреты — так вот, дело в том, что в январе

в Анскоме ждут гостей, и приезд Фрэнка зависит от того, не отменятся ли эти самые гости. Если они все же прибудут, то ему придется остаться. Но я-то знаю, что они не приедут, потому что гости эти — семейство, которое одна довольно влиятельная в Анскоме особа порядком недолюбливает. И хотя из приличия их раз в два-три года и приглашают, до самого дела обычно не доходит. Я совершенно не сомневаюсь, что в середине января Фрэнк будет у нас. В этом я уверен так же, как в том, что сейчас сам здесь сижу. Но ваша старая подруга, — он кивнул в сторону другого конца стола, — настолько сама не капризна и настолько не привыкла к такого рода блажи в Хартфилде, что не может вычислить ее последствия так, как это привык делать я.

— Досадно слышать, что в этом деле столько условий, — отозвалась Эмма, — но я, мистер Уэстон, склонна принять вашу сторону. Если вы полагаете, что он приедет, то и я буду считать так же. Вы лучше нас знакомы с порядками в Анскоме.

— Да, знаком в некоторой степени, хотя ни разу там и не был. Сложно понять эту особу! Но из-за ее любви к Фрэнку я не позволяю себе дурно о ней отзываться. Раньше я думал, что любить

она может только себя, однако к нему она всегда была добра — конечно, по-своему, с капризами, с причудами и с желанием, чтобы все делалось лишь согласно ее воле. И я даже думаю, Фрэнку делает честь, что он умудрился вызвать в ней подобные чувства, ведь ее сердце — но это тоже только между нами — сделано из камня, а нрав сравнится лишь с дьявольским.

Эмму так порадовал этот разговор, что вскоре после ужина, когда некоторые из них перешли в гостиную, она завела ту же беседу с миссис Уэстон, поздравив ее со скорым приездом долгожданного гостя и при этом отметив, что первые встречи бывают волнующи. Миссис Уэстон согласилась, однако добавила, что радовалась бы еще больше, если бы эта первая волнующая встреча действительно состоялась в назначенное время:

— Я не слишком рассчитываю, что он приедет. Мистер Уэстон куда более уверен в его визите. Я же боюсь, что все это опять кончится ничем. Полагаю, он рассказал вам в точности, как обстоят дела?

— Да… Похоже, все зависит лишь от капризов миссис Черчилль, в которых, как я поняла, она довольно непостоянна.

— Ах, Эмма! — с улыбкой воскликнула миссис

Уэстон. — А могут ли капризы быть постоянны? — И, повернувшись к Изабелле, которая в их разговоре не участвовала, добавила: — Дорогая миссис Найтли, понимаете ли, во мне нет такой уверенности, как в мистере Уэстоне, что его сын все же сможет нас навестить. Это зависит лишь от желаний и настроения его тетушки — другими словами, от ее характера. Вам, моим дочерям, я осмелюсь сказать правду. Анскомом заправляет миссис Черчилль, а она женщина очень своенравная. Приезд мистера Фрэнка Черчилля полностью зависит от того, захочет ли она его отпустить.

— Ох, да, миссис Черчилль! Кто ж ее не знает! — подхватила Изабелла. — Не могу думать о бедном юноше без сочувствия. Как тяжело, должно быть, пребывать под одной крышей с человеком, у которого столь скверный нрав. К счастью, нам эта участь незнакома, но жить так — пытка! Хорошо, что у нее никогда не было своих детей! Бедняжечки, она бы их совсем измучила.

Эмме хотелось побыть с миссис Уэстон наедине. Тогда она бы точно узнала больше: миссис Уэстон всегда говорила с ней откровенно, однако в присутствии Изабеллы позволить себе этого не могла. Эмма верила, что от нее подруга не стала

бы скрывать совершенно ничего о Черчиллях и поведала бы все, кроме определенных видов на судьбу юноши, о которых ее воображение уже помогло составить некоторое представление. Теперь же миссис Уэстон добавить обо всем этом деле было нечего. Вскоре в гостиной к ним присоединился мистер Вудхаус. Он не мог долго сидеть в мужской компании после ужина. Ни вино, ни беседы его не привлекали, и он с радостью перешел к тем, с кем всегда чувствовал себя легко и свободно.

Пока он болтал с Изабеллой, Эмма воспользовалась минуткой и заметила:

— Значит, вы сомневаетесь, приедет ли ваш сын. Очень жаль это слышать. Первая встреча всегда тяжела, и чем скорее вы познакомитесь, тем лучше.

— Да, и после каждой отсрочки со страхом ожидаешь вслед и других. Даже если это семейство, Брейтуэйты, не приедет, то, боюсь, найдется другой предлог обмануть наши надежды. Сам он, несомненно, приехать хочет, однако Черчилли не желают его ни с кем делить. Это ревность. Они ревнуют его даже к родному отцу. Одним словом, я и не смею надеяться, что он приедет, и хотела бы, чтобы мистер Уэстон не радовался раньше

времени.

— Он обязан приехать, — сказала Эмма. — Пускай хотя бы на два денечка — обязан. Мне сложно представить, чтобы молодой человек настолько не мог распоряжаться собственной судьбой. Да, девушке, попади она в злые руки, сложно вырваться из плена и попасть к тем, с кем она хочет быть. Но что может так удерживать молодого человека, не давать ему провести хотя бы недельку с отцом — этого я понять не могу.

— Чтобы судить о том, что он может, а что — нет, надо сперва побывать в Анскоме и узнать, какие там порядки, — заметила миссис Уэстон. — Вероятно, стоит придерживаться такого правила, прежде чем судить о любой семье, однако в случае с Анскомом, я полагаю, дело обстоит еще труднее: там все подчиняется миссис Черчилль и ее капризам.

— Но ведь она так любит своего племянника, просто души в нем не чает. И, как мне показалось, для особы вроде миссис Черчилль было бы вполне естественно, постоянно помыкая своим мужем, которому она обязана всем, в то же время угождать племяннику, которому она не обязана ничем.

— Милая моя Эмма, у вас такой добрый нрав,

что вы никогда не сможете понять такого человека и его мотивы — даже не пытайтесь. Не сомневаюсь, что иногда он и в силах на нее влиять, однако невозможно всегда знать заранее, что и когда ей взбредет в голову.

Эмма выслушала и холодно подытожила:

— Как бы то ни было, он должен приехать.

— Возможно, в одних вопросах он обладает бóльшим влиянием, — продолжала миссис Уэстон, — а в других — меньшим. Не исключено, что его визит к нам относится как раз к последним, и миссис Черчилль в этом к его мнению не прислушивается.

Глава XV

Мистер Вудхаус вскоре захотел чаю, а выпив его, был готов ехать домой. Три собеседницы всячески старались отвлечь его от мыслей о позднем часе, покуда остальные джентльмены не присоединились к ним в гостиной. Мистер Уэстон, человек разговорчивый и общительный, не любил расставаться с друзьями слишком скоро, и все же наконец все они собрались в одной комнате. Первым вошел мистер Элтон, он был в прекрасном расположении духа. Миссис Уэстон

и Эмма сидели на софе, и он тут же, не дожидаясь приглашения, разместился между ними.

Эмма тоже пребывала в хорошем настроении после разговоров о возможном приезде Фрэнка Черчилля, а потому была готова забыть неподобающее поведение мистера Элтона и вернуться к прежней своей благосклонности. Он первым же делом заговорил о Харриет, и Эмма, одарив его дружеской улыбкой, приготовилась слушать.

Он выразил крайнюю обеспокоенность состоянием ее подруги — ее милой, чудесной, любезнейшей подруги. Есть ли вести? Не сообщали ли ей о ее здоровье за время их визита? Он очень встревожен и должен признаться, что природа ее болезни внушает ему некоторые опасения… И в таком духе он еще попричитал некоторое время, не слишком прислушиваясь к ответам, но отдавая должное ужасам больного горла. Эмма же снисходительно его слушала.

Однако разговор принял неожиданный оборот: внезапно оказалось, что он больше обеспокоен здоровьем не Харриет, а Эммы — как бы она не заразилась больным горлом от своей подруги, как бы не подхватила тот же недуг. Он принялся пылко уговаривать ее воздержаться от визитов к больной, умолял дать ему обещание не риско-

вать, покуда он не разузнает все у мистера Перри. И хотя Эмма пыталась обратить все в шутку и вернуть разговор к заботам о Харриет, причитаниям его не было конца. Все это Эмму разозлило. Что ж, сомнений не было — он и впрямь сменил предмет обожания с Харриет на нее. Какое чудовищное, презренное непостоянство! Она с трудом держала себя в руках. Мистер Элтон повернулся к миссис Уэстон за поддержкой: ведь она, разумеется, с ним согласна? Не поддержит ли она его мольбы, чтобы мисс Вудхаус не приходила к миссис Годдард, покуда не станет ясно, что недуг мисс Смит не заразен? Пока мисс Вудхаус не даст ему обещания, он не успокоится — не поможет ли миссис Уэстон своим влиянием его добиться?

— Столько внимания к другим, — продолжал он, — и совершенно никакой заботы о себе! Она просила меня остаться сегодня дома и лечить простуду, а сама не обещает не подвергать себя риску заразиться гнойной ангиной. Миссис Уэстон, разве это справедливо? Рассудите нас. Неужто я не вправе сетовать? Я уверен, что вы меня поддержите и поможете ее убедить.

Эмма заметила, что миссис Уэстон немало удивилась тому, как мистер Элтон словами и манерами присвоил себе право первостепенной

заботы об Эмме. Сама же она была настолько возмущена и оскорблена, что не смогла найти слов, чтобы поставить его на место. Она лишь смерила его таким взглядом, который, по ее мнению, должен был привести его в чувство, и пересела с софы на стул поближе к сестре, уделяя все свое внимание ей.

Эмма не успела оценить, как мистер Элтон воспринял этот безмолвный упрек, поскольку тут же произошло новое событие: с улицы вернулся мистер Джон Найтли и сообщил всем присутствующим, что землю замело и что снегопад не прекращается, а только усиливается, и затем обратился к мистеру Вудхаусу со словами:

— Лихо вы, сэр, встречаете зиму! Такая метель вашему кучеру и лошадям будет в новинку.

Бедный мистер Вудхаус от страха оцепенел, прочие же сразу заговорили: кто-то удивлялся, кто-то заявлял, что этого следовало ожидать; одни взволнованно сыпали вопросами, другие их успокаивали. Миссис Уэстон и Эмма изо всех сил старались приободрить мистера Вудхауса и отвлечь его от речей зятя, который совершенно бесчувственно торжествовал:

— Сэр, я восхищаюсь вашей решительностью, — говорил он. — Поехать куда-то в такую

погоду! Даже при том, что вы, разумеется, видели, как вскоре все заметет. Любому было ясно, что надвигается метель. Восхищаюсь вашей смелостью и не сомневаюсь, что домой мы доберемся без особых трудностей. За час-другой дорогу еще не засыпет окончательно, да и у нас целых два экипажа. Если один занесет в чистом поле, то рядом будет другой. Смею предположить, что к полуночи мы в целости и сохранности окажемся в Хартфилде.

Мистер Уэстон, тоже по-своему торжествуя, признался, что знал о снегопаде уже некоторое время, однако ничего не говорил, опасаясь, как бы мистер Вудхаус не забеспокоился и не заторопился домой. И все же снега выпало не так уж много, во всяком случае, к огорчению мистера Уэстона, их путь домой не принесет никаких трудностей. Хотелось ему, чтобы дорогу занесло и все друзья остались в Рэндаллсе подольше. С присущим ему добродушным гостеприимством он призвал жену подтвердить, что, прибегнув к некоторой изобретательности, они бы всем нашли место на ночь, с чем та едва ли могла согласиться, понимая, что в доме лишь две свободные комнаты.

— Эмма, голубушка, что же делать? Что же нам делать? — только и мог восклицать мистер

Вудхаус. Он искал у нее утешения, и лишь после того, как она заверила его, что опасность им не грозит, и напомнила, что у них превосходные лошади, а Джеймс — замечательный кучер, и что они к тому же окружены прекрасными друзьями, мистер Вудхаус немного оживился.

Его старшая дочь встревожилась не меньше. Ее охватил ужас при мысли о том, что они с мужем застрянут в Рэндаллсе, покуда их дети в Хартфилде. Рассудив, что люди отважные могут отправиться в путь и по столь заснеженной дороге, она решила, что медлить нельзя: пускай Эмма и их отец остаются в Рэндаллсе, они же с мужем немедленно двинутся в дорогу, невзирая на наметенные ветром сугробы.

— Дорогой, велите скорее закладывать, — сказала она, — смею надеяться, что мы успеем добраться до дома, если выедем тотчас же. Если же с повозкой по пути что-то случится, я дойду и пешком. Полпути пройти не страшно. А дома сразу же переобуюсь, я от такого не простужаюсь.

— Удивительно! — изумился мистер Джон Найтли. — В таком случае, моя дорогая Изабелла, это не иначе как чудо, потому что простужаетесь вы обычно от малейшего ветерка. Дойти пешком!.. Хорошо же вы обуты для такой прогулки.

Сейчас даже лошадям придется нелегко.

Изабелла взглянула на миссис Уэстон, надеясь на ее поддержку. Той оставалось лишь одобрить ее план. Затем Изабелла обратилась к Эмме, однако Эмма так легко сдаваться не собиралась: она надеялась, что они смогут благополучно добраться до дома все вместе. Обсуждение как раз было в самом разгаре, когда с улицы вернулся мистер Найтли. Как только его брат сообщил о снегопаде, он вышел проверить погоду и остался совершенно уверен, что гости без труда смогут добраться до дома хоть сейчас, хоть через час. Он немного прошелся по дороге в сторону Хайбери: снега намело на полдюйма от силы, а в некоторых местах землю и вовсе едва припорошило. С неба все еще сыпали редкие снежинки, но тучи уже расходились, и снег, по всей видимости, скоро должен был совсем прекратиться. К тому же он успел посоветоваться с кучерами, и те согласились, что опасаться нечего.

Изабелла вздохнула с облегчением, да и Эмма не могла не порадоваться таким новостям, ведь их батюшка тут же успокоился, сколь то позволяла его нервическая натура. И все же произошедшее так его взволновало, что он не мог долее спокойно оставаться в Рэндаллсе. Мистер

Вудхаус был рад узнать, что дорога домой безопасна, но ничто не могло бы убедить его, что безопасно и продолжить вечер, и покуда все пытались уговорить его остаться подольше, мистер Найтли и Эмма быстро решили дело:

— Ваш батюшка беспокоится, не лучше ли вам собраться в путь?

— Я готова, ежели готовы другие.

— Я позвоню?

— Да, пожалуйста.

Мистер Найтли позвонил в колокольчик и велел закладывать. Эмма надеялась, что совсем скоро оба ее неугомонных спутника благополучно отправятся по домам, где один сможет прийти в себя после крепких напитков и остыть, а другой — обрести долгожданный покой после столь утомительного вечера.

Экипажи были поданы. Мистера Вудхауса, как всегда в таких случаях, усадили первым, однако, увидев, что снег действительно выпал, а ночь оказалась гораздо темнее, чем он ожидал, тот разволновался вновь. Никакие уверения провожавших его мистера Найтли и мистера Уэстона успокоить его не могли. Поездка, он опасался, их ждала непростая. Как же ее перенесет бедняжка Изабелла? А несчастной Эмме придется ехать в

карете позади. Что же делать? Нужно непременно держаться как можно ближе друг к другу. И после таких причитаний Джеймсу было велено ехать медленно и не оставлять вторую повозку далеко позади.

С ним села Изабелла, а за своей женой вполне естественно последовал и Джон Найтли, позабыв о том, что сюда он ехал с другими попутчиками. В общем, когда мистер Элтон сопроводил Эмму ко второму экипажу и сам забрался в него же, а за ними, как и положено, захлопнули дверцу, то обнаружилось, что ехать им предстояло наедине. До сегодняшнего дня подобное обстоятельство ничуть бы ее не смутило, а даже наоборот, порадовало: она свела бы разговор к Харриет, и три четверти мили пролетели бы в один миг. Однако после возникших подозрений Эмма предпочла бы избежать подобной поездки. После всего вина, которое он выпил у мистера Уэстона, мистер Элтон наверняка начнет нести всякую чепуху.

С намерением привести его в чувство своей собственной сдержанностью Эмма приготовилась со всей невозмутимостью и важностью говорить о погоде и позднем вечере, однако не успела она сказать и слова, не успели они выехать за ворота и догнать первую карету, как вдруг ее переби-

ли, схватили за руку, потребовали внимания и стали пылко изъясняться в любви, радуясь столь чудесной возможности. Мистер Элтон стал говорить что-то о чувствах, которые для нее, несомненно, уже не были тайной, с надеждой, со страхом, с обожанием, с готовностью умереть в случае отказа, но все же лелея в душе мысль, что его горячая привязанность, безмерная любовь и безграничная страсть не могли не оставить ее равнодушной — одним словом, он с самыми серьезными намерениями надеялся на скорейшую взаимность. Это был не сон. Безо всяких угрызений, без оправданий мистер Элтон, возлюбленный Харриет, беззастенчиво признавался в любви ей, Эмме. Она пыталась его остановить, но тщетно: он не умолк, пока не высказал все. Когда же ей наконец удалось вставить слово, то, несмотря на переполнявшее ее негодование, она смогла удержаться от грубостей, понадеявшись, что в нем говорит вино, а не рассудок, и через некоторое время он образумится. Полусерьезно, полушутя — в манере, которая, как она полагала, будет понятнее всего захмелевшему человеку, — Эмма ответила:

— Мистер Элтон, я поражена. Говорить все это мне! Вы забываетесь, вы приняли меня за мою

подругу. Я с радостью передам мисс Смит любое ваше послание, но меня, прошу, от подобных признаний избавьте.

— Мисс Смит!.. Послание мисс Смит!.. И как прикажете это понимать?.. — И он повторил ее слова в такой кичливой манере, с таким напускным изумлением, что она не удержалась и тут же воскликнула:

— Мистер Элтон, ваше поведение возмутительно! Вы не в себе — лишь так я могу его объяснить. Иначе бы вы не позволили себе ни говорить со мной, ни отзываться о Харриет в подобном тоне. Лучше молчите — тогда я постараюсь забыть об этом недоразумении.

Однако выпитого мистером Элтоном вина хватало как раз, чтобы придать ему смелости, не помутив при этом рассудок. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что говорит, и отметил такого рода подозрения спутницы как крайне оскорбительные. Упомянув, что он, конечно же, со всем почтением относится к мисс Смит как к ее подруге — однако не понимает, при чем здесь вообще мисс Смит, — мистер Элтон вернулся к своим пылким признаниям, с нетерпением ожидая благоприятного ответа.

Чем больше Эмма осознавала, что он трезв, тем

большее негодование вызывали у нее его непостоянство и наглость. Теперь уже она отвечала, не делая былых попыток быть вежливой:

— Сомнений больше нет. Вы выразились предельно ясно. Мистер Элтон, моему изумлению нет предела. После того отношения к мисс Смит, тех знаков внимания, коим я была свидетельницей целый месяц изо дня в день, обращать подобные речи ко мне? Что за неслыханная ветреность! Поверьте, сэр, мне ничуть не льстит быть предметом такого рода признаний.

— Боже мой! — воскликнул мистер Элтон. — Что все это значит?.. Мисс Смит!.. Да я и не думал о мисс Смит… И никогда не оказывал ей знаков внимания иначе как вашей подруге, никогда не волновало меня ее существование иначе как вашей подруги. Ежели она вообразила что-то иное, ежели обманулась своими собственными мечтами, то я искренне сожалею… Мисс Смит! Подумать только!.. О, мисс Вудхаус! Кто подумает о мисс Смит, когда рядом мисс Вудхаус! Нет, клянусь честью, ветреность мне не свойственна. Я думал лишь о вас. Лишь вам я оказывал знаки внимания. Все мои слова и все мои действия в эти прошедшие недели были призваны выразить мое обожание вам. Быть не может, чтобы вы и в

самом деле в этом сомневались. Нет! — вскричал он и многозначительно добавил: — Уверен, вы прекрасно все понимали.

Невозможно было сказать, какое именно чувство испытала Эмма. Вернее, какое именно из всех охвативших ее недобрых чувств в ней возобладало. От их переизбытка она потеряла дар речи, но это короткое молчание вновь вселило надежду в мистера Элтона, и, попытавшись опять схватить ее за руку, он радостно воскликнул:

— Очаровательная мисс Вудхаус! Позвольте мне истолковать ваше выразительное молчание: вы давно меня поняли.

— Нет, сэр! — запротестовала Эмма. — Отнюдь! Я не только вас не понимала, но и до настоящего момента имела совершенно неверное представление о ваших видах. О вашем признании могу сказать лишь одно: мне очень жаль, что вы дали волю своим чувствам… Этого я желала меньше всего… Ваша привязанность к Харриет, ваши старания завладеть ее, как мне казалось, вниманием доставляли мне огромную радость, и я искренне желала вам успеха. Однако заподозри я, что причиной ваших частых визитов в Хартфилд является вовсе не она, то тут же перестала бы их поощрять. Правильно ли я понимаю, что вы

никогда не искали расположения мисс Смит? Что никогда не имели на нее видов?

— Никогда! — воскликнул он, глубоко оскорбленный. — Никогда, уверяю вас! Чтобы я имел виды на мисс Смит?! Мисс Смит — девушка славная, и я буду счастлив, коли она удачно выйдет замуж. Я желаю ей всяческих благ и не сомневаюсь, что найдутся мужчины, которые не против… Словом, каждому свое, однако я до такого еще не дошел. Я не настолько отчаялся найти партию, равную себе, чтобы иметь виды на мисс Смит! Нет, мисс Вудхаус, в Хартфилд я приходил лишь ради вас, и встречая с вашей стороны поощрение…

— Поощрение! С моей стороны!.. Сэр, вы глубоко заблуждаетесь. Я всегда видела в вас лишь поклонника моей подруги. Только в таком свете вы значили для меня больше, чем простой знакомый. Я очень сожалею об этом недоразумении, но рада, что оно наконец прояснилось. Если бы вы и далее продолжили в том же духе, то ввели бы мисс Смит в немалое заблуждение относительно ваших намерений. Вероятно, ей, как, впрочем, и мне, неизвестна эта очевидная для вас, мистер Элтон, разница в положении. Но, увы, вам пришлось столкнуться с разочарованием, чувство

которого, я полагаю, долго не продлится. Я же пока что замуж не собираюсь.

От злости мистер Элтон не мог вымолвить ни слова, а Эмма своим решительным видом показывала, что мольбы бесполезны. В таком состоянии нарастающего недовольства и взаимного негодования они вынуждены были ехать в обществе друг друга еще некоторое время, обреченные по милости мистера Вудхауса и его страхов тащиться со скоростью пешего человека. Не будь они так сердиты, оставшийся путь прошел бы в неловком молчании, однако их прямолинейность не оставила места для смущения. Они не заметили, как карета свернула на Пастырскую дорогу и как остановилась у дома мистера Элтона. Когда дверцу открыли, он вышел, не проронив ни слова. Эмма все же сочла нужным пожелать ему доброй ночи. Последовал холодный и высокомерный ответ, и Эмма, в ужасно раздраженном состоянии, продолжила свой путь в Хартфилд.

Дома ее с величайшим восторгом встретил отец, который содрогался от ужаса, представляя себе все опасности поездки от Пастырской дороги: ведь ей пришлось ехать совсем одной и миновать такой крутой поворот, да еще и с посторонним кучером, а не с их опытным Джейм-

сом! Казалось, для всеобщего счастья только возвращения Эммы и не хватало: мистер Джон Найтли, устыдившись своего прежнего дурного настроения, был сама доброта и забота. Стремясь угодить тестю, он охотно соглашался признать многочисленные достоинства овсянки, хоть и не был готов составить компанию за ее вечерним приемом. Словом, конец дня принес мир и покой всем в их небольшой компании, кроме Эммы. Никогда еще она не была взволнована столь сильно, и ей стоило больших усилий притворяться перед всеми учтивой и веселой. Лишь когда настало время отходить ко сну, Эмма смогла спокойно предаться размышлениям.

Глава XVI

Волосы были закручены, служанка отпущена, и Эмма наконец погрузилась в мысли и терзания… Какой кошмар! Все ее мечты рухнули! Хуже не придумать! Какой удар для Харриет!.. Именно последняя мысль задевала ее более всего. О происшедшем невозможно было думать без боли и унижения, но в сравнении со злом, причиненным Харриет, все это было ничто. Эмма с радостью согласилась бы на еще большие страдания, боль

и унижение, лишь бы последствия ее ужасного заблуждения коснулись ее одной.

— Ах, если бы только я не убедила Харриет влюбиться в него! Я бы вынесла что угодно, стерпела бы, будь он хоть вдвойне наглее… Но бедная Харриет!

Как она могла так обмануться!.. Он заявил, что никогда не имел видов на Харриет… никогда! Эмма постаралась вспомнить события прошедших недель, но в голове ее все смешалось. Сделанное предположение овладело ею, и все его поступки она толковала лишь так, как желала. Но, вероятно, и он вел себя неопределенно, держался двусмысленно и колебался, иначе не ввел бы ее в такое заблуждение.

А портрет! Как увлечен он был портретом!.. И шарада!.. И сотни других мелочей… Все они, казалось, так ясно указывали на Харриет. Надо признать, что строки про «острый ум» сразу ее удивили, но ведь в шараде упоминался и «нежный взгляд»… Словом, стих не подходил ни одной из них. Все намешано в одну кучу, попробуй тут разберись! Безвкусный, бессмысленный бред.

Конечно, Эмма часто, особенно в последнее время, замечала, что мистер Элтон с ней чрезмерно любезен, однако полагала, что это всего

лишь своеобразная манера держаться — а точнее, неумение держаться в силу недостатка опыта и вкуса, лишь очередное свидетельство, что он не всегда вращался в лучшем обществе, что при всей его обходительности ему все же не хватало естественной, природной утонченности. Но до сего дня ей никогда, ни на одну секунду не приходила в голову мысль, что все это значит нечто иное, чем просто благодарное уважение к ней как к подруге Харриет.

Первыми закравшимися к ней подозрениями она была обязана мистеру Джону Найтли. Он, как и его брат, оказался довольно проницателен. Она вспомнила, как мистер Найтли однажды предупреждал ее о мистере Элтоне, с какой уверенностью говорил, что тот никогда не женится необдуманно. Ее бросило в краску при мысли о том, как прав был мистер Найтли на его счет и как далека от правды, выходит, была она сама. До чего же унизительно… Во многих отношениях мистер Элтон оказался полной противоположностью тому, каким представляла его Эмма: заносчивым, высокомерным, напыщенным, тщеславным и корыстным. Чувства других людей его заботили мало.

Вопреки тому, что обычно происходит в подоб-

ных случаях, ухаживания мистера Элтона лишь опустили его в глазах Эммы. Его признания и предложения сослужили ему плохую службу. Она не придавала никакого значения его заверениям, будто бы он к ней неравнодушен, и была глубоко оскорблена его притязаниями. Он хотел найти себе выгодную партию и посмел обратить свой взор к ней, прикинувшись влюбленным, но Эмма была уверена: обманутые ожидания не разбили ему сердца. Ни в его словах, ни в его поведении не было и намека на истинное чувство. Он сыпал вздохами и красивыми словами, но ни лицо его, ни голос не выражали искренней любви. Так и жалеть его нечего. Он всего лишь хотел возвыситься и обогатиться, и коли мисс Вудхаус из Хартфилда, наследницу тридцати тысяч фунтов, заполучить оказалось не так-то просто, то вскоре он попытает удачи с еще какой-нибудь мисс откуда бы то ни было с наследством в двадцать или десять тысяч.

И он посмел утверждать, будто бы она его поощряла, будто знала о его намерениях и принимала его знаки внимания, словом, собиралась выйти за него замуж! Он посмел счесть себя равным ей по рождению и по уму! Посмел свысока смотреть на ее подругу, так презрительно отзываясь о тех,

кто ниже его по положению, однако совершенно не замечая разницы в положении с самой Эммой! Ему хватило наглости сделать ей такое предложение! Все это ужасно ее злило.

Возможно, несправедливо ожидать, чтобы он был способен прочувствовать, как сильно уступает ей и по одаренности, и по уму. Именно от недостатка этих качеств он, вероятно, этого и не осознавал. Но ведь не мог он не знать, насколько она превосходит его по богатству и положению. Не мог он не знать, что Вудхаусы, младшая ветвь старинного рода, уже не первое поколение живут в Хартфилде, между тем как Элтоны — никто. Разумеется, земельные владения Хартфилда невелики и со многих сторон окружены обширными имениями аббатства Донуэлл, на землях которого стоит и Хайбери, однако богатые доходы Хартфилда из других источников ставят его практически на одну ступень с Донуэллом во всем прочем. Вудхаусы уже давно завоевали особое расположение в местном приходе, куда мистер Элтон прибыл, чтобы зарабатывать свой хлеб, всего два года назад. Происходя из семьи торговца, никаким особым родством он похвастать не мог и как приходской священник имел возможность полагаться лишь на свой род занятий да собственную

учтивость, которые и позволяли ему вращаться в высшем обществе. И он смел себе вообразить, будто она в него влюблена! Вероятно, на этом и строились его замыслы… Понегодовав по поводу ужасного несоответствия между его внешней обходительностью и внутренним тщеславием, Эмма вынуждена была все же признать, что сама была с ним столь услужлива и любезна, столь учтива и внимательна, что немудрено, как такой ограниченный и ненаблюдательный человек, вроде мистера Элтона, не догадавшись о ее истинных намерениях, возомнил себя ее избранником. Если даже она сама не смогла верно истолковать чужие чувства, то что говорить о нем, ослепленном, ко всему прочему, собственной корыстью?

Первую и самую ужасную ошибку совершила она сама. Глупо было так рьяно пытаться соединить двух людей. Глупо и неправильно! Она зашла слишком далеко, взяла на себе слишком много, слишком легко отнеслась к тому, в чем требуется серьезность, и чересчур усложнила то, где необходима простота. Эмму терзали стыд и совесть, и она дала себе слово никогда больше так не поступать.

«Ведь это я сама, — сокрушалась она, — вызвала в Харриет интерес к этому негодяю. Она бы, мо-

жет, никогда о нем и не подумала, если бы не я, и уж точно никогда бы не питала никаких надежд. Она для этого слишком скромна и застенчива. Подумать только, как я могла приписывать эти качества и ему! Ах, надо было мне остановиться на том, что я уговорила ее отказать молодому Мартину. Тогда-то я была совершенно права, но тем и стоило довольствоваться, положившись в остальном на время и счастливый случай. Я ввела ее в хорошее общество, предоставила возможность найти человека достойного, но ни к чему было стремиться к большему. А теперь-то что будет с ней, бедненькой? Плохой я оказалась подругой. Как она расстроится… А я ведь и замену придумать не могу… Уильям Кокс? Ах, нет! Терпеть не могу Уильяма Кокса, этого наглого адвокатишку!»

Тут она запнулась, покраснела и посмеялась над собой, обнаружив, что повторяет свои же ошибки, а затем вновь погрузилась в серьезные и удручающие раздумья о том, что было, что может быть и что теперь будет. Она думала, как ей придется рассказать все бедняжке Харриет и как та будет страдать, представляла неловкость, которую будут испытывать они трое при встречах, и не могла решить, продолжать ли знакомство

с мистером Элтоном. Ей придется подавлять свои истинные чувства, скрывать презрение и избегать огласки… Все эти мрачные мысли еще некоторое время занимали разум Эммы, покуда она наконец не легла спать, так ни к чему и не придя, а лишь убедившись, что совершила ужасную ошибку.

С приходом нового дня юная и жизнерадостная особа вроде Эммы всякий раз воспрянет духом, даже если с вечера ее терзали мрачные думы. Юность и жизнерадостность самого утра немало влияют на подобные натуры и придают им сил, и если уж ночные муки все же не лишили их сна, то новый день облегчит их боль и принесет новые надежды.

Утром Эмма проснулась с более спокойными мыслями, чем накануне, с большей готовностью обнаружить в случившихся злоключениях даже преимущества и с надеждой скорее обо всем забыть.

Немало утешало, что, во-первых, мистер Элтон не был в нее действительно влюблен, да и не настолько они дружны, чтобы беспокоиться о его чувствах. Во-вторых, Харриет не относится к тем возвышенным натурам, которые переживают все чувства глубоко и долго. В-третьих, совсем

необязательно кому-то, кроме них троих, знать о том, что произошло, а уж тем более ее батюшке — это убережет его от лишних расстройств.

Эти мысли очень подбодрили ее, а при виде выпавшего за ночь снега она обрадовалась еще больше: какой чудесный повод для них троих пока что не видеться!

Погода ей благоприятствовала, ведь несмотря на день Рождества, можно было не идти в церковь. Мистер Вудхаус и так наверняка бы лишь с болью в сердце отпустил дочь по столь заснеженной дороге, так что совпало все как нельзя лучше: ей не пришлось ни придумывать отговорки, ни выслушивать причитания. Сугробы и переменчивая погода — то заморозки, то оттепель — совершенно не располагали к прогулкам. Каждое утро начиналось то с дождя, то со снега, а к вечеру неизменно крепчал мороз. Словом, немало дней Эмма провела в своем благородном заточении. Никакого общения с Харриет, кроме переписки, никакой церкви по воскресеньям по той же причине, что на Рождество, и никакой необходимости выдумывать, почему вдруг мистер Элтон перестал навещать Хартфилд.

В такую погоду любой предпочтет остаться в домашнем тепле, и хотя Эмма верила и надея-

лась, что мистер Элтон просто нашел себе другое приятное общество, она радовалась, что ее батюшка полагает, будто тот сидит один дома и благоразумно не выходит на улицу. Ей приятно было слышать, как мистеру Найтли, которого никакая непогода не могла удержать от визитов в Хартфилд, отец говорит:

— Ах, мистер Найтли, ну почему же вы не останетесь дома, как наш бедный мистер Элтон?

Если бы не душевное смятение, овладевшее Эммой, то эти дни заточения доставили бы ей одно удовольствие: подобное уединение благотворно действовало на ее зятя, расположение духа которого в большой степени влияло и на всех остальных. К тому же весь поток своей сварливости он уже обрушил на них в Рэндаллсе, а потому в течение всего оставшегося визита был неизменно благодушен. Со всеми он держался приветливо и любезно, обо всех отзывался доброжелательно. Однако, несмотря на все радостные надежды и такую удобную отсрочку, Эмму настолько тяготила мысль о скором объяснении с Харриет, что она ни на секунду не находила покоя.

Глава XVII

Чете Найтли не пришлось надолго задержаться в Хартфилде. Погода вскоре наладилась достаточно, чтобы те, кому нужно было ехать, могли ехать. Мистер Вудхаус, как и всегда, попытался убедить дочь с детьми остаться, однако, как и всегда, потерпел неудачу и был вынужден проводить их всех в дорогу, после чего вновь принялся оплакивать судьбу бедняжки Изабеллы. Сама же бедняжка Изабелла, окруженная обожаемыми ею людьми, в которых видела лишь достоинства и не замечала недостатков, проводила жизнь в постоянных мелких хлопотах и являла собой пример подлинного женского счастья.

Семейство Найтли уехало, а вечером того же дня мистеру Вудхаусу принесли записку от мистера Элтона — длинную, вежливую, официальную записку, в которой тот, выражая глубочайшее почтение мистеру Вудхаусу, сообщал, что на следующее утро уезжает из Хайбери в Бат, где по настоятельным просьбам друзей проведет несколько недель, и очень сожалеет, что ввиду разных причин — из-за дел и непогоды — не имеет возможности лично попрощаться с мистером

Вудхаусом, за чье дружеское расположение он будет вечно благодарен, и ежели у мистера Вудхауса появятся к нему какие-либо поручения, то он будет счастлив их исполнить.

Эмма была приятно удивлена. Еще несколько недель не видеть мистера Элтона — лучше не придумаешь. Она мысленно похвалила его за такое ловкое решение, однако выбранный им тон ее вовсе не порадовал. Такая подчеркнутая учтивость к ее отцу и совершенно ни слова о ней — все письмо было пропитано злой обидой. Ее имя не стояло даже в обращении! Столь разительную перемену, казалось, трудно не заметить. Кроме того, в его благодарности читалась столь неуместная напыщенность, что Эмма была уверена: ее батюшка наверняка что-то заподозрит.

Однако не заподозрил. Мистер Вудхаус был так удивлен этим внезапным отъездом и так волновался за судьбу и жизнь бедного мистера Элтона — ведь дорога может быть опасна! — что не заметил ничего необычного. И все же эта записка пришлась как нельзя кстати, составив главный предмет мыслей и разговоров на весь остаток их одинокого вечера. Мистер Вудхаус высказывал свои опасения, а Эмма с привычной готовностью его успокаивала и убеждала, что безопасности

мистера Элтону ничто не угрожает.

Эмма твердо решила, что пора рассказать обо всем Харриет. Она, вероятно, уже почти выздоровела и чем раньше узнает о произошедшем, тем скорее оправится и от недуга душевного, и желательно до возвращения мистера Элтона. На следующий же день она отправилась в пансион к миссис Годдард, чтобы понести свое наказание — и, надо заметить, тяжелое. Ей предстояло разрушить все надежды, которые она так старательно взращивала в душе Харриет, выставить себя в неблагоприятном свете предпочтенной подруги и признать, что все ее суждения, наблюдения, убеждения и предсказания оказались ошибочны.

Признание вернуло ей то первое чувство стыда, от которого она за эти дни сумела избавиться. При виде слез ее дорогой подруги Эмма подумала, что больше никогда не сможет жить с собой в мире.

Харриет стойко приняла удар: никого не винила и к тому же явила собой такую бесхитростность и такую скромность, что заслужила еще пущую благосклонность подруги.

Эмме невероятно ценными казались сейчас простота и кротость, и все эти прекрасные и очаровательные добродетели показала Харриет, а

не она. Харриет считала, что не вправе сетовать. Расположение такого джентльмена, как мистер Элтон, было бы для нее слишком большой честью. Она его совершенно не заслуживала, и никто, кроме столь доброй и пристрастной подруги, как мисс Вудхаус, не мог бы представить их союз.

Слезы лились ручьем, и это искреннее горе вызвало у Эммы куда больше уважения, чем могли бы любые притворные попытки сохранить достоинство. Она слушала ее и изо всех старалась утешить, пребывая к тому моменту в полном убеждении, что из них двоих именно Харриет является созданием более возвышенным и что ей самой было бы куда полезнее и лучше походить на подругу, а не полагаться на свой ум и таланты.

Конечно, становиться простодушной и недалекой было уже поздно, но Харриет она покинула, утвердившись в решимости всю оставшуюся жизнь быть смиреннее, скромнее и не давать чрезмерной воли воображению. Теперь ее главным долгом, не считая забот об отце, стало стремление утешить Харриет и проявить свою любовь способом лучшим, нежели сватовство. Она пригласила ее в Хартфилд и проявила безграничную заботу, стараясь отвлечь и развлечь ее

чтением и беседами и таким способом вытеснить из ее головы мысли о мистере Элтоне.

Эмма понимала, что полностью исцелить сердечные раны Харриет сможет лишь время. Она не считала себя беспристрастным судьей в таких вопросах, а тем более не могла в полной мере посочувствовать ее привязанности к такому человеку, как мистер Элтон. Тем не менее Эмма надеялась, что в своем возрасте Харриет успеет оправиться от полного крушения надежд до возвращения предмета воздыханий и что они трое даже, возможно, смогут и дальше видеться как простые знакомые, не рискуя выдать или усугубить те или иные чувства.

Правда, оказалось, что Харриет считает мистера Элтона самим совершенством, какому нет равных ни по красоте, ни по добродетелям, и что она влюблена в него куда больше, чем предполагала ее подруга. И все же Эмма была уверена, что долго эти чувства не продлятся, ведь невозможно хранить в себе подобную привязанность, встретив невзаимность.

Мистер Элтон, вернувшись, всеми силами постарается показать свое равнодушие — в этом она не сомневалась. Стало быть, Харриет осознает, что не ему суждено составить ее счастье.

Каждый из них троих был тесно привязан к Хайбери, что было весьма неудачно. Ни один не мог уехать или избрать иное общество. Им предстояло встречаться и стойко переносить компанию друг друга.

Харриет не повезло с тем, что все учительницы и старшие воспитанницы пансиона говорили о мистере Элтоне с неизменным благоговением, так что лишь в Хартфилде она могла услышать, как о нем отзываются с прохладной сдержанностью и раскрывают его истинную личину. Где нанесли рану — там ее и следует лечить, и Эмма понимала, что до тех пор, пока ее подруга не встанет на путь исцеления, душе ее покоя не будет.

Глава XVIII

Мистер Фрэнк Черчилль не приехал. Когда настала назначенная им дата, опасения миссис Уэстон подтвердились: от него пришло письмо с извинениями. В настоящее время он, к его величайшему сожалению и не меньшему разочарованию, не может отлучиться в гости, но все же не теряет надежды в скором времени посетить Рэндаллс.

Миссис Уэстон ужасно огорчилась, даже, по-

жалуй, больше, чем ее муж, хотя куда меньше его действительно рассчитывала на этот визит. Мистер Уэстон был оптимистом и потому обычно надеялся на лучшее, хоть это лучшее и не всегда сбывалось. Однако эта же черта помогала ему быстро оправиться от разочарования и вновь обрести надежду. Около получаса он поражался и грустил, а затем задумался о том, что будет даже лучше, если Фрэнк приедет не сейчас, а месяца через два-три: и время года будет приятнее, и погода, и остаться он сможет, несомненно, подольше.

Эти мысли его быстро успокоили, между тем как миссис Уэстон, будучи более чувствительной к такого рода неудачам, предвидела в будущем лишь новые отговорки, отсрочки и огорчения и, предполагая будущие страдания мужа, страдала вдвойне.

После всего случившегося Эмму не слишком заботил приезд мистера Фрэнка Черчилля, она лишь сочувствовала друзьям в Рэндаллсе, которых постигло разочарование. Знакомство с ним ничуть ее сейчас не привлекало. Напротив, Эмме хотелось тишины, покоя и поменьше соблазнов. Однако она понимала, что ей следует держаться как обычно, а потому изо всех сил старалась

проявить участие и разделить печаль мистера и миссис Уэстон, как и подобает столь близкому другу.

Она первой сообщила эту новость мистеру Найтли и, негодуя, пожалуй, даже больше положенного — ведь она все же играла роль, — высказала ему все, что думает о Черчиллях, которые не подпускают сына к родному отцу. Затем Эмма принялась горячо рассуждать о вещах, которые ее, по правде сказать, не так уж волновали: о том, как приятно дополнил бы мистер Фрэнк Черчилль их небольшое общество, как замечательно было бы увидеть новое лицо и каким праздником стал бы его приезд для всего Хайбери, а напоследок еще раз упрекнула Черчиллей. Она тут же оказалась вовлечена в спор с мистером Найтли и внезапно с весельем осознала, что пытается отстаивать мнение, противоположное ее собственному, прибегая к доводам, высказанным миссис Уэстон в их недавнем споре.

— Вполне вероятно, что Черчилли виноваты, — холодно заметил мистер Найтли, — однако посмею предположить, что если бы он действительно хотел приехать, то приехал бы.

— Не понимаю, почему вы так говорите. Он всем сердцем желает приехать, но тетя с дядей

его не пускают.

— Не верится, что при желании он ничего не может сделать. Без доказательств я в это поверить не смогу.

— Какой вы странный! Что же такого сделал мистер Фрэнк Черчилль, чтобы заслужить от вас такое недоверие?

— Дело не в недоверии. Я лишь подозреваю, что он привык ставить себя и свое собственное удовольствие превыше своей семьи, ведь он живет с теми, кто подает ему именно такой пример. Куда как естественно, что молодой человек, воспитанный надменными, привыкшими к роскоши эгоистами, и сам вырастет надменным и привыкшим к роскоши эгоистом. Если бы Фрэнк Черчилль и правда хотел повидаться с отцом, то уж за все это время с сентября придумал бы способ. Мужчина в таком возрасте — сколько ему там? двадцать три — двадцать четыре? — вполне в состоянии уладить подобную малость. Уж в этом можете быть уверены.

— Легко вам рассуждать, ведь вы всю жизнь сами себе были хозяином. Все-таки не вам, мистер Найтли, судить о трудностях зависимого положения. Вы не знаете, каково это — приноравливаться к чужому характеру.

— Уму непостижимо, чтобы мужчина в таком возрасте совершенно не обладал свободой самостоятельно принимать решения и действовать. Он не нуждается ни в деньгах, ни в свободном времени. Напротив, нам известно, что и того и другого у него в таком достатке, что он с радостью проматывает свое состояние в излюбленных всякими бездельниками местах. Нам постоянно приходят вести, как он отдыхает то на том курорте, то на другом. Вот совсем недавно был в Уэймуте. Стало быть, Черчиллей он покидать может.

— Да, иногда.

— То есть тогда, когда сочтет нужным, другими словами — когда его ждут развлечения.

— Несправедливо судить о поступках человека, не ведая достоверно его жизненных обстоятельств. Лишь близкие родственники и друзья могут сказать, с какими трудностями сталкивается тот или иной член семьи. Нужно прежде познакомиться с порядками в Анскоме и с нравом миссис Черчилль, а уж потом рассуждать, что ее племяннику дозволено и не дозволено. Возможно, в некоторых случаях у него больше свободы, чем в других.

— Понимаете, Эмма, ежели мужчина желает

исполнить свой долг, то он его исполнит, причем прибегая не к хитрости и изворотливости, а действуя настойчиво и решительно. Оказать внимание отцу — долг Фрэнка Черчилля. Судя по его письмам и обещаниям, он и сам это осознает, однако почему-то исполнять его не спешит. Настоящий мужчина сказал бы миссис Черчилль прямо и решительно: «Ради вашего удобства я всегда готов пожертвовать любыми развлечениями, однако сейчас я должен ехать к отцу. Я знаю, что причиню ему боль, если не окажу необходимое уважение. Посему завтра же я выезжаю». Если бы он без колебаний, решительно, как и подобает мужчине, заявил ей об этом, то она не стала бы препятствовать его отъезду.

— Да, — откликнулась Эмма, посмеиваясь, — но, возможно, стала бы препятствовать возвращению. Чтобы полностью зависимый молодой человек говорил в таком тоне!.. Такое только вам, мистер Найтли, могло прийти в голову. Вы и понятия не имеете, как следует вести себя в положении, прямо противоположном вашему. Да чтобы мистер Фрэнк Черчилль произносил такие речи дяде и тете, которые его вырастили и которые собираются обеспечить его будущее!.. Еще скажите, выйдя на середину комнаты и за-

кричав во весь голос!.. Как вы вообще могли себе представить возможным подобное поведение?

— Эмма, поверьте мне, разумный мужчина не увидел бы здесь никаких трудностей. Он осознавал бы свою правоту, и подобное заявление — для которого человек здравомыслящий, несомненно, подобрал бы подходящий тон и слова — принесло бы ему больше пользы и куда больше возвысило бы его и его интересы в глазах людей, от которых он зависит, чем всяческие уловки и хитрости. К их любви добавилось бы уважение. Они бы поняли, что могут на него положиться, ведь племянник, верный своему долгу перед отцом, будет так же верен и своему долгу перед ними. Они, точно так же, как и он, точно так же, как и все остальные, прекрасно знают, что он обязан нанести визит отцу. Используя свою власть, чтобы этот день отсрочить, в душе они презирают его за то, что он подчиняется их прихотям. Всякий невольно чувствует уважение к человеку, верному долгу. Если бы он действовал последовательно, постоянно и следуя принципам, то их мелкие душонки бы уступили.

— Очень в этом сомневаюсь. Вам весьма нравится покорять себе мелкие душонки, однако когда это душонки богатых и властных людей,

они, я полагаю, раздуваются до таких размеров, что становятся неуправляемы, совсем как души великие. Вполне могу представить, что если бы сейчас вы, мистер Найтли, таким, какой вы есть, предстали в Анском на месте мистера Фрэнка Черчилля, то смогли бы сказать и сделать все то, что советуете ему, и даже, возможно, произвели бы необходимый эффект. Вероятно, Черчилли бы даже не нашлись что ответить, однако не стоит забывать, что и у вас нет привычки с малых лет повиноваться и не перечить. Ему же было бы гораздо сложнее вот так, в одночасье, обрести полную независимость и пренебречь всеми их притязаниями на его вечную благодарность и почтение. Он, может, не хуже вашего понимает, каков его долг, но при настоящих обстоятельствах не способен действовать столь же решительно.

— Значит, все-таки хуже. Если он не способен исполнить свой долг, значит, не считает его таким важным.

— Какая же разница в положении и привычках! Если бы вы только могли понять, что станет испытывать незлобивый молодой человек, вынужденный пойти наперекор тем, кого с детских лет привык почитать.

— Этот незлобивый молодой человек — со-

вершенно бесхарактерный молодой человек, если впервые столкнулся с необходимостью решительно поступить правильно вопреки воле других. К его возрасту уже должно было войти в привычку следовать долгу, а не выгоде. Страхи ребенка я бы еще мог понять, но уж никак не мужчины. Повзрослев, он должен был расправить плечи и противостоять всем их бесчестным способам оказать подобное влияние. Он должен был воспротивиться первой же их попытке заставить его пренебречь своим долгом перед отцом. Тогда сейчас никаких трудностей бы не возникало.

— Мы с вами можем вечно спорить на этот счет, — не выдержала Эмма, — впрочем, ничего удивительного. Мне он совершенно не представляется бесхарактерным молодым человеком, я уверена: все совсем не так. Мистер Уэстон не стал бы закрывать глаза на простую блажь, пускай даже и собственного сына. Вероятнее всего, мистер Фрэнк Черчилль просто обладает нравом более покладистым, уступчивым и мягким, чем требуют ваши представления об идеале настоящего мужчины. Смею полагать, что он таков, и хоть это и лишает его некоторых преимуществ, несомненно, дает взамен них другие.

— Несомненно. Преимущество сидеть на месте,

когда следовало бы действовать, да преимущество вести праздную жизнь и придумывать этому всяческие оправдания. Ведь всегда можно просто сесть и написать высокопарное письмо, полное лживых уверений, убеждая себя, что это наилучший способ сохранить мир в доме и избежать упреков от отца. Его письма мне отвратительны.

— Только вам. Все остальные вроде бы довольны.

— Подозреваю, миссис Уэстон не из их числа. Вряд ли подобные письма понравятся столь рассудительной и чуткой женщине. Хоть она в силу своего положения и может называться его матерью, материнская любовь ее не ослепляет. Ради нее он вдвойне должен оказать Рэндаллсу необходимое внимание, и она же вдвойне ощущает его недостаток. Посмею предположить, что если бы она была более влиятельной особой, то он бы уже давно приехал, причем значило бы это гораздо меньше. Полагаете, ваша подруга об этом не задумывалась? Не говорит себе это каждый день? Нет, Эмма, этот ваш незлобивый молодой человек может быть мягок и покладист в том смысле, в котором это понимают французы: обладать хорошими манерами, сыпать красивыми речами — однако ему не хватает нашей англий-

ской чуткости к чувствам других людей.

— Похоже, вы решительно настроены думать о нем дурно.

— Я? Что вы! — запротестовал мистер Найтли, задетый этим замечанием. — Я не хочу думать о нем дурно и готов бы признать все его достоинства, ежели о них было бы хоть что-то известно. Но мы знаем лишь то, что он высок, хорошо сложен, красив собою, а его непринужденные манеры легко вызывают чужое доверие.

— Ну даже если он не обладает другими достоинствами, для Хайбери такой молодой человек все равно станет драгоценной находкой. Не часто к нам приезжают хорошо воспитанные и любезные джентльмены. Не можем же мы в обмен на нашу доброжелательность просить от него все добродетели на свете. Мистер Найтли, представьте только, какой шум поднимется по его приезде! В Донуэлле и в Хайбери все будут сгорать от любопытства и без умолку судачить лишь о нем — о мистере Фрэнке Черчилле! Ни о ком другом мы не сможем ни говорить, ни думать.

— Уж прошу меня извинить, но если он покажется мне интересным собеседником, то я несомненно буду рад этому знакомству, однако ежели он окажется всего лишь болтливым щего-

лем, то не займет ни моего времени, ни мыслей.

— Насколько я понимаю, он умеет поддержать беседу с любым собеседником и с удовольствием находит со всеми общий язык. С вами он будет говорить о земледелии, со мной — о рисовании и музыке, и так с каждым о своем, поскольку ему позволяет это его кругозор: он сможет поддержать любую тему и излагать свои мысли не просто достойно, как того требует приличие, а великолепно. Таким он мне представляется.

— А мне, — стал горячо отвечать мистер Найтли, — представляется, что если он действительно таков, то это самый невыносимый человек на свете! Как! В двадцать три года играть хозяина общества, важного человека, умелого кукловода, для которого легко прочесть других людей и на их фоне показать себя гением. Расточать лесть, чтобы все остальные казались дураками! Милая моя Эмма, да когда вы столкнетесь с таким пижоном, вы — с вашим-то здравым смыслом — сами его с трудом потерпите.

— Ни слова больше о нем не скажу! — вскричала Эмма. — Вы во всем найдете дурное. Мы оба настроены предвзято: вы против него, а я за — так что, пока он сюда не приедет, мы с вами ни за что не сойдемся.

— Предвзято! Я не предвзят.

— А вот я — да, и не стыжусь этого признать. Из любви к мистеру и миссис Уэстон я решительно настроена в его пользу.

— Меня вообще его личность волнует мало, — сказал мистер Найтли с таким раздражением, что Эмма тут же поспешила сменить тему, хотя и не поняла, отчего он так разозлился.

Невзлюбить кого-то лишь потому, что он отличается характером, было недостойно человека широких взглядов, коим она всегда считала мистера Найтли, и хоть она часто упрекала его за чересчур высокое мнение о себе, но прежде и на миг не предполагала, что он может быть столь несправедлив к чужим достоинствам.

Книга II
Глава I

Однажды утром Эмма и Харриет вышли прогуляться, и разговоров о мистере Элтоне, по мнению Эммы, уже было предостаточно: и чтобы утешить Харриет, и чтобы искупить ее собственные прегрешения. На обратном пути она раз за разом ловко меняла предмет разговора, но стоило ей этому обрадоваться, как вдруг его имя звучало вновь. Когда Эмма заговорила о том, как тяжело приходится зимой беднякам, немедленно последовал жалостливый ответ:

— Мистер Элтон всегда так добр к беднякам!

Эмма поняла, что необходимо придумать что-то еще.

Они как раз подходили к дому миссис и мисс Бейтс, так что Эмма решила наведаться к ним в гости и, действуя с хозяйками сообща, увести мысли Харриет от мистера Элтона. Для такого визита не нужно было даже выдумывать повода — Бейтсы обожали гостей. К тому же Эмма знала, что те немногие, кто видел в ней недостатки, осуждали ее за безразличие к бедным дамам, у ко-

торых в жизни было не так уж много радостей.

Мистер Найтли и ее собственная совесть неоднократно ее в этом упрекали, однако — что поделать! — подобные визиты ей были неприятны, и ничто не заставило бы Эмму впустую тратить время на этих утомительных особ, а уж про каких-нибудь второсортных и третьесортных представителей хайберийского общества, которые вечно заходили к ним в гости, и подумать страшно. Словом, Эмма к Бейтсам заглядывала редко. Однако в этот раз она решила не проходить мимо и заметила подруге:

— По моим расчетам, Харриет, нам сейчас не грозит выслушивать очередное письмо от Джейн Фэрфакс.

Миссис и мисс Бейтс снимали в доме гостиный этаж, и там, в совсем небольшой квартирке, их единственном прибежище, сердечно и даже с благодарностью приняли гостий. Тихая опрятная старушка, вязавшая в самом теплом уголке, даже попыталась уступить место мисс Вудхаус, а ее суетливая и болтливая дочь была готова чуть ли не замучить их добротой и заботой: благодарила за визит, переживала, не промочили ли они ноги, искренне расспрашивала, как там здоровье мистера Вудхауса, радостно сообщала о добром

здравии ее собственной матушки и вдобавок угощала пирогом со словами:

— К нам только что заходила миссис Коул, всего на десять минуточек, но она была так добра, что осталась на целый час! Так вот, она отведала кусочек пирога и любезно его похвалила. Мисс Вудхаус, мисс Смит, надеюсь, вы окажете нам честь отведать хотя бы по кусочку!

Несомненно, вслед за Коулами был упомянут и мистер Элтон. Они с мистером Коулом были хорошими друзьями, и недавно тот получил от мистера Элтона вести. Эмма уже знала, что их ждет: им во всех подробностях перескажут письмо и посетуют, как же давно он не возвращается, но оно и понятно, ведь он повсюду душа компании и желанный гость, а какой роскошный бал был у церемониймейстера!.. Эмма стойко выдержала весь этот поток мыслей, вовремя поддакивая и выказывая должный интерес, а заодно избавляя Харриет от необходимости что-либо говорить по этому поводу.

К этому она была готова, еще заходя в дом, однако полагала, что, обсудив во всех подробностях мистера Элтона, они перейдут на менее неприятные темы и заговорят обо всяких дамах и девицах Хайбери и их карточных вечерах. А вот к тому,

что прозвучит имя Джейн Фэрфакс, она готова не была. Мисс Бейтс же довольно быстро перескочила от мистера Элтона снова к Коулам, а все для того, чтобы заговорить о письме от племянницы.

— Ах да!.. Мистер Элтон, как я понимаю… Что же касается танцев… Миссис Коул рассказывала мне о балах в Бате… Миссис Коул так любезно осталась у нас подольше, чтобы поговорить о Джейн. Она сразу же, как пришла, спросила, как там Джейн, они в ней души не чают! Всякий раз, когда она приезжает, миссис Коул к ней невероятно добра, и я должна признаться, что Джейн этого вполне заслуживает. Так вот, она сразу же спросила, есть ли хоть какие-то вести, и сказала: «Знаю, от Джейн вы в последнее время писем не получали, еще не то время месяца», — а я на это ответила: «Получали! Вот как раз сегодня утром!» Ох, как же она удивилась! Она тут же спросила: «Неужели? Как неожиданно! Расскажите же, что она пишет».

Эмма тут же улыбнулась и любезно поинтересовалась со всей необходимой вежливостью:

— Так у вас есть вести от мисс Фэрфакс? Какое счастье. Надеюсь, она в добром здравии?

— Да, благодарю! Вы так добры! — отвечала восторженная тетушка, суетливо пытаясь найти

письмо. — Ах, вот же оно. Я помнила, что куда-то сюда его положила. Только вот случайно сверху корзинку для шитья поставила, и его не было видно, но я же совсем недавно держала его в руках, так что оно точно должно было лежать где-то тут. Я зачитывала его миссис Коул, и когда она ушла, я перечитывала его матушке, ведь для нее это такая радость — письмо от Джейн!.. Она всегда их просит по несколько раз перечитать, так что я точно была уверена, что оно где-то здесь, и вот оно, ровно под корзинкой! Раз уж вы так добры, что желаете послушать, о чем она пишет… Но прежде мне стоит, справедливости ради, извиниться за Джейн… письмо такое коротенькое… всего две странички, и то неполные, она вообще всегда сначала на страницу распишет, а потом половину вычеркнет. Матушка всегда удивляется, как это у меня получается там все разобрать. Она мне часто, когда мы только получаем письмо, говорит: «Ну, Хэтти, придется тебе потрудиться, чтобы разгадать все в этой головоломке». Верно я говорю, матушка? А я ей отвечаю: «Матушка, если б за вас некому было разгадывать, вы бы и сами изловчились и каждое словечко разобрали и прочитали». Конечно, зрение у матушки уже не то, что прежде, но в очках, слава богу, она все

еще видит на удивление хорошо. Какое счастье! У матушки и вправду очки очень хорошие. Джейн, когда приезжает, часто говорит: «Бабушка, вы и сейчас так хорошо видите, а какое у вас, должно быть, острое зрение было раньше! И это при том, что вы всю жизнь занимаетесь рукоделием! Вот бы и мне мои глаза столь долго и верно прослужили».

Все это мисс Бейтс произнесла практически на одном дыхании и потому сделала небольшую паузу, чтобы передохнуть, в которую Эмма успела сказать что-то крайне обходительное про то, какой у мисс Фэрфакс чудесный почерк.

— Ваша доброта не знает границ! — отозвалась польщенная мисс Бейтс. — Как приятно слышать такой комплимент от знатока, ведь вы и сами прекрасно пишете! Несомненно, нет ценнее похвалы, чем от мисс Вудхаус. Матушка плохо слышит, она, знаете ли, немного глуховата. Матушка, — повысила она голос, обратившись к миссис Бейтс, — вы слышали, что так любезно сказала мисс Вудхаус о почерке Джейн?

И Эмма имела удовольствие еще несколько раз услышать из ее уст свой глупый комплимент, прежде чем добрая старушка смогла его наконец разобрать. Сама она тем временем пыталась

изобрести, как бы ей повежливее сбежать и не выслушивать всякие письма Джейн Фэрфакс, и уж было решилась осуществить задуманное под каким-то незначительным предлогом, как мисс Бейтс вновь к ней обратилась:

— Знаете, матушку и глухой-то назвать трудно. Стоит повторить всего-то раза два-три да погромче, так она все услышит, да и к голосу моему привыкла. Но что поразительно: Джейн она всегда слышит куда лучше. Джейн всегда так четко говорит! Впрочем, ежели милая Джейн нас навестит, она, несомненно, убедится, что за два года бабушкин слух не ухудшился, а ведь два года — это в ее возрасте немало! Да, представляете, Джейн два года уже у нас не была. Мы впервые ее так долго не видели, и боюсь, едва ли успеем ей нарадоваться в этот раз — да, так я и сказала миссис Коул.

— Так вы скоро ждете мисс Фэрфакс?

— Да! На следующей неделе.

— И впрямь, какое счастье!

— Благодарю. Вы так добры. Да, на следующей неделе. Все так удивляются и, как и вы, радуются за нас. Я уверена, она будет счастлива повидаться со своими друзьями в Хайбери, а они — с нею. Да, она приедет в пятницу или в субботу, пока

что не знает, когда именно, поскольку полковнику Кэмпбеллу самому понадобится экипаж в один из этих дней. Так любезно с их стороны предоставить ей повозку на весь путь! Но они, знаете, всегда так добры. Да-да, в пятницу или субботу. Так она и пишет. Поэтому и написала раньше обыкновенного, ведь, как мы говорим, по правилу, письмо должно было прийти не раньше следующего вторника или среды.

— Да, так я и думала. Даже боялась, что не услышу сегодня вестей о мисс Фэрфакс.

— Как любезно с вашей стороны! Если бы не такое особенное событие, то вестей бы и не было. А как матушка рада! Джейн сможет погостить у нас целых три месяца, не меньше. Она об этом пишет, сейчас я вам зачитаю. Видите ли, дело в том, что Кэмпбеллы едут в Ирландию. Миссис Диксон уговорила родителей приехать в гости. Они раньше лета вообще-то не собирались, но ей так не терпится скорее с ними увидеться. Понимаете, до ее свадьбы в октябре они ни разу не разлучались больше чем на неделю, и как же ей, должно быть, тяжко оказаться так далеко от родителей, в чужой стране — ой, хотела сказать в чужом краю, — а потому она написала матери… или отцу, я, признаться, не помню, но сейчас мы с вами все в

письме Джейн прочтем!.. Так вот, она написала от себя и от имени мистера Диксона и просила их скорее приехать. Они встретят Кэмпбеллов в Дублине, и оттуда привезут в свое поместье, Бейликрейг, место наверняка необычайно красивое. Джейн наслышана о его красотах, я имею в виду, от мистера Диксона, вряд ли кто-то еще мог ей поведать. Это так естественно, что молодой человек, ухаживая за дамой, желает побольше рассказать ей о родовом гнезде, а поскольку Джейн часто прогуливалась с ними — ведь полковник и миссис Кэмпбелл очень настаивали, чтобы их дочь пореже виделась с мистером Диксоном наедине, и я их за это совершенно не виню, — то, разумеется, она слышала все, что он рассказывал мисс Кэмпбелл о родном доме в Ирландии. Она, кажется, где-то даже писала о том, что он показывал им собственные наброски с видами поместья. Полагаю, он очень приятный, очаровательный молодой человек. После всех его рассказов Джейн даже самой захотелось побывать в Ирландии.

В этот момент у Эммы закралось невероятное и занимательное подозрение касательно Джейн Фэрфакс, этого очаровательного мистера Диксона и того факта, что мисс Фэрфакс в Ирландию не едет. С коварным замыслом выяснить больше

она сказала:

— Должно быть, вы очень рады. Повезло, что мисс Фэрфакс отпустили в Хайбери в такое время. Учитывая их с миссис Диксон тесную дружбу, едва ли можно было надеяться, что ей не придется сопровождать полковника и миссис Кэмпбелл.

— Верно, совершенно верно. Именно этого мы и боялись: вдруг она бы уехала на несколько месяцев в такую даль и не могла бы даже сюда добраться, случись у нас что. Но, как видите, все обернулось к лучшему. Они — мистер и миссис Диксон — ужасно хотят, чтобы она приехала с Кэмпбеллами, очень на это рассчитывают и невероятно любезно и настойчиво приглашают — вместе приглашают! — их посетить, сейчас я вам все зачитаю, причем мистер Диксон проявляет к ней столько же внимания, сколько и его жена. Какой очаровательный молодой человек! С тех пор как он оказал Джейн такую услугу в Уэймуте… Они тогда были на морской прогулке, и внезапно ветер так закрутил парус, что Джейн чуть не свалилась в воду — и обязательно бы свалилась, если бы мистер Диксон с величайшим присутствием духа не схватил ее… Думать обо всем этом не могу без содрогания!.. И вот с тех самых пор, как мы узнали эту историю, он мне и

понравился!

— Однако, несмотря на просьбы друзей и собственное желание повидать Ирландию, мисс Фэрфакс все же предпочла посвятить время вам и миссис Бейтс?

— Да, и она сама так решила, это полностью ее выбор. Полковник и миссис Кэмпбелл считают, что она поступает правильно и лучшего совета они бы и сами дать не могли. К тому же они рады, что Джейн приедет на родной воздух, а то в последнее время она неважно себя чувствует.

— Очень жаль это слышать. В таком случае они рассудили верно. Но миссис Диксон наверняка невероятно расстроится. Миссис Диксон, как я понимаю, особой красотой не отличается? С мисс Фэрфакс вряд ли можно сравнить.

— Ох, что вы! И очень любезно с вашей стороны это говорить… Но сравнения и правда никакого. Мисс Кэмпбелл никогда ничем не выделялась, но зато как изысканна, как учтива!

— Ну это разумеется.

— Джейн, бедняжка, сильно простудилась! И давно, еще седьмого ноября — сейчас я вам все это прочитаю — да с тех пор никак и не поправится. Не правда ли, чересчур давно? Она нам раньше об этом не рассказывала, чтобы не тревожить.

Как это на нее похоже! Всегда так о нас заботится! Однако чувствует она себя неважно, а потому Кэмпбеллы, ее добрые друзья, считают, что лучше ей отправиться домой, в родной климат. Они не сомневаются, что за три-четыре месяца в Хайбери она полностью поправится, и понятное дело: если уж нездоровится, то лучше поехать к нам, а не в Ирландию. Кто еще сможет о ней позаботиться так, как мы?

— Как по мне, лучше плана не придумаешь.

— Так что она приедет в следующую пятницу или субботу, а в следующий понедельник Кэмпбеллы отправятся в Холихед, так она и пишет, сейчас убедитесь. Так неожиданно! Можете догадаться, дорогая мисс Вудхаус, как я разволновалась! Если бы еще не эта простуда… Боюсь, она исхудала и выглядит неважно. Раз уж мы об этом заговорили, должна рассказать, какая неприятность со мной приключилась. Я всегда письма Джейн сначала читаю про себя, а уже потом вслух для матушки, да, а то вдруг там окажется какая-нибудь весть, которая ее расстроит. Джейн сама меня об этом попросила, так что именно так я всегда и делаю. Вот и в этот раз я прибегла к привычной предосторожности, но как только дошла до строк о том, что ей нездоровится, как с

испугу не сумела сдержаться и воскликнула: «Божечки! Бедняжка Джейн заболела!» — а матушка все это время начеку была, она все слышала и ужасно встревожилась. А когда я стала читать дальше, то обнаружилось, что все отнюдь не так плохо, как я вообразила себе вначале, так что я поспешила ее успокоить, и теперь она уже не так волнуется за Джейн. Если Джейн в скором времени не поправится, мы вызовем мистера Перри. На расходы скупиться не станем, и хотя он так щедр и так любит Джейн, что не захочет брать плату за визит, мы все же этого не допустим. У него ведь жена и дети, и он не может тратить свое время даром. Ну, в общих чертах о том, что пишет Джейн, я рассказала, давайте же теперь перечитаем письмо целиком. Уверена, ее слова звучат гораздо лучше, чем мой пересказ.

— Боюсь, нам пора уходить, — сказала Эмма, бросив взгляд на Харриет и поднимаясь с места, — батюшка нас уже ждет. Я и не думала, то есть я хочу сказать, что когда шла к вам, то полагала, что мы зайдем всего лишь минут на пять. Я заглянула только потому, что не могла пройти мимо, не справившись о здоровье миссис Бейтс, а затем задержалась по столь приятному поводу! Но нам, к сожалению, пора идти.

Всевозможные уговоры остаться оказались безуспешны. Наконец счастливая Эмма оказалась на улице: и хоть ей немало рассказали против ее воли и пришлось все-таки выслушать во всех подробностях содержание письма Джейн Фэрфакс, само письмо ей слушать не потребовалось.

Глава II

Джейн Фэрфакс была сиротой, единственным ребенком младшей дочери миссис Бейтс.

Свадьба лейтенанта Н-ского пехотного полка Фэрфакса и мисс Джейн Бейтс в свое время стала славным и радостным событием, полным надежд и предвкушений. Однако лейтенант погиб в войне на чужбине, а вдова угасла от чахотки и горя, так что теперь от их брака остались лишь горькие воспоминания и дочка.

Родилась она в Хайбери, и когда в три года малютка осталась без матери, то стала предметом заботы, утешения и обожания бабушки и тетушки. Казалось, ей было суждено остаться там на всю жизнь, получить скромное образование, доступное по их небольшим средствам, и вырасти, не имея тех преимуществ, что дают положение и связи, а располагая лишь дарами, посланными ей

природой: приятной внешностью, незаурядным умом и добрыми, любящими родственницами.

Однако благодаря сочувствию одного из друзей ее отца судьба малютки решилась иначе. Полковник Кэмпбелл всегда высоко ценил Фэрфакса, считал его превосходным офицером и в высшей степени достойным молодым человеком и к тому же чувствовал себя перед ним в долгу: Фэрфакс выходил полковника, когда тот лежал с тяжелым тифом — спас ему жизнь. Полковник этого не забыл даже спустя несколько лет после смерти бедного Фэрфакса. Когда он наконец смог вернуться в Англию, то нашел сиротку и сделал все возможное, чтобы облегчить ее судьбу. Полковник Кэмпбелл был женат, из всех его детей выжила только дочка, примерно одного возраста с Джейн. Джейн стала частой гостьей и любимицей Кэмпбеллов. Ей шел девятый год, когда расположение родной дочери и его собственное желание быть истинным другом сподвигли полковника Кэмпбелла взять на себя все расходы по ее образованию. Бейтсы согласились, и с тех пор Джейн стала жить у Кэмпбеллов, лишь время от времени навещая бабушку и тетю.

Было решено, что она выучится и станет учительницей, поскольку тех ста фунтов, что оставил

ей в наследство отец, не хватило бы для независимой жизни. Обеспечить ее иным образом полковник Кэмпбелл не мог: несмотря на неплохое жалованье и наследство, его состояние было совсем невелико и полностью составляло приданое дочери. Однако он надеялся, что, получив образование, девочка сможет впоследствии обеспечить себя сама.

Такова была история Джейн Фэрфакс. Она попала в хорошие руки: Кэмпбеллы дали ей превосходное образование и были неизменно добры. Жизнь в кругу людей здравомыслящих и просвещенных наделила ее душу и разум всеми преимуществами, какие только может предоставить хорошее воспитание, а поскольку жили Кэмпбеллы в Лондоне, то все, даже самые незначительные таланты Джейн взращивались и развивались стараниями наилучших наставников. Ее характер и способности полностью отвечали стараниям друзей, и лет в восемнадцать-девятнадцать она, сколько позволял такой юный возраст, уже была готова заботиться о детях и сама стать наставницей. Однако Кэмпбеллы ее так полюбили, что не желали расставаться. Ни полковник, ни его жена не хотели приближать час разлуки, а их дочь и вовсе бы ее не вынесла.

Роковой день отсрочили. Быстро решили, что Джейн еще слишком юна, и она осталась с ними, продолжая, словно вторая дочь, наслаждаться всеми скромными удовольствиями светского общества и разумно сочетая развлечения с делами домашними. Лишь один во всем этом был недостаток: здравый ум напоминал Джейн, что вечно такая жизнь продолжаться не будет.

Любовь всего семейства и в особенности теплая привязанность дочери делали им еще бóльшую честь потому, что и по красоте, и по способностям Джейн явно затмевала юную мисс Кэмпбелл. Та, разумеется, видела, что природа наградила подругу более привлекательной внешностью, а ее родители понимали, что Джейн превосходит их дочь и в знаниях. Но несмотря на это, их дружба оставалась крепкой, и они все время проводили вместе до самой свадьбы мисс Кэмпбелл, которая — по прихоти судьбы, что частенько обманывает всеобщие ожидания и наделяет любовью обладателей средних качеств, а не превосходных — практически с первой встречи завладела сердцем мистера Диксона, богатого и достойного молодого человека. Так она счастливо вышла замуж и устроила свою судьбу, в то время как Джейн Фэрфакс предстояло трудом зарабатывать

себе на хлеб.

Произошло это все совсем недавно — наименее удачливая из двух подруг еще даже не успела вступить на предназначенный ей путь, хотя уже достигла того возраста, который сама себе для него назначила. Она уже давно решила, что покинет Кэмпбеллов в двадцать один год: словно верная послушница, дала слово принести в жертву свою прошлую жизнь, отказаться от всех светских удовольствий, от общения со всеми здравомыслящими и равными ей людьми, от покоя и надежд и смиренно наложить на себя вечную епитимию.

Здравый смысл полковника и миссис Кэмпбелл говорил им не противиться подобному решению, как бы сильно этого ни хотелось. Покуда они живы, ей не было нужды идти на жертвы, их дом навсегда мог бы остаться ее домом. Даже ради собственного спокойствия они бы предпочли ее удержать, но понимали, что это было бы эгоистично: чем раньше случится неизбежное, тем лучше. Теперь полковник с женой даже думали, что, возможно, в свое время добрее и мудрее было бы воспротивиться соблазну и не удерживать Джейн дольше положенного. Тогда она не вкусила бы радостей праздной жизни, от которых ей

нынче предстояло отказаться. И все равно, любя Джейн, они были готовы ухватиться за любой разумный повод, чтобы отсрочить ненавистную минуту расставания. С самой свадьбы их дочери Джейн нездоровилось, и покуда она не поправится окончательно, Кэмпбеллы запретили ей приступать к работе, которая мало того что несовместима с обессиленным телом и ослабшим духом, но и даже при самых благоприятных обстоятельствах требует чего-то большего, чем просто крепкое здоровье и совершенный ум.

Объясняя в письме Бейтсам, почему она не едет в Ирландию, Джейн сообщила чистую правду, хотя и не всю. Она сама приняла решение провести это время в Хайбери и посвятить своим добрейшим родственницам, которые в ней души не чают, свои, возможно, последние месяцы полной свободы. Кэмпбеллы, по той или иной причине — а может, и по нескольким — с готовностью дали свое согласие, признав, что несколько месяцев на родине повлияют на ее здоровье куда лучше любых иных средств. Итак, она твердо решилась приехать, и жителям Хайбери вместо долгожданного, неповторимого и никому не известного мистера Фрэнка Черчилля предстояло довольствоваться Джейн Фэрфакс, с последнего

визита которой прошло всего два года.

Эмма расстроилась: три месяца любезничать с человеком, который ей не нравится! Причем в большей степени, чем ей хотелось бы, но в меньшей, чем положено! В чем же причина такой неприязни к Джейн Фэрфакс, ответить было трудно. Мистер Найтли однажды заметил: все потому, что Эмме и самой хочется в глазах окружающих выглядеть столь одаренной и просвещенной девушкой, какую она признаёт в Джейн. И хотя Эмма тогда с негодованием отвергла сии обвинения, в минуты одиноких размышлений ее совесть не позволяла ей врать самой себе. Однако, все же стараясь найти себе оправдания, Эмма думала: «С этой Джейн невозможно подружиться. Уж не знаю, как это выходит, но она всегда такая холодная и сдержанная!.. И это ее безразличие к тому, какого о ней мнения другие… А ее тетушка! Все время болтает без умолку!.. А как с ней вечно все носятся!.. И отчего-то вдруг вообразили, что раз мы сверстницы, то просто обязаны быть близкими подругами». Такие Эмма выдумывала причины, а лучших найти не могла.

Эта неприязнь была столь несправедлива, а каждый приписываемый недостаток — столь преувеличен воображением, что всякий раз,

увидев Джейн Фэрфакс вновь спустя долгое время, Эмма невольно понимала, что наговаривает на нее незаслуженно. Вот и теперь, когда она, по всем правилам, пришла поприветствовать Джейн, Эмма немало поразилась тем самым манерам и той внешности, которые она все два года так презирала. Джейн Фэрфакс была очень изящна, поразительно изящна, а изящество Эмма ценила превыше всего. Весь ее облик отличался особенной грацией: она была замечательного роста — ее любой бы назвал высокой, но не высоченной, — не полная, но и не слишком худая, хотя из-за едва заметной болезненности была ближе скорее ко второму из двух зол. Эмма не могла не оценить красоту Джейн по достоинству. Черты ее лица были неправильными, но невероятно радовали взор, а с прошлого своего приезда она еще больше похорошела. Эмма всегда признавала красоту ее глубоких серых глаз, темных ресниц и бровей, но в этот раз даже кожа, к которой она привыкла придираться и называть ее чересчур бледной, показалась ей столь чистой и нежной, что румянец, пожалуй, тут был даже ни к чему. То была красота, полная изящества, и Эмма, честно следуя своим принципам, не могла ей не восхититься: в Хайбери с истинным изяществом, будь

то внешним или внутренним, она встречалась редко. Джейн, как бы заурядно это ни звучало, выделялась и привлекала взгляд.

Словом, во время первого визита Эмма сидела и смотрела на Джейн Фэрфакс довольная вдвойне: прекрасной внешностью, которая радовала глаз, и своей способностью воздать ей должное. Отныне она решила относиться к ней благосклонно. Когда она вспомнила ее историю, ее участь, когда осознала, с какой жизнью предстоит столкнуться этой красоте и этому изяществу, то все иные чувства уступили место сопереживанию и уважению, особенно учитывая вполне естественно предполагаемую Эммой и очень, на ее взгляд, вероятную влюбленность Джейн в мистера Диксона. В этом случае еще более благородна и достойна сострадания была жертва, которую она решила принести. Эмма теперь готова была оправдать ее за попытку увести мистера Диксона от жены и за любые другие проступки, в которых успела обвинить Джейн ее фантазия. Если в этой истории и была любовь, то, вероятнее всего, невинная, безответная и несчастная. Джейн, по всей видимости, неосознанно впитывала горький яд, участвуя в беседах мистера Диксона и ее подруги, а теперь из самых лучших, самых

чистых побуждений отказывалась от поездки в Ирландию, твердо решив отдалиться от него и его семьи, как можно скорее ступив на путь тяжкого труда.

В общем, уходила от них Эмма в таких нежных и добрых чувствах, что по пути домой стала мысленно перебирать всех местных кавалеров и вздыхать, что в Хайбери достойного кандидата, способного обеспечить Джейн независимое будущее, она не найдет.

То были порывы похвальные, однако недолговечные. Эмма успела заявить мистеру Найтли:

— Она и правда хорошенькая, даже больше чем просто хорошенькая!

Однако вскоре Джейн с бабушкой и теткой посетили Хартфилд, и все вернулось на круги своя. Эмма, уже было готовая отречься от былых предубеждений и ошибок и заявить во всеуслышанье об их вечной с Джейн Фэрфакс дружбе, вновь почувствовала раздражение. Тетушка, как всегда, болтала без умолку и утомляла даже больше обыкновенного, ведь теперь к дифирамбам, посвященным племяннице, добавилось беспокойство за ее здоровье. Так что им пришлось выслушивать, что за завтраком Джейн съела совсем маленький кусочек хлебушка с маслом, а за

обедом вот такой крошечный кусочек баранины, а потом еще и с восторгами разглядывать новые чепчики и мешочки для рукоделия, которые она привезла бабушке и тетушке. Благосклонности Эммы пришел конец. Они принесли ноты, Эмму попросили сыграть, но благодарили и хвалили ужасно неискренне, словно все это задумывалось лишь для того, чтобы вслед показать превосходство Джейн. И что хуже всего, она была так холодна и сдержанна! Совершенно не делилась своим мнением. Надев маску вежливости, она, казалось, была решительно настроена молчать. Отталкивающая и подозрительная осторожность.

Но сдержаннее всего — хотя еще сдержаннее быть, казалось, невозможно — она говорила об Уэймуте и Диксонах. Похоже, Джейн твердо решила не раскрывать никому, каков мистер Диксон, как она оценивает его общество и хорошая ли вышла партия. Она отзывалась обо всем спокойно и доброжелательно, ничего не подчеркивая и не выделяя. И напрасно. Эмма заметила неискренность и вернулась к своим первоначальным подозрениям. Видимо, Джейн все-таки было что скрывать, помимо собственных чувств: вероятно, мистер Диксон почти отдал предпо-

чтение не мисс Кэмпбелл и остался с ней только ради приданого в двенадцать тысяч фунтов.

Подобная сдержанность проявлялась в разговоре на любые темы. Джейн Фэрфакс и мистер Фрэнк Черчилль были в Уэймуте в одно время. Эмма знала, что они были друг другу представлены, но не добилась от нее ни слова о том, что же он представляет собой в действительности.

— Хорош ли он собою?

— Полагаю, его считают видным молодым человеком.

— Любезен ли он?

— Все его таковым находят.

— Производит ли он впечатление человека разумного и просвещенного?

— На водах или при коротких встречах в Лондоне такое о человеке понять трудно. Мы так недолго знакомы с мистером Черчиллем, что я вряд ли могу судить даже о его манерах. Однако все их находят прекрасными.

Уж такого Эмма простить никак не могла.

Глава III

Эмма ее простить не могла, однако мистер Найтли, который также почтил их своим присут-

ствием в тот вечер, не заметил ни раздражения Эммы, ни поводов к нему. Он со стороны обеих дам отметил лишь должное внимание и учтивость, а потому, придя на следующее утро в Хартфилд по делам к мистеру Вудхаусу, с одобрением отозвался о поведении Эммы — не так открыто, как если бы в комнате не было ее отца, однако достаточно недвусмысленно, чтобы та его поняла. Он привык считать, что Эмма относится к Джейн несправедливо, а потому с большим удовольствием отметил перемену к лучшему.

— Очень приятный вечер, — начал он, объяснив мистеру Вудхаусу все необходимое и убрав свои бумаги, — невероятно приятный. Вы и мисс Фэрфакс очень порадовали нас своей игрой. Сэр, я даже не могу назвать большей роскоши, чем целый вечер наслаждаться обществом столь прекрасных дам, готовых порадовать нас то разговором, то музыкой. Эмма, уверен, что мисс Фэрфакс хорошо провела вечер. Вы постарались на славу. Я рад, что вы просили ее играть так много: у миссис Бейтс нет инструмента, и она наверняка по этому скучала.

— Рада, что вам понравилось, — с улыбкой отозвалась Эмма, — но все же, надеюсь, наши гости нечасто бывают обделены моим вниманием.

— Что ты, голубушка, — поспешил заверить ее отец, — конечно, нет. Никто не сравнится с тобой во внимательности и гостеприимстве. Я бы даже сказал, что ты чересчур внимательна. Вот вчера, например, гостям предлагали булочки несколько раз — по-моему, хватило бы и одного.

— Да, не смею обвинять вас в невнимательности — почти одновременно с ним заметил мистер Найтли, — как и в отсутствии хороших манер или проницательности. Так что, полагаю, вы меня поняли.

Лукавый взгляд Эммы, казалось, говорил: «Прекрасно поняла», — однако вслух она произнесла лишь:

— Мисс Фэрфакс очень сдержанна.

— Да, немного, о чем я вам всегда и говорю. Но это все от застенчивости, и вскоре вы эту стену преодолеете. Ту же сдержанность, в основе которой лежит благоразумие, следует уважать.

— Вы находите ее застенчивой. Я — нет.

— Милая моя Эмма, — сказал он, пересаживаясь к ней поближе, — надеюсь, вы не хотите мне сказать, что вчерашний вечер вам не понравился?

— Ну что вы! Я ведь так упорно задавала вопросы, а получила удивительно мало ответов. Как такое может не понравиться?

— Жаль, — только и ответил он.

— Надеюсь, вечер всем понравился, — в свойственной ему мягкой манере сказал мистер Вудхаус. — Мне — очень. В один момент мне показалось, что камин слишком жарко растоплен, но потом я немножко, совсем чуть-чуть, отодвинул стул, и жар мне уже не мешал. Мисс Бейтс была очень разговорчива и весела, впрочем, как и всегда, правда, иногда она говорит чересчур уж быстро. Но даже при этом она весьма мила, и миссис Бейтс тоже — на свой лад. Люблю старых друзей. И мисс Джейн Фэрфакс — прелестнейшая особа, хорошенькая и прекрасно воспитана. Уверен, мистер Найтли, ей вечер понравился, потому что с ней была Эмма.

— Верно, сэр, а Эмме — потому что с ней была мисс Фэрфакс.

Эмма видела, что он расстроен, и, желая хотя бы на время его успокоить, с неподдельной искренностью произнесла:

— Она невероятно изящное создание, от которого трудно оторвать взгляд. Я всегда с восхищением ею любуюсь и от всего сердца ей сочувствую.

Мистер Найтли не смог скрыть, что эти слова его немало порадовали, но прежде чем он успел что-либо ответить, мистер Вудхаус, который все

еще думал о Бейтсах, сказал:

— Как жаль, что они живут в столь стесненных обстоятельствах! Ужасно жаль! Мне всегда хочется… но как же мало мы можем сделать для них, не обидев… подарить что-то незначительное, но особенное… У нас сегодня закололи хорошую свинку, и Эмма хочет отправить им окорок или филейную часть, нет ничего вкуснее и нежнее! Лучше хартфилдской свинины не найти. Эмма, милая, хорошо бы, чтобы они нарезали ее и обжарили, как это делают у нас, без всякого жира, и чтобы ни в коем случае не запекали! Ни один желудок не выдержит запеченной свинины… Лучше тогда отправить окорок, да, голубушка?

— Папенька, я отправила им всю заднюю часть целиком — знала, что так вы и захотите. Окорочок они засолят, будет очень вкусно, а филе сразу приготовят как захотят.

— Молодец, душенька, замечательно! Как же я сам об этом не подумал, прекрасное решение. Главное, чтобы окорок не пересолили. Если он не пересолен да хорошо отварен, как у нашего Сэрли, и если кушать его понемножку с вареной репой, морковкой и пастернаком, то для здоровья это совсем не вредно.

— Эмма, — спустя некоторое время сказал ми-

стер Найтли, — у меня для вас новость. Вы ведь любите новости, а по пути сюда я узнал кое-что любопытное, уверен, вам понравится.

— Новость! Да, я всегда рада новостям. Что же случилось? Почему вы так улыбаетесь? Где вы ее услышали? В Рэндаллсе?

Он успел промолвить лишь:

— Нет, в Рэндаллс я не заходил. — И тут дверь распахнулась, и в комнату вошли мисс Фэрфакс и мисс Бейтс, которая даже не знала, с чего начать: с благодарностей или с новостей. Мистер Найтли понял, что момент упущен и что теперь он не сможет вставить и слова.

— Сэр! Ох! Как вы поживаете? Дорогая мисс Вудхаус! У меня нет слов! Какая чудесная свинина! Вы слишком добры! Слышали новости? Мистер Элтон женится.

Эмма в последнее время и думать не думала о мистере Элтоне, и новость застала ее врасплох: услышав его имя, она невольно вздрогнула и слегка покраснела.

— А вот и новость. Я подумал, вам будет интересно, — с улыбкой сказал мистер Найтли, вспоминая их давнишний разговор на эту тему.

— Мистер Найтли! А вы откуда знаете? — воскликнула мисс Бейтс. — Кто мог вам сказать?

Не прошло и пяти минут, как я — да, не могло пройти и пяти… ну, может, десяти минут — как я получила записку от миссис Коул. Я уже готова была идти, уже надела капор и курточку, только хотела к Пэтти насчет свинины спуститься… а Джейн тогда в коридоре стояла — да, Джейн? — так вот, матушка беспокоилась, подойдет ли хоть одна наша кастрюля для засолки. Поэтому я и хотела спуститься проверить, а Джейн сказала: «Давайте лучше я спущусь? Вы, кажется, немного простудились, а Пэтти как раз вымыла кухню». «Ах, милая», — только и сказала я, и тут и принесли записку. Некая мисс Хокинс — больше ничего не известно. Мисс Хокинс из Бата. Но позвольте, мистер Найтли, откуда же об этом ведаете вы? Миссис Коул, узнав все, сразу же написала мне. Что это некая мисс Хокинс…

— Я полтора часа назад был у мистера Коула по делам. Когда я вошел, он как раз дочитал письмо мистера Элтона и сразу дал его мне.

— Ах! Это все довольно… Кажется, давно не было у нас таких любопытных новостей. Сэр, вы чересчур щедры. Матушка просила передать вам привет, и почтение, и тысячу благодарностей. Мы перед вами в вечном долгу.

— Мы считаем, — вступил мистер Вудхаус, — и

совершенно справедливо считаем, что наша хартфилдская свинина лучше любой другой, а потому для нас с Эммой величайшее удовольствие…

— Ах, сэр! Как говорит наша матушка, наши друзья слишком к нам добры. Не будучи богатыми, мы можем похвастать тем, что у нас есть все, чего мы только можем пожелать. Найдутся ли еще на свете такие люди? Уж мы точно можем сказать: «Прекрасна доля, выпавшая нам, и восхитительно наше наследство»[7]. Значит, мистер Найтли, вы своими глазами видели это письмо, и что же…

— Оно короткое — мистер Элтон всего лишь объявляет о помолвке — но, разумеется, весьма радостное. — Мистер Найтли бросил лукавый взгляд на Эмму. — Он с превеликим удовольствием сообщает… Не помню точных слов, впрочем, это и не важно. Как вы и сказали, он женится на мисс Хокинс. Судя по его тону, дело решилось недавно.

— Мистер Элтон женится! — вскричала Эмма, вновь обретя дар речи. — Это, несомненно, для всех нас радостная весть.

— Он еще слишком молод, чтобы женить-

[7] Примечания: 7

«Прекрасна доля, выпавшая мне, и восхитительно мое наследство». (Псалтирь, 15:6.)

ся, — заметил мистер Вудхаус. — Лучше бы он не спешил. По-моему, ему и так жилось хорошо. Мы всегда были рады видеть его в Хартфилде.

— Мисс Вудхаус, у нас появится новая соседка! — весело воскликнула мисс Бейтс. — А как матушка довольна! Ей было так грустно, что бедный домик викария стоит без хозяйки. Спору нет, замечательные новости. Джейн, ты ведь никогда не видела мистера Элтона! Неудивительно, что тебе не терпится с ним познакомиться.

По виду Джейн вряд ли можно было предположить, что ей не терпится познакомиться с мистером Элтоном.

— Да, я… Никогда не видела мистера Элтона, — отозвалась она, вздрогнув от внезапности. — Он… он высок ростом?

— Что же это за вопрос такой? — удивилась Эмма. — Батюшка мой скажет «да», мистер Найтли — «нет», а мы с мисс Бейтс — что ни низок, ни высок, а в самую пору. Мисс Фэрфакс, когда вы поживете с нами подольше, то поймете, что мистер Элтон для всего Хайбери — образец совершенства: как внешнего, так и внутреннего.

— Совершенно верно, мисс Вудхаус, так и будет. Он превосходный молодой человек. Джейн, разве ты не помнишь, я вчера тебе рассказывала, что

он ростом точно как мистер Перри. Мисс Хокинс, осмелюсь предположить, прекрасная особа. Он всегда столь внимателен к моей матушке: усаживает ее на скамью для семьи викария, чтобы она лучше слышала. Она, знаете, немного глуховата — не то чтобы совсем ничего не слышит, но иногда нужно несколько раз повторить. Джейн говорит, полковник Кэмпбелл тоже туг на ухо. Он надеялся, что ему помогут теплые ванны, но никакой пользы они не принесли. Знаете, полковник Кэмпбелл словно наш ангел-хранитель. И мистер Диксон, кажется, замечательный молодой человек, ему под стать. Какое счастье, когда жизнь сводит хороших людей — непременно сводит! Вот поженятся мистер Элтон и мисс Хокинс. Коулы тоже — прекрасные люди, и Перри: в жизни не видела четы лучше и счастливее, чем мистер и миссис Перри. Сэр, я уверена, — продолжала она, обращаясь к мистеру Вудхаусу, — в мире мало существует мест с таким чудесным обществом, как в Хайбери. Я всегда говорю, что нам очень повезло с соседями. Мистер Вудхаус, если у моей матушки и есть любимое блюдо, то это свинина — запеченная свинина…

— О самой мисс Хокинс, полагаю, и о том, сколько они знакомы, ничего не известно, —

вмешалась Эмма. — Наверное, недолго. Он уехал всего четыре недели назад.

Ответов на эти вопросы ни у кого не оказалось, и, порассуждав еще немного подобным образом вслух, Эмма сказала:

— Вы молчите, мисс Фэрфакс, но надеюсь, и для вас эти новости составляют интерес. Ведь благодаря свадьбе мисс Кэмпбелл вы в последнее время столько всего услышали и повидали, были так вовлечены в подобные дела, что мы просто не простим вам безучастия к мистеру Элтону и мисс Хокинс.

— Когда я с мистером Элтоном познакомлюсь, — откликнулась Джейн, — то, несомненно, пробудится и интерес, а раньше — вряд ли. А поскольку прошло уже несколько месяцев с тех пор, как мисс Кэмпбелл вышла замуж, мои воспоминания не так свежи.

— Да, мисс Вудхаус, как вы и сказали, он уехал всего четыре недели назад, — встрепенулась мисс Бейтс, — вчера как раз ровно четыре недели и было. Некая мисс Хокинс! А я-то всегда надеялась, что отыщется невеста и в наших краях, не то чтобы я… Как-то миссис Коул мне намекнула… Но я сразу сказала: «Нет, мистер Элтон, конечно, достойнейший молодой человек, но…» Да, в

общем-то, я и сама в таких делах недогадлива, чего лукавить. Вижу только очевидное. Но все же никто бы не удивился, если бы мистер Элтон решился… Мисс Вудхаус так любезно не останавливает мою болтовню. Она знает, что я ни за что не скажу ничего обидного. Как поживает мисс Смит? Она, кажется, уже совсем поправилась. Были ли вести от миссис Найтли? Ах, ее чудесные малютки. Джейн, знаешь, я всегда представляю, что мистер Диксон похож на мистера Джона Найтли. Я имею в виду, внешне — высокий и с таким взглядом — и не очень разговорчивый.

— Совсем нет, дорогая тетушка, они ничуть не похожи.

— Как странно! Хотя заочно трудно составить себе верное представление. Тут все зависит от воображения. Ты рассказывала, что мистера Диксона красивым, грубо говоря, не назовешь?

— Красивым! Нет-нет! Отнюдь. Скорее он неказист. Я ведь говорила вам, что он неказист.

— Но, милая, ведь ты сказала, что мисс Кэмпбелл бы его неказистым не назвала и что ты сама…

— Ах, моя оценка ровным счетом ничего не значит. Если я человека жалую, то и внешность его нахожу привлекательной. Но на общий взгляд,

он, полагаю, неказист.

— Что ж, Джейн, милая, полагаю, нам уже пора. Небо, я смотрю, хмурится, и бабушка станет волноваться. Дорогая мисс Вудхаус, вы так гостеприимны, но, боюсь, все же мы пойдем. Замечательные новости. По пути зайду еще к миссис Коул на пару минут, а ты, Джейн, сразу домой иди, а то еще под дождь попадешь! Мы находим, что в Хайбери ей стало получше. Да, определенно, хвала небесам. К миссис Годдард заходить не буду, она — представьте себе! — предпочитает вареную свинину. Вот приготовим окорок, тогда другое дело. До свидания, дорогой мистер Вудхаус. О! Мистер Найтли тоже уходит. Как замечательно! Если Джейн устанет, вы, я уверена, подадите ей руку… Мистер Элтон и мисс Хокинс!.. Что ж, до свидания!

Оставшись наедине с отцом, Эмма рассеянно слушала его сетования, что молодые люди нынче слишком рано женятся, да еще и на неизвестных в родных краях девицах, а сама тем временем размышляла об услышанном. Ее новость позабавила и обрадовала: мистер Элтон, очевидно, страдал недолго. А вот Харриет было жаль, наверняка она расстроится. Эмма лишь надеялась, что, рассказав ей новость первой, сможет смягчить

удар. Харриет как раз скоро должна была прийти. А вдруг она встретит мисс Бейтс по пути!.. Начинал накрапывать дождь, и Эмме оставалось лишь надеяться, что Харриет задержится перед выходом из пансиона. А что, если до миссис Годдард новости тоже уже дошли? Тогда надежды подготовить бедную Харриет к горьким вестям, несомненно, рухнут.

Дождь оказался сильным, но коротким. Не прошло и пяти минут, как прибежала Харриет, и весь ее разгоряченный, взволнованный вид явно говорил Эмме о том, что она спешила в Хартфилд чем-то поделиться. В подтверждение этой догадки Харриет воскликнула:

— Мисс Вудхаус, вы не представляете, что случилось!

Эмма поняла: удар был нанесен. Теперь лучшее, что она могла сделать для подруги, — это внимательно ее выслушать:

— Я вышла от миссис Годдард полчаса назад и, конечно, боялась, что в любой момент польет дождь, но все равно надеялась добежать до Хартфилда раньше. И вот я скорее поспешила к вам, но по пути как раз проходила домик портнихи, которая шьет мне платье, так что решила быстренько заглянуть и проверить, как продвигается дело,

всего на полминутки, но когда пошла дальше, тут уж начался такой дождь! Я не знала, что же делать, и побежала вперед, а там по пути встретился магазинчик Форда, — торопливо рассказывала Харриет. У Форда торговали шерстяными и льняными тканями, а также всякой галантереей, словом, его лавка считалась в Хайбери самой большой и модной. — Я там просидела, наверное, минут десять, ни о чем не думая, ничего не подозревая, как вдруг! Только представьте себе, кто заходит… Такое странное совпадение… Хотя они, конечно, всегда делают покупки у Форда… Словом, заходят Элизабет Мартин и ее брат! Ах, мисс Вудхаус! Вы только подумайте. Я там чуть в обморок не упала. Я сидела и не знала, что же мне делать. Элизабет меня сразу заметила, а он — нет, складывал зонтик. Уверена, она меня заметила, но тут же отвернулась и не подала виду, и они прошли в дальний угол, а я все сидела рядом с выходом! Ах, боже мой! Какой кошмар! Наверное, я так побелела, что сливалась со своим платьем. Из-за дождя я не могла выйти, и мне просто хотелось сквозь землю провалиться… Ах, мисс Вудхаус, просто представьте! В общем, в конце концов он, вероятно, обернулся и увидел меня, поскольку они уже не обращали внимания на покупки, а

перешептывались — обо мне, я уверена! Мне показалось, он ее просил заговорить со мной — как вы думаете, мисс Вудхаус? Потому что она тут же подошла и спросила, как я поживаю, и, кажется, была готова протянуть мне руку, если я отвечу тем же. Раньше она, конечно, совсем по-другому со мной держалась, теперь все переменилось… Но она хотя бы старалась быть очень дружелюбной, и мы пожали друг другу руки и еще немного поговорили, но я даже не помню, что отвечала… Я вся дрожала! Помню, она сказала, как жаль, что мы теперь совсем не видимся, я была поражена такой добротой! Ах, мисс Вудхаус, как же ужасно я себя чувствовала! Тут уже начало проясняться, и я решительно собралась уходить, а потом… вы только представьте!.. Я увидела, что он тоже ко мне идет… Знаете, так медленно, как будто не знает, что же ему делать. И он подошел ко мне и заговорил, и я ответила… И так минуту простояла и чувствовала себя так худо, словами даже не передать! Потом я наконец решилась и сказала, что дождь уже перестал и мне пора идти. И вот я наконец вышла и прошла всего ярда три, как тут внезапно он меня догнал и сказал только, что ежели я иду в Хартфилд, то мне лучше сделать крюк мимо конюшен мистера Коула, потому что

самый короткий путь наверняка размыло после дождя. Ах, боже мой! Мне казалось, я именно там на месте и умру! И я сказала, что очень ему обязана, — понимаете, я ведь не могла его не поблагодарить! И он вернулся к Элизабет, а я пошла по дороге мимо конюшен — да, кажется, там… Я тогда совсем не понимала, где я и как иду. Ах, мисс Вудхаус! Я бы что угодно на свете вынесла, лишь бы всего этого не произошло. Но, знаете, все равно мне было приятно от того, как он был со мной добр и любезен. И Элизабет тоже… Ах! Мисс Вудхаус, поговорите же со мной, успокойте меня.

Эмма всей душой желала ей помочь, однако не сразу смогла подобрать нужные слова. Ей прежде необходимо было немного поразмыслить. Она и сама в некоторой степени разволновалась. Поведение молодого человека и его сестры говорило об их искренних чувствах, и Эмме невольно стало их жаль. Судя по рассказу Харриет, в их манере держаться угадывались оскорбленная любовь и настоящая нежность. Впрочем, Эмма и прежде считала Мартинов людьми благонамеренными и порядочными, не становился же союз с мистером Мартином от этого более желанным? Глупо было менять свое мнение из-за такого пустяка. Разумеется, ему — да и всей их семье — обидно

упустить подобную партию. В них говорила не только любовь, но и честолюбие. Наверняка они рассчитывали возвыситься за счет Харриет, да и разумно ли доверять в таком деле ее рассказам? Она столь впечатлительная, столь неразборчивая… Много ли значит ее похвала?

Эмма взяла себя в руки и приложила все свои усилия, чтобы успокоить подругу и убедить ее, что все произошедшее — сущий пустяк, совершенно не достойный стольких переживаний:

— Такое событие, разумеется, может на время встревожить, — сказала она, — однако, насколько я понимаю, вы держались достойно. Теперь все закончилось и больше, вероятно, не повторится, во всяком случае, не столь неожиданно, как эта первая встреча, а потому и убиваться нечего.

Харриет ответила, что мисс Вудхаус, как всегда, права и что она не будет больше вспоминать о случившемся, однако все равно только об этом и говорила и ни о чем другом подумать не могла. Эмма, желая вытеснить наконец Мартинов из ее головы, была вынуждена спешно изложить ту новость, которую прежде хотела преподнести аккуратнее. Она и сама уже не знала, радоваться ей или сердиться, стыдиться или просто посмеяться над подобным состоянием Харриет — ту, каза-

лось, никакой мистер Элтон уже не интересовал.

И все же он постепенно был восстановлен в правах. Несмотря на то что вначале новости о его женитьбе не произвели на Харриет такого впечатления, какое могли бы произвести вчера или даже час назад, интерес быстро возрос, и вскоре ее уже полностью поглотили любопытство, изумление, сожаление, боль и радость за счастливую мисс Хокинс, а Мартины должным образом позабылись.

Эмма сделала вывод, что встреча с Мартинами была даже к лучшему. Она отлично смягчила для Харриет первое потрясение от известий, но при этом и не задержалась в ее памяти настолько, чтобы дать основания для тревоги. При нынешнем образе жизни Харриет общаться с Мартинами ей было негде, разве что они сами специально стали бы искать встречи, а они до сих пор либо не осмелились, либо до того не снизошли. С тех пор как она отказала мистеру Мартину, его сестры ни разу не приходили к миссис Годдард, так что, может, и целый год пройдет, прежде чем они снова увидятся и будут вынуждены вести друг с другом беседу.

Глава IV

Человек по своей природе столь благожелательно настроен к тем, кто оказался в необычном положении, что когда кто-то в свои молодые годы женится или умирает, то о нем непременно начинают отзываться со всей душой.

Не прошло и недели с тех пор, как имя мисс Хокинс стало известно в Хайбери, а все уже сложили мнение и о ее внешности, и об иных достоинствах: она, разумеется, красива, изящна, высокообразованна и в высшей степени мила. Так что когда мистер Элтон приехал, чтобы торжественно сообщить о своих счастливых планах и похвастать заслугами будущей супруги, то ему оставалось сообщить лишь, как ее зовут и музыку каких композиторов она предпочитает исполнять.

Мистер Элтон был невероятно счастлив. Уезжал он отвергнутый и униженный, обманутый в своих радужных надеждах, причем после того, как его неоднократно, как ему казалось, поощряли. И мало того что он лишился желанной партии, так еще и выяснил, что ему смели прочить партию, совершенно его недостойную.

Уезжал он до глубины души оскорбленный, а вернулся обрученный с невестой на порядок лучше предыдущей избранницы — ведь приобрести всегда лучше, чем потерять. Он вернулся веселым и самодовольным, оживленным и деятельным, мисс Вудхаус его уже не заботила, а на мисс Смит он и вовсе не обращал внимания.

Очаровательная Августа Хокинс, вдобавок ко всем своим совершенствам и достоинствам, была обладательницей значительного состояния, не меньше чем «тысяч в десять», как утверждал счастливый жених. Тут было чем гордиться: он нашел себе удачную партию — невесту с десятитысячным, или около того, состоянием, причем с завидной прытью! Он был отмечен ее вниманием при первом же знакомстве. Мистер Элтон поведал миссис Коул блистательную историю сего романа: от первой случайной встречи до обеда у мистера Грина и ужина у миссис Браун. С каждым разом все более многозначительные улыбки и румянец, смущение и поощрение… Он легко впечатлил мисс Хокинс, заслужил ее расположение… Короче и проще говоря, она с такой готовностью решилась выйти за него замуж, что потешила в равной степени и его тщеславие, и расчетливость.

Мистер Элтон обрел счастье и материальное, и духовное — и деньги, и любовь — и был теперь, как и следует в его положении, необычайно счастлив. Он говорил только о себе и своих планах, принимал поздравления как должное, смеялся с теми, кто над ним подшучивал, и тепло и бесстрашно улыбался всем юным дамам, с которыми еще несколько недель назад любезничал бы осторожнее.

Свадьба была не за горами. Кроме желания жениха и невесты дело стояло лишь за необходимыми приготовлениями. Когда мистер Элтон снова уехал в Бат, все решили — а недвусмысленные взгляды миссис Коул это подтвердили, — что вернется он уже с невестой.

За время его короткого приезда Эмма мистера Элтона почти не видела, однако и редких встреч хватило, чтобы заметить, как в нем смешались обида и чрезмерное самомнение. По правде сказать, она даже задавалась вопросом, как она вообще когда-то находила его общество приятным. Один вид его вызывал в ней такие мрачные чувства, что она была бы рада и вовсе никогда его больше не видеть, однако понимала, что должна понести заслуженное наказание, выучить свой горький урок. Эмма желала ему всяческих благ,

однако своим присутствием он нарушал ее покой, и было бы куда приятнее, если бы благоденствовал он где-нибудь миль за двадцать от Хайбери.

Впрочем, его женитьба должна была несколько облегчить досадную необходимость разговаривать о чем-то при встрече, избавить от неловкостей и пустых волнений. Предмет разговора всегда можно будет сменить на миссис Элтон, а былая дружба незаметно забудется. Они снова смогут быть друг к другу неизменно учтивы.

О самой будущей миссис Элтон Эмма была мнения невысокого. Без сомнения, она достаточно хороша для мистера Элтона, достаточно образованна для Хайбери и привлекательна ровно настолько, чтобы рядом с Харриет так или иначе выглядеть неказистой. Что до ее родословной, то тут Эмма была совершенно спокойна: после всех его тщеславных притязаний и незаслуженного пренебрежения Харриет мистер Элтон успехов все равно не добился. Узнать правду было нетрудно. Что из себя представляет его невеста, было пока что неизвестно, но вот кто ее родственники — выяснить было возможно, и что же оказалось? Кроме приданого в десять тысяч, ничем она Харриет не превосходила. Ни именем, ни происхождением, ни родней. Мисс Хокинс была

младшей дочерью бристольского… для важности назовем его коммерсантом. Однако доходы от этой так называемой коммерции остались настолько скромные, что можно было справедливо предположить, будто и продвигались дела когда-то очень скромно. Часть зимы мисс Хокинс всегда проводила в Бате, однако домом ей был Бристоль, самое его сердце. Родители умерли несколько лет назад, но оставался дядя, с ним она и жила. Он был занят в юриспруденции, ничего более выдающегося о нем известно не было. Эмма предположила, что этот дядя служит клерком у какого-нибудь стряпчего, а подняться выше ему не дает скудоумие. Все великолепие ее родственных связей сводилось к сестре: она удачно вышла замуж за настоящего джентльмена, у которого был дом неподалеку от Бристоля и целых два экипажа! Вот и вся история жизни и славы мисс Хокинс.

Если бы только Эмма могла внушить Харриет свои чувства! Она заставила ее влюбиться, но увы! Невозможно было так же легко заставить ее разлюбить. Предмет обожания занимал столько мыслей Харриет и обладал в ее глазах таким очарованием, что словами это было не исправить. Его вполне — и даже наверняка — мог

бы заменить в ее сердце другой кавалер, даже какой-нибудь Роберт Мартин. Другого способа, боялась Эмма, попросту не существует. Харриет была из тех, кто, влюбившись однажды, навсегда остается влюбленным. Бедняжка! С приездом мистера Элтона ей стало совсем худо. Она то и дело с ним сталкивалась. Эмма за время всего его пребывания видела его лишь однажды, Харриет же по два-три раза на дню «только-только» с ним столкнулась, или «только-только» с ним разминулась, или «только-только» слышала его голос, или видела его спину — словом, каждый раз только-только происходило что-то такое, что непременно заставляло несчастную снова думать о нем и подогревало ее любопытство. К тому же вне Хартфилда она постоянно находилась в обществе тех, для кого мистер Элтон был самим совершенством и для кого не было предмета разговоров интереснее, чем его дела. Каждая новость, каждая догадка о том, что уже произошло, что есть и что будет в его жизни, включая даже доходы, прислугу и мебель, обсуждались по сотне раз. Постоянные похвалы ото всех вокруг подкрепляли ее восхищение, не давали утихнуть сожалениям и бередили раны, вдобавок к бесконечным упоминаниям о том, как же повезло мисс

Хокинс и как сильно влюблен мистер Элтон. Подумать только! Весь его вид, даже особая манера носить шляпу — словом, все свидетельствовало о его пылких чувствах!

Если бы не страдания Харриет и собственное чувство вины, то Эмма немало бы посмеялась над переменчивостью подруги. Порой все ее мысли занимал мистер Элтон, в другое время — семейство Мартинов. Одна причина для волнения помогала справиться с другой. Весть о помолвке мистера Элтона смогла унять Харриет после неожиданной встречи с Мартинами. А удар, нанесенный этой вестью, через несколько дней облегчил визит Элизабет Мартин к миссис Годдард. Харриет она не застала, но оставила записку, составленную в самых трогательных выражениях, добавив к бесконечной доброте лишь малую толику упрека. Так что пока мистер Элтон не вернулся, голова Харриет была занята лишь этой запиской. Она постоянно думала, чем же ей ответить, и хотела бы предпринять больше, чем смела признать. Однако эти заботы затмил приезд мистера Элтона. Пока он оставался в Хайбери, Мартины были забыты, но тем же утром, когда он уехал в Бат, Эмма решила, что рассеять тоску Харриет по этому поводу поможет ответный ви-

зит к Элизабет Мартин.

Но как он будет воспринят? Как себя вести? Что будет безопаснее всего? Эмму одолели сомнения. Разумеется, полностью обделить вниманием мать и сестер было бы просто неблагодарно. Это недопустимо! Однако о возобновлении знакомства речи тоже быть не может.

После долгих размышлений Эмма решила, что Харриет все же стоит нанести визит, однако держаться надо так, чтобы было ясно: отныне их знакомство может быть лишь формальным. Она собиралась отвезти подругу в Эбби-Милл в своем экипаже, оставить ее там ненадолго, покататься и вскоре вернуться за ней. Так времени для нежелательного влияния Мартинов на Харриет и опасных бесед о былом совсем не останется. Это покажет им, что близкой дружбе не бывать.

Лучше плана Эмма не придумала, и хотя было в нем что-то такое, что претило ей самой, что казалось плохо скрытой неблагодарностью, она твердо решила, что его нужно исполнить, а иначе что станется с Харриет?

Глава V

Сердце Харриет сейчас к этому визиту не лежало. Всего за полчаса до того, как Эмма заехала за ней к миссис Годдард, злая судьба привела ее к месту, где как раз в ту минуту в тележку мясника грузили сундук с надписью: «Преподобному Филипу Элтону, Уайт-Харт, Бат», — чтобы доставить его к почтовой карете. Все иное для Харриет перестало существовать.

Но все же к Мартинам она поехала и, выйдя из экипажа на широкую и ухоженную гравийную дорожку, ведущую меж шпалерных яблонь к дверям дома, вновь почувствовала волнение. Все вокруг приносило воспоминания о веселом времени, проведенном здесь прошлой осенью. Эмма, оставляя ее, заметила, как Харриет озирается вокруг с неким боязливым любопытством, и укрепилась в своем решении приехать за ней не позже чем через четверть часа. Сама она в это время собралась навестить прежнюю служанку, которая вышла замуж и жила в Донуэлле.

Ровно через четверть часа карета снова стояла у белых ворот, и мисс Смит, поняв знак, тут же вышла — одна, без сопровождения всяких подо-

зрительных юношей. Одна из сестер показалась из дверей, попрощалась с гостьей с церемонной учтивостью, и та ступила на гравийную дорожку в полном одиночестве.

Харриет, переполненная чувствами, не сразу смогла дать внятный отчет, но в конце концов Эмме удалось добиться от нее достаточно, чтобы понять, как прошла встреча и какую боль она принесла. Дома были только миссис Мартин и две сестры. Встретили они ее как-то нерешительно, вернее даже сказать, холодно. Разговор почти все время велся на отвлеченные темы, как вдруг миссис Мартин неожиданно заметила, что Харриет, кажется, подросла. После этого все повеселели, и беседа потекла свободнее. В этой самой комнате в сентябре она и две ее подруги мерились ростом. На деревянной панели у окна сохранились подписанные карандашом отметки. Их делал он. Все, казалось, прекрасно помнили тот день, тот час, тот случай и тех, кто был при нем. Всех их тут же охватила общая тоска, общее желание вернуться к прежнему доброму согласию — и Харриет, как подозревала Эмма, первой была бы готова вернуть былую сердечность. Они только начали походить на себя прежних, как вернулась карета и все было кончено. Характер

и краткость визита сделали очевидным его значение. Уделить четырнадцать минут тем, с кем меньше полугода назад она провела целых шесть недель! Эмма, представив себе все это, не могла не признать, сколь справедлива обида хозяек и как естественны страдания Харриет. Ужасно все сложилось. Она бы многое отдала, многое вынесла, лишь бы Мартины оказались выше по положению. Столь достойным людям хватило бы совсем маленького возвышения, однако они там, где есть. Разве возможно было поступить иначе?.. Нет! И нечего сокрушаться. Разлуке суждено было случиться, но она принесла столько боли даже самой Эмме, что по пути домой было решено заехать в Рэндаллс и найти утешение там. Она уже думать не могла ни о мистере Элтоне, ни о Мартинах. Ей был просто необходим глоток свежего воздуха в обществе Рэндаллса.

План был хороший, однако, подъехав к дверям, они услышали от слуги, что «ни хозяина, ни хозяйки дома нет, они ушли некоторое время назад, кажется, в Хартфилд».

— Как жалко! — воскликнула Эмма, когда они отъехали. — И в Хартфилде мы их тоже уже не застанем, как обидно! Давно я не была так разочарована.

И она отвернулась в угол экипажа, чтобы мысленно поворчать или, наоборот, успокоить себя, но, скорее всего, предаться понемногу и тому, и другому, что и свойственно столь незлобивым личностям. Вдруг повозка остановилась, она выглянула в окно: то были мистер и миссис Уэстон. При одном их виде Эмма сразу повеселела, а уж как она обрадовалась, услышав от мистера Уэстона:

— Здравствуйте, здравствуйте! А мы были у вашего батюшки, рады видеть его в столь добром здравии. Завтра приезжает Фрэнк! Сегодня утром получил от него письмо: приедет к обеду — сейчас он в Оксфорде — и погостит у нас целых две недели! А ведь я так и знал. Приехал бы на Рождество — так не пробыл бы и трех дней. Я даже радовался, что он тогда не смог, а теперь и погода чудесная, теплая и сухая. Мы вдоволь насладимся его обществом. Все сложилось наилучшим образом.

Невозможно было не обрадоваться сим новостям, не заразиться счастливой улыбкой мистера Уэстона. Миссис Уэстон была спокойнее и тише, но ее слова и лицо выражали такую же радость. Увидев, что на этот раз даже она уверена в приезде Фрэнка Черчилля, Эмма и сама в него поверила

и искренне возликовала вместе с друзьями. Какая восхитительная весть для ее измученной души! Все неприятности прошлого мигом позабылись, новый же день сулил новые радости. На мгновение у Эммы мелькнула надежда, что разговоры о мистере Элтоне прекратятся.

Мистер Уэстон в подробностях рассказал ей обо всех обстоятельствах из жизни Анскома, благодаря которым его сын смог освободиться на целых две недели и самостоятельно выбрать направление и способ передвижения. Эмма слушала, и улыбалась, и поздравляла.

— Скоро я приведу его в Хартфилд, — заключил он.

Эмме показалось, будто на этих словах его жена слегка коснулась его руки.

— Мистер Уэстон, пойдемте, — сказала она, — не будем задерживать девочек.

— Да-да, идем, — отозвался он и напоследок повернулся к Эмме: — Только не ожидайте ничего выдающегося, вы ведь только по моим словам можете судить. Осмелюсь сказать, что он совершенно обычный молодой человек, — однако в глазах мистера Уэстона сверкнула полная убежденность в обратном.

Эмма с самым наивным и невинным видом

ответила какой-то вежливой фразой.

— Пожелайте мне удачи, милая моя Эмма, завтра часа в четыре, — взволнованно попросила на прощание миссис Уэстон, и слова эти предназначались лишь ей одной.

— Часа в четыре! Поверьте, он будет здесь уже в три, — поспешил уточнить мистер Уэстон, и на том они и разошлись. Эммой овладело счастье, и на все вокруг она смотрела теперь совершенно по-другому: Джеймс и его лошади как будто перестали тащиться до ужаса медленно, бузина вдоль дороги наталкивала на мысли, что она, кажется, скоро расцветет, даже Харриет выглядела иначе — улыбалась как-то по-весеннему нежно.

Однако тут она задала вопрос, который ничего хорошего не предвещал:

— А мистер Черчилль по пути из Оксфорда будет проезжать Бат?

Конечно, ни знание географии, ни душевное спокойствие не приходят к человеку в мгновение ока, а потому Эмме оставалось лишь понадеяться, что ее подруга сможет со временем овладеть и тем и другим.

Наступил знаменательный день. Верная ученица миссис Уэстон ни в десять, ни в одиннадцать, ни в двенадцать часов не забывала, что должна

вспомнить о ней в четыре.

— Моя дорогая, моя милая беспокойная подруга, — говорила она сама с собою, покинув свою комнату и спускаясь по лестнице, — вы всегда так заботитесь обо всех, кроме себя. Так и вижу, как вы сейчас волнуетесь, постоянно заходите в его комнату и проверяете, все ли в порядке. — Когда Эмма проходила по передней, пробили часы. — Двенадцать. Через четыре часа я о вас вспомню. А завтра в это же время или, может, чуть позже буду надеяться, что джентльмены заглянут к нам. Уверена, надолго откладывать эту встречу не будут.

Она вошла в гостиную и увидела, что с ее отцом сидят два джентльмена — мистер Уэстон и его сын. Они только что пришли: мистер Уэстон едва успел объяснить, что Фрэнк приехал на день раньше, а ее отец еще не закончил выражать вежливые приветствия и поздравления, когда вошла она, чтобы в свою очередь удивляться, приветствовать и знакомиться.

Тот самый Фрэнк Черчилль, о котором так долго говорили, который вызывал такой живой интерес, был наконец ей представлен. Эмма подумала, что хвалили его не зря: он был весьма хорош собою, превосходного роста, с безупречными

манерами, в чертах — тот же энтузиазм и та же живость, что у его отца, во взгляде — живой ум и здравый смысл. Она сразу почувствовала, что он ей понравится, а по естественной непринужденности и готовности поддерживать разговор поняла, что он пришел с намерением свести с ней приятное знакомство и подружатся они очень скоро.

Он приехал в Рэндаллс накануне вечером. Она с удовольствием слушала про то рвение, которое заставило его отправиться раньше, останавливаться реже и ехать быстрее, чтобы выиграть полдня.

— Я же говорил! — ликовал мистер Уэстон. — Я так и знал, что он приедет раньше обещанного. Помню, я и сам любил так путешествовать. В пути не хочется тащиться еле-еле, ты сам невольно рвешься вперед своих планов. А сколько удовольствия доставляет удивление друзей, которые еще не начали тебя поджидать, — все усилия того стоят.

— Великое, но редкое удовольствие, — подхватил молодой человек. — Не со всеми я позволил бы себе так злоупотреблять гостеприимством, но когда едешь домой, то знаешь, что тебе в любое время рады.

Слово «домой» явно принесло его отцу невероятное удовольствие. Эмма сразу поняла, что Фрэнк Черчилль отлично знает, как понравиться другим. С каждой новой фразой ее догадка подтверждалась. Он рассказывал, как сильно ему понравился Рэндаллс, как восхитительно обставлен дом, что он совсем не кажется ему слишком малым, восторгался его расположением, дорогой до Хайбери, самим Хайбери, а еще больше Хартфилдом, и даже признался, что родной край — как не способен на то никакой другой — всегда вызывал у него любопытство и желание его посетить. Эмму это немного насторожило: раз так, то почему он не поддался этому прекрасному желанию раньше? Но даже если Фрэнк Черчилль и приукрасил свою речь, то сделал это наиприятнейшим образом, не вызвав никакого отвращения. В его словах не прозвучало ни фальши, ни наигранности. Он и впрямь говорил и выглядел как человек, который искренне наслаждается всем вокруг.

Поначалу их разговор касался исключительно общих тем, присущих первому знакомству. Он поддерживал беседу вопросами: «Ездите ли вы верхом? Хороши ли здесь места для подобных прогулок? А для пеших?.. Много ли у вас соседей?

Наверное, в Хайбери прекрасное общество? По пути я заметил несколько премилых домов… А балы? Дают ли здесь балы? Любят ли музыку?»

Удовлетворив свое любопытство и узнав собеседницу получше, он улучил момент, пока их отцы были заняты беседой, чтобы осыпать восторженными похвалами свою мачеху. В его словах звучало такое глубокое восхищение, столько благодарности за счастье, подаренное его отцу, и за теплый прием, оказанный ему самому, что Эмма лишний раз убедилась: понравиться он умеет и к тому же, по всей видимости, старается угодить ей. Он охотно и вполне заслуженно хвалил миссис Уэстон, хотя и не мог еще знать всех ее достоинств. Фрэнк Черчилль понимал, что именно придется Эмме по душе, и действовал наверняка.

— Брак моего отца, — говорил он, — это мудрейший поступок, и все его друзья, я уверен, за него рады. Я в вечном долгу у семейства, которое подарило ему такое счастье.

Казалось, еще немного, и он поблагодарит за добродетели мачехи саму Эмму, но все же, очевидно, молодой человек еще не забыл, что это мисс Тейлор воспитала мисс Вудхаус, а не наоборот. И наконец, словно решив высказать сегодня

все возможные комплименты в сторону миссис Уэстон, он заявил, что был глубоко поражен тем, как она молода и красива.

— К изысканным и приятным манерам я был готов, — сказал он, — но, должен признать, с учетом всех обстоятельств рассчитывал увидеть вполне симпатичную даму определенных лет. Я даже не подозревал, что миссис Уэстон окажется такой хорошенькой молоденькой женщиной.

— Лично я вечно готова слушать обо всех совершенствах миссис Уэстон, — отозвалась Эмма. — Предположи вы, что ей восемнадцать, я бы только порадовалась, а вот ей самой такой выбор слов наверняка не понравится. Смотрите ей не скажите, что называете ее хорошенькой да молоденькой.

— Надеюсь, здравый смысл меня от этого убережет, — сказал он и, почтительно поклонившись, добавил: — Поверьте, я хорошо понимаю, кого и в каких выражениях хвалить в разговорах с миссис Уэстон, чтобы мои комплименты не сочли неуместными.

Эмме стало любопытно: а приходило ли ему на ум то подозрение, овладевшее ее мыслями? Задумывался ли он о том, чего могут ожидать другие от их знакомства? И что же значат его

комплименты: согласие с чужими надеждами или полное ими пренебрежение? Правильно растолковать его поведение она сможет, лишь узнав поближе, а пока что Эмма была уверена лишь в одном — держится он весьма любезно.

Зато о чем думал мистер Уэстон, сомневаться не приходилось. Он то и дело счастливо на них поглядывал, а отвернувшись, наверняка старался услышать их разговор.

Как удачно, что от подобного рода мыслей, а также от всяческой проницательности и подозрительности был совершенно освобожден разум ее отца. К счастью, он браков не только не одобрял, но и не умел предвидеть. Выступая против любой надвигающейся свадьбы, мистер Вудхаус, впрочем, заранее о ней никогда не догадывался. Он, казалось, просто не мог позволить себе думать о рассудке двух людей столь дурно, чтобы предположить, что они могут пожениться, пока в один прекрасный день против них не выдвигались весомые доказательства в виде помолвки. Эмма благодарила провидение за сию благоприятную слепоту. Не строя никаких неприятных догадок, не видя в госте никакой угрозы, он мог теперь спокойно дать волю свойственным ему добродушию и любезности, заботливо расспрашивая

мистера Фрэнка Черчилля о его неблизкой дороге, сокрушаясь об ужасно неприятной необходимости проводить в пути целых две ночи и выражая искреннее желание удостовериться, что он и в самом деле не подхватил простуды, напомнив, однако, что до завтрашнего утра не стоит терять бдительности.

Пробыв у Вудхаусов, сколько того требует приличие, мистер Уэстон засобирался. Ему пора, нужно ведь еще в «Корону» зайти по поводу сена и к Форду с кучей поручений от миссис Уэстон, но никого другого он не торопит. Его сын, будучи хорошо воспитанным молодым человеком, сразу понял намек и тут же поднялся со словами:

— Сэр, поскольку вы собираетесь идти дальше по делам, я воспользуюсь случаем и нанесу один визит. Из вежливости его надо рано или поздно совершить в любом случае, так почему бы не заняться этим сейчас? Я имею честь быть знакомым с одной вашей соседкой, — продолжал он, повернувшись к Эмме, — дамой, которая проживает в Хайбери или где-то поблизости в семействе Фэрфаксов. Полагаю, мне не составит труда отыскать их дом. Хотя, кажется, я неверно выразился, вроде бы их фамилия не Фэрфаксы, а Барнсы или Бейтсы. Вы с ними знакомы?

— Конечно, знакомы! — воскликнул его отец. — Миссис Бейтс, да. Мы проходили ее дом по пути сюда, я видел мисс Бейтс в окошко. Верно, верно, ты ведь знаком с мисс Фэрфакс, вы познакомились в Уэймуте, славная девушка. Непременно ее навести.

— Совсем необязательно навещать ее именно сегодня, — продолжал молодой человек, — я могу зайти и в другой день, просто наше знакомство…

— Нет-нет! Ступай, загляни к ней сегодня. Не откладывай. Раз это все равно сделать необходимо, то чем раньше — тем лучше. И я думаю, стоит тебя кое о чем предупредить: к ней здесь стоит проявлять особое внимание. Ты ведь видел ее в обществе Кэмпбеллов, когда она со всеми была в равном положении. Здесь же она живет с бедной старой бабушкой, которая едва сводит концы с концами. Если ты станешь откладывать визит, это расценится как пренебрежение.

Юношу это, казалось, убедило.

— Она упоминала, что вы знакомы, — заметила Эмма. — Мисс Фэрфакс — девушка невероятно утонченная.

Фрэнк Черчилль ответил «да» настолько тихо, что она даже засомневалась в его искренности. Но каков же тогда в высшем свете идеал утончен-

ности, если даже Джейн Фэрфакс могли счесть посредственной?

— Если ее манеры вас еще не поразили, — сказала она, — то сегодня, я уверена, непременно поразят. У вас будет возможность разглядеть ее как следует, разглядеть и послушать. Хотя нет, боюсь, послушать вам ее вряд ли удастся: у нее есть тетушка, которая не замолкает ни на секунду.

— Сэр, вы знакомы с мисс Джейн Фэрфакс? — спросил мистер Вудхаус, уловив суть разговора, как всегда, последним. — Позвольте вас уверить, милейшая особа. Она здесь живет у бабушки и тетушки, достойнейшие дамы, я их всю жизнь знаю. Уверен, они будут чрезвычайно вам рады, а мой слуга пойдет с вами и покажет дорогу.

— Сэр, что вы! Ни в коем случае. Отец покажет мне дорогу.

— Но ваш батюшка до их дома с вами не дойдет, ему ведь в «Корону», а это совершенно на другом конце улицы, там так много домов, как бы вы не заблудились! И дорога такая грязная, нужно непременно во что бы то ни стало держаться тротуара. Уж лучше мой кучер покажет вам, где лучше всего перейти улицу.

Мистер Фрэнк Черчилль старался со всей серьезностью отказаться от подобного предложе-

ния, и отец его тут же поддержал:

— Мой добрый друг, вам совершенно не о чем волноваться. Фрэнк умеет обходить лужи, а от «Короны» до миссис Бейтс он доберется ровно в два шага.

Их все же отпустили без сопровождения, и оба джентльмена — один вежливо кивнув на прощание, другой изящно поклонившись — удалились. Эмма осталась очень довольна таким началом знакомства и была теперь полностью уверена, что у всех ее друзей в Рэндаллсе все благополучно.

Глава VI

Наутро мистер Фрэнк Черчилль снова оказался у них. Он пришел с миссис Уэстон, к которой он, как и к Хайбери, казалось, питает самые теплые чувства. Выяснилось, что они сидели дома в весьма дружеской обстановке, и когда пришел час ее ежедневной прогулки, то ему было предложено выбрать направление, и выбрал он Хайбери:

— Не сомневаюсь, что прогулки здесь в любую сторону приятные, но ежели выбор за мной, то я всегда и всему предпочту Хайбери! Этот просторный, жизнерадостный и притягательный

Хайбери!

Для миссис Уэстон и, как она полагала, для Фрэнка тоже прогулка в сторону Хайбери означала, разумеется, прогулку до Хартфилда. Туда они и направились.

Эмма их увидеть совсем не ожидала, поскольку мистер Уэстон, заглянувший к ним с утра всего на полминутки, чтобы послушать, как хорош его сын, и сам об этих планах ничего не ведал. Поэтому, завидев их рука об руку на подходе к Хайбери, Эмма приятно удивилась. Ей хотелось снова его увидеть, особенно в обществе миссис Уэстон, поскольку от того, как он будет с ней держаться, зависело то, как Эмма станет к нему относиться. Окажись он недостаточно внимателен к ее дорогой подруге, этот грех уже было бы не искупить. Но, понаблюдав за ними, она совершенно успокоилась. Должное он мачехе воздавал не только красивыми словами и преувеличенными комплиментами, но и действиями: ничто не могло сравниться с его добрым и учтивым обращением с ней, ничто не выражало яснее его желание считать ее другом и заслужить ее расположение. А времени, чтобы сделать эти обоснованные выводы, у Эммы было предостаточно, поскольку провели они втроем все утро: сначала часик-

другой прогуливались по аллеям Хартфилда, причем Фрэнк вовсю восторгался всем вокруг и, вернувшись в дом, не забыл выразить свое невероятное восхищение мистеру Вудхаусу, а затем, повинуясь его желанию увидеть весь Хайбери, направились туда. Эмма и предположить не могла, что найдется столько вещей, достойных его интереса и славословия.

Некоторые предметы его любопытства делали Фрэнку честь. Так, он очень просил показать ему дом, в котором долгие годы жил его отец, а до него — отец отца, а вспомнив, что еще жива его старая няня, прошел в поисках ее домика всю улицу от начала до конца. И хотя не всегда его внимание привлекало что-то действительно достойное, сама его доброжелательность по отношению к Хайбери была большим достоинством в глазах его спутниц.

Понаблюдав за ним, Эмма решила, что таких чувств не может выказывать человек, который избегал поездки в родные края нарочно, и что в самих чувствах нет ни притворства, ни лицемерия. Мистер Найтли был к нему ужасно несправедлив.

Первую остановку они сделали у заезжего дома «Корона» — места ничем не примечательно-

го, хоть и первого в Хайбери среди прочих ему подобных. Там даже содержались несколько перекладных лошадей — впрочем, скорее для удобства самих жителей Хайбери, чем для путешественников. Дамы совершенно не ожидали, что здесь найдется что-то достойное интереса их спутника. Однако, проходя мимо, они упомянули, что большую комнату, заметную с улицы, пристроили когда-то в качестве бальной залы. В те дни, когда население Хайбери было больше и танцы пользовались особенной популярностью, здесь время от времени устраивали балы. Теперь это было лишь блистательное прошлое, а в зале проходят встречи вист-клуба, организованного среди местных благородных и полублагородных джентльменов. Фрэнк при словах «бальная зала» сразу же оживился. Вместо того чтобы пройти мимо, он остановился на несколько минут у больших открытых окон и, оценивающе разглядывая комнату, стал рассуждать о том, как чудесно она подходит для своего первоначального предназначения и как же жаль, что все о нем позабыли. Он не видел в комнате ни одного недостатка и отрицал те, на которые указывали ему дамы. Нет-нет, длина в самый раз, и ширина тоже, да и в целом зала выглядит прекрасно. Сюда поме-

стится как раз подходящее число гостей. Зимой им обязательно стоит устраивать здесь балы хотя бы раз в две недели. Почему же мисс Вудхаус не возродила славное прошлое залы? Ведь ей в Хайбери все под силу! Эмма привела доводы: благородных семейств у них в округе мало, а из других мест никто приехать не захочет — но его это не убедило. Нет, не верится, что во всех красивых домиках вокруг — а их он видел много! — не отыщется необходимого числа гостей для подобного вечера. Даже услышав в подробностях описание всех местных семейств, он не желал признавать, что сие смешение принесет лишь неловкость и неудобства, когда на следующее утро все вернется на свои места. Столь страстного любителя танцев трудно было переспорить, и Эмма удивилась, заметив, как нрав истинно уэстонской натуры берет верх над привычками Черчиллей. Характер он унаследовал, казалось, полностью от отца: та же жизнерадостность, те же бодрость духа и общительность — не переняв при этом совершенно никакой гордыни или чопорности Анскома. Гордости, признаться, ему даже недоставало: безразличие, с которым он относился к разнице в социальных положениях, предлагая собрать различных обитателей Хайбе-

ри вместе, граничило с безвкусием. Впрочем, он и не мог по справедливости судить о том, чему сам придавал столь малое значение. Все это был лишь радостный поток мыслей.

Наконец его уговорили пойти дальше. Оказавшись напротив дома, где проживали Бейтсы, Эмма вспомнила, что накануне Фрэнк собирался их навестить, и спросила, состоялся ли визит.

— Да-да! — ответил он. — Как раз хотел вам об этом рассказать. Удача была на моей стороне: все три дамы оказались дома. Хорошо, что вы заранее предупредили о разговорчивости тетушки, а то я бы не выдержал, застань она меня врасплох. Правда, я у них чересчур задержался. Для визита вежливости вполне хватило бы и десяти минут, я и отцу сказал, что вернусь домой раньше его, но у меня никак не получалось дождаться паузы и распрощаться. И каково же было мое изумление, когда он, нигде меня не застав, наконец сам пришел к Бейтсам, и обнаружилось, что я сижу у них уже почти что три четверти часа. Гостеприимная хозяйка не дала мне ни малейшей возможности сбежать раньше.

— А как здоровье мисс Фэрфакс?

— Выглядит она неважно, очень неважно, если можно так выразиться о молодой даме. Но едва

ли сие замечание можно счесть приемлемым, да, миссис Уэстон? Дамы просто не способны выглядеть неважно. К тому же мисс Фэрфакс от природы так бледна, что легко можно спутать это с болезненностью… Да, цвет ее лица оставляет желать лучшего.

Эмма с его словами согласиться никак не могла и принялась горячо защищать цвет лица мисс Фэрфакс: разумеется, он всегда отличался своей бледностью, которую, однако, болезненной не назовешь, напротив — нежность и прозрачность кожи придают всему ее виду особое изящество. Он внимательно ее выслушал, заметил, что от многих слышал подобные слова, но все же не мог не признаться, что для него самого ничто бы не сравнилось с очарованием здорового румянца. Он красит даже заурядные черты лица, а уж когда они красивы от природы… К счастью, его спутницы и без него знают, какое впечатление производит тогда их обладательница.

— Что ж, — ответила Эмма, — о вкусах не спорят. По крайней мере, в отдельности от цвета ее лица вы находите мисс Фэрфакс достойной восхищения.

Он покачал головой и рассмеялся:

— Как же я могу судить о виде мисс Фэрфакс в

отдельности от цвета ее лица?

— Часто ли вы виделись в Уэймуте? Часто бывали в одном обществе?

Тут они подошли к магазинчику Форда, и Фрэнк внезапно воскликнул:

— А! Должно быть, это та самая лавка, в которую все заглядывают каждый божий день! Отец мне о ней рассказывал. Он и сам, говорит, бывает в Хайбери дней шесть в неделю и всякий раз находит повод зайти к Форду. Если вас не затруднит, прошу, давайте тоже заглянем, чтобы я смог почувствовать себя полноправным жителем Хайбери. Я обязан что-нибудь купить… Наверняка у них продаются перчатки?

— О да! И перчатки, и все остальное. Восхищаюсь вашим патриотизмом. В Хайбери вас станут обожать. Вы и до приезда пользовались большой популярностью как сын мистера Уэстона, а потратите полгинеи у Форда — и заработаете всеобщее расположение своими собственными заслугами.

Они вошли, и пока на прилавке для них раскладывали плотно перевязанные пачки модных «мужских бобровых» и «йоркширских светло-коричневых» перчаток, он сказал:

— Однако, мисс Вудхуас, прошу меня простить, вы ведь что-то говорили как раз в ту минуту, ко-

гда во мне внезапно взыграла моя amor patriae[8]. Позвольте же узнать, что именно. Уверяю, никакая самая громкая слава не заменит мне радостей частной жизни.

— Я лишь спросила, близко ли вы познакомились с мисс Фэрфакс и ее спутниками в Уэймуте.

— Теперь, когда я понял суть вашего вопроса, вынужден сказать, что спрашивать о таком нечестно. Ведь судить о степени знакомства — всегда привилегия дамы. Должно быть, мисс Фэрфакс уже поделилась с вами своим мнением… Я бы не хотел опозориться, претендуя на степень бóльшую, чем обозначила она.

— Помилуйте! По скрытности вы ей не уступаете. Она обо всем говорит так поверхностно, так сдержанно, совершенно не желая делиться хоть чем-то о ком бы то ни было, что, поверьте, вы можете рассказать о вашем знакомстве все, что вам вздумается.

— В самом деле?.. Тогда я расскажу как есть, это мне более всего по душе. Мы часто виделись в Уэймуте. Я и в Лондоне уже был немного знаком с Кэмпбеллами, а в Уэймуте мы всегда вращались в одном обществе. Полковник Кэмпбелл — заме-

---

[8] Примечания: 8

Amor patriae (*лат.*) — «любовь к родине».

чательный человек, а миссис Кэмпбелл всегда приветлива и добра. Мне нравится их семейство.

— Тогда, полагаю, вы знакомы с положением мисс Фэрфакс? С ее дальнейшей судьбой?

— Да… — довольно неуверенно ответил он. — Думаю, знаком.

— Эмма, вы касаетесь щекотливых предметов, — с улыбкой заметила миссис Уэстон, — и забываете о моем присутствии. Мистер Фрэнк Черчилль не знает, что и сказать на подобную тему. Я немного отойду.

— Да, о ней я совсем не подумала… — сказала Эмма. — Все потому, что это мой ближайший, вернейший друг.

Судя по его виду, он полностью понимал и уважал такие чувства.

Когда они купили перчатки и вышли из магазина, Фрэнк Черчилль спросил:

— Вы когда-нибудь слышали, как играет особа, о которой мы с вами говорили?

— Когда-нибудь! — воскликнула Эмма. — Вы забываете, что она все же из Хайбери. Я слушаю ее игру с тех самых пор, как мы обе начали учиться музыке. Она играет чудесно.

— Вы правда так думаете?.. Мне хотелось услышать мнение кого-то, кто разбирается в вопросе.

Мне и самому показалось, что она хорошо играет, так сказать, с большим вкусом, однако я в этом деле ничего не смыслю… Ужасно люблю музыку, но сам играть не умею и потому не имею права судить о чьей-либо игре… Я часто слышал, как другие восхищаются ее талантом и высоко его оценивают. Помню даже такой пример: один мужчина, очень музыкальный и влюбленный в другую женщину, помолвленный с ней, уже почти что женившийся на ней, никогда не просил свою невесту сесть за инструмент, ежели обсуждаемая нами особа могла занять это место. Никогда, казалось, не желал слушать игру одной, когда была возможность послушать игру другой. Учитывая, что он сам весьма известен за свои музыкальные таланты, я счел такое внимание некоторым свидетельством ее искусству.

— Да, несомненное свидетельство! — оживилась Эмма. — Мистер Диксон ведь очень музыкален? Мы за полчаса от вас узнаем о них всех больше, чем от мисс Фэрфакс за полгода.

— Верно, я говорил о мистере Диксоне и мисс Кэмпбелл. Его поведение показалось мне ярким свидетельством.

— Действительно, свидетельство ярчайшее. Причем, по правде сказать, будь я на месте мисс

Кэмпбелл, меня бы такое поведение жениха отнюдь не порадовало. Я бы не могла простить, что музыка ему дороже любви, отрада для ушей важнее отрады для глаз, а к красивым звукам он чувствительнее, чем к моим чувствам. А как к этому относилась мисс Кэмпбелл?

— Все же мисс Фэрфакс ее близкая подруга.

— Слабое утешение! — заметила Эмма со смехом. — По мне, так лучше бы сие предпочтение оказывалось незнакомке, а не близкой подруге, — с незнакомкой вы, может, больше и не увидитесь, а вот близкая подруга всегда рядом, и какое же это унижение, когда она во всем вас превосходит!.. Бедная миссис Диксон! Словом, я рада, что они живут в Ирландии.

— Вы правы. Его поведение было не очень лестным для мисс Кэмпбелл, однако ее это, похоже, не волновало.

— Тем лучше… а может, и хуже — даже не знаю. Но чем бы ее отношение ни объяснялось: кротостью или глупостью, ослепляющей дружбой или недостатком чувствительности — полагаю, одну особу его поступки не волновать не могли. Саму мисс Фэрфакс. Она-то наверняка почувствовала, как неуместно и опасно отдаваемое ей предпочтение.

— Что до этого… Я не берусь…

— Ах, не подумайте, будто я жду от вас или от кого-либо другого отчет о чувствах мисс Фэрфакс. Они, я полагаю, известны только ей и ей одной. Но раз она играла всякий раз, как ее просил об этом мистер Диксон, то предположить можно что угодно.

— Между ними тремя, казалось, царило полнейшее согласие… — торопливо начал он, но быстро осекся и добавил уже спокойнее: — Впрочем, не мне судить о том, какие отношения были у них на самом деле, так сказать, за кулисами. Со стороны казалось, что они пребывали в истинной гармонии. Но вы знаете мисс Фэрфакс с детства и, разумеется, куда лучше меня можете судить о том, как она себя чувствует и ведет в критическую минуту.

— Да, я знаю ее с детства. Мы вместе росли и взрослели, и, казалось бы, естественно предположить, что мы близкие подруги, что всякий раз, как она приезжает, мы часто сходимся. Однако это совсем не так. Не знаю почему… Наверное, отчасти в том есть и моя вина: меня всегда охватывало невольное раздражение, неприязнь к девочке, которую и тетушка, и бабушка, да и все вокруг боготворили и расхваливали. И потом, эта

ее сдержанность… Я никогда не могла заставить себя подружиться с кем-то столь скрытным.

— Действительно, отталкивающая черта, — отозвался он. — Несомненно, зачастую весьма удобная, однако совершенно к себе не располагает. Сдержанность благоразумна и безопасна, но не привлекательна. Невозможно любить сдержанного человека.

— Да, покуда он не избавится от сдержанности по отношению к вам — и тогда его привлекательность может возрасти непомерно. Но для этого нужно приложить большие усилия и преодолеть эту самую сдержанность, а я пока что столь большой нужды в подруге и приятной собеседнице не испытываю. О близкой дружбе между мной и мисс Фэрфакс не может быть и речи. У меня нет причин думать о ней дурно, ни малейших, но эта постоянная излишняя осторожность в словах и поведении, эта боязнь сообщить что-либо о ком бы то ни было невольно наводят на мысль о том, что ей есть что скрывать.

Молодой человек полностью с ней согласился, и после такой долгой прогулки и такого сходства во взглядах Эмме стало казаться, будто они уже давно и хорошо знакомы, и совсем не верилось, что они виделись всего во второй раз. Фрэнк

Черчилль оказался совсем не таким, каким она его себе представляла: человеком не настолько светским и не настолько избалованным богатствами — словом, он оказался даже лучше, его взгляды — умереннее, а его чувства — теплее. Особенно поразило ее, как он говорил о доме мистера Элтона, с каким вниманием осмотрел и его, и церковь. В отличие от Эммы и миссис Уэстон он не нашел в нем никаких изъянов: нет-нет, домик замечательный, и его хозяина не нужно жалеть, особенно если он поселится в таком жилище с любимой женщиной. В нем вполне достаточно места для жизни с полным удобством. Только глупец желал бы большего.

Миссис Уэстон рассмеялась и заметила, что он просто не знает, о чем говорит. Привыкший к жизни в большом доме, он не осознает всех преимуществ и удобств жизни в просторе и не может по справедливости судить о лишениях домика маленького. Однако Эмме подумалось, что мистер Фрэнк Черчилль прекрасно знает, о чем говорит, и в его словах заложено похвальное намерение рано жениться и обзавестись собственным домом. Возможно, он не знает, какие неприятности может принести отсутствие в доме комнаты для экономки или плохая кладовая, но в

одном сомневаться не приходится: он прекрасно осознает, что не в Анскоме счастье и что ради любви и ранней самостоятельности он с охотой откажется от всех богатств.

Глава VII

Эмма после двух встреч составила высочайшее мнение о Фрэнке Черчилле и была несколько потрясена, когда на следующий день ей сообщили, что он уехал в Лондон лишь для того, чтобы там подстричься. Эта внезапная блажь пришла ему в голову за завтраком, и он уехал почтовой каретой с намерением вернуться к обеду. Более уважительных причин у него не было. Конечно, никому не вредило чужое решение проделать из-за такого пустяка шестнадцать миль в одну сторону, а затем в другую, однако было в нем что-то щеголеватое и сумасбродное, что Эмму обескуражило. Этот каприз никак не подходил к тому портрету Фрэнка Черчилля, который она составила в своей голове накануне: к рассудительности в планах, к сдержанности в расходах, даже к бескорыстию и сердечной теплоте. На их место пришли тщеславие, мотовство, непостоянство, суетливость в желании себя чем-то занять, и неважно, дур-

ным или хорошим, невнимательность к отцу и миссис Уэстон, безразличие к тому, как кто-либо отнесется к его поведению, — во всех этих грехах он был теперь повинен. Мистер Уэстон лишь назвал его франтом и от души повеселился, а вот по поведению миссис Уэстон было совершенно ясно, что ей эта выходка совсем не понравилась: она упомянула о ней вскользь, проронив только, что «у молодых людей всегда бывают причуды».

За исключением этого пятнышка на его репутации, миссис Уэстон, как выяснила Эмма, составила о нем мнение весьма лестное. Она с большой готовностью рассказывала, как он внимателен и учтив и сколько иных приятных черт обнаружилось в его характере: по натуре мистер Фрэнк Черчилль открытый, очень живой и веселый, и в его суждениях нет ничего дурного, даже наоборот — весьма много хорошего. О дяде он отзывается с большой теплотой, охотно о нем рассказывает и считает, что будь он предоставлен самому себе, то лучше человека в мире бы не нашлось. К тете он, очевидно, такой привязанности не испытывает, однако всегда с благодарностью вспоминает ее доброту и говорит о ней не иначе как с уважением. Сей отзыв Эмму очень обнадеживал, и помимо этой злополучной блажи, не

было иных причин считать его недостойным той чести, что нарисовало ее воображение… Чести если уж не быть в нее влюбленным, то хотя бы быть готовым влюбиться, быть спасенным ее безразличием — ведь она была по-прежнему верна своему решению не выходить замуж… словом, чести быть избранным для нее всеми их общими друзьями.

Мистер Уэстон, со своей стороны, добавил к словам жены еще одно немаловажное достоинство. Он дал Эмме понять, что Фрэнк от нее в восхищении и находит ее невероятно красивой и обаятельной. Принимая во внимание все сказанное, Эмма решила, что не стоит судить его строго. В конце концов, как заметила миссис Уэстон, «у молодых людей всегда бывают причуды».

И все же среди всех новых суррейских знакомых мистера Фрэнка Черчилля нашелся один, настроенный не столь снисходительно. В целом в приходах Донуэлла и Хайбери о юноше говорили с величайшим добродушием, прощая мелкие недостатки красивому молодому мужчине, который так много улыбается и так любезно со всеми держится. Но не всякого строгого судью можно задобрить поклонами и улыбками. Когда мистеру Найтли сообщили в Хартфилде о

внезапном отъезде Фрэнка Черчилля, он ничего не сказал, однако, вновь принявшись за газету, пробормотал:

— Хм! Как и ожидалось, праздный болван.

Эмма уже хотела было возмутиться, но вовремя поняла, что замечание было сделано, чтобы просто отвести душу, а не позлить ее, и промолчала.

Хотя мистер и миссис Уэстон принесли не очень приятные известия, их визит все же пришелся как нельзя кстати. Пока они гостили в Хартфилде, произошло событие, по поводу которого Эмме нужен был их совет. Что самое удачное, совет они ей дали как раз тот, который она больше всего и хотела.

А дело было следующее. Уже несколько лет как в Хайбери обосновалась чета Коулов, люди очень порядочные, дружелюбные, свободные от предрассудков и простые, но происхождения низкого, из торговцев. К светскому обществу они не имели никакого отношения. Только переехав, Коулы жили соразмерно своим доходам, тихо, принимая лишь редких гостей, да и тех весьма скромно, но в последние года два их состояние значительно выросло, дела пошли в гору, и в целом счастье стало им улыбаться. Вместе с доходами росли и желания: они переехали в дом попросторнее,

стали приглашать гостей чаще, наняли больше прислуги и увеличили расходы на все свои нужды. Теперь Коулы в богатстве и образе жизни уступали только Хартфилду. Все знали, как они любят общество, а потому ждали, что в своей новой гостиной они непременно станут устраивать званые обеды. Несколько таких собраний уже состоялось, в основном для холостяков. Старинные и лучшие семейства — из Донуэлла, Хартфилда и Рэндаллса — они, полагала Эмма, пригласить не осмелятся. А если бы и осмелились, то она бы это приглашение точно отклонила. Жаль только, что из-за всем известных привычек ее отца-домоседа отказ стал бы не таким красноречивым, как хотелось бы. Коулы — люди по-своему порядочные, однако их следовало бы научить, что не им предлагать семейству, превосходящему их по положению, условия, на которых их посещать. И этот урок, подозревала Эмма, преподать предстояло именно ей: на мистера Найтли надежды было мало, на мистера Уэстона — и подавно.

Она уже столь давно и столь тщательно обдумала, как ответит на подобную наглость, что когда оскорбительный удар наконец был нанесен, он вызвал в ней совсем иного рода чувства. Приглашения пришли и в Донуэлл, и в Рэндаллс,

но не им с батюшкой, и заверения миссис Уэстон в том, что «Коулы просто не отважились на сию вольность, они знают, что вы не обедаете вне дома», успокаивали мало. Ее, казалось, лишили возможности принять решение самой, ответить долгожданным отказом. Осознав же, что в гостях соберутся все те, чье общество ей так дорого и приятно, Эмма подумала, что, пожалуй, даже согласилась бы прийти. Приглашена была и Харриет, приглашены были и Бейтсы. Как раз накануне они, прогуливаясь по Хайбери, говорили о вечере, и Фрэнк Черчилль со всей искренностью сокрушался, что ее не будет. Он вдруг спросил: а будут ли танцы? Одна лишь мысль о танцах раздосадовала Эмму еще больше. Ей предстояло остаться в гордом одиночестве, и тот факт, что не пригласили их из уважения, ничуть ее не утешал.

Наконец приглашение пришло, и как раз когда в Хартфилд заглянули Уэстоны, потому-то и ознаменовался их визит не только неприятными известиями. Получив письмо, Эмма первым же делом бросила, что «приглашение, разумеется, следует отклонить», однако тут же поспешила спросить у Уэстонов, что думают они. Их совет не отказывать себе в таком вечере был встречен

Эммой охотно и счастливо.

Она признала, что, принимая в расчет все обстоятельства, была бы не против посетить Коулов. Приглашение было написано в самом надлежащем тоне, полным внимания и предупредительности по отношению к ее отцу. Коулы писали, что они, конечно же, попросили бы их оказать им сию честь ранее, но дожидались, пока из Лондона доставят ширму, которая, как они надеялись, сможет уберечь мистера Вудхауса от сквозняков, что побудит его с большей охотой оказать им честь своим обществом. Словом, убедить Эмму оказалось очень легко, и, быстро обсудив меж собой, как устроить все с удобством для мистера Вудхауса — вероятно, попросив если не миссис Бейтс, то миссис Годдард присоединиться к нему, — они принялись уговаривать его отпустить дочь на званый вечер одну. О том, чтобы мистер Вудхаус тоже поехал, не могло быть и речи: общество ожидалось слишком многолюдное, да и вечер закончится слишком поздно. Долго уговаривать не пришлось.

— Не люблю званые вечера, — сказал он, — и никогда не любил. И Эмма тоже. Для нас это слишком поздно. Жаль, что мистер и миссис Коул все это затеяли. Лучше бы они зашли к нам

как-нибудь летом и выпили с нами чаю, а потом сводили бы нас прогуляться, так бы и домой успели до вечерней сырости. Росы летними вечерами стоит особенно остерегаться. Но раз им так хочется видеть у себя нашу милую Эмму, и раз поедете вы и мистер Найтли, и будет кому за ней присмотреть, то я возражать не стану, конечно, при условии, что погода будет подходящая: не сырая, не холодная, не ветреная, — тут он повернулся к миссис Уэстон и добавил с мягким упреком: — Ах, мисс Тейлор, если б только вы не вышли замуж! Тогда бы мы вместе остались дома.

— Сэр! — вскричал мистер Уэстон. — Раз это я забрал у вас мисс Тейлор, то и мне надлежит восполнить эту потерю. Я сию же минуту отправлюсь к мисс Годдард!

Но сама мысль о том, что кто-то бросится делать что-то сию же минуту, не только не успокоила, но и взволновала мистера Вудхауса еще больше. Дамы лучше знали, как с ним справиться. Пускай мистер Уэстон не суетится и не переживает: времени, чтобы все спокойно устроить, предостаточно.

От таких заверений мистер Вудхаус быстро пришел в себя и заговорил как обычно:

— Буду очень рад увидеть миссис Годдард, я о

ней самого высокого мнения. Эмма, милая, напиши ей пару строк с приглашением, а Джеймс эту записку доставит. Но первым делом необходимо дать ответ миссис Коул. Голубушка, передай как-нибудь повежливее мои извинения. Скажи, что я так слаб здоровьем, что никуда не хожу, и потому вынужден отклонить их приглашение. Начни, разумеется, с благодарностей. Но ты такая умница, что сама все знаешь. Учить тебя незачем. Нужно не забыть предупредить Джеймса, что во вторник понадобится экипаж. С ним тебя отправлять не страшно. Правда, мы в тех местах всего раз бывали после того, как они сделали новую подъездную дорогу, но не сомневаюсь, что Джеймс доставит тебя в целости и сохранности. А когда приедете, не забудь сказать ему, во сколько за тобой вернуться, допоздна не сиди. Тебе долго сидеть не понравится. Уже после чая устанешь.

— Папа, но вы же не хотите, чтобы я ушла до того, как устану?

— Нет-нет, милая, что ты. Но ты устанешь очень быстро. Там будет столько людей, и все они станут говорить разом. Тебе не понравится шум.

— Но сэр, — воскликнул мистер Уэстон, — если Эмма уедет рано, вечер будет испорчен!

— И ничего страшного, — ответил мистер Вуд-

хаус. — Чем раньше заканчиваются вечера, тем лучше.

— Но вы только представьте, что подумают Коулы. Уйдя сразу после чая, Эмма может нанести им обиду. Они люди незлобивые, не капризные, однако наверняка поймут, что ничего хорошего в том, что гость уходит рано, нет, тем более когда этот гость не кто-нибудь, а сама мисс Вудхаус. Сэр, я знаю, что вы не хотели бы расстроить или оскорбить Коулов, людей славных и добродушных. К тому же они вот уже десять лет как ваши соседи.

— Нет, мистер Уэстон, что вы! Как хорошо, что вы мне на это указали. Я ни в коем случае не хотел бы их обидеть. Я знаю, какие они достойные люди. Перри мне рассказывал, что мистер Коул даже пива в рот не берет. По нему не скажешь, но он страдает от разлития желчи — бедный мистер Коул! Нет-нет, ни в коем случае не будем их так оскорблять. Эмма, голубушка, надо все это принять во внимание. Лучше задержись там чуть дольше, чем тебе хотелось бы, не будем обижать мистера и миссис Коул. Даже если ты устанешь, ничего страшного. Ты ведь будешь там среди друзей, так что все будет в порядке.

— Да, папа. За себя я не боюсь и без раздумий просидела бы в гостях допоздна вместе с миссис

Уэстон, если бы не беспокоилась за вас. Я знаю, что миссис Годдард отлично скрасит ваш вечер, она, как вы знаете, большая любительница пикета. Но боюсь, что когда она отправится домой, вы решите сидеть здесь в одиночестве и ждать меня вместо того, чтобы отправиться в кровать в привычное время. Мысль об этом совершенно лишит меня покоя. Пообещайте, что не будете меня дожидаться.

Мистер Вудхаус дал Эмме нужное обещание на том условии, что и она ему кое-что пообещает: если она замерзнет по дороге домой, то по возвращении сразу же хорошенько согреется, а если проголодается, то непременно возьмет что-нибудь поесть, и пускай ее горничная ее дождется, а Сэрль и дворецкий, как всегда, проследят, что все в доме в полном порядке.

Глава VIII

Фрэнк Черчилль вернулся, однако успел ли он, как обещался, к обеду, осталось для Хартфилда тайной, поскольку миссис Уэстон так хотелось, чтобы он непременно полюбился мистеру Вудхаусу, что она скрывала от них все его прегрешения, которые только возможно было скрыть.

Он вернулся подстриженный, весело подшучивал сам над собой и, казалось, совсем не стыдился своей выходки. Он не жалел ни о стрижке, ведь ему не нужно было прятать за волосами смущение, ни о потраченных деньгах, ведь он и без них находился в прекрасном расположении духа. Фрэнк Черчилль был, как всегда, непринужден и весел, и при его виде Эмме в голову пришла такая мораль: «Не знаю, должно ли так быть, но почему-то всякие глупости перестают казаться глупостями, когда их совершают люди здравомыслящие и безо всякого стыда. Злая выходка всегда останется злой, но не всякая безрассудная блажь столь уж безрассудна… Все зависит от того, как о ней говорит тот, кому она пришла в голову. Нет, мистер Найтли, вы не правы. Никакой он не праздный болван. А иначе вел бы себя совсем по-другому: либо гордился своим подвигом, либо стыдился его. Он бы либо хвастался, как самодовольный франт, либо увиливал, не в силах оправдать собственное тщеславие… Нет, я уверена, его никак нельзя счесть ни глупым, ни праздным».

Настал вторник, а вместе с ним Эмме представилась замечательная возможность увидеть Фрэнка Черчилля вновь, причем в этот раз она

могла понаблюдать за ним подольше, посмотреть, как он ведет себя с остальными, и, исходя из этого, сделать вывод о том, как расценивать его поведение по отношению к ней самой и насколько холодно или тепло с ним стоит держаться. Не могла она отказать себе и в удовольствии пофантазировать, что подумают те, кто впервые увидит их вместе.

Эмма надеялась очень хорошо провести вечер, пусть и устраивали его Коулы. Даже в те дни, когда мистер Элтон еще пользовался ее расположением, ни один другой недостаток так не портил о нем впечатление, как пристрастие к обедам у мистера Коула.

Удобство ее батюшки было полностью обеспечено: его смогли навестить и миссис Бейтс, и миссис Годдард. Перед отъездом Эмма ненадолго присоединилась к ним, чтобы засвидетельствовать свое почтение и, пока мистер Вудхаус любовался ее нарядом, предложить дамам по большому куску пирога и полному бокалу вина, ведь, зная своего батюшку и его привычку заботиться о всеобщем здоровье, Эмма понимала, что за обедом им пришлось туго. А ведь она подготовила к их приезду столь обильный стол! Но не была уверена, что гостьям позволили хотя бы

немного им насладиться.

К дому мистера Коула она подъехала вслед за другим экипажем и с удовольствием обнаружила, что из него вышел мистер Найтли. Тот лошадей не держал и почти не имел свободных денег, зато в избытке располагал крепким здоровьем, энергией и независимостью характера, а потому был, по мнению Эммы, слишком склонен ходить пешком и не использовал экипажи так часто, как подобало бы владельцу аббатства Донуэлл. Он задержался, чтобы подать ей руку, и она тотчас воспользовалась возможностью выразить ему свое искреннее одобрение:

— Вижу, вы прибыли так, как полагается настоящему джентльмену… — сказала она. — Очень рада вас видеть.

Он поблагодарил ее, заметив:

— Какая удача, что мы приехали одновременно! Иначе, боюсь, если б мы встретились только в гостиной, вы бы и не узнали, что сегодня я, как вы выразились, настоящий джентльмен, а не какой-нибудь обычный. Вряд ли бы по моему внешнему виду или поведению вы поняли, каким образом я сюда добрался.

— Поняла бы, да-да, уверяю вас, поняла бы. В людях, которые добираются в гости неподо-

бающим образом, всегда заметны либо некая неестественность, либо чрезмерная суетливость. Вы, верно, думаете, что прекрасно скрываетесь, однако вас выдает ваша бравада, ваше напускное безразличие — я это всегда у вас замечаю. Но сейчас-то вам ни к чему рисоваться. Вы не боитесь, что кто-то подумает, будто вам стыдно. Вы не пытаетесь быть выше всех. Сейчас-то я с удовольствием вместе с вами войду в дом.

— Ну и выдумщица! — отозвался он, но отнюдь не сердито.

Эмму порадовал не только мистер Найтли, но и все остальное их общество. Ее приняли с почтительным радушием, которое не могло не прийтись ей по душе, в полной мере выказав почтение, соответствующее ее положению. Когда приехали Уэстоны, их самые нежные, самые восторженные взгляды были обращены именно к Эмме, а Фрэнк Черчилль подошел к ней с видом радостного нетерпения, что выделило ее среди других как предмет его особого внимания. За столом он оказался рядом с нею, и, как она твердо знала, не без некоторых уловок с его стороны.

Общество собралось довольно многочисленное: помимо прочих, приехало одно уважаемое и безупречное семейство, знакомством с кото-

рыми Коулы могли вполне гордиться, а также мужчины из семейства мистера Кокса, хайберийского юриста. Менее благородные дамы — и среди них мисс Бейтс, мисс Фэрфакс и мисс Смит — должны были прибыть чуть позже, однако даже при нынешнем составе невозможно было поддерживать одну общую на всех беседу. Пока с одной стороны говорили о политике, а с другой — о мистере Элтоне, Эмма могла совершенно спокойно уделять все внимание своему приятному соседу. Однако, едва заслышав имя Джейн Фэрфакс, она тут же навострила ушки. Судя по всему, миссис Коул собиралась поведать нечто весьма любопытное. Эмма прислушалась и не разочаровалась. Ее богатое воображение, столь от нее неотъемлемое, получило ценнейшую пищу. Миссис Коул рассказывала, что недавно была у мисс Бейтс и, едва войдя в комнату, тут же заметила новенькое фортепиано — в высшей степени изящный инструмент, не рояль, но все же большое красивое фортепиано. За этим, конечно, последовали восклицания, вопросы, поздравления, а также объяснения мисс Бейтс, что фортепиано прибыло накануне из магазина Бродвуда, но что самое интересное — совсем неожиданно и к величайшему изумлению не

только тетушки, но и племянницы. Джейн, по словам мисс Бейтс, поначалу совсем растерялась, недоумевая, кто же мог сделать ей сей подарок, однако теперь обе дамы были совершенно уверены в том, что за этим может стоять лишь один человек — полковник Кэмпбелл.

— Тут и гадать нечего, — добавила миссис Коул, — я даже удивилась, что они не подумали о нем сразу. Хотя Джейн на днях получила от них письмо, и о фортепиано в нем не было ни слова. Она, конечно, лучше их знает, но я уверена, что это совсем не значит, будто подарок не от них. Наверное, им просто захотелось сделать ей сюрприз.

Все с ней согласились. Каждый выразил твердую уверенность в том, что фортепиано прислал полковник Кэмпбелл, и порадовался за мисс Фэрфакс. Причем желающих высказаться нашлось столько, что Эмма могла спокойно промолчать и послушать дальнейшие слова миссис Коул.

— Это такая чудесная новость, что, право, не знаю даже, когда я так чему-то радовалась! Мне всегда было жутко обидно за Джейн Фэрфакс, так чудно играет, а своего инструмента нет. Какая досада! Особенно при том, что во многих домах великолепные инструменты стоят совсем без

дела. Вот вчера только говорила об этом мистеру Коулу. У нас ведь в гостиной стоит новенький рояль, а я и нот-то не знаю! Стыд, да и только! Наши девочки только начали учиться, и у них, может статься, еще ничего не выйдет. А тем временем у бедняжки Джейн Фэрфакс — талантливейшей Джейн Фэрфакс! — нет даже какого-нибудь несчастного спинета. Я только вчера это все обсуждала с мистером Коулом, и он со мной совершенно согласился, но он, понимаете, так любит музыку и не мог не купить этот рояль в надежде, что время от времени кто-нибудь из наших добрых соседей окажет нам услугу да сыграет на нем. Потому-то мы его и купили, а иначе бы гореть нам со стыда… Очень надеемся, что мисс Вудхаус не откажет нам сегодня в сем удовольствии.

Мисс Вудхаус, как и полагается, покорно согласилась и, поняв, что более ничего интересного от миссис Коул она не услышит, вновь повернулась к Фрэнку Черчиллю.

— Почему вы улыбаетесь? — спросила Эмма.

— А вы?

— Я?.. Пожалуй, потому, что рада, что полковник Кэмпбелл — такой богатый и щедрый человек… Какой чудесный подарок.

— И правда.

— Странно только, что его не сделали раньше.

— Вероятно, раньше мисс Фэрфакс не оставалась здесь так надолго.

— Почему же он не прислал ей их домашний инструмент, который сейчас, должно быть, стоит в Лондоне без дела?

— У них рояль. Наверное, он подумал, что такой инструмент слишком велик для домика миссис Бейтс.

— Говорить вы можете что угодно, но по вашему виду понятно, что мыслите вы совсем как я.

— Не знаю. Боюсь, я не так проницателен, как вы думаете. Я улыбаюсь, потому что улыбаетесь вы, а узнав ваши подозрения, наверное, стану подозревать то же самое. Но сейчас я, право, не понимаю, что не так. Если даритель не полковник Кэмпбелл, то кто же?

— Может, миссис Диксон?

— Миссис Диксон! И впрямь. Я о ней даже не подумал. Наверняка она не хуже отца понимает, как важен в доме инструмент. И сама манера, в которой был сделан подарок, вся эта таинственность, неожиданность больше походит на молодую женщину, чем на старого мужчину. Да, вероятно, это миссис Диксон. Как я и говорил, я

разделяю ваши подозрения.

— В таком случае не забудьте и о мистере Диксоне.

— Мистере Диксоне… Верно. Должно быть, это их общий подарок. Мы с вами как раз на днях говорили, какой он горячий поклонник ее таланта.

— Да, и ваши слова тогда подтвердили мои прежние подозрения… Ни в коем случае не хочу усомниться в благих намерениях мистера Диксона или мисс Фэрфакс, но на ум невольно приходят мысли о том, что он либо имел несчастье, уже сделав предложение, влюбиться в подругу невесты, либо понял, что она сама к нему несколько неравнодушна. Остается лишь строить бесчисленные догадки, а то и ни одна не окажется верной. Но я уверена: неспроста она поехала в Хайбери, а не с Кэмпбеллами в Ирландию. Здесь ее ждали лишения и муки совести, там — жизнь, полная удовольствий. Что до желания подышать родным воздухом, так это, я полагаю, простая отговорка… Летом я бы в нее еще поверила, но какой прок от родного воздуха в январе, феврале, марте? При таком хрупком здоровье — а у нее оно, несомненно, хрупкое — полезнее сидеть дома у жаркого камина, а если и отправляться куда-то, то непременно в экипаже. Я не требую, чтобы вы разделяли все

мои подозрения, хотя такое стремление с вашей стороны благородно. Я лишь честно вам о них рассказываю.

— Поверьте, звучат они очень правдоподобно. Могу подтвердить, что мистер Диксон решительно предпочитал слушать, как играет именно она, а не его невеста.

— К тому же он спас ей жизнь. Вы это уже знаете? На морской прогулке. Она чуть не упала в воду, но он успел ее подхватить.

— Да, я тоже был на той прогулке.

— Неужели?.. Надо же!.. Но вы, конечно же, на это не обратили внимания, раз такая мысль вас не посетила… Думаю, окажись я там — непременно что-то да заподозрила бы.

— Охотно верю! Однако я, простак, увидел только, что мисс Фэрфакс едва не упала за борт, а мистер Диксон ее подхватил… Все случилось мгновенно. По правде сказать, мы все были ужасно потрясены и взволнованы случившимся — прошло, наверное, полчаса, прежде чем кто-то вновь вздохнул спокойно… Однако за общим беспокойством нельзя было различить чьей-то особенной заботы. Но не смею утверждать, что у вас бы не возникли подозрения.

Тут их беседу прервали. Наступила долгая и

неловкая перемена блюд, и они были вынуждены вместе со всеми принять чинный и церемонный вид. Едва стол вновь накрыли, все тарелки расставили по своим местам, а в воздухе воцарилась прежняя непринужденность, Эмма сказала:

— Фортепиано не оставило во мне сомнений. Мне не хватало совсем немного до полной уверенности. Поверьте, вскоре мы услышим, что подарок от мистера и миссис Диксон.

— А если Диксоны станут отпираться, значит, от Кэмпбеллов.

— Нет, я уверена, что это Диксоны. Мисс Фэрфакс знает, что Кэмпбеллы тут ни при чем, а иначе не гадала бы и назвала их сразу. Возможно, вас я не убедила, но сама ничуть не сомневаюсь, что в деле замешан мистер Диксон.

— Право же, ваши слова меня ранят. Разве могли вы меня не убедить? Я полностью полагаюсь на ваше суждение. Сначала, когда мне казалось, что вы считаете дарителем мистера Кэмпбелла, я видел в этом поступке лишь отеческую заботу — самую естественную вещь на свете. Но когда вы упомянули миссис Диксон, я осознал, что подарок больше похож на проявление теплой женской дружбы. Теперь же я совершенно убежден, что это не что иное, как проявление любви.

Продолжать беседу на ту же тему было незачем. У Фрэнка Черчилля и впрямь был вполне убежденный вид. Эмма завела разговор о другом, и так прошел остаток ужина: подали десерт, привели и представили детей, восхищение которыми тут же заняло часть обыкновенных светских разговоров, говорились в равной степени вещи и умные, и совершенно глупые — словом, все то же, что и всегда: скучные повторы уже проговоренных слов, старые новости и неудачные шутки.

После ужина дамы перешли в гостиную, и вскоре к ним стали понемногу присоединяться новоприбывшие гостьи. Эмма увидела свою милую маленькую приятельницу. Хотя Харриет не хватало ни благородства, ни грации, Эмма, как всегда, с удовольствием отметила ее кроткий цветущий вид и безыскусные манеры и всем сердцем порадовалась, что легкий, веселый и не склонный к унынию нрав ее подруги уберег ее в этот вечер от мук неразделенной любви и позволил найти утешение в развлечениях. Кто при взгляде на нее мог сказать, сколько слез было пролито за последнее время? Принарядиться, прийти в приятное общество, посмотреть, как нарядно одеты другие, молча улыбаться и красиво выглядеть — вот и все, что сейчас ей нужно было для счастья. Ко-

нечно, Джейн Фэрфакс и выглядела, и двигалась изящнее, однако, как подозревала Эмма, наверняка предпочла бы поменяться с Харриет местами и пускай даже страдать от неразделенной любви и даже к такому, как мистер Элтон, но сбросить с плеч груз сладостно опасного осознания, что она любима мужем подруги.

При столь многочисленном обществе Эмма могла к ней не подходить. Ей совершенно не хотелось говорить о фортепиано. Она понимала, что, зная его тайну, не сможет искренне изображать подобающие любопытство и заинтересованность, а потому намеренно избегала разговоров с Джейн Фэрфакс. Тем не менее другие немедленно подошли именно к ней, и Эмма заметила стыдливый румянец, с которым мисс Фэрфакс принимала поздравления и называла имя своего «замечательного друга полковника Кэмпбелла».

Больше всего фортепиано заинтересовало миссис Уэстон, женщину добросердечную и музыкально одаренную. Эмму не могло не позабавить, с каким упорством ее подруга выпытывала всяческие подробности, расспрашивая про звук, клавиши и педали, совершенно не подозревая, что на лице прекрасной героини обстоятельств явственно читается желание переменить пред-

мет разговора.

Вскоре к ним стали присоединяться джентльмены, самым первым вышел бесподобный Фрэнк Черчилль. Мимоходом засвидетельствовав свое почтение мисс Бейтс и ее племяннице, он сразу же проследовал в противоположный угол комнаты, туда, где сидела мисс Вудхаус, и сел сам, только когда смог найти место рядом с ней. Эмма догадывалась, что сейчас думают остальные. Она предмет его особого внимания, и все это видят. Эмма представила его своей подруге мисс Смит и, улучив момент, расспросила, что они думают друг о друге. Он никогда не видел столь милого личика и остался в восторге от ее простодушия. Мисс Смит же заметила, что было в нем что-то от мистера Элтона, хоть и засомневалась, не слишком ли это большой комплимент. Эмма молча отвернулась от подруги, сдерживая негодование.

Взглянув на мисс Фэрфакс, Эмма и Фрэнк Черчилль обменялись красноречивыми улыбками, однако от замечаний благоразумно воздержались. Он рассказал ей, что с нетерпением ждал возможности покинуть столовую, что не любит сидеть на одном месте и всегда старается уйти первым. Его отец, мистер Найтли, мистер Кокс и мистер Коул полностью погрузились в при-

ходские дела, и он нашел их общество весьма приятным, поскольку люди они явно порядочные и разумные. Фрэнк Черчилль вообще так хорошо отзывался о Хайбери и его многочисленных достойных семействах, что Эмма даже задумалась, не зря ли она по привычке столь сильно презирает родной край. Она расспросила его о йоркширском обществе — много ли у них в Анскоме соседей, какие они — и из его ответов сделала вывод, что в самом Анскоме редко кого-то принимают, что Черчилли водят знакомства с самыми знатными семействами, которые все живут довольно далеко, и что даже в те дни, когда приглашение принято, миссис Черчилль может оказаться нездорова или не в настроении куда-то отправляться. Они взяли за правило не ездить к новым людям, и хотя у Фрэнка Черчилля есть и свои знакомые, ему стоит большого труда добиться разрешения кого-то навестить или пригласить к себе.

Эмма понимала, что в Хайбери молодой человек нашел то, чего ему не хватало в Анскоме, где он вынужден вести чересчур уединенную жизнь. Не осталось сомнений и по поводу его влияния на тетю. Он не хвастался, но из его рассказов было очевидно, что даже когда его дядя ничего не мог

с нею поделать, племянника она слушала. Когда Эмма со смехом ему на это указала, он признал, что, за исключением пары вещей, он мог — со временем — добиться от нее чего угодно. Первым исключением оказалось его горячее желание пожить за границей, попутешествовать. Тетя об этом и слышать ничего не хотела. Но это было в прошлом году, а сейчас это желание уже понемногу угасает.

О втором исключении он ничего не сказал, но Эмма подозревала, что оно связано с его сыновьим долгом перед мистером Уэстоном.

— Я осознал ужаснейшую вещь, — немного помолчав, заявил он. — Завтра будет неделя, как я приехал, а это половина отведенного мне срока. Я никогда не думал, что дни могут лететь так быстро. Уже неделя! А я только начал входить во вкус. Только познакомился с миссис Уэстон и со всеми!.. Уж лучше и не вспоминать.

— Вы, вероятно, теперь жалеете, что целый день из такого малого срока потратили на стрижку.

— Нет, — ответил он с улыбкой, — здесь жалеть не о чем. Я не люблю представать перед друзьями в неподобающем виде.

К этому времени в гостиную подошли и другие джентльмены, и Эмма была вынуждена на

некоторое время повернуться к мистеру Коулу и выслушать, что он ей говорит. Когда мистер Коул наконец отошел, она вновь обернулась к Фрэнку Черчиллю и увидела, что он пристально смотрит в другой конец комнаты на мисс Фэрфакс.

— Что такое? — спросила она.

Он вздрогнул.

— Спасибо, что окликнули меня, — отозвался он. — Пожалуй, я вел себя крайне невежливо. Просто у мисс Фэрфакс такая странная прическа, очень странная! Я не мог оторвать глаз. Впервые вижу нечто столь причудливое!.. Эти кудряшки!.. Наверное, она ее сама придумала. У других дам прически совершенно другие!.. Может, пойти и спросить? Это в Ирландии такая мода? Спросить?.. Да, спрошу, спрошу непременно. А вы посмотрите, как она это примет, покраснеет ли.

Он тут же направился к мисс Фэрфакс и заговорил с ней, однако эффект, произведенный его словами, Эмма оценить не смогла, поскольку тот непредусмотрительно встал ровно перед девушкой, загородив Эмме вид.

Его место рядом с Эммой быстро заняла миссис Уэстон.

— Роскошь многочисленного общества в том, — начала она, — что всегда можно подойти к кому

угодно и посекретничать о чем угодно. Моя милая Эмма, мне не терпится с вами кое-чем поделиться. Я, совсем как вы, делала открытия и строила планы и хочу обо всем вам немедленно рассказать. Знаете ли вы, каким образом сюда попали мисс Бейтс и ее племянница?

— Каким?.. Они ведь были приглашены?

— О да! Но знаете ли вы, как они сюда добрались?

— Полагаю, пешком. Как еще?

— Вот и я об этом подумала и поняла, как печально будет, если Джейн Фэрфакс и домой придется возвращаться пешком, а ночи сейчас холодные. К тому же посмотрите на нее: конечно, румянец ей невероятно к лицу, но ведь он значит, что она разгорячилась, а так легче простудиться. Бедняжка! Такой мысли я вынести не смогла и, как только мистер Уэстон вышел из столовой, поговорила с ним насчет нашего экипажа. Он меня, конечно, с готовностью поддержал, так что я сразу подошла к мисс Бейтс, чтобы предложить к их услугам повозку, наш кучер отвез бы сначала их, а потом и нас. Я подумала, что она будет рада знать это заранее. Добрая душа! Как она была признательна! Воскликнула: «Нет никого на свете счастливее меня!» — и тысячу раз меня

поблагодарила, но оказалось, что им ни к чему нас беспокоить, потому что сюда их привезли и назад отвезут в экипаже мистера Найтли. Как я удивилась! Обрадовалась, конечно, тоже, но удивилась — еще больше. Такая доброта, такая заботливая предупредительность! Не всякий мужчина догадается так поступить. А зная его привычки, я очень склонна полагать, что мистер Найтли вообще воспользовался экипажем исключительно ради них. Подозреваю, ради себя одного он не стал бы запрягать лошадей, так что это лишь предлог помочь дамам.

— Скорее всего, — согласилась Эмма, — очень даже вероятно. Только мистер Найтли способен на столь похвальный поступок, поистине добрый, внимательный и великодушный. Пускай он и не дамский угодник, но человек в высшей степени добросердечный. И, учитывая слабое здоровье Джейн Фэрфакс, его поступок не что иное, как проявление человеколюбия. Не знаю, кто еще умеет так ненавязчиво проявлять доброту. Я видела, что он сегодня не пешком, мы приехали одновременно. Я даже над ним подшутила, но он ни словом не выдал своих истинных намерений.

— Думаю, — с улыбкой продолжала миссис Уэстон, — вы усматриваете в этом поступке больше

простого бескорыстного великодушия, нежели я. Понимаете, когда я говорила с мисс Бейтс, мою голову посетила одна мысль, от которой я теперь никак не могу избавиться. Чем больше я думаю, тем более вероятной мне кажется одна догадка… Словом, по-моему, из мистера Найтли и Джейн Фэрфакс получилась бы хорошая пара. Видите, до чего доводит дружба с вами!.. Ну что вы скажете?

— Мистер Найтли и Джейн Фэрфакс! — воскликнула Эмма. — Милая моя миссис Уэстон, как вам вообще могло прийти такое в голову?.. Мистер Найтли!.. Как может мистер Найтли жениться!.. Не хотите же вы, чтобы маленький Генри лишился Донуэлла?.. Нет-нет, Донуэлл непременно должен унаследовать Генри. Я решительно не согласна, чтобы мистер Найтли женился, и я уверена, у него нет сих намерений. Удивительно, как вы могли что-то такое предположить.

— Эмма, милая, я уже сказала вам, что навело меня на такие мысли. Это ведь не мое желание, и я совсем не хочу навредить маленькому Генри, но обстоятельства говорят сами за себя. К тому же пожелай мистер Найтли жениться, неужели вы и впрямь стали бы его сдерживать ради шестилетнего мальчика, который ни о каком наследстве

даже не задумывается?

— Да, стала бы. Мне невыносима мысль о том, чтобы Генри притеснили… Мистер Найтли! Жениться!.. Нет-нет, никогда я такой мысли не допускала и не смогу с ней свыкнуться сейчас. И на ком! На Джейн Фэрфакс!

— А что? Вы прекрасно знаете, что он всегда относился к ней очень благосклонно.

— Но это же совсем неблагоразумно!

— Я и не говорю о том, что это благоразумно. Но вероятность есть.

— Не вижу никакой вероятности, по крайней мере не в тех доводах, что вы привели. Как я и говорила, с его добросердечием и великодушием неудивительно, что он предложил им свой экипаж. Мистер Найтли очень хорошо относится к Бейтсам и всегда рад оказать им внимание, и это никак не связано с Джейн Фэрфакс. Дорогая миссис Уэстон, не принимайтесь за сватовство. У вас плохо получается. Джейн Фэрфакс — хозяйка аббатства!.. Нет-нет, совершенно все во мне противится сей мысли. Ради его же блага я бы ни за что не позволила ему пойти на такое безумство.

— Неблагоразумие — возможно, но никак не безумство. За исключением неравенства состояний и, возможно, небольшой разницы в возрасте,

в их браке не было бы ничего необычного.

— Но мистер Найтли не хочет жениться. Я уверена, он об этом даже не думает. И вы его на такие мысли не наводи́те. С чего бы ему жениться?.. Он и так счастлив: у него есть его ферма, его овцы, его библиотека, он управляет целым приходом и к тому же обожает детей своего брата. Ему незачем жениться: и время, и сердце его прекрасно заняты и без того.

— Да, но, Эмма, милая, это пока он сам так считает. А если же он действительно любит Джейн Фэрфакс…

— Вздор! Его вообще не волнует Джейн Фэрфакс — по крайней мере точно не как предмет любви. Он всегда готов на добрые поступки ради нее и ее родственниц, но…

— Ну, что ж, — смеясь, заметила миссис Уэстон, — вероятно, самым добрым поступком с его стороны было бы сделать Джейн хозяйкой своего почтенного дома.

— Самым добрым для нее, но для него — отнюдь. Союз постыдный и унизительный. Каково было бы ему состоять в родстве с мисс Бейтс?.. И целыми днями терпеть ее в аббатстве, выслушивать оды своей доброте и бесконечные благодарности за то, что он женился на Джейн. «Как мило, как

любезно с вашей стороны!.. Ах, впрочем, вы всегда были столь к нам добры, у нас самые лучшие соседи!» А потом на середине предложения начнет про старую юбку своей матушки: «Не такая уж она и старая, еще немного прослужит, ах, как хорошо, как замечательно, что у нас все юбки такие прочные».

— Эмма, постыдитесь! Не передразнивайте ее. Вы смешите меня против моей воли и совести! И знаете, не думаю, что мистеру Найтли сильно надоедала бы мисс Бейтс. Он вообще не склонен раздражаться по мелочам. Она бы болтала и болтала, а захотел бы он что-то сказать, то просто заговорил бы громче ее. Но вопрос, однако, совсем не в том, подходящий это союз или нет, а в том, желает ли его мистер Найтли, и я полагаю, что да. Мне — уверена, и вам тоже — не раз доводилось слышать, как высоко он отзывается о Джейн Фэрфакс! Сколько он проявляет к ней внимания, как волнуется о ее здоровье, как печалится о ее судьбе! И всегда говорит обо всем этом с таким чувством!.. Так восхищается ее игрой на фортепиано, ее голосом! Он как-то даже говорил, что готов был бы слушать ее вечно. Ах да! Чуть не забыла еще одну мысль, которая меня посетила. Новое фортепиано… Мы-то все решили, что подарок

прислали Кэмпбеллы, но вдруг это был мистер Найтли? По-моему, сие очень вероятно. Поступок как раз в его духе, даже если он и не влюблен.

— Тогда это и не доказательство его любви. Но я уверена, что он бы на такое не пошел. Мистер Найтли не любит таинственность.

— Я не раз слышала, как он сокрушается, что у нее нет инструмента. Кажется, он думал об этом чаще, чем стал бы при обычном положении дел.

— Ну хорошо, но даже если бы он и решил сделать ей подарок, то сказал бы об этом прямо.

— Милая Эмма, это ведь дело весьма деликатное. Я твердо убеждена, что фортепиано от него. Когда за столом миссис Коул начала нам о нем рассказывать, мистер Найтли как-то подозрительно притих.

— Миссис Уэстон, вы себе что-то выдумали и чересчур этой мыслью увлеклись, хотя всегда сами меня за подобное поведение упрекаете. Не вижу я никаких признаков любви и не верю, что фортепиано прислал он. Лишь доказательства смогут убедить меня в том, что мистер Найтли допускает мысль о женитьбе на Джейн Фэрфакс.

Они еще некоторое время проспорили в том же духе, причем миссис Уэстон, привыкшая уступать, постепенно сдавалась под напором Эммы.

Когда гости вдруг закопошились, подруги поняли, что чай окончен и готовят рояль. К ним подошел мистер Коул и попросил мисс Вудхаус оказать им честь и что-нибудь исполнить. К нему с не менее настоятельной просьбой присоединился Фрэнк Черчилль, которого Эмма в пылу беседы с миссис Уэстон потеряла из виду, заметив только, что он, кажется, нашел себе место рядом с мисс Фэрфакс. Поскольку Эмме во всех отношениях было удобнее начать первой, она любезно согласилась.

Она прекрасно знала свои пределы и потому не пыталась исполнять то, на что у нее не хватило бы таланта. Эмма живо и со вкусом играла несколько легких и всем известных мелодий и хорошо себе аккомпанировала. К одной из песенок, к ее приятному удивлению, присоединился тихий, но приятный голос Фрэнка Черчилля. Когда Эмма доиграла, он по всем правилам принялся вовсю извиняться, а затем последовало все то, что не могло не последовать. Его засыпали комплиментами, обвиняли в том, что он до сих пор прятал такой чудесный голос, такой талант! Фрэнк Черчилль, как полагается, все отрицал, заявлял, что ничего не смыслит в музыке, что совершенно лишен голоса. Они спели вместе еще одну песню, а затем Эмма уступила место за инструментом

мисс Фэрфакс, чьи таланты и в пении, и в игре бесконечно превосходили ее собственные — в этом Эмма никогда не обманывалась.

Со смешанными чувствами она заняла место немного поодаль от остальных и стала слушать. Фрэнк Черчилль снова пел. Оказалось, в Уэймуте им с мисс Фэрфакс уже доводилось пару раз выступать вместе. Однако, заметив, с каким пристальным вниманием слушает дуэт мистер Найтли, Эмма тут же вспомнила слова миссис Уэстон и погрузилась в размышления, почти не обращая внимания на сладкое пение. Мысли о возможной женитьбе мистера Найтли вызывали в Эмме лишь возмущение — не могло быть в ней ничего хорошего. Брак старшего брата немало расстроит мистера Джона Найтли, а следовательно, и Изабеллу. Он причинит великий вред детям — унизительную потерю имущества, не меньший вред ее батюшке — нарушив привычный распорядок его дня, ну а что до Эммы, то ей была невыносима сама мысль, что Джейн Фэрфакс может стать хозяйкой Донуэлла. Миссис Найтли, которой все они должны будут уступить!.. Нет! Мистер Найтли не может жениться. Донуэлл должен унаследовать маленький Генри.

Через некоторое время мистер Найтли обернул-

ся и пересел к ней. Сначала они говорили только о выступлении. Разумеется, он с большим восхищением отзывался о мисс Фэрфакс, однако Эмма понимала, что если бы не предположения миссис Уэстон, то она бы об этом даже не задумалась. Из интереса она заговорила о его добром поступке по отношению к мисс Бейтс и ее племяннице. Судя по его односложному ответу, мистер Найтли явно не желал уделять этому внимание, но Эмма осталась уверена, что подобное отношение говорит лишь о его скромном стремлении совершать добро не ради почестей.

— Я зачастую жалею о том, — продолжала она, — что не осмеливаюсь и наш экипаж использовать по таким случаям. Не потому, что не хочу, но вы же знаете, как мой батюшка расстроится, если мы станем чересчур утруждать Джеймса.

— Разумеется, об этом не может быть и речи, но я уверен, что вам, должно быть, часто приходится сдерживать подобные порывы, — с улыбкой отозвался он, испытывая, казалось, явное удовольствие от ее заверений, так что Эмма отважилась сделать еще один шаг.

— Как любезно было со стороны Кэмпбеллов сделать такой чудесный подарок! Фортепиано!

— Да, — согласился мистер Найтли без како-

го-либо смущения, — но лучше бы они предупредили о нем заранее. Сюрпризы — это сущая глупость. Удовольствия от них больше не становится, а вот неудобство может выйти немалое. От полковника Кэмпбелла я ожидал большего здравомыслия.

После такого ответа Эмма готова была поклясться, что мистер Найтли к подарку не имеет никакого отношения. Однако не так скоро развеялись другие сомнения: она пока не понимала, чувствует ли он особое расположение к известной особе, питает ли к ней нежные чувства. К концу второй песни голос Джейн немного охрип.

— Ну и хватит, — заметил мистер Найтли, размышляя вслух, — вы и так уже много сегодня пели, теперь лучше поберегите голос.

Однако вскоре гости запросили еще одну песенку. Всего лишь одну! Они ни в коем случае не хотят утомлять мисс Фэрфакс, но просят исполнить только одну, последнюю песню. Слышно было, как Фрэнк Черчилль сказал:

— Вот с этой вы без усилий справитесь, партия первого голоса совсем простенькая. Все трудности у второго.

Мистер Найтли рассердился.

— Этому фертику на все наплевать, лишь бы

порисоваться! Так не пойдет, — вознегодовал он и обратился к проходящей мимо мисс Бейтс: — Мисс Бейтс, вы что, позволите племяннице охрипнуть от пения? Пойдите и вмешайтесь. Они ее не щадят.

Мисс Бейтс так разволновалась за Джейн, что едва успела пролепетать слова благодарности, тут же поспешив к остальному обществу, чтобы положить пению конец. На этом концерт закончился, поскольку из юных дам больше никто не играл, однако не прошло и пяти минут, как откуда-то возникла мысль устроить танцы. Мистер и миссис Коул ее тут же поддержали и распорядились вынести лишнюю мебель и освободить в комнате необходимое место. Через мгновение за роялем сидела миссис Уэстон, превосходная исполнительница контрдансов, и играла какой-то веселый вальс. Фрэнк Черчилль с примернейшей учтивостью подошел к Эмме, подал ей руку и повел в центр залы.

Пока остальные молодые гости собирались в пары, Эмма, рассеянно слушая комплименты своему голосу и своей игре, искала взглядом мистера Найтли. Сейчас все станет ясно. Обычно он не танцевал. Ежели он сейчас поспешит пригласить Джейн Фэрфакс, то это будет значить только

одно. Однако мистер Найтли и не думал никого приглашать. Нет, он разговаривал с миссис Коул, совершенно безучастно наблюдая за происходящим. Джейн пригласил кто-то другой, а он все так же беседовал с миссис Коул.

Больше Эмма за маленького Генри не беспокоилась, ничто не угрожало его интересам. Она с подлинным воодушевлением и радостью открыла бал. Собралось всего лишь пар пять, однако Эмма получала истинное удовольствие от столь редкого и к тому же неожиданного события, а уж какой ей достался кавалер! Их парой невозможно было не залюбоваться.

К несчастью, получилось провести всего лишь два танца. Становилось поздно, и мисс Бейтс, беспокоясь о матушке, засобиралась домой. После нескольких неудачных попыток продолжить танцы им оставалось лишь поблагодарить миссис Уэстон и с печальным видом разойтись.

— Возможно, это и к лучшему, — заметил Фрэнк Черчилль, провожая Эмму к ее экипажу. — Иначе мне пришлось бы приглашать мисс Фэрфакс, а после танцев с вами ее безжизненная манера не принесла бы мне никакого удовольствия.

Глава IX

Эмма нисколько не жалела, что снизошла до визита к Коулам. На следующий день она счастливо предавалась воспоминаниям о проведенном у них вечере, и все преимущества, которых она, возможно, лишилась, отказавшись от гордого одиночества, с лихвою возмещались радостным осознанием всеобщего признания. Она, верно, доставила великое удовольствие Коулам — и вполне заслуженно, они достойнейшие люди! — и на всех остальных произвела неизгладимое впечатление.

Но все же полное счастье, пускай даже в воспоминаниях, встречается редко, и по двум поводам Эмма ощущала некоторое беспокойство. Во-первых, она сомневалась, стоило ли ей делиться с Фрэнком Черчиллем своими подозрениями об истинных чувствах Джейн Фэрфакс, не нарушила ли она негласный долг женщины перед другой женщиной. Едва ли она поступила правильно, но в тот момент мысли о чужой тайне так сильно овладели ее разумом, что слова невольно слетели с губ, а его готовность во всем с ней согласиться была столь лестной, что Эмма даже не могла ска-

зать с точностью, следовало ли ей промолчать.

Второй повод также был связан с Джейн Фэрфакс, однако здесь сомнениям места не было. Эмма решительно и искренне сожалела, что играет и поет гораздо хуже Джейн. Она всем сердцем сокрушалась, что в детские годы чересчур ленилась, и теперь, сев за инструмент, усердно прозанималась полтора часа.

Прервал ее приход Харриет. Если бы похвалы подруги Эмма ценила больше, то вскоре бы успокоилась.

— Ах! Вот бы и мне играть так хорошо, как вы и мисс Фэрфакс!

— Харриет, не ставьте нас рядом. Моя игра по сравнению с Джейн все равно что светильник по сравнению с солнцем.

— Ах, что вы! По-моему, вы играете лучше. Я уверена, что точно не хуже. Мне больше нравится слушать вас. Все вчера говорили, что вы прекрасно играете.

— Те, кто хоть немного разбирается в музыке, наверняка почувствовали разницу. Понимаете, Харриет, я играю неплохо и заслуживаю похвалы, но игра Джейн Фэрфакс просто-напросто выше всяческих похвал.

— И все равно я думаю и всегда буду думать, что

вы играете ничуть не хуже, а если и есть какая-то разница, то никто никогда ее не заметит. Мистер Коул сказал, что вы играете с большим чувством, и мистер Фрэнк Черчилль много говорил о вашей выразительности и добавил, что для него чувство гораздо важнее техники.

— Да, но, Харриет! В игре Джейн Фэрфакс есть и то, и другое.

— Разве? Технику я заметила, но про чувство не поняла. О нем никто не говорил. И я терпеть не могу эти итальянские песни, ни словечка не поймешь. И потом, если она и впрямь так уж хорошо играет, то ведь это, знаете ли, так и полагается — вскоре ей придется самой давать уроки. Сестры Кокс вчера гадали, в хорошее ли семейство она попадет. Кстати, как, по-вашему, они вчера выглядели?

— Как всегда — неотесанно.

— Они мне кое-что рассказали, — нерешительно проговорила Харриет, — хотя это не так уж важно.

Эмме ничего не оставалось, как спросить, что же они рассказали, всем сердцем понадеявшись, что речь пойдет не о мистере Элтоне.

— Они рассказали… что в прошлую субботу с ними обедал мистер Мартин.

— О!

— Он пришел по делу к их отцу, и тот пригласил его остаться на обед.

— О!

— Они очень много о нем говорили, особенно Энн Кокс. Зачем-то она меня спрашивала, собираюсь ли я гостить у Мартинов следующим летом.

— Затем, что она до неприличия любопытна, а чего еще можно было ожидать от такой особы, как Энн Кокс.

— Она сказала, что он был весьма любезен. За обедом сидел рядом с ней. Мисс Нэш говорит, что любая из сестер Кокс с радостью выйдет за него замуж.

— Вполне вероятно. Они, без сомнения, самые неотесанные девицы в Хайбери.

Харриет нужно было зайти к Форду. Эмма решила, что благоразумнее всего будет отправиться с нею. В ее нынешнем состоянии случайная встреча с Мартинами могла быть опасной.

Харриет всегда заходила в магазин надолго: она заглядывалась на все подряд и меняла решение от любого услышанного полуслова. Пока она в нерешительности перебирала муслины, Эмма, чтобы хоть немного развлечься, отошла к дверям. Даже на самой оживленной улице Хайбери

людей было не так уж много, и в лучшие дни здесь можно было увидеть, как куда-то спешит мистер Перри, в свою контору заходит мистер Уильям Кокс, с прогулки ведут лошадей мистера Коула да заплутавший рассыльный проезжает на своем упрямом муле. Поэтому, когда ее взору предстали лишь мясник со своим лотком, опрятная старушка, которая спешила из лавки с полной корзинкой, две дворняги, которые сгрызлись за грязную косточку, да ватага праздных ребятишек, столпившихся у витрины булочной поглазеть на имбирные пряники, Эмма знала, что жаловаться нечего, радовалась даже тому, что видела, и продолжала стоять у дверей. Живой и веселый ум всегда найдет, как себя развлечь, и довольствуется малым.

Она перевела взгляд на дорогу из Рэндаллса и заметила два новых действующих лица: миссис Уэстон и ее пасынок шли в сторону Хайбери, а значит, конечно же, в Хартфилд. Правда, сначала они сделали остановку у миссис Бейтс, домик которой стоял к Рэндаллсу чуть ближе, чем магазинчик Форда. Едва только они собирались постучать, как заприметили с другой стороны дороги Эмму и тут же подошли. После столь приятного вечера было необычайно радостно

встретиться вновь. Миссис Уэстон сообщила, что идет к Бейтсам послушать новый инструмент.

— Поскольку мой спутник утверждает, — объясняла она, — что вчера вечером я определенно пообещала мисс Бейтс заглянуть к ним сегодня. Я сего даже не помню. Мне казалось, что день я не называла, однако раз он так говорит, то обещание следует сдержать.

— А пока миссис Уэстон наносит визит Бейтсам, — сказал Фрэнк Черчилль, — мне, надеюсь, будет позволено присоединиться к вам и подождать ее в Хартфилде, если вы сейчас идете домой.

Миссис Уэстон огорчилась.

— Я думала, вы пойдете со мной. Они бы так обрадовались.

— Я? Да я ведь буду только мешаться. Хотя, вероятно, я и здесь буду мешаться? Кажется, мисс Вудхаус не слишком хочет моего общества. Тетушка всегда отсылает меня, когда идет за покупками. Говорит, что я только под ногами путаюсь, вот и мисс Вудхаус словно готова сказать то же самое. Как же мне быть?

— Я здесь не по своим делам, — отвечала Эмма, — а всего лишь жду подругу. Скоро она освободится, и мы пойдем домой. Но вам все же

лучше отправиться с миссис Уэстон и послушать инструмент.

— Что ж, раз вы так считаете… Но вдруг, — с улыбкой продолжал он, — полковник Кэмпбелл поручил дело безответственному другу и звук у фортепиано плохой? Что же я тогда скажу? Как поддержу миссис Уэстон? Без меня она лучше справится. Из ее уст горькая правда прозвучит мягко, я же совершенно не умею лукавить даже из приличия.

— Ни за что не поверю, — возразила Эмма. — Уверена, когда необходимо, вы не хуже ваших соседей умеете покривить душой. Однако причин полагать, что инструмент звучит плохо, нет. Как раз напротив — если я верно поняла вчера слова мисс Фэрфакс.

— Прошу, пойдемте же со мной, — сказала миссис Уэстон, — если вас это не сильно затруднит. Долго мы не задержимся. А после пойдем в Хартфилд. Встретимся с девочками в Хартфилде. Мне очень хочется, чтобы вы зашли вместе со мной. Для них ваше внимание будет столь много значить! И я думала, вы и так собираетесь зайти.

Больше он не сопротивлялся и, выразив надежду в качестве награды посетить потом Хартфилд, вернулся с миссис Уэстон к дверям миссис Бейтс.

Эмма проводила их взглядом и вернулась к стоявшей у злосчастного прилавка Харриет, чтобы всеми своими силами попытаться убедить ее, что нечего смотреть на муслин с узором, ежели ей нужен простой, без рисунка, и что голубая лента, будь она хоть самой красивой на свете, никак не подойдет к выбранной ею желтой ткани. Наконец они оплатили покупку и даже обсудили, куда ее доставить.

— Мисс Смит, прикажете доставить к миссис Годдард? — спросила миссис Форд.

— Да! Нет… Да, к миссис Годдард. Вот только выкройка у меня в Хартфилде… Нет, лучше в Хартфилд, если вам нетрудно… Но ведь миссис Годдард тоже захочет все посмотреть… А выкройку я всегда могу забрать домой… Но лента понадобится мне сразу, так что ее надо в Хартфилд — по крайней мере, ленту точно в Хартфилд. Миссис Форд, нельзя ли отправить ленту в Хартфилд, а остальное — к миссис Годдард?

— Харриет, зачем вам две посылки? Не стоит доставлять миссис Форд столько хлопот.

— Да, верно, не стоит…

— Что вы, мисс, вы ничуть меня не утруждаете, — сказала услужливая миссис Форд.

— Да-да, лучше упаковать все вместе. Тогда

отправьте все, пожалуйста, к миссис Годдард… хотя не знаю… Или, может, лучше в Хартфилд, а вечером я сама отнесу все домой. Мисс Вудхаус, что бы вы посоветовали?

— Чтобы вы не тратили на сие больше ни секунды. Миссис Форд, в Хартфилд, пожалуйста.

— Да, верно, так будет лучше, — успокоилась наконец Харриет. — Нет никакого толку отправлять что-то к миссис Годдард.

Тут с улицы послышались голоса, а вернее, один голос: это к магазину подошли миссис Уэстон и мисс Бейтс.

— Дорогая мисс Вудхаус, — затараторила последняя, — я прибежала, чтобы попросить вас оказать нам милость зайти к нам хотя бы ненадолго и посмотреть наш новый инструмент. Вас и мисс Смит. Мисс Смит, как вы поживаете?.. И я замечательно, благодарю… Я и миссис Уэстон упросила пойти со мной, чтобы вы непременно согласились.

— Надеюсь, что миссис Бейтс и мисс Фэрфакс…

— В полном здравии, благодарю, благодарю. Матушка — просто замечательно, да и Джейн вчера вечером ничуть не простыла. А как мистер Вудхаус? Чудесно, чудесно, я за него очень рада!.. Миссис Уэстон сказала мне, что вы здесь, а я сразу

и говорю: ах! в таком случае немедленно нужно бежать, нужно пригласить мисс Вудхаус к нам, я уверена, она не откажет, и матушка будет так рада ее видеть, а какое у нас сейчас собралось приятное общество!.. И мистер Фрэнк Черчилль сказал: «Да-да, непременно позовите. Интересно будет узнать мнение мисс Вудхаус по поводу инструмента». Но, сказала я, нужно, чтобы кто-то из вас пошел со мной, так меня скорее ждет успех. И тогда он сказал: «Подождите минутку, сейчас я здесь закончу…» Мисс Вудхаус, представляете, он самым любезнейшим образом вызвался починить матушкины очки — из них утром выскочила заклепка. Как любезно! А то матушка не могла их даже надеть. Да, у каждого должны быть две пары очков, на всякий случай. Это Джейн сказала. Я сразу же хотела отнести их к Джону Сондерсу, да только все утро пришлось провозиться то с тем, то с другим — так, по мелочи, даже всего и не припомнишь… То Пэтти пришла и говорит, что надобно трубу на кухне прочистить. Ох, говорю я, Пэтти, ну к чему мне сейчас такие плохие новости, у вашей хозяйки заклепка из очков выскочила. То вдруг печеные яблоки принесли, миссис Уоллис прислала. Они — Уоллисы — всегда столь к нам внимательны, столь

любезны, хотя я слышала, говорят, что миссис Уоллис бывает невежлива и даже грубовата, но к нам она всегда неизменно внимательна и добра. И это вовсе не потому, что они так дорожат своими покупателями, мы ведь не так уж много хлеба покупаем. Нас всего трое, да сейчас еще Джейн, но она так мало ест, вы бы видели ее завтрак! Это какой-то ужас! Боюсь даже, как бы матушка не заметила… Я всегда то об одном заговорю, то о другом, и так кое-как завтрак и проходит. Зато примерно в середине дня ей всегда хочется есть, и ничего она не любит так сильно, как печеные яблоки, а это очень здоровая пища — я на днях у мистера Перри спросила, когда встретила его на улице. Не то чтобы я в этом сомневалась — сколько раз я слышала от мистера Вудхауса, что печеные яблоки очень полезны! Полагаю, мистер Вудхаус только в таком виде и может назвать фрукты полезными. Впрочем, Пэтти довольно часто запекает нам яблоки в тесте, они у нее получаются превосходно! Ну, миссис Уэстон, вы, кажется, добились успеха, и милые дамы примут наше приглашение.

Эмма отвечала, что, разумеется, будет очень рада повидать миссис Бейтс и так далее, и наконец-то они все стали выходить на улицу,

задержавшись лишь — к счастью, ненадолго — из-за очередной реплики мисс Бейтс:

— Миссис Форд, как поживаете? Прошу прощения, я вас совсем не заметила. Слышала, у вас сейчас появились новые очаровательные ленты? Джейн вчера вернулась домой в полном восторге. Ах, благодарю, перчатки чудесные, правда, в запястье чуть велики, но Джейн хочет их ушить… — и, оказавшись на улице, продолжала: — Так о чем я там говорила?

«Интересно, — подумала Эмма, — что именно из всего этого попурри следует ей назвать?»

— Решительно не помню, о чем же я говорила… Ах да! Матушкины очки! Так любезно со стороны мистера Фрэнка Черчилля! «Знаете, — говорит он, — а ведь, пожалуй, я и сам смогу их починить. Я такую работу очень люблю». Это его показывает с наилучшей… Должна признаться, я о нем была наслышана и многого ожидала, но он превосходит всякие… От всего сердца вас поздравляю, миссис Уэстон. Любой родитель таким сыном может… Так он и сказал: «Пожалуй, я и сам смогу их починить, я такую работу очень люблю». Навсегда запомню, как он это произнес. А когда я достала из буфета печеные яблоки с надеждой, что наши гости любезно согласятся

их попробовать, он тут же сказал: «О, ни один другой фрукт не сравнится с печеным яблоком, а яблок аппетитнее я даже и не видел прежде!» Это с его стороны было так… И я уверена, что это не просто пустые слова — судя по его тону! Яблоки и правда восхитительные, у миссис Уоллис они замечательно получаются, вот только для нас их пропекают два раза, а мистер Вудхаус взял с нас обещание пропекать трижды, но я надеюсь, мисс Вудхаус смилостивится и не выдаст нас. А сами яблоки как нельзя лучше подходят для запекания, это из Донуэлла присылает мистер Найтли. Он каждый год дарит нам целый мешок, и, вы знаете, только его яблоки — с одного из деревьев, а всего их у него два, по-моему, — только они хранятся так долго. Матушка говорит, что фруктовый сад Донуэлла славился еще во времена ее молодости. Но как же я удивилась на днях! Приходит как-то с утра мистер Найтли, а Джейн как раз ест эти яблоки, и что-то мы о них заговорили, о том, как она их любит, и тут он спросил, не закончились ли еще наши запасы, и говорит: «Уверен, что закончились, я пришлю вам еще. У меня сейчас яблок куда больше, чем мне самому нужно. Уильям Ларкинс в этом году оставил мне гораздо больше обычного. Я вам пришлю, пока они про-

сто-напросто не испортились». Я ему говорю: что вы, что вы, не стоит! хотя запасы у нас и правда кончаются, осталось где-то с полдюжины, но они все припасены для Джейн, но я никак не могу злоупотреблять вашей щедростью, и Джейн со мной согласилась. А когда он ушел, она со мной почти поссорилась — хотя нет-нет, «поссорилась» — это неверное слово, мы никогда не ссоримся, но она жутко расстроилась, что я призналась, будто яблоки и правда почти закончились. Сказала, мол, надо было его убедить, что у нас еще много. Но, милая, говорю я, ведь я и старалась его убедить изо всех сил. И вот вечером того же дня приходит Уильям Ларкинс с огромной корзиной яблок — не меньше бушеля[9], и того самого сорта. Я была так благодарна! И я спустилась, и поговорила с Уильямом Ларкинсом, и поблагодарила его от всей души — все как полагается. Уильям Ларкинс — наш давнишний знакомый! Я всегда так рада его видеть. Но потом оказалось, что Уильям рассказал нашей Пэтти, что у его хозяина не осталось больше ни яблочка этого сорта, он все прислал нам, и теперь ему не то что не сварить варенья, но даже и запечь нечего. Уильяму-то

---

[9] Примечания: 9

Бушель — единица объема, равная 36 литрам.

все равно, наоборот — он радовался, что удалось продать столько яблок, он всегда думает лишь о том, чтоб доходы его хозяина росли, а вот миссис Ходжис, он сказал, была очень недовольна. Ей невыносима мысль, что хозяин останется теперь без весеннего яблочного пирога. Уильям это все рассказал Пэтти, но попросил не волноваться и ничего никому не говорить, а то ведь миссис Ходжис вообще любит поворчать. Но раз столько мешков продано, то есть ли разница, кто доест остатки… А Пэтти рассказала все мне, и как это меня потрясло! Ах, только бы мистер Найтли ничего не узнал! Он бы так… Я и Джейн говорить не хотела, но, на беду, случайно проболталась.

Мисс Бейтс как раз договорила, когда Пэтти открыла дверь, так что, поднимаясь по лестнице, гостьи были избавлены от ее беспрерывного повествования — вместо этого мисс Бейтс то и дело причитала:

— Миссис Уэстон, прошу вас, будьте осторожны, на повороте ступенька. Мисс Вудхаус, пожалуйста, будьте внимательны, у нас на лестнице ужасно темно и так узко! Мисс Смит, прошу, будьте осторожны. Мисс Вудхаус, вы не ушиблись? Ах, как я волнуюсь! Мисс Смит, на повороте ступенька.

Глава X

Когда они вошли, гостиная дышала спокойствием: миссис Бейтс, лишенная своего обычного занятия, дремала у камина, за столиком рядом с нею Фрэнк Черчилль старательно чинил ее очки, а у фортепиано спиной к ним стояла задумчивая Джейн Фэрфакс.

Впрочем, как бы ни был молодой человек занят работой, при виде Эммы он просиял.

— Какое удовольствие, — негромко сказал он, — вы на десять минут раньше, чем я рассчитывал. Видите, стараюсь быть полезным, как думаете, получится у меня?

— Как! — воскликнула миссис Уэстон. — Вы все еще не закончили? Да уж, сей работой, дорогой мастер, вы себе хлеб не заработаете.

— Я не все это время работал, — отозвался он. — Я еще помогал мисс Фэрфакс поставить фортепиано устойчивее, а то оно немного покачивалось, наверное, пол неровный. Видите, мы под одну ножку листочек подложили. Как любезно с вашей стороны было зайти. А я все побаивался, что вы заспешите домой.

Он умудрился усадить Эмму возле себя и, пока

Джейн Фэрфакс готовилась снова сесть за фортепиано, принялся сначала выбирать для Эммы самое красивое печеное яблочко, затем просить ее помощи и советов в своей работе над очками… Неудивительно, решила Эмма, что Джейн не может начать играть сразу же: должно быть, она еще не совсем свыклась с инструментом и с чувствами, которые с ним связаны, перед игрой ей нужно взять себя в руки. Такие мысли не могли не вызвать в Эмме сострадание, и она дала себе слово больше никогда не изобличать Джейн Фэрфакс перед своим соседом.

Наконец Джейн заиграла. Первые ноты были взяты неуверенно, однако постепенно ее игра полностью раскрыла прекрасное звучание инструмента. Восторгу уже до этого очарованной миссис Уэстон не было предела, и Эмма присоединилась к ее похвалам. Воздав почести достоинствам фортепиано, все согласились, что инструмент прекрасный.

— Полковник Кэмпбелл поручил выбор верному человеку, — улыбнувшись Эмме, сказал Фрэнк Черчилль, — фортепиано замечательное. В Уэймуте я не раз становился свидетелем прекрасного вкуса полковника, и уверен, что и он, и другие ваши знакомые, — эти последние слова

он выделил, — оценили бы особенную мягкость верхних нот. Осмелюсь предположить, мисс Фэрфакс, что он либо дал своему другу точнейшие указания, либо написал лично Бродвуду. А вам как кажется?

Джейн не обернулась. Вероятно, она его и не слышала. В тот момент с ней говорила миссис Уэстон.

— Вы несправедливы, — прошептала Эмма. — Я ведь просто наугад сказала. Не дразните ее.

Фрэнк покачал головой с улыбкой, в которой не было ни сомнений, ни жалости. Вскоре он начал снова:

— Как, должно быть, обрадуются ваши друзья в Ирландии, что смогли доставить вам такое удовольствие. Несомненно, они часто вас вспоминают и гадают, когда же, в какой же день привезут фортепиано. Как думаете, полковник Кэмпбелл знает точно, когда именно должны были выполнить его поручение? Распорядился он доставить инструмент в определенный день или просто указал, чтобы все сделали согласно с обстоятельствами?

В этот раз она уже не могла его не услышать, а потому не могла и не ответить.

— Пока я не получу письма от полковника Кэм-

пбелла, — с притворным спокойствием сказала она, — не могу ничего утверждать наверняка. До тех пор можно лишь гадать.

— Гадать… Да уж, иногда догадки оказываются верны, а иногда — нет. Я вот гадаю, скоро ли мне удастся починить сию заклепку. Видите, мисс Вудхаус, какую чепуху несет иногда человек, занятый работой… Хотя, полагаю, настоящий рабочий не треплется попусту, но мы, джентльмены-трудяги, как начнем говорить, так и… Мисс Фэрфакс что-то сказала о догадках… Все, готово. — Он обратился к миссис Бейтс: — Имею удовольствие вернуть вам ваши пока что снова целые очки.

Миссис Бейтс и ее дочь принялись так горячо его благодарить, что в надежде найти спасение от последней он подошел к фортепиано и попросил мисс Фэрфакс сыграть что-нибудь еще.

— Будьте так любезны, — сказал он, — сыграйте, пожалуйста, какой-нибудь вальс из тех, что мы танцевали вчера. Мне так хочется вновь пережить эти минуты. Вам они столько радости не доставили, вы мне все время казались уставшей и, полагаю, были только рады, что танцы так скоро прекратились, но я бы все на свете отдал еще хотя бы за полчасика.

Она сыграла.

— Истинное удовольствие — слушать мелодию, которая принесла столько счастья!.. Если не ошибаюсь, этот вальс танцевали и в Уэймуте?

Она быстро на него взглянула, густо покраснела и заиграла другой вальс. Взяв со стула возле фортепиано ноты, он подошел к Эмме:

— Вот это что-то новенькое. Узнаете?.. Крамер...[10] А вот еще новый сборник ирландских композиций. Выбор понятен, если вспомнить отправителя. Их прислали вместе с инструментом. Очень заботливо со стороны полковника Кэмпбелла, правда? Он знал, что у мисс Фэрфакс здесь нот может и не быть. Такое внимание к мелочам вызывает особое уважение, показывает, что подарок был сделан от всего сердца, а не второпях и кое-как. Только человек истинно любящий способен на подобную заботу.

Хоть Эмме и было совестно, что он изъясняется слишком недвусмысленно, его поведение не могло ее не развеселить. Когда же она взглянула на Джейн Фэрфакс и увидела, что за смущенным румянцем скрывается едва заметная восторженная улыбка, то уже не так стыдилась своего веселья

---

[10] Примечания: 10

Иоганн Баптист Крамер (1771–1858) — британский пианист и композитор.

и почти не корила себя за рассказанное Фрэнку Черчиллю. Эта благовоспитанная, праведная, безупречная Джейн Фэрфакс явно лелеет в душе весьма предосудительные чувства.

Он принес Эмме все ноты, и они стали вместе их просматривать. Воспользовавшись случаем, она прошептала:

— Ваши намеки чересчур ясны. Наверняка она все понимает.

— Я на это и надеюсь. Нисколько не стыжусь того, что хочу сказать.

— А мне немного стыдно. Лучше бы эта мысль никогда не приходила мне в голову.

— Я очень рад, что она все же пришла и что вы поделились ею со мной. Мне теперь ясны все ее странные взгляды и привычки. Это ей должно быть стыдно. Если она поступает дурно, то должна это понимать.

— Думаю, стыд ей не чужд.

— Незаметно. Она сейчас играет песню про Робина Адэра[11] — его любимую!

Через некоторое время мисс Бейтс, проходя мимо окна, увидела проезжающего верхом на лошади мистера Найтли.

---

[11] Примечания: 11

«Робин Адэр» — традиционная ирландская песня.

— Ах, право же, мистер Найтли!.. Я непременно должна с ним поговорить, должна поблагодарить его. Здесь окно открывать не стану, а то вы все простудитесь, пойду в матушкину комнату. Уверена, он согласится зайти, когда узнает, какое у нас нынче собралось общество. Как чудесно, что вы все встретились здесь! Какая честь для нашей маленькой гостиной!

Договаривала мисс Бейтс уже из соседней комнаты, где она тут же открыла окно и позвала мистера Найтли. Их разговор был слышен гостям столь отчетливо, словно мисс Бейтс никуда и не отходила.

— Здравствуйте, здравствуйте! Как поживаете? Мы — замечательно, благодарю! Очень признательны вам за вчерашний экипаж. Мы вернулись как раз вовремя, матушка не успела нас заждаться. Заходите к нам, прошу вас. Вы здесь встретите кое-каких друзей.

Так затараторила мисс Бейтс, но мистер Найтли, явно настроенный, чтобы и она его услышала, решительно и твердо отвечал:

— Мисс Бейтс, как ваша племянница? Я хотел бы справиться о здоровье всех вас, но прежде всего — вашей племянницы. Как мисс Фэрфакс? Надеюсь, не простудилась вчера? Как сегодня ее

самочувствие? Расскажите мне о мисс Фэрфакс.

И мисс Бейтс пришлось дать ему прямой ответ, не отвлекаясь ни на что другое. Остальные весело их слушали, а миссис Уэстон многозначительно взглянула на Эмму. Однако Эмма, отказываясь верить в ее предположения, лишь покачала головой.

— Мы так вам признательны! Так благодарны за ваш экипаж… — продолжила затем мисс Бейтс.

Он быстро прервал ее:

— Я еду в Кингстон. Вам что-нибудь нужно оттуда?

— Ах, право же! В Кингстон? Кажется, миссис Коул на днях упоминала, что ей нужно что-то в Кингстоне.

— У миссис Коул для этого есть слуги. Нужно ли что-нибудь вам?

— Нет, благодарю. Но прошу вас, зайдите к нам. Знаете, кто у нас сейчас? Мисс Вудхаус и мисс Смит, любезно зашли послушать новое фортепиано. Оставьте лошадь в «Короне» и заходите к нам.

— Что ж, — проговорил он задумчиво, — полагаю, пять минут не навредят.

— А еще у нас миссис Уэстон и мистер Фрэнк

Черчилль! Какое счастье, столько друзей!

— Впрочем, благодарю вас, но сейчас не могу. Сегодня у меня нет и двух свободных минут. Должен ехать в Кингстон как можно скорее.

— Ах, прошу вас! Они будут так рады вас видеть!

— Нет-нет, у вас и без меня полно гостей. Я в другой день зайду, послушаю фортепиано.

— Какая жалость! Кстати, мистер Найтли, чудесный вчера был вечер, просто замечательный! Вы когда-нибудь видели такие танцы? Не правда ли, очаровательно? Мисс Вудхаус и мистер Фрэнк Черчилль… Бесподобно!

— О да! Весьма очаровательно. Да и могу ли я с вами не согласиться, когда мисс Вудхаус и мистер Фрэнк Черчилль слышат сейчас каждое наше слово. И почему бы, — продолжил он, заговорив еще громче, — не упомянуть и мисс Фэрфакс? По-моему, мисс Фэрфакс прекрасно танцует, а миссис Уэстон по праву можно называть лучшей исполнительницей контрдансов во всей Англии. А теперь, ежели наши друзья признательны нам за сии комплименты, они тоже в ответ что-нибудь громко скажут про нас с вами, правда, я послушать не смогу — мне нужно ехать.

— Ах! Мистер Найтли, подождите, я хочу ска-

зать вам кое-что важное… Мы так потрясены! Мы с Джейн обе так потрясены! Ваши яблоки!

— Что такое?

— Подумать только! Вы прислали нам все свои яблоки. Вы ведь сказали, что вам их девать некуда, а теперь у вас ни одного не осталось. Мы так потрясены! Миссис Ходжис имеет полное право сердиться. Уильям Ларкинс об этом обмолвился. Не стоило вам, право же, не стоило. Ой! Он уехал. Не может слушать, как его благодарят. Я уж думала, он еще останется, вот и заговорила о… — Тут она вернулась назад в гостиную: — Меня постигла неудача. Мистер Найтли не смог зайти. Он едет в Кингстон. Он спросил у меня, может ли он что-нибудь…

— Да, мы слышали его любезное предложение, — сказала Джейн, — здесь все было слышно.

— Ах, милая! Разумеется, ведь и дверь была открыта, и окно, да и мистер Найтли так громко говорил. Наверняка вы все слышали. «Нужно ли вам что-нибудь в Кингстоне?» — спросил он, и я вспомнила… Ах, мисс Вудхаус, вы уже уходите? Вы ведь только пришли… Как любезно с вашей стороны!

Эмма решила, что пора идти домой, визит весьма затянулся. Миссис Уэстон взглянула на часы

— утро было уже почти на исходе — и сообщила, что и им с ее спутником тоже пора, чтобы успеть проводить двух подруг хотя бы до ворот Хартфилда и вовремя вернуться в Рэндаллс.

Глава XI

Иногда люди могут обходиться вообще без танцев. Известны даже случаи, когда молодые люди за много, много месяцев не посетили ни единого бала, причем без существенного ущерба для души и тела. Однако, едва только вспомнив, едва только испытав вновь — пускай даже на короткий миг — радость быстрого движения, редкий человек не запросит добавки.

Фрэнку Черчиллю довелось потанцевать в Хайбери однажды, и теперь его душа просила продолжения, а потому в тот вечер, когда мистера Вудхауса уговорили вместе с дочерью посетить Рэндаллс, последние полчаса молодые люди горячо строили планы на этот счет. Идея принадлежала Фрэнку, и он же в основном рвался воплотить ее в жизнь, Эмма же лучше его судила о возможных трудностях и хотя бы задавалась вопросами наподобие где провести бал и кого пригласить. Однако и ей хотелось вновь показать

обществу, как восхитительно танцуют вместе мистер Фрэнк Черчилль и мисс Вудхаус, к тому же в этом деле она могла, не краснея, сравнить себя с Джейн Фэрфакс, да, в общем-то, и просто, без всяких тщеславных помыслов хотелось потанцевать. Так что Эмма принялась помогать молодому человеку мерить комнату шагами, чтобы выяснить, много ли человек туда поместится, а потом так же измерять вторую, точно такую же гостиную в надежде, что, вопреки уверениям мистера Уэстона, она все же окажется чуточку побольше.

Первое предложение или, вернее, просьбу Фрэнка Черчилля продолжить танцы, начатые у мистера Коула, в Рэндаллсе, собрать то же общество и обратиться за помощью к той же пианистке встретили с полным одобрением. Мистер Уэстон загорелся сей мыслью, а миссис Уэстон с готовностью согласилась играть весь вечер, покуда танцорам не надоест. Тут все принялись подсчитывать, кто придет и сколько потребуется каждой паре места.

— Вы и мисс Смит, да еще мисс Фэрфакс — это трое, еще сестры Кокс — это пятеро, — повторялось из раза в раз. — Кроме того, двое Гилбертов, младший Кокс, мой отец, да я, да еще мистер

Найтли. Как раз хватит для приятнейшего вечера. Вы и мисс Смит да мисс Фэрфакс — трое. Сестры Кокс — пятеро. А для пяти пар места здесь больше чем достаточно.

Но вскоре от кого-то послышалось:

— А хватит ли здесь места для пяти пар? Мне кажется, нет.

А от другого:

— И потом, ради пяти пар даже не стоит что-либо затевать. Пять пар — это ничто, это совершенно несерьезно. Ну кто приглашает пять пар? Такое количество позволительно только для танцев внезапных, незапланированных.

Кто-то добавил, что скоро к мистеру Гилберту приезжает мисс Гилберт, его сестра, а значит, нужно пригласить и ее. Кто-то сказал, что, разумеется, в прошлый раз и миссис Гилберт не отказалась бы присоединиться к танцам, если бы ее кто-нибудь пригласил. Тут уж упомянули и второго из младших Коксов, и, наконец, мистер Уэстон вспомнил, что нужно позвать кое-каких дальних родственников да еще семейство одного старинного приятеля, которое нельзя забыть ни в коем случае. Так, пять пар стали уже десятью, и вновь вернулись заботы, как же их всех разместить.

Две гостиные находились ровно напротив друг друга. Было предложено открыть двери и таким образом сделать из комнат, соединенных коридором, одну общую залу. Казалось, лучше мысли у них еще не возникало, однако большинству и она не понравилась. Эмма заявила, что так будет неудобно, миссис Уэстон волновалась, где же тогда им всем ужинать, а мистер Вудхаус и вовсе не желал ничего слушать о подобной угрозе здоровью. Он так расстроился, что и рассуждать об этой затее дальше не стоило.

— Ах, нет! — сказал он. — Это просто верх неблагоразумия. Эмма такого не выдержит! У Эммы слишком слабое здоровье. Она подхватит ужасную простуду. И бедняжка Харриет тоже. И все вы. Миссис Уэстон, вы ведь сляжете в постель. Не позволяйте им затевать сие безумство. Ах, прошу вас, не позволяйте! — И, понизив голос, добавил: — Этот молодой человек в высшей степени безрассуден. Только не говорите его отцу, но его поведение оставляет желать лучшего. Он весь вечер чрезвычайно непредусмотрительно распахивает двери настежь. Совершенно не думает о сквозняках. Не хочу настраивать вас против, но поведение его оставляет желать лучшего!

Миссис Уэстон такой приговор расстроил. Она

прекрасно понимала, что мистер Вудхаус не шутит, и постаралась сказать все возможное, чтобы оправдать пасынка. Все двери тут же закрыли, идею с коридором забыли и вернулись к первоначальной мысли разместиться в одной комнате — в той, где они сейчас находились. Фрэнк Черчилль был настолько полон энтузиазма, что решительно уверял всех, будто этой гостиной, которую еще четверть часа назад некоторые называли маленькой даже для пяти пар, вполне хватит для десяти.

— Зачем нам столько лишнего места? — говорил он. — Это чрезмерная роскошь. Десять пар прекрасно здесь поместятся.

Эмма возразила:

— И как мы все сюда набьемся? Это же будет толпа! Какое удовольствие танцевать, когда и повернуться негде?

— Вы совершенно правы, — со всей серьезностью согласился он. — Ничего хуже быть не может.

Тем не менее он продолжил свои подсчеты и через некоторое время заявил:

— Я уверен, что для десяти пар места вполне хватит.

— Нет-нет, — продолжала Эмма, — где же ваш

здравый смысл? Какой ужас — стоять вплотную! Что может быть хуже, чем танцевать в толпе, да еще и в такой маленькой комнате!

— Вы совершенно правы, — ответил он, — полностью с вами согласен. Толпа в маленькой комнате — действительно! Мисс Вудхаус, вы столь точно несколькими словами нарисовали сию картину. Изумительный дар! И все же… Мы уже столько продумали, что жалко совсем отказываться от затеи. Батюшка огорчится… И вообще… Ну даже не знаю… Мне все же кажется, что десять пар здесь замечательно поместятся.

Эмма понимала, что все эти любезные отговорки — всего лишь проявление своенравия и что он скорее воспротивится всем разумным доводам, чем лишится удовольствия танцевать с нею, однако решила принять это как комплимент и простить все остальное. Если бы она подумывала выйти за него замуж, то, пожалуй, стоило бы задуматься и сделать выводы о его ценностях и особенностях характера, но при нынешних видах на их знакомство Эмма находила его вполне приятным молодым человеком.

На следующий же день с утра Фрэнк Черчилль явился в Хартфилд и предстал перед Эммой и мистером Вудхаусом с такой довольной улыбкой,

что сразу стало ясно: его планы ничуть не расстроились, напротив — оказалось, что он пришел рассказать им радостную весть.

— Ну, мисс Вудхаус, — начал он чуть ли не из дверей, — надеюсь, ваше желание потанцевать не угасло после ужасов маленьких комнат в батюшкином доме. Я пришел к вам с новым предложением! Это идея моего отца, и мы ждем лишь вашего одобрения, чтобы немедленно начать подготовку. Могу ли я надеяться на честь танцевать с вами первые два танца на нашем будущем маленьком балу, который состоится не в Рэндаллсе, а в заезжем доме «Корона»?

— «Корона»!

— Да! Если у вас и мистера Вудхауса нет возражений — полагаю, их нет, — то отец выражает надежду, что его друзья любезно согласятся на его приглашение провести вечер в «Короне», где он сможет обещать бóльшие удобства и не менее радушный прием, чем в Рэндаллсе. Он сам это предложил. Миссис Уэстон полностью с идеей согласна, если согласны вы. Это важно для нас всех. О! И вы были совершенно правы! Десять пар не поместились бы в Рэндаллсе. Это было бы ужасно! Просто кошмар! Я ведь понимал, что вы безусловно правы, но столь безумно хотел устро-

ить бал, что готов был согласиться на что угодно. Ну, подходящая замена? Согласны? Надеюсь, вы согласны?

— Полагаю, у сего плана не может быть возражений, ежели их нет у мистера и миссис Уэстон. По-моему, решение прекрасное, и лично я с удовольствием приму… Затея замечательная. Папа, как вам кажется, хорошее ведь решение?

Эмме пришлось еще несколько раз повторить и объяснить весь план, чтобы мистер Вудхаус все понял. Поскольку идея была чересчур нова, понадобилось немало похлопотать, чтобы его убедить.

— Ах, нет! — возражал мистер Вудхаус. — Решение вовсе не хорошее и не прекрасное, и план — ужасный, даже хуже предыдущего! В заезжих домах воздух сырой и вредный для здоровья, там никогда не проветривают как следует. В комнатах невозможно находиться. Уж если вам так хочется танцевать, голубушка, то лучше танцуйте в Рэндаллсе. В «Короне» я ни разу не был и даже хозяев не знаю. Нет-нет! План просто ужасный. Так все еще скорее простудятся.

— Кстати, сэр, я как раз хотел отметить, — начал Фрэнк Черчилль, — что одно из преимуществ «Короны» именно в том, что вероятность про-

студиться крайне мала — гораздо меньше, чем в Рэндаллсе. От такого положения дел, пожалуй, только мистер Перри расстроится.

— Сэр, — довольно горячо сказал мистер Вудхаус, — вы глубоко ошибаетесь, ежели принимаете мистера Перри за такого человека. Мистер Перри всегда жутко за нас волнуется, стоит кому-то заболеть. Однако я не могу понять, как зала в «Короне» может быть безопаснее, чем дом вашего отца.

— Все потому, сэр, что она больше батюшкиных гостиных. Нам даже окна открывать не придется, ни разу за вечер. А ведь, как вам известно, именно ужасная привычка открывать окна и впускать к разгоряченным телам холодный воздух и становится причиной всех бед.

— Открывать окна!.. Но, разумеется, мистер Черчилль, в Рэндаллсе никто бы и не вздумал открывать окна. Это верх неблагоразумия! Неслыханно! Танцевать с открытыми окнами!.. Я уверен, ни ваш батюшка, ни миссис Уэстон — бедная наша мисс Тейлор — такого бы не вынесли.

— Ох, сэр, но ведь бывает такое, что какой-нибудь неразумный юнец зайдет за штору да откроет окошко, а никто и не подозревает. Я и сам когда-то сим грешил.

— Неужели? Помилуйте! Никогда бы не поду-

мал. Впрочем, я живу далеко от света и часто поражаюсь тому, что узнаю. Однако это все меняет, и, может, когда мы хорошенько этот вопрос обсудим… Такие вещи требуют основательного размышления. Тут нельзя решать впопыхах. Если мистер и миссис Уэстон будут столь любезны зайти к нам как-нибудь утром, то мы сможем все обсудить и посмотреть, как нам лучше поступить.

— Увы, сэр, но мне скоро уезжать, и времени…

— Ах, времени сколько угодно! — перебила Эмма. — Мы все успеем обсудить. Спешка ни к чему. Папа, если бал все же состоится в «Короне», то будет очень удобно ставить лошадей. Это ведь совсем рядом с нашей конюшней.

— Да, голубушка, действительно. Это великое преимущество. Хотя Джеймс никогда и не жалуется, но лучше беречь лошадей, когда есть такая возможность. Если бы я только мог быть уверен, что комнаты у них хорошо проветриваются… Можно ли в этом доверять миссис Стоукс? Сомневаюсь. Я ее даже в лицо не знаю.

— Сэр, за это я могу ручаться — за всем проследит миссис Уэстон. Она будет руководить всем вечером.

— Вот видите, папа! Вам нечего волноваться,

наша милая миссис Уэстон — сама осмотрительность. Помните, когда у меня в детстве была корь, мистер Перри сказал: «Раз уж Эмму будет укутывать сама мисс Тейлор, то вам и бояться нечего». Сколько раз вы вспоминали сии добрые похвальные слова!

— Верно, верно. Мистер Перри так и сказал. Никогда не забуду. Ах, моя малышка! Как тебе плохо было от кори — а вернее, как тебе было бы плохо, если бы не забота Перри. Целую неделю заходил к нам по четыре раза на дню! Он сразу сказал, что ты легко поправишься, нас это очень успокоило… Но вообще корь — ужасная болезнь. Надеюсь, когда у бедняжки Изабеллы малыши заболеют корью, она пошлет за Перри.

— Отец и миссис Уэстон сейчас в «Короне», — продолжал Фрэнк Черчилль, — проверяют, как там все устроено, а я оттуда сразу поспешил в Хартфилд, чтобы поскорее узнать ваше мнение и пригласить присоединиться к ним и обсудить все на месте — надеюсь, вы не откажете. Это их общее желание. Они были бы очень рады, если бы вы согласились вернуться со мной. Без вас им не справиться.

Эмма с величайшим удовольствием откликнулась на такое приглашение и, оставив батюшку

все обдумывать, без промедления отправилась с молодым человеком в «Корону». Там их ждали мистер и миссис Уэстон, которые были невероятно рады увидеть Эмму и получить ее одобрение. Оба они были заняты делом и счастливы, каждый по-своему: миссис Уэстон в хлопотах и размышлениях, а мистер Уэстон в полном восторге от выбранного места.

— Эмма, — сказала она, — стены хуже, чем я ожидала. Взгляните! Обои ужасно грязные, а панели желтые и обшарпанные. Я такого и вообразить не могла.

— Дорогая, вы чересчур придираетесь, — заметил ее супруг. — Какое все это имеет значение? При свечах ничего не будет заметно. Вам покажется, что здесь так же чисто, как в Рэндаллсе. Когда мы здесь играем, на стены никто и не обращает внимания.

Дамы обменялись взглядами, в которых читалось: «Мужчинам что грязно, что чисто — все одно». А джентльмены, вероятно, подумали: «Вечно женщины волнуются о всякой бессмысленной чепухе».

Но кое-какой трудностью не могли пренебречь даже джентльмены. Все дело было в столовой. В то время, когда устраивали залу, ужинать на балу

было не принято, а потому к ней пристроили только маленькую игорную комнатку. Что же было делать? Комнатка понадобится для того, для чего она и предназначена, — игры в карты, и даже если бы они вчетвером сейчас решили, что от карт можно и отказаться, она все равно слишком мала для грядущего ужина. Можно было бы воспользоваться еще одной комнатой побольше, но она находилась в другом конце дома, и вел туда длинный неудобный коридор. В этом и состояла трудность. Миссис Уэстон опасалась, что в коридоре молодые люди попадут под сквозняк, а Эмме и джентльменам претила мысль об ужине в тесной комнатушке.

Миссис Уэстон предложила вообще не устраивать ужин, а довольствоваться всевозможными закусками, накрытыми в маленькой комнате, но ее предложение сочли неприемлемым. Как это — устроить танцевальный вечер и не сесть с дорогими гостями за стол? Да это же просто позорная насмешка над правами мужчин и женщин, пускай миссис Уэстон больше и думать о таком не смеет! Тогда она попыталась сделать другое предложение и, заглянув в ту самую комнатку, заметила:

— А не так уж она и мала. Нас ведь и будет

совсем немного.

Одновременно с ней оживленный мистер Уэстон, меривший широкими шагами коридор, крикнул:

— Дорогая, коридор не такой уж и длинный, как вы говорите, да и с лестницы совсем не задувает.

— Вот бы знать наверняка, что бы предпочли наши гости, — сказала миссис Уэстон. — Нужно сделать так, как понравилось бы большинству — вот только как именно?

— Да, верно-верно! — воскликнул Фрэнк. — Вы хотите знать мнение своих соседей — понятное дело. Хотя бы самых главных… Коулов, например. Кстати, они ведь здесь недалеко живут. Позвать их? Или мисс Бейтс? Она даже ближе. По-моему, она лучше всех может судить о предпочтениях других соседей. Полагаю, нам нужно расширить наш совет. Мне сходить за мисс Бейтс?

— Да… Окажите милость, — довольно нерешительно отозвалась миссис Уэстон. — Если вам кажется, что она сможет нам помочь…

— От мисс Бейтс вы ничего не добьетесь, — сказала Эмма. — Она осыплет вас восторгами и благодарностями, но ничего дельного не скажет. Даже ваших вопросов слушать не станет. Не понимаю, зачем ее звать.

— Но какая же она забавная! Обожаю ее слушать. И потом, нам ведь не нужно здесь все их семейство.

Тут из коридора вернулся мистер Уэстон и, услышав предложение сына, решительно его одобрил:

— Да, Фрэнк, позови ее. Сходи за мисс Бейтс, и скорее с этим покончим. Уверен, ей наш план понравится. Уж у нее-то следует поучиться, как справляться с трудностями. А то мы что-то совсем раскапризничались. Она ходячий пример того, как быть счастливым. Только приведи их обеих. Позови обеих.

— Обеих, сэр! Но сможет ли старушка…

— Да какая старушка! Нет, я о молодой особе. Фрэнк, ну какой болван приведет тетку без племянницы?

— А! Прошу прощения, сэр, я сразу и не понял. Разумеется, раз вы так желаете, то я постараюсь уговорить их обеих, — бросил он и тут же убежал.

Задолго до того, как он вернулся в сопровождении семенящей за ним маленькой опрятной тетушки и ее утонченной племянницы, миссис Уэстон, будучи женой хорошей и покладистой, изучила коридор еще раз и пришла к тому заклю-

чению, что все не так плохо, как ей показалось сначала, и так они и избавились от мук выбора. Все остальное, по крайней мере в теории, складывалось как нельзя удачнее. Все незначительные вопросы по поводу стола и стульев, света и музыки, чая и ужина решились сами либо были оставлены на суд миссис Уэстон и миссис Стоукс. Все приглашенные обязались прийти, а Фрэнк уже написал в Анском, что намеревается остаться еще на несколько дней сверх своих положенных двух недель, и отказа не ожидал. Вечер обещал быть восхитительным.

С этим радостно согласилась и мисс Бейтс. Разумеется, советы ее уже были не нужны, однако одобрение — вещь гораздо более безопасную — все встретили с удовольствием. Ее неиссякаемые и теплые похвалы всему в общем и в частностях не могли их не осчастливить, и еще полчаса вся компания ходила туда-сюда по комнатам: кто-то вносил новые предложения, кто-то просто слушал, и все они с радостью предвкушали грядущий вечер. Прежде чем они разошлись, герой вечера взял с Эммы обещание заполучить два первых танца, и она услышала, как мистер Уэстон прошептал своей супруге:

— Дорогая, он ее ангажировал. Да-да. Я так и

знал!

Глава XII

Бал был спланирован лучшим образом, но Эмме для полного счастья не хватало одного — чтобы он состоялся прежде, чем истекут две недели, первоначально отведенные Фрэнку Черчиллю на его поездку в Суррей. Несмотря на полное спокойствие мистера Уэстона, она опасалась, что Черчилли не позволят племяннику задержаться даже на день сверх оговоренного срока. Однако выполнить такое пожелание было невозможно. Подготовить вечер они успевали только к началу третьей недели, и в течение следующих дней вынуждены были строить планы, все улаживать и надеяться, несмотря на риск — и, по мнению Эммы, риск значительный, — что все их старания окажутся потрачены впустую.

Хозяева Анскома, однако, оказались милостивы: они хоть и выразили свое неудовольствие принятым племянником решением, возражать не стали. Все складывалось удачно и благополучно, но, когда исчезает одна забота, ее место, по обыкновению, занимает другая, и покой Эммы, уверенной теперь в успехе бала, стало нарушать

вызывающее безразличие к нему мистера Найтли. То ли потому, что он сам не танцевал, то ли из-за того, что с ним обо всем деле не посоветовались, но мистер Найтли, казалось, твердо решил, что предстоящее событие его не интересует и что выказывать какое-либо любопытство в настоящем или удовольствие от бала в будущем он не собирается. Сообщив ему о планах, Эмма услышала в ответ лишь:

— Ну что ж. Раз Уэстоны готовы взвалить на себя столько хлопот ради нескольких часов шумных развлечений, то я возражать не вправе, хотя для меня ничего веселого в этом нет… О да! Я обязан быть там, отказать я не мог. Постараюсь не заснуть, хотя я, признаться, лучше бы остался дома и просмотрел недельный отчет Уильяма Ларкинса… Тоже мне, удовольствие — смотреть на танцующих! Нет, это явно не для меня. Я никогда на танцы не смотрю. И даже не знаю тех, кому бы это понравилось. Полагаю, для хорошего танцора награда — сам танец. А те, кто стоит в стороне, обычно не наблюдают, а думают о чем-то совершенно другом.

Эмма поняла, что это косвенный упрек в ее сторону, и рассердилась. Ни безразличие, ни возмущение мистера Найтли невозможно было

объяснить каким-то особенным чувством по отношению к Джейн Фэрфакс, потому что та восприняла новость с удивительным воодушевлением. Она оживилась и искренне порадовалась, воскликнув:

— Ах, мисс Вудхаус! Надеюсь, ничто не помешает балу. Это было бы просто ужасно! Признаюсь, я буду ждать его с большим нетерпением.

Стало быть, не из желания угодить Джейн Фэрфакс мистер Найтли предпочел бы общество Уильяма Ларкинса. Нет! Эмма все больше и больше убеждалась, что миссис Уэстон грубо ошиблась. Разумеется, ему были не чужды дружеские чувства и сострадание, но то была никак не любовь.

Но увы! Вскоре Эмме было уже не до споров с мистером Найтли. Два дня они провели в спокойном и радостном ожидании бала, как вдруг все надежды рухнули. От мистера Черчилля пришло письмо, в котором он просил племянника срочно возвращаться в Анском. Миссис Черчилль нездоровится: она так больна, что Фрэнку нужно выезжать немедленно. По словам ее мужа, ей было очень худо уже два дня назад, когда она писала племяннику, но из присущего ей нежелания доставлять неудобства и постоянной привычки

не думать о себе миссис Черчилль о болезни не упомянула. Теперь же она не на шутку расхворалась и вынуждена просить Фрэнка вернуться в Анском незамедлительно.

Содержание письма было тут же передано Эмме в записке от миссис Уэстон. Отъезд Фрэнка Черчилля был неизбежен. Ему нужно было двинуться в путь в ближайшее время, хотя за тетушкино здоровье он и не сильно волновался. Он знал, как устроены ее болезни: они всегда случались только тогда, когда ей это было удобно.

Миссис Уэстон добавила, что «после завтрака он поспешит в Хайбери, чтобы успеть проститься с несколькими неравнодушными к нему друзьями, и скоро его можно ожидать и в Хартфилде».

Злосчастную записку принесли во время завтрака. Прочитав ее, Эмма не могла уже ни есть, ни пить, ей оставалось только сетовать и сокрушаться. Никакого теперь бала не состоится, молодой человек уедет, а что он, должно быть, сейчас чувствует! Ну что за напасть! А такой мог быть чудесный вечер! И все были бы так довольны! А более всего — она и ее кавалер! Эмме только и оставалось, что причитать: «А я говорила!»

Ее отец воспринял новость совсем иначе. Его прежде всего заботило здоровье миссис Чер-

чилль, он хотел знать, как ее лечат, а что до бала — то это, конечно, ужасно, что милой Эмме пришлось столкнуться с таким разочарованием, но дома им все же лучше.

Гость появился не скоро: Эмма была готова встречать его задолго до его прихода. Но если эта неспешность и выставляла его в невыгодном свете, то скорбный вид и полное отсутствие духа несколько ее искупали. Необходимость уехать так потрясла молодого человека, что он даже не мог ничего сказать. Им полностью овладело уныние. Первые несколько минут он сидел, полностью погруженный в раздумья, и, очнувшись, произнес лишь:

— Из всех зол прощание — худшее.

— Но вы же еще приедете, — отозвалась Эмма. — Это ведь не последний ваш визит в Рэндаллс.

— Ах, но когда это еще будет! — воскликнул он, покачивая головой. — Я приложу все свои силы! Буду рваться сюда всей душой, всеми своими помыслами! И если весной дядя с тетей поедут в город… Вот только боюсь… Прошлой весной они не ездили… Боюсь, этот обычай больше не возвратится.

— О нашем несчастном бале можно забыть.

— Ах! Бал! Ну зачем мы так долго с ним тянули? Нужно было устроить все немедленно! Как часто счастье разрушается долгими и бесполезными приготовлениями! Вы ведь сие и говорили… Ах, мисс Вудхаус, ну зачем вы всегда оказываетесь правы?

— Мне очень жаль, что и в этот раз я оказалась права. Мне бы куда больше хотелось веселиться, чем думать сейчас о своей правоте.

— Если я все же приеду снова, то мы обязательно устроим наш бал. Отец на это надеется. Не забудьте про наш уговор.

Взгляд Эммы наполнился благосклонностью.

— Какие это были две недели! — продолжал он. — Каждый день дороже и удивительнее предыдущего! И с каждым днем все невыносимее мысль об отъезде. Счастливцы те, кто остается в Хайбери!

— Вы так нас расхваливаете, — смеясь, сказала Эмма, — что осмелюсь спросить: вы ведь к нам ехали не без некоторых сомнений? Превзошли мы ваши ожидания? Уверена, что да. Уверена, вы и не думали, что наше общество может прийтись вам по душе. Знай вы, что Хайбери вам понравится, то приехали бы гораздо раньше.

Он с деланым смехом возражал, но Эмма не

сомневалась, что догадка ее верна.

— И вам нужно ехать именно сейчас?

— Да, отец за мной зайдет, мы вместе вернемся в Рэндаллс, и я сразу же отправлюсь. С ужасом жду, что он явится в любую минуту.

— И вы даже на пять минуточек не заглянете к своим друзьям — мисс Фэрфакс и мисс Бейтс? Какая досада! Мисс Бейтс с ее могучим, живым умом могла бы укрепить ваш дух.

— Я у них уже был. Проходил мимо и решил, что лучше заглянуть и попрощаться. Я собирался зайти минутки на три, но мисс Бейтс куда-то вышла, и я решил дождаться. Над такой женщиной можно и даже нужно подсмеиваться, однако обижать ее не стоит. Так что я решил нанести прощальный визит и…

Он заколебался, встал и отошел к окну.

— Словом, — продолжал он, — вы, мисс Вудхаус, наверное, не могли не заподозрить…

Он посмотрел на нее, словно пытаясь прочесть ее мысли. Эмма не могла найти слов. Казалось, вот-вот — и он произнесет нечто очень серьезное, нечто, что она слышать бы не желала. В надежде этого избежать она, приложив все свои усилия, спокойно произнесла:

— Вы правильно поступили. Вполне естествен-

но было нанести им визит…

Фрэнк молчал. Эмма знала, что он на нее смотрит и, возможно, размышляет над ее словами, пытаясь понять их смысл. Она услышала, как он вздохнул. И причина вздыхать у него, естественно, имелась. Он должен понимать, что она его не поощряет. Прошло несколько неловких мгновений, затем он снова сел и уже более решительно произнес:

— Мне хотелось оставшееся время посвятить Хартфилду. Хартфилд занял особое место в моем сердце…

Он снова замолчал, встал со стула и смутился, казалось, еще больше. Эмма и не подозревала, что он так сильно в нее влюблен, и кто знает, чем бы все это закончилось, если бы в это мгновение не явился его отец. Вскоре к ним вышел и мистер Вудхаус, и молодой человек был вынужден взять себя в руки.

Впрочем, всего через несколько минут этой пытке пришел конец. Мистер Уэстон, столь же не способный откладывать всякое неизбежное зло, сколь и предвидеть всякое возможное, предпочитал с делами не мешкать. Он сказал: «Пора!» — и молодому человеку оставалось лишь со вздохом согласиться.

— Я стану получать обо всех вас известия, — сказал он, — вот мое главное утешение. Буду знать обо всем, что у вас происходит. Я попросил миссис Уэстон писать мне, и она любезно согласилась. О, как чудесно вести переписку с дамой, когда хочешь все знать! С ее письмами я почувствую себя так, будто и не уезжал из Хайбери.

Дружеское рукопожатие, горячее «до свидания» — и двери за Фрэнком Черчиллем захлопнулись. Их встреча была короткой, а прощание еще короче. Эмма так сожалела о его отъезде и предвидела в нем такую потерю для их маленького общества, что даже забеспокоилась, не слишком ли ее это затронуло и не слишком ли она волнуется.

Перемена была горькой. Они виделись почти каждый день с тех пор, как он приехал. Разумеется, его визит в Рэндаллс очень ее взбодрил — словами и не передать! Мысли о нем, ежедневное предвкушение встречи, постоянное внимание, его веселый нрав, его манеры! Да, чудесные были эти две недели, и какой же безотрадной теперь должна была показаться обыденная жизнь Хартфилда. И в довершение всего он почти признался ей в любви. Насколько сильны его чувства, насколько постоянны — это другой вопрос, но Эмма

не сомневалась, что сейчас он ею решительно очарован и определенно отдает ей предпочтение. Эта убежденность, с учетом всего прочего, вызвала в ней осознание, что и она, должно быть, хотя бы чуточку, но все же в него влюблена, несмотря на свое прежнее нежелание.

— Да, наверняка, — говорила она самой себе. — Эта апатия, эта усталость, вялость, безразличие к любому делу, это чувство, будто все померкло, все стало скучным! Да, видимо, я влюбилась, и странно было бы не влюбиться… хотя бы на пару недель. Ну! Что горе для одних, счастье — для других. Многие, как и я, расстроятся, если не из-за Фрэнка Черчилля, то из-за бала, зато мистер Найтли будет счастлив. Теперь он, если уж так хочет, может своему Уильяму Ларкинсу хоть весь вечер посвятить.

Однако мистер Найтли ликовать от счастья не стал. Конечно, он не пытался сделать вид, будто его эта новость расстроила, да и бодрый взгляд его говорил об обратном, но он искренне выразил сожаление о разочаровании, которое пришлось испытать другим, и с особенной теплотой добавил:

— Не повезло вам, Эмма. У вас так редко бывает возможность потанцевать, ужасно не повезло!

Расстроилась ли Джейн Фэрфакс из-за такой горькой перемены, она судить не могла — несколько дней они не виделись, а при встрече Джейн поразила Эмму своей отвратительной сдержанностью. Впрочем, ей все эти дни сильно нездоровилось, а тетка ее сообщила, что, пожалуй, даже если бы бал состоялся, то Джейн с такими головными болями все равно не смогла бы на него прийти. Эмма великодушно объяснила это непристойное равнодушие усталостью из-за недуга.

Глава XIII

Эмма по-прежнему думала, что влюблена. Ей лишь не полностью было ясно насколько. Поначалу казалось, что сильно, потом — что самую малость. Ей очень нравилось слушать разговоры о Фрэнке Черчилле, и потому она наслаждалась обществом мистера и миссис Уэстон даже более обыкновенного. Эмма часто о нем думала и с нетерпением ждала его письма, чтобы узнать, как он поживает, как его настроение, как его тетушка и есть ли надежда на его приезд в Рэндаллс весной. С другой же стороны, она не могла назвать себя несчастливой и, не считая того первого

утра, с не меньшим удовольствием, чем обычно, занимала себя делами, была бодра и весела. Сколь бы ни был очарователен Фрэнк Черчилль, Эмма все же понимала, что у него есть и недостатки. Сидя за рисованием или рукоделием, она много о нем думала и сочиняла сотни разных сюжетов об их привязанности, от занимательных диалогов до изящных писем, и всякий раз, после каждого воображаемого признания отвечала ему отказом. Их чувства неизбежно оставались всего лишь дружескими. Каждая встреча заканчивалась хоть нежным и теплым, но все же расставанием. Когда Эмма это осознала, то поняла: не слишком-то она и влюблена. Хотя она уже давно и твердо решила никогда не покидать отца и не выходить замуж, Эмма знала, что сильные чувства повергли бы ее в бóльшие страдания при необходимости выбрать между отцом и любовью.

«Мне даже ни разу не пришло в голову слово „жертва“, — думала она. — В моих благоразумных ответах и осторожных отказах нет и намека на то, что я иду на какую-то жертву. Подозреваю, не так уж и нужен он мне для полного счастья. Оно и к лучшему. Я, понятное дело, сама себя не стану убеждать, будто мои чувства сильнее, чем есть на самом деле. Мне и так хватает. Влюбись я

сильнее, только пожалела бы об этом».

Его чувствами она, в общем-то, тоже была вполне довольна.

«А вот он, несомненно, очень сильно влюблен, все на это указывает — да-да! По уши влюблен. И когда он снова приедет, мне, если чувства его еще не пройдут, следует быть осторожной и не поощрять его. Непростительно было бы вести себя иначе, ведь я для себя уже все решила. Впрочем, я и до этого его не поощряла, и он сие должен понимать. Нет, если бы он думал, будто я разделяю его чувства, то не выглядел бы таким несчастным. Если бы он думал, что его поощряют, то вид его и речи при прощании были бы другими. Но мне все же стоит быть начеку. Вдруг его чувства останутся прежними… Хотя я в этом сомневаюсь, он человек не такой. Ему постоянство не свойственно. Его чувства сколь сильны, столь и переменчивы. Словом, как ни посмотреть, хорошо, что счастье мое от него не зависит. Скоро я окончательно оправлюсь, и все это останется лишь теплым воспоминанием. Говорят, в жизни все влюбляются хотя бы один раз, и мне, можно сказать, повезло».

Когда же миссис Уэстон получила от него письмо, Эмма прочла его с таким удовольствием и

восторгом, что сначала даже покачала головой, прислушиваясь к своим чувствам и отмечая, что недооценила их силу. Письмо было длинное, хорошо написанное. В нем Фрэнк Черчилль во всех подробностях описывал свое путешествие и свои ощущения, естественным образом выражал любовь, признательность и почтение, а это, безусловно, делало ему честь. Он живо и точно описывал все, что привлекло его интерес. Ни подозрительно витиеватых извинений, ни фальшивой озабоченности, напротив — письмо было проникнуто самым искренним чувством к миссис Уэстон. Перемена от Хайбери к Анскому, разница в их обществах описывались поверхностно, но этого было достаточно, чтобы понять, как сильно они чувствуются и сколько всего, возможно, было бы об этом сказано, если бы не рамки приличия… Было Эмме отрадно увидеть и свое имя. Мисс Вудхаус упоминалась не один раз, и всякий — в связи с чем-нибудь приятным: то комплимент ее вкусу, то воспоминание о чем-то, что она ему говорила. Лишь в конце письма ее имя не было украшено подобной изысканной похвалой, но Эмма все же и здесь распознала оказанное ею на него воздействие и сочла этот отрывок, пожалуй, наибольшим комплиментом

из всех. В самом нижнем тесном уголке Фрэнк Черчилль приписал: «Как вы знаете, во вторник я не успел попрощаться с милой подружкой мисс Вудхаус. Прошу, передайте ей мои извинения и мое почтение». Эмма не сомневалась, что он это написал ради нее. Он вспомнил о Харриет лишь потому, что она ее подруга. Известия об Анскоме и планах Фрэнка на будущее оказались не хуже и не лучше, чем предполагалось: миссис Черчилль еще не поправилась, и он даже представить не осмеливался, когда сможет вновь посетить Рэндаллс.

Однако несмотря на наслаждение, которое она испытала от письма, несмотря на то, сколь оно было лестно, Эмма, сложив его и вернув миссис Уэстон, поняла, что ее чувства от этого теплее не стали, что она по-прежнему может спокойно прожить без его автора, а он должен научиться прожить без нее. Ее намерения не изменились. К решению отказать теперь добавились новые увлекательные планы о том, как затем его утешить и осчастливить. То, как Фрэнк Черчилль упомянул Харриет, как назвал ее «милой подружкой», натолкнуло Эмму на мысль о том, что Харриет могла бы занять ее место в его сердце. Возможно ли такое? Вполне. Харриет, конечно,

умом ему отнюдь не ровня, но ведь очаровали его ее милое личико и наивная простота манер, да и возможное знатное происхождение — в ее пользу. А уж для нее подобный союз был бы и выгодным, и радостным.

«Нет, лучше мне так не рассуждать, — спохватилась она, — не стоит даже об этом и думать. Знаю я, насколько всякие домыслы опасны. Но в жизни и не такое бывает, и когда все нынешние чувства угаснут, это станет подтверждением нашей настоящей бескорыстной дружбы, которую я уже с удовольствием предвкушаю».

Эмма утешалась мыслями о судьбе Харриет, хотя, пожалуй, было бы разумнее иногда сдерживать порывы своего воображения, и перед ее глазами теперь имелось тому подтверждение. Равно как приезд Фрэнка Черчилля, будучи самой свежей новостью, вытеснил из хайберийских разговоров помолвку мистера Элтона, так и теперь, когда Фрэнк Черчилль исчез, дела мистера Элтона быстро заняли его место. Был назначен день свадьбы. Скоро он вернется в Хайбери, и не один, а с невестой. Не успели обсудить первое письмо из Анскома, как все уже заговорили о «мистере Элтоне и его невесте», а Фрэнк Черчилль был совершенно позабыт. Эмма слышать уже не

могла о мистере Элтоне. Она провела счастливые три недели без единой мысли о нем, и Харриет, как ей хотелось надеяться, в последнее время оживилась. По крайней мере, предвкушение бала у мистера Уэстона затмило чувствительность к другим вещам, но теперь стало ясно, что она еще не достигла той степени душевного равновесия, при которой на нее бы никак не повлияли всевозможные свадебные мелочи: новый экипаж, звон колоколов и прочее.

Бедняжка Харриет находилась в таком смятении чувств, что Эмме приходилось изо всех сил ее увещевать и утешать, да и просто уделять ей всяческое внимание. Она понимала, что должна сделать для Харриет все возможное, что та вправе рассчитывать на всю ее изобретательность и все ее терпение, однако тяжелая то была работа — изо дня в день убеждать, но не добиваться никакого результата, слушать, как ее подруга соглашается, но знать, что мнения их не совпадают. Харриет покорно слушала и поддакивала: «Верно, верно, мисс Вудхаус, вы совершенно правы, думать о них даже не стоит, я сию же минуту о них забуду». Но какой бы предмет они после этого ни обсуждали, уже через полчаса Харриет снова беспокойно вспоминала об Элтонах. В конце концов Эмма

решила попробовать иной путь.

— Харриет, ваша озабоченность делами мистера Элтона и печаль по поводу его женитьбы — это жесточайший упрек мне. Невозможно укорить меня больше за мою ошибку. Это все из-за меня, я знаю. Уверяю вас, я об этом не забыла. Обманувшись сама, я, к ужасному несчастью, обманула и вас. Это послужит мне болезненным уроком на всю оставшуюся жизнь. Знайте, я никогда этого не забуду.

Харриет была так потрясена, что из ее уст вырвалось лишь несколько бессвязных восклицаний. Эмма продолжала:

— Я не прошу вас, Харриет, чтобы вы сделали усилие ради меня, чтобы вы меньше думали и меньше говорили о мистере Элтоне ради меня. Это нужно ради вас самой, ради того, что важнее моего спокойствия: ради умения владеть собой, понимания своего долга, соблюдения приличий, ради того, чтобы избежать ненужных подозрений, чтобы сохранить ваше здоровье и вашу честь, вернуть вам покой. Вот ради чего это нужно. Мне жаль, что вы не можете прочувствовать все эти важные вещи и следовать им. Не за себя и свои страдания я волнуюсь. Я хочу, чтобы вы уберегли себя от страданий гораздо бóльших.

Пожалуй, у меня порой мелькала мысль, что, вы, Харриет, будете помнить, как я… вернее, как мне лучше было бы поступить.

Этот призыв к чувствам Харриет подействовал куда лучше, чем все остальное. Мысль о том, что мисс Вудхаус, которую она так горячо любит, может корить себя за неблагодарность, за невнимательность, поразила Харриет до глубины души. Когда же первые муки горького осознания миновали, эта мысль помогла ей встать на верный путь:

— Ведь вы! Вы лучшая подруга за всю мою жизнь! Никто с вами не сравнится! Вы для меня дороже всех! Ах, мисс Вудхаус! Как же я была неблагодарна!

Подобные восклицания, а также весь вид и все поведение подруги навели Эмму на мысль, что никогда прежде она не любила Харриет столь сильно и никогда не ценила столь высоко ее привязанность.

«Ничто не сравнится с нежным сердцем, — говорила она потом себе, — ни одно достоинство так не чарует. Теплое и нежное сердце, ласковая и открытая манера — все это, я уверена, куда привлекательнее ясного ума. Именно за нежное сердце все так любят моего батюшку и нашу доро-

гую Изабеллу. Мне оно не дано, но я знаю, как его следует ценить и уважать. Харриет превосходит меня в очаровании и мягкости. Милая Харриет! Никогда я не променяю вас ни на одну самую здравомыслящую, дальновидную и благоразумную подругу. Ах, эта сдержанная Джейн Фэрфакс! Да Харриет стоит сотни таких, как она. А для жены — жены мужчины разумного — это просто бесценно. Не стану называть имен, но счастлив будет тот, кто предпочтет Эмме Харриет!»

Глава XIV

Впервые миссис Элтон увидели в церкви, и хотя любопытство в тот день, пожалуй, и навредило всеобщей праведности, удовлетворено оно не было. Разумеется, во время службы разглядеть ее как следует не удалось, а потому все решили отложить всяческие выводы — в самом ли деле она красавица, просто хороша собою или же вовсе невзрачна — до официальных визитов новобрачным.

Эмма, не столько из любопытства, сколько из гордости и благоприличия, решила, что стоит нанести визит не в числе последних. Она настояла, чтобы Харриет пошла с ней — уж лучше как

можно скорее пройти через неизбежное зло.

Войдя в тот самый дом, в ту самую комнату, куда еще три месяца назад благодаря ее уловке — но тщетной! — они заходили, чтобы зашнуровать ботинок, Эмма не могла не предаться воспоминаниям. В голове ее возникли тысячи досадных картинок: комплименты, шарады, грубые ошибки. Эмма знала наверняка, что и бедная Харриет сейчас все это вспоминает, однако держалась она очень хорошо, лишь чрезмерная бледность и постоянное молчание выдавали ее состояние. Визит, конечно же, был недолгим и ужасно неловким, так что Эмма, изо всех сил придумывая повод поскорее уйти, не успела даже составить мнения о миссис Элтон, а уж тем более высказать его. Из ее уст прозвучали только комплименты в духе «изысканно одевается» и «весьма любезна».

Она ей вообще не очень понравилась. Эмма не пыталась специально найти недостатки, но заметила, что изящества миссис Элтон не хватает: да, держалась она свободно, но отнюдь не изящно. К тому же для юной дамы, для новой знакомой и для новобрачной она вела себя даже чересчур свободно. Внешность у нее была довольно приятная, и личико миловидное, но никакого изящества не было ни в чертах, ни в голосе, ни в

манерах — хотя бы они, думала Эмма, окажутся более утонченными, но увы.

Что же до мистера Элтона, его манеры не… Впрочем, нет, она не позволит себе поспешных и резких замечаний. Принимать гостей с их свадебными поздравлениями — всегда дело неловкое, и мужчина должен обладать безупречными манерами, чтобы выдержать подобное испытание достойно. Женщине проще: ей помогают красивые наряды и право изобразить застенчивость, однако мужчине остается полагаться лишь на собственное благоразумие. Эмма осознала, что мистеру Элтону жутко не повезло оказаться в одной комнате с женщиной, на которой он только что женился, женщиной, на которой он хотел жениться, и женщиной, на которой его рассчитывали женить, а значит, следует простить ему несколько глупый вид и чересчур жеманное и неестественное поведение.

— Мисс Вудхаус… — начала Харриет, так и не дождавшись, чтобы ее подруга заговорила первой, когда они уже вышли из гостей. — Мисс Вудхаус, — она едва слышно вздохнула, — ну что вы скажете? Как она вам? Очаровательна, да?

Эмма замешкалась.

— А, да… Очень… очень милая особа.

— По-моему, красавица, настоящая красавица.

— Да, одевается неплохо. Довольно изысканное платье.

— Я не удивлена, что он в нее влюбился.

— О да! Удивляться нечему. Приданое приличное, и попалась вовремя.

— Осмелюсь сказать, — продолжала Харриет с новым вздохом, — что и она его полюбила.

— Может, и полюбила, но не всякому мужчине суждено жениться на женщине, которая станет любить его больше всего на свете. Мисс Хокинс, вероятно, хотела свою семью и свой дом и решила, что лучшего предложения уже не дождется.

— Да, — серьезно согласилась Харриет, — и правильно. Лучшего и быть не может. Что ж, я всем сердцем желаю им счастья. И теперь, мисс Вудхаус, я даже готова видеться с ними снова. Он, как всегда, само совершенство, но человек женатый — это, сами понимаете, совсем другое. Да, мисс Вудхаус, теперь вам бояться нечего. Я могу сидеть и восхищаться им без великих страданий. Ах, как отрадно знать, что он женился не непонятно на ком! Она, кажется, очаровательная особа, именно такую он и заслуживает. Счастливица! Он зовет ее Августа. Ну что за прелесть!

Когда чета нанесла ответный визит, Эмма на-

конец составила свое мнение. Теперь она могла и разглядеть больше, и судить лучше. Так сложилось, что Харриет в то время была не в Хартфилде, а мистер Вудхаус увлекся беседой с мистером Элтоном, так что целых четверть часа Эмма разговаривала один на один с миссис Элтон. За эту четверть часа она сделала вывод, что это женщина тщеславная и крайне самодовольная, которая мнит о себе чересчур много, желает блистать и всех превосходить, манеры которой, однако, оставляют желать лучшего, держит она себя чересчур нахально и фамильярно, а все суждения взяла из определенного круга людей с определенным образом жизни. Может быть, она и не глупа, но точно невежественна, и мистер Элтон от ее общества ничуть не выиграет.

С Харриет ему было бы куда лучше. Пускай сама она не отличается умом или утонченностью, но она ввела бы его в круг людей, которые этими качествами обладают. Мисс Хокинс же, судя по ее самовлюбленной уверенности, в своем кругу сама была одной из лучших. Этот союз позволял мистеру Элтону похвастать богатым свояком, который, в свою очередь, мог похвастать своим имением и экипажами.

Едва усевшись, миссис Элтон заговорила о

Мейпл-Гроув, имении ее зятя мистера Саклинга, и о том, что у Мейпл-Гроув общего с Хартфилдом. Парк в Хартфилде хоть и небольшой, но опрятный и красивый, а дом у них современный и хорошей постройки. Миссис Элтон была в полном восторге от размера комнаты, от входа и вообще ото всего, что она видела и даже просто представляла. И впрямь, точь-в-точь Мейпл-Гроув! Сходство просто поразительное! А комната размером и формой — один в один маленькая гостиная в Мейпл-Гроув, любимая комната ее сестры. Тут миссис Элтон обратилась к супругу: не правда ли, просто удивительно похоже? Она словно именно сейчас в Мейпл-Гроув!

— А лестница! Знаете, я еще на входе обратила внимание, как похожа лестница и даже расположена в том же месте. Я так удивилась, даже воскликнула! Уверяю вас, мисс Вудхаус, я необычайно рада, что все здесь мне напоминает Мейпл-Гроув — место, навсегда поселившееся в моем сердце. Сколько счастливых месяцев я там провела! — Она горько вздохнула и продолжила: — Несомненно, местечко очаровательное. Все гости поражаются его красоте, а для меня это самый настоящий дом. Когда вы, мисс Вудхаус, так же покинете родное гнездо, то поймете, как

отрадно повстречать хоть что-то, похожее на то, что вы оставили позади. Вот оно — одно из зол супружества, я всегда так говорю.

Эмма что-то односложно ответила, но миссис Элтон и того было достаточно: ей главное было говорить самой.

— Как же все похоже на Мейпл-Гроув! И не только дом, даже парк, насколько я успела заметить, чрезвычайно похож, уверяю вас. Лавровых деревьев столь же много, и они даже так же посажены — вдоль лужайки. А еще я видела у вас скамейку вокруг огромного красивого дерева — и у нас такая же есть! Сестра и зять будут просто очарованы, когда все это увидят. Люди с обширными землями всегда рады видеть у других похожий стиль.

Эмма в справедливости этого утверждения сомневалась. Она была уверена, что людям с обширными землями совершенно не до чужих земель, однако не стала тратить усилий, чтобы исправить столь грубую ошибку, и ответила всего лишь:

— Боюсь, когда вы получше ознакомитесь с нашими местами, то поймете, что Хартфилд перехвалили. В Суррее полно красот.

— Ах да! Знаю, знаю! Так ведь и говорят, сад

Англии. Недаром Суррей так зовется.

— Да, но мы себе сего названия не присваиваем. Насколько я знаю, многие графства считаются садами Англии, не только Суррей.

— Нет-нет! — отвечала миссис Элтон с самодовольной улыбкой. — Никогда не слышала, чтобы так называли хоть одно графство помимо Суррея.

Эмма не нашлась что сказать.

— Сестра с мужем обещали навестить нас весной или, самое позднее, летом, — продолжала миссис Элтон, — и тогда-то мы все здесь изучим. Вместе разведаем все суррейские местечки. Они, разумеется, приедут в своем ландо, а туда как раз четверо человек замечательно помещаются, не говоря уже о том, что и у нас есть экипаж, так что с удобствами осмотрим все местные красоты. Вряд ли они в такое время года приедут в фаэтоне. Пожалуй, ближе к их приезду я даже им напишу и решительно посоветую ехать именно в ландо — так будет гораздо удобнее. Как вы знаете, мисс Вудхаус, когда кто-то приезжает в столь красивые края, то непременно хочется им все вокруг показать, а мистер Саклинг вообще очень любит ездить по новым местам. Прошлым летом, когда они только купили ландо, мы дважды отправля-

лись на прогулки в Кингз-Уэстон. Полагаю, мисс Вудхаус, у вас здесь каждое лето множество таких туристов?

— Отнюдь. Наши места довольно далеки от всяческих красот, куда обычно все съезжаются. И образ жизни у нас ведут тихий, мы предпочитаем оставаться дома, а не затевать подобные прогулки.

— Ах! Что может быть лучше уюта собственного дома! Я и сама, знаете ли, предпочитаю дом всему остальному. В Мейпл-Гроув обо мне чуть ли не легенды слагали. Сколько раз Селина, собираясь в Бристоль, говаривала: «Эту девчонку из дома не вытащишь. Придется ехать одной, хотя я терпеть не могу поездки в ландо в одиночестве. Будь на то ее воля, Августа и шагу бы не сделала дальше ворот нашего парка». Да, каждый раз так и говорила, но все же я не сторонница полного затворничества. Напротив, по-моему, очень плохо, когда люди совершенно избегают общества. Куда разумнее держаться золотой середины: вращаться в обществе не слишком часто, но и не слишком редко. Впрочем, мисс Вудхаус, я прекрасно понимаю ваше положение… — заявила она, бросая взгляд в сторону мистера Вудхауса. — Здоровье вашего отца, должно быть, приносит множество

неудобств. Почему бы ему не съездить в Бат? Пускай съездит обязательно. Очень рекомендую. Я уверена, что ему там станет получше.

— Он там бывал, и не раз, однако никакой пользы это не принесло. Мистер Перри, чье имя, я полагаю, вам уже знакомо, считает, что и теперь подобная поездка вряд ли была бы полезной.

— Ах! Какая жалость! Уверяю вас, мисс Вудхаус, тем, кому воды все-таки помогают, они приносят великое облегчение. Я в Бате сталкивалась с удивительными случаями! И такое оживленное место благотворно скажется на душевном состоянии мистера Вудхауса. Он, как я понимаю, порой бывает сильно подавлен. Что же до вас самой, то, думаю, вы и без меня прекрасно понимаете все преимущества подобной поездки. Бат — отличное место для молодежи. Для вас, живущей в таком уединении, это будет замечательный первый опыт, и в моих силах сразу же ввести вас в лучшее общество. Стоит мне только написать пару строк одной моей приятельнице, миссис Партридж, у которой я всегда останавливаюсь в Бате, и она с радостью окажет вам всяческое внимание и лично представит светскому обществу.

Эмма с трудом удержалась от резкого ответа. Да чтобы она была обязана своим так называемым

«первым опытом в светском обществе» миссис Элтон и ее приятельнице, которая, вероятнее всего, просто неотесанная бойкая вдова, перебивающаяся содержанием пансиона! Она, мисс Вудхаус, хозяйка Хартфилда!

Однако Эмма все же сумела холодно поблагодарить миссис Элтон и вежливо ответить, что об их поездке в Бат не может быть и речи, к тому же она весьма сомневается, что ей самой там будет лучше, чем ее батюшке. Затем, чтобы избежать дальнейших оскорблений и негодований, она полностью переменила тему.

— Не стану спрашивать вас, миссис Элтон, хорошо ли вы играете. В таких случаях молва обычно опережает даму, и в Хайбери уже давно известно, что вы превосходная музыкантша.

— Ах, что вы! Вынуждена не согласиться. Я? Превосходная музыкантша? Нет-нет, ничего подобного, уверяю вас. Возможно, тот, кто вам такое рассказал, несколько предвзят. Я чрезвычайно — страстно! — люблю музыку, и друзья говорят, что играю я с чувством, однако в остальном, честное слово, мои способности весьма и весьма заурядны. А вот вы, мисс Вудхаус, как мне известно, играете восхитительно. Поверьте, для меня было величайшей радостью, утешением и

отрадой узнать, в какое музыкальное общество я попала. Жить не могу без музыки. Она для меня как воздух! Я так привыкла к музыкальному обществу в Мейпл-Гроув и в Бате, что отказаться от музыки было бы жертве подобно. Я так честно и сказала мистеру Э., когда он заговорил со мной о будущем доме и выразил опасение, что его образ жизни может оказаться для меня слишком уединенным, а домик — чересчур невзрачным. Конечно, он ведь знал, к какой жизни я привыкла… Но, знаете, когда он об этом заговорил, я честно ему призналась, что от света я откажусь легко — все эти вечера, балы, спектакли… нет, уединения я не страшусь. Мне посчастливилось иметь столь богатый внутренний мир, что светская жизнь совершенно не нужна, я прекрасно могу обойтись без нее. Тем, у кого внутренний мир беден, приходится хуже, но мне повезло быть более независимой. И неважно, меньше ли будут комнаты, чем те, к которым я привыкла. Уж на такие, говорю, жертвы, смею надеяться, я готова. В Мейпл-Гроув, конечно, я привыкла к роскоши, однако сразу же заверила мистера Э., что для счастья мне не нужны ни два экипажа, ни просторные хоромы. «Но, — говорю, — честно признаться, без музыкального общества я жить

не смогу. Ничего мне больше и не надо, но без музыки! Без музыки жизнь моя опустеет».

— И мистер Элтон, — подхватила Эмма с улыбкой, — конечно же, поспешил вас заверить, что в Хайбери весьма и весьма музыкальное общество. Надеюсь, вы простите ему, если он из добрых побуждений несколько нас перехвалил.

— Нет-нет, что вы, я полностью его суждению доверяю. И я рада оказаться в столь замечательном кругу. Надеюсь, мы устроим не один прелестный домашний концертик. Мне кажется, мисс Вудхаус, нам с вами стоит основать музыкальный кружок и собираться каждую неделю у вас или у нас. Как вам такая мысль? Если за это возьмемся мы, то наверняка к нам быстро присоединятся и другие ценители. А как это будет полезно для меня! Сей кружок станет мне поощрением играть побольше, а то ведь, сами понимаете, замужние женщины, как бы это ни было грустно, часто забрасывают музыку.

— Но вы так чрезвычайно любите музыку, что вам такая опасность, разумеется, не грозит?

— Очень на это надеюсь, но при одном только взгляде на знакомых аж в дрожь бросает. Селина вообще перестала играть, даже близко к инструменту не подходит, а ведь играла так прелестно.

И миссис Джеффрис тоже, в девичестве Клара Партридж, и сестры Милман — нынче миссис Берд и миссис Купер, да всех и не перечислишь. Ей-богу, аж страх берет. Я раньше на Селину сердилась, но теперь начинаю понимать, что у замужней женщины и без того полно хлопот. Вот, к примеру, сегодня с утра я целых полчаса с экономкой разговаривала.

— Но такие вещи, — сказала Эмма, — быстро входят в привычку…

— Ну посмотрим, — посмеиваясь, ответила миссис Элтон.

Эмма не знала, что и ответить на столь твердую решимость позабыть о музыке. Спустя мгновение миссис Элтон заговорила о другом.

— Мы заглянули в Рэндаллс, — начала она, — и застали чету дома — приятнейшие люди, как мне показалось. Очень мне понравились. Мистер Уэстон — замечательный человек и, поверьте, уже стал моим любимцем. А в миссис Уэстон столько неподдельной доброты, и есть нечто такое материнское, такое душевное, что сразу к ней располагает. Она, кажется, была вашей гувернанткой?

От таких разговоров Эмма едва ли не потеряла дар речи, однако миссис Элтон и без ее ответа

уже продолжала:

— Зная об этом, я так удивилась! Она держится словно настоящая леди! Действительно благородная дама.

— Миссис Уэстон, — сказала Эмма, — всегда отличалась хорошими манерами — благопристойными, скромными и изысканными. Она служит наилучшим образцом для подражания любой юной даме.

— И как вы думаете, кто пришел, пока мы были там?

Эмма растерялась. Вопрос был поставлен так, будто речь идет о каком-то старом знакомом. И как тут можно угадать?

— Найтли! — воскликнула миссис Элтон. — Собственной персоной! Ну не удача ли? Я ведь никогда его прежде не видела, да и на днях он заходил к нам, когда меня не было дома. А мне так хотелось познакомиться с близким приятелем мистера Э. Столько раз он упоминал «своего друга Найтли», что мне аж не терпелось его увидеть. Следует отдать должное моему caro sposo[12]: такого человека и другом назвать не стыдно. Найтли — настоящий джентльмен. Он мне очень

---

[12] Примечания: 12
Дорогому супругу (*ит.*).

понравился. Определенно производит впечатление человека благородного.

К счастью, гостям пришла пора уходить. Эмма наконец смогла выдохнуть. Как только они вышли за дверь, ею овладела буря чувств:

«Невыносимая женщина! Куда хуже, чем я предполагала. Совершенно невыносимая! Найтли! Подумать только: Найтли! Никогда его прежде не видела и вдруг зовет его Найтли! И ах какое открытие — он джентльмен! Наглая выскочка, грубая простачка, со своими этими «мистер Э.», и «caro sposo», и «богатым внутренним миром», со всем этим нахальством, притворством и позерством. Надо же, открыла вдруг, что мистер Найтли — джентльмен! Сомневаюсь, что он бы согласился, будто и она особа благородная. Я ушам своим поверить не могла! Да еще и предположить, что мы с ней могли бы вместе основать музыкальный кружок! Что мы могли бы стать близкими подругами! А миссис Уэстон! Она, видите ли, удивилась, что женщина, воспитавшая меня, оказалась настоящей леди! Просто кошмар. Я таких людей еще не встречала. Во много раз хуже моих ожиданий. С Харриет ее даже сравнить стыдно. Ах! А что бы Фрэнк Черчилль сказал, увидев ее! Как бы он разозлился, как бы позабавился!

Ох! Ну вот, снова я о нем вспоминаю. Всегда первым приходит на ум! Как я себя этим выдаю! Все время вспоминаю о Фрэнке Черчилле!»

Все эти мысли в одно мгновение пронеслись у нее в голове, и к тому времени, когда ее отец наконец пришел в себя после вызванной визитом Элтонов суеты и заговорил, Эмма несколько успокоилась и была готова его выслушать.

— Что ж, голубушка, — не спеша начал он, — по первому впечатлению она кажется весьма милой молодой особой. Полагаю, о тебе она прекрасного мнения. Говорит несколько торопливо. Это даже режет слух. Но я, пожалуй, слегка придираюсь, мне вообще незнакомые голоса не нравятся, да и никто не говорит так славно, как ты и бедняжка мисс Тейлор. Впрочем, она мне показалась весьма любезной, благовоспитанной молодой особой, и, я не сомневаюсь, она будет для мистера Элтона прекрасной женой. Хотя, по-моему, лучше бы он не женился. Я как мог извинился за то, что еще не нанес им визит по случаю столь счастливого события, и выразил надежду, что смогу зайти к ним летом. А следовало бы сейчас. Невежливо не почтить вниманием новобрачную. Ах! Если бы не мое худое здоровье — как это печально! Но мне совершенно не нравится поворот на Пастырскую

дорогу.

— Сэр, я уверена, что ваши извинения были приняты. Мистер Элтон прекрасно все понимает.

— Да, но как же дама, как же новобрачная… Мне следовало засвидетельствовать ей свое почтение. Нехорошо получилось.

— Но, папа, вы ведь такой противник брака, с чего вдруг волноваться, что вы не засвидетельствовали свое почтение новобрачной? Подумайте, как это выглядит. Вы словно поощряете к женитьбе и других.

— Нет, милая, я никогда никого к браку не поощрял, но оказать должное внимание даме — а тем более новобрачной — это долг любого порядочного человека. И ей полагается внимание особое. Понимаешь, голубушка, новобрачная в любом обществе важнее других, кем бы они ни были.

— Ну, папа, если уж это, по-вашему, не поощрение… Никогда не ожидала от вас, что вы станете потакать тщеславию бедных девиц.

— Душенька, ты меня не понимаешь. Речь ведь идет о простой вежливости и хорошем тоне, и это никак не связано с поощрением браков.

Эмма не стала отвечать. Ее отец только терял спокойствие, но никак не был способен понять

ее. Она снова задумалась обо всех грехах миссис Элтон, и долго еще они занимали ее мысли.

Глава XV

Дальнейшее знакомство с миссис Элтон мнения Эммы не изменило. Ее наблюдения оказались верны. Миссис Элтон была ровно такой, какой она показалась ей после второй встречи: напыщенной, самонадеянной, бесцеремонной, невежественной и невоспитанной. Она была недурна собой, обладала приемлемыми манерами, однако особым умом не отличалась и оттого мнила себя величайшим знатоком света, призванным оживить и озарить своим прибытием деревенскую глушь. Она была уверена, что, будучи мисс Хокинс, занимала невероятно значимое положение в обществе, а став миссис Элтон, возвысилась еще больше.

Мистер Элтон, по всей видимости, считал так же. На его лице было написано не просто счастье, но гордость. Казалось, мысленно он поздравлял себя с тем, что ему удалось привезти в Хайбери женщину, с которой даже мисс Вудхаус не сравнится. И большая часть ее новых знакомых, склонные все одобрять и, подобно мисс Бейтс,

не умеющие осуждать, решили, что раз миссис Элтон выставляет себя столь умной и во всех отношениях приятной особой, значит, такая она и есть. Они были ею довольны и, как и полагалось, беспрестанно нахваливали. Мисс Вудхаус тем временем ни с кем не спорила и благосклонно повторяла свои первые комплименты: «весьма любезна» и «изысканно одевается».

В некотором смысле миссис Элтон стала даже хуже. Ее чувства по отношению к Эмме переменились. Вероятно, оскорбленная тем равнодушием, с которым были встречены ее попытки сдружиться, она теперь охладела и отдалилась, и хотя Эмма такой перемене была только рада, сопутствующая недоброжелательность вызывала в ней еще большую неприязнь. К тому же они оба — и миссис Элтон, и ее муж — ужасно вели себя с Харриет. Они держались пренебрежительно и насмешливо. Эмма надеялась, что такое отношение поможет скорому исцелению подруги, но они обе догадывались, чем именно вызвано их поведение, и потому были сильно раздосадованы. Не приходилось сомневаться, что во время их откровений привязанность бедняжки Харриет стала подношением во имя супружеской сплоченности, и очень вероятно, что Эмма и ее роль

во всей этой истории были выставлены в самом неблагоприятном свете, в то время как мистер Элтон — в самом выгодном. Разумеется, они оба теперь были настроены против нее. Когда иные предметы для разговоров заканчивались, Элтоны, вероятно, начинали вместе бранить мисс Вудхаус и, не смея открыто показать враждебность к ней, с удовольствием выказывали всю свою высокомерность в общении с Харриет.

А вот Джейн Фэрфакс миссис Элтон приглянулась сразу. Не из-за войны с Эммой и желания начать союз с другой молодой дамой, а с самой же первой встречи, и, решив, что естественных и разумных изъявлений восторга мало, она единолично, безо всяких просьб и приглашений, назначила себя ее главной помощницей и подругой. Еще прежде, чем Эмма утратила доверие миссис Элтон, примерно на их третьей встрече, та поведала ей все о своих благородных и поистине рыцарских задумках.

— Мисс Вудхаус, Джейн Фэрфакс — само очарование. Я в настоящем восторге. Какое нежное, интересное создание. Как она кротко держится, словно леди, а как талантлива! Поверьте, необычайно талантлива. Играет она, не побоюсь этого слова, воистину великолепно. Я достаточно

разбираюсь в музыке, чтобы судить об этом со всей уверенностью. Ах! Что за очарование! Вы будете смеяться над моим воодушевлением, но, право же, ни о чем больше говорить не могу. А ее положение? Разве можно остаться равнодушной? Мисс Вудхаус, мы просто обязаны приложить все свои силы и помочь ей. Мы обязаны показать ее людям. Такой талант не должен остаться в тени. Полагаю, вам известны эти чудесные строки поэта:

Как часто редкий перл, волнами сокровенный,

В бездонной пропасти сияет красотой;

Как часто лилия цветет уединенно,

В пустынном воздухе теряя запах свой[13].

Нельзя допустить, чтобы строки эти оказались о нашей милой Джейн Фэрфакс.

— Думаю, ей такая опасность не грозит, — спокойно отвечала Эмма, — и когда вы познакомитесь с положением мисс Фэрфакс получше и составите представление о доме полковника и

[13] Примечания: 13

Строки из стихотворения Томаса Грэя «Сельское кладбище. Элегия», пер. В. А. Жуковского.

миссис Кэмпбелл, то поймете, что талант ее в тени не остался.

— Ах! Но, дорогая мисс Вудхаус, она ведь сейчас живет в таком затворничестве, в такой безвестности! Ее дар пропадает совершенно напрасно. Как бы ни была хороша жизнь у Кэмпбеллов, по всей видимости, ей пришел конец! И Джейн Фэрфакс это понимает. Да, я уверена, понимает. Она такая тихая и застенчивая. Очевидно, что ей недостает поощрения. И она мне от этого еще больше нравится. Должна признаться, мне подобные качества по душе. Я большая поклонница застенчивости, не часто ее, знаете ли, встретишь. А в тех, кто оказывается в униженном положении, она невероятно подкупает. Ах! Уверяю вас, Джейн Фэрфакс — прелестнейшее создание, и я даже выразить не могу, сколько участия она во мне вызывает.

— Много участия, я вижу, однако не понимаю, как вы или другие здешние знакомые мисс Фэрфакс, которые знают ее дольше вашего, могли бы оказать ей свое внимание, кроме как…

— Дорогая моя мисс Вудхаус, решившись, возможно сделать многое. Нам с вами бояться нечего. Если пример подадим мы, то многие по своим силам ему последуют, хотя и не все на-

ходятся в положении, равном нашему. У нас с вами есть экипажи, чтобы привозить ее в гости и отвозить домой, и мы живем так, что можем позволить себе принимать Джейн Фэрфакс хоть каждый день. Я была бы ужасно недовольна Райт, если бы она подавала нам обед, на который стыдно пригласить не только Джейн Фэрфакс, но и других гостей. Даже представить себе такого не могу. Я ведь совсем к другому привыкла. Даже наоборот, боюсь, что веду хозяйство чересчур расточительно. Пожалуй, я беру пример с Мейпл-Гроув гораздо чаще, чем следует, — мы ведь совсем не можем сравниться в доходах с моим зятем, мистером Саклингом. Но Джейн Фэрфакс я помочь обязана. Я непременно стану приглашать ее почаще, представлять всем своим знакомым, устраивать музыкальные вечера, чтобы все узнали о ее таланте, и постоянно буду начеку, чтобы не пропустить хорошее предложение. У меня столько связей, что даже не сомневаюсь: что-нибудь подходящее найдется очень скоро. И, разумеется, представлю ее сестре и зятю, когда они приедут в гости. Уверена, она им чрезвычайно понравится, и когда Джейн Фэрфакс познакомится с ними поближе, то перестанет стесняться вовсе, потому что они оба очень располагают к себе. Да, когда

они приедут, я стану приглашать ее почаще, и, думаю, во время прогулок у нас не раз сыщется для нее местечко в ландо.

«Бедная Джейн Фэрфакс! — подумала Эмма. — Вы такого не заслужили. Вы, может, и согрешили, влюбившись в мистера Диксона, но сие наказание чересчур несправедливо! Внимание и покровительство миссис Элтон! “Джейн Фэрфакс — то, Джейн Фэрфакс — это”… Господи! Надеюсь, меня она просто “Эммой Вудхаус” не называет! Но, честное слово, с этой болтливой особы станется!»

Больше Эмме такие излияния слушать не пришлось — во всяком случае обращенные лишь к ней и приукрашенные отвратительным «дорогая мисс Вудхаус». Вскоре после этого разговора в их отношениях произошла перемена, и Эмму оставили в покое: не напрашивались в близкие подруги, не призывали под руководством миссис Элтон стать деятельной покровительницей Джейн Фэрфакс и лишь делились своими чувствами, размышлениями и планами наравне со всеми прочими.

Эмму забавляло происходящее. За внимание к Джейн простодушная мисс Бейтс тут же прониклась к миссис Элтон теплой благодарностью. Она

превозносила ее как достойнейшую из женщин: самую добродушную, учтивую, очаровательную, участливую и изысканную — словом, именно такую, какой и хотела казаться всем миссис Элтон. Единственное, что удивляло Эмму, — это поведение самой Джейн Фэрфакс, которая принимала все знаки внимания и, казалось, спокойно переносила ее общество. То и дело Эмма слышала, как Джейн прогуливается с Элтонами, сидит с Элтонами, проводит с Элтонами целый день! Поразительно!.. Трудно было поверить, что достоинство или вкус мисс Фэрфакс позволяют ей терпеть общество и дружбу викария и его жены.

«Какая она загадочная! — думала Эмма. — Который месяц по собственной воле остается здесь и терпит всяческие лишения! А теперь еще и принимает унизительное внимание миссис Элтон и слушает ее убогую болтовню, когда могла бы проводить время в изысканном обществе друзей, которые всегда относились к ней с великой и искренней любовью».

Джейн приехала в Хайбери на три месяца — на три месяца уехали в Ирландию Кэмпбеллы, однако теперь они пообещали дочери задержаться хотя бы до середины лета, и Джейн получила новое приглашение. По словам мисс Бейтс — а

именно она рассказывала им все новости с той стороны, — миссис Диксон настоятельно просила подругу приехать. Джейн нужно было лишь согласиться, а уж необходимые средства, слуг и остановки у друзей по пути — все это ее друзья устроили бы вмиг. И все-таки она отказалась!

«Должно быть, у нее есть какая-то серьезная причина, более веская, чем может показаться со стороны, — заключила Эмма. — Видимо, это такое наказание, которое наложили на нее Кэмпбеллы либо же она сама. За всем этим стоит великий страх, великая осторожность и великая решимость… Ей просто нельзя быть с Диксонами. Это чье-то распоряжение. Но к чему ей терпеть Элтонов?.. Вот и еще одна загадка».

Эмма поделилась своим недоумением с теми немногими, кто знал о ее мнении насчет миссис Элтон, и миссис Уэстон отважилась оправдать Джейн.

— Милая моя Эмма, трудно предположить, что ей очень нравится проводить время с Элтонами, однако все лучше, чем вечно сидеть дома. Ее тетушка — добрейшее создание, но ее постоянное общество может утомить. Не стоит осуждать мисс Фэрфакс за то, к чему она стремится, не подумав о том, от чего она бежит.

— Вы правы, миссис Уэстон, — горячо отозвался мистер Найтли. — Мисс Фэрфакс не хуже нас с вами может составить мнение о миссис Элтон. Если бы она могла выбирать свое общество, то вряд ли бы выбрала ее. Но, — на этих словах он укоризненно улыбнулся Эмме, — больше ей такого внимания, как миссис Элтон, никто не оказывает.

Эмма заметила, что миссис Уэстон бегло на нее взглянула — она и сама поразилась горячности их собеседника. Слегка покраснев, она ответила:

— Мне представлялось, что внимание подобной особы, как миссис Элтон, скорее вызовет у мисс Фэфракс отвращение, а не благодарность. Трудно назвать приглашения миссис Элтон заманчивыми.

— Я бы не удивилась, — заметила миссис Уэстон, — если Джейн Фэрфакс была вынуждена подружиться с миссис Элтон ближе, чем ей самой бы хотелось, из-за тетушки и охоты, с которой та принимает все эти любезности. Бедная мисс Бейтс, должно быть, связала племянницу определенными обязательствами и подтолкнула к близости, от которой собственный здравый смысл мисс Фэрфакс бы удержал, даже несмотря на вполне естественное желание перемен.

Обе дамы с нетерпением ждали, что еще скажет мистер Найтли. Спустя некоторое время он заговорил:

— Следует учитывать и другое: с мисс Фэрфакс миссис Элтон говорит иначе, нежели о ней. Мы все знаем разницу между местоимениями «он» — «она» и самым простым «ты». В личном общении друг с другом мы все руководствуемся чем-то большим, чем обычная вежливость, чем-то, привитым нам раньше учтивых манер. Мы не подадим человеку намеков, что знаем о его бедственном положении, хотя спокойно говорили об этом с кем-то другим всего час назад. Мы чувствуем себя иначе. Кроме того, можете быть уверены, что мисс Фэрфакс внушает миссис Элтон благоговение, превосходя ее и разумом, и манерами, и лицом к лицу та оказывает ей должное уважение. Миссис Элтон, вероятно, никогда в жизни не встречала такой женщины, как Джейн Фэрфакс, и, даже несмотря на все свое тщеславие, признает — может, не в мыслях, но точно на деле, — как она в сравнении с ней ничтожна.

— Я знаю, сколь высокого мнения вы о Джейн Фэрфакс, — сказала Эмма. Она снова вспомнила свои тревоги по поводу малыша Генри и замялась, не зная, как заговорить о щекотливом предмете.

— Да, — отозвался он, — это ни для кого не секрет.

— И все же… — с лукавым взглядом начала Эмма и вдруг замолчала. Решив, что лучше уж узнать все самое неприятное сразу, она поскорее продолжила: — И все же, возможно, вы и сами не совсем осознаете, насколько высокого. Однажды степень вашего восхищения даже может вас поразить.

Мистер Найтли в этот момент усердно поправлял нижние пуговицы толстых кожаных краг, и, отвечая, то ли от старания, то ли по другой причине, он покраснел:

— А, так вот вы о чем?.. Что ж, поздно спохватились. Мистер Коул мне еще недель шесть назад об этом намекнул.

Он замолчал. Эмма почувствовала, как миссис Уэстон слегка наступила ей на ногу. Она не знала, что и думать. Тут мистер Найтли продолжил:

— Однако этого, уверяю вас, не случится. Посмею предположить, что мисс Фэрфакс не приняла бы моего предложения, а сам я вполне уверен, что никогда бы ей его и не сделал.

Эмма, в свою очередь, довольно сильно наступила на ногу миссис Уэстон, а вслух, обрадовавшись, воскликнула:

— Вы, мистер Найтли, попусту не болтаете! За это я ручаюсь.

Мистер Найтли ее как будто не услышал. Он задумался и вскоре заговорил, явно чем-то недовольный:

— Так вы, стало быть, задумали, что я должен жениться на Джейн Фэрфакс?

— Нет-нет, отнюдь. Вы так меня упрекали за сватовство, что я бы себе сей вольности в отношении вас не позволила. Мои слова совершенно ничего не значат. Такие предположения, знаете, строятся просто так, не всерьез. Ах, нет, право! Ни за что бы я не хотела женить вас на Джейн Фэрфакс или еще на какой-нибудь Джейн. Как бы вы тогда приходили к нам в гости и спокойно с нами беседовали?

Мистер Найтли снова задумался. В итоге он сказал:

— Нет, Эмма, не думаю, чтобы однажды меня поразила степень моего восхищения. Уверяю вас, я никогда подобным образом о ней не думал, — и, помолчав еще немного, добавил: — Джейн Фэрфакс — очаровательная девушка, но даже она несовершенна. У нее есть один недостаток. Мужчине хотелось бы видеть в жене более открытый нрав.

Эмма, понятное дело, обрадовалась, что у Джейн Фэрфакс есть недостатки.

— Стало быть, — произнесла она, — вы быстро мистера Коула разуверили?

— Да, очень быстро. Он сделал тонкий намек, я сказал, что он ошибается, он извинился и больше ничего не говорил. Коул не пытается выставить себя мудрее или проницательнее соседей.

— Как от него отличается миссис Элтон, которая старается казаться и мудрее, и проницательнее всех на свете! Интересно, как она говорит о Коулах, как их называет? Какое бесцеремонное и непристойное прозвище она им придумала? Вас она зовет «Найтли» — а мистера Коула? Словом, нечего мне удивляться, что Джейн Фэрфакс принимает ее любезности и соглашается на ее общество. Миссис Уэстон, ваш довод кажется мне самым разумным. Я скорее поверю в соблазн сбежать от мисс Бейтс, чем в торжество разума мисс Фэрфакс над миссис Элтон. Не думаю, что миссис Элтон способна признать себя ниже кого-либо хоть в мыслях, хоть на словах, хоть на деле и что ее может сдерживать что-то, помимо собственных скудных представлений об этикете. Трудно представить, чтобы она не оскорбляла гостью ежеминутными похвалами, ободрениями

и предложениями помощи, не расписывала без умолку свои великолепные планы: от поисков для нее постоянного дома до приглашений на восхитительные поездки по окрестностям в их чудесном ландо.

— Джейн Фэрфакс умеет чувствовать, — сказал мистер Найтли, — в бесчувствии ее не упрекнешь. Причем чувствует она сильно, а ее нраву свойственны столь прекрасные черты, как выдержка, терпение и самообладание, но ей недостает открытости. Она сдержанна, даже более сдержанна, чем раньше — а мне нравится открытый нрав. Нет, пока Коул не намекнул на мои якобы чувства, мне такое и в голову не приходило. Я всегда с восхищением и удовольствием виделся и беседовал с Джейн Фэрфакс, однако ничего иного у меня в помыслах не было.

— Ну, миссис Уэстон, — с торжеством проговорила Эмма, когда мистер Найтли ушел, — что вы теперь скажете по поводу женитьбы мистера Найтли на Джейн Фэрфакс?

— А я скажу, милая Эмма, что он настолько занят мыслями о том, как в нее не влюблен, что я не удивлюсь, если в конце концов он все-таки в нее влюбится. Только не бейте меня.

Глава XVI

Все знакомые мистера Элтона из Хайбери и его окрестностей с готовностью уделяли ему и его даме всяческое внимание в честь их женитьбы. Чету то и дело приглашали на званые обеды и ужины, и вскоре миссис Элтон могла похвастать тем, что у них нет ни одного свободного денечка.

— Вот как, — говорила она. — Теперь я понимаю, какую жизнь мне предстоит здесь вести. Честное слово, мы так совсем загуляем. Кажется, приглашать нас сейчас модно. Если такова жизнь в глуши, то нет в ней ничего ужасного. Представляете, у нас все дни с понедельника по субботу заняты! Тут даже с небогатым внутренним миром скучать было бы некогда.

Принимались все приглашения. В Бате миссис Элтон привыкла к званым ужинам, а в Мейпл-Гроув — к обедам. Она несколько поразилась тому, что в Хайбери никто не устраивает второй гостиной, что печенья выкладывают так мало, а мороженого не предлагают вовсе. Миссис Бейтс, миссис Перри, миссис Годдард и остальные сильно отстали от светских обычаев, но скоро она покажет им всем, как следует устраивать

приемы. Весной она отплатит за их любезные приглашения, устроив один блестящий званый вечер: на каждом игральном столике будут стоять свои свечи и лежать новенькая колода карт, а слуги, специально нанятые по случаю, будут обносить гостей угощениями в нужный час и в должном порядке.

Эмма, в свою очередь, не могла не устроить званый обед в честь Элтонов в Хартфилде. Ни в коем случае нельзя отставать от других, а то ее, не дай бог, заподозрят в столь жалком чувстве, как обида. Следовательно, обеду быть. Эмме понадобилось всего десять минут, чтобы убедить мистера Вудхауса, и он согласился, высказав лишь свое обыкновенное нежелание сидеть во главе стола и оставив Эмме тяжкие раздумья о том, кто бы мог занять его место.

Зато насчет списка гостей долго думать не пришлось. Помимо Элтонов, пригласить следовало Уэстонов и мистера Найтли — тут сомнений быть не могло, однако восьмой за столом всегда неизбежно становилась Харриет, и в этот раз Эмма не почувствовала той обычной радости, с которой она всегда приглашала ее в Хартфилд. Когда же Харриет попросила позволения не приходить, Эмма очень обрадовалась. Подруга

сказала ей, что предпочла бы по возможности избегать компании мистера Элтона — ей все еще тяжко видеть его с очаровательной женой, и если мисс Вудхаус не расстроится, то она лучше останется дома. О большем Эмма и мечтать не могла. Ее восхитила воля подруги, ведь она знала: Харриет действительно нужно собраться с духом, чтобы отказаться от приглашения в гости и остаться дома. Теперь Эмма могла пригласить ту, кого и хотела бы видеть за столом восьмой, — Джейн Фэрфакс. После беседы с миссис Уэстон и мистером Найтли в ней, как никогда прежде, заговорила совесть. Слова мистера Найтли запали ей в голову. Он сказал, что никто, кроме миссис Элтон, Джейн Фэрфакс внимания не оказывает.

«Это правда, — думала Эмма, — во всяком случае, что касается меня — а именно меня он и имел в виду. И мне очень стыдно. Ведь мы ровесницы и всю жизнь знакомы… Следовало мне быть с нею дружелюбнее. А теперь мне ей ни за что не понравиться. Я слишком долго ею пренебрегала. Но я стану оказывать ей больше внимания, чем прежде».

Все приглашенные с удовольствием ответили согласием. Однако на этом подготовка к обеду не закончилась. Выяснилось одно неудачное

обстоятельство. Было условлено, что весной два старших сына Найтли на несколько недель приедут погостить у дедушки и тетки, и вот теперь их отец готов был привезти детей и сам остаться в Хартфилде на целый день — и именно в дату званого обеда. Дела никак не позволяли ему перенести планы, и отец с дочерью несколько забеспокоились. Мистер Вудхаус и без того боялся, что его нервы едва выдержат восемь человек за столом, а теперь добавлялся девятый гость, причем тот, как предвидела Эмма, будет не сильно рад, приехав в Хартфилд всего на двое суток и тут же угодив на званый обед.

Отца было успокоить легче, чем саму себя. Она убедила его: хоть гостей теперь и девять, но мистер Джон Найтли всегда столь мало говорит, что шума за столом не прибавится. Сама Эмма несколько расстроилась, понимая, что теперь напротив нее окажется не старший из братьев, а младший, и ей придется терпеть его хмурые взгляды и односложные ответы.

События складывались благоприятнее для мистера Вудхауса, нежели для его дочери. Джон Найтли приехал, однако мистера Уэстона неожиданно попросили уехать в город по делам — причем именно в условленный день. Он сооб-

щил, что вечером, может, еще успеет заехать в Хартфилд, однако обед точно пропустит. Тем не менее мистер Вудхаус совершенно ни о чем не волновался, к ним в гости наконец приехали малыши Найтли, а зять к новости об обеде отнесся с философским спокойствием, так что даже Эмма несколько успокоилась.

Наступил назначенный день, все гости пришли вовремя, а мистер Джон Найтли, казалось, с самого начала решил вести себя как нельзя любезнее. Вместо того чтобы в ожидании ужина удалиться с братом к окну, он завел беседу с мисс Фэрфакс. За миссис Элтон, разряженной в кружева и жемчуга, он наблюдал, но молча и лишь для того, чтобы рассказать потом все Изабелле, мисс Фэрфакс же была знакомой старой и тихой, с ней он мог и поговорить. Тем же утром, еще до завтрака, они на прогулке с сыновьями встретили ее, как раз когда начал накрапывать дождик. Теперь же вполне естественным было сказать несколько учтивых слов по этому поводу:

— Мисс Фэрфакс, надеюсь, вы не слишком далеко зашли сегодня утром, а иначе, боюсь, промокли бы насквозь. Мы сами едва успели добежать до дома. Надеюсь, вы тоже сразу поспешили назад.

— Я только сходила на почту, — ответила она, —

и успела вернуться домой еще до того, как дождь пошел сильнее. Я всегда хожу на почту, когда приезжаю в Хайбери. Так и другим помогаю, и сама нахожу повод выйти на улицу. Мне полезны прогулки до завтрака.

— Только не под дождем, полагаю.

— Да, но когда я вышла, дождя еще совсем не было.

Мистер Джон Найтли улыбнулся и продолжил:

— Другими словами, вы все-таки предпочли совершить свою прогулку. Когда мы с вами встретились, вы и шести ярдов от двери дома не отошли, а Генри с Джоном к тому времени уже и счет каплям потеряли. В определенные годы нашей жизни почта несет в себе особое очарование. Когда вы доживете до моего возраста, то поймете, что ни одно письмо не стоит того, чтобы идти за ним под дождем.

Мисс Фэрфакс слегка зарделась и ответила:

— Не смею надеяться, что однажды окажусь на вашем месте, среди всех своих родных и близких, а потому, полагаю, с годами к письмам не охладею.

— Охладеете? Нет-нет! Я совсем не это имел в виду. К письмам охладеть невозможно, обычно они несут с собой одни неприятности.

— Вы говорите о письмах деловых, а я — о дружеских.

— Я не раз думал о том, что письма дружеские даже хуже деловых, — холодно заявил он. — Понимаете, дела хотя бы приносят нам доход, в отличие от дружбы.

— Ах, да вы шутите! Я слишком хорошо знаю мистера Джона Найтли — уверена, он ценит дружбу не меньше других. Охотно верю, что письма значат для вас мало, гораздо меньше, чем для меня, однако это не потому, что вы на десять лет меня старше, — разница не в возрасте, а в обстоятельствах. Все дорогие вам люди всегда рядом с вами, я же, вероятно, никогда больше не окажусь в таком положении, а потому, пока живы мои теплые чувства, почта будет привлекать меня даже в самую плохую погоду.

— Когда я говорил, что с течением лет вы переменитесь, — сказал Джон Найтли, — я лишь имел в виду, что время принесет перемены в вашем положении. Из одного следует другое. Разумеется, со временем привязанность к тем, кого мы не видим каждый день, ослабевает, однако я говорил об ином. Мисс Фэрфакс, позвольте мне как вашему старому другу выразить надежду, что лет через десять вы, как и я, будете жить в

окружении ваших дорогих и близких.

Сказаны эти слова были с добротой и безо всякого злого умысла. В ответ прозвучало лишь веселое «спасибо», однако румянец, дрожащие губы и слезинка в глазах выдавали, что сказанное девушку тронуло. Тут ее вниманием завладел мистер Вудхаус, который, согласно своей привычке в подобных случаях, обходил всех гостей и одаривал дам комплиментами, — очередь как раз дошла до нее. Со всей своей любезностью он сказал:

— Мисс Фэрфакс, как жаль, что вы попали под дождь! Юным дамам следует себя беречь. Они ведь такие нежные цветочки. Им следует заботиться о своем здоровье и цвете лица. Голубушка, вы переодели чулки?

— Да, сэр, переодела. Благодарю вас за вашу добрую заботу.

— Да, милая наша мисс Фэрфакс, о вас, юных дамах, всегда следует заботиться особенно… Надеюсь, ваши бабушка с тетушкой в добром здравии? Мы с ними старые друзья. Как жаль, что мое здоровье не позволяет быть соседом получше. Вы нам сегодня оказываете большую честь. Мы с дочерью очень вам признательны, для нас величайшая радость принимать вас в Хартфилде.

Оказав внимание каждой даме, добросердечный и вежливый мистер Вудхаус мог наконец сесть с чувством выполненного долга.

К этому времени разговор о прогулках под дождем уже дошел до миссис Элтон, которая тут же поспешила сделать Джейн выговор:

— Дорогая моя Джейн, что же я слышу? Ходить на почту под дождем! Да как же так можно! Ведь это совершенная глупость! Вот что значит — меня рядом не было.

Джейн терпеливо отвечала ей, что совершенно не простудилась.

— Ах, уж мне-то можете не рассказывать! Вы совсем не знаете, как о себе заботиться… Пойти на почту! Миссис Уэстон, можете вы себе такое представить? Нам с вами необходимо воспользоваться нашим влиянием.

— Я и впрямь чувствую искушение, — мягко и убедительно начала миссис Уэстон, — дать совет. Мисс Фэрфакс, вам не стоит подвергать себя подобной опасности. Вы легко подвержены тяжелым простудам, и следует быть особенно осторожной, тем более в такое время года. По-моему, весной необходимо следить за своим здоровьем пуще обычного. Лучше переждать часик-другой, а то, может, и полдня и сходить

за письмом попозже, чем снова подхватить ваш кашель, правда? Я уверена, что вы все прекрасно понимаете. Вижу по вашим глазам, что впредь вы так не поступите.

— Ах, не поступит ни в коем случае! — горячо подхватила миссис Элтон. — Мы ей этого не позволим, — и, выразительно кивая головой, добавила: — Мы что-нибудь придумаем, обязательно придумаем. Я поговорю с мистером Э. Слуга, который забирает нашу почту — не помню, как его зовут, — будет забирать и ваши письма и приносить их вам домой. Это избавит вас от всяких трудностей, милая моя Джейн, уж от насто сию услугу вы можете принять без зазрения совести.

— Вы чрезвычайно добры, — откликнулась Джейн, — но я никак не могу отказаться от утренней прогулки. Мне советовали как можно чаще бывать на свежем воздухе, а поход на почту как раз этому способствует. И право же, ни разу прежде не было плохой погоды.

— Дорогая Джейн, ни слова более. Считайте, дело решенное, но это, конечно, — добавила она, жеманно посмеиваясь, — в той степени, в которой я смею что-то решать без согласия господина моего и повелителя. Знаете, миссис Уэстон, нам с

вами надобно быть осторожными в выражениях. Но я, любезная моя Джейн, льщу себе надеждой, что еще обладаю некоторым влиянием. Ежели я не столкнусь с какими-то непреодолимыми препятствиями, то дело, считайте, уже улажено.

— Прошу меня простить, — твердо сказала Джейн, — однако я ни в коем случае не могу принять от вас такую услугу и утруждать без надобности вашего слугу. Если бы поход на почту был для меня в тягость, то письма, как и всегда, когда меня здесь нет, забирала бы бабушкина горничная.

— Ах, милая! Но ведь у Пэтти и так столько дел! А для наших слуг любое дело лишь на благо.

Джейн, судя по ее виду, отступать не собиралась, но возражать не стала, а вместо этого снова обратилась к мистеру Джону Найтли.

— Какое замечательное учреждение — почта! — сказала она. — Как исправно она всегда работает! Подумать только — это же столько дел! И все они исполняются как нельзя лучше, воистину поразительно!

— Да, налажена работа у них славно.

— Как редки ошибки или недочеты! По всему королевству постоянно отправляются тысячи писем, и все они приходят точно по адресу, ни

одно не теряется! А уж когда представишь, сколько работникам приходится вычитывать разных почерков, да порой еще и совершенно неразборчивых, так изумление только растет!

— Это все дело привычки. Для начала нужны острое зрение да ловкие руки, а все остальное приходит с опытом. Ежели такого объяснения мало, — продолжал он с улыбкой, — то не забывайте, что им за это платят. Вот и ключ к этой загадке. Почтовым служащим платят за труды, и, следовательно, они обязаны исправно работать.

Далее разговор зашел о видах почерков, и последовали обычные в таком случае замечания.

— Говорят, — начал Джон Найтли, — что в одной семье почерки часто бывают схожи. Это вполне естественно, ежели учитель был один. Но в таком случае, полагаю, схожи обычно почерки у женщин, ведь мальчиков учат письму только в раннем возрасте, а потом каждый строчит как придется. Вот у Изабеллы и Эммы почерки весьма похожи. Я даже не всегда их могу различить.

— Да, — неуверенно сказал его брат, — сходство есть. Я понимаю, о чем ты говоришь, но все же у Эммы почерк тверже.

— Они всегда писали очень красиво! — вставил мистер Вудхаус. — И Изабелла, и Эмма. И бедняж-

ка миссис Уэстон тоже, — посмотрев в ее сторону, прибавил он с легким вздохом и полуулыбкой.

— Что же до джентльменов, то я никогда не видела… — начала Эмма, тоже поворачиваясь в сторону миссис Уэстон, однако, заметив, что та занята другим разговором, замолчала и ненадолго задумалась: «Так, как же мне о нем заговорить?.. Могу ли я вот так перед всеми произнести его имя? Или мне нужно придумать что-то еще?.. Ваш йоркширский друг? Автор йоркширских писем?.. Если б совсем у меня дела были плохи, то так бы, пожалуй, и сказала. Но нет, я могу произнести его имя безо всякого волнения. Определенно, мне все лучше и лучше. Итак!»

Миссис Уэстон освободилась, и Эмма начала вновь:

— Что касается джентльменов, едва ли можно встретить почерк лучше, чем у мистера Фрэнка Черчилля.

— Меня он не восхищает, — отозвался мистер Найтли. — Слишком мелкий, и твердости не хватает. Его почерк похож на женский.

Дамы с таким отзывом не смирились. Они принялись защищать Фрэнка Черчилля от этой гнусной клеветы: «Нет, нет, хватает ему твердости. Почерк, конечно, некрупный, но зато очень

четкий и твердый определенно. Нет ли у миссис Уэстон с собой какого-нибудь письма для примера?» Но увы, еще недавно было у нее письмо, но она, написав ответ, сразу же его убрала.

— Были бы мы в другой комнате, — сказала Эмма, — рядом с моим письменным столиком, то я, думаю, нашла бы какой-нибудь образчик. Есть у меня от него записка… Помните, миссис Уэстон, вы попросили его однажды написать за вас?

— Это он только так сказал, что я попросила…

— Ну ладно, ладно. Словом, есть у меня сия записка, я ее могу после ужина показать мистеру Найтли.

— О! Когда столь услужливый молодой человек, как мистер Фрэнк Черчилль, пишет столь прекрасной даме, как мисс Вудхаус, — сухо заметил мистер Найтли, — то, разумеется, он всю душу вложит.

Подали обед. Миссис Элтон подскочила еще до приглашения, и не успел мистер Вудхаус подать ей руку, чтобы сопроводить в столовую, как она уже причитала:

— Ах, обязательно мне идти первой? Право же, неловко даже все время всех возглавлять.

Горячее желание Джейн забирать свои письма самой не ускользнуло от внимания Эммы. Она

все видела и слышала и с некоторым любопытством размышляла о том, оказался ли удачным ее сегодняшний поход на почту. Вероятнее всего — а иначе кто пойдет на улицу в такую непогоду, ежели не уверен, что его надежды будут оправданы? Джейн показалась Эмме гораздо радостнее обычного, даже лицо ее словно сияло.

Эмма могла, конечно, задать ей пару вопросов о том, долго ли идут письма из Ирландии и дорого ли их посылать, но удержалась. Она твердо решила ни единым словом не задевать чувств Джейн Фэрфакс, и они рука об руку, исполненные благожелательности, красоты и грации, проследовали за остальными дамами в столовую.

Глава XVII

Когда дамы после обеда вернулись в гостиную, их общество, несмотря на все усилия Эммы, разделилось надвое — с таким необдуманным упорством и невоспитанностью миссис Элтон уделяла все свое внимание Джейн Фэрфакс, совершенно пренебрегая самой Эммой. Они с миссис Уэстон были вынуждены либо говорить друг с другом, либо молчать. Миссис Элтон не оставила им другого выбора. Если Джейн и удавалось ее

сдержать, то ненадолго, и хотя разговор велся в основном полушепотом — особенно со стороны миссис Элтон, — присутствующие поневоле все равно становились его свидетелями. Дольше всего обсуждались письма, прогулки на почту, простуды и дружба. Затем миссис Элтон завела разговор на тему для Джейн, вероятнее всего, неприятную: она принялась расспрашивать, не нашла ли еще та подходящее место, и рассказывать о своих задумках на сей счет.

— Вот и апрель на дворе! — заявила она. — Начинаю за вас волноваться. Вот-вот и июнь наступит.

— Я никогда не ставила себе сроком июнь или какой-то другой месяц — только ждала лета.

— Неужели вы совсем ни о каком месте не слышали?

— Я еще не справлялась, и думать об этом пока что рано.

— Ах, но милая моя! Как бы потом не оказалось слишком поздно. Вы не осознаете, как трудно найти именно то место, которое вам подойдет.

— Я не осознаю! — воскликнула Джейн, покачивая головой. — Дорогая миссис Элтон, вряд ли кто-либо размышлял об этом больше меня.

— Но у вас нет моего знания света. Вы не знаете,

сколько все время желающих попасть на лучшие места. В Мейпл-Гроув я тому видела далеко не один пример. У миссис Брэгг, кузины мистера Саклинга, отбою не было от гувернанток: все хотели попасть именно к ней, потому что их семейство вращается в высшем обществе. У них в классной комнате восковые свечи! Нетрудно представить, какое завидное место! Как бы мне хотелось устроить вас именно к ней.

— К середине лета в Лондон вернутся полковник и миссис Кэмпбелл, — ответила Джейн. — Некоторое время я пробуду у них, уверена, они этому будут рады. Ну а после уже распоряжусь своей судьбой. До тех же пор, прошу, не утруждайтесь наведением справок.

— Утруждаться! Да, я понимаю ваше стеснение. Вы боитесь меня обременить, но, уверяю, дорогая моя Джейн, даже Кэмпбеллов не заботит ваша судьба так, как меня. На днях же напишу миссис Партридж и дам ей строгий наказ следить, не подвернется ли чего-нибудь подходящего.

— Благодарю, но все же, пожалуйста, не пишите ей об этом. Я не хочу никого утруждать раньше времени.

— Но, милое мое дитя, время бежит быстро. Вот уже апрель, а потом и июнь, и июль, а нам с

вами такое дело предстоит. Ваша неопытность меня воистину поражает! Не каждый день бывает свободно место, которого вы заслуживаете и которого пожелали бы для вас друзья. Такой дом в одночасье не найдешь. Да, нам теперь же — теперь же! — нужно начинать наводить справки.

— Прошу меня простить, миссис Элтон, но это ни в коем случае не входит в мои намерения. Я сама еще нигде не справлялась и не хотела бы, чтобы о сем хлопотали мои друзья. Когда я определюсь со временем, то без труда найду себе работу. В Лондоне есть такие учреждения, куда можно обратиться и очень скоро получить ответ. Учреждения для торговли, так скажем, не человеческой плотью, но человеческим умом.

— Ах! Милая моя! Человеческой плотью! Да что вы такое говорите! Ежели вы имеете в виду работорговлю, то, уверяю вас, мистер Саклинг всегда выступал за ее отмену.

— Я не это имела ввиду, у меня и в мыслях не было работорговли, — заметила Джейн. — Поверьте, я говорила лишь о подборе гувернанток — деле, бесспорно, менее совестном для тех, кто им занимается, однако что касается самих несчастных жертв — здесь я ничего утверждать не берусь. Впрочем, я лишь хотела сказать, что

такие учреждения существуют и с их помощью я, несомненно, очень быстро найду что-нибудь сносное.

— Сносное! — повторила миссис Элтон. — При вашей скромности и застенчивости «что-нибудь сносное» вас, вероятно, и удовлетворит, однако совершенно не порадует ваших друзей: согласившись на первое подвернувшееся предложение, вы попадете в какую-нибудь простую, заурядную семью, которой не доступны ни высший круг, ни наилучшие радости изящной жизни.

— Вы очень любезны, но мне все это совсем неважно. Я не стремлюсь попасть в богатый дом — наоборот, пожалуй, в подобном месте я стану лишь сильнее чувствовать свое отличие, тяжелее страдать от сего осознания. Для меня достаточно найти место в семье благородной.

— Знаю, знаю я вас, вы смиритесь с чем угодно. Но мне позвольте бóльшую щепетильность, и я уверена, что добрые Кэмпбеллы тоже встанут на мою сторону. С вашими-то талантами вы заслуживаете права вращаться в высших кругах. Да одно только музыкальное образование позволит вам называть свои собственные условия, требовать столько комнат, сколько вы пожелаете, и участвовать в жизни семьи столько, сколько вы

захотите… вернее… я не уверена… вот если бы вы еще играли на арфе… но вы ведь не только прекрасно играете, но еще и прекрасно поете! Да, я твердо уверена, что даже без арфы вы на все это имеете право. Ни я, ни Кэмпбеллы не успокоимся, пока вы не будете устроены в самое восхитительное, достойное и удобное место.

— Не сомневаюсь, что в данном случае можно поставить «восхитительный», «достойный» и «удобный» в один ряд, — отозвалась Джейн, — они будут между собою равны. Однако я и правда не хочу, чтобы для меня сейчас что-то подыскивали. Я чрезвычайно признательна вам, миссис Элтон, и всем, кто неравнодушен к моему положению, однако я вполне серьезно настроена подождать до лета. Еще на два-три месяца я останусь на том же месте и в том же положении, что и теперь.

— И я, уверяю вас, вполне серьезно настроена все время быть начеку и друзьям своим накажу держать ухо востро, чтобы не пропустить идеального места, — весело ответила миссис Элтон.

В таком духе она все болтала и болтала, пока в комнату не вошел мистер Вудхаус. Тут тщеславие ее обратилось к другой теме, и Эмма услышала, как миссис Элтон все тем же полушепотом сооб-

щила Джейн:

— А вот и мой старенький почитатель! Подумать только, какая учтивость — пришел, не дожидаясь других мужчин! Ну что за душка! Ах, уверяю вас, он мне чрезвычайно нравится. Восхищаюсь этой причудливой старомодной обходительностью. Она мне куда больше по душе, чем современная развязность; современная развязность мне отвратительна. Но милый старый мистер Вудхаус! Слышали бы вы, какими любезностями он осыпал меня за обедом. Ах, уверяю вас, мой caro sposo даже заревновал бы. Видно, я теперь его любимица — он даже отметил мое платье. А вам как? Это Селина выбирала. Кажется, красивое, вот только не уверена, не слишком ли оно пестро разукрашено? Мне совершенно не хочется показаться вычурной, всякие рюшечки — это же воистину ужас! Но сейчас я по-настоящему обязана быть нарядной. Все-таки новобрачной следует одеваться как новобрачной, хотя мне по вкусу больше простота. Незатейливое платье во много раз лучше роскошного. Но, полагаю, не многие со мной согласятся. Мало кто ценит простоту наряда, всем лишь бы попышнее да понаряднее. А может, мне такие рюшечки на мое поплиновое платье добавить? Такое, белое с

серебром. Как думаете?

Только все гости снова собрались в гостиной, как приехал мистер Уэстон. Он вернулся домой к позднему обеду и сразу после пришел в Хартфилд. Те, кто хорошо был знаком с его привычками, не удивились, однако все равно немало обрадовались. Мистер Вудхаус был столь же доволен его видеть, сколь до этого огорчен необходимостью принимать так много гостей. Лишь Джон Найтли был повергнут в немое изумление. Да чтобы человек, который после трудового дня в Лондоне мог спокойно провести остаток вечера дома, снова отправился в люди и прошагал полмили до чужого дома ради того, чтобы до позднего часу сидеть в большой компании, расточая любезности и выслушивая шумные разговоры… Сие в его голове просто не укладывалось. Человек, который с восьми утра был на ногах и заслужил теперь право отдохнуть, который весь день вынужден был разговаривать и теперь мог спокойно помолчать, который вытерпел множество людей и мог насладиться одиночеством! И этот человек оставляет тишину и спокойствие родного очага ради того, чтобы отправиться в свет по холоду, по апрельской слякоти! Если бы он пришел за своей женой и тут же с ней удалился — это еще можно

было бы понять, но ведь нет! Теперь все гости только задержатся еще больше! Джон Найтли с изумлением его оглядел, затем пожал плечами и заявил:

— Да уж, такого я не ожидал даже от него.

Мистер Уэстон тем временем, совершенно не подозревая, какое возмущение вызвало у некоторых его появление, как всегда, веселый и бодрый, пользовался правом на всеобщее внимание — ведь он целый день провел в отъезде! Он любезно поздоровался с остальными гостями и, убедив жену, что хорошо пообедал, а ни одно из ее тщательных наставлений слугам не было позабыто, и рассказав все лондонские новости, перешел к делам семейным. Обращался он при этом лишь к миссис Уэстон, но был совершенно уверен, что послушать интересно будет всем. Мистер Уэстон протянул жене письмо, которое перехватил по дороге и взял на себя смелость вскрыть. Оно было от Фрэнка и адресовалось миссис Уэстон.

— Прочтите, прочтите же, — сказал он, — вам понравится. Там всего несколько строк, много времени не займет. И Эмме прочитайте.

Дамы вместе склонились над письмом, а он тем временем с довольной улыбкой продолжал говорить, слегка понизив голос, однако так, чтобы все

могли все равно слышать:

— Ну видите! Он приезжает! Замечательная новость, по-моему. Ну, что вы скажете? А я ведь говорил, что скоро он снова приедет, говорил же я! А вы, милая моя Энн, все не верили. Они на следующей неделе приедут в Лондон, а то, может, и раньше — она, знаете ли, ужасно нетерпелива, коли ей что-то в голову взбредет, нетерпелива, как сам лукавый. Вероятнее всего, они приедут в Лондон уже завтра или в субботу. А болезни ее — это все, конечно, оказалось пустое. Как прекрасно, что Фрэнк снова навестит нас, что он поселится столь близко! Они в город обычно приезжают надолго, и он половину времени будет проводить у нас. Все как мне хотелось. Ну как, хорошие ведь новости? Дочитали? А Эмма прочла? Тогда уберите, уберите его, мы потом все обсудим, не сейчас. А остальным я просто передам суть в двух словах.

Его жена новости очень даже обрадовалась. Она выказывала удовольствие и на словах, и всем своим видом. Миссис Уэстон была счастлива, осознавала, что она счастлива, и этого не скрывала. Ее поздравления мужу звучали тепло и открыто, чего не могла позволить себе Эмма. Пытаясь оценить собственные чувства и понять,

охватило ли ее душу смятение, она заключила, что новость ее, можно сказать, взволновала.

Но мистер Уэстон на радостях утратил свою наблюдательность. Ему так хотелось поделиться известием с остальными своими друзьями — которые, впрочем, находясь в той же комнате, наверняка и так уже все слышали, — что он удовольствовался ее краткими поздравлениями и поскорее поспешил к другим гостям.

Хорошо, что для мистера Уэстона всеобщая радость была такой же естественной, как и его собственная, а иначе ему могло бы показаться, что мистер Вудхаус или мистер Найтли недостаточно обрадованы новостями. Их он подошел осчастливить сразу после миссис Уэстон и Эммы, а затем проследовал к мисс Фэрфакс, однако та была столь увлечена беседой с Джоном Найтли, что прерывать их было бы невежливо. Так что, оказавшись рядом со скучающей миссис Элтон, он волей-неволей заговорил об известии с ней.

Глава XVIII

— Надеюсь, что вскоре смогу иметь удовольствие представить вам своего сына, — сказал мистер Уэстон.

Миссис Элтон, весьма склонная толковать сию надежду как комплимент себе, благосклонно улыбнулась.

— Полагаю, вы уже наслышаны о Фрэнке Черчилле, — продолжал он, — и знаете, что это мой сын, хоть он и носит другую фамилию.

— Ах да! Буду очень рада с ним познакомиться. Уверена, мистер Элтон сразу же нанесет ему визит, и мы оба будем весьма рады принять его у себя.

— Вы очень любезны. Уверен, Фрэнк будет невероятно счастлив. Он приедет в Лондон на следующей неделе, если не раньше. Мы сегодня получили об этом письмо. Я еще утром по дороге столкнулся с почтальоном и, увидев почерк своего сына, взял на себя смелость вскрыть письмо, хоть оно и адресовано миссис Уэстон, а не мне. Только ей и пишет, представляете. Хоть бы отцу разочек написал!

— И вы вот так легко взяли и открыли письмо, адресованное жене! Ах, мистер Уэстон! — жеманно засмеялась миссис Элтон. — Какой опасный случай! Прошу, не подавайте примера вашим соседям. Право же, если и меня ждет такая участь, то нам, замужним женщинам, впору за себя постоять! Ах! Мистер Уэстон, поверить не могу!

Подобного я от вас не ожидала!

— Да, мы, мужчины, народ такой. И вы, миссис Элтон, себя в обиду не давайте… Так вот, в письме — оно совсем коротенькое, написано в спешке, своеобразное, можно сказать, извещение — так вот… В письме он пишет, что они все едут в Лондон немедленно по настоянию миссис Черчилль. Ей всю зиму нездоровилось, и она считает, что чересчур уж в Анскоме холодно, так что они все немедля едут к югу.

— Вот как! Из Йоркшира! Анском ведь в Йоркшире?

— Да, в ста девяноста милях от Лондона. Путь неблизкий.

— Да-да, отнюдь не близкий! На шестьдесят пять миль дальше от Лондона, чем Мейпл-Гроув. Но, мистер Уэстон, разве значит что-то расстояние для людей богатых? Вы бы удивились, как много мой зять, мистер Саклинг, иногда путешествует. Вы не поверите: как-то раз они с мистером Брэггом дважды на одной неделе ездили на четверке в Лондон и обратно.

— Главная беда такой дальней дороги из Анскома, — сказал мистер Уэстон, — в том, что миссис Черчилль, насколько нам, конечно, известно, не могла, бывало, целую неделю встать с кушетки.

В последнем письме Фрэнк рассказал, что она жалуется на такую слабость, что не может даже до оранжереи дойти без помощи мужа и племянника, они поддерживают ее под руки с двух сторон! Она чрезвычайно слаба… и все же миссис Черчилль так не терпится попасть в Лондон, что она согласна останавливаться на ночлег всего дважды по дороге. Фрэнк так и пишет. Да, здоровье хрупких дам бывает порою удивительным, согласитесь, миссис Элтон.

— Нет уж, нет уж, и не подумаю. Я всегда принимаю женскую сторону. Да, всегда! Так и знайте: в этом вопросе я ваша противница. Я всегда заступаюсь за женщин, и, уверяю, если б вы знали, как к ночлегам на постоялых дворах относится Селина, вы бы не удивлялись, что миссис Черчилль всеми силами старается их избегать. Селина говорит, что подобный ночлег — это просто ужас, и я тоже переняла от нее некоторую привередливость. Она всегда берет в дорогу собственные простыни — прекрасная предосторожность. А миссис Черчилль берет?

— Поверьте, миссис Черчилль следует всем привычкам любой знатной особы. Ни одной важной даме в королевстве не уступит в…

Миссис Элтон поспешно вставила:

— Ах, мистер Уэстон, что вы! Никакая Селина не важная дама, будьте уверены. Не подумайте ничего такого.

— Да? Ну тогда ее пример не подходит для миссис Черчилль, дамы знатной с ног до головы.

Миссис Элтон поняла, что зря она отрицала важность сестры с такой горячностью. Она вовсе не хотела и в самом деле разубедить в этом собеседника, ее слова были лишь притворной уловкой, и пока она обдумывала, как бы ей теперь получше от них отречься, мистер Уэстон продолжил:

— Миссис Черчилль, как вы можете догадаться, не слишком пользуется моим расположением — но это только между нами. Она очень любит Фрэнка, и потому я не могу позволить себе говорить о ней дурно. К тому же ей сейчас нездоровится, хотя, если судить по ее собственным словам, нездоровится ей постоянно. Я не всякому в сем признаюсь, миссис Элтон, но что-то не сильно верится мне в ее болезни.

— Мистер Уэстон, но ежели она и в самом деле больна, то почему бы не поехать в Бат? В Бат или в Клифтон?

— Она вбила себе в голову, что якобы в Анскоме слишком холодно. Однако, я полагаю, она от

Анскома просто устала. Впервые так долго сидит дома без выезда, вот и захотела сменить обстановку. Анском — место уединенное. Прекрасное, но уединенное.

— Да, вероятно, как Мейпл-Гроув. Нет места, более отдаленного от дороги, чем Мейпл-Гроув. Там вокруг воистину огромный парк! Кажется, будто вы оторваны от всего мира — в совершенном уединении. У миссис Черчилль, вероятно, не такое здоровье и не такой характер, как у Селины, чтобы наслаждаться сим затворничеством. А может, для жизни в глуши ей не хватает внутренних богатств? Я всегда говорю, что женщине важно иметь богатый внутренний мир, и сама я безмерно благодарна, что без общества не заскучаю.

— Фрэнк приезжал к нам на две недели в феврале.

— Слышала, слышала. Теперь он найдет в хайберийском обществе пополнение, ежели мне позволено так себя назвать. Но, вероятно, он и вовсе не знает о существовании какой-то там еще особы…

Когда так явственно напрашиваются на комплимент, пропустить это невозможно, и мистер Уэстон тут же воодушевленно воскликнул:

— Что вы! Да как сие возможно! Не знает о ва-

шем существовании! Миссис Уэстон в последних письмах только и пишет, что о миссис Элтон.

Исполнив долг вежливости, он вернулся к разговору о сыне.

— Когда Фрэнк уехал, — продолжал он, — нельзя было сказать, как скоро мы увидимся вновь, и потому сегодняшняя новость вдвойне приятна. Никто этого не ожидал. Вернее, я-то всегда знал, что он приедет, и очень скоро, я знал, что подвернется счастливый случай, но никто мне не верил. И Фрэнк, и миссис Уэстон потеряли всякую надежду. «Разве ухитрится он снова вырваться? Разве отпустят его тетя с дядей еще раз?» — и так далее. А я всегда чувствовал, что подвернется удачное обстоятельство — и видите! Так оно и случилось. Жизнь научила меня, миссис Элтон, что если в этом месяце дела идут плохо, то в следующем они обязательно поправятся.

— Верно вы говорите, мистер Уэстон, совершенно верно. Вот и я сие говорила одному известному джентльмену в те дни, когда мы еще не поженились. Не все шло столь гладко и быстро, как ему хотелось, и он вечно впадал в отчаяние и твердил, что этак нас в шафранные одежды Ги-

менея[14] облачат не раньше мая. Ах! Через что я только не прошла, чтобы разогнать его мрачные мысли и внушить более радостные! Чего стоил один только экипаж — сколько у нас было разочарований! Помню, мистер Элтон тогда ко мне пришел совсем в отчаянии.

Тут она закашлялась, и мистер Уэстон сразу же воспользовался возможностью продолжить свою речь.

— Вот вы вспомнили май. Именно на май миссис Черчилль велено — а точнее, это она сама себе велела — уезжать из Анскома в места потеплее, словом, в Лондон. Так что нам невероятно повезло — Фрэнк будет навещать нас всю весну, и лучше времени года не найти: дни уже длятся дольше, и погода еще стоит не слишком жаркая, а мягкая и приятная — так и хочется погулять. Когда он приезжал к нам в феврале, мы тоже гуляли немало, но погода зачастую бывала сырая, дождливая и безрадостная. Мы и половины задуманного сделать не смогли. А теперь-то — самое время! Какое это будет удовольствие! И знаете, миссис Элтон, может быть, сия неопределенность встреч и постоянное их ожидание — приедет

---

[14] Примечания: 14
Гименей — божество брака в древнегреческой мифологии.

ли он сегодня, или завтра, а может, даже через час — делают нас даже счастливее. Уверен, так оно и есть. Это такое состояние души, которое приносит даже больше воодушевления и радости. Надеюсь, вам мой сын понравится, однако не ожидайте гения. Все обычно говорят, что он очень славный молодой человек, но, прошу вас, гения не ожидайте. Миссис Уэстон судит о нем весьма пристрастно, что, как вы можете догадаться, меня чрезвычайно радует. Она считает, что ему нет равных.

— Поверьте, мистер Уэстон, у меня нет и тени сомнения, что и мне он понравится. Я столько похвал слышала о мистере Фрэнке Черчилле… Но в то же время справедливо будет отметить, что я из тех, кто предпочитает судить самостоятельно, не следуя слепо за другими. Так что знайте: я вынесу о нем впечатление после личного знакомства. Я льстить не приучена.

Мистер Уэстон погрузился в раздумья.

— Надеюсь, — начал он через некоторое время, — я не слишком несправедлив к бедной миссис Черчилль. Может, ей и вправду нездоровится. Я не хотел быть чересчур суров. Однако есть в ее характере определенные черты, из-за которых мне при всем желании быть благосклоннее

трудно. Наверняка вам известно, миссис Элтон, каким образом я связан с их семьей и на какое я наткнулся обращение, и все это — между нами — полностью ее вина. Она главная подстрекательница. Никто не отнесся бы к матери Фрэнка с таким пренебрежением, если бы не она. Мистер Черчилль — человек гордый, однако его гордость совершенно ничто в сравнении с гордыней его жены. У него это обыкновенное для благородного джентльмена качество: его гордость спокойная и праздная. Никому от сего вреда нет, разве что сам он немного беспомощен и скучен. Она же заносчива и высокомерна! Еще невыносимее, что сама она не может похвастать ни знатностью, ни происхождением. Когда он на ней женился, она была никем, разве что дочерью джентльмена, но с тех пор как стала миссис Черчилль, всех Черчиллей в надменности перещеголяла, хотя сама она, поверьте, всего-навсего выскочка.

— Подумать только! Да, сие не может не раздражать! Не переношу выскочек. В Мейпл-Гроув я поняла, что испытываю к таким людям отвращение. Там по соседству есть одна семья, которая чрезвычайно раздражает моего зятя и сестру своей напыщенностью! Ваше описание миссис Черчилль очень мне их напомнило. Семейство

по фамилии Тапмен. Они только недавно туда переехали, обременены какими-то многочисленными родственниками низкого происхождения, а ведут себя так, будто могут стоять наравне со старыми, давно обосновавшимися семьями. Они в Уэст-Холле едва ли полтора года прожили, а откуда у них такое состояние — никто не знает. Приехали из Бирмингема, сами понимаете: не лучшая рекомендация. От Бирмингема ничего хорошего не жди. Я всегда говорю, что даже в самом названии есть что-то слегка ужасающее. И ничего об этих Тапменах больше не известно, хотя, уверяю, многое можно предположить. При этом их поведение явно говорит, что они считают себя равными даже моему зятю, мистеру Саклингу, который, по несчастью, оказался их ближайшим соседом. А мистер Саклинг живет в Мейпл-Гроув вот уже одиннадцать лет, а до этого там проживал его отец, который, я полагаю — я даже почти уверена! — и купил имение.

Их прервали. Гостей обносили чаем, и мистер Уэстон, сказав все, что хотел, воспользовался случаем и покинул собеседницу.

После чая мистер Элтон и чета Уэстонов сели за карточный стол вместе с мистером Вудхаусом. Все остальные были предоставлены самим себе.

Эмма засомневалась, выйдет ли из сего расклада что-нибудь дельное, поскольку мистер Найтли, казалось, к беседе не расположен, миссис Элтон хотелось внимания, которого ей оказывать никто не намеревался, а сама она была в таком смятении чувств, что предпочла бы сохранить молчание.

Мистер Джон Найтли оказался разговорчивее брата. На следующее утро ему предстояло уезжать, и вскоре он нарушил тишину:

— Что ж, Эмма, по поводу мальчиков мне добавить нечего. Впрочем, у вас есть письмо от вашей сестры — там, можете не сомневаться, расписаны ее указания во всех подробностях. Мои же указания будут гораздо короче и, вероятно, несколько иного порядка. В двух словах: не балуйте их и не пичкайте лекарствами.

— Надеюсь, что смогу угодить вам обоим, — сказала Эмма. — Я сделаю все, чтобы они были счастливы, а для Изабеллы сего будет достаточно. Счастье же поможет избежать излишнего потакания и лекарств.

— Ежели станут надоедать, отправляйте их домой.

— А они станут? Так вы думаете?

— Я знаю, что для вашего батюшки наши маль-

чики могут оказаться чересчур шумными… И даже вам они, вероятно, помешают, ежели ваши приемы и визиты участятся, как в последнее время.

— Участятся?!

— Разумеется. Вы ведь и сами видите, что за последние полгода ваш образ жизни сильно переменился.

— Переменился? Нет, ничего подобного я не вижу.

— Несомненно, вы ищете общества чаще прежнего. Вот хотя бы сегодня. Я приехал всего на один день и тут же попал на званый обед! Разве такое раньше случалось? У вас становится все больше соседей, и вы все больше с ними видитесь. Во всех последних письмах к Изабелле вы расписываете всяческие новые увеселения: обеды у мистера Коула, балы в «Короне»… Да чего один только Рэндаллс стоит.

— Да, — быстро вставил его брат, — все дело в Рэндаллсе.

— Вот. А поскольку Рэндаллс, я полагаю, продолжает оказывать на вас определенное влияние, вполне вероятным мне кажется, что Генри и Джон станут для вас помехой. И в таком случае я лишь прошу вас отправить их домой.

— Нет! — вскричал мистер Найтли. — Зачем же домой! Пускай отправляют их в Донуэлл. Я-то буду свободен.

— Честное слово, вы меня поражаете! — воскликнула Эмма. — Интересно, в каких это из моих многочисленных увеселений не участвовали вы? И с чего бы мне не хватило времени, чтобы позаботиться о двух мальчиках? Что это за удивительные развлечения такие? Обед у Коулов да разговоры о бале, который так и не состоялся. Я еще могу понять вас, — кивнула она в сторону мистера Джона Найтли. — Вы так рады, что вам повезло встретить столь много добрых друзей в одно время одном месте, и вам кажется сие чем-то грандиозным. Но вы, — тут она повернулась к мистеру Найтли, — прекрасно знаете, как редко, как чрезвычайно редко я отлучаюсь из Хартфилда хотя бы на два часа. Как вы можете предрекать, будто бы меня настигнут нескончаемые развлечения — ума не приложу. А что до моих милых племянников, так вот что я скажу: если уж тетя Эмма для них не найдет времени, то дядя Найтли — и подавно. Она из дома уйдет на часок и вернется, а он пропадет на целых пять или же засядет дома и давай читать или сверять бумаги.

Мистер Найтли, казалось, старался не улыбаться, и ему это без труда удалось, как только к нему обратилась миссис Элтон.

Книга III
Глава I

Эмме не пришлось долго думать, чтобы понять природу того волнения, которое принесла ей новость о приезде Фрэнка Черчилля. Она быстро убедилась, что не за себя смущается и опасается, а за него. Ее собственные чувства совершенно ослабли и не стоили внимания, а вот если он, влюбленный, очевидно, гораздо сильнее ее, вернется, полный тех же пылких чувств, с какими уезжал, то беды не миновать. Если за два месяца разлука не охладила его, то ее поджидали опасности и невзгоды — нужно быть осмотрительнее и ради него, и ради себя. Эмма и сама не желала вновь подвергнуться чувствам, и его обязана была никоим образом не поощрять.

Главное — удержать его от прямого признания. Не хотелось бы заканчивать их нынешнюю дружбу столь болезненным способом! И все же душа ее жаждала какой-то развязки. Эмма чувствовала, что с приходом весны случится некоторый перелом, некое событие, нечто такое, что повлияет на ее теперешние невозмутимость

и умиротворение.

Довольно скоро — хотя и не так скоро, как предсказывал мистер Уэстон, — она смогла судить о чувствах Фрэнка Черчилля. Анскомское семейство приехало в Лондон позже, чем ожидалось, зато Фрэнк прибыл в Хайбери сразу же по приезде. Он смог отлучиться лишь на несколько часов и большего позволить себе пока что не мог. Из Рэндаллса Фрэнк тут же пришел в Хартфилд, и Эмма, со всей ее тонкой наблюдательностью, быстро оценила, какие чувства он испытывает и как ей себя вести. Они поприветствовали друг друга как настоящие друзья. Не могло быть никаких сомнений, что он чрезвычайно рад ее видеть. Однако Эмма сразу же заподозрила, что он охладел и не питает к ней былой нежности. Она внимательно за ним следила. Было очевидно: он уже не столь сильно влюблен. Разлука, а также, вероятно, уверенность в том, что к нему равнодушны, возымели вполне естественное и весьма желанное действие.

У него было прекрасное настроение: он, как всегда, с готовностью поддерживал беседу и смеялся, казалось, радовался случаю вспомнить свой прошлый визит и даже был в некоторой степени взволнован. Не из-за спокойствия Эмма рассу-

дила о его новообретенном безразличии. Фрэнк отнюдь не был спокоен — напротив, он был немало возбужден, в его поведении чувствовалась какая-то суетливость. Его сегодняшняя оживленность, казалось, его самого не радовала. Однако сомнений по поводу его чувств не осталось и вовсе, когда, пробыв у них всего лишь четверть часа, Фрэнк Черчилль поспешил в Хайбери, чтобы нанести другие визиты. По пути в Хартфилд он встретил некоторых старых знакомых и успел разве что быстро поздороваться, однако смеет полагать, что они будут разочарованы, если он к ним не зайдет. Как бы ни хотелось ему побыть в Хартфилде подольше, к несчастью, он вынужден бежать. Эмма нисколько не сомневалась, что молодой человек к ней остыл, однако его взволнованность и стремление поскорее уйти говорили о том, что полностью он не исцелился и теперь боялся: останься он подольше, чувства снова над ним возобладают.

Прошло десять дней, однако больше Фрэнк Черчилль не приезжал. Он все время надеялся и собирался, но всякий раз встречал к тому препятствия. Его тете постоянно требовалось его присутствие. Так писал он в Рэндаллс. Если то была правда и он в самом деле пытался их наве-

стить, то приезд в Лондон, по всей видимости, не исцелил беспокойства и своенравия миссис Черчилль. В том, что ей и правда нездоровится, Фрэнк был уверен и объявил об этом в Рэндаллсе. Хотя многое и возможно было приписать ее блажи, он не сомневался, что за последние полгода здоровье тетки и впрямь ухудшилось. Фрэнк полагал, что его возможно поправить правильным уходом и лекарствами и что миссис Черчилль, несомненно, проживет еще долгие годы, однако с мистером Уэстоном, который утверждал, будто жалобы ее выдуманные и она совершенно здорова, согласиться не мог.

Вскоре выяснилось, что Лондон ей не подходит. Она не выносит его шума. Он постоянно раздражает ее нервы и приносит страдания, так что под конец их десятого дня в городе Фрэнк сообщил в письме в Рэндаллс, что планы меняются. Они немедленно переезжают в Ричмонд. Там миссис Черчилль рекомендовали одного известного врача, да и сам город ей по нраву. Они уже сняли меблированный дом в ее любимом месте и полагают, что перемена принесет большую пользу.

Эмме передали, что Фрэнк чрезвычайно рад новым обстоятельствам и, кажется, благодарен судьбе за возможность провести два месяца —

дом сняли на май и июнь — в такой близости от многочисленных и дорогих друзей. Ей сообщили, что теперь он совершенно уверен в возможности навещать их так часто, как пожелает.

Эмма догадывалась, как мистер Уэстон понимает эти радостные планы сына. Ее одну он считает причиной его счастья. Она же надеялась, что это не так. За два месяца все станет окончательно ясно.

В счастье самого мистера Уэстона сомневаться не приходилось. Он был в полном восторге. Прежде о таких переменах он мог только мечтать, теперь же Фрэнк и правда будет жить действительно по соседству. Что девять миль для молодого человека? Час езды. Он станет приезжать постоянно. Разница между Ричмондом и Лондоном велика: теперь они смогут видеться все время, когда до этого не могли видеться вовсе. Шестнадцать миль — нет, даже восемнадцать, если считать до Манчестер-стрит, — это расстояние серьезное. Даже если Фрэнк и мог выбраться, то весь день проводил в дороге. Нет, Лондон в этом отношении ничуть не лучше Анскома, а вот Ричмонд столь близко, что теперь у них не будет никаких трудностей. Ближе и не пожелаешь!

С новостью о переезде возобновились разгово-

ры о бале в «Короне». О нем и прежде не забывали, однако очень скоро отказались от напрасных попыток назначить точный день. Теперь же балу быть! Продолжились прежние приготовления, и вскоре после переезда Черчиллей в Ричмонд от Фрэнка пришла весточка, в которой он сообщал, что тетке уже гораздо лучше и что он, вне всяких сомнений, сможет приехать к ним на сутки в любое назначенное время, и просил долго с балом не затягивать.

Задумка мистера Уэстона обещала стать явью. Всего несколько дней отделяли молодежь Хайбери от полного счастья.

Мистер Вудхаус смирился. Время года, несомненно, облегчало его горькую участь. Май во всех отношениях лучше февраля. Компанию ему на вечер согласилась составить миссис Бейтс, Эмма дала Джеймсу все необходимые указания, а сам мистер Вудхаус жизнерадостно выразил надежду, что ни с малышом Генри, ни с малышом Джоном в отсутствие милой Эммы ничего не случится.

Глава II

На этот раз балу ничто не помешало. День был назначен, и день настал. Утро прошло в тревожном ожидании, но наконец Фрэнк Черчилль собственной персоной явился к обеду в Рэндаллс, и все вздохнули спокойно.

Они с Эммой еще не виделись. Их первая за эти дни встреча должна была произойти в «Короне», но, к счастью, не при многочисленных гостях. Мистер Уэстон столь горячо просил Эмму приехать сразу же после них и до остальных приглашенных, чтобы оценить приличие и удобство комнат, что она не смогла ему отказать, и потому ей предстояло провести некоторое время до всеобщей суматохи в обществе молодого человека. Она заехала за Харриет, и вместе они прибыли в «Корону» как раз вовремя, сразу вслед за своими рэндаллсскими друзьями.

Фрэнк Черчилль, казалось, их поджидал, и, хотя он был молчалив, по глазам его можно было судить, что он предвкушает чудесный вечер. Они все вместе прошлись по комнатам, чтобы проверить, все ли в порядке, и всего через несколько минут к ним присоединились еще одни гости.

Только заслышав их экипаж, Эмма не могла не удивиться. «Не слишком ли рано?» — чуть не вырвалось у нее, но вскоре оказалось, что это семейство старинных друзей мистера Уэстона, которых он, как и ее, призвал к себе на помощь. Вслед за ними подъехала еще одна повозка — двоюродные родственники, приглашенные пораньше с той же целью. Выходило, что добрая половина гостей уже собралась для предварительного осмотра.

Эмма осознала, что не единственно на ее вкус полагается мистер Уэстон. Невелика радость быть любимицей и близкой подругой человека, у которого полно других любимцев и поверенных. Ей нравилась его общительность, однако некоторая сдержанность была бы ему к лицу. Дружелюбность ко всем, но не дружба со всеми — вот качество настоящего джентльмена. Такой мужчина был бы ей по душе. Все вместе они снова обошли комнаты, все посмотрели, все похвалили и затем от нечего делать собрались полукругом у камина, отмечая каждый на свой лад, как же приятно даже в мае погреться вечером у камина.

Эмма узнала, что, будь на то воля мистера Уэстона, число его приближенных советников было бы даже больше. По пути из Рэндаллса они

остановились у миссис Бейтс и предложили свой экипаж, однако выяснилось, что тетушку и племянницу привезут Элтоны.

Фрэнк встал рядом с Эммой, но поведение его говорило, что он явно чем-то обеспокоен. Он то и дело оглядывался по сторонам, подходил к дверям, прислушивался, не подъехала ли очередная повозка — то ли в нетерпении начать бал, то ли из страха все время находиться рядом с ней.

Вспомнили о миссис Элтон.

— Думаю, скоро она приедет, — сказал он. — Мне очень любопытно познакомиться с миссис Элтон, я столько о ней слышал. Наверное, недолго ждать осталось.

Появился экипаж. Фрэнк встрепенулся, однако сразу вернулся назад со словами:

— Я совсем забыл, что еще ей не представлен. Я ведь не знаком ни с мистером, ни с миссис Элтон. Не стоит бежать вперед всех.

Вошли Элтоны, посыпались улыбки и любезности.

— А где же мисс Бейтс и мисс Фэрфакс? — спросил, оглядываясь, мистер Уэстон. — Мы думали, они приедут с вами.

Он почти угадал. За ними как раз отправили экипаж. Эмме не терпелось узнать первые впе-

чатления Фрэнка о миссис Элтон, его мысли о ее вычурном платье и снисходительных улыбках. Наверняка ему будет что сказать, ведь после их знакомства он принялся уделять ей очень пристальное внимание.

Через несколько минут повозка вернулась. Кто-то сказал, что на улице дождь.

— Я позабочусь о зонтиках, сэр. Нельзя забывать о здоровье мисс Бейтс, — сказал Фрэнк отцу и тут же убежал. Мистер Уэстон хотел было пойти вслед за сыном, но его задержала миссис Элтон. Ей не терпелось одарить его своим впечатлением о молодом человеке, и она так живо к этому приступила, что даже сам Фрэнк Черчилль, который поспешно направился ко входу, наверняка все слышал.

— Славный, очень славный молодой человек. Помните, мистер Уэстон, я честно вам сказала, что сама составлю свое мнение. Так вот, я чрезвычайно им довольна. Можете мне верить. Я никогда не льщу. По-моему, очень красивый молодой человек, а манеры — как раз такие, как я люблю и одобряю. Истинный джентльмен, без тени тщеславия и фатовства. Знаете, я терпеть не могу фатов, это воистину кошмар. В Мейпл-Гроув им никогда не были рады. Ни я, ни мистер

Саклинг их не выносим, иногда приходилось по-настоящему грубить! Вот Селина с ними гораздо терпеливее, у нее удивительно мягкий нрав.

Внимание мистера Уэстона легко было завоевать разговорами о сыне, но едва речь зашла о Мейпл-Гроув, он сразу же вспомнил, что только что прибыли дамы, а значит, им нужно оказать должное внимание, и со счастливой улыбкой он убежал прочь.

Миссис Элтон обратилась к миссис Уэстон:

— Не сомневаюсь, это наш экипаж с мисс Бейтс и Джейн. У нас кучер быстро гонит, и лошади резвые! Никто быстрее нас не ездит. Какое удовольствие — посылать экипаж за друзьями! Вы, как я понимаю, тоже предлагали свою помощь, однако впредь этого не понадобится. Можете быть уверены: уж о них я всегда позабочусь.

В комнату вошли мисс Бейтс и мисс Фэрфакс в сопровождении джентльменов, и миссис Элтон, казалось, решила, что обязана приветствовать их наравне с миссис Уэстон. Это было заметно по ее жестам и движениям всякому, кто, как и Эмма, наблюдал за ней со стороны, а вот слова ее, да и слова всех остальных в комнате тотчас же потонули в нескончаемом потоке болтовни мисс Бейтс, которая начала говорить от самой

повозки и долго не смолкала даже после того, как присоединилась к обществу у камина. С порога послышалось:

— Как любезно с вашей стороны!.. Что вы, что вы, какой дождь? Разве же это дождь? За себя я не волнуюсь. У меня подошва толстая. А Джейн говорит, что… Ох! — воскликнула она, едва ступив через порог. — Ого! Великолепно!.. Очаровательно!.. Право же, как чудно придумано! Лучше и не представишь. Выше всех ожиданий… Сколько света!.. Джейн, Джейн, посмотри!.. Видала ты сие когда-нибудь? Ах! Мистер Уэстон, не иначе вы нашли лампу Аладдина. Наша добрая миссис Стоукс просто не узна́ет собственную залу. Я с ней столкнулась на входе, она как раз у дверей стоит. «А! — говорю я. — Миссис Стоукс!» Ну а больше ничего сказать не успела, — тут гостью встретила миссис Уэстон. — Я замечательно, благодарю, благодарю вас. Надеюсь, что и вы в добром здравии. Да, очень рада это слышать… Я все боялась, как бы у вас голова не разболелась!.. Вы так часто мимо нас ходили, столько у вас было хлопот. Очень, очень рада это слышать. А, миссис Элтон! Признательны вам за экипаж! Как раз вовремя. Мы с Джейн были уже готовы. Ни на миг не задержали лошадей. Чрезвычайно удобный

экипаж… Ах, миссис Уэстон! И вам я тоже весьма признательна. Миссис Элтон любезно заранее прислала Джейн записку, а так мы бы с удовольствием… Два таких добрых предложения в один день! Как нам повезло с соседями. Я матушке так и сказала: «Честное слово, такие соседи!..» Ах, благодарю, матушка себя чувствует прекрасно. Отправилась к мистеру Вудхаусу. Я ее заставила взять с собой шаль… вечерами так холодно становится… ее новую большую шаль… Это от миссис Диксон подарок по случаю свадьбы… Как мило с ее стороны подумать о моей матушке! Купила в Уэймуте… а выбирал мистер Диксон. Джейн говорит, там еще три других было, и они долго думали. Полковнику Кэмпбеллу понравилась оливковая… Джейн, милая, ты уверена, что не промочила ноги?.. Упало всего две капельки, но я все равно так беспокоюсь… Но мистер Фрэнк Черчилль бесконечно… И даже коврик, чтобы ступать… Никогда не забуду его чрезвычайной предупредительности… О, мистер Фрэнк Черчилль, должна сказать, матушкины очки больше не ломались, заклепка не выскакивала. Матушка часто вспоминает о вашей доброте. Правда, Джейн?.. Мы ведь часто вспоминаем о мистере Фрэнке Черчилле?.. А, мисс Вудхаус!.. Дорогая

мисс Вудхаус, как поживаете?.. Я превосходно, благодарю. Мы с вами словно в сказке!.. Такое превращение!.. Знаю, что нельзя говорить комплименты, — сказала она, довольно разглядывая Эмму, — это было бы невежливо… Но, честное слово, мисс Вудхаус, вы выглядите… Как вам прическа Джейн?.. Вы можете судить… Она сама ее сделала. Удивительно, как у нее так получается!.. Лучше любого лондонского парикмахера… А, доктор Хьюз! И миссис Хьюз! Нужно скорее пойти с ними поздороваться… Здравствуйте, здравствуйте! Как поживаете?.. Я замечательно, благодарю. Какая чудная встреча… А где же наш дорогой мистер Ричард?.. А! Вот он где. Не надо, не зовите. С юными дамами гораздо приятнее беседовать. Как поживаете, мистер Ричард? Видела вас на днях в городе, вы мимо проезжали… Миссис Отуэй! И мистер Отуэй, и мисс Отуэй, и мисс Кэролайн… Сколько добрых друзей!.. И мистер Джордж, и мистер Артур!.. Здравствуйте! Как поживаете?.. Я чудесно, покорно вас благодарю. Лучше не бывает… Что я слышу? Еще одна повозка?.. Кто же это?.. Вероятно, достопочтенные Коулы… Честное слово, как чудесно, когда вокруг столько друзей! И какой славный камин!.. Даже жарко. Мне кофе не надо, спасибо, я кофе не пью… Чашечку чая,

сэр, ежели вам не трудно, но это не к спеху… А вот и чай! Как замечательно!

Фрэнк Черчилль вернулся на прежнее место рядом с Эммой. Как только мисс Бейтс умолкла, Эмма стала невольным слушателем разговора между миссис Элтон и мисс Фэрфакс, которые стояли чуть позади. Фрэнк Черчилль о чем-то размышлял. Мог ли и он слышать их беседу, она понять не могла. Нахвалив платье и прическу Джейн, которая приняла все комплименты весьма сдержанно и достойно, миссис Элтон, очевидно, захотела ответных любезностей и начала:

— А как вам мое платье? Как отделка? Хорошо ли меня Райт причесала? — и в таком духе она задала еще множество вопросов, на каждый из которых Джейн отвечала вежливо и терпеливо. Затем миссис Элтон сказала:

— Нет на свете человека, которого заботят наряды меньше, чем меня, но по таким случаям, как этот, когда все взоры обращены ко мне, и из признательности к Уэстонам, которые, несомненно, дают этот бал прежде всего в мою честь, мне бы хотелось выглядеть не хуже других. Вижу, жемчуга тут больше почти ни у кого нет… Фрэнк Черчилль, как я понимаю, превосходный танцор. Посмотрим, какая из нас получится пара. Слав-

ный он молодой человек, этот Фрэнк Черчилль. Очень мне понравился.

Тут Фрэнк Черчилль внезапно столь живо заговорил, что Эмма осталась уверена: он тоже услышал эти похвалы и далее слушать не пожелал. На время беседа с ним отвлекла ее, но стоило им ненадолго замолчать, как вновь послышался отчетливый голос миссис Элтон. К дамам подошел мистер Элтон, и его жена воскликнула:

— Ах, наконец вы отыскали нас в нашем уединенном уголочке! А я как раз говорила Джейн, что вам, вероятно, скоро захочется к нам присоединиться.

— Джейн! — удивленно и недовольно повторил Фрэнк Черчилль. — Какая вольность… Но мисс Фэрфакс, полагаю, не против.

— Ну как вам нравится миссис Элтон? — шепотом спросила Эмма.

— Совершенно не нравится.

— Как вы неблагодарны.

— Неблагодарен!.. О чем вы? — спросил он, но, переменив хмурый взгляд на улыбку, продолжил: — Впрочем, не говорите. Не хочу знать. Где отец? Когда мы начнем бал?

Эмма совсем не понимала Фрэнка Черчилля и его странного настроения. Он пошел искать

отца, но вскоре вернулся и с ним, и с мачехой. Оказалось, они были озадачены одним вопросом, которым хотели поделиться с Эммой. Миссис Уэстон только пришло в голову, что придется попросить миссис Элтон открыть бал — наверняка она рассчитывает именно на такое отношение. Словом, несмотря на все их желания, Эмме придется уступить ей это право. Она стойко приняла прискорбную перемену.

— А как быть с кавалером? — спросил мистер Уэстон. — Она решит, что ее обязан пригласить Фрэнк.

Фрэнк сразу же повернулся к Эмме, полный намерения исполнить данное ей обещание, и заявил, что уже ангажировал даму, чем заслужил одобрительный взгляд отца. Тут миссис Уэстон предложила самому мистеру Уэстону пригласить их гостью, и они втроем принялись его убеждать, в чем, впрочем, быстро преуспели. Мистер Уэстон и миссис Элтон открывали бал, мистер Фрэнк Черчилль и мисс Вудхаус следовали за ними. Эмме пришлось уступить миссис Элтон первенство на балу, который, как она вообще-то полагала, давался ради нее. Так недолго и о замужестве задуматься. Тем временем тщеславие миссис Элтон, несомненно, было удовлетворено в большей

мере: хоть она и рассчитывала открыть бал вместе с Фрэнком Черчиллем, но все же нисколько не была расстроена переменой. Мистера Уэстона можно считать главнее. Однако даже несмотря на это досадное обстоятельство, Эмма радостно улыбалась, с удовольствием наблюдая, как пары выстраиваются в длинный ряд, и предвкушая на редкость долгий и веселый вечер. Беспокоил ее разве что мистер Найтли. Он решил остаться в стороне, хотя место ему было не там, а среди танцующих. Он же встал вместе с мужьями, отцами и любителями виста, которые с притворным интересом наблюдали за парами в ожидании, когда можно будет наконец приступить к игре. А ведь он так молодо выглядит! Нигде, пожалуй, он не мог бы предстать в более выгодном свете, чем среди них. Высокий, крепкий, статный, мистер Найтли смотрелся прекрасно в окружении грузных, сутулых стариков и наверняка привлекал всеобщие взгляды. Даже среди молодых людей с ним мог сравниться разве что ее кавалер. Мистер Найтли сделал несколько шагов вперед, и даже по этому незначительному движению можно было понять, с каким благородством, какой природной грацией он мог бы танцевать, возьми только на себя сей труд. Всякий раз, встретившись с ней

взглядом, он вынужден был улыбаться в ответ, но в остальное время выглядел мрачно. Эмме было жаль, что ему не нравятся танцы и что ему не нравится Фрэнк Черчилль… Ей казалось, что мистер Найтли часто на нее смотрит. Она не смела льстить себе мыслью, что он восхищается ее танцем, а если уж он решил оценить ее поведение, то бояться ей нечего. Между Эммой и ее партнером не было и тени кокетства. Они походили скорее на веселых, непринужденных друзей, чем на возлюбленных. Теперь уже сомнений в том, что Фрэнк Черчилль стал относиться к ней иначе, у Эммы не осталось.

Бал весело продолжался. Заботливые старания миссис Уэстон и ее непрестанное внимание к гостям не прошли даром. Всем было весело, и похвалы дивному балу, которые обычно звучат уже после вечера, раздавались здесь с самого его начала. Важных и ярких событий на этом балу было не больше, чем обычно на такого рода собраниях, однако кое-что все-таки случилось. До ужина оставалось два танца, а Харриет оказалась без партнера. Всех остальных молодых дам пригласили. Как же такое произошло? Ведь до этого кавалеров хватало на каждую! Однако довольно скоро недоумению Эммы пришел конец: она уви-

дела, как мистер Элтон неторопливо расхаживает по комнате. Он, разумеется, по возможности не станет приглашать Харриет. Эмма была уверена, что вот-вот — и мистер Элтон сбежит в игорную комнату.

Однако сбегать он не собирался. Напротив, отойдя к нетанцующим, мистер Элтон принялся с ними разговаривать и прохаживаться взад и вперед, как бы показывая, что никого он на танец не пригласил и не собирается. Иногда он даже становился ровно напротив мисс Смит или разговаривал с теми, кто сидел с нею рядом. Эмма все видела. Она еще не танцевала, а только шла в центр залы из дальнего конца, и потому, лишь слегка повернув голову в сторону сидящих, могла наблюдать всю эту сцену. На полпути она оказалась к ним спиной и больше никого не видела, зато прекрасно слышала каждое слово, которым обменивались мистер Элтон и миссис Уэстон. Эмма увидела, что его жена, вставшая прямо перед ней, не только все слышит, но и поощряет супруга красноречивыми взглядами. Добросердечная и мягкая миссис Уэстон поднялась со своего места, подошла к нему и спросила: «Мистер Элтон, а что же вы не танцуете?» — на что тот поспешно отвечал:

— Охотно потанцую с вами, миссис Уэстон.

— Со мной? Что вы! Нет, нет, я найду вам пару получше. Из меня танцор никудышный.

— Если миссис Гилберт желает потанцевать, — продолжал он, — то я с удовольствием ее ангажирую. Хоть я теперь мужчина старый, женатый, а пора танцев для меня уж миновала, я все равно с огромным удовольствием приглашу столь давнего друга, как миссис Гилберт.

— Миссис Гилберт не в том настроении, но зато сидит здесь одна юная дама, которой в самую пору бы танцевать… мисс Смит.

— Мисс Смит!.. Ах!.. Я и не заметил… Вы очень любезны, однако я уж мужчина старый, женатый… Пора танцев для меня миновала, миссис Уэстон. Прошу меня простить. Буду счастлив исполнить любую другую вашу просьбу, однако танцы для меня теперь в прошлом.

Больше миссис Уэстон ничего не сказала, и Эмма могла только предположить, в каком недоумении и разочаровании она вернулась на свое место. И это мистер Элтон! Дружелюбный, любезный, учтивый мистер Элтон… Эмма быстро оглянулась: он отошел к мистеру Найтли и как раз усаживался поудобнее для долгого разговора, одновременно обмениваясь с супругой торже-

ствующими улыбками.

Эмма отвернулась и больше в их сторону не смотрела. Сердце ее пылало, и она боялась, как бы от этих чувств не воспылало и ее лицо.

И вдруг глазам ее предстало более отрадное зрелище: Харриет шла к танцующим в сопровождении мистера Найтли!.. Никогда еще не была Эмма так поражена, так восторженна! Ею овладело чувство удовольствия и желание скорее выразить мистеру Найтли свою признательность — и за себя, и за Харриет. Он стоял так далеко, что сказать Эмма ничего не могла, но, встретившись с ней взглядом, мистер Найтли все понял без слов.

Как она и предполагала, танцевал он превосходно. Можно было бы даже сказать, что Харриет чрезвычайно повезло, если бы не та жестокость, с которой только что обошлись с ней Элтоны. Весь ее вид говорил о том, как она счастлива и как довольна сим особым вниманием. И разве можно было упустить такой случай? Она подпрыгивала выше всех, кланялась ниже всех и непрестанно счастливо улыбалась.

Мистер Элтон сбежал в игорную комнату с видом, как полагала Эмма, самым нелепым. Казалось, он еще не так очерствел, как его жена, однако уже становился сильно на нее похож. Мис-

сис Элтон же громко заявила своему кавалеру:

— Найтли сжалился над бедняжкой мисс Смит! Какое великодушие, право же.

Подали ужин. Все тут же заспешили к столу под сопровождение болтовни мисс Бейтс. Унялась она, только когда села за стол и взяла ложку.

— Джейн, Джейн, милая, где ты?.. Вот твоя горжетка. Миссис Уэстон настаивает, чтобы ты ее надела. Она боится, что в коридоре могут быть сильные сквозняки, хотя предприняли все возможное… Одну дверь заколотили, весь пол застелили ковром… Джейн, дорогая, надевай же. Ах, мистер Черчилль! Как вы любезны! Как хорошо вы ее набросили!.. Премного благодарна! Право же, какой чудесный бал!.. Да, милая моя, я уже сбегала домой, помогла бабушке лечь в постель и тут же вернулась назад — никто и заметить не успел… Я ведь, как ты знаешь, никому не сказала, что ухожу. С бабушкой все прекрасно, она провела чудный вечер у мистера Вудхауса за разговорами и триктраком. Перед уходом подали чай, печенье, печеные яблоки и вино, а в игре ей чрезвычайно везло! Она у меня про тебя спрашивала, хорошо ли ты тут проводишь время, кто твои кавалеры. «Ох! — говорю я. — Пускай Джейн вам сама все завтра расскажет. Не стану лишать ее сего

удовольствия. Когда я уходила, она танцевала с мистером Джорджем Отуэем, первым ее на танец пригласил мистер Элтон, а кто дальше пригласит — не знаю, может, мистер Уильям Кокс». Сэр, вы чрезвычайно любезны… Может, кому-то больше нужна ваша… Я не беспомощна. Сэр, вы так добры. Честное слово, под одну руку — Джейн, под другую — я!.. Погодите, погодите, давайте чуть посторонимся, пропустим миссис Элтон. Дорогая миссис Элтон, как нарядно она выглядит!.. Какие кружева! А теперь и мы пойдем, вслед за ней. Настоящая королева вечера!.. Ну вот мы и в коридоре. Осторожно, Джейн, тут две ступеньки. Ой, нет! Оказывается, одна. А я была уверена, что две. Как странно! Я совершенно была убеждена, что их тут две, а она одна. Никогда не видела такого удобства, такой изысканности… Повсюду свечи… Джейн, я тебе рассказывала о бабушке. Так вот, одно лишь ее огорчило… Понимаешь, печеные яблоки и печенье по-своему хороши, но сначала-то подали нежное фрикасе из сладкого мяса и спаржу, а наш добрый мистер Вудхаус нашел, что спаржа недоварена, и отослал все назад. А ведь бабушка больше всего на свете любит сладкое мясо и спаржу, так что она несколько огорчилась, но мы договорились никому об этом не рассказы-

вать, а то слух еще дойдет до милой мисс Вудхаус и она расстроится!.. Ах, какой восторг! Воистину поразительно! Я и представить такого не могла!.. Какая изысканность! Какое изобилие! Я такого не видела со времен… Ну где же нам сесть? Куда мы сядем? Главное, чтобы Джейн была не на сквозняке. А уж мне самой все равно. А, лучше с этой стороны?.. Разумеется, мистер Черчилль… но не слишком ли это… раз вы настаиваете. В этом доме ваше слово — закон. Джейн, дорогая, как же мы запомним все блюда, чтобы рассказать бабушке? И даже суп! Боже мой! Можно начать не с меня, я подожду, но пахнет так вкусно, что уже действительно не терпится.

Во время ужина у Эммы не было возможности поговорить с мистером Найтли, но, как только они все вернулись в бальную залу, она взглядом подозвала его к себе и поблагодарила. Он горячо осудил непростительно грубое поведение мистера Элтона и не менее пылко высказался о взглядах миссис Элтон.

— Они не только Харриет хотели обидеть, — сказал он. — Эмма, как это они стали вашими врагами?

Он посмотрел на нее со знающей улыбкой и, не получив ответа, добавил:

— Во всяком случае, ей-то сердиться на вас не за что… Вы, конечно, на мою догадку ничего не скажете, но сознайтесь, Эмма, вы ведь хотели женить его на Харриет.

— Да, — созналась Эмма, — и они не могут мне этого простить.

Мистер Найтли покачал головой, но чувствовалось в этом жесте некое доброе потворство.

— Не буду вас бранить. Предоставлю это вашей совести, — только и сказал он.

— И вы доверитесь такой угоднице? Разве может моя тщеславная душа сказать мне, что я неправа?

— Нет, но у вашей души есть и вдумчивая сторона. Покуда тщеславная сбивает вас с верного пути, вдумчивая помогает это заметить, я уверен.

— Признаю, я глубоко ошибалась насчет мистера Элтона. Ему присуща мелочность, которую вы, в отличие от меня, увидели сразу. Я была совершенно убеждена, что он влюблен в Харриет. К этому привел целый ряд грубых заблуждений!

— А я, в награду за это признание, отдам вам должное: вы выбрали ему куда лучшую невесту, чем он сам. Харриет Смит обладает некоторыми превосходными качествами, коих миссис Элтон

напрочь лишена. Искренняя, бесхитростная и безыскусная девушка — такую любой мужчина, не лишенный здравого смысла и вкуса, предпочел бы такой вот миссис Элтон. Да и разговор с ней вести куда интереснее, чем я предполагал.

Эмма с большим удовольствием выслушала эти слова… Тут их беседу прервал суетливый мистер Уэстон, который принялся зазывать всех продолжить танцы.

— Пойдемте, мисс Вудхаус, мисс Отуэй, мисс Фэрфакс, что ж это такое? Пойдемте, Эмма, подайте всем пример. Все ленятся! Все засыпают!

— Я всегда готова, — сказала Эмма.

— С кем будете танцевать? — осведомился мистер Найтли.

Она немного замялась, но затем ответила:

— С вами, если вы меня пригласите.

— Вы позволите? — спросил он, протягивая ей руку.

— Разумеется. Вы показали, что прекрасно танцуете, и мы все-таки не такие уж и брат с сестрой, чтобы это показалось неприличным.

— Брат с сестрой! Отнюдь.

Глава III

Их маленькое объяснение с мистером Найтли доставило Эмме значительное удовольствие. Оно стало одним из приятнейших воспоминаний о бале, которым она предавалась на следующее утро, прогуливаясь по лужайке. Она была чрезвычайно рада, что они пришли к столь доброму согласию относительно Элтонов и что их мнения насчет мужа и жены совпали. Его же похвалы в сторону Харриет доставили ей исключительное наслаждение. Нахальство Элтонов, грозившее было испортить весь вечер, повлекло за собой самые радостные события и дало Эмме надежду на еще одно отрадное последствие — полнейшее исцеление Харриет от ее слепого увлечения. И надежда эта была не пустой: Эмма вспомнила, как сама Харриет рассказывала ей о произошедшем, когда они покидали бальную залу. Она словно прозрела и наконец увидела, что мистер Элтон совсем не то совершенное создание, за которое она его принимала. Мания прошла, и Эмма уже не боялась, что сердечко Харриет забьется чаще от какой-нибудь опасной учтивости с его стороны. Она была уверена, что Элтоны еще не раз

оттолкнут ее своими недобрыми чувствами и подчеркнутым пренебрежением. Харриет образумилась, Фрэнк Черчилль не так уж и влюблен, а мистер Найтли настроен миролюбиво — какое счастливое лето у нее впереди!

Фрэнка Черчилля этим утром она не ждала. Он предупредил, что не сможет позволить себе удовольствие заглянуть в Хартфилд, поскольку обязан быть дома к обеду. Эмму это не расстроило.

Обдумав все эти обстоятельства и приведя в порядок мысли, она как раз поворачивала к дому, чтобы со свежей головой посвятить себя малышам племянникам и их дедушке, когда внезапно тяжелые кованые ворота распахнулись. То были два гостя, которых она совершенно не ожидала увидеть вместе: Фрэнк Черчилль и опирающаяся на его руку Харриет — да-да, Харриет! Эмма сразу поняла, что произошло нечто исключительное. Харриет была бледной и испуганной, а Фрэнк Черчилль старался ее приободрить… От ворот до двери дома было всего ярдов двадцать, и как только они втроем оказались в прихожей, Харриет опустилась на стул и немедленно лишилась чувств.

Коль скоро юная дама падает в обморок, ее

необходимо привести в чувство. Затем надлежит расспросить, что же привело к столь неожиданным обстоятельствам. Дело это, разумеется, очень увлекательное, однако томительное неведение длится недолго. Всего через несколько минут Эмма знала все.

Мисс Смит вместе с мисс Бикертон, еще одной пансионеркой миссис Годдард, которая тоже была на балу, вышли прогуляться и свернули на дорогу на Ричмонд. Там-то, несмотря на ее многолюдность и, следовательно, безопасность, они и попали в беду. Где-то в полумиле от Хайбери дорога делала крутой поворот и под сенью густых вязов на долгое время становилась весьма пустынной. Пройдя немного вперед, девицы вдруг увидели, что на придорожной лужайке расположился цыганский табор. Мальчик, стоявший на страже, бросился просить у них милостыню, и мисс Бикертон, изрядно напуганная, громко закричала и, позвав за собой Харриет, вскарабкалась вверх по крутой обочине, перепрыгнула через невысокую изгородь и во весь дух пустилась бежать напрямик обратно в Хайбери. Но бедная Харриет ее примеру последовать не смогла. После танцев ее ноги сводили судороги, и первая же попытка взобраться на обочину об этом напом-

нила. Она оказалась так слаба, что ей, до смерти перепуганной, пришлось остаться на месте.

Неизвестно, как бы повели себя бродяги, окажись дамы похрабрее, но перед таким призывом к действию устоять трудно, и вскоре Харриет со всех сторон окружили с полдюжины детей с тучной цыганкой и крепким юношей во главе, с виду — правда, лишь с виду — крикливые и нахальные. Харриет, напуганная еще пуще прежнего, тут же пообещала дать им денег и, достав кошелек, протянула шиллинг, умоляя больше не просить и не причинять ей зла. Судорога наконец отступила, и Харриет начала, хоть и медленно, отступать, но ее ужас и кошелек привлекали цыган, и они последовали за нею, через некоторое время вновь обступив и требуя новой милостыни.

Так и застал их Фрэнк Черчилль: она вся дрожала и умоляла ее отпустить, а они кричали и наседали. По счастливой случайности, он покинул Хайбери позже, что и привело его к Харриет на помощь в сию трудную минуту. Погода стояла чудесная, и ему захотелось прогуляться, а потому он велел кучеру встретить его милях в двух от Хайбери. К тому же накануне вечером Фрэнк попросил у мисс Бейтс ножницы и забыл их вернуть, так что перед отъездом вынужден

был ненадолго зайти к ней. Так и вышло, что он выдвинулся позже, чем собирался. Поскольку шел мистер Черчилль пешком, цыгане даже не заметили его, покуда он не подошел к ним вплотную. Тот ужас, который навели на Харриет цыганка с мальчишкой, теперь охватил их самих — Фрэнк Черчилль напугал их до смерти. Харриет не могла вымолвить ни слова. Она взволнованно в него вцепилась и из последних сил дошла до Хартфилда. Мысль привести ее сюда принадлежала ему — о другом месте он и не подумал.

Вот это и была вся история, пересказанная им и Харриет, как только та пришла в себя и обрела дар речи. Убедившись, что с ней все в порядке, молодой человек поспешил прочь: после стольких задержек нельзя было терять ни минуты. Эмма заверила его, что сообщит миссис Годдард о состоянии Харриет — а была она уже в порядке — и расскажет мистеру Найтли, какие люди расхаживают по окрестности. С этим он и ушел, осыпанный всевозможными благодарностями.

Подобное приключение, в которое волею судьбы попадают вместе прекрасный юноша и очаровательная дама, не может не навести на определенные мысли даже самое холодное сердце и самый трезвый ум. Так, во всяком случае,

решила Эмма. Неужели лингвист, грамматик или даже математик, увидев то, что видела она, став свидетелем их появления и услышав их рассказ, не почувствует, что обстоятельства будто нарочно возбудили их интерес друг к другу? А уж сколько фантазий и планов возникнет у особы со столь пылким воображением, как у Эммы! Особенно после всех тех размышлений, которым она уже давно предавалась.

Удивительно! Впервые на ее памяти в их местах случается подобная история. Ни одна девица прежде не сталкивалась с бродягами, никто даже не опасался такой встречи. И вдруг в это положение попадает именно Харриет и именно в тот час, когда именно Фрэнк Черчилль случайно проходит мимо и спасает ее! Воистину невероятно! А вспомнив, какое у них обоих сейчас благоприятное состояние ума, Эмма поразилась еще больше. Он желает избавиться от своих чувств к другой, а она только начинает исцеляться от одержимости мистером Элтоном. Казалось, все складывается в пользу самых интересных последствий. Невозможно, чтобы сие событие не подтолкнуло их друг к другу.

В те несколько минут, что Харриет еще не пришла в себя, он с большим чувством, изумленный

и довольный, рассказывал об ее ужасе и простодушии, о горячности, с которой она схватилась за его руку, а когда Харриет очнулась и дополнила историю, горячо негодовал по поводу чудовищного безрассудства мисс Бикертон. Тем не менее все должно идти своим чередом, без чужих принуждений и вмешательств. Эмма не сделает ни шагу, не обронит ни одного намека. Нет, хватит с нее попыток помочь. А вот от планов — простых безобидных планов — вреда быть не может. Это ведь всего лишь мечта. А предпринимать она ничего не станет.

Сначала Эмма хотела скрыть произошедшее от отца, прекрасно понимая, в какое волнение его это повергнет, однако вскоре стало ясно, что ничего утаить не удастся. Всего за полчаса история облетела весь Хайбери. Такое событие быстро привлекает всех заядлых болтунов: молодых людей и низшие сословия, — и вскоре вся молодежь и вся прислуга счастливо и на разные лады пересказывали эту страшную новость. Про бал теперь напрочь позабыли. Бедный мистер Вудхаус весь дрожал от страха и, как и предвидела Эмма, не успокоился, пока девицы не пообещали ему больше не заходить дальше хартфилдских аллей. Его несколько утешило, что в течение дня

многие соседи справлялись о нем и мисс Вудхаус — ведь соседи знали, как он любит, чтобы о нем справлялись, — а также о мисс Смит. Он имел удовольствие отвечать, что чувствуют они все себя неважно, и хотя Эмма была в прекрасном расположении духа, да и Харриет — не хуже, вмешиваться она не стала. Эмме и так, можно сказать, не повезло со здоровьем: она слишком редко болела, и если бы батюшка не выдумывал для нее недугов, то рассказывать соседям было бы нечего.

Цыгане не стали дожидаться, пока их найдет правосудие, и поспешно скрылись. Юные дамы Хайбери даже не успели как следует испугаться, как снова могли в полной безопасности прогуливаться по окрестностям, и вскоре история была забыта всеми, кроме Эммы и ее племянников: в ее воображении она все еще играла важную роль, а Генри и Джон каждый день требовали рассказать им историю про Харриет и цыган и всякий раз упорно поправляли Эмму, если она хотя бы немного отступала от самого первого изложения.

Глава IV

Одним утром, спустя несколько дней после происшествия, Харриет пришла к Эмме с маленьким свертком в руках и, присев напротив, нерешительно начала:

— Мисс Вудхаус… если вы не заняты… я бы хотела вам кое-что рассказать… сделать одно признание… и тогда уже все будет кончено.

Эмма сильно удивилась, но просила Харриет продолжать. Судя по ее серьезному виду и не менее серьезным словам, речь шла о чем-то исключительном.

— Я не могу и не хочу, — продолжала она, — скрывать что-либо от вас по сему поводу. Поскольку я в известном отношении совсем переменилась, вы вправе иметь удовольствие знать все. Я не хочу говорить лишних слов — мне ужасно стыдно, что я так поддалась чувствам. Смею полагать, что вы меня понимаете.

— Да, — отозвалась Эмма, — надеюсь, что понимаю.

— Как я могла так долго обманываться!.. — горячо вскричала Харриет. — Просто помрачение какое-то! Теперь-то я ничего в нем особенного

не нахожу. Мне все равно, увижу я его или нет… вернее, я бы даже предпочла его не видеть… Я бы хоть самой долгой дорогой пошла, лишь бы с ним разминуться… жене я его вовсе не завидую. Не завидую и не восхищаюсь ею больше. Она, конечно, весьма очаровательная и все такое, но нрав у нее прескверный… Никогда не забуду, как она на меня в тот вечер смотрела!.. Однако, уверяю вас, мисс Вудхаус, зла я ей не желаю. Нет, пускай живут счастливо вместе, мне это боли больше не причинит. И чтобы доказать вам, что я не лгу, я уничтожу то… то, что должна была уничтожить уже давно… что никогда не стоило мне сохранять… я прекрасно это знаю… — сказала она, зардевшись. — Но теперь-то я все уничтожу… и мне особенно хочется, чтобы вы при этом присутствовали, чтобы вы видели, как я образумилась. Вы догадываетесь, что в этом свертке? — осторожно спросила она.

— Не имею ни малейшего понятия… Разве он вам что-нибудь дарил?

— Нет… Подарками эти вещи не назовешь, но я ими очень дорожила.

Она держала сверток перед собой, и Эмма увидела надпись: «Самые драгоценные сокровища». Ее любопытству не было предела. Пока Харриет

его разворачивала, Эмма с нетерпением наблюдала. Под несколькими слоями серебристой бумаги скрывалась прелестная танбриджская шкатулочка. Внутри она была устлана мягчайшим сатином, но, помимо ткани, в ней не было ничего, кроме маленького кусочка пластыря.

— Теперь-то вы вспомнили? — спросила Харриет.

— Отнюдь нет.

— Неужели! Я и не думала, будто вы забудете, что случилось в этой самой комнате чуть ли не в последний раз, когда мы с ним виделись!.. Всего за несколько дней до того, как я разболелась… перед приездом мистера Джона Найтли и миссис Найтли… по-моему, они как раз в тот вечер и приехали. Неужели вы не помните, как он порезался вашим новым перочинным ножиком и вы посоветовали ему заклеить палец пластырем? Но у вас пластыря не было, а у меня был, и вы попросили меня дать ему кусочек. Я достала пластырь, отрезала и подала ему, но тот кусок оказался слишком большим, и он разрезал его еще, а остаток некоторое время вертел в руках, пока не вернул мне. А я — какая глупость! — сохранила его, словно сокровище… не использовала его, а отложила и время от времени любовалась.

— Дражайшая моя Харриет! — вскричала Эмма, вскакивая и закрывая лицо руками. — Как же мне стыдно! Помню ли я? Разумеется, я все теперь помню. Все, кроме того, что вы сохранили этот сувенир, я даже не знала об этом до сего момента… Но как он порезал палец, как я посоветовала пластырь и сказала, что у меня его нет!.. Ах! Горе мне, горе!.. А ведь у самой пластырь в кармане лежал!.. Одна из моих неразумных уловок!.. Всю жизнь мне теперь краснеть от стыда… Ну, продолжайте, — она снова села на место, — что там еще у вас?

— У вас правда был пластырь? А я и не подумала, вы так держались…

— И вы из-за него хранили сей кусочек пластыря! — воскликнула Эмма, в которой стыд начал сменяться на изумление и веселье. А про себя она добавила: «Господи помилуй! Да чтобы мне пришло в голову хранить в шкатулке кусочек пластыря, который вертел в руках Фрэнк Черчилль! Да уж, такого мне не понять».

— А вот это, — продолжала Харриет, возвращаясь к своей шкатулочке, — это настоящее сокровище — точнее, было настоящим сокровищем, — потому что, в отличие от пластыря, эта вещь когда-то принадлежала ему.

Эмме не терпелось увидеть это настоящее сокровище. Им оказался огрызок старого карандаша — хвостик без грифеля.

— Это его карандаш, — сказала Харриет. — Помните, однажды?.. Нет, наверное, не помните. Но однажды — не помню уже точно день, кажется, это был вторник или среда перед тем самым вечером — он хотел сделать пометку у себя в записной книжке, что-то про хвойное пиво. Мистер Найтли рассказывал, как его варить, и мистер Элтон захотел все подробно записать, но в его карандаше осталось так мало грифеля, что он очень быстро и вовсе закончился. Вы ему дали другой карандаш, а этот ненужный он оставил на столе. Но я не спускала с него глаз, а когда наконец осмелилась схватить, то навсегда сохранила при себе.

— Нет, я помню, я отлично это помню! — воскликнула Эмма. — Мы говорили о хвойном пиве… Ах да! Мы с мистером Найтли сказали, что любим его, и мистер Элтон захотел тоже во что бы то ни стало его полюбить. Прекрасно помню… Погодите, мистер Найтли вот здесь ведь стоял? Мне кажется, он точно тут и стоял.

— Ах, не знаю. Не припомню… Очень странно, но не припомню… Мистер Элтон вот здесь сидел, это я помню, почти на моем месте.

— Ну, продолжайте.

— Нет, это все. Мне больше нечего вам ни показать, ни сказать… кроме того, что теперь я все это брошу в огонь, и хочу, чтобы вы это видели.

— Бедная моя, милая моя Харриет! Неужели вы и правда так радовались сим вещицам?

— Да, дурочка я такая!.. Но теперь мне очень стыдно. Ах, как бы я хотела все сжечь и тут же позабыть! Неправильно было хранить эти воспоминания уже после его свадьбы. Я знала, что неправильно… но мне не хватало духу с ними расстаться.

— Харриет, необходимо ли сжигать пластырь?.. Про старый карандашный огрызок я ничего не говорю, но ведь пластырь-то еще может пригодиться.

— Лучше я его сожгу, — отозвалась Харриет. — Не могу даже смотреть на него. Я обязана избавиться от всего… Вот так! Все! С мистером Элтоном — слава богу! — покончено.

«А когда же, — подумала Эмма, — дойдет дело до мистера Черчилля?»

Вскоре у нее появились основания полагать, что начало уже положено. Эмма надеялась, что, хоть цыганка и не нагадала Харриет счастливой судьбы, она, вполне возможно, ее устроила. Не-

дели через две после того происшествия у них совершенно случайно состоялся знаменательный разговор. Эмма в тот момент думала совершенно о другом, и тем ценнее оказались слова Харриет. Они болтали о всяких пустяках, когда Эмма вскользь заметила: «А когда вы выйдете замуж, Харриет, я бы вам посоветовала делать так-то и так-то», — и тут же об этом забыла. И вдруг после минутного молчания Харриет с очень серьезным видом произнесла:

— Я никогда не выйду замуж.

Эмма подняла взгляд и тут же все поняла. На мгновение она задумалась, стоит ли ей что-то отвечать на эти слова, но все же сказала:

— Никогда не выйдете замуж?.. Вот это новость.

— Да, я так решила и своего мнения не изменю.

Поколебавшись еще немного, Эмма спросила:

— Надеюсь, это не из-за… Надеюсь, это не связано с мистером Элтоном?

— С мистером Элтоном! — возмущенно воскликнула Харриет. — О нет! — А затем Эмма уловила едва слышное: — Куда мистеру Элтону до него!

Эмма задумалась пуще прежнего. Может, на

этом остановиться? Пропустить последнюю фразу мимо ушей и сделать вид, что она ничего не подозревает?.. Но тогда Харриет еще решит, что Эмме ее судьба безразлична или что подруга на нее сердится. А может, промолчи она, Харриет сама решит продолжить откровения. Эмма теперь не желала вести прежних несдержанных, открытых и частых разговоров о надеждах и счастливых случаях… Она рассудила, что мудрее всего будет сразу сказать и узнать все то, что она и так собиралась сказать и узнать. Нет ничего лучше искренней прямоты. Она уже давно про себя решила, как далеко может зайти в своих стараниях. Для них обеих будет безопаснее, если Эмма сразу все выяснит, не успев дать волю своему воображению. Рассудив таким образом, она заговорила:

— Харриет, не стану делать вид, будто я вас не понимаю. Ваше решение, а вернее, предположение, что вы никогда не выйдете замуж, происходит из мысли, что человек, которому вы бы, вероятно, отдали предпочтение, гораздо выше вас по положению и потому никогда на вас не посмотрит. Верно?

— Ах, мисс Вудхаус, поверьте, я и не смею предполагать… Я не настолько безумна. Нет, для меня

удовольствие просто восхищаться им издалека… и думать о его бесконечном превосходстве над всеми остальными — с признательностью, изумлением и благоговением, которых он так заслуживает, в особенности от меня.

— Харриет, меня это ничуть не удивляет. Оказанная вам услуга не могла не растопить ваше сердце.

— Услуга! Ах! Да я перед ним в неоплатном долгу!.. Одно лишь воспоминание о его поступке и о моих чувствах тогда… когда я увидела, как он идет ко мне… его благородный вид… и то, что я перед тем вынесла. И вдруг такая перемена! В одно мгновение! От полного унижения — к совершенному счастью!

— Это вполне естественно. Естественно и достойно. Да, по-моему, достойно — сделать столь хороший и благодарный выбор. Однако не могу обещать, что он окажется для вас удачным. Харриет, не советую поддаваться чувствам. Я ни в коем случае не могу отвечать за то, что они окажутся взаимны. Подумайте хорошенько. Возможно, разумнее всего будет заглушить свои чувства, пока это возможно. Во всяком случае, не дайте им зайти далеко, покуда вы не уверены, что нравитесь ему. Понаблюдайте за ним.

Пускай его поведение подскажет вам, как себя чувствовать. Я предостерегаю вас сейчас, потому что больше о сем предмете говорить с вами не буду. Я решила никак не вмешиваться. Отныне не желаю ничего знать. Пускай с ваших губ не сорвется ни одно имя. Мы сильно заблуждались прежде и теперь должны быть осторожными. Он вас превосходит, в этом сомнения нет, и вас разделяют весьма серьезные преграды, и все же, Харриет, чудеса случаются, как и случаются браки куда более неравные. Берегите себя. Я не хочу подавать вам ложных надежд, но знайте: чем бы это ни кончилось, обратив свой взор к нему, вы обнаружили прекрасный вкус, который я ценю по достоинству.

Харриет в немой и покорной благодарности поцеловала ее руку. Эмма решила, что подобная привязанность вреда подруге не причинит. Она лишь возвысит и обогатит ее разум и спасет от опасности себя уронить.

Глава V

Среди этого великолепия планов, надежд и молчаливого потворства и застал Хартфилд июнь. Существенных перемен приход лета в Хайбери

не принес. Элтоны по-прежнему рассуждали о визите Саклингов и их ландо, Джейн Фэрфакс по-прежнему жила у бабушки, а приезд Кэмпбеллов из Ирландии снова был отложен — в этот раз уже до августа вместо середины лета, так что Джейн, вероятно, предстояло пробыть у них еще целых два месяца, если ей, конечно, удастся противостоять стараниям миссис Элтон и спастись от ее попыток поскорее найти ей восхитительное место совершенно против ее воли.

Неприязнь мистера Найтли, который по некой, только ему известной причине с первого дня невзлюбил Фрэнка Черчилля, с каждым днем только росла. Он начал подозревать, что, ухаживая за Эммой, молодой человек лукавит. В том, что Эмма — его избранница, сомневаться не приходилось. Об этом свидетельствовало все: его знаки внимания, намеки его отца, осторожное молчание его мачехи — все говорило об одном, все их слова и жесты, осмотрительные и неосмотрительные. Но в то время как все прочили его Эмме, а сама Эмма жертвовала его Харриет, мистер Найтли начал подозревать, что Фрэнк Черчилль вздумал приволочиться за Джейн Фэрфакс. Он не знал, как это объяснить, но между ними будто возникло некое согласие — во всяком

случае, так ему казалось, он видел признаки восхищения с его стороны, которые даже на первый взгляд мистер Найтли счел говорящими, как бы ему ни хотелось избежать ошибок богатого воображения Эммы. Когда у него впервые зародились сии подозрения, самой Эммы рядом не было. Он, рэндаллское семейство и Джейн были приглашены на обед к Элтонам. Мистер Найтли заметил — и не раз, — что Фрэнк Черчилль посылает мисс Фэрфакс взгляды, которые со стороны поклонника мисс Вудхаус казались неуместными. Когда он снова оказался в их обществе, то не мог не вспомнить свои прежние подозрения, равно как и удержаться от дальнейших наблюдений. И если только он, подобно Куперу[15], сидящему в сумерках у камина, не «сам творил то, что он видел», то события лишь больше укрепляли его в подозрении, будто между Фрэнком Черчиллем и Джейн Фэрфакс существует некое взаимное расположение и даже согласие.

Однажды после обеда он, по обыкновению, решил провести вечер в Хартфилде. Эмма и Харриет собрались на прогулку, и он пошел с ними, а на обратном пути они встретили большую компанию:

---

[15] Примечания: 15
Уильям Купер (1731–1800) — английский поэт.

мистера и миссис Уэстон с сыном и мисс Бейтс с племянницей. Первые случайно столкнулись со вторыми по дороге. Все они одинаково рассудили, что прогуляться лучше пораньше, пока не начался дождь. Дальше пошли вместе, а у ворот Хартфилда Эмма, зная, как обрадует отца визит таких гостей, уговорила их зайти на чашечку чаю. Рэндаллское семейство сразу же согласилось, и мисс Бейтс после длинной речи, которую никто не слушал, тоже сочла возможным принять столь любезное приглашение дорогой мисс Вудхаус.

Когда они проходили ворота, мимо верхом проскакал мистер Перри. Джентльмены заговорили о его коне.

— Кстати, — через несколько мгновений спросил Фрэнк Черчилль у миссис Уэстон, — а что сталось с планом мистера Перри обзавестись каким-нибудь экипажем?

Миссис Уэстон с удивленным видом отвечала:

— Я не знала, что у него были такие планы.

— Так ведь это я от вас узнал. Вы мне об этом месяца три назад писали.

— Я! Не может быть!

— Еще как может. Как сейчас помню. Вы так писали, будто это уже дело решенное. Миссис Перри с кем-то поделилась своей чрезвычайной

радостью, ведь это она на экипаже настояла, потому что считает, что разъезды мистера Перри в плохую погоду пагубно сказываются на его здоровье. Помните теперь?

— Честное слово, впервые об этом слышу.

— Впервые! Неужели!.. Да как же!.. Приснилось, наверное… хотя я был совершенно уверен… Мисс Смит, вы едва идете. Устали? Ну ничего. Скоро будете дома.

— Что-что? Что такое? — воскликнул мистер Уэстон. — Что там про Перри и экипаж? Перри, говоришь, собирается завести коляску? Я рад, что он может себе это позволить. Это он тебе рассказал?

— Нет, сэр, — смеясь, ответил ему сын, — получается, никто ничего не рассказывал… Очень странно!.. Я был совершенно уверен, что миссис Уэстон мне об этом в одном из писем писала — несколько недель назад и со всеми подробностями… но раз она заявляет, что впервые об этом слышит, то, стало быть, мне это приснилось. Мне часто сны снятся. Я всех обитателей Хайбери вижу во снах, когда уезжаю… и когда всех близких друзей во сне уже перевидал, начинают являться мистер и миссис Перри.

— Как странно, — заметил его отец, — что у тебя

был столь подходящий и связный сон о людях, о которых ты в Анскоме вряд ли даже вспомнишь. Что Перри заводит экипаж! А жена убеждает его из заботы о его здоровье… Так оно однажды и произойдет, я уверен. А ты все это уже во сне увидел. Какие иногда правдивые сны бывают! А иной раз — воистину какая-то несуразица! Ну, Фрэнк, значит, даже покинув нас, ты много думаешь о Хайбери. Эмма, а вы ведь тоже часто видите сны?

Но Эмма его уже не слышала. Она поспешила домой, чтобы подготовить батюшку к приходу гостей, и намек мистера Уэстона пропал впустую.

— По правде говоря, — наконец докричалась до них мисс Бейтс, которая последние две минуты тщетно пыталась что-то сказать, — если уж на то пошло, то, вероятно, что мистер Фрэнк Черчилль… то есть я не хочу сказать, что ему это не снилось… мне и самой иногда столь странные сны снятся… но если уж на то пошло, признаю: была весной такая мысль. Миссис Перри сама говорила об этом с моей матушкой, и Коулы тоже знали, но на этом все… это ведь был секрет, да и думали они об этом дня три. Миссис Перри очень беспокоилась, что муж все ходит пешком, а в одно утро ей как будто удалось его убедить завести

коляску, и она радостная пришла рассказать об этом матушке. Помнишь, Джейн, бабушка нам потом об этом говорила, когда мы вернулись домой? Не припоминаю, куда мы ходили… в Рэндаллс, наверное, — да, кажется, в Рэндаллс. Миссис Перри всегда любила мою матушку — да и кто ее не любит — и рассказала ей все это по секрету. Она не возражала, понятное дело, чтобы матушка рассказала и нам, но только нам, чтобы больше никто не узнал. И с тех пор и до сего дня я ни единой живой душе об этом не упоминала. Но все же я не могу ручаться, что не обронила намека случайно, я ведь иногда, бывает, невольно скажу что-нибудь. Я же болтушка, вы знаете, такая болтушка, и могу, бывает, лишнее сказать. К несчастью, я совсем не как Джейн. За нее могу ручаться: никогда ничего не выдаст. А где она?.. Ах! Сзади. Прекрасно помню визит миссис Перри… Да, удивительный сон!

Они входили в дом. Мистер Найтли смотрел на Фрэнка Черчилля, который, как ему показалось, пытался подавить и скрыть за шуткой свое смущение, однако, когда мисс Бейтс упомянула Джейн, он невольно перевел взгляд на нее. Она и правда шла немного позади, на ходу поправляя свою шаль. Мистер Уэстон уже вошел. Два других

джентльмена остановились у двери, чтобы пропустить даму. Мистеру Найтли показалось, что Фрэнк Черчилль пытается поймать ее взгляд — так пристально он смотрел на Джейн, — однако тщетно: та прошла мимо них в прихожую, ни на кого не глядя.

Для дальнейших замечаний или пояснений времени не осталось. Пришлось довольствоваться оправданием про сон, и мистер Найтли вместе со всеми занял место за новым большим круглым столом, который завела в Хартфилде Эмма. Никому, кроме нее, не было под силу поставить его сюда и убедить отца пользоваться им, а не пембрукским столиком, за которым он вот уже сорок лет трапезничал в тесноте. Чай прошел весело, и никто, по всей видимости, уходить не торопился.

— Мисс Вудхаус, — сказал Фрэнк Черчилль, оглядев столик прямо у себя за спиной, — а ваши племянники увезли с собой алфавит — ну, коробку с буквами? Она обычно тут стояла. Где же она? Погода сегодня, кажется, пасмурная, такие вечера впору проводить совсем как зимние. Както утром мы с вами замечательно поотгадывали слова. Хочу вам еще что-нибудь загадать.

Эмме эта мысль понравилась. Вскоре на столе были разложены буквы, и они вдвоем принялись

за игру с интересом, который больше никто не разделял. Они быстро составляли слова друг для друга и для всякого, кто захочет присоединиться. От игры было мало шума, и мистеру Вудхаусу это нравилось особенно. Его часто огорчали более оживленные развлечения, которые время от времени придумывал мистер Уэстон. Теперь же он мог счастливо предаваться нежным сожалениям по поводу отъезда «бедных наших малышей», подбирая иногда какую-нибудь отскочившую от играющих букву и показывая всем, как красиво Эмма ее вывела.

Фрэнк Черчилль выложил буквы перед мисс Фэрфакс. Она окинула их взглядом и принялась составлять слово. Фрэнк сидел рядом с Эммой, Джейн — напротив них, а мистер Найтли мог со своего места наблюдать за ними всеми. Он старался увидеть как можно больше, при этом не выдавая своего пристального внимания. Джейн отгадала слово и с едва заметной улыбкой отодвинула буквы. Ежели она хотела их перемешать и скрыть от остальных, то ей следовало смотреть на стол, а не напротив. Буквы, разумеется, не перемешались, и Харриет, которая с готовностью пыталась отгадать каждое новое слово и ни одного еще не отгадала, пододвинула их к себе и

принялась думать. Она сидела рядом с мистером Найтли и обратилась к нему за помощью. То было слово «промах», и когда Харриет с восторгом сообщила разгадку, лицо Джейн зарделось, выдавая, что для нее оно несло тайный смысл. Мистер Найтли связал это с историей про сон, но как так вышло — понять он не мог. Как утонченность и осмотрительность его любимицы могли ее подвести? Он опасался, что эти двое состоят в довольно близких отношениях. На каждом шагу его, казалось, окружали лицемерие и обман. Буквы были всего лишь орудием изворотливых ухаживаний. Детская игра, призванная скрыть другую, более сложную игру Фрэнка Черчилля.

С возмущением продолжал мистер Найтли наблюдать за юношей, с большой тревогой и недоверием — за его обеими ослепленными собеседницами. Он увидел, как Фрэнк Черчилль подготовил короткое слово и с лукавым видом передал его Эмме. Эмма быстро его разгадала и нашла в высшей степени занятным, хотя и сочла необходимым осудить, сказав:

— Кошмар! Как вам не стыдно!

Мистер Найтли услышал, как Фрэнк Черчилль, взглянув на Джейн, произнес:

— Давайте покажем ей, я покажу?

И так же отчетливо он услышал, как Эмма с улыбкой в голосе отвечает:

— Нет-нет, не надо, не стоит.

И все же Фрэнк Черчилль поступил как ему вздумалось. Этот щеголь, который, казалось, умеет любить без чувства и располагать к себе без труда, пододвинул буквы к мисс Фэрфакс и с наигранно сдержанной учтивостью предложил их разгадать. Мистер Найтли, исполненный любопытства, при удобном случае бросал взгляд на буквы и вскоре понял, что это «Диксон». Джейн Фэрфакс, кажется, разгадала слово одновременно с ним. По всей видимости, для нее эти шесть букв в таком порядке несли еще и скрытый смысл. Они явно ее раздосадовали, но, подняв взгляд, она увидела, что за ней следят, густо покраснела и сказала только:

— Я не знала, что можно загадывать имена собственные.

Джейн несколько сердито отодвинула от себя буквы, не намеренная больше играть в слова. Она отвернулась от своих обидчиков в сторону тетки.

— Да, верно, милая, — воскликнула та, хотя Джейн ничего не говорила. — Я как раз это и собиралась сказать. Пора нам домой. Вечереет, и

бабушка нас уже, поди, потеряла. Сэр, премного благодарны. Но пора нам прощаться.

Джейн, как и ожидала ее тетя, тут же была готова идти. Она немедленно встала, желая выйти из-за стола, однако все вокруг тоже вдруг задвигались. Мистеру Найтли показалось, что он видел, как к ней судорожно пододвинули еще одно слово, однако Джейн решительно смела буквы в сторону, даже не взглянув. Затем она принялась искать свою шаль, Фрэнк Черчилль тоже ее разыскивал, смеркалось, в комнате ничего было не разобрать, и как они распрощались, мистер Найтли не видел.

Он остался в Хартфилде после того, как все гости ушли, полный мыслей о том, что увидел. Наблюдения настолько его взволновали, что, когда к ним с Эммой внесли свечи, он решил, что обязан — да, именно обязан — как ее друг, ее встревоженный друг, дать Эмме намек, задать ей кое-какой вопрос. Предупредить ее, в каком опасном положении она оказалась, — его долг.

— Эмма, — начал он, — позвольте мне спросить, чем же так позабавило вас и задело мисс Фэрфакс последнее предложенное вам слово? Я его видел, и мне любопытно теперь, как для одного оно может быть столь занятным, а для

другого — огорчительным.

Эмма сильно смутилась. Она ни за что не хотела объяснять все как есть: хотя ее подозрения и не исчезли, ей было стыдно, что она вообще с кем-то ими поделилась.

— Ах, это! — воскликнула она в очевидном смятении. — Это пустяки, просто одна наша шутка.

— Кажется, — мрачно заметил он, — смешно было только вам и мистеру Черчиллю.

Он надеялся, что Эмма что-нибудь ответит, но зря. Она старалась чем-нибудь себя занять, лишь бы не говорить. Мистер Найтли сидел некоторое время в нерешительности. В его голове вереницей проносились мрачные мысли. Вмешаться?.. Но что толку? Эмма смутилась, она в некотором роде признала их с Фрэнком Черчиллем близость. Следовательно, она влюблена. И все же он не может молчать. Он обязан все ей сказать, обязан рискнуть и дать непрошеный совет, лишь бы уберечь ее от опасности. Лучше навлечь на себя гнев, чем потом жалеть о своем молчании.

— Моя дорогая Эмма, — сказал он наконец с искренним благодушием, — как по-вашему, правильно ли вы понимаете степень знакомства между тем джентльменом и той дамой?

— Между мистером Фрэнком Черчиллем и

мисс Фэрфакс? Ах, разумеется, да. А почему вы спрашиваете?

— И у вас никогда и ни при каких обстоятельствах не возникало повода подумать, что он восхищается ею, а она — им?

— Нет, что вы! — горячо и искренне воскликнула она. — Никогда и ни на секунду. Как вы могли о таком подумать?

— Мне в последнее время кажется, будто я вижу некоторые признаки взаимной привязанности между ними: выразительные взгляды, не предназначенные для посторонних глаз.

— Вот уж насмешили! Чрезвычайно рада узнать, что вы соизволили поддаться своему воображению, но оно вас несколько подвело. Мне очень жаль расстраивать вас в ваших начинаниях, однако вы глубоко заблуждаетесь. Нет между ними никакого восхищения, уверяю вас, а признаки, о которых вы говорите, указывают на некоторые особые обстоятельства… чувства совершенно иного рода… Трудно объяснить… это все такие глупости… но одно могу сказать точно: никакой привязанности, никакого восхищения между ними нет и в помине. То есть, что касается ее — то это я предполагаю, за него же я готова поручиться. Он к ней совершенно равнодушен.

Ее уверенность мистера Найтли ошеломила, а самодовольство лишило дара речи. Эмма развеселилась и с удовольствием бы продолжила беседу, желая услышать все подробности его подозрений, описание каждого их взгляда и узнать, где и как возникла у него подобная мысль, которая так ее теперь забавляла. Однако мистеру Найтли было не до веселья. Он убедился, что толку в его словах не было, и от злости не мог вымолвить ни слова. Чтобы окончательно не поддаться жару, особенно возле камина, который, по нежным привычкам мистера Вудхауса, топили круглый год, он вскоре поспешно удалился в прохладу и уединение Донуэлла.

Глава VI

Долго питался Хайбери надеждой на скорый приезд мистера и миссис Саклинг, однако сбыться ей было не суждено: они смогут навестить их только осенью. Теперь нечему было обогатить их жаждущие умы новыми впечатлениями. В ежедневном обмене новостями пришлось позабыть о Саклингах и вновь вернуться к другим предметам: последним известиям о здоровье миссис Черчилль, которое, казалось, то ухудшается,

то улучшается каждый божий день, и положению миссис Уэстон, весть о котором невероятно обрадовала ее соседей, — она ждала ребенка, и осчастливить ее еще больше могло только его рождение.

Миссис Элтон была крайне разочарована. Откладывалось столько удовольствий и поводов пощеголять! Как ей хотелось всех представить, как ей хотелось всех порекомендовать — и теперь всему этому придется подождать, а все предполагаемые приемы и выезды отложить… Так подумала она сначала, но после некоторых размышлений решила, что в этом нет нужды. Разве не могут они съездить на Бокс-Хилл без Саклингов? А осенью можно вернуться уже с ними. Дело было решено. Все давно знали об этих планах, а некоторые ими даже вдохновились. Эмма никогда не бывала на Бокс-Хилл и захотела узнать, что же там столь примечательного. Они с мистером Уэстоном договорились выбрать какое-нибудь погожее утро и съездить туда. Присоединиться к ним были приглашены еще двое-трое избранных, и поездка предполагалась тихая, скромная и изящная — словом, без лишнего шума и ненужных приготовлений, без пышных пикников, к коим привыкли Элтоны и Саклинги.

И так они ясно об этом договорились, что Эмма не без удивления и легкого неудовольствия узнала от мистера Уэстона о его предложении миссис Элтон к ним присоединиться. Раз ее зять и сестра не приехали, то их компании могут съездить вместе. Миссис Элтон сразу же согласилась, и ежели Эмма не возражает, то так тому и быть. Поскольку единственным возражением Эммы было то, что ей совершенно не нравится миссис Элтон, о чем мистер Уэстон, разумеется, не мог не знать, то говорить об этом вновь даже и не стоило — это прозвучало бы как упрек и огорчило бы его жену. Так, Эмма была вынуждена согласиться на событие, которого сама всеми силами старалась бы избежать, событие, после которого про нее совершенно унизительно будут говорить, что миссис Элтон взяла ее с собой! Эмма была оскорблена до глубины души, и хотя вслух она покорно согласилась на новые обстоятельства, про себя сурово осудила излишнее дружелюбие мистера Уэстона.

— Рад, что вы одобряете, — радостно ответил он. — Я так и думал. В таких поездках важно иметь большую компанию. И чем больше, тем лучше. Такое общество само себя развлекает. Да и она, в конце концов, женщина добродушная.

Нельзя было ее не пригласить.

Вслух Эмма ничего отрицать не стала, мысленно же ни с чем не согласилась.

Теперь уже стояла середина июня, погода была прекрасная, и миссис Элтон не терпелось назначить день и решить с мистером Уэстоном все вопросы о пирогах с голубями и холодной баранине, когда внезапно одна из лошадей захромала, повергнув их в печальную неопределенность. Ее, может, получится запрячь через несколько дней, а может, и через много недель. О приготовлениях теперь все забыли и впали в уныние. Даже богатый внутренний мир миссис Элтон такого удара не выдержал.

— Скажите, Найтли, не досада ли? — восклицала она. — И даже погода стоит подходящая!.. Эти отсрочки и огорчения воистину ужасны. Что же нам делать?.. Так и лето кончится, а мы ничего не успели. В прошлом году в это время мы, уверяю вас, уже успели совершенно чудесно съездить из Мейпл-Гроув в Кингз-Уэстон.

— Вы бы лучше до Донуэлла прогулялись, — ответил мистер Найтли. — И лошади не нужны. Приходите, отведайте моей клубники. Она уже поспевает.

Мистер Найтли, может, и пошутил, но вос-

приняли его предложение весьма серьезно и с большим восторгом — это было ясно и по поведению миссис Элтон, и по ее восклицанию: «О, с превеликим удовольствием!» Донуэлл славился своей клубникой — сего предлога для приглашения было достаточно. Хотя, по правде сказать, в предлоге не было необходимости: миссис Элтон так не сиделось на месте, что ей подошла бы и капуста. Она вновь и вновь обещала ему прийти, хотя он и так в этом не сомневался, и была чрезвычайно довольна таким подтверждением их дружбы, таким отличительным комплиментом ее скромной персоне.

— Можете на меня положиться, — сказала она. — Я непременно вас навещу. Назначьте день, и я приду. Вы же позволите мне прийти с Джейн Фэрфакс?

— Я не могу назначить день, — отвечал он, — пока не поговорю с теми, кого еще собираюсь пригласить.

— А! Предоставьте это мне. Просто дайте мне карт-бланш… Я ведь дама-патронесса. Это мой праздник. Я приведу с собой друзей.

— Прошу вас привести Элтона, — отозвался он, — а об остальных гостях можете не беспокоиться.

— Ах, какой у вас хитрый вид! Не волнуйтесь, вы можете без опасений поручить все мне. Я ведь не какая-нибудь несведущая молодая девица. Нам, женщинам замужним, знаете ли, можно довериться со спокойной душой. Это мой праздник. Предоставьте все мне. Я сама приглашу ваших гостей.

— Нет, — невозмутимо ответил он, — только одной замужней даме я доверил бы приглашать гостей в Донуэлл, и это…

— Миссис Уэстон, полагаю, — перебила его обиженная миссис Элтон.

— Нет, миссис Найтли. А пока она не появится, я буду решать подобные вопросы сам.

— Ах, ну даете! — воскликнула она, довольная тем, что ей все-таки не предпочли другую. — Такой вы чудак, говорите все, что вам вздумается. Чудак! Хорошо, я приведу с собой Джейн, Джейн и ее тетю. А остальных гостей оставлю на вас. Не возражаю, если придут Вудхаусы. Приглашайте, не стесняйтесь. Я знаю, что вы с ними дружны.

— Обязательно придут, если мне удастся их уговорить. А к мисс Бейтс я зайду по пути домой.

— В этом нет нужды, я вижусь с Джейн каждый день… Впрочем, Найтли, как знаете. Нужно устроить все с утра и по-простому. Я надену такую

шляпку, с широкими полями, а на руку повешу корзиночку — да, вот эту, пожалуй, с розовой ленточкой. Видите, совсем простенько. И Джейн такую дам. Никаких церемоний, никакой торжественности — все будет просто, как у цыган. Прогуляемся по вашему саду, сорвем своими руками клубнику, посидим под деревьями. И если вы захотите угостить нас чем-нибудь еще, то обязательно на свежем воздухе, поставим стол в тени. Естественнее и проще некуда. Так ведь вы задумали?

— Не совсем. По-моему, просто и естественно будет накрыть стол в столовой. Естественность и простота у джентльменов и дам, привыкших к слугам и мебели, связана с трапезами в доме. Когда вам надоест есть клубнику в саду, в доме вас будут ждать холодные закуски.

— Ну, воля ваша. Только не устраивайте пышный прием. И кстати, может быть, я или моя экономка можем помочь вам советом? Не стесняйтесь, Найтли. Если вы хотите, чтобы я поговорила с миссис Ходжис или присмотрела за…

— Благодарю, но в этом совершенно нет необходимости.

— Хорошо, но если возникнут какие-то трудности, моя экономка — просто искусница.

— Ручаюсь вам, моя тоже считает себя искусницей и с презрением отвергнет любую помощь.

— Вот бы у нас был ослик. Как было бы славно, если бы все мы приехали на осликах — Джейн, мисс Бейтс и я… а мой caro sposo шел бы рядом пешком. Может, нам и впрямь завести ослика? Нужно будет с супругом поговорить. При сельской жизни это просто необходимость. Даже женщине с богатым внутренним миром нужно хотя бы иногда выходить из дома, а долгие прогулки, сами понимаете… Летом пыль, зимой грязь.

— По дороге от Хайбери до Донуэлла вы не встретите ни того ни другого. Пыли там не бывает никогда, а для грязи сейчас слишком сухо. Но если вам так угодно, то приезжайте на ослике. Можете одолжить у миссис Коул. Мне бы хотелось, чтобы вы остались всем довольны.

— Уверена, об этом не стоит и беспокоиться. Отдаю вам должное, мой дорогой друг. За вашими исключительно сухими, резковатыми манерами скрывается теплое сердце. Я всегда так и говорю мистеру Э., вы просто чудак… Да, Найтли, знайте, я все поняла. Я оценила ваши старания оказать мне внимание и угодить. И с этой затеей вы очень точно угадали.

По иным причинам не хотел мистер Найтли

накрывать стол на улице. Он надеялся убедить приехать к нему в гости не только Эмму, но и мистера Вудхауса. Он знал, что трапеза на улице невероятно бы гостя расстроила. Нельзя под благовидным предлогом утренней прогулки и пары часов в гостях заманивать его на такие мучения.

Приглашение было сделано с чистой совестью. Никакие ужасы доверчивого мистера Вудхауса не подстерегали, и тот согласился.

— Я уже два года не навещал Донуэлл, — говорил он. — Каким-нибудь ясным утром мы с Эммой и Харриет с удовольствием приедем. Я спокойно посижу с миссис Уэстон, а наши милые девочки погуляют по саду. Наверное, в полдень там уже совсем сухо. Мне бы очень хотелось снова посмотреть на старинный дом, и я с радостью встречусь с мистером и миссис Элтон и другими нашими соседями… Почему бы нам с Эммой и Харриет и впрямь не навестить вас, если утро будет ясное? Как славно, что вы нас пригласили! И как хорошо и разумно придумали пригласить всех без званого обеда. Не люблю я их.

Мистеру Найтли повезло: все приглашения были приняты. Причем каждый согласился прийти с такой готовностью, будто, подобно миссис Элтон, счел, что затея призвана угодить именно

ему. Эмма и Харриет заявили, что с нетерпением предвкушают удовольствие от приема, а мистер Уэстон в знак согласия и благодарности даже пообещал написать с приглашениями Фрэнку, хотя его об этом и не просили. Мистеру Найтли оставалось только сказать, что он будет рад его видеть, и мистер Уэстон тут же принялся за письмо, не жалея никаких доводов, чтобы уговорить сына приехать.

Между тем хромая лошадь так быстро поправилась, что снова начались радостные разговоры про поездку на Бокс-Хилл, и в конце концов было решено посетить Донуэлл в один день, а Бокс-Хилл — на следующий, к тому же погода стояла самая благоприятная.

Под ярким полуденным солнцем, почти что в самый разгар лета, в экипаже с одним открытым окошком мистера Вудхауса благополучно доставили на донуэллский прием на свежем воздухе. Затем его проводили в одну из удобнейших комнат с горячим камином, который специально для него начали топить с самого утра. Тут он, весьма довольный, и расположился, готовый с удовольствием обсудить все новости и посоветовать каждому посидеть с ним и не перегреваться на солнце. Миссис Уэстон, которая, казалось,

и пришла в Донуэлл пешком, чтобы уставшей сидеть с мистером Вудхаусом, осталась в доме, слушать его и сочувствовать, а остальные были настоятельно приглашены на свежий воздух.

Эмма так давно не была в Донуэлле, что, едва убедившись, как ее батюшка устроен со всеми удобствами, тут же радостно поспешила оглядеться вокруг. Ей хотелось поскорее освежить в памяти дом и парк, представляющие такой интерес для нее и всей ее семьи.

С настоящей гордостью и самодовольством, справедливыми при том родстве, в котором она состояла с нынешним и будущим владельцами имения, осматривала Эмма большой красивый дом, оценивая его удобное, выгодное и отличительное расположение в закрытой со всех сторон низине: роскошные сады простирались к лугам, омываемым рекой — которую, впрочем, из окон дома было видно плохо, ведь в старину строили, не задумываясь о видах, — а густые деревья стояли вдоль дорожек и аллей, не вырубленные ни в угоду моде, ни по прихоти хозяина. Дом был больше хартфилдского и совсем на него не походил: просторный и несимметричный, он занимал большую часть земли и мог похвастать множеством удобных и даже парой очень кра-

сивых комнат. Таким ему и надлежало быть, и таким он и был. Эмма почувствовала, как в ней растет уважение к родовому гнезду столь истинно благородного, чистокровного, просвещенного семейства. Конечно, у Джона Найтли имелись некоторые недостатки в характере, однако Изабелла сделала безупречный выбор. Она связала их с семьей, с фамилией, с имением, за которые краснеть не приходится. Таким приятным размышлениям предавалась Эмма, прогуливаясь по саду, пока ей не пришлось присоединиться к остальным гостям возле клубничных грядок. Все приглашенные были в сборе, кроме Фрэнка Черчилля, которого ожидали из Ричмонда с минуты на минуту. Счастливая миссис Элтон, наряженная в ту самую широкополую шляпу и вооруженная корзинкой, с готовностью взяла на себя бразды правления их обществом: собирая клубнику, поедая клубнику и разговаривая о клубнике — только о ней теперь могли быть все мысли и речи. Беспрестанно доносилось:

— Лучшая ягода в Англии… все ее любят… всем полезна… Это лучшие грядки и лучшие сорта… Сколько удовольствия рвать ее руками… только так можно по-настоящему насладиться… Утро — определенно лучшее время… никогда не устаю…

Все сорта хороши… а земляника лучше всех… ни в какое сравнение… остальные вовсе несъедобны… земляника — деликатес… предпочитаю чилийскую… лесная превосходит все… Цены в Лондоне… полным-полно под Бристолем… в Мейпл-Гроув… новые грядки… каждый садовник по-разному… нет общих правил… садовников не переучишь… Восхитительное лакомство… но много не съешь… слишком яркий вкус… вишня вкуснее… смородина свежее… за клубникой тяжело нагибаться… палит солнце… устала до смерти… больше невозможно… нужно пойти посидеть в тени.

Так целых полчаса и велся разговор, прерванный лишь однажды миссис Уэстон, которая вышла узнать, не приехал ли ее пасынок. Она начинала беспокоиться: а вдруг что-то случилось с его лошадью?

Когда все отыскали себе местечко в тени, Эмма стала невольной свидетельницей разговора миссис Элтон и Джейн Фэрфакс. Речь шла о завидном для Джейн месте. Миссис Элтон получила о нем известие этим утром и теперь пребывала в полном упоении. Место было не у миссис Саклинг и не у миссис Брэгг, но по заманчивости и роскоши могло уступить разве что им: гувернантка требо-

валась кузине миссис Брэгг и знакомой миссис Саклинг, которую даже имели честь принимать в Мейпл-Гроув. Восхитительно, очаровательно, превосходно, это высший круг, лучшее общество, знакомства, положение и все прочее — миссис Элтон не терпелось немедленно покончить с этим делом. Она горячилась и ликовала, решительно отказываясь выслушать возражения мисс Фэрфакс, хотя та по-прежнему уверяла ее, что пока что не намерена искать себе место, и приводила все те же доводы, что и прежде. И все равно миссис Элтон настаивала на том, чтобы отправить согласие завтрашней почтой. Эмма поражалась, как только Джейн хватает терпения. Вид у нее был явно недовольный, и отвечала она не слишком любезно, и наконец с удивительной для нее решимостью сказала:

— А не пойти ли нам прогуляться? Может быть, мистер Найтли покажет нам свои сады? Хотелось бы все посмотреть.

Очевидно, больше выдержать настойчивости подруги она не могла.

Гости кто куда разбрелись по саду. Было жарко, и спустя некоторое время все один за другим бездумно устремились в заманчивую сень обсаженной липами широкой аллеи, которая

тянулась за пределы сада и обрывалась на полпути к реке, как бы обозначая конец прогулочных угодий. Она никуда не вела, а заканчивалась видом, открывавшимся за низкой каменной оградой с высокими столбами, которые будто бы обозначали подъезд к несуществующему дому. Хоть и неясен был смысл такого решения, аллея чудесно подходила для прогулок, и вид в самом ее конце был необычайно красив. Склон, почти у подножия которого стоял донуэллский дом, спускаясь, становился круче, и в полумиле от пределов имения заканчивался резким и внушительным обрывом, одетым в густой лес. Под обрывом, на излучине реки, в благоприятном и укромном месте, лицом к лугам стояла ферма Эбби-Милл.

Вид был прекрасный, приятный и глазу, и душе. Английская зелень, английская природа, английский покой, залитый ярким солнцем, но не досаждающий буйством красок.

В аллее Эмма и мистер Уэстон и застали других гостей, а впереди всех, отделясь от остальных, спокойно шли мистер Найтли и Харриет. Мистер Найтли и Харриет! Удивительно было видеть их вместе, но приятно. А ведь когда-то он пренебрег бы такой собеседницей и попросту от нее отвер-

нулся. Теперь же они явно вели весьма приятную беседу. И ведь когда-то Эмма бы забеспокоилась, что Харриет увидит ферму Эбби-Милл, да еще и в таком выгодном свете: пышную и красивую; с зелеными пастбищами, усеянными стадами; с деревьями в цвету и легким дымком, вьющимся из трубы дома. Теперь же опасаться было нечего. У ограды она подошла к этой паре поближе и заметила, что они более увлечены беседой, нежели видами вокруг. Мистер Найтли рассказывал Харриет что-то про сельское хозяйство и одарил Эмму улыбкой, которая, казалось, говорила: «Я ведь говорю о своих делах и имею право рассуждать на подобные темы. Не подозревайте меня в стремлении напомнить о Роберте Мартине». Никаких подозрений у Эммы и не было. Эта история случилась так давно… Роберт Мартин, наверное, уже и думать забыл о Харриет. Они вместе еще несколько раз прогулялись туда и обратно по аллее. В тени было свежо, и Эмма нашла эти минуты самыми приятными за день.

Затем все направились в дом, расселись и принялись за еду, а Фрэнк Черчилль все не ехал. Миссис Уэстон постоянно поглядывала на дорогу, но тщетно. Ее муж ни о чем не беспокоился и посмеивался над ее страхами, но миссис Уэстон

упорно твердила, что это все из-за его вороной кобылы, ведь в этот раз он с несвойственной ему определенностью заявил, что приедет: его тетушке определенно гораздо лучше, и он, несомненно, сможет их навестить. Все тут же принялись напоминать ей, что здоровье миссис Черчилль часто и непредсказуемо меняется и что планы Фрэнка могли расстроиться. Наконец миссис Уэстон убедили — или же она просто решила согласиться, — что, вероятно, у миссис Черчилль опять случился приступ и Фрэнк просто не смог ее покинуть. Во время этих разговоров Эмма поглядывала на Харриет: та держалась очень хорошо и не выдала совершенно никаких чувств.

Расправившись с холодными закусками, гости решили снова выйти в сад и осмотреть то, что еще не успели: старинные рыбные пруды, может, даже клеверное поле, которое назавтра начинали косить — или же просто выйти, чтобы иметь удовольствие устать от жары и вернуться в приятную прохладу. Мистер Вудхаус, который уже успел прогуляться до верхней части сада, где даже ему не могла почудиться сырость с реки, больше с места не сдвинулся. Его дочь решила остаться с ним, чтобы мистер Уэстон убедил жену составить ему компанию и перевести дух за прогулкой.

Мистер Найтли сделал все возможное, чтобы развлечь мистера Вудхауса. Перед ним были разложены альбомы с гравюрами, витрины с медалями, камеи, кораллы, раковины и прочие фамильные коллекции из его шкафчиков, за разглядыванием которых он и провел все утро. Мистер Вудхаус был в восторге. Миссис Уэстон успела показать ему все диковинки, а он теперь захотел показать их Эмме. Он, словно ребенок, без разбору разглядывал все, что брал в руки: медленно, внимательно и обстоятельно. Но прежде чем ее батюшка принялся за дело, Эмма решила ненадолго выйти и в одиночестве полюбоваться входом и видом на имение. Не успела она приступить к сему занятию, как вдруг столкнулась с Джейн Фэрфакс, которая словно бы спасалась бегством из сада. Не ожидая встретить мисс Вудхаус, она вздрогнула, однако выяснилось, что именно ее-то она и искала.

— Не могли бы вы, — сказала Джейн, — когда меня хватятся, сказать, что я ушла домой? Я как раз ухожу. Тетя не осознает, как сейчас поздно и как давно мы в гостях. Боюсь, нас уже потеряли дома, так что я пойду немедленно. Я никому ничего не сказала, не хочу причинять неудобства и огорчения. Кто-то пошел к прудам, другие — в

аллею. Пока они не вернутся, меня искать не будут, а когда начнут, не могли бы вы, пожалуйста, сказать, что я ушла?

— Разумеется, как вам угодно, но… вы же не одна пойдете в Хайбери?

— Одна. А чего мне бояться? Хожу я быстро. Двадцать минут — и я дома.

— Но как же вы пойдете в такую даль? Позвольте, вас проводит слуга моего батюшки… Позвольте, я прикажу подать экипаж. Он будет готов через пять минут.

— Благодарю вас, благодарю, но не стоит. Я лучше пройдусь. Да и что обо мне беспокоиться! Я сама скоро буду охранять других!

Она говорила очень взволнованно, и Эмма с чувством ответила:

— Это не повод подвергать себя опасности. Я прикажу подать повозку. Даже жара сейчас может быть опасной… Вы и так уже устали.

— Да, — признала она, — я устала, но это вовсе не та усталость… Быстрая прогулка меня взбодрит. Мисс Вудхаус, все мы иногда утомляемся душой. И моя, признаюсь, изнемогает. Вы окажете мне высочайшую услугу, если позволите поступить по-своему. Я лишь прошу вас, когда понадобится, сообщить, что я ушла.

Больше Эмма не возразила ей ни словом. Она все поняла и, войдя в ее положение, помогла немедленно покинуть дом, проводив с поистине дружеским рвением. На прощание Джейн Фэрфакс с благодарностью сказала ей: «Ах, мисс Вудхаус! Какое счастье иногда побыть одной!» Слова, казалось, вырвались прямо из ее изнеможенной души, выдав, какой постоянной выдержки требуют даже те, кто безгранично ее любит.

«И правда, что за семейка! И что за тетка! — подумала Эмма, возвращаясь в прихожую. — Искренне вам сочувствую. И чем больше вы будете показывать, как устаете от этих ужасов, тем сильнее станете мне нравиться».

Не прошло и четверти часа с ухода Джейн, а Эмма с отцом едва успели пролистать альбомы с видами площади Святого Марка в Венеции, когда в комнату вошел Фрэнк Черчилль. Эмма о нем и вовсе позабыла, но все равно очень обрадовалась. Теперь миссис Уэстон может быть спокойна. Вороная кобыла ни в чем не виновата, и правы оказались те, кто вспомнил о непостоянстве здоровья миссис Черчилль. У нее случился нервический припадок, который длился несколько часов. Фрэнк даже было оставил всякую надежду приехать, а знай он, как жарко будет в дороге и

как поздно он, даже при всей спешке, прибудет, то и не поехал бы вовсе. Жара страшная, никогда еще он так не мучился и почти пожалел, что вышел из дома. Нет ничего хуже жары, он любой холод стерпит, но жара! Жара просто невыносима… И он, с весьма плачевным видом, уселся как можно дальше от дотлевающего камина мистера Вудхауса.

— Если вы посидите спокойно, то скоро остынете, — сказала Эмма.

— Как остыну, так тут же придется ехать назад. Я обязан быть дома, но на моем приезде так настаивали! Полагаю, вы вообще скоро все разойдетесь. Я уже кое-кого по пути сюда встретил… В такую жару! Безумие какое-то!

Эмма слушала, наблюдала и вскоре поняла, что Фрэнк Черчилль попросту, что называется, не в духе. Некоторые люди начинают ворчать от жары — возможно, и он таков. Она знала, что нет лучшего лекарства от сих ничтожных жалоб, чем еда и питье, и предложила ему чем-нибудь подкрепиться в столовой, милосердно указав на нужную дверь.

— Нет, никакой еды. Я не голоден. От еды мне станет только жарче.

И все же через пару минут он слегка остыл и,

бормоча что-то про хвойное пиво, вышел. Эмма снова обратила все свое внимание на отца, думая: «Как хорошо, что я больше в него не влюблена. Не выношу мужчин, которые в жаркое утро так легко выходят из себя. А вот Харриет с ее милым и кротким нравом легко его стерпит».

Фрэнка не было довольно продолжительное время, и он, видимо, успел спокойно перекусить, потому что вернулся к ним в куда более остывшем и приподнятом настроении. К юноше вернулись его прекрасные манеры, и он даже придвинул стул поближе к Вудхаусам, чтобы с интересом принять участие в их занятии, лишь немного посетовав, что так сильно опоздал. Он все еще был не в лучшем расположении духа, но, казалось, старался забыть о своих неприятностях и вскоре снова смог вполне любезно болтать всякую чепуху. Они разглядывали виды Швейцарии.

— Как только тетя поправится, поеду за границу, — сказал Фрэнк Черчилль. — Не успокоюсь, пока не увижу всех этих мест. Покажу вам потом когда-нибудь свои наброски… или дам почитать заметки… или стихи. Словом, как-нибудь я выражу свои впечатления.

— Вполне вероятно, вот только… не швейцарские это будут наброски. Вам в Швейцарию

никогда не поехать. Дядя с тетей не отпустят вас из Англии.

— Их тоже можно уговорить поехать. Возможно, тете пропишут теплый климат. Я почти что уверен, что мы поедем за границу. Уверяю вас. Я это чувствую, скоро я буду за границей. Я должен путешествовать. Я устал сидеть на месте. Я хочу перемен. Я не шучу, мисс Вудхаус, что бы там ни казалось вашему проницательному взгляду… Мне надоела Англия… Я бы хоть завтра уехал, если бы мог.

— Вам надоели достаток и роскошь. Не проще ли придумать себе парочку трудностей и остаться здесь?

— Мне! Надоели достаток и роскошь! Вы сильно ошибаетесь. Я вовсе не считаю, что живу в достатке или роскоши. Я лишен всего существенного. Мне крупно не повезло.

— И все ж нынче вы отнюдь не так несчастны, как в самом начале, когда только приехали. Ступайте, найдите еще что-нибудь перекусить, и скоро совсем повеселеете. Еще кусочек мяса, еще глоточек мадеры с водой — и у вас будет такое же прекрасное настроение, как у всех остальных.

— Нет, я останусь. Посижу с вами. Вы — мое лучшее лекарство.

— Мы завтра едем на Бокс-Хилл — вы поедете? Это не Швейцария, но хоть что-то для юноши, который так жаждет перемен. Останетесь сегодня? Поедете с нами?

— Нет, конечно, нет. Вечером, по прохладе, поеду домой.

— Можете к нам завтра утром приехать, тоже по прохладе.

— Нет… Оно того не стоит. Если я и приеду, то сердитый.

— Тогда уж прошу, оставайтесь лучше в Ричмонде.

— А если останусь, то рассержусь еще пуще. Как я буду думать о том, что вы все там — без меня.

— Сии трудности разрешить под силу лишь вам. Выберите, где вам больше нравится сердиться. А я более ничего не скажу.

Гости стали потихоньку возвращаться в дом, и вскоре в комнате собралось все общество. Одни при виде Фрэнка Черчилля невероятно обрадовались, другие поздоровались более сдержанно, однако все сильно забеспокоились и огорчились, когда выяснилось, что мисс Фэрфакс ушла. После этого гости решили, что и им пора бы по домам, и, повторив напоследок план на следующий день, разошлись. Фрэнку Черчиллю так не хотелось

пропускать всеобщую поездку, что на прощание он сказал Эмме:

— Что ж… если вам хочется, чтобы я остался и поехал с вами, то так тому и быть.

Она одобрительно улыбнулась. До завтрашнего вечера он пробудет с ними, а призвать его назад в Ричмонд может только срочная просьба.

Глава VII

День для поездки на Бокс-Хилл выдался прекрасный, и все прочие внешние обстоятельства и договоренности обещали им весьма приятное время. Мистер Уэстон руководил сборами, заглядывая то в Хартфилд, то к викарию, и все двинулись в положенный срок. Эмма и Харриет ехали в одном экипаже, мисс Бейтс, ее племянница и Элтоны — в другом, а джентльмены верхом. Миссис Уэстон осталась с мистером Вудхаусом. Оставалось только радостно предвкушать приезд, и семь миль дороги прошли в счастливом ожидании. Прибыв на место, все огляделись с восхищением, однако вскоре стало ясно, что чего-то их событию не хватает. Царили вялость, апатия и разобщенность, их никак не удавалось побороть. Общество разделилось: Элтоны держались

вдвоем, мистер Найтли — с мисс Бейтс и Джейн, а Фрэнк Черчилль — с Эммой и Харриет. Сколько мистер Уэстон ни пытался их объединить, все напрасно. Вначале казалось, что разделение произошло случайно, однако за два часа ничего не изменилось. Мистер и миссис Элтон были готовы общаться и любезничать с другими, но желание прочих гостей отделиться, по всей видимости, было настолько сильным, что ни прекрасные виды, ни холодные закуски, ни веселый мистер Уэстон преодолеть его не смогли.

Поначалу Эмме было ужасно скучно. Она никогда еще не видела Фрэнка Черчилля таким молчаливым и отупелым. Говорить с ним было неинтересно: он смотрел вокруг, но ничего не видел, восхищался всем неискренне, слушал Эмму, но не слышал ее. Он был столь скучен, что ничего удивительного, что поскучнела и Харриет. Оба они были невыносимы.

Когда все уселись, стало веселее — причем, на взгляд Эммы, веселее значительно. Фрэнк Черчилль разговорился, оживился и обратил наконец свой взор к ней. Он принялся оказывать ей всевозможные знаки внимания. Казалось, у него нет другой заботы, кроме как развлекать ее и угождать ей, и Эмма, с удовольствием готовая

взбодриться и выслушать всю его лесть, тоже повеселела и разговорилась. Она по-дружески его поощряла и принимала ухаживания, совсем как в ранний и самый радостный период их знакомства, разве что теперь для нее все это ничего не значило, хотя в глазах остальных их поведение возможно было описать лишь точным английским словом «флирт». «Мистер Фрэнк Черчилль и мисс Вудхаус только и делали, что флиртовали», — такую фразу наверняка напишут в своих письмах две дамы: одна — в Мейпл-Гроув, другая — в Ирландию. Нельзя сказать, что Эмма беспечно веселилась, потому что была по-настоящему счастлива, — нет, она ожидала большего. Она смеялась, потому что была разочарована, и хотя его внимание — будь то как друга, как поклонника или просто игривого человека — она считала заслуженным, сердце ее оставалось к нему холодно. Эмма по-прежнему хотела, чтобы Фрэнк Черчилль оставался для нее лишь другом.

— Как я вам обязан, — говорил он, — за то, что вы сказали мне сегодня с вами поехать! Если бы не вы, я бы лишился такого удовольствия. А ведь я уж было поехал назад домой.

— Да, вы были ужасно сердиты, и я даже не понимаю почему. Опоздали на лучшую клубнику?..

Вы не заслужили столь доброго друга, как я. Но вы усмирили свой пыл. Вы действительно умоляли, чтобы вам приказали приехать.

— Не говорите, что я был сердит. Я просто устал. Меня одолела жара.

— Сегодня жарче.

— Не для меня. Я себя чувствую прекрасно.

— Это потому, что сегодня вы во власти.

— В вашей власти? Согласен.

— Так и знала, что вы так скажете, но я имела в виду, в вашей собственной. Вчера вы по неким причинам позволили себе утратить самообладание, но сегодня вновь держите себя в руках. А поскольку я не могу постоянно быть рядом с вами, то лучше верить тому, что вы все-таки сохраняете над собой вашу собственную власть, а не мою.

— Выходит одно и то же. Для самообладания мне нужна причина. Вы мной повелеваете, молча или вслух. И вы можете всегда быть со мной. Вы всегда со мной.

— Да, с трех часов вчерашнего дня. Раньше мое постоянное влияние начаться не могло — а иначе вы бы так не рассердились по пути.

— Вчерашнего дня! Так вы считаете. Я, кажется, впервые увидел вас в феврале.

— Ваша обходительность удивительна. Но, — продолжала Эмма, понизив голос, — все, кроме нас, молчат. Развлекать семь тихих человек, болтая всякую чушь, — это, пожалуй, слишком.

— А мне стыдиться нечего, — отозвался он с показной наглостью. — Впервые я вас увидел в феврале. Пускай все на Бокс-Хилл об этом знают. Пускай речи мои разнесутся от Миклэма до Доркинга. Впервые я вас увидел в феврале, — и шепотом продолжал: — Наши спутники совсем заскучали. Что бы нам такого выдумать, чтобы их разбудить? Любая глупость подойдет. Сейчас заговорят! Дамы и господа, мисс Вудхаус — которая всегда и везде первенствует — приказала мне передать: она желает знать, о чем вы думаете!

Кто-то засмеялся и отвечал добродушно. Мисс Бейтс пустилась пересказывать все, что было на уме, миссис Элтон нахохлилась при словах, что первенствует мисс Вудхаус, мистер Найтли заговорил яснее всех:

— А мисс Вудхаус уверена, что в самом деле желает сие знать?

— О нет, нет! — воскликнула Эмма с наигранно беззаботным смехом. — Ни за что на свете. Я не выдержу такого удара. Готова выслушать что угодно, но только не это. Впрочем, мысли

некоторых, — добавила она, взглянув на мистера Уэстона и Харриет, — я узнать бы не побоялась.

— Вот я бы себе такого никогда не позволила, — с чувством воскликнула миссис Элтон. — Расспрашивать других об их мыслях! Хотя, возможно, как хозяйка сегодняшнего дня… а вот я никогда в обществе… поездки по округе… молодые девицы… замужние дамы…

Ворчала она главным образом мужу, и он бормотал ей в ответ:

— Верно, любовь моя, совершенно верно. Именно так… неслыханно… но некоторые девицы вообще говорят все, что вздумается. Лучше просто посмеяться. А ваши достоинства все знают.

— Это никуда не годится, — прошептал Фрэнк Эмме, — большинство оскорбилось. Попробую-ка по-другому. Дамы и господа, мисс Вудхаус приказала мне передать, что она отказывается от права знать, о чем вы думаете, и лишь желает узнать от каждого что-нибудь занимательное. Вас семеро, если не считать меня — я, по признанию мисс Вудхаус, и без того вполне занимателен, — и она требует, чтобы каждый рассказал либо одну вещь очень остроумную — будь то поэзия или проза, авторства вашего или чужого, — либо две вещи, остроумные слегка, либо же три совершенные

глупости, а мисс Вудхаус обещает от души над всем посмеяться.

— О! Прекрасно! — воскликнула мисс Бейтс. — Тогда я могу не волноваться. Три совершенные глупости — это как раз для меня. Мне только рот стоит открыть, как тут же всякие глупости сыпятся, да? — спросила она, оглядываясь кругом в добродушной надежде, что другие ее поддержат. — Ну разве не так?

Эмма не устояла.

— Ах, но, видите ли, тут может возникнуть одно затруднение. Прошу меня простить, но… вы несколько ограничены числом… можно лишь три глупости за раз.

Мисс Бейтс, обманутая притворной официальностью ее манеры, не сразу поняла смысл сказанного, но, все осознав, не рассердилась, а лишь слегка зарделась — очевидно, слова Эммы ее ранили.

— Ах! Да… Конечно. Да, я поняла, о чем она, — сказала она, поворачиваясь к мистеру Найтли, — и впредь постараюсь молчать. Видно, я стала совсем надоедливой, раз она такое сказала старому другу.

— Отличная мысль! — воскликнул мистер Уэстон. — Я за! Как смогу, постараюсь. Задам-ка я

вам загадку. Как загадка оценивается?

— Невысоко, сэр, боюсь, весьма невысоко, — ответил его сын. — Но мы будем снисходительны, особенно к тому, кто выступает первым.

— Нет-нет, — сказала Эмма, — отчего же невысоко. Загадки мистера Уэстона хватит и на него самого, и на ближайшего соседа. Прошу, сэр, говорите.

— Я и сам не уверен, что она так уж остроумна, — начал мистер Уэстон. — Это скорее факт, а не загадка, но… Какие две буквы алфавита обозначают совершенство?

— Две буквы!.. Совершенство!.. Право же, не знаю.

— А! Никогда не угадаете. Уж вы, — сказал он, обращаясь к Эмме, — точно не угадаете. Ну, ладно, скажу. «М» и «А». «Эмма». Понимаете?

Эмма поняла и осталась очень довольна. Загадка получилась, может, и не остроумной, но ей показалась весьма забавной и занимательной — как и Фрэнку с Харриет. Остальным она, однако, не так пришлась по душе, некоторые оцепенели, а мистер Найтли мрачно заметил:

— Ясно теперь, о каком остроумии идет речь, и мистер Уэстон сам преуспел, однако что теперь делать остальным? Не стоило так спешить с «со-

вершенством».

— О, меня прошу уволить, — сказала миссис Элтон. — Не буду даже пытаться, мне такие выдумки не по нраву. Помню, как-то получила акростих в мою честь, совершенно мне не понравился. Я знаю, кто его прислал. Тщеславный фат!.. Вы знаете, о ком я, — добавила она, кивая мужу. — Подобные забавы хороши на Рождество, когда все сидят у камина, однако летом, в таких поездках, они, по-моему, совершенно неуместны. Мисс Вудхаус должна меня извинить. Я не из тех, кто сыпет остротами другим на потеху. На роль остряка не претендую. Я тоже по-своему умею веселиться, но предпочитаю сама решать, когда говорить, а когда молчать. Мистер Черчилль, будьте добры, уж меня увольте. Меня, мистера Э., Найтли и Джейн. Нам сказать нечего, решительно нечего.

— Да-да, уж меня увольте, — добавил ее муж с усмешкой. — Мне-то нечем позабавить ни мисс Вудхаус, ни других молодых дам. Я, мужчина старый, женатый, ни на что уж не годен. Августа, может, прогуляемся?

— С удовольствием. Мне надоело осматривать окрестности с одного места. Пойдемте, Джейн, берите меня под эту руку.

Однако Джейн отказалась, и супруги удалились вдвоем.

— Счастливая пара! — воскликнул Фрэнк Черчилль, как только те отошли подальше. — Как они друг другу подходят! Какое везение — вот так жениться после встреч на приемах в Бате. Они ведь всего несколько недель были знакомы? Настоящее везение! Ведь каков человек на самом деле, невозможно понять ни в Бате, ни в любом другом общественном месте. Это надобно видеть женщину в ее доме, среди родных и близких. Только так возможно судить о ее истинном нраве. А иначе все сводится к удаче — а вернее, в большинстве случаев, к неудаче. Сколько мужчин связали свое будущее с дамами после короткого знакомства, а потом каялись всю оставшуюся жизнь!

Мисс Фэрфакс, которая до того говорила только со своими близкими, подала голос:

— Такие случаи, несомненно, бывают. — Тут она закашлялась. Фрэнк Черчилль повернулся к ней.

— Продолжайте, — мрачно произнес он. Мисс Фэрфакс вновь заговорила:

— Я лишь хотела заметить, что, хотя сии печальные обстоятельства иногда случаются — как

с мужчинами, так и с женщинами, — я не думаю, что так уж они и часты. Поспешная и безрассудная привязанность возникнуть может, однако после этого обычно бывает время одуматься. Я хочу сказать, что только слабые, нерешительные натуры, чье счастье полностью зависит от воли случая, допустят, чтобы злополучное знакомство навсегда стало их бременем.

Фрэнк Черчилль лишь молча посмотрел на нее и покорно поклонился. Через некоторое время он весело сказал:

— А я вот своему собственному суждению не доверяю. Надеюсь, жену мне выберет кто-нибудь другой. Может быть, вы? — спросил он, поворачиваясь к Эмме. — Выберете мне жену? Уверен, мне ваш выбор придется по душе. Вы ведь в этом вопросе уже весьма опытны, — добавил он, улыбнувшись своему отцу. — Найдите кого-нибудь. Мне не к спеху. Станьте ее покровительницей, воспитайте ее.

— По собственному подобию.

— Был бы весьма благодарен.

— Хорошо. Принимаю ваше поручение. Будет вам ваша очаровательная жена.

— Пускай будет веселой и пускай с карими глазами. А все остальное неважно. Я на пару лет

уеду за границу, а когда вернусь — то приду к вам за женой. Запомните.

Такое Эмме забыть не грозило. Его поручение ей невероятно льстило. Ведь подойдет же Харриет под его описание? Разве что глаза не карие. Но за два года она станет ровно такой, как он желает. Возможно, он даже сейчас о ней и думает, кто знает? Не зря же он сказал про воспитание.

— А не присоединиться ли нам к миссис Элтон? — сказала Джейн, обращаясь к тетушке.

— Да, милая моя. С удовольствием. Я давно готова. Я сразу готова была с ней пойти, но и сейчас не поздно. Мы ее быстро нагоним. Вон она… нет, это кто-то другой. Это дама из той ирландской компании… совсем на нее не похожа. Ну право же…

Они ушли, и через полминуты за ними последовал мистер Найтли. Остались только мистер Уэстон, его сын, Эмма и Харриет. Молодой человек так разошелся, что его уже невозможно было терпеть. Даже Эмме надоели его лесть и веселость. Она бы предпочла тихо погулять с другими по окрестностям или спокойно посидеть в полном одиночестве, умиротворенно любуясь прекрасными видами Бокс-Хилла. С радостью были встречены слуги, которые сообщили, что экипажи поданы. Эмма с готовностью стерпела

и суетливые сборы, и требования миссис Элтон, чтобы ее коляску подали первой. Впереди ее ждала спокойная поездка домой, которая положит конец сомнительным удовольствиям сегодняшнего дня. Она надеялась никогда больше не попасть в подобное общество, где люди совершенно не подходят друг другу, — а тем более против собственной воли.

Пока Эмма ждала экипаж, к ней подошел мистер Найтли. Он огляделся по сторонам, словно проверяя, чтобы никого не было рядом, и сказал:

— Эмма, я, как и всегда, не могу с вами не поговорить. Привилегию эту вы мне не давали, но все же вынуждены терпеть. Молчать я не могу. Невозможно смотреть, как вы поступаете дурно, и не упрекнуть вас. Как вы можете так поступать с мисс Бейтс? Как вы можете с таким высокомерием подшучивать над женщиной ее характера, возраста и положения?.. Эмма, я и не думал, что вы на сие способны.

Эмма вспомнила, покраснела и устыдилась, но попробовала обратить все в шутку:

— Да, но как тут удержаться?.. Никто бы не смог. Ничего воистину ужасного я не сказала. Она, полагаю, даже и не поняла меня.

— Уверяю вас, поняла. Целиком и полностью.

Только об этом и говорит, и слышали бы вы как — с какой искренностью и великодушием. Слышали бы вы, как она хвалит вашу терпеливость, как отзывается о внимании, которое всегда оказываете ей вы и ваш отец — хотя ее общество, по всей видимости, столь для вас утомительно.

— Ах! — воскликнула Эмма. — Знаю я, что нет на свете создания добрее, но согласитесь: черты хорошие, к несчастью, сочетаются в ней с нелепыми.

— Да, согласен, — подтвердил он. — И полагаю, будь она богата, нелепые даже бы преобладали. Будь она женщиной состоятельной, я бы оставил все эти безобидные глупости и не ссорился с вами из-за ваших вольностей. Будь она вам равной по положению… но, Эмма, задумайтесь. Это далеко не так. Она бедна, а ведь родилась в довольстве. И если доживет до старости, то, вероятно, обеднеет еще больше. Ее положение должно внушать вам сострадание. А вы так дурно поступили! Она помнит вас еще малышкой, она помнит, как вы росли и взрослели еще в те годы, когда ее внимание считалось честью. А теперь вы, из легкомыслия, из минутной гордыни, насмехаетесь над ней, унижаете ее — да еще на глазах у ее племянницы, на глазах у других людей, многие из которых

— некоторые наверняка — возьмут с вас пример. Вам неприятно это слышать, Эмма, и мне неприятно это все говорить, но это мой долг, и я буду, пока могу, говорить вам правду, зная, что я был вам хорошим другом и давал вам добрые советы, которые, надеюсь, однажды вы оцените больше, чем сейчас.

За разговором она подошли к экипажу. Эмма не успела ответить, как мистер Найтли помог ей взобраться внутрь. Он неверно истолковал чувства, которые заставили ее отвернуться и сковали ей язык. Ее охватили злоба на себя саму, беспокойство и стыд. Она была не в силах что-либо сказать и, сев в карету, откинулась было назад, но тут же, упрекая себя за то, что не простилась, что никак не ответила, что уезжает в таком несомненном недовольстве, выглянула наружу, чтобы его окликнуть, чтобы помахать ему рукой — но было поздно. Он уже отвернулся, а лошади тронулись. Эмма все оглядывалась, но тщетно, и вскоре экипаж, как показалось Эмме, на невероятной скорости скатился с холма, и все осталось позади. Эмму мучила невыразимая и едва ли скрываемая досада. Никогда в жизни не была еще она так взволнована, так пристыжена и так опечалена. Это был невыносимый удар.

Не было смысла отрицать его слова. Сердце ее разрывалось. Как она могла так жестоко, так безжалостно поступить с мисс Бейтс! Как она могла так уронить себя в глазах того, чьим мнением столь дорожит! И как допустила, чтобы он ушел, не услышав ни благодарности, ни раскаяния, ни хоть одного доброго слова!

Время исцеления не принесло. Чем больше она размышляла, тем пуще расстраивалась. Никогда прежде не была она так подавлена. К счастью, говорить не было надобности. С ней ехала лишь Харриет, которая, кажется, тоже была не в лучшем настроении, усталая и молчаливая, и почти всю дорогу домой по щекам у Эммы лились непривычные для нее слезы, и сдержать их она даже не пыталась.

Глава VIII

Весь вечер мысли Эммы занимала лишь несчастная поездка на Бокс-Хилл. Какие впечатления остались у других, она не знала. Может, они, каждый у себя дома и каждый на свой лад, вспоминают их прогулку с удовольствием, но для нее утро оказалось потрачено совершенно впустую. Эмма в нем не нашла никакого насла-

ждения, а уж вспоминать о прогулке и вовсе нельзя было без отвращения. Весь вечер они с отцом проиграли в триктрак, и это время, по сравнению с утренней поездкой, было настоящим блаженством. Им она поистине насладилась, посвятив батюшке лучшее время суток. Эмма знала, что не заслужила такой слепой любви и полного доверия с его стороны, но была уверена: здесь ее никто ни в чем не упрекнет. Она надеялась, что бессердечной дочерью ее назвать нельзя. Что никто не скажет: «Как вы можете так поступать с отцом?.. Я буду, пока могу, говорить вам правду, это мой долг». А с мисс Бейтс она никогда больше… нет, никогда! Если вниманием в будущем можно стереть прошлое, то у нее есть надежда на прощение. Эмма знала, что виновата: она часто — правда, более в мыслях, нежели на деле — мисс Бейтс пренебрегала, бывала презрительна и невежлива. Но больше этого не повторится. Подогреваемая искренним раскаянием, Эмма решила на другое же утро навестить ее и тем самым положить начало новым, равным и добрым отношениям.

Наутро ее решимость не ослабла, и Эмма вышла из дома пораньше, чтобы ничто не могло ей помешать. Возможно, думала она, по пути ей

встретится мистер Найтли, или, может, он зайдет к Бейтсам, когда она еще будет там. И пускай. Она не станет стыдиться своего справедливого и неподдельного раскаяния. По пути Эмма поглядывала в сторону Донуэлла, но мистера Найтли так и не встретила.

— Все дамы дома! — никогда еще она так не радовалась этим словам и никогда еще не ступала по коридору, не поднималась по лестнице с желанием доставить хозяйкам удовольствие, а не сделать им одолжение, и получить искреннее удовольствие самой, а не посмеяться над ними.

Ее появление вызвало какую-то суматоху: за дверьми забегали и заговорили. Она услышала, как мисс Бейтс кого-то поторапливает, служанка испуганно и неловко попросила ее немножко подождать, а затем впустила слишком рано. Тетя с племянницей, казалось, сбегали в соседнюю комнату. Она успела ясно увидеть Джейн — та выглядела очень нездоровой, и перед тем, как дверь за ними закрылась, Эмма услышала, как мисс Бейтс говорит:

— Ладно, милая, я тогда скажу, что ты в постели, ты ведь и впрямь неважно выглядишь.

Бедная старушка миссис Бейтс, как всегда вежливая и кроткая, выглядела так, будто не совсем

понимает, что же происходит.

— Боюсь, Джейн приболела, — сказала она. — Впрочем, я не знаю, говорят-то мне, что все в порядке. А дочь моя, думаю, скоро выйдет. Вы найдете себе стульчик? Что-то Хэтти запропастилась. Я сама ничего не могу… Нашли стульчик? Вам удобно? Уверена, скоро она выйдет.

Эмма очень на это надеялась. На мгновение она испугалась, что мисс Бейтс ее теперь избегает. Но вскоре та вышла:

— Мисс Вудхаус, как мы счастливы, как мы вам обязаны!

Но совесть подсказывала Эмме, что в ее голосе нет прежней бодрой говорливости, что выглядит и двигается она несколько принужденно. Эмма надеялась, что заботливые расспросы о здоровье мисс Фэрфакс помогут возродить былую дружбу. И надежда эта быстро оправдалась.

— Ах, мисс Вудхаус, как вы добры! Полагаю, вы уже все слышали… и пришли нас поздравить. По мне, наверное, и не скажешь, что это большая радость, — сказала она, сдерживая набежавшую слезинку, — но нам так тяжело будет с ней расставаться, она ведь у нас столько времени провела, а сейчас у нее разболелась голова, все утро писала письма… такие длинные письма: полковнику

Кэмпбеллу, миссис Диксон. «Милая, — говорю я, — ты ведь так ослепнешь», — потому что писала-то она сквозь слезы. Неудивительно, да, неудивительно. Это ведь такая перемена, и, хотя ей невероятно повезло… Такое место, полагаю, молодой девушке не всегда так сразу достается… Мисс Вудхаус, не сочтите нас неблагодарными, это такая удача… — У мисс Бейтс снова навернулись слезы. — Моя бедняжечка! Видели бы вы, как у нее разболелась голова. Когда событие приносит столько боли, трудно оценить сей подарок судьбы по достоинству. Она ужасно себя чувствует. По ее виду никто бы и не сказал, как она счастлива получить такое место. Надеюсь, вы извините ее за то, что она к вам не вышла… она не может… ушла в свою комнату… Я попросила ее лечь в постель. «Милая, — говорю я, — скажу, что ты в постели», — а она не лежит, а ходит по комнате. Говорит, что теперь, когда написала все письма, ей скоро станет лучше. Она будет очень сожалеть, что не смогла к вам выйти, мисс Вудхаус, но вы столь добры, что простите ее. Мне так стыдно, что вам пришлось ждать под дверью… Но тут началась такая суматоха… Понимаете, мы ведь стука не слышали и не знали, что к нам кто-то идет, пока вы не начали по лестнице подниматься. «Да

это миссис Коул, — говорю я, — будьте уверены. Больше никто так рано не придет». «Ну, — говорит она, — рано или поздно все равно придется с ней увидеться, так почему бы и не сейчас». А потом зашла Пэтти и говорит, что это вы. «Ох! — сказала я. — Это мисс Вудхаус. Ты, разумеется, захочешь с ней повидаться». А она говорит: «Я не могу ни с кем видеться», — вскочила и убежала. Вот и заставили вас ждать… Так стыдно, простите нас! Я ей сказала: «Раз уж не можешь, милая, то иди, я скажу, что ты в постели».

Эмма слушала с неподдельным интересом. Она давно уже начала проникаться к Джейн добрыми чувствами, и эта картина ее нынешних мучений избавила Эмму от всех ее прежних недостойных подозрений, оставив место только состраданию. Вспомнив, как несправедлива и не слишком любезна она была с Джейн в прошлом, Эмма рассудила, что вполне естественно, если та готова выйти к миссис Коул или другому старинному другу, но не к ней. Она с искренним сочувствием и заботой от чистого сердца пожелала, чтобы решение, которое, как она поняла со слов мисс Бейтс, твердо приняла мисс Фэрфакс, оказалось для нее самым удачным и подходящим. Она понимает, какое это для них всех суровое испы-

тание. До сих пор, кажется, все откладывалось до приезда полковника Кэмпбелла.

— Как вы добры! — сказала мисс Бейтс. — Впрочем, вы всегда к нам добры.

Слышать это «всегда» ей было невыносимо, и Эмма прервала поток мучительных благодарностей, задав прямой вопрос:

— А куда, если позволите, мисс Фэрфакс поступает?

— К некой миссис Смолридж — очаровательной, воистину превосходной женщине… у нее три малышки, три дочери, прелестные детки. Невозможно представить места лучше, за исключением разве что семейства миссис Саклинг да еще миссис Брэгг, но миссис Смолридж близко знакома с обеими и живет по соседству — всего в четырех милях от Мейпл-Гроув. Джейн будет всего в четырех милях от Мейпл-Гроув.

— Полагаю, это миссис Элтон мисс Фэрфакс обязана…

— Да, нашей доброй миссис Элтон. Самому неутомимому, верному другу. Она не стала слушать отказов. А то ведь, знаете, когда Джейн впервые услышала это предложение — то было позавчера, как раз когда мы навещали Донуэлл, — она была против, она не желала его принимать по

тем самым причинам, о которых вы упомянули. Джейн, как вы справедливо заметили, не хотела ничего искать, пока не вернется полковник Кэмпбелл, и до того времени ничто не заставило бы ее принять на себя какие-либо обязательства — так она повторяла миссис Элтон вновь и вновь, и я бы даже никогда не подумала, что она вдруг передумает! Но нашу славную миссис Элтон чутье никогда не подводит, и она оказалась дальновиднее. Не всякий смог бы с такой добротой выстоять перед Джейн и ее возражениями, но она решительно заявила, что не станет тут же посылать письмо с отказом, как ее просила Джейн, и подождет — и вот! Вчера вечером было решено, что Джейн едет. Как я удивилась! Я и понятия не имела! Джейн отвела миссис Элтон в сторонку и прямо сказала, что, обдумав все преимущества предложения миссис Смолридж, она твердо решила его принять… Я только потом уже все узнала.

— Вы провели вечер у миссис Элтон?

— Да, мы все. Миссис Элтон очень на том настаивала. Договорились еще на прогулке, пока мистер Найтли был с нами. «Вы все просто обязаны провести вечер у нас, — сказала она, — я настаиваю, чтобы вы все пришли».

— Так и мистер Найтли был у нее?

— Нет, мистер Найтли сразу отклонил приглашение, но я думала, что он все-таки придет, ведь миссис Элтон заявила, что и слышать отказов не желает, однако же он не пришел, а вот я, матушка и Джейн — мы все были у нее и чудесно провели вечер. С такими добрыми друзьями иначе и быть не может, хотя после утренней прогулки все казались несколько уставшими. Знаете, даже удовольствия иногда могут утомить… да и, кажется, им поездка не очень понравилась. Ну а я всегда буду вспоминать нашу прогулку с радостью и признательностью к добрым друзьям, которые пригласили меня с собой!

— Полагаю, мисс Фэрфакс, хотя вы о том и не догадывались, целый день обдумывала предложение?

— Полагаю, что так.

— И ей, и всем ее друзьям будет трудно расставаться. Но я надеюсь, что новое место, нравы и обычаи этого семейства помогут ей пережить горечь разлуки.

— Спасибо, дорогая мисс Вудхаус! Да, там будет все, что нужно для счастья. Если не считать Саклингов и Брэггов, то нет другой такой детской, обставленной столь богато и изысканно! Миссис

Смолридж — очаровательная женщина!.. Образ жизни почти как в Мейпл-Гроув, а детки — нигде больше таких воспитанных и милых деток нет, ну разве что у Саклингов и Брэггов. А как внимательно, как сердечно будут с Джейн обращаться!.. Не жизнь, а удовольствие… А жалованье! Его и вслух-то страшно назвать, мисс Вудхаус. Даже вы, привыкшая к суммам значительным, едва ли поверите, что такой молоденькой гувернантке, как Джейн, могут столько предложить.

— Ах, честное слово! — воскликнула Эмма. — Ежели все детки такие, какой я помню себя, то жалованье, будь оно хоть в сто раз больше, достается отнюдь не просто.

— Как вы великодушны!

— Когда же мисс Фэрфакс уезжает?

— Скоро, очень скоро — это самое страшное. У нее есть две недели. Миссис Смолридж не может ждать дольше. Бедная моя матушка не знает, как и вынести эту новость. Поэтому я стараюсь ее отвлечь, я говорю: «Полно, матушка, не будем больше об этом думать».

— Ее друзьям без нее, наверное, будет очень грустно. Полковник и миссис Кэмпбелл, должно быть, расстроятся, что она поступила на место до их возвращения?

— Да, Джейн говорит, что наверняка расстроятся, но она просто не может отказаться от сего предложения. Я была так поражена, когда она рассказала мне, о чем говорила с миссис Элтон, и когда ко мне тут же подошла сама миссис Элтон с поздравлениями! Это было перед чаем, хотя нет… погодите… не могло это быть перед чаем, ведь мы как раз собирались сесть за карты… нет, все-таки перед чаем, потому что я помню, как подумала… А! Точно, вспомнила, да, перед чаем тоже кое-что произошло. Мистера Элтона тогда вызвали из комнаты — это сын старого Джона Эбди к нему пришел. Бедный старый Джон, я его так уважаю! Он у моего покойного батюшки двадцать семь лет служил причетником, а теперь, бедный, на старости лет прикован к постели страшной подагрой… Надо бы его сегодня навестить… Джейн наверняка тоже захочет, если вообще сможет выйти из дому. Так вот, его сын пришел поговорить с мистером Элтоном о вспоможении от прихода. Сам-то он устроен хорошо — состоит главным конюхом при «Короне», но на одно только жалованье отца содержать не может. Когда мистер Элтон вернулся, он нам все про него и рассказал, и тут выяснилось, что в Рэндаллс отправили фаэтон за мистером Фрэнком Черчиллем, чтобы отвезти

его в Ричмонд. Вот что случилось перед чаем. А с миссис Элтон Джейн говорила после чая.

Мисс Бейтс не дала Эмме возможности сказать, что последнее обстоятельство ей было дотоле неизвестно, однако это не имело значения: та, даже не смея предположить, что гостья не захочет узнать все подробности отъезда мистера Фрэнка Черчилля, тут же принялась их излагать.

Конюх пересказал мистеру Элтону то, что знал сам и что поведала ему рэндалльская прислуга: вскоре после того, как они все вернулись с утренней прогулки, из Ричмонда прибыл посыльный — впрочем, ничего неожиданного в этом не было. Мистер Черчилль прислал племяннику записку, в которой давал отчет о вполне сносном состоянии супруги и просил, не откладывая, вернуться следующим же утром. Однако мистер Фрэнк Черчилль твердо решил поехать домой немедленно, а так как его лошадь, кажется, простудилась, Тома скорее послали в «Корону» за фаэтоном. Конюх, выйдя на улицу, видел, как экипаж быстро и ровно направился в Рэндаллс.

Ничего удивительного или любопытного в этом рассказе не было, и внимание Эммы привлек лишь тот предмет, который уже и без того занимал ее мысли. Ее поразила разница поло-

жений миссис Черчилль и Джейн Фэрфакс: одна была всем, другая — ничем. Эмма погрузилась в раздумья о женской судьбе, не замечая, на чем остановила свой взгляд, пока мисс Бейтс не пробудила ее словами:

— Да, понимаю, о чем вы думаете — фортепиано. Что с ним теперь станется?.. Да, бедняжка Джейн как раз только что об этом размышляла… «Нам с тобой, — говорила она, — придется расстаться. Делать тебе здесь будет нечего…» А потом говорит мне: «Впрочем, пускай пока остается. Сохраните его у себя, а потом приедет полковник Кэмпбелл, и я с ним обо все договорюсь. Он все устроит, он разрешит мои трудности»… По-моему, она до сих пор не знает, от кого же пришел подарок: от полковника или от его дочери.

Теперь Эмма невольно задумалась о фортепиано. Воспоминания обо всех ее прежних фантазиях и несправедливых домыслах были весьма неприятны, и вскоре она решила, что визит ее уже и так затянулся, так что, повторив все свои добрые и искренние пожелания, откланялась.

Глава IX

По пути домой тревожные раздумья Эммы ничто не прерывало, однако, войдя в гостиную, она обнаружила гостей. Пока ее не было, в Хартфилд пришли мистер Найтли и Харриет, которые сидели теперь с ее отцом. Мистер Найтли тут же встал и необычно мрачным голосом произнес:

— Я не хотел уезжать, не повидав вас, но больше у меня времени нет, я должен немедленно уйти. Я еду в Лондон, проведу несколько дней у Джона и Изабеллы. Вам нужно что-нибудь отправить или передать, помимо всяких никому не интересных учтивостей?

— Нет, спасибо, ничего не нужно. Это, кажется, решение неожиданное?

— Да… отчасти. Я об этом в последнее время подумывал.

Эмма была уверена, что мистер Найтли ее не простил, он был сам не свой. Впрочем, подумала она, время подскажет ему, что им следует снова стать друзьями. Пока он стоял, словно собираясь уйти, но все же не двигаясь с места, ее отец приступил к расспросам.

— Ну, милая, как ты добралась? Как поживают

моя почтенная старинная подруга и ее дочь? Уверен, они твоему визиту были очень признательны. Мистер Найтли, как я вам уже говорил, Эмма ходила навестить миссис и мисс Бейтс. Она всегда к ним столь внимательна!

Эмма густо покраснела от этой незаслуженной похвалы. Улыбнувшись и покачав головой, что и без лишних слов говорило о многом, она посмотрела на мистера Найтли. Он, казалось, мгновенно смягчился, словно прочтя в ее глазах всю правду, словно увидев и оценив все ее добрые помыслы. В его взгляде читалось уважение. У Эммы потеплело на душе, и еще большую радость доставил последовавший за тем небольшой и непривычный для мистера Найтли жест. Он взял ее за руку — а может, она первая ее подала, первая предложила, Эмма и не знала, — но он все же взял ее за руку, пожал ее и, кажется, собирался поднести к губам, как вдруг, из какой-то прихоти, отпустил. Почему он вдруг отступил, почему в последний миг передумал, понять было трудно. Эмма подумала, что лучше бы он не останавливался. В самом намерении, однако, сомневаться не приходилось, и то ли потому, что ему вообще несвойственна была подобного рода учтивость, то ли по какой-то другой причине, но

жест его очень красил. Он был полон простоты и в то же время достоинства, и Эмма испытала великое удовольствие. То было свидетельство их полного согласия… Сразу после этого мистер Найтли ушел, словно в мгновение ока. Он всегда двигался решительно и медлить не любил, но в этот раз, казалось, скрылся даже стремительнее обычного.

Эмма нисколько не жалела, что сходила навестить мисс Бейтс, однако жалела, что не ушла от нее минут на десять пораньше — так она имела бы удовольствие обсудить с мистером Найтли положение Джейн Фэрфакс. Сокрушаться о том, что он уезжает, она тоже не собиралась, ведь знала, сколько радости принесет его визит на Бранзуик-сквер. И все же время для поездки оказалось не лучшее, да и узнать о таких планах заранее было бы приятнее. Так или иначе, расстались они добрыми друзьями, обмануться она не могла: и выражение его лица, и этот учтивый полужест — все, без сомнения, говорило о том, что она полностью прощена. Эмме рассказали, что он пробыл у них полчаса. Как жаль, что она не вернулась пораньше!

В надежде отвлечь отца от скорбных мыслей об отъезде мистера Найтли в Лондон, да еще

и отъезде столь внезапном, да к тому же — какой ужас! — верхом, Эмма передала ему вести о Джейн Фэрфакс. Уловка сработала прекрасно: он проявил участие, но не расстроился. Мистер Вудхаус уже давно свыкся с мыслью, что Джейн Фэрфакс суждено поступить в гувернантки, и мог говорить об этом спокойно, а вот отъезд мистера Найтли в Лондон стал неожиданным ударом.

— Я рад, голубушка, очень рад слышать, что ее так хорошо устроили. Миссис Элтон — особа весьма благонравная и любезная, уверен, знакомые у нее ей под стать. Надеюсь, в доме сухо и мисс Фэрфакс будут беречь. Ее здоровье должно стать их первейшей заботой, как для меня всегда было здоровье бедняжки мисс Тейлор. Она ведь для них будет словно наша мисс Тейлор для нас. Только надеюсь, что в одном отношении ее жизнь устроится лучше: ей не придется покидать дом, в котором она прожила столько лет.

События следующего дня затмили собой все прочее. В Рэндаллс прибыл нарочный из Ричмонда с вестью о кончине миссис Черчилль! Хотя еще позавчера у ее племянника не было никаких причин спешить домой, после его возвращения она не прожила и двух суток. Приступ, совершенно не предвещаемый ее общим состоянием, охватил ее

внезапно и унес весьма быстро. Великой миссис Черчилль не стало.

Весть была принята так, как и положено принимать подобные вести. Все несколько притихли, погрустнели и прониклись нежными чувствами к покойной и сочувствием к ее близким, а спустя некоторое время из любопытства задались вопросом, где же она будет похоронена. Как писал Голдсмит[16], коль женщина теряет ум — лишь смерть ее излечит, и то же средство помогает женщине с тяжелым характером обелить репутацию. Лет двадцать пять миссис Черчилль не любили, а теперь прониклись к ней сочувствием. В один миг ей все простили. Никто прежде не верил, что она и впрямь серьезно больна. Смерть же доказала, что недуг не был плодом ее воображения или себялюбия.

«Бедная миссис Черчилль! — твердили вокруг. — Наверняка она ужасно страдала, разве можно было предположить? От постоянных болей так портится характер! Печальное известие, такой удар! Даже при всех ее недостатках для мистера Черчилля это страшная потеря. Как же он теперь без нее? Нет, мистер Черчилль уж никогда

[16] Примечания: 16

Оливер Голдсмит (1728–1774) — английский прозаик, драматург и поэт.

не оправится».

Даже мистер Уэстон, положивший себе непременно предаться глубокой скорби, с мрачным видом качал головой и говорил:

— Бедная женщина! Кто бы мог подумать!

Его жена, вздыхая за своим шитьем, с сочувствием и непоколебимой рассудительностью размышляла о нравственном уроке, извлеченном из сей истории.

Едва услышав известие, они оба первым делом подумали о Фрэнке. Как это событие скажется на его положении? Почти сразу же задумалась об этом и Эмма. С состраданием и глубочайшим почтением ее мысль ненадолго коснулась образа миссис Черчилль и горя ее мужа, а затем остановилась на Фрэнке Черчилле — как на него повлияет перемена, что она ему даст, насколько он освободится? Эмма мгновенно осознала все возможные преимущества. Теперь ничто не стояло на пути у него и его чувств к Харриет Смит. Мистера Черчилля, в отличие от его жены, никто не боялся. Нрав у него был мягкий, покладистый, и племяннику не стоило особого труда в чем-то его убедить. Оставалось лишь надеяться, что Фрэнк Черчилль и правда неравнодушен к Харриет, в чем Эмма, при всем ее желании, пока что

уверена не была.

Харриет держалась превосходно, с большим самообладанием. Как бы ярко ни разгорелись в ней надежды, она себя не выдавала. Эмма с удовольствием наблюдала такое доказательство окрепшего характера подруги и сдерживалась от всяческих намеков, которые могли бы поколебать ее спокойствие, а потому о кончине миссис Черчилль они говорили со взаимной сдержанностью.

В Рэндаллс приходили короткие письма от Фрэнка, в которых он сообщал лишь самое важное об их делах и планах. Мистер Черчилль переносил события лучше, чем ожидалось, и сразу после похорон в Йоркшире они наметили отправиться в Виндзор к его старинному другу, которого мистер Черчилль вот уже лет десять все обещал навестить. Другими словами, в настоящем Харриет помочь было нечем, и Эмме оставалось лишь с надеждами ждать будущего.

Куда более насущным вопросом было будущее Джейн Фэрфакс, для которой возможности закрылись столь же внезапно, как для Харриет открылись. Всякому в Хайбери, кто хотел ее поддержать, следовало поторопиться, и Эмма горела желанием оказать ей внимание. Ни в чем

еще она так не раскаивалась, как в своей былой холодности. Ту, которой она столько месяцев пренебрегала, ей хотелось теперь осыпать всеми возможными знаками своего почтения и сочувствия. Эмма хотела быть для Джейн полезной, хотела показать, как ценит ее общество, и проявить свое уважение и заботу. Она решила во что бы то ни стало уговорить ее провести день в Хартфилде. Была послана записка с приглашением. Его отклонили — причем устно, добавив, что «мисс Фэрфакс больна и не может писать». Тем же утром в Хартфилд заглянул мистер Перри и рассказал, что мисс Фэрфакс так сильно нездоровится, что к ней, без ее согласия, вызвали его, что ее мучают сильные головные боли и нервическая горячка и что он даже сомневается, сможет ли она поехать к миссис Смолридж в назначенное время. Здоровье ее совсем расстроилось, аппетита нет, и, хотя никаких чересчур тревожных симптомов не наблюдается и затронуты, кажется, только легкие — привычная для нее жалоба, — мистер Перри несколько обеспокоен. На его взгляд, она взяла на себя чересчур тяжелую ношу и сама это чувствует, хоть и не хочет признавать. Ее силы, кажется, на исходе. Он не мог не отметить, что условия, в которых мисс Фэрфакс сейчас живет,

не способствуют исцелению от нервического расстройства: она вынуждена все время ютиться в одной комнатке и терпеть излишние заботы и внимание своей тети, которая, по словам мистера Перри, хоть и старинная его подруга, но племяннице сейчас не лучшая компаньонка. Он очень опасается, что мисс Фэрфакс от этого больше вреда, чем пользы. Эмма слушала с живейшим участием, все более проникалась сочувствием и раздумывала, как бы тут помочь. Забрать ее — хоть на часок-другой — от тетки, вывезти на свежий воздух, сменить обстановку, поддержать тихую рассудительную беседу… На следующее же утро Эмма в самых сочувственных словах написала Джейн, что в любой назначенный ею час заедет за ней в экипаже и что мистер Перри высказался решительно в пользу подобной прогулки. В ответ ей пришла короткая записка о том, что мисс Фэрфакс «кланяется и благодарит, однако она не в силах совершать прогулки».

Эмме казалось, что ее предложение заслуживает лучшего отношения, однако невозможно было сердиться на слова, написанные столь дрожащей и явно немощной рукой. Она пыталась придумать, как же ей сломить это нежелание видеться или принимать помощь. Так что, несмотря на

отказ, Эмма велела подать экипаж и отправилась к мисс Бейтс в надежде, что сможет убедить Джейн присоединиться к ней, но все тщетно. К карете спустилась мисс Бейтс, рассыпаясь в благодарностях и горячо соглашаясь с мисс Вудхаус, что свежий воздух, разумеется, поможет. Она побежала передать это все племяннице, однако вернулась назад ни с чем: Джейн на уговоры не поддается, и от одной только мысли о том, чтобы выйти на улицу, ей, кажется, стало только хуже. Эмма захотела с ней увидеться и попытаться уговорить ее лично, однако не успела она намекнуть об этом мисс Бейтс, как та дала понять, что пообещала племяннице ни под каким предлогом не впускать к ней мисс Вудхаус.

— По правде сказать, наша милая Джейн, бедняжка, не может никого видеть… совсем никого… Она, конечно, не смогла отказать миссис Элтон… и миссис Коул так настаивала… и миссис Перри так просила… но больше Джейн, право, не может никого видеть.

Эмма не хотела становиться в один ряд со всякими дамами вроде миссис Элтон, миссис Перри и миссис Коул, которые кому угодно себя навяжут, никаких особых прав на внимание Джейн она за собой не ощущала, а потому смирилась и лишь

спросила мисс Бейтс, хорошо ли ее племянница ест и не может ли она чем-то здесь помочь. При упоминании о еде мисс Бейтс очень расстроилась и охотно рассказала: Джейн почти не кушает. Мистер Перри прописал ей питательную диету, но все, чем они располагают и что получили от самых заботливых на свете соседей, ей не по вкусу.

Приехав домой, Эмма тут же позвала экономку проверить, какие у них есть съестные припасы, и вскоре к мисс Бейтс была отправлена маранта наивысшего качества с самой теплой запиской. Через полчаса посылку вернули. Мисс Бейтс передавала тысячу благодарностей, но «милая Джейн сказала, что не может принять сей дар, и не успокоилась, пока его не отправили назад, а к тому же попросила передать, что совершенно ни в чем не нуждается».

Вечером того же дня Эмма узнала, что Джейн Фэрфакс гуляла по лугам недалеко от Хайбери, хотя еще утром решительно отказалась выехать с ней в карете под предлогом, что у нее совсем нет сил. После этого у Эммы не осталось сомнений: это от нее Джейн ни в чем не нуждается. Ей стало очень и очень грустно. Сердце разрывалось от жалости к Джейн, ее раздражительности духа, непоследовательности в поведении и бес-

сильному положению. Эмме было обидно, что ее сочли неспособной на искреннее чувство и недостойной дружбы. Она утешалась мыслью, что намерения ее были чисты, и говорила самой себе, что если бы мистер Найтли знал обо всех ее попытках помочь Джейн Фэрфакс, если бы мог заглянуть к ней в душу, то не нашел бы за что ее упрекнуть.

Глава X

Однажды утром, дней через десять после кончины миссис Черчилль, Эмму попросили сойти вниз к мистеру Уэстону, который «не может оставаться и пяти минут и очень просит с ней поговорить». Он ждал ее у дверей в гостиную и, едва поздоровавшись в своей привычной манере, тут же понизил голос, чтобы мистер Вудхаус его не услышал:

— Сможете ли вы сегодня утром, в любое время, зайти в Рэндаллс?.. Зайдите, если получится. Миссис Уэстон хочет вас видеть. Ей нужно с вами поговорить.

— Она больна?

— Нет-нет, что вы… лишь немного взволнована. Она бы села в коляску да приехала сама, но ей

нужно поговорить с вами наедине, а здесь это… — Он кивнул в сторону ее отца. — Кхм!.. Придете?

— Разумеется. Хоть сейчас, если угодно. Как я могу отказать, когда вы так просите. Но что случилось?.. Она точно не больна?

— Нет-нет, право же. Но прошу, не задавайте больше вопросов. Скоро все узнаете. Невероятное дело! Но тише! Тс!

Даже Эмма не смогла бы угадать, что все это значит. Судя по виду мистера Уэстона, случилось нечто очень важное, но раз с подругой ее все в порядке, то она постаралась не беспокоиться. Эмма предупредила батюшку, что идет прогуляться, и они вместе с мистером Уэстоном быстрым шагом направились в Рэндаллс.

— Ну, — сказала Эмма, когда они вышли за ворота, — теперь-то вы мне расскажете, что случилось?

— Нет. Не спрашивайте меня, — мрачно ответил он. — Я пообещал жене, что она сама вам все расскажет — так вы меньше расстроитесь. Потерпите, Эмма. Скоро вы все узнаете.

— Расстроюсь! — вскричала Эмма, в ужасе застыв на месте. — Господи!.. Мистер Уэстон, расскажите мне все немедленно!.. Что-то случилось на Бранзуик-сквер. Я поняла. Расскажите, я

требую, немедленно мне все расскажите.

— Нет-нет, вы заблуждаетесь…

— Мистер Уэстон, не шутите со мной. Подумайте, сколько моих близких сейчас на Бранзуик-сквер. Кто из них в беде?.. Во имя всего святого, не пытайтесь от меня что-то скрыть.

— Эмма, даю вам слово…

— Слово! Отчего же не «честное слово»? Почему вы не даете мне честного слова? Боже мой!.. Что такого может меня расстроить, если это не касается моих близких?

— Даю вам честное слово, — со всей серьезностью сказал он, — не касается. Это ни в коей степени не связано ни с одним живым существом по фамилии Найтли.

Эмма несколько успокоилась и продолжила путь.

— Зря я сказал, — продолжил он, — что вас это расстроит. Не стоило мне употреблять это слово. Собственно, это не столько связано с вами… сколько со мной… ну надеюсь… Хм!.. Словом, дорогая Эмма, беспокоиться не о чем. История, конечно, не из приятных, но все могло быть гораздо хуже… Если поторопимся, то скоро будем в Рэндаллсе.

Эмма поняла, что придется потерпеть, но те-

перь ожидание стоило ей меньших усилий. Больше вопросов она не задавала и довольствовалась своими размышлениями, которые вскоре подсказали ей, что речь может идти о деньгах, что внезапно всплыли какие-нибудь неутешительные семейные обстоятельства, связанные с недавним событием в Ричмонде. Воображение ее разыгралось. Может, обнаружилось с полдюжины незаконнорожденных детей, и теперь бедный Фрэнк совершенно без наследства! Неприятно, конечно, но ее это никак не заденет. Лишь возбудит живое любопытство.

— Кто это там на лошади? — переменила она тему, желая помочь мистеру Уэстону сохранить его тайну.

— Не знаю… Кто-то из Отуэев… Не Фрэнк — можете быть уверены. Его вы не увидите. Он сейчас уже на полпути в Виндзор.

— Так, значит, ваш сын приезжал?

— Да… А вы не знали?.. Ну да неважно.

Он ненадолго замолк и затем гораздо осторожнее и сдержаннее добавил:

— Да, Фрэнк заезжал сегодня утром, просто узнать, как мы тут поживаем.

Они прибавили шагу и вскоре были в Рэндаллсе.

— Дорогая, — сказал мистер Уэстон, заходя в комнату, — я привел ее. Надеюсь, скоро тебе станет получше. Оставлю вас. Тянуть смысла нет. Если понадоблюсь, буду неподалеку. — И, прежде чем уйти, тихо прибавил: — Я сдержал свое слово. Она ничего не знает.

Миссис Уэстон выглядела нездоровой и чрезвычайно взволнованной. Эмма вновь забеспокоилась и, как только они остались одни, с чувством спросила:

— Что случилось, милый друг? Что-то, как я понимаю, очень неприятное… Прошу, говорите прямо. Меня всю дорогу терзает неизвестность. Мы обе ненавидим сие чувство. Прошу, скорее расскажите. Вам и самой сразу станет легче.

— Вы и правда ничего не знаете? — дрожащим голосом спросила миссис Уэстон. — И совершенно… совершенно не догадываетесь, что вам предстоит услышать?

— Я догадываюсь, что это связано с мистером Фрэнком Черчиллем.

— Вы не ошиблись. Я скажу вам все прямо, — заявила миссис Уэстон, продолжая свое шитье и будто стараясь не смотреть Эмме в глаза. — Сегодня он приехал к нам по исключительному делу. Невозможно передать наше удивление. Он

приехал поговорить с отцом на предмет того… объявить о своем чувстве…

Она замолчала, чтобы перевести дух. Сначала Эмма подумала, что речь идет о ней, затем — о Харриет.

— То есть даже больше, чем о чувстве, — продолжала миссис Уэстон, — о помолвке. Самой настоящей помолвке… Эмма, что вы скажете… что все скажут, когда узнают, что Фрэнк Черчилль и мисс Фэрфакс помолвлены — и помолвлены давно!

Эмма даже подскочила от неожиданности и в ужасе воскликнула:

— Джейн Фэрфакс! Господи помилуй! Вы не шутите? Это правда?

— Понимаю ваше удивление, — ответила миссис Уэстон и, по-прежнему не поднимая взгляда, поспешно продолжила, стараясь дать Эмме время прийти в себя: — Очень даже понимаю. Однако это так. Они помолвились еще в октябре, в Уэймуте, и хранили все в тайне. Никто, кроме них, не знал: ни Кэмпбеллы, ни ее родные, ни его… Это столь удивительно, что мне до сих пор не верится… А я-то думала, что знаю его…

Эмма едва ли ее слушала. Лишь о двух вещах она могла сейчас думать: обо всех своих прежних

разговорах с Фрэнком Черчиллем о мисс Фэрфакс и о бедной Харриет. Некоторое время она могла лишь восклицать и снова и снова требовать все повторить.

— Н-да, — сказала она, наконец придя в себя, — мне, пожалуй, нужно хотя бы полдня, чтобы все это осознать. Как!.. Зимой уже были помолвлены… то есть еще до того, как оба приехали в Хайбери?

— Помолвлены с октября — втайне. Эмма, это известие меня сильно ранило. И сильно ранило его отца. Кое-что в его поведении мы простить не можем.

Эмма на мгновение задумалась и затем ответила:

— Не стану притворяться, будто не понимаю, о чем вы. Надеюсь, я, сколько могу, облегчу вашу боль: будьте уверены, его внимание ко мне не возымело того эффекта, которого вы опасаетесь.

Миссис Уэстон, не веря, подняла взгляд, но выглядела Эмма так же спокойно, как говорила.

— Чтобы вам легче было поверить, что я к нему решительно равнодушна, — продолжала она, — я расскажу вам больше. Когда мы только познакомились, он действительно мне понравился, и я была даже готова влюбиться — да, собственно,

и влюбилась, — но потом, что удивительно, это прошло. Оно и к лучшему. Он уже некоторое время, месяца три точно, совершенно мне безразличен. Можете мне верить, миссис Уэстон. Это чистая правда.

Миссис Уэстон со слезами радости бросилась ее целовать и, когда вновь обрела дар речи, то заявила Эмме, что ничто на свете не обрадовало бы ее сейчас больше сего заверения.

— Мистер Уэстон тоже будет счастлив это слышать, — сказала она. — Как же мы мучились! Ведь нам так хотелось, чтобы вы друг другу понравились, и мы были уверены: так оно и случилось… Представьте себе, как мы за вас беспокоились, когда обо всем узнали.

— Чудом я избежала удара, и за это нам с вами остается лишь благодарить судьбу. Но, миссис Уэстон, его это никак не оправдывает. Должна признаться, в моих глазах он очень виноват. Какое право он имел, будучи связанным клятвой и чувством, так вызывающе себя вести? Какое право он имел ухаживать и добиваться внимания одной дамы — а именно так это было, — когда на деле принадлежал другой? Неужели он не знал, что это может привести к беде? Неужели не думал, что я могу в него влюбиться? Он поступил

дурно, очень дурно.

— Из его слов, милая моя Эмма, я так поняла, что…

— А она! Как она могла сносить подобное поведение! Хладнокровно наблюдать, как он у нее на глазах раз за разом оказывает знаки внимания другой женщине, и не возмутиться… Такой степени равнодушия я не понимаю и не уважаю.

— Между ними были размолвки, Эмма, он так прямо и сказал. У него не было времени объяснить все подробно. Он пробыл у нас всего четверть часа да в таком взволнованном состоянии, что за это время почти ничего рассказать не успел, но то, что между ними были размолвки, он дал понять ясно. Они-то, сколько я понимаю, и стали причиной сегодняшних событий и, очень вероятно, вызваны были его неуместным поведением.

— Неуместным! Ох, миссис Уэстон… Это мягко сказано. Гораздо, гораздо хуже, чем просто неуместным! Передать не могу, как сильно он уронил себя в моих глазах. Разве может так вести себя мужчина?.. А как же честность и прямота, строгая верность правде и принципам, презрение к мелочным уловкам, которые надлежит всегда и во всем выказывать настоящему мужчине?

— Позвольте, милая моя Эмма, я за него заступ-

люсь: здесь он, конечно, поступил неправильно, но я давно его знаю и могу ручаться, что у него много, очень много прекрасных качеств, и…

— Боже мой! — вскричала Эмма, не слушая. — А миссис Смолридж! Джейн чуть не поступила в гувернантки! Какое ужасающее бесчувствие! Так заставить ее страдать, что она чуть не нанялась… как такая мысль вообще пришла ей в голову!

— Эмма, об этом он ничего не знал. Здесь я могу полностью его оправдать. Она сама приняла это решение, не сказав ему ни слова… или же сказав так, что он не придал тому значения. До вчерашнего дня он был в совершенном неведении. Он узнал о ее планах внезапно, не знаю как, может, из какого-то письма или записки. Но именно после этого он и решился немедленно пойти к дяде, все рассказать и положиться на его доброту — словом, покончить с этой тайной, которую они и так слишком долго скрывали.

В этот раз Эмма к ней прислушалась.

— При прощании он обещал мне скоро написать, — продолжала миссис Уэстон, — и, судя по его тону, изложить все подробности, которые не смог сообщить сейчас. Так что давайте сначала дождемся этого письма. Может, оно несколько смягчит его вину. Может, мы поймем и простим

многое из того, что неясно сейчас. Не будем же суровы, не будем торопиться с осуждениями. Запасемся терпением. Любить его — мой долг, и теперь, когда один очень существенный для меня вопрос разрешен, я искренне желаю, чтобы все сложилось благополучно, и очень на это надеюсь. Они оба, наверное, столько выстрадали из-за необходимости молчать и скрываться.

— Ему, — сухо отозвалась Эмма, — эти страдания, по всей видимости, особого зла не причинили. Ну и как воспринял все это мистер Черчилль?

— Весьма благосклонно и почти сразу же его благословил. Подумать только, как в их семье все переменилось всего за одну неделю! Пока жива была бедная миссис Черчилль, не могло быть ни надежды, ни возможности, ни малейшей вероятности, но едва только ее останки упокоились в семейном склепе, как ее мужа с легкостью уговорили действовать наперекор ее возможным желаниям. Как радостно, когда чрезмерное влияние уносят с собой в могилу!.. Дядюшку даже почти уговаривать не пришлось.

«Да, — подумала Эмма, — и с Харриет было бы так же».

— Это было вчера вечером, а сегодня с рассве-

том Фрэнк скорее выехал в Хайбери. Думаю, он на некоторое время заехал к Бейтсам, а потом сразу прискакал к нам, но, как я уже говорила, пробыл всего четверть часа — очень спешил назад к дяде, ему он сейчас нужнее обыкновенного. Он был очень взволнован — чрезвычайно! — и сам не свой, я его таким никогда не видела. Вдобавок ко всему прочему его потрясло, как сильно ей сейчас нездоровится, он и понятия об этом не имел. Весь его вид говорил о том, что он переполнен чувствами.

— И вы в самом деле полагаете, что об их связи совершенно никто не знал? Ни Кэмпбеллы, ни Диксоны — никто не знал о помолвке?

Вспомнив о Диксонах, Эмма слегка покраснела.

— Никто, совершенно никто. Он решительно заявил, что об этом, кроме них двоих, ни единая живая душа не знала.

— Что ж, — сказала Эмма, — полагаю, со временем мы свыкнемся с этой мыслью, и я желаю им всяческого счастья, но сама навсегда останусь уверена, что подобные действия отвратительны. Что это, как не лицемерие и ложь, шпионаж и предательство? Явиться к нам, прикинувшись столь открытыми и простыми, а в то же время

судить всех нас в своем тайном союзе! Всю зиму и весну нас дурачили. Мы-то думали, что общаемся с ними на равной ноге, со всей честью, со всем уважением, а меж тем эти двое, вероятно, слушали нас, а потом втайне сравнивали и судили все наши слова, предназначенные только для одного из них. Ну и пускай сами на себя пеняют, если услышали друг про друга не самые приятные вещи!

— Я на этот счет спокойна, — откликнулась миссис Уэстон. — Вполне уверена, что все сказанное мной каждому из них по отдельности можно было бы сказать и им вместе.

— Вам повезло… Свою единственную ошибку вы рассказали лишь мне — когда вообразили, будто в нее влюблен один наш общий друг.

— Да. Но я всегда была о мисс Фэрфакс самого высокого мнения и, даже поверив в сие заблуждение, ни за что не стала бы говорить о ней дурно, а о своем пасынке — и подавно.

Тут за окном показался мистер Уэстон, очевидно, проверяя, как идет разговор. Жена взглядом пригласила его войти и, пока он шел, добавила:

— А теперь, Эмма, милая, прошу вас: говорите и держитесь так, чтобы у него отлегло от сердца и чтобы он остался доволен этим союзом. Давайте

обратим его внимание на все хорошее, в конце концов, мисс Фэрфакс — девушка замечательная. Партия не самая завидная, но ежели мистер Черчилль на нее согласен, то с чего возражать нам? А ему, Фрэнку, можно сказать, очень повезло найти невесту со столь твердым характером и ясным умом — именно такой я всегда мисс Фэрфакс считала и считаю по-прежнему, даже несмотря на это единственное, но крупное отступление от строгих правил. Но в ее положении даже сию ошибку многое оправдывает!

— Очень многое! — с чувством воскликнула Эмма. — Ежели и бывает положение, в котором женщине простительно думать только о себе, то это положение Джейн Фэрфакс. О таком даже можно сказать: «Не друг тебе — весь мир, не друг — закон»[17].

Когда вошел мистер Уэстон, Эмма улыбнулась и воскликнула:

— Что за шутку вы со мной сыграли, честное слово! Это вы так хотели подразнить мое любопытство и проверить, как я умею угадывать? Ну и напугали же вы меня. Я уж было подумала, что вы половины своего состояния лишились. И

---

[17] Примечания: 17

Цитата из пьесы У. Шекспира «Ромео и Джульетта» (акт 5, сцена 1; перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник).

вдруг прихожу — а тут! Вам не соболезнования надо приносить, а поздравления! Мистер Уэстон, от всей души поздравляю вас с тем, что вам в невестки достанется одна из самых очаровательных и достойных девиц в Англии.

Обменявшись взглядами с женой, мистер Уэстон понял, что Эмма не шутит, тут же воспрянул духом и весь преобразился, а в голос его вернулась привычная бодрость. С благодарностью крепко пожав ей руку, он пустился рассуждать об этом предмете так весело, что сомневаться не приходилось: еще немного времени, немного мягкого убеждения, и он начнет рассуждать о помолвке исключительно с удовольствием. Его собеседницы говорили лишь о том, что могло оправдать в его глазах безрассудство и смягчить его возражения, и к тому времени, как они обсудили это все втроем, а затем еще раз вдвоем, пока мистер Уэстон провожал Эмму в Хартфилд, он совершенно примирился с новыми обстоятельствами и почти уверился, что Фрэнк принял лучшее решение в своей жизни.

Глава XI

«Харриет, бедная Харриет!» — мучилась Эмма, не в силах избавиться от этих горьких мыслей. Фрэнк Черчилль и с ней самой обошелся очень дурно — дурно во многих отношениях, — но злилась она на него не за его проступки, а за свои собственные. Думать о том положении, в котором оказалась Харриет, было невыносимо. Бедняжка! Во второй раз она стала жертвой ее заблуждений и обманчивых надежд. Пророческими оказались слова мистера Найтли: «Эмма, вы были ей плохой подругой». Она причиняла Харриет один лишь вред. Правда, в этот раз, в отличие от прошлого, можно было хотя бы не винить себя за то, что без нее у Харриет не возникли бы злосчастные чувства — Харриет сама, без намеков Эммы, признала свое восхищение Фрэнком Черчиллем и свое предпочтение ему. И все же Эмма чувствовала себя виноватой за то, что поощряла увлечение, которое могла бы усмирить. Она могла бы сдержать силу этих чувств. Ее влияния бы хватило. И теперь она знала, что следовало тогда им воспользоваться… Эмма думала, что рисковала счастьем подруги безо всяких

на то оснований. Здравый смысл подсказал бы ей, что не стоит поощрять Харриет в ее мыслях о Фрэнке Черчилле, что вероятность взаимных чувств ничтожно мала. «Но здравого-то смысла как раз, — подумала она, — мне и не хватает».

Эмма ужасно на себя сердилась. К тому прибавлялась злость на Фрэнка Черчилля, что значительно облегчало ее ношу… К счастью, хотя бы за Джейн Фэрфакс можно было теперь не беспокоиться. Хватит тревог и за Харриет. У невзгод и болезней Джейн была, очевидно, одна общая причина, и будет от них одно общее лекарство. Миновали для нее дни ничтожности и бед. Совсем скоро поправится ее здоровье, совсем скоро станет она счастливой и богатой. Теперь Эмма понимала, почему ее вниманием так пренебрегали. Она получила ответы на многие вопросы. Несомненно, причиной была ревность. Джейн видела в ней соперницу — неудивительно, что все ее попытки помочь и проявить заботу отвергались. Поездка в хартфилдском экипаже звучала для Джейн словно пытка, а маранта из хартфилдских кладовых казалась ядом. Теперь Эмма все поняла. Постаравшись по мере сил не думать о несправедливости и успокоить свои корыстные и гневные мысли, она признала, что Джейн Фэр-

факс заслужила и высокое положение, и счастье. Но бедная, бедная Харриет! Все свое время и все сочувствие Эмма теперь обязана подарить ей. Она с печалью и страхом думала, что второе такое разочарование окажется тяжелее первого. Иначе и быть не может: нынешний предмет ее чувств во всем превосходит предыдущий, а его влияние на Харриет, очевидно, сильнее, ведь она стала столь сдержанна, научилась прекрасно владеть собою… И все-таки Эмма обязана рассказать эту горькую правду — и чем раньше, тем лучше. При прощании мистер Уэстон попросил ее держать новость в секрете: «Пока что все должно оставаться в совершенной тайне. Мистер Черчилль очень на этом настаивал из уважения к памяти совсем недавно ушедшей жены. Мы все согласны, что того требуют приличия». Эмма дала обещание молчать, но для Харриет следовало сделать исключение. Того требовал высший долг.

Несмотря на досаду, она не могла не подумать, как забавно сложились обстоятельства: она оказалась на месте миссис Уэстон, ей предстоял тот же мучительный и щекотливый разговор. Тревога, с которой та сообщала известие, теперь передалась самой Эмме. От звука шагов и голоса Харриет ее сердце забилось чаще — так, навер-

ное, чувствовала себя бедная миссис Уэстон, когда ее подруга входила в Рэндаллс. Вот бы и закончилось сейчас все так же просто!.. Но на это, к несчастью, надежды не было.

— Вот это новости! — воскликнула Харриет, торопливо заходя в комнату. — Ну не поразительно ли, мисс Вудхаус?

— О каких новостях речь? — ответила Эмма. По виду и голосу Харриет невозможно было понять, знает ли она уже о помолвке.

— Про Джейн Фэрфакс. Просто удивительно! Слыхали вы когда-нибудь подобное? Ах! Не бойтесь, вам не нужно ничего скрывать, мистер Уэстон мне уже все рассказал. Я только что с ним столкнулась. Он сказал, что это большой секрет, так что я никому больше не расскажу, но вы, он сказал, уже все знаете.

— Что же мистер Уэстон вам рассказал? — спросила Эмма, по-прежнему озадаченная.

— О! Он все мне рассказал! Что Джейн Фэрфакс и мистер Фрэнк Черчилль собираются пожениться и что они уже давным-давно помолвлены. Невероятно!

И правда невероятно — поведение Харриет Эмму поразило, она не знала, что и думать. Очевидно, подруга ее сильно изменилась. Новость

Харриет не взволновала, не расстроила и будто бы совершенно ее не касалась. Эмма смотрела на нее, лишившись дара речи.

— Могли бы вы подумать, что он в нее влюблен?.. — воскликнула Харриет. — Хотя вы-то, наверное, и могли… с вашим талантом читать в чужих сердцах, — на этих словах она зарделась, — но все остальные…

— Честное слово, — заговорила Эмма, — я уже начинаю сомневаться в своем таланте. И как вы можете предполагать, что я догадывалась о его чувствах к другой женщине и в то же время — хоть и неявно — поощряла вас? Я до последнего и не подозревала даже, что Фрэнк Черчилль может взглянуть на Джейн Фэрфакс. А иначе, можете быть уверены, я бы постаралась вас предостеречь.

— Меня! — изумленно вскричала Харриет, краснея. — С чего бы вам предостерегать меня? Не думаете же вы, что я неравнодушна к мистеру Фрэнку Черчиллю?

— Рада слышать, с какой стойкостью вы об этом говорите, — с улыбкой ответила Эмма, — но ведь не станете вы отрицать, что было время — причем совсем недавно, — когда вы дали мне понять, что он вам небезразличен?

— Он!.. Что вы, никогда! Дорогая мисс Вудхаус, как же вы могли так неверно меня понять? — Она взволнованно отвернулась.

— Харриет! — вскричала Эмма и, помедлив, добавила: — О чем вы говорите?.. Господи помилуй! О чем вы?.. Неверно понять!.. Неужели тогда?..

Больше она не могла вымолвить ни слова и в онемении села, с ужасом ожидая, что же скажет Харриет.

Харриет стояла поодаль, отвернувшись, и ответила не сразу, а когда наконец заговорила, то звучала не менее взволнованно, чем Эмма.

— Никогда бы не подумала, что вы не так меня поймете! — начала она. — Конечно, мы договорились никогда не называть его имени, но он настолько превосходит всех остальных, что я и не подозревала, будто вы можете подумать о ком-то другом. Надо же, мистер Фрэнк Черчилль! Да кто на него взглянет, когда рядом есть он. У меня, смею полагать, не такой дурной вкус, чтобы думать о мистере Фрэнке Черчилле, который в сравнении с ним — ничто. Поразительно, как вы могли так заблуждаться!.. Я бы и не посмела мечтать о нем, не позволила бы себе такую дерзость, если бы не была уверена, что вы всецело одобряете мой выбор и поощряете мои чувства.

Вы ведь сказали мне, что чудеса случаются, как случаются и куда более неравные браки — это ваши собственные слова! Без того я бы даже не решилась дать волю… у меня бы и в мыслях не было… Но вы-то знаете его всю жизнь…

— Харриет! — вскричала Эмма, решительно взяв себя в руки. — Покончим с этим сейчас же, скажите прямо. Неужели вы говорите о… мистере Найтли?

— Разумеется. Я бы никогда и не подумала ни о ком другом, и мне казалось, вы меня понимаете. Из нашего разговора все было ясно.

— Не совсем, — едва сдерживаясь, возразила Эмма, — раз все ваши слова возможно было отнести к другому человеку. Я почти готова поручиться, что вы даже назвали имя мистера Фрэнка Черчилля. И я уверена, вы даже упоминали об услуге, оказанной вам мистером Фрэнком Черчиллем, когда он спас вас от цыган.

— Ах, мисс Вудхаус! Как же вы могли забыть!

— Милая моя Харриет, я прекрасно помню все, что сказала вам по этому поводу. Я сказала, что меня ваши чувства не удивляют, что после оказанной вам услуги они вполне естественны, а вы согласились и очень горячо говорили и о самой услуге, и о том, что вы испытали, когда увидели,

как он спешит к вам на помощь… Я прекрасно все помню.

— Боже мой! — воскликнула Харриет. — Теперь-то я понимаю, о чем вы, но тогда я говорила совершенно о другом. Не о цыганах и не о мистере Фрэнке Черчилле. Нет! — воодушевившись, продолжала она. — Я говорила о куда более дорогом воспоминании — о том, как мистер Найтли подошел и пригласил меня на танец, когда мистер Элтон отказался и когда других кавалеров не оказалось. Вот о какой доброй услуге я говорила, вот о каком благородном великодушии и щедрости, вот когда я поняла, насколько он превосходит всех на этом свете.

— Боже правый! — вскричала Эмма. — Какая злосчастная, какая досадная ошибка!.. Что же теперь делать?

— Значит, вы бы меня не поощряли, если бы поняли верно? Положение мое, во всяком случае, было бы куда хуже, если бы речь шла о другом… а теперь… все же, возможно…

Она замолчала. Эмма не могла говорить.

— Мисс Вудхаус, я понимаю, — продолжала Харриет, — что вы видите между ними огромную разницу — обо мне ли речь или о ком-то еще. Вы, должно быть, считаете, что один стоит в миллио-

ны раз выше меня, чем другой. Но я надеюсь, мисс Вудхаус, что… предполагая… как бы невероятно ни звучало… Но ведь вы сами сказали, что чудеса случаются и что случаются куда более неравные браки — про меня и мистера Фрэнка Черчилля. Значит, если такие браки уже случались… если мне так несказанно повезет… если мистер Найтли и правда… если он закроет глаза на наше неравенство, то надеюсь, дорогая мисс Вудхаус, что вы тоже не станете противиться и чинить препятствий. Впрочем, я уверена, что не станете, вы ведь столь добры!

Харриет встала у окна. Эмма в испуге обернулась к ней и торопливо спросила:

— У вас есть основания полагать, что мистер Найтли разделяет ваши чувства?

— Да, — скромно, но бесстрашно ответила Харриет. — Признаться, есть.

Эмма тут же отвела взгляд и, совершенно оцепенев, глубоко задумалась. Нескольких минут ей хватило, чтобы понять, что лежит у нее на сердце. Склад ума, подобный ее, едва только породив догадку, стремится скорее ее проверить. Она сделала предположение, обдумала его и наконец признала простую истину. Почему она так легко приняла, что Харриет влюблена во

Фрэнка Черчилля, но не желала ничего слышать о мистере Найтли? И почему так мучительно думать, что Харриет имеет основания надеяться на взаимность? Мысль пронзила ее, словно молния: потому что мистер Найтли должен жениться только на ней самой!

Поняв свое сердце, Эмма тут же поняла и свое поведение. Она увидела все с необыкновенной ясностью. Как недостойно она вела себя с Харриет! Как безрассудно, как бестактно, как неразумно, как бесчувственно! Какая слепота, какое безумие двигали ею! Мысли эти поразили ее с ужасающей силой. Однако из уважения к себе — хоть теперь и довольно слабого, — из желания не терять лицо и из чувства справедливости к Харриет Эмма решилась вытерпеть все со спокойствием и даже мнимым добродушием. В сочувствии девица, уверенная, что ее любит мистер Найтли, очевидно, не нуждалась, но совесть не позволяла Эмме огорчить подругу своей холодностью. Ей и самой полезно выяснить, как далеко простираются надежды Харриет. К тому же та не провинилась ни в чем, что могло бы лишить ее расположения Эммы и того дружеского участия, которое дотоле весьма добровольно к ней проявлялось. Харриет не заслужила пренебрежения со стороны той,

чьи советы вечно несли ей один лишь вред. Очнувшись от размышлений и уняв свои чувства, Эмма снова повернулась к подруге и возобновила их беседу куда более мягким тоном. Чудесная история Джейн Фэрфакс, с которой и начался их разговор, была совершенно позабыта. Обе могли думать теперь лишь о мистере Найтли.

Харриет, погруженная в счастливые мечтания, была тем не менее рада откликнуться на ободряющий голос такого судьи и такого доброго друга, как мисс Вудхаус. Она с охотой приняла приглашение поведать все о своих надеждах и заговорила с восторгом и трепетом. Эмма, расспрашивая подругу и слушая ее, трепетала не меньше, хоть и скрывала это лучше. Голос ее звучал ровно, но разум пребывал в совершенном смятении и смешении сбивающих с толку чувств, вызванных внезапным откровением о самой себе и столь же внезапной угрозой со стороны подруги. Никак не выказывая внешне своих страданий, она терпеливо слушала все подробности, излагаемые Харриет. Разумеется, ждать от нее связного, последовательного и доходчивого рассказа даже не стоило, однако, выделив из всех ее запинок и повторений суть, Эмма пала духом, особенно вспомнив, что мнение мистера Найтли о Харриет

и правда переменилось к лучшему.

Харриет перемену в его поведении почувствовала после тех самых решающих танцев… Эмма знала, что ее подруга превзошла его ожидания. С того самого вечера — или же с той минуты, когда мисс Вудхаус поощрила ее чувства, — Харриет начала замечать, что он теперь говорил с ней гораздо охотнее, что его обращение с ней несколько переменилось — он стал добрее и любезнее!.. И в последнее время она видела это все яснее. Во время их общих прогулок он подходил к ней чаще и заводил столь приятные беседы!.. Кажется, он хотел узнать ее получше. Эмма знала, что ее подруга права. Она и сама замечала в нем эту перемену. Харриет повторяла его одобрения и похвалы, и, насколько могла судить Эмма, они действительно совпадали с его мнением о ней. Он хвалил ее за безыскусность, за естественность, за ее простые, честные и щедрые чувства. Эмма знала, что он видит в Харриет все эти достоинства, — он и сам с ней не раз об этом говорил. Однако многие мелочи, живо сохранившиеся в памяти Харриет, его взгляды, его речи, стремление с ней говорить, скрытые комплименты, из которых можно было сделать вывод о его предпочтении, — все это, ничего не подозревая, Эмма пропустила мимо. Все

эти обстоятельства, о которых ее подруга могла рассказывать еще добрых полчаса, говорили о многом для той, кому они предназначались, и остались совершенно не замеченными той, что теперь о них слушала. Однако на два последних и самых многообещающих, на взгляд Харриет, события Эмма тоже обратила внимание.

Во-первых, когда они все прогуливались по липовой аллее в Донуэлле, он словно нарочно отвел ее в сторону от остальных и сначала, пока Эмма не подошла к ним, говорил как-то по-особенному, совершенно не так, как обычно! Харриет при этом воспоминании даже зарделась. Казалось, еще немного — и он спросит, свободно ли ее сердце… Но как только к ним стала приближаться мисс Вудхаус, он тут же переменил предмет разговора и завел беседу о сельском хозяйстве.

Во-вторых, перед его отъездом в Лондон они вместе почти полчаса ждали Эмму в Хартфилде, хотя сначала он сказал, что и пяти минут оставаться не может, а за разговором еще и признался, что уезжает с большой неохотой, о чем ей, Эмме, не сказал ни слова. Она с болью поняла, что с Харриет он откровеннее.

Немного поразмыслив о первом из этих обстоятельств, Эмма решилась спросить:

— Но может быть… не показалось ли вам, что… когда он хотел, как вы подумали, спросить о ваших чувствах, то намекал на мистера Мартина и узнавал ради мистера Мартина?

Но Харриет решительно отвергла сие предположение.

— Мистера Мартина! Нет, что вы! Не было никаких намеков на мистера Мартина. Теперь-то мне хватит ума даже не взглянуть в его сторону. Я и повода никому не дам заподозрить, что мне небезразличен мистер Мартин.

Пересказав все свои наблюдения, Харриет попросила дорогую мисс Вудхаус рассудить, есть ли у нее основания надеяться.

— Я бы и не посмела о таком мечтать, — сказала она, — если бы не вы. Вы посоветовали мне внимательно наблюдать за ним и его поведением… и я наблюдала. И теперь мне кажется, что я, возможно, все-таки его достойна и что, если он и впрямь выберет меня, то не будет в этом ничего столь уж удивительного.

Столько горьких чувств охватило Эмму разом, что ей стоило большого усилия вымолвить:

— Харриет, осмелюсь только утверждать, что мистер Найтли не из тех мужчин, которые намеренно вводят женщину в заблуждение по поводу

своих к ней чувств.

Харриет готова была боготворить подругу за столь радостный вывод, и лишь звук батюшкиных шагов из коридора помог Эмме избежать восторгов и благодарностей, которые были бы для нее сейчас худшей пыткой. Харриет не хотела видеться с ним в таком сильном волнении. Она была не в силах совладать с собою и решила поскорее уйти, чтобы не встревожить мистера Вудхауса. Эмма ее поддержала и, едва Харриет выбежала, дала наконец волю чувствам:

— Боже! За что она мне только повстречалась!

Остаток дня и всю ночь Эмма мучилась от бесчисленных мыслей, ошеломленная и сбитая с толку всем, что обрушилось на нее в один день. Каждый новый миг преподносил новую неожиданность, а каждая неожиданность — унижение для Эммы. Как это все осмыслить? Как осознать собственный обман, которым она так долго жила? Свои ошибки, слепоту ума и сердца? Она то сидела на месте, то ходила взад и вперед по комнатам и саду, раз за разом убеждаясь, что поступала недостойно, что ее поставили в унизительное положение, что она сама себя поставила в еще более унизительное положение, что она несчастна и что, пожалуй, несчастья ее только

начинаются.

Прежде всего она попыталась разобраться в собственных чувствах. О них она думала каждую свободную минуту, не посвященную отцу, каждый миг случайной рассеянности.

Как давно стал мистер Найтли столь дорог ее сердцу? С каких пор он имел на нее такое влияние? Когда занял в ее душе то место, которое однажды — совсем недолго — занимал Фрэнк Черчилль? Она вспоминала прошлое, сравнивала их и свое к ним отношение с тех пор, как познакомилась с Фрэнком. А если бы она, по счастливой случайности, решила сравнить их давным-давно, то поняла бы, что всегда считала мистера Найтли бесконечно выше, а его внимание — бесконечно ценнее. Эмма осознала, что, пытаясь убедить саму себя в своей выдумке и держаться согласно ей, впала в заблуждение, совершенно глухая к собственному сердцу, — словом, она поняла, что и вовсе никогда не любила Фрэнка Черчилля!

Вот к чему привели ее самые первые размышления. Вот что узнала она о себе и о своем сердце, и времени на это понадобилось совсем немного. Ею овладели горечь и гнев, и всякое чувство вызывало стыд, кроме одного — любви к мистеру Найтли… Все прочие помыслы были ей отвра-

тительны.

Полная невыносимого тщеславия, она возомнила себя знатоком людских сердец, полная непростительного высокомерия, пыталась распоряжаться чужими судьбами. И мало того что она ошиблась во всех своих суждениях, она еще и наделала бед Харриет, самой себе и, к ужасу Эммы, мистеру Найтли. Если этот неравнейший брак состоится, то лишь она одна будет в том виновата. Эмма была уверена, что чувства мистера Найтли возникли в ответ на чувства самой Харриет, а даже если и нет, то все равно — он бы и не знал никакой Харриет, если бы не блажь самой Эммы.

Мистер Найтли и Харриет Смит!.. Что может быть невероятнее? В сравнении с этим роман Фрэнка Черчилля и Джейн Фэрфакс меркнул, история их любви была скучной, избитой, совершенно неудивительной — словом, не о чем тут даже думать и говорить… Но мистер Найтли и Харриет Смит! Как она возвысится! Как он падет! Эмма с ужасом думала, как низко он уронит себя в общественном мнении, сколько будет усмешек, ухмылок и издевок, с каким разочарованием и презрением отнесется к новости его брат, сколько трудностей это доставит ему самому. Разве такое возможно? Нет и еще раз нет! И все-таки

невозможные вещи случаются. Разве впервые мужчину из высших кругов очаровывает девица из низших? Разве впервые мужчина, которому некогда заняться поиском будущей супруги, падает жертвой той, которая сама его находит? Разве впервые на этом свете случается столь неравный, непонятный, нелепый союз? Впервые случай и обстоятельства — пусть и неявно — распоряжаются людскими судьбами?

Ах, зачем она только пыталась возвысить Харриет! Лучше бы оставила ее там, где ей место! Ведь и он говорил Эмме об этом когда-то!.. Если бы только она не последовала своей сумасбродной прихоти и не помешала ее браку с замечательным молодым человеком, который подарил бы ей счастье и уважение того круга, которому она принадлежит… Тогда все сложилось бы иначе, тогда не было бы сих ужасных последствий.

Как только Харриет хватило наглости устремить свои мысли к мистеру Найтли! Как посмела она — еще до того, как он дал ей повод, — вообразить, что может стать избранницей такого человека? Но Харриет уже не была той скромницей, что прежде. Теперь она меньше сомневалась: не чувствовала, что ниже и положением, и умом, не боялась, что мистер Найтли не снизойдет до

нее, как боялась того с мистером Элтоном… Увы! Не ее ли, Эммы, рук это дело? Не она ли изо всех сил старалась убедить Харриет ставить себя выше? Не она ли говорила, что та может притязать на место в высшем свете и должна по возможности возвыситься? Если смиренная Харриет стала теперь тщеславной — это все тоже ее вина.

Глава XII

Пока не возникла угроза потерять мистера Найтли, Эмма и не догадывалась, насколько ее счастье зависит от возможности быть первой в его помыслах и в его сердце. Считая свое первенство в порядке вещей, она, довольная, наслаждалась им весьма бездумно, пока страх, что ее место займет другая, не открыл Эмме глаза на правду. Долго, очень долго она была во всем для него первой: никаких близких родственниц у него не было, и лишь Изабелла имела право делить с ней его внимание, однако степень любви и уважения мистера Найтли к Изабелле ей всегда была известна. Все эти годы Эмма была для него самым близким другом. Она этого не заслужила: часто упрямилась, пренебрегала им и его советами, спорила с ним ему назло,

не признавала и половины его достоинств и ссорилась, когда он не хотел соглашаться с ее ошибочными и чересчур самонадеянными суждениями о самой себе, — и все же, несмотря на все это, из давней привязанности и привычки, из благородства души он любил ее, смотрел, как она растет, стремился помочь ей стать лучше и всегда поступать правильно, — рвение, которое не разделял с ним больше никто. Эмма знала, что, несмотря на все ее недостатки, она была ему дорога, и хотела бы надеяться, что даже очень дорога… Но подобным надеждам она предаваться не посмела. Это Харриет Смит может позволить считать себя достойной его исключительного внимания, его пылкой любви. Но не она. Нет, она не станет ласкать себя мечтой, будто мистер Найтли слепо ее любит. И совсем недавно она получила доказательство его беспристрастности… Как разгневан он был ее поведением по отношению к мисс Бейтс! Как прямо, как строго он сказал все, что думает! Конечно, не столь строго, чтобы нанести Эмме обиду, но разве стал бы он так с ней разговаривать, если бы в его душе теплилось что-то, помимо неизменного чувства справедливости и непредвзятой доброжелательности. В ней не было ни единой надежды, что он может

разделять ее самые нежные чувства, однако все еще оставалась надежда — которая то угасала, то вновь разгоралась, — что Харриет обманулась и неверно истолковала степень его к ней расположения. Ах, как бы Эмме этого хотелось — для его же собственного блага. Пускай даже не выберет ее, но зато будет всю жизнь холостяком. Будь она уверена, что мистер Найтли никогда не женится, то этого бы вполне хватило. Пускай только он навсегда останется тем же самым мистером Найтли для нее и ее батюшки, тем же самым мистером Найтли для всех остальных. Пускай никогда не прервутся драгоценные узы дружбы и доверия между Донуэллом и Хартфилдом, и на душе у нее будет спокойно… По правде сказать, она и сама не смогла бы выйти замуж. Как совместить брак с дочерним долгом перед отцом и чувствами к нему? Ничто не должно их разлучить. Она не вышла бы замуж, даже если бы попросил сам мистер Найтли.

Эмма всей душой желала, чтобы догадки Харриет не оправдались. Она надеялась, что теперь, увидев их вместе, сможет хотя бы оценить, действительно ли у подруги есть основания рассчитывать на взаимность. Отныне она будет следить за ними с пристальнейшим вниманием,

и как бы слепа ни была Эмма до сих пор, она знала, что теперь-то не ошибется. Его ждали со дня на день. Очень скоро ей представится возможность для наблюдения, и Эмма с ужасом ждала сего часа, а с Харриет твердо решила пока не видеться. Никому из них встречи сейчас не пойдут на пользу, как и дальнейшие разговоры на животрепещущую тему. Она не хотела верить догадкам подруги, пока сама во всем не убедится, но и разубеждать ее пока что права не имела. Разговоры лишь заденут Эмму за живое… Так что она написала Харриет письмо с доброй, но решительной просьбой не приходить покамест в Хартфилд, выразив убеждение, что беседы об известном предмете сейчас лучше избегать, и надежду, что через несколько дней они смогут увидеться — но в обществе, а не наедине, — и держаться так, будто вчерашнего разговора никогда не было… Харриет покорилась, согласилась и поблагодарила ее.

Едва этот вопрос был улажен, как в Хартфилд пришла гостья и ненадолго отвлекла ее от предмета, который занимал все ее мысли во сне и наяву вот уже сутки. Миссис Уэстон только что побывала у будущей невестки и на обратном пути решила заехать в Хартфилд, дабы и получить

удовольствие от разговора, и исполнить свой долг перед Эммой, рассказав все подробности сего занимательного визита.

К Бейтсам они пришли вместе с мистером Уэстоном, и он весьма достойно оказал дамам все необходимое внимание. После миссис Уэстон пригласила мисс Фэрфакс на прогулку в экипаже и тогда-то, наедине, и узнала от нее намного больше, чем в гостиной мисс Бейтс, где они все вместе просидели четверть часа в неловкости.

Эмме стало немного любопытно, тем более что дело напрямую касалось ее подруги. Из дома миссис Уэстон отправилась в чрезвычайном волнении. Изначально она хотела просто написать мисс Фэрфакс, а с официальными визитами повременить до тех пор, пока мистер Черчилль не примирится с мыслью о помолвке и всеобщей огласке. Нынче же их визит, на ее взгляд, породит всякого рода сплетни. Однако мистер Уэстон был непреклонен, он положил во что бы то ни стало выказать мисс Фэрфакс и ее семье свое расположение и был уверен, что никаких подозрений визит не вызовет, а если и вызовет, то пускай — такое, как он заметил, все равно не скроешь. Эмма улыбнулась, подумав, что тут уж с мистером Уэстоном не поспоришь. Словом, они

решились ехать. При их виде прекрасная дама явно встревожилась и смутилась. Она говорила с большим трудом, а каждый ее взгляд и каждый жест выдавали, как сильно ее мучают угрызения совести. Отрадно и в то же время трогательно было видеть тихое, искреннее счастье старушки и упоение ее дочери, которая от избытка чувств даже несколько притихла. Они обе так бескорыстно радовались, так много думали о Джейн и обо всех других, совершенно позабыв о себе, что заслужили уважение и все самые добрые чувства. Недавняя болезнь мисс Фэрфакс послужила миссис Уэстон прекрасным предлогом пригласить ее на прогулку. Та сначала предложение отклонила, однако в конце концов уступила настояниям. Во время прогулки миссис Уэстон, ласково ее ободряя, помогла мисс Фэрфакс преодолеть смущение и заговорить о самом главном. Разумеется, началась беседа с извинений за столь нелюбезное малословие в первые минуты их визита и заверений в горячей признательности, которую она всегда питала по отношению к миссис Уэстон и ее супругу. Покончив со всеми этими излияниями, они наконец заговорили о помолвке, о ее настоящем и будущем. Миссис Уэстон осталась убеждена, что принесла собеседнице

большое облегчение, освободив ее от груза всего, что скопилось на душе за долгое время, да и сама осталась весьма довольна всем услышанным.

— Она с большим возбуждением говорила о том, как мучительно тяжело ей было скрываться все эти месяцы, — продолжала миссис Уэстон. — Вот ее слова: «Не стану говорить, что после помолвки у меня не было счастливых минут, но я с тех пор не знала ни единого спокойного часа», — а губы у нее при этом так дрожали, что невозможно было не проникнуться сочувствием.

— Бедняжка! — воскликнула Эмма. — Стало быть, она осуждает себя за то, что согласилась на тайную помолвку?

— Осуждает? По-моему, никто не способен винить ее больше, чем она сама. «Это решение, — сказала она, — стало для меня причиной нескончаемых страданий, и поделом. Но несмотря на наказание, которое влечет за собой ошибка, ошибкой она быть не перестает. Кара не искупает грехи. Я навсегда останусь виноватой. Я действовала против собственных представлений о правильном и неправильном, и совесть моя подсказывает, что я не заслужила ни сего счастливого поворота событий, ни той доброты, которой я сейчас пользуюсь. Миссис Уэстон, толь-

ко не думайте, что меня столь дурно воспитали. Не судите по моей грубой ошибке друзей, которые меня растили. Виновата я одна. Уверяю вас, как бы ни складывались сейчас обстоятельства, я с ужасом думаю о том, как мне все рассказать полковнику Кэмпбеллу».

— Бедняжка! — вновь воскликнула Эмма. — Должно быть, любит она его без памяти, а иначе не решилась бы на такой шаг. Видимо, любовь пересилила разум.

— Да. Она, без сомнений, питает к нему очень сильные чувства.

— Боюсь, — вздохнув, ответила Эмма, — что и я немало виновата в ее страданиях.

— Вы, моя милая, не хотели навредить ей нарочно. Но, видимо, все это как раз и привело к размолвкам, о которых нам уже упоминал Фрэнк. Она сказала, что, совершив сие зло, она, естественно, начала вести себя неразумно. Сознавая, как дурно поступила, она постоянно мучилась, она сделалась придирчивой и раздражительной и, наверное — даже наверняка — ему тяжело было это выносить. «Я не считалась, — она сказала, — с его характером и его духом — его жизнерадостным духом, с его веселым и шутливым нравом, который в других обстоятельствах, я уверена,

непрестанно меня бы очаровывал, как и в нашу первую встречу». Затем она заговорила о вас и о том, сколько доброты вы выказали ей во время ее болезни. Потому-то я и решила, что это все связано. Она покраснела и попросила, чтобы я при первой же возможности передала вам ее благодарность — ее величайшую благодарность — за ваши благие намерения и старания. Ей больно думать, что она так и не выразила вам должной признательности.

— Если бы я не знала, что она теперь счастлива, — серьезно отвечала Эмма, — а она, сколько бы ни мучили ее угрызения совести, полагаю, счастлива, — то ни за что бы не вынесла эту благодарность, потому что — ах! Миссис Уэстон! Если б только подсчитать все добро и зло, которое я сделала мисс Фэрфакс!.. — Эмма заставила себя сдержаться и уже веселее добавила: — Ну, пора это все забыть. Как любезно с вашей стороны рассказать мне столь любопытные подробности. Они показывают ее с самой выгодной стороны. Я теперь уверена, что она замечательный человек… и, надеюсь, будет счастлива. Справедливо, что он хотя бы богат, потому что все иные достоинства и добродетели всецело принадлежат ей.

Такое заключение миссис Уэстон просто так

оставить не могла. Она прекрасно относилась к Фрэнку почти во всех отношениях, и к тому же очень сильно к нему привязалась, а потому со всей искренностью и серьезностью принялась его защищать. Она рассуждала здраво и с чувством, но Эмма ее уже не слушала: ее мысли устремились то ли на Бранзуик-сквер, то ли в Донуэлл… Когда миссис Уэстон закончила свою речь словами: «Того самого письма мы еще не получили, но, надеюсь, скоро оно придет», — Эмма ответила не сразу, пытаясь вспомнить, о каком письме идет речь, но, так ничего и не поняв, ответила наугад.

— Эмма, милая, вы здоровы? — на прощание спросила миссис Уэстон.

— Конечно! Вы ведь знаете, я никогда не болею. Не забудьте рассказать мне про письмо, как только оно придет.

Рассказ миссис Уэстон дал Эмме новую пищу для печальных размышлений: она прониклась еще большим уважением и сочувствием к мисс Фэрфакс, еще острее ощутила стыд за то, как несправедливо с ней обходилась. Она горько сожалела, что не искала с ней дружбы, и краснела от того, что причиной тому была в некоторой степени зависть. Последуй Эмма известным желаниям мистера Найтли, выкажи она мисс

Фэрфакс заслуженное внимание, попытайся она узнать ее лучше, сблизиться с ней, найти друга в ней, а не в Харриет Смит, от скольких мучений сейчас была бы избавлена. Одна была равна ей и по рождению, и по способностям, и по уму, с ней-то и следовало с благодарностью судьбе искать дружбу, а другая что?.. Возможно, они никогда и не стали бы близкими подругами, и, вероятнее всего, мисс Фэрфакс не посвятила бы мисс Вудхаус в столь важную сердечную тайну, но тем не менее, узнав Джейн как следует, Эмма ни за что бы не допустила тех низких подозрений насчет ее непристойных чувств к мистеру Диксону, которые она весьма глупо выдумала и так долго лелеяла. А какую непростительную ошибку она совершила, еще и поделившись этими мыслями с Фрэнком Черчиллем! Эмма опасалась, что он весьма опрометчиво передал их Джейн, чем принес ей немало страданий. Вероятно, с тех пор как та приехала в Хайбери, Эмма стала худшим из ее несчастий. Заклятым врагом. Всякий раз, как они втроем оказывались в одном месте, она беспрестанно ранила бедную Джейн Фэрфакс и нарушала ее спокойствие, а Бокс-Хилл, очевидно, стал последней каплей.

Вечер в Хартфилде тянулся долго и уныло. Пого-

да наводила еще пущую тоску. Зарядил сильный холодный дождь, и лишь зеленые деревья и кусты, взволнованные ветром, да поздний закат, из-за которого еще долго было видно безрадостный вид из окна, напоминали о том, что на дворе июль.

На мистера Вудхауса непогода действовала дурно, и лишь неутомимое внимание дочери, стоившее ей небывалых усилий, могло хоть немного его приободрить. Эмме вспомнился их первый одинокий вечер в день свадьбы миссис Уэстон. Тогда к ним, вскоре после чая, пришел мистер Найтли и разогнал их несносную тоску, но увы! Весьма может статься, что совсем скоро этим визитам — прекрасным свидетельствам хартфилдского очарования — придет конец. В тот раз ее опасения о будущем не оправдались: она рисовала себе картины их с батюшкой одиноких зимних вечеров, а на деле ни один друг их не покинул и ни одно удовольствие не прошло мимо. В этот же раз она боялась, дурные предчувствия окажутся правдой. Эмма не видела в будущем ни одного проблеска надежды. Если в кругу ее друзей свершатся все ожидаемые перемены, то останется она в опустевшем Хартфилде подбадривать батюшку да сокрушаться по своему

разрушенному счастью.

Скоро в Рэндаллсе появится ребенок, создание для миссис Уэстон куда более драгоценное, чем Эмма. Свое время и сердце она полностью посвятит ему. Хартфилд утратит ее общество, как, вероятно, и общество ее мужа. Фрэнк Черчилль больше приезжать не станет, а мисс Фэрфакс, судя по всему, вскоре покинет Хайбери ради нового дома. Они поженятся и поселятся либо в Анскоме, либо от него неподалеку. Сколько ужасных потерь! А если к ним добавится еще и Донуэлл, то что же останется от их веселого, разумного общества? Мистер Найтли перестанет коротать у них вечера! Перестанет приходить когда вздумается, словно к себе домой! Как же такое вынести? И если он забудет о них ради Харриет, если он и правда свяжет с ней будущее, найдет в ней все, что ищет: свою избранницу, свою самую дорогую и близкую подругу, свою жену, свое счастье — то как сможет Эмма вынести мысль о том, что все это — ее рук дело?

На этой мысли она невольно вздрагивала, глубоко вздыхала или принималась расхаживать по комнате. Одно только ее успокаивало и утешало: она твердо решила не повторять прежних ошибок и надеялась, что стала теперь разумнее, что

лучше узнала саму себя и что, сколь скучными и унылыми ни оказались бы все предстоящие зимы, они оставят ей после себя гораздо меньше сожалений.

Глава XIII

На следующее утро погода стояла по-прежнему скверная, а в Хартфилде царило все то же одиночество и уныние, но после полудня небо прояснилось, ветер переменился и разогнал тучи, вышло солнце — словом, снова вернулось лето. Эмма от сей перемены оживилась и захотела как можно скорее выйти на улицу. Благоухающая природа являла собой восхитительное зрелище — ласковая, теплая и живописная после дождя, она манила Эмму, мечтавшую о душевном спокойствии. После обеда к ее батюшке зашел на часок мистер Перри, и она немедленно поспешила в сад… После нескольких кругов по аллее дух ее воспрянул, а мысли прояснились, как вдруг она увидела, что из дома выходит мистер Найтли и направляется к ней. Эмма и не знала, что он уже вернулся из Лондона. Только минуту назад она как раз думала о нем и не сомневалась, что их все еще разделяют шестнадцать миль. Кое-как она

собралась с мыслями. Ей необходимо казаться собранной и спокойной. Мистер Найтли подошел, они поздоровались, но оба говорили тихо и держались скованно. Эмма спросила, как поживают их родные — он отвечал, что хорошо. А когда он от них уехал? Только этим утром. Должно быть, в пути он промок? Да… Оказалось, он тоже хочет прогуляться. Он только что заглянул в гостиную, убедился, что никому там не нужен, и решил, что лучше выйти на улицу. Эмме показалось, что выглядел и говорил мужчина подавленно, а ее страхи тут же подсказали причину: вероятно, он сообщил о своих намерениях брату и огорчился из-за того, как тот их принял.

Они пошли рядом. Мистер Найтли молчал. Ей казалось, что он то и дело посматривает на ее лицо, словно пытаясь его прочесть, Эмме же хотелось отвернуться. Новый страх зародился в ее душе. Может, он хочет поговорить с ней о своих чувствах к Харриет, но не знает, как начать?.. Однако она не может и не хочет сама заводить эту беседу. Пускай справляется без нее. И все же тишина становилась непривычно невыносимой. Эмма поколебалась, собралась с мыслями и, с натянутой улыбкой, начала:

— Вы вернулись — а у нас новости. И думаю,

они вас даже удивят.

— Да? — тихо спросил он, глядя на нее. — И какого же рода?

— О! Самого приятного — будет свадьба.

Помедлив мгновение, словно желая убедиться, что больше она ничего не добавит, он ответил:

— Если вы про мисс Фэрфакс и Фрэнка Черчилля, то я эти новости уже слышал.

— Как! — воскликнула Эмма, поворачиваясь к нему и тут же краснея: не успела она договорить, как поняла, что по пути он, возможно, заглянул в пансион к миссис Годдард.

— Утром я получил записку от мистера Уэстона: он написал мне про дела в приходе, а в конце кратко пересказал последние события.

Эмма несколько успокоилась и, собравшись с мыслями, сказала:

— Вы-то, наверное, почти не удивились, ведь у вас уже были некоторые подозрения… Я не забыла, как вы однажды пытались меня предостеречь… Жаль, что я вас тогда не послушала, но… — она тяжело вздохнула и продолжила упавшим голосом: — Кажется, я навеки обречена оставаться слепой.

Последовала тишина. Она даже не подозревала, что ее слова произвели на него особое впечатле-

ние, как вдруг через мгновение ее рука оказалась прижата к его сердцу, и мистер Найтли тихо, но с большим чувством заговорил:

— Время, милая моя Эмма, время залечит вашу рану… С вашим ясным умом… вашей преданностью отцу… вы, я знаю, не позволите себе… — он прижал ее руку крепче и продолжил подавленным, срывающимся голосом: — Как ваш преданный друг… Гнев одолевает… Гнусный подлец! — и уже громче и спокойнее он завершил: — Скоро его здесь не будет. Скоро они уедут в Йоркшир. Ее мне жаль. Она заслуживает лучшей участи.

Эмма все поняла и, едва оправившись от трепета наслаждения, вызванного его столь нежным участием, ответила:

— Вы очень добры… но вы заблуждаетесь… я обязана все разъяснить… Я вовсе не нуждаюсь в такого рода сочувствии. Я была слепа и вела себя так, что и вспоминать стыдно. Я по глупости творила и говорила много вещей, за которыми могли последовать весьма неприятные догадки, однако иных причин сожалеть, что я не была посвящена в их тайну раньше, у меня нет.

— Эмма! — вскричал он, внимательно ее разглядывая. — Неужели вы?.. — он спохватился. — Нет, нет, я понимаю… простите… я рад, что вы можете

так рассуждать… Да, он сожалений не заслуживает! И совсем скоро вы сможете признать это не только головой, но и сердцем… Какое счастье, что вы не успели привязаться к нему сильнее!.. Признаюсь, по вашему поведению я никак не мог понять, глубока ли степень вашего чувства… Я лишь был уверен, что вы отдаете ему предпочтение — предпочтение, которого он не заслуживает… Он не достоин называться мужчиной. И ему еще и достанется столь прелестное создание?.. Джейн, Джейн, как вам не повезло.

— Мистер Найтли, — весело сказала Эмма, хотя и была крайне смущена, — это весьма необычный разговор. Я не могу допустить, чтобы вы и далее оставались в заблуждении, но раз мое поведение стало его причиной, то, право же, мне очень стыдно признаваться, что я никогда не любила сего человека, хотя обычно женщине стыдно признаться в обратном… И все же я никогда его не любила.

Повисла тишина. Эмма ждала, что он заговорит, но он молчал. Она подумала, что, вероятно, этих слов не хватало для его снисхождения, и со страхом решилась уронить себя еще ниже в его глазах:

— Мне трудно оправдать свое поведение…

Его внимание мне льстило, и я позволила себе выказывать удовольствие. Это, вероятно, старая история… и весьма распространенная… обыкновенная для многих представительниц нашего пола… и все же непростительная для меня как для человека, как я всегда считаю, рассудительного. Многое способствовало искушению. Он сын мистера Уэстона, он постоянно бывал у нас и всегда был очень любезен… Словом, — она вздохнула и продолжила: — Можно изобрести еще немало причин, но все они сводятся к одному: он льстил моему тщеславию, и я принимала его знаки внимания. Впрочем, я уже некоторое время подозревала, что они совершенно ничего не значат. Он ухаживал за мной по привычке, в шутку и серьезности от меня не ждал. Он меня обманул, но не ранил. Я никогда не питала к нему чувств. И теперь мне ясно его поведение. Он никогда и не желал моего расположения. Он использовал меня, чтобы скрыть свои чувства к другой… Он задался целью всех обмануть и, уверяю, вполне успешно обманул бы и меня… да только я не обманулась. Мне очень повезло… сама не понимаю как, но я от него уберегласъ.

Она надеялась, что хотя бы сейчас мистер Найтли что-нибудь ответит — может, во всяком

случае, скажет, что понимает теперь ее поведение… Но он молчал, по всей видимости, глубоко задумавшись. Наконец, почти что в своем обычном тоне, он произнес:

— Я никогда не был высокого мнения о Фрэнке Черчилле. Впрочем, я допускаю, что мог его недооценивать. Едва ли я пытался узнать его ближе… Но даже если я в своем мнении оказался прав, у него еще есть надежда исправиться… С такой женой это возможно… У меня нет причин желать ему зла, а ради ее блага, чье счастье теперь зависит от его доброго нрава и поведения, я даже желаю ему добра.

— Не сомневаюсь в их счастье, — сказала Эмма. — По-моему, они оба очень искренне друг друга любят.

— Везунчик! — с чувством отозвался мистер Найтли. — В столь раннем возрасте — в двадцать три года — мужчина, ежели выбирает себе жену, то выбирает, как правило, неудачно. А он в двадцать три заполучил такое сокровище! Сколько бесконечного счастья еще ждет его в будущем! Одаренный любовью такой женщины — любовью бескорыстной, ибо нрав Джейн Фэрфакс свидетельствует о ее бескорыстии… Все ему благоприятствует: равенство в положении — я

имею в виду, достаточное для общества, — равенство в привычках и в воспитании, равенство во всем, кроме одного — и то призвано принести ему еще большее счастье, ибо он наградит ее бескорыстную душу — а в этом сомневаться невозможно — всем, чего ей не хватает. Мужчине всегда хочется дать жене дом лучше, чем ее родной, и, должен сказать, тот, кому это удается, кто вдобавок уверен в искренней любви своей избранницы, — счастливейший из людей. Фрэнк Черчилль — настоящий везунчик. Все ему благоприятствует. Он встречает на водах девушку, завоевывает ее любовь, а затем не выказывает ей должного внимания — и все равно любим! Да обыщи он и его родня хоть целый свет — они нигде бы лучше невесты не сыскали. Мешает только тетка. Тетка умирает. Ему остается лишь все объявить. Друзья за него рады. Он всех одурачил, а они счастливы его простить. Везунчик, иначе не скажешь!

— Вы словно завидуете ему.

— А я и завидую, Эмма. В одном отношении даже очень.

Эмма не могла вымолвить ни слова. Казалось, еще чуть-чуть — и речь пойдет о Харриет. Ей хотелось во что бы то ни стало избежать этого

разговора. Она решила перевести тему на что-нибудь совершенно иное — да хоть спросить о детях на Бранзуик-сквер. Но не успела она и рта раскрыть, как мистер Найтли ее опередил:

— Вы не спрашиваете, чему же я завидую… Вы твердо решили, как я понимаю, не выказывать любопытства… Разумно. Но я разумным быть не хочу. Эмма, я обязан сказать вам то, о чем вы не спрашиваете, хотя, быть может, сразу же об этом пожалею.

— Ах! Тогда молчите, молчите! — с жаром воскликнула она. — Не торопитесь, подумайте, возьмите себя в руки.

— Благодарю, — униженно произнес он и не проронил больше ни звука.

Его страданий Эмма вынести не могла. Он желал ей довериться, возможно, даже с ней посоветоваться… что ж, чего бы ей это ни стоило, она его выслушает. Если он уже принял твердое решение — она его поддержит, если еще полон сомнений — поможет их преодолеть. Она может по заслугам восхвалить Харриет или, напомнив ему обо всех достоинствах независимого положения, избавить от нерешительности, которая для человека его склада, должно быть, невыносима… Они подошли к дому.

— Вы уже заходите? — спросил он.

— Нет, — откликнулась Эмма. При звуках его подавленного голоса она еще больше укрепилась в своем решении: — Пройдусь еще. Мистер Перри пока что не ушел. — Через несколько шагов она добавила: — Мистер Найтли, я очень невежливо прервала вас и, боюсь, причинила боль… Но если вы желаете поговорить со мной откровенно, как с другом, или спросить совета о чем-то, что у вас на уме, то я, как ваш друг, к вашим услугам… Я все выслушаю и честно скажу, что думаю.

— Как друг! — повторил мистер Найтли. — Эмма, это слово, я боюсь… Но нет, я не хочу… А впрочем, к чему эти колебания? Я зашел слишком далеко, скрывать смысла нет… Эмма, я принимаю ваше предложение. Как это ни странно, я его принимаю и хочу обратиться к вам как к другу… Так скажите же, есть ли у меня хоть какая-то надежда?

Он умолк и вопросительно на нее посмотрел, и взгляд этот словно приковал ее к месту.

— Дорогая моя Эмма, — продолжал он, — и дорогой вы останетесь для меня навеки, как бы ни закончился этот разговор. Дорогая моя, любимая моя Эмма, ответьте же… Если нет, скажите прямо. — Но говорить Эмма была не в силах. — Вы

молчите! — с немалым воодушевлением воскликнул он. — Сейчас я о большем и не прошу.

От волнения Эмма чуть не лишилась чувств. Больше всего она боялась, что вот-вот проснется и происходящее окажется лишь самым счастливым на свете сном.

— Эмма, оратор из меня плохой, — вскоре продолжал он со столь искренней и откровенной нежностью, что всяческие сомнения исчезли, — и люби я вас меньше, то, наверное, смог бы сказать красноречивее. Но вы меня знаете… Я всегда говорю вам только правду… Я вас бранил, читал вам мораль, а вы сносили все так, как не снесла бы ни одна другая… Прошу, вытерпите правду и сейчас, милая Эмма. Конечно, манеры мои не слишком любезны. Видит бог, кавалер из меня неважный… Но вы все понимаете… Да, вы понимаете мои чувства… и ответите взаимностью, если сможете. А сейчас я прошу лишь одного: скажите хоть что-нибудь.

Пока он говорил, в голове у Эммы с поразительной скоростью пробегали тысячи мыслей. Не пропустив мимо ушей ни единого его слова, она вдруг осознала всю правду: что надежды Харриет были безосновательны и ошибочны, что она просто заблуждалась, как часто заблуждалась

и сама Эмма; что Харриет для него — ничто, а она — все; что все, что она только что говорила с мыслями о Харриет, он воспринял как язык ее собственных чувств; что из-за ее волнения, сомнений, нерешительности, попытки избежать разговора он подумал, будто она не хочет слушать его признаний ей!.. Эмма успела не только убедиться в своем безграничном счастье, но и порадоваться, что не выдала тайну Харриет. Она твердо решила, что ее и впредь следует сохранить… Вот и все, чем она может теперь помочь своей бедной подруге: никакого желания идти на героическую жертву и пытаться убедить его, что Харриет бесконечно ее превосходит и куда более достойна его любви, у нее не было, как не было и возвышенного желания отказать ему раз и навсегда, не объяснив причин, лишь потому, что он не смог бы одновременно жениться на них обеих. Она жалела Харриет и раскаивалась, но, несмотря на все очевидные возможности выказать великодушие, делать этого не собиралась. Эмма сбила подругу с пути и никогда себя за это не простит, но все же чувства не могли затмить здравый смысл, который, как и прежде, порицал столь неравный и унизительный для мистера Найтли союз. Больше на ее пути никто

не стоял, хотя легким он по-прежнему не был… И наконец, склонившись на такие настоятельные просьбы, Эмма заговорила… Что же она сказала? Разумеется, все, что полагалось. Все, что и говорит в подобных случаях дама, чтобы дать мужчине понять, что у него нет оснований отчаиваться, и побудить к дальнейшему объяснению. Оказалось, он и впрямь успел отчаяться — она отказалась его выслушать и столь горячо велела ему быть осмотрительнее и молчать, что он на время потерял всякую надежду… Внезапная перемена его поразила: предложение продолжить прогулку и вернуться к разговору, который она сама же только что прервала, — удивительно!.. Эмма понимала, что вела себя непоследовательно, но мистер Найтли любезно с этим смирился и не просил от нее объяснений.

Редко, очень редко правда раскрывается целиком и полностью, и всегда хоть что-то остается тайным или недопонятым, но когда, как в их случае, неверно толкуется лишь поведение, а не чувства, то ничего страшного в этом нет. Ее сердце успокоилось и было полностью готово принять его.

Оказалось, что мистер Найтли и не подозревал о ее чувствах. Когда он шел к ней в сад, у него не

было планов объясниться. Он лишь совершенно бескорыстно хотел узнать, как она справляется с известием о помолвке Фрэнка Черчилля, и, при необходимости, утешить ее и ободрить советом. Все остальное произошло под влиянием минуты и того, что он от нее услышал. Когда он узнал, что Эмма к Фрэнку Черчиллю совершенно равнодушна, что ее сердце никогда ему не принадлежало, в его душе зародилась надежда, что со временем он сумеет завоевать ее расположение. Мистер Найтли и не надеялся на взаимность в настоящем, но на мгновение чувство возобладало над разумом, и он захотел услышать, что Эмма не запрещает ему добиваться ее любви… А оказалось, что он смеет надеяться даже на большее. Он лишь просил разрешения заслужить ее любовь, а она уже его любила!.. Еще полчаса назад он был в полном отчаянии, теперь же — в таком совершенном блаженстве, что иначе и не назовешь.

Про Эмму можно было сказать то же самое. За эти полчаса они оба убедились в том, что любимы, избавились от заблуждений, ревности и недоверия. Мистер Найтли начал ревновать давным-давно, еще с первого приезда — а то и с ожидания — Фрэнка Черчилля. Он полюбил Эмму и начал ревновать почти одновременно, и одно

чувство сильнее разжигало в нем другое. Именно из-за ревности он и уехал в Лондон. Поездка на Бокс-Хилл стала решающей. Мистер Найтли понял, что больше не может смотреть, как Эмма позволяет и поощряет внимание другого. Он думал, что отъезд поможет ему охладеть. Но выбрал для того неверное место. В доме его брата все дышало домашней приветливостью и семейным счастьем, Изабелла слишком походила на свою сестру, уступая ей лишь в тех мелочах, за которые мистер Найтли и полюбил Эмму, и сколько бы он у них ни пробыл — ничем бы ему это не помогло. И все же он день за днем упрямо терпел, пока сегодня с утренней почтой не получил записку с новостями о помолвке. Он обрадовался и даже того не устыдился, ведь всегда считал, что Фрэнк Черчилль Эммы совершенно недостоин. Новость его чрезвычайно взволновала, побудив немедленно отправиться домой. Он поскакал прямо в дождь и сразу же после обеда пришел в Хартфилд, чтобы узнать, как переносит удар самая милая, самая лучшая, самая совершенная, несмотря на все ее несовершенства.

Мистер Найтли застал Эмму взволнованной и печальной. Фрэнк Черчилль — просто подлец!.. Затем он услышал, что она никогда его не любила.

Пожалуй, Фрэнк Черчилль не так безнадежен… Теперь же она стала его Эммой, она пообещала ему свое сердце, и вспомни он сейчас о Фрэнке Черчилле, то даже решил бы, что он вполне славный малый.

Глава XIV

Как изменилось настроение Эммы за время прогулки! Выходя из дома, она надеялась хотя бы немного передохнуть от страданий, а возвращаясь — трепетала от небывалого счастья, которое, она знала, даже возрастет, когда этот волнительный трепет уймется.

Они сели пить чай — то же общество за тем же столом. Как часто они вот так сидели здесь втроем! И как часто взгляд ее падал на те же кусты, залитые тем же волшебным светом закатного солнца! Но никогда прежде не испытывала Эмма ничего подобного, и ей стоило больших усилий взять себя в руки и исполнять обязанности внимательной хозяйки и заботливой дочери.

Бедный мистер Вудхаус и не подозревал, какое предательство замыслил человек, которого он так сердечно принимает и за которого так беспокоится, не простудился ли он в пути. Если бы

мистер Вудхаус мог заглянуть в сердце мистера Найтли, то не стал бы столь волноваться за его легкие, но он и представить себе не мог, какая на него надвигается беда. Не замечая ничего необычного в поведении своих собеседников, он безмятежно пересказывал им все новости, которые узнал от мистера Перри, и довольно болтал о том о сем, совершенно не подозревая, что они могли бы рассказать ему в ответ.

Пока мистер Найтли сидел с ними, Эмма была в постоянном возбуждении чувств, но когда он ушел, стала понемногу успокаиваться и остывать. За вечер она столько пережила, что всю ночь проворочалась без сна и в раздумьях о двух весьма серьезных обстоятельствах, которые могли помешать ее счастью. Ее батюшка и… Харриет. Оставшись одна, Эмма почувствовала бремя их притязаний. Как же ей сохранить их покой? В отношении отца ответ нашелся быстро. Она пока не знала, что попросит от нее мистер Найтли, но, прислушавшись к собственному сердцу, твердо решила, что никогда не покинет отца… Эмма даже всплакнула от того, что вообще позволила себе грешную мысль об отъезде. Покуда батюшка ее жив, речь может идти лишь о помолвке, однако она старалась льстить себе надеждой на

то, что отец даже порадуется за ее судьбу, едва только осознает, что угрозы разлуки нет. С Харриет дело обстояло труднее. Как избавить ее от ненужных страданий? Как искупить свою вину? Как не сделаться ее врагом? Эмма ломала голову над этими вопросами, непрестанно терзаясь от жестоких упреков и горестных сожалений… Наконец она лишь укрепилась в своем решении пока что с подругой не видеться и при необходимости сообщаться исключительно перепиской. Эмма подумала, что хорошо бы Харриет вообще на время из Хайбери уехать, и, поддавшись своей любви строить планы, решила, что было бы целесообразно заручиться для нее приглашением на Бранзуик-сквер. Харриет Изабелле нравилась, и несколько недель в Лондоне будут для нее интересным развлечением. Зная Харриет, Эмма была уверена, что ей пойдут на пользу новая обстановка, улицы, лавки и дети. Во всяком случае, этот жест станет свидетельством внимания и доброты со стороны Эммы, а также способом пока что не видеться и отсрочить сей страшный день, который снова сведет их вместе.

Она встала пораньше и написала Харриет письмо. Занятие это повергло ее в уныние, и мистер Найтли, явившийся в Хартфилд к завтраку, ока-

зался как раз вовремя. Лишь прогулявшись с ним полчаса по саду за приятной беседой, Эмма вновь воспрянула духом.

Вскоре после его ухода — Эмма даже не успела задуматься о ком-либо еще — из Рэндаллса пришел очень толстый конверт. Она догадалась, что в нем за письмо, и с неудовольствием подумала, что придется его прочесть. Эмма больше не держала зла на Фрэнка Черчилля, не хотела его объяснений и желала всего лишь остаться наедине со своими мыслями. К тому же она была уверена, что его доводы понять не сможет. Но делать было нечего. Эмма открыла конверт: там, как она думала, лежало письмо к миссис Уэстон от Фрэнка Черчилля, а в него была вложена записка:

«Дорогая Эмма, я с величайшим удовольствием направляю вам это письмо. Знаю, что вы отдадите ему должное, и нисколько не сомневаюсь, что оно вас порадует. Отныне мы не разойдемся во мнениях относительно его автора. Не стану писать долгих предисловий. У нас все хорошо. Письмо исцелило меня от беспокойства, которым я терзалась в последнее время. Во вторник мне показалось, что вы выглядите неважно, но утро тогда было хмурое, и, хотя вы вечно твердите,

что погода на вас не влияет, на всех, по-моему, сказываются северо-восточные ветра. Я очень беспокоилась за вашего батюшку во время грозы во вторник вечером и следующим утром, но мистер Перри меня вчера заверил, что с ним все хорошо.

Ваша А. У.

К миссис Уэстон.

Виндзор… июля.

Любезная миссис Уэстон,

Ежели я смог вчера выразиться ясно, то вы будете ждать этого письма, но так или иначе знаю, что прочтете вы его с беспристрастностью и снисхождением. Вы — сама доброта, но, боюсь, даже вашей доброты не хватит, чтобы простить некоторые мои поступки… Но тою, кто вправе негодовать еще больше, я прощен. Пока я пишу эти строки, отвага моя растет. Тем, кому сопутствует удача, трудно оставаться смиренными. Дважды я уже просил прощения, и дважды мне повезло — меня простили. Боюсь, как бы мне не проникнуться излишней уверенностью и в вашем прощении, а также прощении тех ваших друзей, которые имеют все основания на меня гневаться… Постарайтесь представить мое положение, когда я впервые приехал в Рэндаллс, подумайте о тайне, которую я всеми силами дол-

жен был сохранить. Именно так обстояло дело. Имел ли я право ставить себя в такое положение, которое требует столько скрытности, — вопрос другой. Не буду здесь в него вдаваться. Любому, кто не может понять моего искушения на себя это право взять, предлагаю найти в Хайбери один кирпичный домик с подъемными окнами на первом этаже и створчатыми — на втором. Я не посмел сделать предложение открыто — трудности обстановки того времени в Анскоме ясны и не требуют объяснений. В Уэймуте мне повезло уговорить самую честную женщину на свете пожалеть меня и согласиться на тайную помолвку. Откажи она — я сошел бы с ума… Вы спросите: на что же я надеялся? Чего ждал? Чего угодно: времени, случая, обстоятельства… Я готов был долго и старательно убеждать или внезапно все выложить, извести их своим упорством, полагаться на здоровье или на недуги. Передо мной были открыты все пути, главного я уже добился — обещания хранить верность и писать мне письма. Если же этого мало, то, дорогая миссис Уэстон, я имею честь быть сыном вашего мужа: от него я унаследовал склонность всегда надеяться на лучшее, а с таким достоянием ни дома, ни земли не сравнятся… Так и обстояли дела, когда я впервые

приехал в Рэндаллс, и мне совестно, что я не нанес визит раньше. Оглянувшись назад, вы поймете, что я приехал, только когда в Хайбери переехала мисс Фэрфакс. Я нанес обиду лично вам и знаю, что вы сразу же меня простите. Но я надеюсь и на прощение своего отца, пускай знает: все то время, что я не навещал Рэндаллс, я был лишен счастья познакомиться с вами. Надеюсь, что в те счастливые две недели у вас я дал лишь один повод меня осудить. И здесь я подхожу к самому главному, к той важной части моего поведения, которая не дает мне покоя и требует подробного объяснения. С глубочайшим уважением и самыми теплыми дружескими чувствами пишу я имя мисс Вудхаус. Полагаю, отец сочтет, что следует добавить и «с величайшим стыдом». Несколько слов, которые вырвались у него вчера по сему поводу, ясно говорят о его мнении и о его порицании — и я признаю, что виноват. В моем поведении с мисс Вудхаус я позволил себе больше, чем следовало. Желая скрыть важную для меня тайну, я злоупотребил нашим моментальным расположением друг к другу. Я не стану отрицать, что притворялся перед всеми, будто мисс Вудхаус — главный предмет моих симпатий, однако я уверен, что вы поверите моему заявлению: не будь я убежден

в ее совершенном безразличии, то не стал бы из своих корыстных побуждений вести себя подобным образом. При всем своем дружелюбии и очаровании мисс Вудхаус не производит впечатления девицы влюбчивой. Я был убежден, что она в меня влюбляться не собирается, а большего и пожелать не мог. Она принимала мое внимание с легкой, дружеской, веселой игривостью, которая как раз отвечала моим намерениям. Полагаю, мы друг друга понимали. В силу нашего положения я должен был оказывать ей знаки внимания, и как должное они и воспринимались. Не знаю, начала ли мисс Вудхаус за те две недели о чем-либо догадываться, но помню, что когда зашел к ней попрощаться, то чуть было не раскрыл ей всю правду. Мне казалось, что в ней уже назрели некоторые подозрения, и я не сомневаюсь, что позже она меня разгадала. Даже если она не знала всех подробностей, при ее сообразительности мисс Вудхаус наверняка поняла хотя бы часть. Я даже не сомневаюсь. Вот увидите, услышав эту новость, она почти не удивится. Она часто делала мне намеки. Помню, на балу она мне сказала, что я должен быть благодарен миссис Элтон за ее внимание к мисс Фэрфакс… Надеюсь, это объяснение во многом искупит мои ошибки в ваших

глазах и глазах моего отца. Покуда вы полагали, что я погрешил против нее, я не заслуживал прощения ни от вас, ни от него. Простите же меня и помогите добиться прощения и благосклонности вышеназванной Эммы Вудхаус, к которой я питаю истинно братскую привязанность и которой желаю когда-нибудь столь же сильно и счастливо полюбить, как я… Теперь у вас есть ключ ко всем моим непонятным словам и поступкам. Сердце мое было в Хайбери, и я старался как можно чаще устремляться туда и телом, вызывая при этом как можно меньше подозрений. Если вам запомнились какие-либо странности в моем поведении, то смело относите их на этот счет… Что же до фортепиано, о котором было столько толков, то считаю необходимым отметить, что заказано оно было без ведома мисс Ф., которая никогда бы мне этого не позволила. Невозможно воздать должное той нежности ума, которую она выказала за все время нашей помолвки. Искренне надеюсь, что вскоре вы и сами познакомитесь с ней ближе. Слов не хватит, чтобы описать ее. Она сама вам все про себя расскажет, но только не в разговорах, потому что нет в мире другого такого создания, которое столь решительно не признает свои достоинства… С тех пор, как я начал это письмо

— а оно выходит гораздо длиннее, чем я предполагал, — от нее пришла весточка. Она пишет, что здоровье у нее прекрасное, но поскольку она никогда не жалуется, я боюсь этому верить. Мне бы хотелось узнать от вас, как вы ее находите. Я знаю, что вы скоро нанесете ей визит, она уже сейчас трепещет от страха. Может, уже нанесли. Прошу, не откладывайте с ответом, я с нетерпением жду подробнейшего письма. Вы помните, какие считаные минуты я провел в Рэндаллсе и в каком смятенном, безумном состоянии — я и сейчас не лучше. Я сам не свой — то ли от счастья, то ли от горя. Когда я думаю о том, сколько доброты и милости мне выказывают, о ее совершенстве, ее терпении, о великодушии моего дядюшки — то я вне себя от радости! Но когда я вспоминаю, через что заставил ее пройти, вспоминаю о том, сколь мало я заслуживаю прощения, — я вне себя от гнева. Если бы я только мог вновь с ней увидеться! Но пока что и заговорить об этом не смею. Дядюшка и так был ко мне слишком добр… Но на этом я не могу закончить своего длинного письма. Вы еще не все знаете. Вчера я был не в состоянии изложить все подробности связно, но понимаю, что внезапность и в некотором роде несвоевременность, с которой раскрылась наша тайна,

требуют объяснения. Несмотря на то, что, как вы можете догадаться, событие, произошедшее 26-го числа прошлого месяца, открыло для меня счастливейшие возможности, я никогда не позволил бы себе действовать столь торопливо, если бы не особые обстоятельства, — нельзя было терять ни минуты. Я бы и сам постыдился подобной поспешности, а она, со всей ее утонченностью, и подавно. Но выбора не было. Внезапность, с которой она приняла предложение этой женщины… Здесь я был вынужден прерваться, чтобы взять себя в руки и успокоиться. Я немного прогулялся и, надеюсь, достаточно остыл, чтобы достойным образом дописать письмо… Речь пойдет о самом унизительном для меня воспоминании. Мне стыдно за мои поступки. И здесь я вынужден признать, что мое внимание к мисс Вудхаус было в высшей степени предосудительным, ибо оно ранило чувства мисс Ф. Она моего поведения не одобряла, и одного этого должно было быть достаточно… Я оправдывался тем, что это помогает скрыть правду, но ее это не убеждало. Она выказывала свое недовольство. А я думал, что это просто вздор, что она вечно ведет себя чересчур щепетильно и осторожно, даже считал ее холодной. Но она во всем была права. При-

слушайся я к ней, веди я себя прилично, так, как она меня просила, то избежал бы величайшего в моей жизни несчастья… Мы поссорились… Вы помните то утро в Донуэлле? Тогда-то и достигли высшей точки все накопленные мелкие разногласия. Я опоздал и по дороге встретил ее, когда она возвращалась домой. Я хотел ее проводить, но она мне не позволила. Она наотрез отказалась от моего предложения, а я решил, что она просто зря упрямится. Теперь-то я понимаю, что она вполне естественно желала действовать с последовательностью и осмотрительностью. В одну минуту я, стараясь всех обмануть, совершенно очевидно ухаживаю за другой, а в следующую — прошу ее согласиться на поступок, который перечеркнет все наши предосторожности… Если бы нас увидели вместе по дороге из Донуэлла в Хайбери, то, несомненно, заподозрили бы правду. Но меня ее отказ разгневал. Я усомнился в ее чувствах. И усомнился еще более на следующий день, во время поездки на Бокс-Хилл, когда в ответ на мое недопустимое поведение, мое постыдное, надменное пренебрежение ею, мое явное внимание к мисс В., которого не вынесла бы ни одна разумная женщина, она совершенно ясно высказала свое возмущение. Словом, она

в этой ссоре была не виновата, я же повел себя отвратительно. В тот же вечер я уехал в Ричмонд, хотя мог остаться с вами до утра, просто из-за того, что ужасно на нее сердился. Даже тогда мне хватало ума ждать примирения, но я сильно обиделся, оскорбился ее холодностью и уехал, решив, что это она должна делать первый шаг к примирению… Я буду вечно благодарен судьбе за то, что вас не было с нами на Бокс-Хилл. Если бы вы видели, как я тогда себя вел, то навсегда бы лишили меня своего расположения. На ней эти события сказались немедленно: только узнав, что я и в самом деле покинул Рэндаллс, она согласилась на предложение этой назойливой миссис Элтон, чье обхождение с мисс Ф., кстати сказать, всегда вселяло в меня негодование и отвращение. Не пользуйся я сам бесконечным терпением моих друзей, я бы решительно возмутился, как они могут выказывать столько терпения по отношению к сей особе. «Джейн»! Подумать только! Прошу заметить, что даже в сем письме и разговорах с вами я ни разу не позволил себе подобной вольности. А теперь представьте мои чувства, когда я услышал, как Элтоны совершенно бестактно треплют это имя к месту и не к месту, наглейшим образом воображая, будто в чем-то ее превос-

ходят. Прошу, потерпите еще немного, я почти дописал… Так вот, она приняла ее предложение, решилась полностью разорвать со мною все связи и на следующий день написала, что больше мы с ней никогда не увидимся. Что эта помолвка принесла нам обоим лишь сожаления и несчастья, и она ее расторгает. Ее письмо пришло в то самое утро, когда скончалась моя бедная тетушка. Я тотчас же на него ответил, но в голове у меня творился беспорядок, на меня разом навалилось множество дел, и вместо того, чтобы отправить свой ответ с кипой остальных писем, я запер его в ящик стола. Я был совершенно уверен, будто написал все, что следовало написать, чтобы ее успокоить… Я расстроился, что она ничего мне не ответила, но как-то это себе объяснил. Я был чересчур занят и — чего греха таить — рад новым возможностям, чтобы насторожиться. Мы отправились в Виндзор, а через два дня я получил от нее посылку — она вернула мне все мои письма! К ней была приложена записка, в которой она выражала свое крайнее удивление тем, что я и строчки ей не ответил, и добавляла, что молчание в подобном случае невозможно истолковать двусмысленно, что для нас обоих желательно как можно скорее покончить со всем этим делом, что

она возвращает мне посылкой все мои письма и просит, чтобы я тоже отправил ее письма либо до конца недели по адресу в Хайбери, либо после этого по адресу такому-то к миссис Смолридж, недалеко от Бристоля. Я вспомнил сие имя и сие место, я знал все об этом предложении и сразу понял, что она задумала. Сей решительный поступок был полностью в ее характере, а то, что она ничего не сообщила о нем в своем предыдущем письме, лишний раз свидетельствовало о ее бескорыстной нежности. Сие могло бы выглядеть как угроза, а она ни за что на свете не хотела мне угрожать… Представьте же мое потрясение! Представьте, как я проклинал почту, пока не обнаружил, что сам во всем виноват!.. Что же мне было делать? Оставалось одно — поговорить с дядюшкой. Без его благословения я и не смел надеяться, что меня выслушают. Я все ему рассказал, обстоятельства мне благоприятствовали: последние события усмирили его гордыню, и он — даже скорее, чем я ожидал, — уступил, дал свое полное согласие и напоследок — бедный! — пожелал, чтобы я обрел в браке такое же счастье, как и он. Но думаю, мой брак будет все же несколько иным… Вы, верно, готовы пожалеть меня за то, что я пережил, пока открывался ему, пока ждал

его ответа, пока решалась моя судьба? Но нет, не жалейте меня сейчас. Подождите, пока не узнаете, как я примчался в Хайбери и увидел, что сделалось с нею по моей вине. Пока не узнаете, какие чувства я испытал, увидев ее, слабую и измученную… Я прибыл в Хайбери к тому часу, когда, судя по их привычке поздно завтракать, мог надеяться застать ее одну… Мои надежды оправдались, как оправдались и те надежды, ради которых я приехал. Мне стоило больших усилий расправиться с ее вполне справедливым недовольством. Но теперь все позади. Мы помирились, стали дороже, куда дороже друг другу и больше никогда не позволим ни одной ссоре разлучить нас. Вот теперь я могу наконец закончить свое письмо. Я бесконечно вам благодарен за всю вашу доброту и еще больше благодарен за то внимание, которое ваше сердце подскажет вам оказать ей. Если вы сочтете, что я несколько счастливее, чем того заслуживаю, то знайте, что я совершенно с вами согласен… Мисс В. зовет меня баловнем судьбы. Надеюсь, она права… В одном отношении судьба и впрямь ко мне благосклонна, ибо я имею право подписаться как

Ваш преданный и любящий сын,
Ф. К. Уэстон-Черчилль

Глава XV

Письмо не могло не тронуть Эмму за душу. Несмотря на прежнюю свою предубежденность, она, как и предсказывала миссис Уэстон, отдала ему должное. Как только она дочитала до первого упоминания собственного имени, устоять было невозможно: каждая строчка представляла интерес, каждое слово доставляло удовольствие. Когда же Эмма дочитала до того места, где речь шла уже не о ней, письмо сохранило свою привлекательность: теперь к ней вернулась прежняя симпатия к его автору, а история любви обретала особую прелесть в свете последних событий ее жизни. Она прочла все письмо не отрываясь. Он, разумеется, был виноват, но куда меньше, чем она прежде предполагала. Фрэнк Черчилль так страдал, так сожалел о содеянном, так благодарил миссис Уэстон, так сильно любил мисс Фэрфакс, что невозможно было оставаться к нему суровой. Душа Эммы была переполнена счастьем, и войди он сейчас в комнату, она, несомненно, горячо пожала бы ему руку.

Письмо столь ее впечатлило, что, когда опять пришел мистер Найтли, она захотела, чтобы он

тоже его прочитал. Эмма не сомневалась, что миссис Уэстон была бы рада им поделиться, особенно с кем-то вроде мистера Найтли — человека, который видел в поведении мистера Фрэнка Черчилля столько предосудительного.

— С удовольствием на него погляжу, — сказал мистер Найтли, — вот только оно, кажется, длинное. Прочту его дома, верну вам завтра.

Но так никуда не годилось. Вечером собирался зайти мистер Уэстон, и письмо следовало отдать ему.

— Я бы лучше провел время за разговором с вами, — ответил он, — но раз уж того требует справедливость, то придется прочесть.

Мистер Найтли начал читать и почти сразу же оторвался:

— Предложил бы мне кто-то прочесть письмо сего джентльмена к мачехе пару месяцев назад, я не взял бы его с таким безразличием.

Он продолжил читать, а затем с улыбкой заметил:

— Хм! Пышное начало. Впрочем, в его духе. Каждый пишет по-своему. Не будем судить его строго.

Через некоторое время он добавил:

— Я сразу буду делиться своими мыслями, пока

читаю. Хотя бы буду чувствовать, что я сейчас с вами. Тогда не так жаль будет потерянного времени, но если вы против…

— Отнюдь. С удовольствием послушаю.

Мистер Найтли продолжил читать уже с бóльшим рвением.

— Вот здесь он лукавит, — сказал он, — когда пишет об искушении. Знает, что был неправ, вот и не может ничем оправдать… Плохо. Не стоило вообще заключать подобную помолвку… «Унаследовал склонность отца…» — это он несправедлив. Жизнерадостный нрав мистера Уэстона всегда помогал ему в его честных и благородных начинаниях, однако мистер Уэстон сам добился своего нынешнего счастья и полностью его заслужил… А вот это верно — он явился, только когда приехала мисс Фэрфакс.

— И я прекрасно помню, — сказала Эмма, — как вы твердили, что он мог бы приехать и раньше, если бы только захотел. Вы очень благородно сейчас об этом не упоминаете, но вы были совершенно правы.

— Эмма, я тогда был несколько пристрастен… и все же думаю, даже если бы дело не касалось вас, я бы все равно ему не доверял.

Когда мистер Найтли дошел до упоминания

мисс Вудхаус, то счел своим долгом прочесть все, что касалось нее, вслух, то бросая взгляд или улыбку, то покачивая головой, то соглашаясь или возражая, то просто роняя ей какую-нибудь нежность. Наконец он крепко задумался и затем серьезно заключил:

— Очень это плохо… хотя могло бы быть и хуже… Он играл с огнем и слишком многому за свое оправдание обязан… Плохо рассудил свое обхождение с вами… Все время принимал желаемое за действительное и руководствовался лишь собственным удобством… Вообразил, будто вы разгадали его тайну. Естественно! У самого на уме один обман, вот по себе других и судит… Тайны, уловки — как они затмевают рассудок! Эмма, милая, разве не доказывает все это лишний раз, как прекрасно, что мы-то друг с другом честны и искренни?

Эмма согласилась, но при мысли о Харриет покраснела — тут она честной и искренней быть не могла.

— Читайте дальше, — сказала она.

Он продолжил, но вскоре снова прервался:

— А, фортепиано! Вот уж действительно поступок юнца, мальчишки, не способного оценить, что неудобства от сего жеста больше, чем удо-

вольствия. Настоящее ребячество! Не понимаю, как возможно делать женщине подарок в доказательство своей любви, если прекрасно знаешь, что она предпочла бы обойтись без него. Он ведь сам говорит, что она никогда бы подобного не позволила.

После этого он некоторое время читал не прерываясь, а лишь бросая попутно одно-два слова. Признание Фрэнка Черчилля в собственном постыдном поведении заставило его отозваться:

— Сэр, я с вами совершенно согласен. Вам есть за что стыдиться. Что правда, то правда.

Прочитав строки, в которых говорилось о причинах их размолвки и его упорном желании вести себя, не считаясь с мнением Джейн Фэрфакс, мистер Найтли высказался еще раз:

— Недостойное поведение… Он вынудил ее, ради собственного же блага, поставить себя в крайне затруднительное и неприятное положение, а значит, должен был беречь ее от лишних страданий и почитать это своим главным долгом… Должно быть, ей было гораздо труднее, чем ему, вести тайную переписку. Он должен был уважать все ее возражения, даже самые неразумные — впрочем, таких у нее и не было. Вспомним: она совершила лишь одну ошибку — согласилась

на тайную помолвку, — а понесла за этого столь суровое наказание.

Эмма знала, что он почти дочитал до поездки на Бокс-Хилл, и ей стало не по себе. Как ужасно она себя тогда повела! Пылая от стыда, она со страхом ждала, что он дальше скажет. Однако эту часть письма мистер Найтли прочитал спокойно, внимательно и тихо, бросив на нее лишь один очень быстрый взгляд. Он боялся причинить ей боль и, кажется, решил полностью забыть тот день.

— Да уж, о чувстве такта наших славных Элтонов и говорить нечего, — вскоре продолжил он. — Понимаю его чувства… Что! Она решилась полностью с ним разорвать!.. Писала, что сия помолвка принесла обоим лишь сожаления и несчастья, и она ее расторгает… Понятно, что она думала о его поведении!.. М-да, он воистину самый…

— Нет-нет, дальше читайте… Вы увидите, он тоже много страдал.

— Очень на это надеюсь, — холодно отозвался мистер Найтли, возвращаясь к письму. — Смолридж?.. Что? О чем это?

— Она согласилась поступить гувернанткой к миссис Смолридж, близкой подруге миссис Элтон, их соседке в Мейпл-Гроув. Интересно, кстати, как

миссис Элтон переносит сие разочарование…

— Эмма, подождите, пока я не дочитаю… ни о слова о миссис Элтон. Одна страничка осталась. Ну и понаписал же он тут!

— Жаль, что вы совсем ему не сочувствуете.

— Ну, должен признать, чувство у него есть… Кажется, ему и впрямь было больно видеть, что с нею сталось… Не сомневаюсь, он питает к ней самые нежные чувства. «Стали дороже друг другу». Надеюсь, он надолго запомнит цену подобному примирению… На благодарности он, смотрю, не скупится: то тысячами раздает, то десятками тысяч… «Счастливее, чем того заслуживаю». Тут он не соврал. «Мисс Вудхаус зовет меня баловнем судьбы». Вот как? Неужели, мисс Вудхаус?.. Красивая концовка — ну вот и все письмо. «Баловень судьбы»! Так, значит, вы его прозвали?

— Кажется, вам письмо понравилось меньше, чем мне. Но теперь вы хотя бы — во всяком случае, я на сие надеюсь — лучшего о нем мнения. Возможно, и в ваших глазах оно сослужило ему добрую службу.

— Да, безусловно. У него имеются большие недостатки: неосмотрительность и легкомыслие. И правильно он говорит, что счастья своего не заслужил. Но поскольку он, несомненно, очень

любит мисс Фэрфакс и вскоре, надеюсь, свяжет с нею всю свою жизнь, то я вполне склонен верить, будто он исправится и научится от нее и твердости характера, и верности принципам. А теперь позвольте переменить предмет разговора. Меня сейчас занимает совсем другой человек, не могу больше думать о Фрэнке Черчилле. Эмма, я сегодня с самого утра размышляю вот о чем.

И мистер Найтли простым, безыскусным и благородным языком, которым говорил даже с любимой женщиной, поведал, что думы его коснулись того, как им пожениться, не нарушив при том счастливый покой ее отца. Эмма уже знала свой ответ. Покуда ее любимый батюшка жив, никаких перемен быть не может. Она никогда его не бросит. Однако мистера Найтли такой ответ устроил лишь отчасти. Он тоже прекрасно понимал, что ни в коем случае нельзя оставлять мистера Вудхауса одного, но вот по поводу перемен согласиться не мог. Он очень долго и основательно думал над этим вопросом: сначала надеялся уговорить мистера Вудхауса переехать с Эммой в Донуэлл, но, увы, прекрасно зная характер мистера Вудхауса, быстро понял, что это лишь несбыточные мечты, и признался Эмме, что подобное перемещение может существенно

навредить не только душевному спокойствию мистера Вудхауса, но и вообще его здоровью, а этого нельзя допускать ни в коем случае. Да чтобы мистера Вудхауса разлучить с Хартфилдом!.. Нет, об этом не может быть и речи. Но затем мысль подсказала ему новый план, который, как он полагает, не вызовет у его дражайшей Эммы никаких возражений: он сам переедет в Хартфилд. Покуда благополучие — а иными словами, жизнь — ее батюшки зависит от того, где живет его любимая Эмма, то пускай живет в Хартфилде, а он, мистер Найтли, готов следовать за нею.

Мысли о том, чтобы им всем вместе жить в Донуэлле, Эмму тоже посещали. Как и мистер Найтли, она очень быстро их отвергла, однако озвученное только что решение ей в голову не приходило. Они осознавала, что это предложение ясно свидетельствует о его бесконечной любви. Покинув Донуэлл, мистер Найтли пожертвует правом свободно распоряжаться собственным временем и привычками. Живя с ее отцом, в чужом доме, он должен будет с очень и очень многим мириться. Эмма пообещала, что обо всем подумает, и посоветовала подумать и ему, однако он был совершенно убежден, что никакие размышления не изменят его желания и его мнения

на этот счет. Мистер Найтли заверил ее, что и так уже все долго и тщательно обдумал и что даже целое утро избегал Уильяма Ларкинса, чтобы полностью погрузиться в сии мысли.

— А! Вот и непредвиденное затруднение! — воскликнула Эмма. — Уверена, Уильям Ларкинс будет недоволен. Вы у него сначала разрешения спросите, а потом уже возвращайтесь ко мне.

Тем не менее она обещала обо всем подумать и даже настроить себя на решение в пользу такого плана.

Примечательно, что ни разу Эмма в своих мыслях о Донуэлле не вспомнила о том, какой же удар женитьба мистера Найтли нанесет по наследству ее племянника Генри, чьи интересы она столь ревностно защищала в прошлом. Наверное, ей следовало бы задуматься о возможных угрозах бедному малышу? Но Эмма лишь весело про себя ухмыльнулась, когда с удовольствием обнаружила, что так яростно воспротивилась мысли о женитьбе мистера Найтли на Джейн Фэрфакс или вообще на ком угодно вовсе не потому, что она такая заботливая сестра и тетка.

Чем больше Эмма размышляла над предложением мистера Найтли поселиться после женитьбы в Хартфилде, тем больше оно ей нрави-

лось. Недостатки этого плана для мистера Найтли уже не казались столь существенными, преимущества для нее самой, напротив, возрастали, а совместная их выгода перевешивала все возможные слабые стороны. С таким компаньоном никакое уныние, никакие тревоги не страшны! Как ей посчастливилось, что столь дорогой друг будет рядом с ней в минуту, когда все обязанности и заботы станут печальнее!

Эмма была бы совершенно счастлива, если бы не мысли о бедной Харриет. Все, что сулило радость ей, казалось, неизбежно несло горе ее подруге, которую к тому же следовало теперь отлучить от Хартфилда. Из милосердной предосторожности бедную Харриет нужно держать подальше от того чудесного семейного круга, который совсем скоро образуется у Эммы. Она во всех отношениях проигрывает. Для Эммы ее отсутствие не станет горькой потерей, в их кругу Харриет стала бы лишней. Но с самой бедняжкой судьба обошлась жестоко и обрекла на незаслуженное наказание.

Конечно, со временем мистер Найтли будет забыт, а вернее, его заменит кто-нибудь другой, но произойдет это, пожалуй, не скоро. К тому же сам мистер Найтли, в отличие от мистера Элтона,

вряд ли ей чем-то поможет: он чересчур добр, чуток и внимателен к другим — такой человек всегда будет достоин почитания. Вдобавок не стоит рассчитывать, что даже такая девица, как Харриет, способна влюбиться более трех раз в год.

Глава XVI

Эмма с величайшим облегчением обнаружила, что Харриет и сама не жаждет их встреч. Объяснение оказалось мучительным даже по переписке. А устное было бы бесконечно хуже!

Харриет, как и ожидалось, приняла все без упреков или открытой обиды, но Эмме все-таки показалась в ее письме некая горечь — видимо, и правда им лучше сейчас не видеться. Возможно, ей просто почудилось, однако на такой удар, пожалуй, только ангел не возропщет.

Эмма без труда заручилась приглашением от Изабеллы, и даже предлог выдумывать не пришлось — у Харриет болел зуб. Она и в самом деле хотела — и уже давно — сходить к зубному врачу. Миссис Найтли была в восторге от того, что может чем-то помочь, а любое недомогание открывало путь к ее сердцу. И хотя зубной врач нравился ей

меньше некоего мистера Уингфилда, Изабелла охотно согласилась принять на себя заботы о Харриет. Уладив таким образом дело с сестрой, Эмма передала ее приглашение подруге, и та сразу же его приняла… Итак, недели на две она ехала в Лондон и брала для того экипаж мистера Вудхауса — все было сначала решено, а затем выполнено. Харриет благополучно добралась до Бранзуик-сквер.

Теперь Эмма могла всей душой радоваться визитам мистера Найтли и разговорам с ним. Больше ее счастье не омрачали ни чувство несправедливости, ни стыд, ни боль от осознания того, что прямо сейчас, совсем рядом с ней ее подруга терзается по ее, Эммы, вине.

Возможно, для Харриет разница между пансионом миссис Годдард и Лондоном была не столь велика, как воображала себе Эмма, но ей хотелось верить, что в Лондоне ее подругу окружают всяческие любопытные дела и развлечения, которые помогут отвлечься от мыслей о прошлом.

Освободив душу от тревог за Харриет, она не позволяла другим заботам занять их место. Ей предстоял разговор, с которым справиться могла только она: надобно было рассказать батюшке о своей помолвке. Однако Эмма решила пока

что это дело отложить. Пускай сначала миссис Уэстон благополучно родит. А до того не стоит зря волновать своих близких да и самой терзаться мыслями о предстоящей беседе. Две недели отдыха и душевного покоя призваны были увенчать все счастливые и от того весьма волнующие события.

Вскоре Эмма, как из чувства долга, так и из собственного желания, решила посвятить полчаса сего блаженного времени визиту к мисс Фэрфакс. Сходство ее положения с нынешним положением самой Эммы усиливало это стремление. Рассказывать свою тайну она не собиралась, но от осознания того, что их ждет одинаковое будущее, ей было интересно послушать все, что может рассказать Джейн.

И Эмма отправилась… Она вспомнила, как уже пыталась навестить Джейн и встретила отпор. В доме же она в последний раз была в то самое утро после поездки на Бокс-Хилл, и Джейн тогда была столь опечалена, что вызвала у Эммы сочувствие, хотя большинство ее страданий были ей еще неизвестны. Опасаясь, что по-прежнему может быть нежеланной гостьей, Эмма, хоть и знала, что хозяйки находятся дома, решила подождать внизу и велела служанке доложить о ней. Она

услышала, как Пэтти объявляет о ее приходе, однако такой суматохи, как в прошлый раз, не последовало. Нет, до нее тотчас же донеслось: «Просите!» — и в следующий миг к лестнице вышла сама Джейн, будто бы иначе такую гостью встречать и нельзя. Никогда еще Эмма не видела ее столь цветущей, очаровательной и прелестной. Участие, воодушевление, теплота — теперь в ее взгляде, в ее движениях было все то, чего прежде недоставало. Она подошла к Эмме и тихо, но с большим чувством сказала:

— Мисс Вудхаус, как вы добры!.. Не могу выразить, что… Поверьте, я… Простите, никак не могу найти слов.

Эмма обрадовалась и уже готова была сама найти все нужные слова, как вдруг из комнаты донесся голос миссис Элтон, и ей пришлось свести все свои дружеские чувства и поздравления к теплому и искреннему рукопожатию.

В комнате сидели миссис Бейтс и миссис Элтон. Мисс Бейтс вышла, потому-то и стояла такая тишина. Лучше бы, конечно, миссис Элтон тут вообще не было, но Эмма была в таком хорошем настроении, что твердо решила вытерпеть кого угодно. К тому же миссис Элтон удивительно любезно с ней поздоровалась, вселив надежду,

что сия случайная встреча пройдет спокойно.

Весьма скоро Эмма поняла ход мыслей миссис Элтон и причину ее не менее приподнятого, чем у самой Эммы, настроения: мисс Фэрфакс посвятила ее в свою тайну, а та вообразила, что теперь единственная все знает. Эмма сразу это увидела по ее выражению лица, а пока осведомлялась о здоровье миссис Бейтс и делала вид, что слушает ответы доброй старушки, заметила, как миссис Элтон с загадочным и торжественным видом складывает в лиловый с золотым ридикюль письмо, которое, по всей видимости, до этого читала вслух мисс Фэрфакс.

— В другой раз дочитаем, — сказала она, многозначительно кивая. — Уж нам-то с вами долго случая ждать не придется. Главное вы услышали. Я лишь хотела вас заверить, что миссис Смолридж принимает ваши извинения и не держит зла. Как она чудесно пишет! О! Прелестное создание! Вы бы в ней души не чаяли… Впрочем, ни слова более. Мы же не хотим раскрывать… Ведем себя как обычно… Тс!.. Помните строки — забыла, кто написал:

Когда заходит речь о даме,

Иными можно пренебречь вещами…[18]

А в нашем случае, дорогая, слово «дама» следует заменить на… но тс! Молчание — золото… Что-то я сегодня воистину развеселилась! Но хочу вас успокоить: по поводу миссис С. можете не волноваться… В моем изложении рассказ ее успокоил.

Стоило Эмме немного повернуть голову к миссис Бейтс и ее вязанию, как она тут же полушепотом добавила:

— Заметьте, имен я не называла… Ох, такая я осмотрительная — настоящий министр! Никто ничего и не заподозрит.

Сомнений не оставалось. При каждом удобном случае миссис Элтон старалась выставить напоказ, что ей доверен секрет. Сначала они все мирно обсудили погоду, затем здоровье миссис Уэстон, как вдруг миссис Элтон ни с того ни с сего спросила Эмму:

— Мисс Вудхаус, вы не находите, что наш маленький бойкий дружочек чудесным образом исцелился?.. Думаю, следует отдать Перри должное! — тут она бросила на Джейн многозначительный взгляд. — Честное слово, Перри поставил ее на ноги поразительно быстро!.. О!

---

[18] Примечания: 18

Строки из басни английского писателя Джона Гея «Заяц и его друзья».

Видели бы вы — а я-то видела, — как плохо ей было совсем недавно! — тут к Эмме обратилась с чем-то миссис Бейтс, и миссис Элтон продолжила шептать Джейн: — Не станем упоминать, что мистеру Перри помог один молодой лекарь из Виндзора, о нет! Пускай вся слава достается Перри!

— Я давно не имела удовольствия вас видеть, мисс Вудхаус, — вновь заговорила она вскоре. — С нашей поездки на Бокс-Хилл. Замечательный был день. Но чего-то ему все же недоставало. Кажется, не все… вернее, у некоторых на душе было хмуро… Во всяком случае, это мне так показалось, может, я и ошиблась. Но, как бы то ни было, в такое место хочется съездить еще раз. Как вы думаете, может, собраться нам тем же обществом и прогуляться снова на Бокс-Хилл, пока погода еще не испортилась?.. Но обязательно тем же обществом — без единого исключения.

Вскоре пришла мисс Бейтс, и Эмма невольно развеселилась, глядя на ее растерянность: она, видимо, не была уверена, что кому можно рассказывать, и в то же время сгорала от нетерпения рассказать все и всем.

— Благодарю, мисс Вудхаус, вы очень любезны… Невозможно выразить, как… Да, я вполне

понимаю… будущее нашей дорогой Джейн… то есть я имею в виду… Да, чудесным образом поправилась… Как мистер Вудхаус?.. Рада слышать… Я не в силах… Какое приятное общество у нас собралось… Да, очаровательный молодой человек!.. такой друг… Я, конечно, о нашем добром мистере Перри!.. Такое внимание к Джейн!

Затем мисс Бейтс перешла к необычайно — даже для нее — восторженным благодарностям миссис Элтон, и Эмма догадалась, что, отказавшись от их предложения, Джейн обидела чету Элтонов, однако теперь все осталось в прошлом. Несколько реплик громким шепотом подтвердили эту догадку. Затем уже громче миссис Элтон сказала:

— Да, друг мой, пришла вот и сижу у вас уже столь давно, что в любом другом месте вынуждена была бы принести свои извинения. Но дело в том, что я жду своего господина и повелителя. Он обещал зайти за мной и засвидетельствовать вам свое почтение.

— Как! Неужели мы будем иметь удовольствие видеть у себя мистера Элтона?.. Как это любезно! Джентльмены ведь терпеть не могут утренних визитов, а у мистера Элтона к тому же всегда столько дел…

— Верно, верно, мисс Бейтс. Он с утра до ночи весь в делах. Люди к нему все идут и идут, то по одному делу, то по другому… То мировые судьи, то попечители бедных, то церковные старосты — все они идут к нему за советом. Как будто без него совсем ничего не могут. Я ему все время говорю: «Честное слово, мистер Э., хорошо, что ко мне не приходят. Не знаю, что сталось бы с моей живописью и моей музыкой, ежели бы у меня было столько просителей». Я их и без того непростительно забросила. Две недели уже к инструменту не подходила… Так вот, он придет, уверяю вас, он очень хотел нанести вам визит. — И, прикрыв от Эммы рот ладонью, шепотом добавила: — Поздравительный визит. Да-да! Как же без этого.

Мисс Бейтс просияла от счастья!

— Он обещал, что зайдет за мной сразу как освободится от Найтли. Они вдвоем о чем-то совещаются… Мистер Э. у Найтли — правая рука.

Эмма подавила улыбку и лишь спросила:

— Мистер Элтон отправился в Донуэлл пешком?.. Жаркая будет прогулка.

— Нет-нет! Они в «Короне» собираются, как и всегда. Уэстон и Коул тоже там, но обычно упоминают только о тех, кто собранием руководит… Полагаю, мистер Э. и Найтли всегда все решают

по-своему.

— Не ошиблись ли вы днем? — спросила Эмма. — Я почти уверена, что собрание в «Короне» должно быть завтра… Мистер Найтли вчера был в Хартфилде и, кажется, про субботу говорил.

— Нет-нет! Определенно сегодня, — резко оборвала ее миссис Элтон — разве может она ошибаться? — а затем продолжила: — Думаю, столь трудного прихода больше нигде нет. В Мейпл-Гроув мы ни о чем подобном даже не слышали.

— Приход там маленький, — заметила Джейн.

— Честное слово, дорогая, понятия не имею, потому что я и не слышала ни разу подобных разговоров.

— Однако тому есть свидетельство, вы ведь рассказывали мне про школу, где попечительствуют ваша сестра и миссис Брэгг: она маленькая — всего двадцать пять детей, — и другой в приходе нет.

— Ах, умница вы моя! И правда. Какая светлая головка! Представьте, Джейн, какое бы совершенное создание получилось, если нас с вами сложить вместе. Мою бы живость да вашу серьезность — и получился бы такой идеал! Впрочем, кое-кто уже и без того считает вас идеалом… Но

тс! Об этом ни слова.

Непонятно, зачем было нужно это предостережение, ибо Джейн явно хотела продолжить разговор не с миссис Элтон, а с мисс Вудхаус. Ее желание уделить внимание Эмме, хотя бы даже из приличия, было очевидным, однако приходилось ограничиваться взглядами.

Пришел мистер Элтон. Супруга приветствовала его с веселым задором.

— Хороши же вы, сэр, право слово! Отправили меня сюда досаждать друзьям, а сами все не идете и не идете!.. Но я, ваша покорная раба, и с места не сдвинусь, пока не явится мой господин и повелитель… Вот и сижу тут добрый час, подаю юным девицам пример истинного супружеского послушания, а то ведь как знать, как скоро он им пригодится?

Но мистер Элтон так устал от жары, что острила она напрасно. Едва засвидетельствовав дамам свое почтение, он тут же принялся жаловаться на измучившую его жару и напрасную прогулку.

— Когда я пришел в Донуэлл, — сказал он, — Найтли дома не было. Очень странно! Непостижимо! Я ведь отправил ему утром записку, а он ответил, что до часу дня будет дома.

— В Донуэлл! — вскричала его жена. — Дорогой

мой мистер Э., ну какой же Донуэлл!.. Вы хотели сказать: в «Корону». Вы ведь только что были на встрече в «Короне».

— Нет-нет, это завтра. Поэтому я и хотел увидеть Найтли сегодня… Ну и жара нынче!.. Я еще и полями шел, — с большой обидой добавил он, — а там солнце даже хуже. И это чтобы не застать его дома! Я очень недоволен. Никакого извинения, никакой записки. Экономка заявила, мол, и понятия не имела, что я приду… Удивительно!.. И никто не знает, куда он ушел. Может, в Хартфилд, может, в Эбби-Милл, а может, в лес… Мисс Вудхаус, это совсем не в духе нашего друга Найтли!.. Не знаете, чем это объяснить?

Эмма развеселилась, но вслух ответила, что и правда весьма это удивительно и что ей нечего сказать в его оправдание.

— Представить не могу, — как и полагается верной супруге, вознегодовала миссис Элтон, — как он мог так с вами поступить! С вами! Да как можно забыть о вас!.. Мой дорогой мистер Э., я уверена, что он оставил вам записку. Даже для Найтли подобная выходка — это слишком. Прислуга просто забыла вам ее передать. Будьте уверены, так все и было. От донуэллской прислуги и не такого жди: я уже заметила, они все

рассеянные разгильдяи. Я бы такого буфетчика, как его Гарри, держать не стала. Да и эту миссис Ходжес наша Райт вовсе не жалует… Обещала ей тогда рецепт, а так и не прислала.

— Я по пути встретил Уильяма Ларкинса, — продолжал мистер Элтон, — и он сказал мне, что хозяина нет дома, а я не поверил… Уильям что-то не в духе. Говорит, не знает, что стряслось с хозяином в последнее время, мол, от него и слова не добьешься. Уж не знаю, какие там заботы у Уильяма, но мне самому было чрезвычайно важно увидеться с Найтли сегодня, и потому особенно неприятно, что я шел по такой жаре впустую.

Эмма поняла, что лучше сейчас поспешить домой — вероятнее всего, ее там ждут. Возможно, она поможет мистеру Найтли сохранить добрые отношения хотя бы с мистером Элтоном, если уж не с Уильямом Ларкинсом.

К ее удовольствию, мисс Фэрфакс решила проводить ее из комнаты и даже вниз до дверей, и Эмма поспешила воспользоваться этим случаем:

— Может, и хорошо, что я не застала вас одну. Не будь вы окружены другими друзьями, я бы непременно поддалась искушению и заговорила на известную тему, стала бы задавать вопросы и высказываться более откровенно, чем следует…

Да, наверняка я бы стала вмешиваться не в свое дело.

— О нет! — вскричала Джейн, краснея и запинаясь. Эмма подумала, что такая открытость ей гораздо больше к лицу, чем прежняя утонченная сдержанность. Она продолжила: — Нет, вы бы ничуть не мешались. Я бы сама вам надоела своими разговорами. Выразив интерес, вы бы мне чрезвычайно польстили… Поверьте, мисс Вудхаус, — продолжила она уже более сдержанно, — я сознаю, как я провинилась — как сильно я провинилась, — и для меня особенно утешительно, что те мои друзья, чье доброе мнение я ценю больше всего, не презирают меня до такой степени, что… Мне не хватит времени сказать и половины того, что я бы хотела. Я страстно желаю повиниться, объясниться и хоть как-то оправдаться. Это мой долг. Но, к сожалению… Словом, если ваше сочувствие не…

— Ох, вы к себе слишком суровы! — горячо воскликнула Эмма, беря ее за руку. — Прошу, не извиняйтесь. Все, перед кем вы, по-вашему, провинились, очень за вас рады и так счастливы, что…

— Вы ко мне слишком добры, я-то помню, как держалась с вами… Столь холодно и неестествен-

но!.. Мне все время надо было притворяться… Постоянно обманывать!.. Я знаю, что не могла не внушить вам отвращения.

— Прошу, больше ни слова. В этом должна извиняться лишь я. Давайте же все друг другу простим. Не будем терять ни минуты, прислушаемся к собственным чувствам. Из Виндзора, надеюсь, добрые вести?

— Весьма.

— И совсем скоро, полагаю, вы нас покинете… а я только начала узнавать вас получше.

— Ах, об этом думать еще рано! Я буду здесь, пока не вернутся полковник и миссис Кэмпбелл.

— Планов, вероятно, пока что быть не может, — с улыбкой предположила Эмма, — но, позвольте, думать о них никогда не рано.

Джейн улыбнулась в ответ:

— Вы, несомненно, правы: они уже занимали мои мысли. Признаюсь вам — знаю, что могу на вас положиться, — уже решено, что мы будем жить в Анскоме с мистером Черчиллем. Месяца три продлится глубокий траур, но после этого, полагаю, ничто больше не помешает.

— Благодарю вас! Именно это я и желала услышать… Ах! Если бы вы знали, как я люблю во всем четкость и ясность!.. Ну до свидания, до

свидания!

Глава XVII

Все друзья миссис Уэстон были счастливы узнать, что роды прошли благополучно, а еще больше Эмма радовалась тому, что родилась девочка. Ей уже давно хотелось, чтобы появилась именно малышка мисс Уэстон. Она бы ни за что не признала, что просто хочет в будущем подыскать ей партию среди сыновей Изабеллы, но зато была убеждена, что и отцу, и матери нужна именно дочка. Она станет радовать мистера Уэстона на старости лет — а даже мистер Уэстон когда-нибудь состарится — своими забавами и щебетом, капризами и причудами, и этого ребенка никто у него не отберет. Что же до миссис Уэстон, то не может быть и сомнений, что дочка ей подходит гораздо лучше, к тому же как было бы жалко, если бы ее учительский талант пропал даром.

— Ей повезло испытать свои силы на мне, — говорила Эмма, — как у баронессы д'Альман на графине д'Осталис из «Адели и Теодора» мадам де

Жанлис[19], и теперь свою собственную дочурку она воспитает по более совершенной системе.

— Значит, — отозвался мистер Найтли, — она станет баловать ее пуще вашего, но считать при этом, что не балует вовсе.

— Бедняжка! — воскликнула Эмма. — Что же с ней тогда станется?

— Ничего страшного. То же, что и с тысячами других. В детстве она будет невыносима, но с возрастом исправится. Я, милая моя Эмма, с некоторых пор не так строг к избалованным детям, иначе это было бы несколько несправедливо — я ведь своим счастьем вам обязан.

Эмма рассмеялась и заметила:

— Но ведь ваша строгость и послужила мне лекарством от всеобщего потворства. Сомневаюсь, что смогла бы исправиться без вас.

— Сомневаетесь? А я нет. Природа одарила вас разумом, а мисс Тейлор научила принципам. Вы бы отлично справились и сами. Мое вмешательство могло в равной степени как помочь вам, так и навредить. Вам вполне естественно было бы задаться вопросом: какое право он имеет меня поучать? И боюсь, вполне естественно было

---

[19] Примечания: 19

Мадам де Жанлис — французская писательница, автор популярных педагогических романов.

бы заметить, что делал я это грубовато. Нет, не думаю, что я вам чем-то помог. Я помог самому себе, ведь вы стали предметом моей нежнейшей заботы. Я столь много о вас думал, что полюбил и вас и все ваши недостатки, а выискивая ошибки, влюбился, еще когда вам было лет тринадцать.

— Уверена, вы мне очень помогли, — возразила Эмма. — Вы часто возвращали меня на путь истинный — чаще, чем я смела себе признаться. Уверяю, от вашей строгости было много пользы. И если малютку Энн Уэстон будут баловать так же, то вам следует помочь и ей, разве что, пожалуйста, не влюбляйтесь.

— А сколько раз вы, бывало, в детстве подойдете ко мне и дерзко объявите: «Мистер Найтли, я собираюсь сделать то-то и то-то, папа мне разрешил», — или: «Мисс Тейлор сказала, что можно». И всякий раз, когда знали, что мне это не понравится. В подобных случаях мое вмешательство только удваивало вашу злость.

— Каким милым я была ребенком!.. Неудивительно, что вы до сих пор все это помните.

— «Мистер Найтли» — так вы меня всегда называли. «Мистер Найтли». Я уже настолько к сему обращению привык, что оно совсем не кажется мне официальным… И все же оно официальное.

Мне бы хотелось, чтобы вы звали меня иначе, но я не знаю как.

— Помню, как-то раз я сказала вам «Джордж» — чтобы позлить. Я думала, вы обидитесь, но вы ничего не сказали, и больше я к вам так не обращалась.

— А теперь вы можете называть меня Джорджем?

— Ни в коем случае!.. Я всегда смогу называть вас только «мистер Найтли». Не стану даже обещать, что последую изысканной краткости миссис Элтон и начну обращаться к вам «мистер Н.»... Но могу пообещать, — добавила она, посмеиваясь и краснея, — что уж один раз точно назову вас по имени — в стенах, где наши руки навсегда соединят, чтобы любить друг друга и в горе, и в радости.

Эмме было горько, что она не может воздать ему должное за еще одну услугу, еще один совет, который мог бы уберечь ее от всех ее женских глупостей, от безрассудной дружбы с Харриет Смит. Но это был вопрос весьма щекотливый. Она не решалась его поднять. О Харриет в своих разговорах они почти не вспоминали. Вполне возможно, что мистер Найтли просто о ней и не думал, но Эмма скорее приписывала его молчание такту:

вероятно, некоторые признаки подсказывали ему, что ее дружбе с Харриет скоро придет конец. Эмма и сама понимала, что окажись они в разных городах при других обстоятельствах, то наверняка переписывались бы больше. Теперь же все сведения она получала почти исключительно от Изабеллы. Возможно, мистер Найтли сие заметил. Необходимость скрывать что-то от него мучила Эмму немногим меньше сознания, что это по ее вине Харриет несчастлива.

Из писем Изабеллы она узнала, что у ее гостьи, как и следовало ожидать, все прекрасно: поначалу та была не в духе, что вполне объяснялось волнением перед визитом к зубному врачу, и как только дело было завершено, Харриет снова стала такой же, как и прежде. Правда, Изабеллу наблюдательной назвать было трудно, но все же, не будь гостья в силах играть с детьми, она бы это сразу заметила. Утешило и обнадежило Эмму и другое известие: Харриет предстоит остаться в Лондоне подольше, речь теперь шла не о двух неделях, а о месяце. В августе мистер Джон Найтли с женой собирались приехать в Хартфилд и предложили Харриет остаться до тех пор, а вернуться с ними.

— Джон о вашей подруге ничего не пишет, —

сказал мистер Найтли. — Вот его письмо, если вам интересно.

В прошлом письме мистер Найтли сообщил брату, что намерен жениться, и Эмме не терпелось узнать его ответ. Новость о том, что о Харриет в письме нет ни слова, ее не остановила, и она с охотой принялась за чтение.

— Джон по-братски рад за мое счастье, — продолжил мистер Найтли, — но поздравлять не умеет. И хотя вас он тоже, я знаю, по-братски любит, всякие цветистые речи ему чужды. Любая другая на вашем месте сочла бы, что он ее недохвалил. Но вам я показать его ответ не боюсь.

— Он пишет разумные вещи, — сказала Эмма, прочитав письмо. — Я ценю его искренность. Он совершенно ясно утверждает, что повезло в этой помолвке исключительно мне, и надеется, что со временем я заслужу вашу любовь. Если бы он высказал иное мнение, я бы ему не поверила.

— Милая моя Эмма, он не это имел ввиду. Он только говорит, что…

— В этом мнении мы с ним совпадаем, — улыбаясь, спокойно перебила она. — И если бы мы откровенно и без церемоний об этом поговорили, то он бы понял, что наши взгляды ничуть не различаются.

— Эмма, милая моя Эмма…

— О! — уже веселее прибавила она. — Если вам кажется, будто ваш брат ко мне несправедлив, подождите, когда мой батюшка все узнает. Вот уж поверьте, вас оценят еще менее справедливо. Он будет говорить о том, как же вам, столь недостойному, посчастливилось со мной, столь чудесной. А я тут же стану «бедняжкой Эммой»… Это его глубочайшая степень сочувствия притесненным невестам.

— Ох! — воскликнул он. — Если бы вашего батюшку возможно было так же легко, как Джона, убедить в том, что мы друг друга достойны и что будем счастливы вместе! Одна фраза мне показалась интересной — а вы заметили? — где он пишет, что мое письмо его не слишком удивило, ведь он этого ожидал.

— Если я правильно понимаю, он имеет в виду, что вы, очевидно, подумывали жениться. Про меня он ничего не знал. Эта часть стала для него неожиданностью.

— Да-да, но все-таки удивительно, как он так прочел мои чувства. Из чего он сделал вывод?.. Я, кажется, вел себя как обычно и говорил, как всегда. Нечему было указать, что я нынче более склонен к женитьбе, чем в другое время… Но,

видимо, что-то все-таки имелось. Была во мне перемена, когда я их навещал. Я, кажется, с детьми играл меньше обычного. Мальчишки даже как-то пожаловались: «Опять дядя устал».

Настало время поделиться новостью с другими друзьями и посмотреть, как они ее воспримут. Как только миссис Уэстон оправилась достаточно, чтобы принимать у себя мистера Вудхауса, Эмма, надеясь на свой талант мягкого убеждения, решила объявить о помолвке сначала дома, а затем в Рэндаллсе. Но как все-таки рассказать обо всем отцу!.. Она решила выбрать час, пока мистер Найтли еще не пришел, а иначе в последнюю минуту сердце ее дрогнет, и она снова отложит признание, но все-таки подгадать нужно так, чтобы жених ее тут же появился и помог продолжить разговор. Эмма была обязана все рассказать — и притом веселым тоном. Нельзя своим печальным голосом вызывать у батюшки еще пущее сострадание. Нельзя, чтобы он подумал, будто это какое-то горе… Собравшись с духом, она предупредила отца, что собирается рассказать ему нечто весьма удивительное, и затем в нескольких словах заявила, что, если он даст на то свое согласие и благословение — и даст, она надеялась, без труда, ибо это принесет счастье им всем, — то

они с мистером Найтли хотели бы пожениться, а значит, в Хартфилде появится новый обитатель, которого, как она знает, он любит почти так же, как своих дочерей и миссис Уэстон.

Бедный старик!.. Новость его потрясла, и он принялся изо всех сил пытаться ее отговорить: вновь и вновь напоминал, что она всегда говорила, будто не выйдет замуж, уверял, что незамужней оставаться куда лучше, приводил в пример бедняжку Изабеллу и бедняжку мисс Тейлор… Но все тщетно. Эмма окружила его ласками и улыбками, но твердила, что ничего уж не поделаешь. Она говорила ему, что Изабелла и миссис Уэстон — это совсем иное дело, что брак их из Хартфилда увел, приведя к печальным переменам, она же, наоборот, останется навсегда, а перемены приведут только к лучшему. Она уверена, что, когда он привыкнет к этой мысли, то поймет, что с мистером Найтли жить будет куда веселее. Разве не любит он мистера Найтли? В этом даже нет сомнений! Разве не с ним он советуется каждый раз по своим делам? Кто всегда готов ему помочь, написать за него письма, оказать услугу? Кто всегда так весел, так внимателен, так предан? Разве не прекрасно, что он поселится точно у них под боком?.. Да — был на все ответ. Мистер

Найтли в Хартфилде всегда гость желанный, он рад видеться с ним хоть каждый день!.. но ведь они и так каждый день видятся… Почему бы все не оставить так, как есть?

Мистер Вудхаус не скоро успокоился, но худшее осталось позади: мысль поселилась у него в голове, а время и постоянное повторение помогут ему с нею смириться… К просьбам и заверениям Эммы вскоре присоединился мистер Найтли. Его нежные похвалы в сторону невесты были мистеру Вудхаусу приятны, и вскоре он даже привык, что с ним заводят беседу на эту тему при каждом удобном случае… Немало помогала им Изабелла, которая в письмах к отцу выражала свое горячее одобрение. Миссис Уэстон сразу же принялась представлять все в самом выгодном свете, словно дело это, во-первых, решенное, а во-вторых, несомненно, благое. Она прекрасно знала, что для мистера Вудхауса оба довода одинаково важны. Словом, все, к кому он привык прислушиваться, сходились на одном, и все они твердили, что для него же самого так будет лучше! Мистер Вудхаус и сам сие уже почти готов был признать и начал подумывать, что если когда-нибудь — через годик-другой — свадьба все-таки состоится, то, может, не так уж оно будет и плохо.

Миссис Уэстон ничуть не притворялась и не лукавила, перечисляя мистеру Вудхаусу все достоинства этого союза… Когда Эмма рассказала ей о помолвке, она была чрезвычайно, как никогда, потрясена, но увидела в ней исключительно счастливое будущее, а потому без зазрения совести принялась горячо убеждать в том же мистера Вудхауса… Она так уважает мистера Найтли, что даже считает его достойным ее любимицы Эммы. Это партия во всех отношениях столь подходящая, столь безупречная, а еще в одном крайне важном отношении столь желанная, что теперь кажется, будто на свете другой такой для Эммы и нет вовсе. Удивительно, как глупа она была, что не подумала об этом, не возжелала этого раньше!.. Какой другой мужчина, равный Эмме по положению, согласился бы ради нее оставить свой дом и переехать в Хартфилд? И кто, если не мистер Найтли, так хорошо знает мистера Вудхауса и так прекрасно умеет с ним мириться, что подобные перемены будут даже приветствоваться!.. Всякий раз, когда они с мужем думали о союзе между Фрэнком и Эммой, перед ними вставал вопрос, как же быть с бедным мистером Вудхаусом. Что делать с интересами Анскома и Хартфилда? То была задача не из легких, и, хотя мистера Уэстона

она заботила меньше, даже он мог заключить лишь: «Само как-нибудь уладится. Молодежь! Они-то найдут выход». Теперь же не нужно было отмахиваться или гадать о будущем. Все было правильно, открыто и справедливо. Никому не приходилось ничем жертвовать. Подобный союз обещал всем наивысшее счастье, и ни одной причины противиться ему или откладывать его не было.

Так и размышляла миссис Уэстон, качая на руках свою малютку, и не было в те минуты на свете женщины счастливее. Бóльшую радость вызывали у нее лишь мысли о том, что скоро ее дочурка вырастет из первых чепчиков.

Новость удивляла всех — удивила она и мистера Уэстона, однако благодаря быстроте своего ума он весьма скоро с ней свыкся. Преимущества сего союза были для него очевидны и вызывали не меньше радости, чем у его жены. Впрочем, от удивления очень скоро не осталось и следа — уже через час мистер Уэстон готов был заявить, что он всегда этот брак предвидел.

— Это тайна, я полагаю? — сказал он. — Такие вещи всегда сначала держатся в секрете, а потом оказывается, что все уже давно все знают. Только дайте мне знать, когда об этом можно будет гово-

рить… Интересно, догадывается ли Джейн?

На следующее утро он отправился в Хайбери и сам все узнал. Он рассказал ей новость. Джейн ведь ему как дочь — старшая дочь, верно? Значит, он обязан ей рассказать. Ну а поскольку рядом сидела мисс Бейтс, то почти немедленно о помолвке стало известно и миссис Коул, и миссис Перри, и миссис Элтон. Иного влюбленные и не ожидали: они с удивительной прозорливостью рассчитали, что из Рэндаллса весть быстро разойдется по всему Хайбери и уже к вечеру станет главным предметом семейных разговоров.

В целом все их союз одобряли. Кто-то считал, что больше повезло ему, а кто-то — что ей. Одни готовы были посоветовать им всем поселиться в Донуэлле и оставить Хартфилд семейству Джона Найтли, другие предсказывали ссоры между слугами, но серьезных возражений не возникало ни у кого, за одним исключением. Для дома викария неожиданность оказалась неприятной. Мистер Элтон, по сравнению с женой, принял известие спокойно. Он лишь выразил надежду, что «известная девица наконец потешила свою гордыню», и предположил, что «она всегда хотела подцепить Найтли», а услышав, что все они собираются жить в Хартфилде, воскликнул:

«Хорошо, что на его месте не я!» А вот миссис Элтон расстроилась, и еще как: «Бедный Найтли! Какой кошмар!.. Так не повезло!» Она была чрезвычайно взволнована, ведь несмотря на всю его чудаковатость, у него невероятно много достоинств… Как же он так обманулся?.. Наверняка он и не влюблен вовсе… Бедный Найтли!.. Вот и настал конец их приятному общению… С какой радостью он принимал их приглашения на обед! Но теперь все кончено… Бедняга! Никаких больше прогулок по Донуэллу в ее честь. О нет! Теперь все удовольствие испортит эта миссис Найтли… В высшей степени неприятно! Не жалко даже, что она при ней тамошнюю экономку на днях ругала… И что за затея — жить вместе! К добру не приведет. Знавала она одно семейство недалеко от Мейпл-Гроув, так те месяца три едва продержались и разъехались.

Глава XVIII

Время шло. Совсем скоро должны были приехать гости из Лондона. Предстоящая перемена Эмму беспокоила. Однажды утром она как раз раздумывала, сколько ей предстоит волнений и огорчений, когда вошел мистер Найтли и отвлек

ее от этих тревожных мыслей. Начал он с их обычной приятной беседы, а затем, после некоторой паузы, более серьезным тоном сказал:

— Эмма, мне нужно вам кое-что рассказать. У меня для вас новость.

— Хорошая или плохая? — поспешно спросила она, поднимая на него взгляд.

— Даже не знаю.

— А! Тогда я уверена — хорошая… По вашему лицу вижу. Вы пытаетесь сдержать улыбку.

— Боюсь, — продолжал он, стараясь сохранять строгий вид, — и очень боюсь, дорогая моя Эмма, что вам она понравится меньше.

— Вот как! И почему же?.. Не могу представить, что бы такого могло радовать и забавлять вас, что не порадует и не позабавит меня.

— Есть все-таки один вопрос, но он, надеюсь, и единственный, — ответил мистер Найтли, — на который наши взгляды не совпадают. — Он замолчал, а затем, снова улыбаясь, внимательно посмотрел на нее: — Не догадываетесь?.. Ничего не припоминаете?.. Харриет Смит.

Услышав это имя, Эмма покраснела и, сама не зная отчего, испугалась.

— Разве не пришло вам сегодня утром от нее письмо? — вскричал он. — Да, я знаю, пришло, и

вы уже все знаете.

— Нет, ничего я не знаю. Говорите же, прошу вас!

— Я вижу, вы уже готовы к худшему, так вот вам ваша плохая новость: Харриет Смит выходит замуж за Роберта Мартина.

Эмма вздрогнула — подготовилась она совсем не к такому. Во взгляде ее читалось: «Не может быть!» — однако она не проронила ни слова.

— Да, именно так, — продолжал мистер Найтли. — Роберт Мартин мне сам об этом рассказал. Он полчаса назад ко мне заходил.

Она по-прежнему смотрела на него в красноречивом изумлении.

— Как я и боялся, милая моя, новость вам пришлась не по нраву… Жаль, что наши взгляды не совпадают. Но со временем это изменится. Время заставит одного из нас переменить мнение, а пока что обсуждать этот предмет надобности нет.

— Вы меня совсем не так поняли, — с трудом заставила она себя ответить. — Дело не в том, что известие меня огорчило, а в том, что я просто не могу в это поверить. Как такое возможно!.. Неужели вы хотите сказать, что Харриет Смит дала согласие Роберту Мартину? Неужели он снова сделал ей предложение? Нет, наверное, вы

хотите сказать, что он собирается его сделать.

— Нет, я хочу сказать, что он его сделал, — с улыбкой решительно ответил мистер Найтли, — и получил ее согласие.

— Боже правый! — вскричала Эмма. — Однако! — и, склонившись над корзинкой с нитками, чтобы скрыть от него восторг и наслаждение, которые наверняка так отчетливо отображались на ее лице, добавила: — Ну, объясните мне теперь все, расскажите все подробности: как, где, когда?.. Все-все хочу знать. Я крайне удивлена, но, уверяю вас, не расстроена… Как… как же такое могло случиться?

— А очень просто. Три дня тому назад он поехал в Лондон по делам, и я отправил с ним бумаги для Джона. Он принес их к нему в контору, а Джон его пригласил в тот же вечер сходить с ними в цирк Эстли. Они как раз туда со старшими собрались: мой брат, ваша сестра, Генри, Джон… и мисс Смит. Мой друг Роберт не устоял. По пути они заехали за ним, в цирке все веселились, а под конец мой брат пригласил Роберта на следующий день отобедать у них. И вот тогда-то, насколько я понимаю, он и улучил удобный случай поговорить с Харриет — и, очевидно, не впустую. Она дала ему согласие, чем вполне

заслуженно осчастливила. Он вернулся вчера, а сегодня сразу же после завтрака явился ко мне, чтобы все доложить о делах — сначала моих, а потом своих. Вот и все, что я могу сообщить по поводу того, как, где и когда. Ваша подруга при встрече расскажет вам все гораздо интереснее меня, в подробностях, поминутно… Так только женщины умеют… Мы, мужчины, говорим лишь о главном… Впрочем, хочу отметить, что сердце Роберта Мартина было настолько переполнено чувствами, что он даже — совершенно непонятно зачем — рассказал, как после представления мой брат помогал выйти жене и Джону, а сам Роберт — мисс Смит и Генри и как на какое-то время они оказались в такой толпе, что мисс Смит даже несколько испугалась.

Он замолчал. Эмма не осмелилась заговорить сразу же. Она была уверена, что иначе выдаст свое необъяснимо беспредельное счастье. Нужно несколько подождать, а то мистер Найтли еще решит, что она сошла с ума. Ее молчание его взволновало и, немного понаблюдав за ней, он добавил:

— Эмма, любимая, вы ведь сказали, что вас это обстоятельство не расстраивает, однако, боюсь, оно все-таки ранило вас больше, чем вы предпо-

лагали. Да, положение у него невысокое, но ведь вашу подругу оно устраивает. И я ручаюсь, что чем ближе вы его узнаете, тем выше станет о нем ваше мнение. Вас порадуют его здравомыслие и его взгляды… Лучшего мужа вашей подруге и пожелать нельзя. Уверяю вас, Эмма, что, будь это в моих силах, я бы даже возвысил его в обществе… Вы смеетесь надо мной из-за Уильяма Ларкинса, но я и без Роберта Мартина едва ли обойдусь.

Мистеру Найтли хотелось, чтобы она подняла на него взгляд и улыбнулась. Эмме наконец удалось слегка подавить свою чересчур широкую улыбку, и она, взглянув на него, весело ответила:

— Не прикладывайте столько усилий, чтобы примирить меня с этим браком. По-моему, Харриет повезло. Его родня, вполне вероятно, выше ее. И уж точно порядочнее. Я лишь онемела от удивления — только и всего. Вы не представляете, как это все неожиданно! Как внезапно! Видите ли, я полагала, что в последнее время она была настроена против него гораздо решительнее, чем прежде.

— Вам лучше знать свою подругу, — отозвался мистер Найтли, — но хочу заметить, что столь добродушной и мягкосердечной девушке очень-очень трудно противиться молодому человеку,

который признается ей в любви.

Эмма не могла не засмеяться:

— Честное слово, вы, по-моему, знаете ее не хуже меня. Однако, мистер Найтли, скажите: вы совершенно точно уверены, что она окончательно приняла его предложение? Не сомневаюсь, что до этого может дойти со временем, но сейчас?.. Вы правильно его поняли?.. Вы ведь и о других делах говорили: о хозяйстве, о выставке скота, о новых плугах… Вы точно не перепутали чего-нибудь?.. Может, речь шла не о руке Харриет, а о ноге какого-нибудь доброго быка?

Разница между мистером Найтли и Робертом Мартином, их чертами и манерами вновь поразила Эмму, тем более что свежи были воспоминания о том, что совсем недавно происходило с Харриет, о том, с каким чувством она говорила: «Нет, теперь-то мне ума хватит даже не взглянуть в сторону Роберта Мартина!» Эмма ждала, что сейчас мистер Найтли скажет, будто в чем-нибудь ошибся. Иначе и быть не могло.

— И вы смеете так говорить? — вскричал он. — Вы смеете принимать меня за такого болвана, который и не разберет, о чем с ним говорят?.. И что с вами после этого делать?

— О! Холить и лелеять, а иного я даже не по-

терплю, и потому дайте мне простой и прямой ответ. Вы совершенно уверены, что правильно понимаете, в каких отношениях теперь состоят мистер Мартин и Харриет?

— Я совершенно уверен, — внятно отвечал он, — что она ответила ему согласием. И рассказал он мне это ясно и недвусмысленно. Вот вам даже доказательство: он спросил у меня совета, что ему делать дальше. Только миссис Годдард, насколько ему известно, может дать какие-то сведения о родных и близких невесты. Знаю ли я кого-нибудь, к кому обратиться будет уместнее? Я уверил его, что не знаю. «Тогда, — говорит, — постараюсь побывать у нее сегодня же».

— Вот теперь я совершенно довольна, — с яркой улыбкой ответила Эмма, — и от всей души желаю им счастья.

— Вы сильно переменились с тех пор, как мы в последний раз говорили об этом предмете.

— Надеюсь, ведь тогда я несла чушь.

— И я тоже переменился — теперь я готов признать все достоинства Харриет. Ради вас и ради Роберта Мартина — который, по-моему, никогда не переставал ее любить — я постарался узнать мисс Смит получше. Я часто и много с ней беседовал. От вас это наверняка не укрылось. Правда,

иногда мне казалось, что вы подозреваете, будто я пытаюсь замолвить словечко за бедного Мартина, чего я, между прочим, никогда себе не позволял. После своих наблюдений я убедился, что она безыскусная, добродушная девушка со здравыми суждениями и понятиями и что она видит счастье в любви и семейной жизни… Многим из этого она, несомненно, обязана вам.

— Мне?! — вскричала Эмма, качая головой. — Ах, бедная Харриет!..

Впрочем, она осеклась и покорно приняла эту не совсем заслуженную похвалу.

Вскоре пришел ее батюшка и положил конец их беседе. Эмма не расстроилась. Ей хотелось побыть одной. В душе у нее все трепетало от изумления, она никак не могла собраться с мыслями. Эмме хотелось танцевать, петь, кричать от радости. Ей нужно было подвигаться, поразмышлять и посмеяться, а иначе ни о каком здравомыслии не могло быть и речи.

Ее отец пришел объявить, что Джеймс пошел закладывать экипаж для их с недавних пор ежедневной поездки в Рэндаллс, чем дал Эмме прекрасный предлог тут же удалиться.

Можно представить, какую радость, какую признательность судьбе, какой совершенный

восторг испытывала она. Благосостояние Харриет избавляло Эмму от единственной беды, от единственной заботы. Она даже побаивалась: а не слишком ли она счастлива? Чего же ей теперь остается желать? Лишь стать достойной своего жениха, который во всех намерениях и суждениях во много раз ее превосходит. Лишь извлечь уроки из своих прежних глупостей и впредь вести себя смиреннее и осмотрительнее.

Но как бы ни были серьезны эти благодарности и обещания, все же время от времени Эмма не могла удержаться от смеха. Ну как над такой развязкой не смеяться? Вот, спустя пять недель, и пришел конец ее горьким чувствам! Что за сердечко — что за Харриет!

Теперь Эмма ждала возвращения подруги с нетерпением. Сколько радости оно принесет! И как счастлива она будет познакомиться с Робертом Мартином.

Не менее радостной была и блаженная мысль, что скоро ей не нужно будет что-либо скрывать от мистера Найтли. Скоро кончатся столь ненавистные ей обманы, недомолвки, тайны. Теперь она с радостью ждала того времени, когда между ними наступит полное и безграничное доверие — долг, к которому так тянулась ее душа.

В самом веселом и счастливом расположении духа ехала Эмма к друзьям, едва ли слушая, что говорит ее батюшка, но все равно во всем с ним соглашаясь. И молча, и вслух она потворствовала его совершенному убеждению в том, что он каждый день обязан навещать Рэндаллс, а иначе бедная миссис Уэстон расстроится.

Они доехали. Миссис Уэстон сидела в гостиной одна, но едва она успела рассказать им о здоровье малышки и одарить мистера Вудхауса весьма желанными благодарностями за приезд, как за зашторенным окном мелькнули две фигуры.

— Это Фрэнк и мисс Фэрфакс, — сказала миссис Уэстон. — Я как раз собиралась рассказать вам, что он приехал сегодня с утра — такой приятный сюрприз! Он останется до завтра, и мы убедили мисс Фэрфакс провести день у нас… Надеюсь, сейчас они зайдут.

Через полминуты чета вошла в комнату. Эмма была чрезвычайно рада видеть Фрэнка, но и он, и она несколько смутились — в обоих были живы постыдные воспоминания. Они поздоровались с радушными улыбками, однако поначалу от неловкости говорили мало. Эмма давно хотела повидать Фрэнка Черчилля, и повидать его вместе с Джейн, однако, когда все уселись, в их круге

чувствовалась такая скованность, что она засомневалась, принесет ли эта встреча желанное удовольствие. Впрочем, когда к ним присоединился мистер Уэстон и когда вынесли малютку, беседа пошла живее, и Фрэнк Черчилль, набравшись духу, наконец подсел к ней и заговорил:

— Мисс Вудхаус, я должен вас поблагодарить за ваши добрые слова, которые передала мне миссис Уэстон письмом. Надеюсь, вы не жалеете, что простили меня. Надеюсь, вам не хочется взять свои слова назад.

— Нет, что вы! — воскликнула Эмма, радуясь возможности поговорить с ним. — Отнюдь. Я чрезвычайно рада, что наконец смогла вас увидеть, пожать вам руку и поздравить лично.

Он поблагодарил ее от всего сердца и еще некоторое время со всей искренностью продолжал говорить о том, как счастлив и признателен.

— Разве она не хороша? — спросил он, обращая взгляд на Джейн. — Хороша, как никогда прежде… Видите, отец и миссис Уэстон в ней просто души не чают.

Постепенно Фрэнк оживился, и, когда кто-то упомянул о скором возвращении Кэмпбеллов, он с лукавым взглядом напомнил Эмме имя Диксон… Эмма зарделась и запретила ему называть

это имя в своем присутствии.

— Не могу вспоминать о своем поведении без стыда! — вскричала она.

— Это мне должно быть стыдно, — откликнулся он. — Но неужели вы и правда ничего не подозревали?.. Я имею в виду, под конец. Поначалу знаю, что нет.

— Уверяю вас, нисколечко.

— Удивительно. А ведь однажды я сам чуть было не… жаль, что сдержался… так было бы лучше. Я все время поступал дурно, очень дурно, это совсем не делает мне чести… Но все же лучше бы я нарушил тайну и все вам рассказал.

— Теперь уж нечего жалеть, — отвечала Эмма.

— У меня теплится надежда, — продолжал он, — уговорить дядюшку посетить Рэндаллс, он хочет с ней познакомиться. Когда вернутся Кэмпбеллы, мы встретимся с ними в Лондоне и там, наверное, и останемся до тех пор, пока не увезем ее в Анском… Но пока что я от нее так далеко… разве не тяжело это, мисс Вудхаус?.. Сегодня мы с ней впервые увиделись с того дня, как помирились. Разве вам меня не жаль?

Эмма столь искренне ему посочувствовала, что он, озаренный внезапной счастливой мыслью, воскликнул:

— А кстати! — и, понизив голос, с притворной невинностью спросил: — Как мистер Найтли поживает? — Он замолчал. Эмма покраснела и засмеялась. — Я знаю, вы видели мое письмо. Помните, чего я вам пожелал? Позвольте же поздравить вас в ответ… Поверьте, я был невероятно счастлив услышать эту новость… Он выше всех похвал.

Эмма, полная восторга, готова была бы слушать его комплименты и дальше, но уже в следующий миг он вернулся к своим заботам и своей Джейн:

— Видели вы когда-нибудь такую кожу?.. Какая она гладкая! Какая нежная! И при этом не белая… Белокожей ее не назовешь. Очень редкий цвет лица при ее темных ресницах и волосах… удивительный цвет лица! Сколько в нем благородства… А какой нежный румянец! Совершенная красота.

— Я всегда восхищалась ее цветом лица, — насмешливо отозвалась Эмма, — а вот вы, помнится, когда-то находили ее чересчур бледной?.. Когда мы впервые о ней заговорили… Неужели забыли?

— О нет!.. Что за нахальство!.. Как я посмел…

При воспоминании он так сердечно засмеялся, что Эмма не могла не заметить:

— Подозреваю, даже при всех ваших трудностях

вы от души повеселились, разыгрывая с нами такую шутку… Я в этом просто уверена… Уверена, это служило вам утешением.

— Нет-нет, что вы! Как вы могли такое подумать? Я был так несчастен!

— Но не слишком несчастен, чтобы позабыть о веселье. Наверняка вы с большим удовольствием водили нас всех за нос… Впрочем, я так уверена, потому что я бы, сказать по правде, на вашем месте позабавилась. Мне кажется, мы с вами чем-то похожи.

Он поклонился.

— Возможно, не характером, — тут же добавила она серьезно, — но судьбой. Судьба нам благоволит: она связала нас обоих с людьми, которые намного нас превосходят.

— Верно, верно, — с чувством отвечал он. — Хотя нет, для вас это неверно. Вас превзойти невозможно, но верно для меня… Она — ангел во плоти. Посмотрите на нее. Каждое движение подобно ангелу. Посмотрите, какая у нее шея, когда она поворачивает голову. Посмотрите, какие у нее глаза, когда она поднимает взгляд на моего отца… Вы будете рады услышать, — продолжал, наклоняясь к ней ближе и переходя на шепот, — что дядя хочет отдать ей все тетушкины

драгоценности. Их вставят в новую оправу. Я думаю, из части камней нужно сделать диадему. Разве не чудесно будет смотреться диадема в ее темных волосах?

— И правда чудесно, — согласилась Эмма с таким добродушием, что он в признательности выпалил:

— Как же я рад видеть вас снова! И такой цветущей!.. Я бы ни за что не уехал, не повидав вас. Если бы вы сегодня не пришли, я бы непременно пришел в Хартфилд.

Остальные тем временем говорили о малышке: миссис Уэстон рассказывала, как накануне ей показалось, что дочке нездоровится. Она знает, что глупо беспокоиться по пустякам, но все-таки встревожилась и уже готова была посылать за мистером Перри. Стыдно в этом признаваться… впрочем, мистер Уэстон заволновался не меньше ее. А через десять минут девочка снова вела себя как ни в чем не бывало. Вот и вся история. Особый интерес она вызвала у мистера Вудхауса, который похвалил миссис Уэстон за намерение послать за Перри и пожалел, что она все-таки от него отказалась. Он посоветовал ей всегда звать Перри, если покажется, что с девочкой что-то не так, даже на короткое мгновение. В этом деле

лучше лишний раз встревожиться и послать за врачом, чем недоглядеть. Зря вчера не послали. Хотя сейчас малышка выглядит здоровой, может, она выглядела бы еще лучше, осмотри ее Перри.

Фрэнк Черчилль услышал знакомое имя.

— Перри! — сказал он, обращаясь к Эмме и стараясь поймать взгляд мисс Фэрфакс. — Мой старый друг мистер Перри! Что там они о нем говорят? Приходил сегодня утром? Как он сейчас передвигается? Обзавелся наконец коляской?

Эмма быстро поняла, о чем речь, и рассмеялась вместе с ним. По виду Джейн было заметно, что и она их услышала, хотя попыталась это скрыть.

— Вот уж необычный был сон! — воскликнул Фрэнк. — Без смеха и не вспомнишь!.. Мисс Вудхаус, смотрите, смотрите, она нас слышит. Посмотрите на ее щечки, на ее улыбку, посмотрите, как она пытается нахмуриться. Видите: она именно сейчас вспоминает тот самый отрывок из своего письма. Она опять вспоминает мой промах. Только об этом и думает, хоть и притворяется, что слушает других!

Джейн невольно улыбнулась и не до конца еще успела подавить свою улыбку, когда повернулась в сторону жениха и тихим, смущенным, но твердым голосом сказала:

— Поразительно, как вы можете хранить такие воспоминания… Иногда они приходят на ум сами, но как вы ими наслаждаетесь!

Фрэнк нашелся что ей ответить, и отвечал весьма занятно, однако душой Эмма все же была на стороне Джейн. По пути домой она, что было вполне естественно, стала сравнивать между собой двух мужчин и поняла, что, конечно, рада была видеть Фрэнка Черчилля и что относится к нему со своей дружеской теплотой, но как личность мистер Найтли превосходит его во много раз. Вечер сего счастливого дня Эмма провела в приятных размышлениях о достоинствах своего жениха, в сравнении с которым все остальные меркли.

Глава XIX

Если порою Эмма и волновалась за Харриет, сомневаясь, что подруга и правда оправилась от чувств к мистеру Найтли и из искренних побуждений согласилась выйти за другого мужчину, то вскоре она избавилась от этой мучительной неопределенности. Всего через несколько дней приехали гости из Лондона, и не успела Эмма и часу пробыть наедине с Харриет, как с удоволь-

ствием убедилась, что, как ни странно, Роберт Мартин полностью вытеснил мистера Найтли из ее сердца и всех счастливых планов.

Харриет было немного не по себе, и поначалу она даже выглядела несколько глупо, однако едва она признала, что была заносчива, неразумна и обманывала себя, как вся ее боль и все смущение, казалось, тотчас ее покинули. Она перестала думать о прошлом и исполнилась блаженства от настоящего и будущего. Все ее страхи исчезли, стоило только Эмме выказать свое одобрение и от всего сердца поздравить. Харриет восторженно пересказывала подруге все подробности о вечере в цирке и об обеде на следующий день. Наслаждению ее не было предела. Но много ли эти подробности объясняли?.. Теперь Эмма поняла, что Харриет всегда нравился Роберт Мартин и что его неугасшая любовь ее покорила. Иного объяснения она найти не могла.

Обстоятельства, впрочем, оказались самыми радостными, и с каждым днем появлялись все новые причины так полагать. Нашелся отец Харриет. Оказалось, что он торговец, достаточно состоятельный, чтобы обеспечить ей приличное содержание, и достаточно порядочный, чтобы скрывать ее происхождение. Вот какой оказалась

благородная кровь, за которую Эмма когда-то готова была ручаться! Вероятнее всего, другим джентльменам он не уступал, но какое родство подобная партия сулила мистеру Найтли, или Черчиллям, или даже мистеру Элтону!.. Пятно незаконного рождения, не обеленное ни знатностью, ни богатством, было и впрямь пятном несмываемым.

Отец браку дочери не противился и к молодому человеку отнесся весьма приветливо. Все шло как и полагалось. Эмма познакомилась ближе с Робертом Мартином, который теперь был представлен в Хартфилде, и признала, что он и в самом деле обладает здравым смыслом и достоинствами, которые обещали ее подруге самое счастливое будущее. Она не сомневалась, что для Харриет подошел бы любой добропорядочный мужчина, однако с Робертом Мартином ее подруга могла рассчитывать на достаток, безопасность и новое прочное положение в обществе. Харриет станет жить среди тех, кто ее любит, тех, у кого здравого смысла больше, чем у нее самой, попадет в круг замкнутый и безопасный, но в то же время занятой — так что и скучать не придется. Там она никогда не поддастся искушению, да и нечему будет ее искусить. Она будет уважаема и

счастлива. Эмма признала, что Харриет повезло больше всех на свете, раз она сумела внушить столь сильное чувство такому человеку. Больше, чем ей, повезло, пожалуй, только самой Эмме.

Харриет, которую теперь занимали дела с Мартинами, проводила все меньше и меньше времени в Хартфилде, но Эмма об этом не жалела. Их тесной дружбе и без того близился конец, ей суждено было уступить место спокойным доброжелательным отношениям, и, к счастью, эта перемена происходила сама по себе, постепенным и естественным образом.

В конце сентября Эмма проводила Харриет в церковь, где ту обвенчали с Робертом Мартином. Она испытала такое удовольствие, которое не могли омрачить ни одни воспоминания, даже связанные со стоящим у алтаря мистером Элтоном. Правда, Эмма тогда и видела в нем только священника, перед которым, вполне вероятно, скоро так же предстанут и они с мистером Найтли… Роберт Мартин и Харриет Смит, которые помолвились позже всех, венчались первыми.

Джейн Фэрфакс уже покинула Хайбери и вновь обрела покой в давно полюбившемся доме Кэмпбеллов… Двое Черчиллей тоже были в Лондоне, все они ждали только ноября.

Эмма и мистер Найтли решили пожениться в октябре. Свадьба должна была состояться, пока Джон и Изабелла еще не уехали, чтобы новобрачные могли съездить на две недели на море. Джон, Изабелла и все прочие друзья план одобрили. Но как же быть с мистером Вудхаусом? Как получить его согласие? Он все еще всякий раз говорил о свадьбе как о каком-то далеком событии.

Впервые услышав об их планах, мистер Вудхаус столь сильно огорчился, что жених с невестой потеряли всякую надежду… Вторая попытка уже была не столь болезненной. Он начал думать о том, что свадьбе случиться суждено и что он ее предотвратить не в силах, — весьма многообещающий шаг на пути к смирению. Но он и не повеселел. Напротив, мистер Вудхаус был настолько опечален, что его дочь пала духом. Ей было невыносимо видеть, как отец страдает, знать, что он думает, будто его все бросили, и, хотя в душе она соглашалась с братьями Найтли, что когда все свершится, ее батюшка быстро оправится, Эмма все же колебалась и никак не могла решиться.

Так они и томились в этой неопределенности, пока им не помогли непредвиденные обстоятельства — не внезапное озарение мистера Вудхауса

и не чудесная перемена в его нервной системе, хотя с нервами это было связано… Однажды ночью у миссис Уэстон из птичника пропали все индюшки — по всей видимости, залез какой-то прохвост. Пострадали и другие птичники по соседству. В глазах испуганного мистера Вудхауса мелкое воровство быстро выросло до ограбления. Он сильно встревожился и, если бы не знание того, что дом под защитой зятя, вероятно, потерял бы сон. Сила, решимость и присутствие духа обоих братьев Найтли полностью завоевали его доверие. Пока хотя бы один из них защищает его и его дом, Хартфилд в безопасности. Однако мистеру Джону Найтли к концу первой недели ноября нужно было возвращаться в Лондон.

Благодаря этой беде мистер Вудхаус дал свое добровольное согласие, причем с такой охотой, о которой Эмма и мечтать не смела. Наконец она могла назначить день. Не прошло и месяца со свадьбы мистера и миссис Мартин, как мистер Элтон соединял руки мистера Найтли и мисс Вудхаус.

Свадьба была похожа на все остальные свадьбы, когда ни жениху, ни невесте нет дела до пышности и роскоши, и миссис Элтон, выслушав все подробности от супруга, решила, что

церемония была убогая и не шла совершенно ни в какое сравнение с ее собственной… «Мало белого атласа, коротенькая фата — жалкое зрелище!.. Селина бы только руками всплеснула»… Но сколько бы ни нашла недостатков миссис Элтон, желания, надежды и предсказания узкого круга верных друзей, которые присутствовали на свадьбе, полностью сбылись: чета была совершенно счастлива.

Конец

Любовь и дружба

Графине де Февилид посвящает этот роман автор, ее покорный и преданный слуга
Обманут в дружбе, в чувствах предан.

Письмо первое

Изабелла — Лауре

Как часто в ответ на мои постоянные просьбы рассказать моей дочери во всех подробностях о невзгодах и превратностях Вашей жизни Вы отвечали:

«Нет, друг мой, на Вашу просьбу я отвечу согласием не раньше, чем мне не будет угрожать опасность пережить вновь подобные ужасы».

Что ж, время это приближается. Сегодня Вам исполнилось пятьдесят пять лет. Если верить в то, что может наступить время, когда женщине не грозит настойчивое ухаживание постылых поклонников и жестокое преследование упрямых отцов, то именно в эту пору жизни Вы сейчас вступаете.

Изабелла

Письмо второе

Лаура — Изабелле

Хотя я никак не могу согласиться с Вами в том, что и впрямь наступит время, когда меня не будут преследовать столь же многочисленные и тяжкие невзгоды, какие мне довелось пережить, я готова, дабы избежать обвинений в упрямстве или в дурном нраве, удовлетворить любопытство Вашей дочери. Пусть же та стойкость, с какой я сумела перенести выпавшие на мою долю многочисленные несчастья, поможет ей справиться с теми злоключениями, которые предстоит перенести ей самой.

Лаура

Письмо третье

Лаура — Марианне

Как дочь моей ближайшей подруги, Вы, полагаю, имеете право знать грустную историю моей жизни, которую Ваша мать так часто упрашивала меня рассказать Вам.

Отец мой родом из Ирландии и жил в Уэльсе; матушка была дочерью шотландского пэра и итальянской певички; родилась я в Испании, а образование получила в женском монастыре во Франции. Когда мне исполнилось восемнадцать, отец призвал меня возвратиться под родительский кров, в Уэльс. Дом наш находился в одном из самых живописных уголков долины Аска. Хотя сейчас из-за перенесенных невзгод красота моя уже не та, что прежде, в молодости я была очень хороша собой, однако покладистым нравом не отличалась. Я обладала всеми достоинствами своего пола. В монастыре всегда успевала лучше остальных, успехов для своего возраста добивалась неслыханных и в очень скором времени превзошла своих учителей.

Я была средоточием всех мыслимых добродетелей, являя собой пример добропорядочности и

благородства.

Единственным моим недостатком (если это можно назвать недостатком) была излишняя чувствительность к малейшим неприятностям моих друзей и знакомых, в особенности же — к неприятностям моим собственным. Увы! Как все изменилось! Хотя сейчас собственные мои злоключения действуют на меня ничуть не меньше, чем раньше, несчастья других ничуть меня более не волнуют. Слабеют и мои многочисленные способности: я уже не в состоянии ни столь же хорошо петь, ни столь же изящно танцевать, как когда-то, — Minuet de la cour я забыла напрочь.

Прощайте.

Лаура

Письмо четвертое

Лаура — Марианне

Круг нашего общения был невелик: ни с кем, кроме Вашей матери, мы не встречались. Быть может, она уже рассказывала Вам, что после смерти родителей, находившихся в весьма стесненных обстоятельствах, она вынуждена была перебраться в Уэльс. Там-то и зародилась наша дружба. Изабелле шел тогда двадцать первый год, и (между нами говоря), хотя была она недурна собой и весьма обходительна, в ней не было и сотой доли той красоты и тех способностей, коими обладала я. Изабелла, правда, повидала мир. Два года она проучилась в одном из лучших лондонских пансионов, две недели провела в Бате и однажды вечером даже ужинала в Саутгемптоне.

— Лаура, — не раз говаривала она мне, — остерегайся бесцветной суетности и праздного мотовства английской столицы. Держись подальше от скоротечных удовольствий Бата и от вонючей рыбы Саутгемптона.

— Увы! — восклицала я в ответ. — Как, скажи на милость, избежать тех пороков, которые никогда не встретятся на моем пути? Велика ли вероят-

ность того, что мне удастся вкусить праздную жизнь Лондона, удовольствия Бата или попробовать вонючую рыбу Саутгемптона?! Мне, которой суждено попусту растратить дни моей юности и красоты в скромном коттедже в долине Аска?

Ах! Тогда я и помыслить не могла, что скоро я сменю скромный родительский дом на призрачные светские удовольствия.

Прощайте.

Лаура

Письмо пятое

Лаура — Марианне

Однажды поздним декабрьским вечером, когда отец, матушка и я сидели у камина, мы вдруг, к нашему величайшему изумлению, услышали громкий стук в дверь нашего скромного сельского жилища.

Мой отец вздрогнул.

— Что там за шум? — спросил он.

— Похоже, кто-то громко стучит в нашу дверь, — отвечала матушка.

— В самом деле?! — вскричала я.

— И я того же мнения, — сказал отец, — шум, вне всяких сомнений, вызван неслыханно сильными ударами в нашу ветхую дверь.

— Да! — воскликнула я. — Сдается мне, кто-то стучится к нам в поисках пристанища.

— Это уже другой вопрос, — возразил он. — Мы не должны делать вид, что знаем, по какой причине к нам стучатся, хотя в том, что кто-то *и в самом деле* стучится в дверь, я почти убежден.

Тут второй оглушительный удар в дверь прервал моего отца на полуслове и немало встревожил матушку и меня.

— А не стоит ли пойти посмотреть, кто там? — сказала матушка. — Слуг ведь нет.

— Пожалуй, — ответила я.

— Разумеется, — добавил отец, — совершенно согласен.

— Так пойдемте? — сказала матушка.

— Чем скорей, тем лучше, — откликнулся отец.

— О, давайте не терять времени понапрасну! — вскричала я.

Тем временем третий удар, еще более мощный, чем два предыдущих, разнесся по всему дому.

— Я убеждена, что кто-то стучится в дверь, — сказала матушка.

— Похоже на то, — сказал отец.

— По-моему, вернулись слуги, — сказала я. — Мне кажется, я слышу, как Мэри идет к дверям.

— И слава богу! — вскричал отец. — Мне уже давно не терпится узнать, кто это к нам пожаловал.

Мои догадки полностью подтвердились. Не прошло и нескольких мгновений, как в комнату вошла Мэри и сообщила, что к нам стучатся молодой джентльмен и его слуга; они сбились с пути, замерзли и умоляют пустить их обогреться у огня.

— Неужто вы их не впустите? — спросила я.

— Ты не возражаешь, дорогая? — спросил отец.

— Конечно нет, — отвечала матушка.

Не дожидаясь дальнейших распоряжений, Мэри немедленно покинула комнату и вскоре вернулась с самым красивым и приветливым молодым человеком, какого мне когда-нибудь приходилось лицезреть. Слугу же она отвела к себе.

На мою тонкую натуру уже и без того произвели сильнейшее впечатление страдания незадачливого незнакомца, поэтому стоило мне встретиться с ним глазами, как я ощутила, что от этого человека будет зависеть счастье или несчастье всей моей жизни.

Прощайте.

Лаура

Письмо шестое

Лаура — Марианне

Благородный молодой человек сообщил нам, что зовут его Линдсей, — руководствуясь собственными соображениями, однако, впредь я буду называть его «Тэлбот». Он поведал, что его отец — английский баронет, что мать умерла много лет назад и что у него есть сестра весьма средних способностей.

— Мой отец, — продолжал он, — подлый и корыстный негодяй — об этом я говорю только вам, своим ближайшим, самым преданным друзьям. Ваши добродетели, мой любезный Полидор, — продолжал он, обращаясь к моему отцу, — и ваши, дорогая Клавдия, и ваши, моя прелестная Лаура, позволяют мне всецело вам довериться.

Мы поклонились.

— Мой отец, соблазнившись призрачным блеском богатства и громких титулов, требует, чтобы я всенепременно сочетался браком с леди Доротеей. Но этому не бывать! Леди Доротея, слов нет, прелестна и обаятельна, я бы предпочел ее любой другой женщине, но знайте же, сэр, заявил я ему, брать ее в жены, потворствуя вашим прихотям,

я не намерен! Нет! Никогда не пойду я на поводу у своего отца!

Мы все с восхищением внимали сим мужественным речам. Между тем молодой человек продолжал:

— Сэр Эдвард был удивлен; возможно, он не ожидал столь резкой отповеди.

«Скажи, Эдвард, — вскричал он, — где набрался ты этого несусветного вздора? Подозреваю, что из романов».

Я промолчал: отвечать было ниже моего достоинства. Вместо этого я вскочил в седло и в сопровождении преданного Уильяма отправился к своим тетушкам.

Поместье моего отца находится в Бедфордшире, тетушка живет в Миддлсексе, и, хотя мне всегда казалось, что географию я знаю вполне сносно, я неожиданно очутился в этой прелестной долине, которая, насколько я могу судить, находится в Южном Уэльсе, а никак не в Миддлсексе.

Побродив некоторое время по берегам Аска, я вдруг сообразил, что не знаю, в какую сторону идти, и принялся оплакивать свой горький жребий. Между тем стемнело, на небе не было ни единой звезды, которая могла бы направить мои стопы, и трудно сказать, что бы со мной сталось,

если бы спустя некоторое время не разглядел я в окружавшей меня кромешной тьме далекий свет, который, когда я приблизился, оказался огнем, призывно пылавшим в вашем камине. Преследуемый всевозможными несчастьями, а именно страхом, холодом и голодом, я, не колеблясь, попросил приюта, каковой, пусть и не сразу, был мне дан. И вот теперь, обожаемая моя Лаура, — продолжал он, взяв меня за руку, — скажи, могу ли я надеяться, что буду вознагражден за все злоключения, что мне пришлось претерпеть? Скажи же, когда я буду вознагражден тобой?

— Сию же минуту, дорогой и любезный Эдвард, — отвечала я.

И мы были немедленно обручены моим батюшкой, который, хоть и не был священником, получил богословское образование.

Прощайте.

Лаура

Письмо седьмое

Лаура — Марианне

Проведя несколько дней после свадьбы в долине Аска, я нежно распростилась с отцом, матушкой и моей Изабеллой и отправилась вместе с Эдвардом в Миддлсекс к его тетке. Филиппа приняла нас с чувствами самыми искренними и теплыми. Приезд мой оказался для нее весьма приятным сюрпризом, ибо она не только ровным счетом ничего не знала о моем браке с ее племянником, но не имела ни малейшего представления о моем существовании.

В это время у нее в доме находилась с визитом сестра Эдварда Августа, девушка и в самом деле весьма средних способностей. Меня она встретила с не меньшим изумлением, однако вовсе не с такой же сердечностью, как Филиппа. В том, как она меня приняла, ощущалась неприятная холодность и отталкивающая сдержанность, что было в равной степени печально и неожиданно. Во время нашей первой встречи она не проявила ни живого участия, ни трогательного сочувствия, столь свойственных людям, встречающимся впервые. Она не употребляла теплых слов, в ее

знаках внимания не было ни живости, ни сердечности; я было раскрыла ей объятия, готовясь прижать ее к своему сердцу, однако она мне взаимностью не ответила.

Короткий разговор между Августой и ее братом, который я поневоле, стоя за дверью, подслушала, еще более увеличил мою к ней неприязнь и убедил меня в том, что сердце ее не более создано для нежностей любви, чем для тесных уз дружбы.

— Неужто ты думаешь, что батюшка когда-нибудь смирится с этой опрометчивой связью? — спросила Августа.

— Августа, — ответил благородный молодой человек, — признаться, я полагал, что ты обо мне лучшего мнения. Неужто могла ты подумать, что я способен уронить себя настолько низко, чтобы придавать значение вмешательству отца в мои дела? Скажи мне, Августа, скажи со всей искренностью: ты помнишь, чтобы я хотя бы раз, с тех пор как мне исполнилось пятнадцать, обращался к отцу за советом или справлялся о его мнении в любом, даже самом пустяшном деле?

— Эдвард, — возразила она, — по-моему, ты себя недооцениваешь. Мой дорогой брат, да ты не потакал прихотям батюшки с пяти лет, а не с пятнадцати! И все же у меня есть предчувствие,

что, обращаясь к отцу с просьбой проявить великодушие к твоей жене, ты в самом скором времени вынужден будешь уронить себя в своих собственных глазах.

— Никогда, никогда, Августа, не уроню я таким образом своего достоинства, — сказал Эдвард. — Проявить великодушие! Лаура в великодушии отца нисколько не нуждается! Какую, по-твоему, помощь может он ей оказать?

— Ну, хотя бы самую незначительную, в виде съестных припасов и вина, — ответила она.

— Съестное и вино! — вспылил мой супруг. — Уж не думаешь ли ты, что столь возвышенный ум, как у моей Лауры, более всего на свете нуждается в столь низменных и ничтожных вещах, как съестное и вино?!

— А по-моему, нет ничего более возвышенного, — возразила Августа.

— Ты что же, никогда не испытывала сладостные муки любви, Августа? — спросил Эдвард. — На твой извращенный вкус, жить любовью невозможно? Ты что, не можешь себе представить, какое счастье жить с любимым, хоть и без гроша за душой?

— С тобой, — сказала Августа, — невозможно спорить. Быть может, впрочем, со временем тебя

удастся убедить, что…

Окончание ее речи мне помешала дослушать очень красивая юная леди, которая ворвалась в комнату, распахнув дверь, за которой я стояла. Услышав, что лакей представил ее «леди Доротея», я тут же покинула свой пост и последовала за ней в гостиную, ибо хорошо помнила, что эту самую леди прочил моему Эдварду в жены безжалостный и жестокосердный баронет.

Хотя, исходя из формальных соображений, свой визит леди Доротея наносила Филиппе и Августе, у меня есть некоторые основания полагать, что (узнав о браке Эдварда и его приезде) она возжелала прежде всего увидеть меня.

Я вскоре заметила, что, хотя леди Доротея была хороша собой и обходительна в обращении, во всем, что касается изысканных мыслей, восприимчивости и нежных чувств, она принадлежала к существам столь же неполноценным, что и Августа.

В доме Филиппы она провела не более получаса и за это время ни разу не поделилась со мной своими тайными мыслями, не вызвала меня на конфиденциальный разговор. А потому Вы с легкостью представите себе, моя дорогая Марианна, что нежными чувствами к леди Доротее

я не воспылала, не испытала к ней искренней привязанности.

Прощайте.

Лаура

Письмо восьмое

Лаура — Марианне
(в продолжение предыдущего)

Не успела леди Доротея нас покинуть, как объявился, причем столь же неожиданно, еще один посетитель. То был сэр Эдвард; узнав от Августы о свадьбе ее брата, он, вне всяких сомнений, приехал попрекнуть сына за то, что тот посмел со мной обручиться без его ведома. Однако Эдвард его опередил: стоило сэру Эдварду войти в комнату, как он, со свойственной ему решительностью, обратился к отцу со следующими словами:

— Сэр Эдвард, я знаю, какую цель вы преследовали, приехав сюда. Явились вы с гнусным намерением попрекнуть меня тем, что я заключил нерасторжимый союз с моей Лаурой без вашего согласия. Но, сэр, я этим союзом горжусь… Горжусь тем, что вызвал неудовольствие своего отца!

И с этими словами он взял меня за руку и, покуда сэр Эдвард, Филиппа и Августа отдавали в своих мыслях должное его беспримерной отваге, вывел меня из дома к еще стоявшей у дверей карете отца, и мы немедленно отправились в путь,

спасаясь от преследования сэра Эдварда.

Вначале форейторам было приказано выехать на лондонскую дорогу, однако, по трезвом размышлении, мы распорядились ехать в М., город, в котором жил ближайший друг Эдварда и который находился всего в нескольких милях отсюда.

В М. мы прибыли спустя пару часов и, назвавшись, были незамедлительно приняты Софией, женой друга Эдварда. Представьте себе мои чувства, когда я, лишившись три недели назад ближайшей подруги (ибо таковой я считаю Вашу матушку), вдруг поняла, что вижу перед собой ту, что воистину достойна называться ею. София была немного выше среднего роста и великолепно сложена. От ее прелестных черт веяло легкой истомой, отчего она казалась еще красивее… Чувствительность была ее отличительной чертой. Мы бросились друг другу в объятия и, поклявшись быть верными нашей дружбе до конца дней, немедленно поведали друг другу самые заветные свои тайны… Наш разговор по душам был прерван Огастесом, другом Эдварда, который, по обыкновению, гулял в одиночестве и только что вернулся.

Никогда прежде не приходилось мне становиться свидетелем столь трогательной сцены,

какой явилась встреча Эдварда и Огастеса.

— Жизнь моя! Душа моя! — воскликнул первый.

— Мой обожаемый ангел! — отвечал второй.

И они бросились друг другу в объятия. На нас с Софией сцена эта произвела неизгладимое впечатление… Одна за другой рухнули мы на диван без чувств.

Прощайте.

Лаура

Письмо девятое

Та же — той же

К концу дня мы получили от Филиппы следующее письмо:

«Ваш внезапный отъезд привел сэра Эдварда в ярость. Августу он увез к себе в Бедфордшир. Как бы ни хотелось мне вновь наслаждаться вашим прелестным обществом, не могу заставить себя разлучить вас со столь близкими и достойными друзьями… Когда же ваш визит к ним завершится, надеюсь, вы вернетесь в объятия вашей Филиппы».

На это эмоциональное послание мы ответили соответствующим образом и, поблагодарив Филиппу за любезное приглашение, заверили ее, что, если податься нам будет некуда, мы непременно им воспользуемся. Хотя любому здравомыслящему существу столь благородный ответ пришелся бы по душе, она, с присущим ей своенравием, осталась нами недовольна и спустя несколько недель, то ли желая отомстить нам за наше поведение, то ли изменить свое одинокое существование, вышла замуж за молодого и необразованного искателя приключений. Сей

неразумный шаг (хотя мы и понимали, что он, весьма вероятно, лишит нас наследства, которое мы были вправе ожидать от Филиппы) не вызвал у нас, при всей нашей чувствительности, ни единого вздоха. В то же время из страха, что шаг этот станет для обманутой невесты источником нескончаемых страданий, случившееся, когда мы впервые о нем узнали, взволновало нас чрезвычайно. Страстные призывы Огастеса и Софии считать их дом нашим домом с легкостью убедили нас никогда более с ними не расставаться. В обществе моего Эдварда и этой прелестной пары провела я самые счастливые мгновения своей жизни. Время летело незаметно во взаимных заверениях в неизменной дружбе и вечной любви, наслаждаться коими нам не мешали назойливые и незваные посетители: вернувшись домой, Огастес и София весьма своевременно позаботились о том, чтобы сообщить своим соседям, что, коль скоро счастье их целиком и полностью зависит только от них самих, они ни в чьем обществе более не нуждаются. Но, увы, дорогая моя Марианна! Такое счастье, какому я тогда предавалась, было слишком безоблачным, чтобы длиться вечно, и все наши радости были разом уничтожены одним страшным и внезапным ударом. После

всего того, что я Вам уже рассказывала об Огастесе и Софии, паре, счастливее которой не было на свете, Вам, полагаю, нет нужды объяснять, что союз их не входил в планы их жестоких и корыстных родителей, которые с упрямым упорством понапрасну пытались заставить и Огастеса, и Софию пойти под венец с теми, кто был им глубоко ненавистен. Несмотря на все эти старания, молодые люди с героической стойкостью, достойной восхищения и преклонения, наотрез отказывались подчиняться родительской деспотии.

После того как, заключив тайный брак, Огастес и София сбросили оковы родительского самоуправства, они вознамерились не поступаться добрым о себе мнением, которое завоевали в свете, и не принимать предложение родителей заключить перемирие — тем самым еще отважнее отстаивая свою благородную независимость, на которую, впрочем, никто уже более не покушался.

Когда мы приехали, женаты молодые люди были уже несколько месяцев, при этом жили они на широкую ногу. Дело в том, что за несколько дней до того, как обручиться с Софией, предприимчивому Огастесу удалось выкрасть из секретера своего недостойного отца весьма значительную

сумму денег.

К нашему приезду, однако, их расходы существенно возросли, средства же были почти полностью израсходованы. Несмотря на это, сии возвышенные существа считали для себя унизительным хотя бы на минуту задуматься о своем бедственном положении, и одна лишь мысль расплатиться с долгами повергала их в краску стыда. И какова же была награда за столь бескорыстное поведение?! Несравненного Огастеса арестовали, и мы поняли, что всем нам пришел конец. Столь вероломное предательство безжалостных и бессовестных негодяев, совершивших это грязное дело, наверняка ранит Вашу нежную душу, дражайшая Марианна, ничуть не меньше, чем потрясло оно Эдварда, Софию, Вашу Лауру, да и самого Огастеса. В довершение этого несравненного варварства нас известили, что в самом скором времени в доме будет учинен обыск. Ах, что нам оставалось делать?! Мы испустили глубокий вздох и упали без чувств на диван.

Прощайте.

Лаура

Письмо десятое

Лаура — Марианне
(продолжение)

Когда мы немного пришли в себя от охвативших нас горьких чувств, Эдвард призвал нас задуматься, что предпринять в сложившейся ситуации, — он же тем временем отправится навестить своего посаженного в тюрьму друга, чтобы вместе с ним оплакать его горькую судьбу. Мы пообещали, что задумаемся, и он отправился в город. В отсутствие Эдварда мы выполнили его желание и после длительных размышлений пришли к выводу, что лучше всего нам будет покинуть дом, куда в любой момент могут ворваться судебные приставы. А потому мы с огромным нетерпением ждали возвращения Эдварда, дабы сообщить ему результаты наших раздумий. Однако Эдвард не возвращался. Напрасно считали мы минуты до его возвращения, напрасно рыдали, напрасно даже вздыхали — Эдварда не было. Для наших нежных чувств это был слишком жестокий, слишком неожиданный удар; мы ничего не могли поделать — разве что упасть в обморок. Наконец, собрав всю решимость, на какую

только была я способна, я поднялась и, сложив вещи, свои и Софии, довела ее до кареты, которую перед тем предусмотрительно распорядилась заложить, и мы немедленно выехали в Лондон. Поскольку дом Огастеса находился всего в двенадцати милях от города, в столицу мы въехали довольно скоро, и, оказавшись в Холборне, я опустила стекло и принялась спрашивать у каждого проходившего мимо прилично одетого человека, не видели ли они моего Эдварда.

Но оттого, вероятно, что ехали мы слишком быстро и отвечать на мои вопросы они не успевали, я, признаться, мало что выяснила, а вернее, и вовсе ничего.

— Куда прикажете ехать? — спросил форейтор.

— В тюрьму Ньюгейт, славный юноша, — ответила я, — к Огастесу.

— О нет, нет! — воскликнула София. — Только не это, в Ньюгейт я ехать не в состоянии. Я не смогу вынести вида моего Огастеса в столь чудовищном застенке. Даже рассказ о его страданиях омрачает мне душу; если же я воочию увижу, как он мучается, то не выдержу…

Поскольку я была целиком согласна с тем, как она оценивает свои чувства, форейтору было незамедлительно приказано возвращаться в

деревню. Вас, быть может, удивит, моя дорогая Марианна, что в бедственном положении, в котором я тогда оказалась, лишенная всякой помощи и без крыши над головой, я ни разу не вспомнила моих отца и матушку, а также родительский кров в долине Аска. Чтобы хоть как-то объяснить свою забывчивость, должна сообщить Вам одно незначительное обстоятельство, о котором еще не упоминала. Я имею в виду смерть родителей, которая случилась через несколько недель после моего отъезда. После их кончины я стала законной наследницей всего их состояния. Но увы! Дом, как оказалось, никогда не был их собственностью, состояние же — всего лишь их пожизненной рентой. Такова несправедливость мира! К Вашей матушке я бы вернулась с превеликим удовольствием, была бы счастлива познакомить ее с моей прелестной Софией и с радостью провела бы остаток дней в их обществе в долине Аска, если бы одно обстоятельство не воспрепятствовало осуществлению этих радужных планов, а именно: матушка Ваша вышла замуж и уехала в Ирландию.

Прощайте.

Лаура

Письмо одиннадцатое

Лаура — Марианне
(продолжение)

— У меня есть родственник в Шотландии, — сказала мне София, когда мы выехали из Лондона, — который наверняка будет рад нас приютить.

— Приказать форейтору ехать в Шотландию? — спросила было я, но тут же одумалась и воскликнула: — Увы, столь долгое путешествие будет для лошадей слишком обременительным!

Не желая, однако, действовать сообразно лишь своим, весьма нетвердым знаниям о выносливости лошадей, я обратилась за советом к форейтору, который, как выяснилось, придерживается на сей счет моего мнения. А потому мы сообща приняли решение в ближайшем же городе сменить лошадей и остаток пути проделать на почтовых. Прибыв на последнюю станцию, находившуюся всего в нескольких милях от дома родственника Софии, и не желая навязывать ему свое общество, мы написали ему очень изящное, продуманное письмо, где описывалось наше отчаянное положение и говорилось о нашем намерении провести у него в Шотландии несколько

месяцев. Как только письмо это было отправлено, мы приготовились следовать за ним и с этой целью уже садились в экипаж, когда наше внимание привлекла въехавшая на двор станции карета с короной, запряженная четверкой лошадей. Из кареты вышел джентльмен весьма почтенных лет. Стоило только мне его увидеть, как сердце мое взволнованно забилось, и, бросив на него взгляд не столь мимолетный, как в первый раз, я испытала к этому человеку внезапную симпатию; догадка меня осенила: то был мой дед. Убедившись, что в своих предположениях я никак не могла ошибиться, я в ту же минуту опрометью бросилась вон из экипажа, где только что разместилась, и, последовав за сим знатным незнакомцем в комнаты, куда его проводили, бросилась перед ним на колени и взмолилась, чтобы он признал во мне свою внучку. Пожилой джентльмен вздрогнул и, внимательно изучив черты моего лица, поднял меня с колен и, по-отечески крепко обняв, воскликнул:

— Как же мне не признать тебя?! Тебя, вылитую копию моей Лаурины и дочери Лаурины, светлый образ и подобие моей Клавдии и матери Клавдии! Да, я торжественно заявляю: ты — дочь первой из вышеназванных и внучка второй!

В эту минуту, обеспокоенная моим внезапным бегством, в комнату за мной следом вбежала София, и, стоило сему почтенному джентльмену бросить на нее пусть и мимолетный взгляд, как он с ничуть не меньшим изумлением вскричал:

— Еще одна внучка! Да, да, я узнаю тебя, ты — дочь старшей дочери моей Лаурины, о чем неопровержимо свидетельствует твое сходство с красавицей Матильдой.

— Ах, — отвечала София, — стоило мне только увидеть вас, как сердце мне подсказало: нас связывают тесные родственные узы. Вот только какие именно?.. Этого я определить не смогла…

Тут он раскрыл ей свои объятия, и, пока они нежно обнимались, дверь в комнату распахнулась, и на пороге вырос молодой человек редкой красоты. Стоило только лорду Сент-Клеру (а это был он) увидеть его, как он вздрогнул, отшатнулся и, воздев руки, вскричал:

— Боже! Еще один внук! Какое счастье! На протяжении каких-нибудь трех минут я обрел сразу нескольких наследников. Это, в чем я нисколько не сомневаюсь, Филандер, сын прелестной Берты, третьей дочери моей Лаурины. Теперь, чтобы собрались все внуки моей Лаурины, не хватает лишь Густава!

— А вот и он! — воскликнул юный красавец, который в это самое мгновение вошел в комнату. — Перед вами тот самый Густав, которого вы так хотели видеть. Я — сын Агаты, четвертой и самой младшей дочери вашей Лаурины.

— Я вижу, что это и в самом деле вы, — сказал лорд Сент-Клер. — Но скажите мне, — продолжал он, с опаской глядя на дверь, — на этом постоялом дворе есть и другие мои внуки?

— Больше ни одного, милорд.

— В таком случае я, не мешкая более, обеспечу вас, всех до одного. Вот четыре банкноты по 50 фунтов каждая… Возьмите их и помните, что свой долг отца и деда я исполнил.

И с этими словами он незамедлительно покинул комнату, а затем и дом.

Прощайте.

Лаура

Письмо двенадцатое

Лаура — Марианне
(продолжение)

Можете себе представить, как были мы потрясены внезапным отъездом лорда Сент-Клера.

— Подлый старикан! — воскликнула София.

— Недостойный пращур! — вырвалось у меня, после чего мы тут же одновременно лишились чувств и упали друг другу в объятия. Не знаю, сколько времени пролежали мы в обмороке; когда же пришли в себя, то обнаружили, что находимся в комнате одни; не было ни Густава, ни Филандера, ни наших банкнот. Пока мы оплакивали свою горькую судьбу, дверь отворилась, и слуга объявил о приезде некоего Макдональда. Это и был кузен Софии. Та поспешность, с какой он отправился к нам на помощь сразу после получения нашей записки, настолько говорила в его пользу, что я чуть было не назвала его, хоть и видела впервые в жизни, нежным и преданным другом. Увы! Макдональд нисколько не заслуживал этого комплимента, ибо хоть он и сообщил нам, что весьма опечален нашими злоключениями, однако, по его же собственным словам,

история наша не вызвала у него ни единого вздоха, ни одного проклятия в адрес отвернувшихся от нас небес. Он сообщил, что его дочь очень рассчитывает, что София вернется вместе с ним в Макдональд-Холл и что мне, как подруге его кузины, также будут там очень рады. После чего мы все вместе отправились в Макдональд-Холл, где были очень ласково приняты Жанеттой, дочерью Макдональда и хозяйкой дома. Жанетте было тогда всего пятнадцать. Сердца от природы доброго, наделенная восприимчивым нравом и приятной наружностью, она могла бы, буде эти качества должным образом поддержаны и развиты, стать украшением человеческой природы; к несчастью, однако, отец ее не обладал достаточно возвышенной душой, дабы восхищаться чертами столь многообещающими, а потому пытался любыми средствами помешать их становлению. Ему удалось погасить горение ее пылкого сердца, и она вынуждена была ответить согласием на предложение молодого человека, с которым он же ее и познакомил. Обручиться им предстояло через несколько месяцев, и, когда мы приехали, Грэхем находился в доме с визитом. Вскоре мы поняли, что он собой представляет: то, что выбор Макдональда пал на него, чувство-

валось буквально во всем. Нам говорили, что он разумен, развит не по годам и приятен в обращении. Судить о подобных пустяках мы не считали себя вправе, но коль скоро у нас не оставалось никаких сомнений, что он бездушен, никогда не читал «Вертера» и волосы его при всем желании не назовешь золотистыми, мы ничуть не удивились, что Жанетта не испытывает к нему никакого чувства. Уже одно то, что избран он не ею, а ее отцом, было настолько не в его пользу, что, даже заслуживай он ее во всех прочих отношениях, являлось в глазах Жанетты достаточно веской причиной, чтобы его отвергнуть. Этими соображениями мы и вознамерились с ней поделиться, представив ситуацию в ее истинном свете и нисколько не сомневаясь, что добьемся успеха у этой весьма здравомыслящей особы, чьи просчеты были вызваны как отсутствием доверия к своему собственному мнению, так и пренебрежением к мнению своего отца. Как и рассчитывали, мы нашли в ней полное понимание и безо всякого труда сумели уговорить ее, что Грэхема она не полюбит никогда и что не подчиняться отцу — ее долг. Пожалуй, лишь наши заверения в том, что она должна связать свою жизнь с кем-то другим, вызывали у нее некоторые сомнения. Некото-

рое время она твердила, что не знает ни одного молодого человека, к которому бы испытывала привязанность, однако, когда мы сказали ей, что этого просто не может быть, призналась, что капитан Маккенри и в самом деле нравится ей больше других молодых людей, ей известных. Признание это вполне нас удовлетворило, и, перечислив положительные качества Маккенри и убедив ее, что она от него и впрямь без ума, мы пожелали узнать, признавался ли сей достойный джентльмен Жанетте в любви.

— Коль скоро он еще ни разу не говорил мне о своих чувствах, — сказала Жанетта, — у меня нет никаких оснований полагать, что он меня хоть сколько-нибудь любит.

— В том, что он вас обожает, — возразила ей София, — не может быть никаких сомнений… Привязанность всегда обоюдна. Скажите, неужели он ни разу не бросил на вас восхищенного взгляда, ни разу не сжимал вашу руку, не обронил случайную слезу… не вышел из комнаты без всякой видимой причины?

— Мне, во всяком случае, такое не запомнилось, — ответила Жанетта. — Верно, он всегда выходил из комнаты, когда его визит подходил к концу, но ни разу не было, чтобы он покидал

комнату внезапно, даже не поклонившись.

— Уверяю вас, душа моя, — вступила в разговор я, — вы глубоко заблуждаетесь: не может быть, чтобы он ни разу не оставлял вас в смущении, отчаянии, не покидал комнату в поспешности. Вдумайтесь, Жанетта: было бы странно, если в создавшейся ситуации он поклонился вам на прощание или вел себя, как любой другой гость.

Убедив Жанетту в нашей правоте, мы посчитали своим долгом подумать о том, каким образом сообщить Маккенри о тех чувствах, какие испытывала к нему Жанетта…

В конце концов мы договорились, что расскажем Маккенри об этих чувствах, написав ему анонимное письмо:

«О счастливый возлюбленный прекрасной Жанетты! О благородный обладатель ее сердца, сердца той, что отдана другому! Скажи, почему ты до сих пор не признался в своих чувствах предмету своей любви?! Вдумайся: еще несколько недель, и всякой радужной надежде, какая у тебя наверняка еще теплится, настанет конец, ибо несчастная жертва отцовской жестокости будет обручена с постылым и отвратным Грэхемом! Так почему же ты, жестокосердный, потворствуешь ее и твоему будущему несчастью?! Поделись же

поскорей тем планом, который у тебя наверняка созрел! Ваш тайный союз спасет вас обоих и явится залогом вашего будущего счастья!»

Благородный Маккенри, чья скромность, в чем он впоследствии признался, была единственной причиной того, что он столь долго скрывал свою необузданную страсть к Жанетте, понесся, получив сие пылкое послание, на крыльях любви в Макдональд-Холл и с таким жаром выразил свои чувства к той, кто внушил их ему, что после нескольких встреч наедине молодые люди, к нашей с Софией вящей радости, отбыли в Гретна-Грин, где и вознамерились отпраздновать свой союз, предпочтя это место всем остальным, хотя от Макдональд-Холла оно и находилось на весьма почтительном расстоянии.

Прощайте.

Лаура

Письмо тринадцатое

Лаура — Марианне
(продолжение)

Лишь спустя почти два часа после их отъезда Макдональд и Грэхем заподозрили недоброе. Впрочем, даже и тогда отсутствие влюбленных не вызвало бы подозрений, если бы не следующее незначительное происшествие. Отперев однажды по чистой случайности одним из своих собственных ключей потайной ящик в библиотеке Макдональда, София обнаружила, что в ящике этом он хранит важные бумаги, а также некоторое количество крупных банкнот. Этим открытием она поделилась со мной, и, договорившись, что лишить этой суммы, возможно к тому же добытой нечестным путем, такого гнусного негодяя, как Макдональд, будет только справедливо, мы решили, что всякий раз, когда кому-нибудь из нас случится оказаться в этой комнате, мы будем изымать из ящика одну или несколько банкнот. Этот хорошо продуманный план мы часто и с успехом осуществляли; но, увы, именно в день бегства Жанетты, в ту самую минуту, когда София торжественно извлекла из

ящика пятую по счету банкноту, собираясь переложить ее в свой кошелек, в комнату, причем без всякого предупреждения, ворвался не кто-нибудь, а сам Макдональд. София (которая при всем своем обезоруживающем мягкосердечии умела, когда ситуация того требовала, держаться с тем достоинством, на какое способен только прекрасный пол) окинула распоясавшегося проходимца суровым взглядом и срывающимся от возмущения голосом поинтересовалась, по какому праву тот врывается в комнату без стука, нарушая тем самым ее уединение. Бессовестный Макдональд, не пытаясь даже отвести от себя обвинение, попытался, в свою очередь, пристыдить Софию за то, что та якобы хочет завладеть его деньгами. Этого София стерпеть не могла.

— Негодяй! — вскричала она, поспешно пряча банкноту обратно в ящик. — Как смеешь ты обвинять меня в поступке, одна мысль о котором вгоняет меня в краску?!

Однако низкий негодяй как ни в чем не бывало продолжал поносить оскорбленную Софию, да еще в столь непристойных выражениях, что в конце концов сия нежная натура не выдержала и, желая отыграться, в сердцах поведала ему о бегстве Жанетты, а также о том, какую активную

роль мы в этом сыграли. В самый разгар их ссоры случилось войти в библиотеку и мне, и Вы легко можете себе представить, что и я, ничуть не меньше Софии, была оскорблена огульными обвинениями в свой адрес злонамеренного и презренного Макдональда.

— Низкий негодяй! — вскричала я. — Кто позволил тебе бессовестно очернять безукоризненную репутацию этого ангела во плоти?! Отчего в таком случае не подозреваешь ты и меня?

— Будьте покойны, сударыня, — отвечал он, — точно так же я подозреваю и вас и потому требую, чтобы вы обе немедленно покинули этот дом. Даю вам на сборы полчаса.

— Мы сделаем это с охотой, — ответила София, — в душе ведь мы уже давно возненавидели тебя и, если бы не дружеские чувства к твоей дочери, не оставались бы так долго под твоей крышей!

— И вы еще называете это дружескими чувствами?! — отвечал он. — Хороша дружба — отдать мою единственную дочь на поругание беспринципному авантюристу!

— Да! — воскликнула я. — Во всех наших несчастьях меня утешает лишь мысль о том, что этим дружеским поступком в отношении Жанетты мы

сполна рассчитались за гостеприимство, оказанное нам ее отцом!

— За что я вам обеим от души благодарен! — съязвил он.

Сложив наш гардероб и ценные вещи, мы немедля покинули Макдональд-Холл и, пройдя пешком мили полторы, никак не меньше, присели отдохнуть на берегу прозрачного, чистого, как горный ключ, ручья. Живописное место это располагало к раздумьям. С востока нас обступали огромные вязы, с запада — высокая крапива. Перед нашим взором бежал, что-то задумчиво бормоча, ручей, а за нашей спиной вилась дорога. Красивые места, нас окружавшие, настраивали на мечтательный лад. Молчание, которое хранили мы обе, первой нарушила я:

— Как же здесь прелестно! Жаль, что Эдварда и Огастеса нет сейчас рядом с нами!

— Ах, дорогая моя Лаура! — вскричала София. — Пожалей меня — не вспоминай о том несчастье, какое стряслось с моим брошенным в тюрьму мужем. Я готова на все — лишь бы только узнать о судьбе Огастеса! Где он? Еще в Ньюгейте или уже на виселице? Увы, я слишком ранима: справляться о его судьбе — выше моих сил! Ах! Умоляю тебя, не произноси впредь при мне этого имени…

Я не могу его слышать без содроганий!

— Прости меня, София, за то, что невольно досадила тебе, — ответила я и, желая сменить тему разговора, предложила ей насладиться благородным величием вязов, под сенью коих скрывались мы от восточного ветра.

— Заклинаю тебя, Лаура, — отозвалась София, — постарайся избегать столь печальной темы. Пожалуйста, впредь не упоминай этих вязов, не ущемляй мои чувства. Они напоминают мне об Огастесе. Он был им сродни: такой же высокий, такой же статный, такой же величавый… Он обладал тем самым благородным величием, что отличает и их.

Боясь, как бы вновь невольно не расстроить Софию, заговорив на тему, которая могла бы в очередной раз напомнить ей об Огастесе, я замолчала.

— Почему же ты ничего не говоришь, моя Лаура? — проговорила она после короткой паузы. — Я не в состоянии переносить эту тишину, ты не должна оставлять меня наедине с моими печальными раздумьями — они ведь постоянно вызывают в памяти Огастеса.

— Какое великолепное небо! — воскликнула я. — Как хороши белые облака на лазурном небо-

своде!

— Ах, Лаура, — отвечала София, поспешно опуская глаза, воздетые было к небу. — Не расстраивай меня. Не привлекай мое внимание к тому, что столь неумолимо напоминает мне атласный жилет моего Огастеса, синий в белую полоску. Пожалей же свою несчастную подругу и не заговаривай на темы бесконечно безотрадные.

Что мне было делать? София была столь ранима, нежные чувства, которые она испытывала к Огастесу, столь обострены, что у меня не было сил заводить разговор на любую другую тему, ибо я очень боялась, что тема эта может каким-то непредсказуемым образом вновь задеть ее чувства, вызвать в памяти печальный образ ее супруга. Вместе с тем продолжать хранить молчание было бы жестоко — она ведь умоляла меня не молчать.

Но тут случилось нечто такое, что отвлекло меня от этой печальной дилеммы, а именно: фаэтон, проезжавший мимо по вившейся невдалеке от нас живописной дороге, на мое счастье, внезапно перевернулся. Произошел этот случай и в самом деле как нельзя более кстати, ибо он отвлек Софию от грустных мыслей, неотступно ее преследовавших. Немедля покинув наше

укрытие, мы бросились на помощь тем, кто еще несколько мгновений назад восседал в модном фаэтоне и обозревал окрестности, — теперь же, низко пав, лежал распростертый в пыли.

— Вот прекрасный повод задуматься о скоротечных радостях этого мира! — успела проговорить я, покуда мы с Софией со всех ног бежали к месту происшествия. — Согласись, фаэтон этот ничуть не меньше, чем «Жизнь кардинала Вулзи», способен увлечь пытливый ум!

София не успела ответить мне, ибо все наши мысли заняты были открывшимся нам ужасным зрелищем… Первое, что бросилось в глаза, были два джентльмена, изысканно одетые и при этом обливающиеся кровью… Мы приблизились… То были Эдвард и Огастес… Да, дражайшая Марианна, это были наши мужья. София издала пронзительный крик и рухнула наземь как подкошенная. Я истошно закричала и впала в безумие. Некоторое время мы обе были без чувств, когда же наконец пришли в себя, спустя несколько мгновений лишились сознания вновь. Час с четвертью мы не могли выйти из этого прискорбного состояния: София всякую минуту падала в обморок, а я столь же часто впадала в безумие. Наконец жалобный стон незадачливого

Эдварда (только в нем еще теплилась жизнь) окончательно привел нас в чувство. Пойми мы сразу, что хотя бы один из них жив, мы бы, вероятно, так не отчаивались и что-то предприняли; но коль скоро мы сочли, когда их увидели, что их уже нет в живых, то решили, что помочь им уже невозможно, и полностью предались горю. Вот почему стоило только нам услышать стенания моего Эдварда, как мы тут же перестали сокрушаться, со всех ног бросились к бедному юноше и, упав перед ним на колени, взмолились, чтобы он не умирал.

— Лаура, — прошептал он, вперив в меня мутный взор, — боюсь, я перевернулся…

Я была вне себя от радости, ведь он еще был в сознании.

— Ах, скажи мне, Эдвард! — вскричала я. — Умоляю, скажи, пока ты еще жив, что произошло с тобой с того ужасного дня, когда Огастеса арестовали и судьба нас разлучила.

— Да… — ответил он и, издав глубокий вздох, скончался.

София тут же вновь упала в обморок. Мое горе выразилось иначе. Я потеряла дар речи, глаза мои закатились, лицо стало бледным, как у покойника, и я почувствовала, что разум меня покидает…

— Только не говорите со мной о фаэтонах! — закричала я не своим голосом. — Дайте мне скрипку… Я сыграю ему, я утешу его в этот горький час… Эй вы, нежные нимфы, берегитесь громовых раскатов Купидона, бегите разящих стрел Юпитера… Взгляните на эту еловую рощу… Я вижу баранью ногу… Мне сказали, что мой Эдвард не умер, но меня обманули… они приняли его за огурец…

Еще долго продолжала я издавать сии истошные и бессвязные крики над телом моего Эдварда…

Прошло уже два часа, как я оплакивала Эдварда, и наверняка бы на этом не остановилась, ибо ничуть не устала, если бы София, которая только что в очередной раз пришла в сознание, не призвала меня задуматься о том, что приближается ночь и с каждой минутой становится все более сыро и промозгло.

— И куда же мы пойдем, — спросила я, — чтобы скрыться от мрака и сырости?

— В этот белый коттедж, — ответила София, указывая на небольшой уютный дом, что скрывался за вязами и только сейчас открылся моему взору.

Я согласилась, и мы тотчас же направились

туда. Мы постучали, дверь нам открыла старая женщина; на нашу просьбу пустить нас переночевать она сообщила, что дом ее очень невелик, что в нем всего-то две комнаты, однако одну из них она готова нам предоставить. Мы очень обрадовались и последовали за доброй женщиной в дом, где, к вящему нашему удовольствию, увидели ярко пылающий в камине огонь. У хозяйки дома, вдовы, была дочь семнадцати лет. Всего семнадцати! Прекрасный возраст! Но увы! Девушка оказалась очень нехороша собой. Звали ее Бриджет… Ждать от нее было нечего. Трудно было предположить, что ее отличают возвышенные чувства, благородные помыслы. Это была всего-навсего добропорядочная, скромная, услужливая молодая женщина. Испытывать неприязнь к такой, как она, было не за что; она вызывала скорее презрение, чем отвращение.

Прощайте.

Лаура

Письмо четырнадцатое

Лаура — Марианне
(продолжение)

Вооружитесь же, мой благородный юный друг, всей философией, какой только владеете; соберите все мужество, какое имеется у Вас в наличии, ибо на этих страницах Ваши чувства подвергнутся самому тяжелому испытанию. Ах! То, что мне пришлось перенести, — ничто в сравнении с тем, о чем я собираюсь Вам поведать. Кончина отца, матушки и мужа, хоть и явилась для меня тяжким ударом, была сущим пустяком в сравнении с тем несчастьем, которому предстояло выпасть на мою долю. На следующее утро София пожаловалась на сильнейшую боль в нежных ее членах, которая сопровождалась мучительной головной болью. Свое состояние она объяснила простудой, которую подхватила из-за того, что накануне вечером то и дело падала в обморок на влажную от росы траву. По всей вероятности, именно так дело и обстояло; что же до меня, то ее участи мне удалось избежать лишь потому, что, впав в безумие, я так громко рыдала и кричала, оплакивая своего покойного мужа, что тем

самым разогнала кровь в жилах и спаслась от промозглой ночной сырости; тогда как Софии, которая подолгу и без движения лежала на холодной земле, уберечься не удалось. Ее недомогание чрезвычайно меня взволновало, ибо, каким бы пустяшным оно ни казалось, внутреннее чувство подсказывало мне: в конечном счете болезнь эта станет для нее роковой.

Увы! Опасения мои полностью подтвердились: с каждым днем Софии становилось все хуже, пока наконец она была уже не в силах подняться с постели, гостеприимно предоставленной нам доброй нашей хозяйкой. Вскоре недомогание ее обернулось скоротечной чахоткой, и через несколько дней Софии не стало. Горько оплакивая свою подругу (можете мне поверить, горе мое было неизбывно), я утешала себя лишь тем, что не бросила ее на произвол судьбы. Я рыдала над ней каждый день — омыла ее нежный лик слезами, сжимала своими руками нежные ее руки…

— Моя любимая Лаура, — сказала она мне за несколько часов до смерти, — пусть мой несчастный конец научит тебя быть благоразумной и избегать обмороков… Хотя в определенные моменты они приятны и действуют успокаивающе, поверь мне: в конце концов, если обмороки эти

будут повторяться слишком часто и в холодное время года, они могут подорвать твое здоровье… Моя судьба послужит тебе примером… Я пала жертвой того горя, какое испытала, потеряв Огастеса… Один роковой обморок стоил мне жизни… Берегись обмороков, дорогая Лаура… Безумие гораздо менее опасно. Впав в безумие, человек размахивает руками, и, если приступ, его охвативший, не слишком силен, он даже может пойти на пользу… Впадай в безумие как можно чаще… Главное, не лишайся чувств…

Это были ее последние слова, обращенные ко мне… Совет бедной Лауре, которая всегда ему неукоснительно следовала.

Похоронив свою подругу, безвременно ушедшую из жизни, я немедля (хоть и была глубокая ночь) покинула ненавистную мне деревню, в которой она умерла и неподалеку от которой расстались с жизнью мой муж и Огастес. Я успела отойти от деревни всего на несколько ярдов, когда меня нагнала почтовая карета, куда я тут же и села, вознамерившись ехать в Эдинбург, где надеялась найти какого-нибудь сердобольного друга, который пожалеет меня и утешит.

Когда я садилась в карету, было так темно, что я не сумела разобрать, сколько человек со мной

едет; понятно было лишь, что пассажиров много. Впрочем, о том, кто именно меня сопровождает, я тогда не думала, ибо целиком отдалась своим грустным мыслям. Карета погрузилась в тишину, прерываемую лишь громким храпом одного из пассажиров.

«Что за негодяй и невежда! — подумала я про себя. — Подобное поведение можно объяснить лишь полным отсутствием воспитания! Этот грубиян способен на кое-что и похуже! Такому, как он, ничего не стоит совершить самое кровавое преступление!» Так думала я про себя, и точно так же наверняка рассуждали и остальные пассажиры.

Наконец забрезжил рассвет, и я разглядела, кто был тот негодяй, что всю ночь не давал мне спать. Им оказался сэр Эдвард, отец моего покойного мужа. Рядом с ним сидела Августа, а на одном со мной сиденье — Ваша матушка и леди Доротея. Представьте же себе мое удивление, когда я обнаружила, что нахожусь среди своих старых знакомых! Но изумление мое возросло еще больше, когда, выглянув в окно, я обнаружила на втором этаже дилижанса мужа Филиппы, а также с ним рядом — Филандера и Густава.

— О боже! — вскричала я. — Неужто я и впрямь

окружена моими ближайшими родственниками и добрыми знакомыми?!

Стоило мне произнести вслух эти слова, как все взгляды устремились в тот угол, где я сидела.

— Ах, моя Изабелла! — продолжала я, бросаясь в объятья подруги. — Прижмите же вновь к груди несчастную вашу Лауру. Увы! Когда мы с вами расстались в долине Аска, я была счастлива, ибо стала женой лучшего из Эдвардсов. Тогда у меня еще был отец, была мать, я не знала бед и треволнений… Теперь же, кроме вас, у меня никого не осталось…

— Что?! — перебила меня Августа. — Выходит, мой брат мертв? Говорите, заклинаю вас, что с ним сталось?

— Да, холодная и бесчувственная нимфа, — ответила я, — вашего несчастного обожаемого брата больше нет! Можете радоваться: отныне вы — единственная наследница сэра Эдварда!

Хотя я ненавидела ее с того самого дня, когда мне удалось подслушать ее разговор с моим Эдвардом, я тем не менее, вняв мольбам ее и сэра Эдварда, поведала им сию печальную историю. Они были потрясены до глубины души: даже жестокое сердце сэра Эдварда и черствое сердце Августы были тронуты сей печальной повестью.

По просьбе Вашей матушки я поведала им обо всех несчастьях, выпавших на мою долю с той самой минуты, как мы расстались. Об аресте Огастеса и исчезновении Эдварда, о нашем приезде в Шотландию, о нечаянной встрече с нашим дедом и нашими кузенами, о пребывании в Макдональд-Холле, о той величайшей услуге, какую мы оказали Жанетте, а также о том, как нас за это отблагодарил ее отец… О его бесчеловечном поведении, о его ни на чем не основанных подозрениях и о том, как жестоко он с нами обошелся, заставив покинуть его дом… О том, как горько оплакивали мы потерю Эдварда и Огастеса, и, наконец, о печальной кончине моей незабвенной подруги.

Во время моего повествования на лице Вашей матушки изобразились жалость и удивление — удивления, увы, было больше. Проявилась ее бесчувственность и в том, что поведение мое, которое на протяжении всех моих приключений и выпавших на мою долю невзгод было идеальным, она сочла во многих ситуациях небезупречным. Но коль скоро сама я была убеждена, что всегда вела себя так, как подсказывали мне моя честь и мое воспитание, я мало обращала внимания на ее слова и попросила, вместо того чтобы под-

вергать сомнению мою безупречную репутацию своими неоправданными упреками, удовлетворить мое любопытство и сообщить, как она здесь оказалась. Как только она, идя навстречу моим пожеланиям, во всех подробностях изложила мне все, что случилось с ней после нашего расставания (если история эта Вам еще не известна, Ваша матушка Вам ее расскажет), я обратилась с такой же просьбой к Августе, сэру Эдварду и леди Доротее.

Августа сообщила мне, что, с детства питая любовь к красотам природы и рассматривая виды Шотландии на иллюстрациях Гилпина, испытала столь сильное желание насладиться этими несравненными видами воочию, что уговорила своего отца отправиться в путешествие на север, а леди Доротею — их сопровождать. Сообщила она также и о том, что в Эдинбург они прибыли несколько дней назад и оттуда ежедневно совершали в дилижансе экскурсии в сельскую местность; с очередной такой экскурсии они сейчас и возвращались.

Мой следующий вопрос касался Филиппы и ее мужа. Как мне удалось выяснить, он вынужден был, растратив все свое состояние, воспользоваться талантом кучера, коим всегда отличался,

и, продав все, что ему принадлежало, кроме экипажа, превратил его в дилижанс и, дабы не попасться на глаза бывшим своим знакомым, отправился в нем в Эдинбург, откуда стал через день возить пассажиров в Стерлинг. Узнала я и о том, что Филиппа, по-прежнему хранившая верность своему неблагодарному мужу, последовала за ним в Шотландию и обыкновенно сопровождала его в коротких поездках в Стерлинг.

— Мой отец, — продолжала Августа, — всегда, с первого дня нашего приезда в Шотландию, ездил наслаждаться горными пейзажами только в их дилижансе, чтобы дать им немного подзаработать, — тогда как нам было бы гораздо приятнее разъезжать по горному краю в почтовой карете, чем через день таскаться из Эдинбурга в Стерлинг и из Стерлинга в Эдинбург в переполненном и неудобном дилижансе.

Я всецело разделяла ее чувства и про себя ругала сэра Эдварда за то, что тот пожертвовал удовольствиями своей дочери ради нелепой старухи, чей брак с таким молодым человеком не мог оставаться безнаказанным. А впрочем, его поведение в полной мере соответствовало его характеру. И то сказать, что можно было ожидать от черствого негодяя, который едва ли знал, что

значит «сочувствие», и к тому же… громогласно храпел?

Прощайте.

Лаура

Письмо пятнадцатое

Лаура — Марианне
(продолжение)

Когда мы прибыли в город, где должны были завтракать, я решила переговорить с Филандером и Густавом и с этой целью поднялась на второй этаж дилижанса и вежливо поинтересовалась их здоровьем, а также поделилась с ними своими опасениями относительно того положения, в каком они оказались. Поначалу появление мое их несколько смутило — они, вероятно, испугались, что я могу призвать их к ответу за те деньги, которые мне отказал наш дедушка и которых они меня лишили. Обнаружив, однако, что я ни словом не обмолвилась об этом деле, они пригласили меня сесть рядом, чтобы нам было удобнее разговаривать. Я приняла их приглашение, и, покуда все остальные распивали зеленый чай и уписывали бутерброды с маслом, мы пировали более изысканным образом, предаваясь разговору по душам. Я, со своей стороны, сообщила им все, что случилось со мной; они же, по моей просьбе, во всех подробностях рассказали, как сложилась их жизнь.

— Как вам уже известно, мы — сыновья двух младших дочерей лорда Сент-Клера от итальянской оперной певицы Лаурины. Наши матери не могли в точности установить, кто был наш отец, хотя принято считать, что Филандер — сын некоего Филиппа Джонса, каменщика, мой же отец был неким Грегори Стейвсом, мастером по изготовлению корсетов из Эдинбурга. Все это, впрочем, совершенно несущественно, ведь наши матери, естественно, не были за ними замужем, а потому нашей крови, одной из самых древних и благородных в королевстве, бесчестие не коснулось. Берта (мать Филандера) и Агата (моя собственная мать) всегда жили вместе. Ни та, ни другая не были очень богаты; их общее состояние достигало всего девяти тысяч фунтов, но, коль скоро им приходилось на эти деньги жить, сумма эта, когда нам исполнилось пятнадцать, сократилась до девятисот фунтов. Эти девятьсот фунтов они хранили в ящике стола в нашей общей гостиной, чтобы деньги всегда были под рукой. То ли оттого, что их легко было присвоить, то ли от желания быть независимыми, то ли из-за избытка чувств (коим мы оба всегда отличались), в один прекрасный день мы взяли эти девятьсот фунтов и сбежали. Овладев означенной суммой,

мы преисполнились решимости обращаться с ней экономно и не тратить ее нерасчетливо и бездумно. С этой целью мы разделили всю сумму на девять частей. Первая часть должна была пойти на съестное, вторая — на спиртное, третья — на ведение хозяйства, четвертая — на экипаж, пятая — на лошадей, шестая — на слуг, седьмая — на развлечения, восьмая — на туалеты и девятая — на серебряные пряжки. Расписав таким образом наши расходы на два месяца (ибо мы рассчитывали растянуть девятьсот фунтов на этот срок), мы поспешили в Лондон и, к нашей радости, потратили их за семь недель и один день, то есть недотянули до двух месяцев всего шести дней. Как только мы таким образом счастливо избавились от столь большой суммы, мы стали было подумывать о том, чтобы вернуться к нашим матерям, однако, узнав стороной, что обе они умирают с голоду, мы передумали и вместо этого решили наняться в труппу бродячих актеров, ибо всегда любили театр. Мы предложили свои услуги одной такой труппе и были приняты. Труппа наша была невелика, она состояла из директора, его жены и нас с братом. Платить жалованье, таким образом, приходилось только нам, единственный же недостаток состоял, пожа-

луй, лишь в том, что из-за недостатка в актерах мы не имели возможности ставить многие пьесы. Впрочем, это нас нисколько не смущало… Нашим самым успешным спектаклем был «Макбет», в этой пьесе мы и в самом деле творили чудеса. Директор всегда исполнял роль Банко, его жена — леди Макбет. Я играл трех ведьм, а Филандер — все остальные роли. Сказать по правде, трагедия эта была не только самой лучшей, но и единственной в нашем репертуаре, и, сыграв ее во всех без исключения городах Англии и Уэльса, мы приехали с ней в Шотландию, в единственное место в Великобритании, где еще не были. Случилось так, что мы остановились в том самом городе, куда приехали вы и где вы встретились с вашим дедушкой… Мы находились на постоялом дворе, когда туда въехала его карета, и, увидев герб и сообразив, кому она принадлежит, а также зная, что лорд Сент-Клер — и наш дед тоже, мы решили попробовать что-то из него вытянуть, объявив ему о нашей с ним родственной связи… Как мы в этом преуспели, вам известно… Заполучив двести фунтов, мы немедля покинули город, предоставив директору труппы и его жене самим играть «Макбета», и направились в Стерлинг, где

потратили наше небольшое состояние с éclat[20]. И вот сейчас мы возвращаемся в Эдинбург в надежде устроиться в какой-нибудь театр… Такова, дорогая кузина, история нашей жизни.

Я поблагодарила славного юношу за его увлекательный рассказ и, пожелав братьям счастья и благополучия, вернулась к остальным своим друзьям, которые ожидали меня с огромным нетерпением.

Мои приключения подходят к концу, моя дорогая Марианна, — во всяком случае, на сегодняшний день.

По приезде в Эдинбург сэр Эдвард известил меня о том, что мне, как вдове его сына, причитаются четыреста фунтов в год, каковые он просит меня принять. Я ответила согласием, про себя же отметила, что негодный барон предлагает эти деньги не изысканной и обворожительной Лауре, а вдове Эдварда.

Я поселилась в романтической горной деревушке, где с тех пор и живу. Здесь меня больше не беспокоят непрошеные гости, я пребываю в печальном одиночестве и без конца оплакиваю кончину моих незабвенных батюшки, матушки,

---

[20] Примечания: 20

С большим шумом (*фр.*). (*Здесь и далее примеч. переводчика.*)

моего мужа и моей подруги.

Несколько лет назад Августа вышла замуж за Грэхема, человека, который подходит ей больше любого другого; познакомилась она с ним во время своего пребывания в Шотландии.

В это же время, в надежде заполучить наследника своего рода и состояния, сэр Эдвард предложил руку и сердце леди Доротее… Его мечты сбылись.

Филандер и Густав, с успехом отыграв в эдинбургских театрах, отправились искать счастья в Ковент-Гардене, где и по сей день выходят на сцену под вымышленными именами Любис и Проворный.

Филиппа давно уже отправилась в мир иной, супруг же ее, как и прежде, водит почтовые кареты из Эдинбурга в Стерлинг…

Прощайте, моя дорогая Марианна.

Ваша Лаура

30 июня 1790 года

Замок Лесли

Письмо первое

Мисс Маргарет Лесли — мисс Шарлотте Латтрелл

Замок Лесли, 3 января 1792 года

Мой брат только что нас покинул. «Матильда, — сказал он при расставании, — уверен, ты и Маргарет проявите к моей крошке заботу ничуть не меньшую, чем проявила бы терпеливая, любящая и ласковая мать». Когда он произносил эти слова, слезы градом лились у него по щекам. Воспоминания о той, что опозорила имя матери и бессовестно нарушила свои брачные обязательства, не позволили ему добавить что-то еще — он лишь обнял свое прелестное дитя и, помахав на прощанье Матильде и мне, поспешно вышел, сел в экипаж и отправился в Абердин. Более благородного человека мир еще не видывал! Ах! Брак принес ему столько незаслуженных несчастий! Такой хороший муж и такая плохая жена! Ты ведь знаешь, дорогая моя Шарлотта, что эта ничтожная тварь несколько недель назад, пожертвовав своей репутацией и своим ребенком, променяла мужа на Денверса и бесчестие. А ведь не было, казалось, прелестней лица, изящней фигуры и

добрее сердца, чем у Луизы! Уже сейчас дочь ее обладает теми же очаровательными чертами, что отличали ее нерадивую мать! Пусть же от отца унаследует она здравый смысл! Лесли сейчас всего двадцать пять, а он уже предался меланхолии и отчаянию. Какая разница между ним и его отцом! Сэру Джорджу пятьдесят семь, а он по-прежнему ухажер и ветреник, веселый малый, молод душой и телом. Таким, как он сейчас, его сын был пять лет назад и, если мне не изменяет память, всегда стремился быть. Пока отец наш в свои пятьдесят семь весело и беззаботно порхает по улицам Лондона, мы с Матильдой по-прежнему живем затворницами в нашем старом и покосившемся замке, возвышающемся в двух милях от Перта на крутой, неприступной скале с великолепным видом на город и на его живописные окрестности. Несмотря на то что мы отрезаны от мира (мы ведь решительно ни с кем не общаемся, за исключением Маклеодов, Маккензи, Макферсонов, Маккартни, Макдональдса, Маккиннонов, Маклелланов, Маккейев, Макбетов и Макдуфов), мы не грустим и не скучаем; напротив, на свете не было еще более радостных, беззаботных и остроумных девушек, чем мы. Время здесь летит незаметно: мы читаем, мы вышиваем, мы гуляем,

а когда устаем, либо напеваем веселую песню, либо пускаемся в пляс или отводим душу остроумной репликой или же колким bon mot[21]. Мы красивы, моя дорогая Шарлотта, очень красивы, и наше главное достоинство в том и состоит, что свои достоинства мы абсолютно не ощущаем. Что ж это я все о себе да о себе?! Давай-ка я лучше еще раз расхвалю нашу прелестную маленькую племянницу, крошку Луизу, что раскинулась сейчас на диване и чему-то улыбается во сне. Малышке только два года, а собой она уже хороша, как будто ей двадцать два. Она так разумна, словно ей тридцать два, и так же осторожна и предусмотрительна, как будто ей сорок два. Чтобы ты в этом убедилась, должна сообщить тебе, что у нее прелестный цвет лица, что она хороша собой, что она уже знает две первые буквы алфавита и никогда не рвет свои платьица… Если и сейчас я не убедила тебя в том, что она красива, умна и сообразительна, то добавить к вышесказанному мне больше нечего, и решить, права я или нет, ты сможешь, лишь приехав в Лесли и увидев Луизу собственными глазами. Ах, дорогая моя подруга, какое счастье было бы увидеть тебя в сих

---

[21] Примечания: 21
Острота (*фр.*).

древних стенах! Уже четыре года прошло с тех пор, как меня забрали из школы и нас разлучили. Как же горько сознавать, что два нежных сердца, связанные между собой тесными узами дружбы и взаимной симпатии, принуждены биться вдали друг от друга. Я живу в Пертшире, ты — в Сассексе. Мы могли бы встретиться в Лондоне, если бы мой отец согласился взять меня с собой, а твоя матушка оказалась там одновременно с ним. Могли бы мы увидеться и в Бате, и в Танбридже или в любом другом городе — какая, в сущности, разница! Остается лишь надеяться, что сей счастливый миг наконец наступит. Отец не вернется к нам до осени; брат же покинет Шотландию через несколько дней — ему не терпится поскорей отправиться в далекое путешествие. Наивный юноша! Он полагает, будто перемена климата излечит раны разбитого сердца! Уверена, дорогая Шарлотта, ты будешь вместе со мной молиться, чтобы наш бедный Лесли вновь обрел душевный покой, столь свойственный твоей любящей подруге.

М. Лесли

Письмо второе

Мисс Ш. Латтрелл — мисс М. Лесли
Гленфорд, 12 февраля

Тысяча извинений, дорогая Пегги, за то, что так долго не отвечала на твое теплое письмо. Поверь, я ответила бы на него гораздо быстрее, если бы последний месяц не была настолько занята приготовлениями к свадьбе сестры, что ни на тебя, ни на себя времени у меня совершенно не оставалось. Самое обидное при этом, что свадьба, увы, расстроилась и все мои труды потрачены впустую. Можешь представить мое разочарование: я трудилась без устали дни и ночи напролет, чтобы приготовить свадебный ужин ко времени; наготовила столько жареной говядины и телятины, столько тушеной баранины, что молодоженам хватило бы на весь медовый месяц; и тут, к ужасу своему, я вдруг узнаю, что жарила и парила я совершенно зря, что напрасно убивала время и убивалась сама. В самом деле, моя дорогая, что-то не припомню, чтобы я испытывала досаду, равную той, какую ощутила в прошлый понедельник, когда сестра, белая как полотно, вбежала в кладовую, где я

находилась, и сообщила мне, что Генри упал с лошади, ударился головой и врач считает, что долго он не протянет.

«Господи помилуй! — вскричала я. — Не может быть! Что же теперь будет со всем съестным, что я наготовила?! Мы и за год этого не съедим! А впрочем, пригласим доктора — он нам поможет. Я справлюсь с филейной частью, матушка доест суп, а уж вам с доктором придется подъесть все остальное».

Тут я вынуждена была замолчать, ибо увидела, что сестра упала без чувств на сундук, тот самый, где у нас хранятся скатерти. Не медля ни минуты, я позвала матушку и горничных, и спустя некоторое время нам удалось совместными усилиями привести ее в чувство. Стоило сестре прийти в себя, как она изъявила желание сию же минуту бежать к Генри, и решимость ее была столь велика, что нам лишь с величайшим трудом удалось ее отговорить. Наконец, скорее силой, нежели уговорами, мы убедили ее пойти к себе в комнату, уложили ее, и несколько часов она металась по постели в горячечном бреду. Все это время мы с матушкой просидели у ее изголовья и в минуты временного затишья предавались отчаянью из-за напрасно потраченных сил и скопившегося

съестного и обдумывали, как бы с этими запасами поскорей управиться. Мы договорились, что начать их поглощать необходимо немедленно, без отлагательств, и тут же распорядились подать нам прямо сюда, в комнату сестры, холодные окорока и птицу, каковые принялись уписывать с необычайным рвением. Мы попробовали уговорить и Элоизу съесть хотя бы крылышко цыпленка, однако сестра об этом даже слышать не хотела. Между тем она стала гораздо спокойнее: горячечный бред и судороги прекратились, сменившись почти полным бесчувствием. Чего только мы не делали, чтобы привести ее в сознание! Все было напрасно. И тогда я заговорила с ней о Генри.

«Дорогая Элоиза, — начала я, — охота тебе убиваться из-за таких пустяков. — (Чтобы ее утешить, я сделала вид, что не придаю случившемуся особого значения.) — Прошу тебя, не думай о том, что произошло. Видишь, даже я ничуть не раздосадована — а ведь больше всего досталось именно мне: теперь мне не только придется съесть все, что я наготовила, но и, если только Генри поправится (на что, впрочем, надежды мало), начинать жарить и парить сызнова. Если же он умрет (что, скорее всего, и произойдет),

мне так или иначе придется готовить свадебный ужин, ведь когда-нибудь ты все равно выйдешь замуж. А потому, даже если сейчас тебе тяжко думать о страданиях Генри, он, надо надеяться, скоро умрет, муки его прекратятся, и тебе полегчает — мои же невзгоды продлятся гораздо дольше, ибо, как бы много я ни ела, меньше чем за две недели очистить кладовую мне все равно не удастся».

Таким вот образом пыталась я ее утешить, но безо всякого успеха, и в конце концов, увидев, что сестра меня не слушает, я замолчала и, предоставив утешать ее матушке, справилась с остатками окорока и цыпленка, а затем послала Уильяма проведать, в каком состоянии Генри. Жить ему оставалось всего несколько часов — он скончался в тот же день. Мы сделали все возможное, чтобы подготовить Элоизу к этому печальному известию, однако смерть жениха столь сильно на нее подействовала, что она напрочь лишилась разума и вновь погрузилась в тяжкий бред, продолжавшийся много часов. Она и сейчас очень плоха, и врачи боятся, как бы не наступило ухудшение. Вот почему мы готовимся выехать в Бристоль, где собираемся пробыть всю следующую неделю. Ну а теперь, моя дорогая Мар-

гарет, давай немного поговорим о твоих делах. Должна под большим секретом сообщить тебе, что, по слухам, отец твой собирается жениться. С одной стороны, мне очень не хочется верить этим невеселым вестям, но с другой — отрицать их полностью я не могу. В этой связи я написала своей подруге Сьюзен Фицджеральд с просьбой сообщить мне все, что ей известно. Она сейчас в Лондоне и, несомненно, находится в курсе дела. Кто его избранница, мне неизвестно. Думаю, твой брат был совершенно прав, когда принял решение отправиться в далекое путешествие: путевые впечатления помогут ему выбросить из памяти те печальные события, что так его угнетали. Как я рада, что ты и Матильда, хоть и живете затворницами, не скучаете и радуетесь жизни. И того и другого от души желает вам обеим

любящая тебя

Ш. Л.

P. S. Только что пришел ответ от моей подруги Сьюзен. Вкладываю его в конверт с письмом тебе. Прочитай и сделай выводы.

Вложенное письмо

Дорогая Шарлотта,

никто не даст Вам более точных сведений о браке сэра Джорджа Лесли, чем я. Сэр Джордж

женился — в этом нет ни малейших сомнений. Я принимала участие в свадебной церемонии, доказательством чему может служить моя подпись под этим письмом.

Любящая тебя
Сьюзен Лесли

Письмо третье

Мисс Маргарет Лесли — мисс Ш. Латтрелл
Замок Лесли, 16 февраля

Я изучила записку, которую ты приложила к своему письму, моя дорогая Шарлотта, и вот какие мысли пришли мне в голову. Во-первых, я подумала, что если у сэра Джорджа и вторым браком будут дети, то наше наследство от этого больше не станет. Во-вторых, я подумала, что если его жена привыкла жить в свое удовольствие, то она будет поощрять в нем стремление и впредь вести рассеянный образ жизни, каковое стремление, впрочем, в поощрении не нуждается и, боюсь, уже самым пагубным образом сказалось на его здоровье и денежных делах. В-третьих, я подумала, что теперь она завладеет теми драгоценностями, что некогда носила наша покойная матушка и сэр Джордж обещал оставить нам. Наконец, подумала я и о том, что, если они не приедут в Пертшир, я не смогу удовлетворить свое любопытство и увидеть мачеху собственными глазами; если же приедут, Матильда не будет больше сидеть за обедом во главе стола… Таковыми, дорогая моя Шарлотта, были печальные

размышления, коим я предавалась, прочитав адресованную тебе записку Сьюзен. Сходным образом посетили эти размышления и Матильду, когда та, в свою очередь, с этой запиской ознакомилась. Сестра испытала те же сомнения и страхи, что и я, и трудно сказать, что расстроило ее больше: уменьшение причитающегося нам наследства или же утрата своего влиятельного положения. Нам обеим очень хотелось бы знать, красива ли леди Лесли и какого ты о ней мнения. Коль скоро ты оказываешь ей честь, называя своей подругой, мы очень надеемся, что она и впрямь мила и обходительна. Мой брат уже в Париже и через несколько дней собирается в Италию. Он весел, пишет, что французский климат идет ему на пользу, что о Луизе вспоминает без жалости и без любви и что даже благодарен ей за то, что она его бросила, ибо холостая жизнь пришлась ему по душе. Все это означает, что он вновь обрел тот беспечный нрав и живость ума, какие всегда его отличали. Когда три с лишним года назад он познакомился с Луизой, это был один из самых ярких и живых молодых людей своего возраста. Встретились они у нашего кузена полковника Драммонда, в чьем доме в Камберленде брат проводил Рождество. Тогда ему только ис-

полнилось двадцать два года. Луиза Бертон была дочерью дальнего родственника миссис Драммонд, несколько месяцев перед тем умершего в нищете и оставившего свою единственную дочь, которой тогда не было и восемнадцати, на попечение тех своих родственников, что согласились бы о ней печься. Миссис Драммонд единственная пожалела бедную сироту — и Луиза сменила покосившийся домишко в Йоркшире на великолепный особняк в Камберленде, жизнь, полную лишений, на жизнь в достатке и роскоши… По природе Луиза отличалась дурным нравом и хитростью, однако отец, который прекрасно понимал, что от голодной смерти ее может спасти только замужество, и льстил себя надеждой, что удивительная красота дочери в сочетании с обаянием и умением держать себя сможет привлечь какого-нибудь обеспеченного молодого человека, могущего позволить себе взять в жены девушку без единого гроша за душой, научил ее скрывать свой истинный нрав под видимостью нежности и добронравия. Луиза полностью разделяла мнение своего отца и преисполнилась решимости воплотить его планы в жизнь со всем тщанием, на какое только была способна. С усердием и настойчивостью она выучилась столь тща-

тельно скрывать свой истинный характер под маской наивности и добросердечия, что вводила в заблуждение всякого, кто, вследствие долгого и близкого знакомства с ней, не обнаружил ее истинной сущности. Такова была Луиза, когда наш незадачливый Лесли впервые увидел ее у Драммондов. Его сердце, которое, как ты любишь выражаться, было нежнее французского паштета, не сумело воспротивиться ее чарам. Уже через несколько дней он почувствовал, что влюблен, вскоре и в самом деле влюбился без памяти, а еще через месяц сделал Луизе предложение. Поначалу батюшка был недоволен столь поспешным и безрассудным решением, но, убедившись, что молодых людей это нисколько не смущает, совершенно с этим союзом примирился. Поместья под Абердином, которое досталось моему брату непосредственно от его двоюродного деда без всякого посредства сэра Джорджа, было вполне достаточно, чтобы Лесли с женой могли жить, ни в чем не нуждаясь. В продолжение первого года их брака не было никого счастливее Лесли и милее и обходительнее, чем Луиза; ее поведение было столь благовидным и осмотрительным, что, хотя мы с Матильдой часто по нескольку недель кряду у них гостили, разглядеть под этой личи-

ной ее истинное лицо ни я, ни сестра не сумели. Однако после рождения малютки Луизы, чье появление на свет должно было бы, по идее, еще больше укрепить их союз, маска, которую она так долго носила, была наконец сорвана, и, поскольку теперь она уже нисколько не сомневалась в любви своего мужа (каковая после рождения ребенка и в самом деле стала еще сильнее), она не считала себя обязанной способствовать укреплению этой любви и в дальнейшем. Как следствие, визиты наши в Данбит стали менее частыми и гораздо более обременительными. Наше отсутствие, впрочем, Луизу нисколько не смущало, ибо в обществе юного Денверса, с которым она познакомилась в Абердине (он учился в одном из тамошних университетов), ей было не в пример веселее, чем с Матильдой и с твоей подругой, — и это при том, что приятнее девушек, чем мы, на свете не бывает. Чем кончается семейное счастье всех Лесли, тебе хорошо известно — повторяться не буду…

Прощай же, моя дорогая Шарлотта. Хотя я ни словом не обмолвилась о несчастье, постигшем твою сестру, надеюсь, ты поверишь, что я ей от всей души сочувствую и нисколько не сомневаюсь, что здоровый дух Бристоля навсегда

вычеркнет Генри из ее памяти.

Любящая тебя

М. Л.

Письмо четвертое

Мисс Ш. Латтрелл — мисс М. Лесли
Бристоль, 27 февраля
Дорогая Пегги,

только что получила твое письмо, которое долгое время пролежало в Сассексе и только теперь дошло сюда, в Бристоль. Очень благодарна тебе за подробный и обстоятельный рассказ о том, как Лесли познакомился с Луизой, как полюбил ее и на ней женился. Всю эту историю я прочитала с большим удовольствием, хотя рассказываешь ты ее не впервые.

По счастью, кладовая наша уже почти опустела — мы дали распоряжение слугам есть как можно больше самим и вдобавок призвать на помощь еще двух-трех поденных работниц. С собой в Бристоль мы взяли холодный пирог с курятиной, холодную индейку, холодный язык, полдюжины студней и все это меньше чем за два дня после нашего приезда с помощью нашей хозяйки, ее мужа и их троих детей с аппетитом прикончили. Бедняжка Элоиза по-прежнему настолько ко всему безразлична, что, сдается мне, здоровый бристольский климат не сумел покамест вычерк-

нуть бедного Генри из ее памяти.

Ты спрашиваешь, хороша ли собой, мила ли твоя мачеха. Попробую тебе ее описать. Она весьма небольшого роста и очень хорошо сложена; бледна от природы, но сильно румянит щеки; у нее красивые глаза и красивые зубы, что она не преминет продемонстрировать, как только тебя увидит, — и вообще очень собой недурна. Она на редкость добронравна — особенно когда ей не перечат, и очень оживлена, когда не хандрит. От природы она сумасбродна и не слишком жеманна; она никогда ничего не читает, кроме писем, которые получает от меня, и никогда ничего не пишет, кроме ответных писем мне же. Она играет, поет и танцует, однако никакого пристрастия ни к игре, ни к пению, ни к танцам не питает, хотя и утверждает, что любит все это до чрезвычайности. Ты, должно быть, удивлена, что та, о ком я говорю без особого чувства, является моей ближайшей подругой. Сказать по правде, дружба наша — скорее следствие ее каприза, чем моего расположения. Мы провели вместе два или три дня в Беркшире у одной дамы, нашей общей знакомой… Быть может, оттого, что погода стояла отвратительная, да и общество было на редкость скучным, она вдруг воспыла-

ла ко мне безумной симпатией, каковая вскоре переросла в настоящую дружбу, — с этой поры мы и вступили в переписку. Вполне возможно, сейчас я ей так же надоела, как и она мне, — но, поскольку она слишком вежлива, а я слишком хорошо воспитана, чтобы в этом признаться, письма наши по-прежнему столь же регулярны и восторженны, как и прежде, а взаимная привязанность ничуть не менее искренна, чем в самом начале наших отношений. Коль скоро рассеянная жизнь Лондона и Брайтхелмстоуна ей по душе, желание увидеть тебя с сестрой едва ли в скором времени подвигнет ее отказаться от светских удовольствий ради посещения старинного мрачного замка, в котором вы обитаете. Правда, если она сочтет, что слишком много развлечений дурно сказываются на ее самочувствии, она сможет, пожалуй, найти в себе силы совершить путешествие в Шотландию в надежде если не весело провести время, то хотя бы поправить пошатнувшееся здоровье. Боюсь, твои опасения, связанные с сумасбродством отца, наследством, драгоценностями твоей матушки и положением в семье старшей сестры, не лишены оснований. У моей подруги есть свои четыре тысячи фунтов, однако на наряды и развлечения она тратит еже-

годно немногим меньше, да и рассчитывать на то, что она постарается уговорить сэра Джорджа переменить образ жизни, к которому он так привык, увы, не приходится. А стало быть, ты должна быть довольна, если получишь хоть что-нибудь. Что же до матушкиных драгоценностей, то они тоже, вне всяких сомнений, достанутся твоей мачехе, и есть все основания полагать, что отныне восседать во главе стола будет не твоя сестра, а леди Сьюзен. Боюсь, впрочем, разговор обо всем этом тебя расстраивает, а потому не стану больше на эту тему распространяться…

Из-за недомогания Элоизы мы прибыли в Бристоль в самое неподходящее время года и за все время, что мы здесь, видели лишь одну приличную семью. Мистер и миссис Марло и в самом деле люди очень приятные, приехали они сюда из-за слабого здоровья своего сына, и, поскольку больше общаться решительно не с кем, мы с ними, естественно, очень сблизились: видимся почти ежедневно, а вчера провели вместе замечательный день, после чего славно поужинали — вот только телятина была недожарена и соусу не хватало остроты. Весь вечер я только и думала о том, как жаль, что готовила его не я… Вместе с четой Марло находится в Бристоле брат миссис

Марло, мистер Кливленд; это славный и очень неглупый молодой человек. Я сказала Элоизе, чтобы она обратила на него внимание, однако мое предложение, по-моему, оставило ее равнодушной. Очень бы хотелось поскорей выдать сестру замуж, тем более за такого состоятельного человека, как Кливленд. Быть может, тебя удивляет, отчего это я так пекусь о том, чтобы устроить жизнь сестры, а не свою собственную. Скажу тебе откровенно: свою роль я вижу лишь в устройстве брачной церемонии и в подготовке свадебного ужина, а потому предпочитаю выдавать замуж других, ибо убеждена: когда настанет время идти замуж мне, у меня будет меньше времени на стряпню, чем теперь, когда женятся мои родственники и друзья.

Искренне твоя
Ш. Л.

Письмо пятое

Мисс Маргарет Лесли — мисс Шарлотте Латтрелл

Замок Лесли, 18 марта

В тот же день, когда я получила твое последнее письмо, Матильде из Эдинбурга написал сэр Джордж. Он сообщил, что приезжает вечером следующего дня и будет иметь удовольствие лично представить нам леди Лесли. Известие это, как ты догадываешься, весьма нас удивило, ведь ты же писала, что ее светлость вряд ли отправится в Шотландию, тем более в разгар лондонского сезона. Так или иначе, наше дело — выразить восторг в связи с оказываемой нам честью, и мы решили было написать ответное письмо о том, с каким нетерпением мы ждем их приезда, но тут вдруг сообразили, что, раз они приезжают вечером следующего дня, письмо наше сэра Джорджа в Эдинбурге уже не застанет. В таком случае (сказали мы себе) пусть думают, что отсутствие ответа означает, что мы, как и положено, томимся счастливым ожиданием. В девять вечера следующего дня они и в самом деле прибыли в сопровождении одного из братьев

леди Лесли. Внешность ее милости ты описала на редкость точно — мне не кажется, правда, что она так уж хороша собой. Верно, личико у нее довольно смазливое, однако в ее крошечной, миниатюрной фигурке есть что-то на удивление жалкое и неприметное; в сравнении с Матильдой и со мной, девушками крупными и статными, смотрится она сущей карлицей. Теперь, когда ее любопытство (и любопытство немалое, раз она решилась проделать более четырехсот миль) наконец полностью удовлетворено, она уже говорит о возвращении в Лондон и, представь, хочет, чтобы с ней вместе ехали и мы. Ответить на ее просьбу отказом мы не можем, ибо того же требует от нас батюшка и умоляет мистер Фицджеральд — бесспорно, один из самых приятных молодых людей, которых мне приходилось видеть. Когда именно мы отправляемся в путь, еще не решено, но в любом случае непременно возьмем с собой нашу крошку Луизу.

Прощай, моя дорогая Шарлотта. Матильда шлет тебе и Элоизе свои лучшие пожелания.

Всегда твоя

М. Л.

Письмо шестое

Леди Лесли — мисс Шарлотте Латтрелл
Замок Лесли, 20 марта

Мы прибыли сюда, бесценный друг, недели две назад, и я уже от души раскаиваюсь, что променяла наш прелестный дом на Портмен-сквер на этот ветхий, заброшенный, мрачный замок, где ощущаешь себя брошенной в темницу пленницей. Стоит он на скале, и вид у него столь неприступный, что когда я увидела его издали, то решила, что нас будут подымать вверх на веревке, и искренне пожалела, что, поддавшись любопытству наконец-то увидеть своих «дочерей», обрекаю себя на такой рискованный и одновременно нелепый способ проникнуть в этот застенок. Однако, очутившись внутри столь жуткого сооружения, я стала утешать себя мыслью о том, что сейчас моему взору предстанут две очаровательные особы, какими мне описывали в Эдинбурге сестер Лесли, и ко мне вновь вернется хорошее настроение. Увы, разочарование поджидало меня и здесь. Матильда и Маргарет Лесли — очень крупны, это высокие, мужеподобные и довольно чудные девицы — таким, как они, толь-

ко и жить в этом гигантском и нелепом замке. Жаль, моя дорогая Шарлотта, что ты не видела этих шотландских великанш, — уверена, они бы напугали тебя до полусмерти. Зато, по контрасту с ними, я смотрюсь еще лучше, поэтому я пригласила их сопровождать меня в Лондон, где я окажусь, вероятнее всего, недели через две. Кроме этих двух «очаровательных» особ живет здесь маленькая веселая обезьянка — по-видимому, их родственница. Они рассказали мне, кто она такая, и даже поведали длинную слезливую историю о ее отце и некой загадочной мисс, чье имя я в ту же минуту забыла. Терпеть не могу сплетен и на дух не переношу детей. С тех пор как я здесь, нам каждодневно наносят визиты какие-то местные недоумки с ужасающими, труднопроизносимыми шотландскими фамилиями. Они так любезны, так настойчиво приглашают к себе и обещают прийти снова, что я не удержалась и высказала им все, что о них думаю. Хочется надеяться, что больше я их не увижу. Впрочем, и в замке меня окружают личности столь нелепые, что просто ума не приложу, чем бы заняться. У этих девиц имеются ноты только шотландских мелодий, рисуют они только шотландские горы, читают только шотландские стихи — я же ненавижу

все шотландское. В принципе, я могу полдня с удовольствием заниматься своим туалетом, но скажите, с какой стати мне наряжаться в этом доме, ведь здесь нет ни одного человека, которому бы я хотела понравиться?! Только что у меня произошел разговор с моим братом, в котором он грубо меня оскорбил и подробности которого, коль скоро писать больше не о чем, хочу тебе сообщить. Знай же, что уже дней пять назад я заподозрила Уильяма в том, что он проявляет несомненный интерес к моей старшей падчерице. Откровенно говоря, будь я мужчиной, я бы в жизни не влюбилась в такую, как Матильда Лесли, — что может быть хуже крупных женщин! Но коль скоро вкусы мужчин неисповедимы, да и сам Уильям без малого шести футов росту, нет ничего удивительного в том, что девушка таких размеров пришлась ему по вкусу. А поскольку я прекрасно отношусь к своему брату и очень бы не хотела видеть его несчастным, каковым он наверняка будет себя считать, если не женится на Матильде, и поскольку я знаю, что его обстоятельства не позволят ему жениться на девушке без наследства, Матильда же целиком зависит от своего отца, который, насколько мне известно, не намерен — во всяком случае, теперь и без моего

разрешения — ничего ей давать, — я сочла, что с моей стороны было бы благородно изложить брату все эти доводы, чтобы он сам решил, что ему лучше: подавить в себе эту страсть либо заплатить за любовь страданиями. И вот, оказавшись сегодня утром с ним наедине в одной из жутких, старых комнат этого замка, я повела с ним откровенный разговор и начала так:

— Ну-с, мой дорогой Уильям, что ты думаешь об этих двух девицах? Они оказались гораздо миловиднее, чем я думала. Впрочем, ты сочтешь, что я пристрастна к дочерям своего мужа, и, наверно, будешь прав… Они и в самом деле так похожи на сэра Джорджа…

— Дорогая Сьюзен! — вскричал он, не скрывая своего изумления. — Неужели ты и в самом деле полагаешь, что у них есть хотя бы малейшее сходство со своим отцом?! Он ведь так нехорош собой!.. Ой, прости меня… Я совершенно забыл, с кем говорю…

— Пожалуйста, не извиняйся, — ответила я. — Всему миру известно, что сэр Джордж чудовищно уродлив. Уверяю тебя, я тоже всегда считала его безобразным.

— В отношении сэра Джорджа и его дочерей, — возразил Уильям, — ты говоришь удивительные

вещи. В самом деле, не можешь же ты и вправду считать своего мужа таким уродом? Не верится также, чтобы ты действительно усматривала сходство между ним и обеими мисс Лесли, — по-моему, они совершенно на него не похожи и замечательно красивы.

— Даже если ты считаешь сестер красавицами, это вовсе не доказательство того, что красив и их отец, ведь если они абсолютно на него не похожи и при этом очень красивы, то получается, что он крайне невзрачен, не так ли?

— Вовсе нет, — ответил Уильям. — Ведь то, что красиво в женщине, в мужчине может быть отталкивающим.

— Но ведь ты же сам, — возразила я, — всего несколько минут назад сказал, что собой он очень дурен.

— О мужской красоте мужчины судить не в состоянии! — воскликнул он.

— Нет на свете такого мужчины и такой женщины, которые бы сказали, что сэр Джордж хорош собой.

— Что ж, — сказал он, — не будем больше спорить о его внешности. То же, что ты думаешь о его дочерях, и в самом деле странно. Если я тебя правильно понял, ты сказала, что они оказались

миловиднее, чем ты думала, не правда ли?

— А что, по-твоему, это не так?

— Мне кажется, что ты шутишь, когда говоришь о них такое. Неужели ты и впрямь не считаешь, что сестры Лесли очень красивые молодые женщины?

— О боже! Конечно нет! — вскричала я. — Я считаю их ужасными дурнушками!

— Дурнушками? — искренне удивился он. — Моя дорогая Сьюзен, прости, но это сущий вздор! Скажи, что именно тебе не нравится в их внешности?

— Нет ничего проще, — ответила я. — Давай начнем со старшей, с Матильды. Ты не передумал, Уильям? — И я хитро посмотрела на него, ибо мне хотелось его пристыдить.

— Они так похожи друг на друга, — сказал он, — что, по всей видимости, недостатки одной являются недостатками обеих.

— Так вот, начну с того, что обе они несообразно высокого роста!

— Во всяком случае, выше тебя, — сказал он с ядовитой улыбочкой.

— Не знаю, — сказала я, — мне это не бросилось в глаза.

— Хотя они, — продолжал он, — и в самом де-

ле выше среднего роста, и та и другая отлично сложены… И потом, ты не можешь не признать, глаза у них очень красивые.

— Про женщин подобных статей я бы никогда не сказала «отлично сложены». Что же до их глаз, то обе они такого исполинского роста, что мне пришлось бы встать на цыпочки, чтобы выяснить, красивые у них глаза или нет.

— Что ж, — ответил он, — может, и хорошо, что ты не стала вставать на цыпочки, — блеск их глаз мог бы тебя ослепить.

— Не то слово, — сказала я недрогнувшим голосом, ибо, поверь мне, моя дорогая Шарлотта, я ничуть не обиделась, хотя из того, что последовало, можно заключить, что Уильям с самого начала делал все возможное, чтобы меня обидеть. Подойдя ко мне и взяв меня за руку, он сказал:

— У тебя такой мрачный вид, Сьюзен, что мне кажется, я тебя обидел!

— Обидел?! Меня?! Дорогой брат, как ты только мог подумать такое?! — отпарировала я. — Вовсе нет! Уверяю тебя, я ничуть не удивлена, что ты столь рьяный ценитель красоты этих девушек…

— Имей в виду, — перебил меня Уильям, — наш спор о них еще не закончился. Что, скажи на милость, тебя не устраивает в их цвете лица?

— Они обе бледны, как привидения!

— Вот уж нет! Щеки у них всегда розовые, а после прогулки румянец еще ярче.

— Да, но когда идет дождь, а идет он в этой части света каждые полчаса, им остается лишь бегать взад-вперед по этим жутким, ветхим галереям, отчего особенно не раскраснеешься.

— Что ж, — ответил мой братец, не скрывая раздражения и глядя на меня сверху вниз, — даже если им и не хватает румянца, румянец этот, по крайней мере, не искусственный.

Это было уж слишком, дорогая Шарлотта. Я сразу же поняла, на что он намекал. Но ты-то знаешь, ты ведь не раз была свидетелем того, как часто я противилась румянам и сколько раз я говорила тебе, что терпеть их не могу. Я и сейчас отношусь к ним точно так же… Так вот, не желая выслушивать всю эту клевету, я немедленно вышла из комнаты и, запершись в своей комнате, села писать тебе это письмо. Какое же оно получилось длинное! Когда я вернусь в Лондон, не жди от меня столь же пространных посланий: писать письма, пусть даже Шарлотте Латтрелл, есть время только в замке Лесли! Издевательский взгляд Уильяма стоял у меня перед глазами, поэтому я никак не могла заставить себя дать ему совет

относительно его увлечения Матильдой, отчего, собственно, я и завела сегодня этот разговор. Теперь же у меня не осталось никаких сомнений, что он питает к ней безумную страсть, а потому я не стану впредь приставать с советами ни к нему, ни к его пассии.

Прощайте, моя дорогая.

Искренне Ваша

Сьюзен Л.

Письмо седьмое

Мисс Ш. Латтрелл — мисс М. Лесли
Бристоль, 27 марта

Письма, которые я получила на этой неделе от тебя и от твоей мачехи, очень меня повеселили: вы обе, я вижу, ужасно завидуете красоте друг друга. Как странно, что две хорошенькие женщины, да еще мать и дочь, и дня не могут прожить под одной крышей, не испытывая взаимной ревности. Пойми: вы обе очень красивы, и довольно об этом. Вероятно, письмо это следует послать по адресу «Портмен-сквер», куда, надо полагать, вы уже приехали, о чем ты (как бы ни была велика твоя любовь к замку Лесли) наверняка ничуть не жалеешь. Что бы там ни говорили об изумрудной зелени полей и живописных сельских пейзажах, я всегда придерживалась того мнения, что Лондон с его развлечениями, должно быть, не так уж и плох, если оставаться в нем ненадолго, а потому была бы очень счастлива, если бы матушкин доход позволял привозить нас зимой в столицу. Больше же всего мне всегда хотелось попасть в Воксхолл, чтобы увидеть собственными глазами, в самом ли деле там, как нигде, умеют тонко

нарезать холодную говядину. Сказать по правде, у меня есть подозрение, что мало кто умеет резать холодную говядину так, как это делаю я; а впрочем, было бы странно, если б после стольких усилий с моей стороны я этим искусством не овладела. Матушка всегда считала своей лучшей ученицей меня; батюшка же, покуда был жив, предпочитал Элоизу. И то сказать, более разных характеров, чем у нас с сестрой, не бывает. Мы обе любили читать, однако она предпочитала труды по истории, а я — кулинарные рецепты. Она любила рисовать, а я — ощипывать кур. Никто не мог лучше спеть песню, чем она; точно так же, как никто не может лучше испечь пирог, чем я… И так продолжалось до тех пор, пока мы не повзрослели. Изменилось только одно: всегдашние споры о том, чьи занятия предпочтительнее, более не ведутся. Мы уже давно договорились восхищаться занятиями друг друга; я всегда с удовольствием слушаю ее пение, она с не меньшим удовольствием поедает мои пироги. Так, во всяком случае, обстояло дело до того дня, когда в Сассексе объявился Генри Гарви. Прежде чем его тетушка обосновалась в наших краях, куда она, как тебе известно, переехала около года назад, его визиты к ней случались не часто, да и

продолжались не слишком долго. Когда же она переехала в Холл, который находится неподалеку от нашего дома, визиты эти сделались куда более частыми и продолжительными. Это, как ты догадываешься, не могло понравиться миссис Диане, которая является заклятым врагом всего, что не благопристойно, всего того, что не соответствует правилам хорошего тона. Она была настолько недовольна поведением своего племянника, что я сама слышала, как она бросала ему в лицо такие обвинения, которые, не разговаривай он в эти минуты с Элоизой, наверняка бы очень его расстроили. В это время и произошли изменения в поведении моей сестры, о которых я вскользь упомянула. С этих пор она больше не соблюдала нашего с ней договора восхищаться трудами друг друга, и, хотя я, со своей стороны, с готовностью аплодировала любому сельскому танцу, который она исполняла, даже ее любимый пирог с голубятиной, мною испеченный, не вызывал у нее ни единого слова одобрения. Этого, конечно, было достаточно, чтобы вывести из себя любого, однако я оставалась хладнокровной, как заварной крем, и, замыслив отомстить, преисполнилась решимости молчать и ни в чем ее не упрекать. Мой план мести состоял в том, чтобы вести себя

с сестрой точно так же, как и она со мной, и, даже если она напишет мой портрет или сыграет Мальбрука (единственную мелодию, которая мне по-настоящему нравилась), сказать ей всего лишь: «Спасибо, Элоиза». И это при том, что много лет подряд, что бы она ни играла, я то и дело выкрикивала: «Bravo, Bravissimo, Encore, Da capo, Allegretto, Con expressione и Poco presto», а также многие другие чужеземные слова, которые, как уверяет Элоиза, выражают восхищение. Вероятно, так оно и есть; некоторые из них я вижу на каждой странице нотных альбомов — в этих словах, надо полагать, выразились истинные чувства композитора.

Свой план я осуществляла со всей дотошностью. Не могу сказать, что с успехом, ибо (увы!) молчание мое, когда она играла, как видно, ничуть ее не огорчало; напротив, однажды она даже сказала мне: «Знаешь, Шарлотта, я очень рада, что ты наконец отказалась от странной привычки то и дело аплодировать, когда я играю на клавесине. У меня от твоих аплодисментов и восторженных выкриков болит голова, да и у тебя самой начинает першить в горле. Очень тебе благодарна за то, что свое восхищение ты теперь держишь при себе».

Никогда не забуду своего весьма остроумного ответа. «Элоиза, — сказала я, — прошу тебя, не беспокойся. Впредь я всегда буду держать свое восхищение при себе и никогда не стану распространять его на тебя».

Это была самая резкая фраза из всех, какие я себе позволила. Нельзя сказать, что прежде я ни разу не испытывала желания съязвить, но тут — кажется, впервые в жизни — я не сдержалась.

По-моему, не было еще на свете двух молодых людей, что испытывали друг к другу большее чувство, чем Генри и Элоиза. Любовь твоего брата к мисс Бертон, возможно, и была более страстной, но уж никак не более сильной. А потому можешь себе представить, в какое состояние пришла моя сестра, когда он сыграл с ней такую шутку. Бедняжка! Она до сих пор с удивительным постоянством оплакивает его смерть, а ведь прошло уже больше полутора месяцев! Что ж, бывают люди, которые переживают подобные невзгоды тяжелее других… Из-за потери любимого она сделалась так слаба и чувствительна, что сегодня все утро проплакала только оттого, что расстается с миссис Марло, которая, вместе со своим мужем, братом и сыном, покидает Бристоль. Я, кстати, тоже огорчена, что они уезжают, ведь

это единственная семья, с которой мы здесь сошлись, однако лить по этому поводу слезы у меня и в мыслях не было. Надо, впрочем, признать, что Элоиза и миссис Марло много проводили времени вместе, друг к другу привязались, а потому их слезы при расставании понять можно. Чета Марло направляется в Лондон, Кливленд их сопровождает. Ни я, ни Элоиза не можем за ними последовать — остается надеяться, что тебе и Матильде повезет больше. Когда придет наш черед покинуть Бристоль, сказать пока трудно: Элоиза по-прежнему хандрит и никуда ехать не хочет, а между тем ее пребывание здесь не пошло ей впрок. Надеюсь, что через пару недель наши планы прояснятся.

Пока же остаюсь и пр.

Твоя Шарлотта Латтрелл

Письмо восьмое

Мисс Латтрелл — миссис Марло
Бристоль, 4 апреля

Очень обязана Вам, моя дорогая Эмма, за предложение переписываться, каковое предложение, льщу себя надеждой, следует воспринимать как свидетельство Вашей любви. Хочу Вас заверить, что переписываться с Вами для меня большая радость, и, насколько мне позволят здоровье и настроение, Вы найдете во мне постоянного и надежного корреспондента. Обещать, однако, что мои письма Вас развлекут, не могу: Вы достаточно хорошо знаете мою ситуацию, чтобы понимать: веселье мое было бы сейчас неуместно, да и неестественно. Ожидать от меня новостей не приходится: мы никого не видим и мало чем интересуемся. Не ждите от меня и сплетен, ибо по той же самой причине они до нас не доходят, а сочинять их мы не умеем… Словом, ждать от меня можно лишь тоскливых излияний разбитого сердца, что постоянно вспоминает недолгое счастье, выпавшее на его долю, и тяжко переносит нынешнее свое прозябание. Возможность писать Вам, говорить с Вами о моем безвозвратно

потерянном Генри будет для меня несказанным счастьем — Вы же, при Вашей доброте, никогда, я знаю, не откажетесь прочесть те строки, написание которых так облегчило мое сердце. Прежде мне казалось, что заиметь друга, а вернее, подругу, которой я могла бы излить душу (моя сестра не в счет), никогда не будет предметом моих желаний. Как же я ошибалась! Шарлотта слишком поглощена перепиской сразу с двумя близкими подругами, чтобы уделить внимание мне, и, надеюсь, Вы не сочтете мои слова по-девичьи восторженными, если я скажу, что уже давно мечтала завести ласковую и сострадательную подругу, которая бы выслушивала мои печальные истории, не пытаясь меня утешить, когда знакомство с Вами, близость, которая воспоследовала, и совершенно исключительное внимание, которое Вы мне уделили, позволили мне тешить себя надеждой, что интерес ко мне со временем перерастет в дружбу, которая, если только я не обманусь в своих чаяниях, явится величайшим счастьем, выпавшим на мою долю. Обнаружить, что подобные надежды сбылись, — это и в самом деле огромная и, пожалуй, единственная на сегодняшний день радость моей жизни. Я так слаба, что, будь Вы со мной, Вы бы наверняка уговорили

меня прекратить писать, что, дабы на деле доказать Вам свою любовь, я и делаю.

Остаюсь, моя дорогая Эмма,
Вашим искренним другом.
Э. Л.

Письмо девятое

Миссис Марло — мисс Латтрелл
Гроснор-стрит, 10 апреля

Нужно ли говорить, моя дорогая Элоиза, как рада была я Вашему письму? Чтобы доказать, какое удовольствие я получила, читая его, а также в подтверждение своего самого искреннего желания сделать нашу переписку постоянной и регулярной, я отвечаю на Ваше письмо еще до конца недели, чем, хочется надеяться, подаю Вам пример… Не подумайте только, что скорый ответ — следствие моей пунктуальности и что я напрашиваюсь на комплимент. Вовсе нет, уверяю Вас. Для меня куда большее удовольствие писать Вам, чем провести вечер на концерте или на балу. Мистер Марло настаивает, чтобы я каждый вечер появлялась в свете, и мне не хочется ему отказывать. Вместе с тем я так люблю сидеть по вечерам дома, что, помимо радости, какую я испытываю всякий раз, когда уделяю время моей дорогой Элоизе, любая возможность (которой, впрочем, я никогда не злоупотребляю) остаться дома под предлогом написания письма или общения с моим малышом является для меня огромным

удовольствием. Что же до Ваших писем, мрачных или веселых, то если они заботят Вас, они тем самым будут столь же интересны и мне. Поверьте, я вовсе не считаю, что если Вы постоянно будете делиться со мной Вашими горестями, то они от этого только преумножатся, и что с Вашей стороны было бы благоразумнее избегать столь печальной темы. Больше того: зная, как никто другой, какое утешение и даже удовольствие Вы испытываете, когда делитесь со мной своими грустными мыслями, я не вправе лишать Вас этого отдохновения и хотела бы просить лишь об одном: не ждите, что в своих ответных письмах я буду настраивать Вас на грустный лад; напротив, я намереваюсь наполнить их таким искрометным остроумием и непосредственным юмором, что надеюсь даже вызвать мимолетную улыбку на прелестном, хоть и печальном лике моей Элоизы.

Довожу до Вашего сведения, что уже дважды за время своего пребывания здесь я встречала трех приятельниц Вашей сестры — леди Лесли и двух ее падчериц. Понимаю, Вам не терпится поскорее узнать мое мнение о красоте трех дам, о которых Вы столько слышали. Так вот, поскольку сейчас Вы слишком больны и слишком несчастны,

чтобы возгордиться, спешу сообщить Вам, что ни одна из трех не сравнится с Вами. При этом каждая из них по-своему красива. Леди Лесли я вижу не впервые; что же до дочерей ее мужа, то расхожее мнение света сочло бы, наверное, их более привлекательными. Вместе с тем, если принять во внимание прелестный цвет лица, некоторую претенциозность и отлично подвешенный язык (в чем леди Лесли, несомненно, имеет преимущество перед этими юными дамами), она, смею Вас уверить, вправе рассчитывать на большее число поклонников, чем более хорошенькие Матильда и Маргарет. Думаю, Вы со мной согласитесь, что ни одна из них не может считаться истинной красавицей, если я скажу Вам, что обе юные леди гораздо выше нас с Вами, тогда как их мачеха гораздо ниже. Несмотря на этот недостаток (а вернее, благодаря ему), в фигурах обеих мисс Лесли есть что-то благородное и величественное, а в облике их хорошенькой, миниатюрной мачехи что-то удивительно живое и свежее. Однако при всем благородстве двух первых и живости последней в лицах всех трех не сыщешь поистине колдовского очарования, отличающего мою Элоизу; очарования, которое из-за ее нынешней вялости меньше отнюдь не

становится. Интересно, что бы сказали о нас мой муж и брат, если б знали, сколько комплиментов я наговорила в этом письме? Если одна женщина говорит про другую, что та хороша собой, то мужчины почему-то подозревают, что женщина эта — либо ее злейший враг, либо она пытается ей угодить. Насколько женщины в этом отношении добросердечнее мужчин! Один мужчина может сколько угодно расхваливать другого, а нам никогда даже в голову не придет, что ему за это платят, и, если только он отдает должное слабому полу, нам совершенно безразлично, как он ведет себя по отношению к сильному.

Мои самые лучшие пожелания миссис Латтрелл и моей дорогой Шарлотте. Вам же от всего сердца желает поскорей поправиться и воспрять духом

любящая Вас
Э. Марло

P. S. Боюсь, это письмо не может служить веским доказательством моего остроумия, и Ваше мнение о моих способностях не станет более благосклонным, даже если я поклянусь, что развлекала Вас изо всех сил.

Письмо десятое

Мисс Маргарет Лесли — мисс Шарлотте Латтрелл

Портмен-сквер, 13 апреля

Моя дорогая Шарлотта,

28 марта сего года мы покинули замок Лесли и спустя семь дней благополучно прибыли в Лондон. По приезде я обнаружила письмо от тебя, за что горячо тебе благодарна. Ах, дорогая моя подруга! С каждым днем я все больше тоскую по простым и скромным удовольствиям замка, который мы покинули ради сомнительных развлечений этого хваленого города. Я вовсе не хочу сделать вид, будто эти сомнительные развлечения мне крайне неприятны; напротив, мне они очень нравятся и понравились бы еще больше, не будь я уверена, что всякое мое появление в свете еще больше смущает те несчастные существа, чья тайная страсть ко мне не может не вызвать у меня жалость, хотя и не в моей власти отвечать им взаимностью. Иными словами, моя дорогая Шарлотта, искреннее сочувствие страданиям столь многих молодых людей, неприятие того поистине безудержного восхищения, с каким я

здесь сталкиваюсь и в свете, и в частных встречах, и в газетах, и в типографиях, не позволяют мне в полной мере наслаждаться многообразными и приятнейшими лондонскими развлечениями. Как часто приходилось мне жалеть о том, что я красивее тебя, что у меня лучше фигура, правильнее черты лица! Как часто мне хотелось, чтобы я была так же нехороша собой, как и ты! Но увы! Шансов подурнеть у меня мало. Я уже перенесла оспу, а потому приходится подчиняться своей несчастной судьбе!

А сейчас, дорогая моя Шарлотта, я должна посвятить тебя в тайну, которая уже давно нарушает мой покой и которую я буду просить тебя ни под каким видом никому не выдавать. В прошлый понедельник мы с Матильдой были приглашены вместе с леди Лесли на прием, который давала достопочтенная миссис Стой. Сопровождал нас мистер Фицджеральд, в целом очень славный молодой человек, хотя и с некоторыми причудами — он влюблен в Матильду. Не успели мы поприветствовать хозяйку дома и сделать реверанс многочисленным гостям, когда внимание мое привлек совершенно обворожительный молодой человек, который в это самое время входил в залу вместе с джентльменом и леди. Стоило

мне встретиться с ним глазами, как я сразу же поняла, что только от него зависит счастье всей моей жизни. Каково же было мое изумление, когда молодой человек представился Кливлендом, и я тут же признала в нем брата миссис Марло и бристольского знакомого моей Шарлотты. Джентльмен и леди, которые его сопровождали, и были мистером и миссис Марло. (Кстати, ты ведь не считаешь миссис Марло красавицей, не правда ли?) Изящное обращение мистера Кливленда, его изысканные манеры и прелестный поклон подтвердили, что я в своих чаяниях нисколько не ошиблась. Он молчал, но я вообразила себе, что бы он сказал, если бы раскрыл рот. Я с легкостью представила себе блестящее воспитание, благородные чувства и ясность мысли, коими бы он блеснул, завяжись между нами беседа. Однако приближение сэра Джеймса Гоуэра (одного из моих многочисленных поклонников) меня отвлекло, лишив тем самым возможности обнаружить в моем кумире все эти достоинства, ибо положило конец разговору, который так и не успел начаться. Ах, знала бы ты, сколь ничтожны достоинства сэра Джеймса в сравнении с его соперником, коего он мгновенно и мучительно ко мне приревновал. Сэр Джеймс — один из наших

самых частых гостей, редко случается прием, на котором его нет. С того памятного вечера мы постоянно встречались с мистером и миссис Марло, однако Кливленда больше не видали ни разу — он, как назло, всякий раз оказывается ангажирован. Миссис Марло до смерти утомляет меня своими скучными разговорами о тебе и Элоизе. Она так глупа! Сегодня вечером мы идем к леди Фламбо: она дружит с семейством Марло, и я живу надеждой встретить у нее неотразимого брата миссис Марло. Будут леди Лесли, Матильда, Фицджеральд, сэр Джеймс Гоуэр и я. Сэра Джорджа мы видим теперь редко — почти каждый вечер он просиживает за ломберным столом. Ах, бедная моя Фортуна! Где ты? Где искать тебя? Зато теперь мы гораздо чаще видим леди Л. — она неизменно появляется (сильно нарумяненная!) к ужину. Увы! Не хочется даже думать о том, в каких изумительных украшениях она явится к леди Фламбо! И все же я не могу постичь, какое ей-то удовольствие от этих драгоценностей?! Не может же она сама не чувствовать, сколь нелепо выглядят огромные драгоценные камни на ее крошечной шейке! Неужто она не понимает, что даже самые роскошные украшения — ничто в сравнении с изысканной простотой?! Если б

только она согласилась подарить эти бесценные драгоценности Матильде и мне! Как мы были бы ей обязаны! Как пошли бы брильянты нашим статным, величественным фигурам! И как странно, что простая эта мысль не приходит ей в голову! Задумайся об этом я — и справедливость давно бы восторжествовала! Всякий раз, когда я вижу леди Лесли в этих драгоценностях, мне эти мысли непременно приходят в голову. А ведь это драгоценности моей покойной матушки! Но не буду больше об этом — слишком грустная материя! Давай-ка я лучше тебя повеселю. Сегодня утром Матильда получила письмо от Лесли: представь, он в Неаполе, стал католиком, сам Папа своей буллой аннулировал его первый брак, и он женился на знатной и богатой неаполитанке. Он пишет, что примерно то же самое произошло с его первой женой, бессовестной Луизой. Она, только вообрази, тоже в Неаполе, приняла, как и он, католичество и собирается замуж за неаполитанца благородной крови. Пишет, что они совершенно помирились, дружат, простили друг другу былые обиды и собираются в будущем стать добрыми соседями. Он приглашает Матильду и меня приехать к нему в Италию и просит привезти ему крошку Луизу, которую очень хотят

увидеть и ее мать, и мачеха, и он сам. Примем мы его приглашение или нет, пока неизвестно. Леди Лесли советует нам ехать, не теряя времени. Фицджеральд предлагает нас сопровождать, однако у Матильды на этот счет есть кое-какие сомнения. Впрочем, и она признает, что путешествие может оказаться весьма приятным. Я убеждена: Фицджеральд ей нравится. Отец же не хочет, чтобы мы торопились, он говорит, что, если мы подождем несколько месяцев, леди Лесли и он с удовольствием составят нам компанию. Леди Лесли, однако, ехать наотрез отказывается. Развлечения в Брайтельмстоуне она никогда не променяет на путешествие в Италию. Да и было бы ради чего! «Нет, — говорит эта нехорошая женщина, — я уже однажды по глупости отправилась в путешествие за много сотен миль от Лондона, чтобы познакомиться со своими падчерицами, но они мне, прямо скажем, не обрадовались. А потому пусть меня дьявол разберет, если я еще хоть раз совершу подобную глупость!» Так считает ее светлость, однако сэр Джордж по-прежнему твердит, что через месяц-другой они, возможно, к нам присоединятся.

Прощай же, моя дорогая Шарлотта.

Преданная тебе

Маргарет Лесли